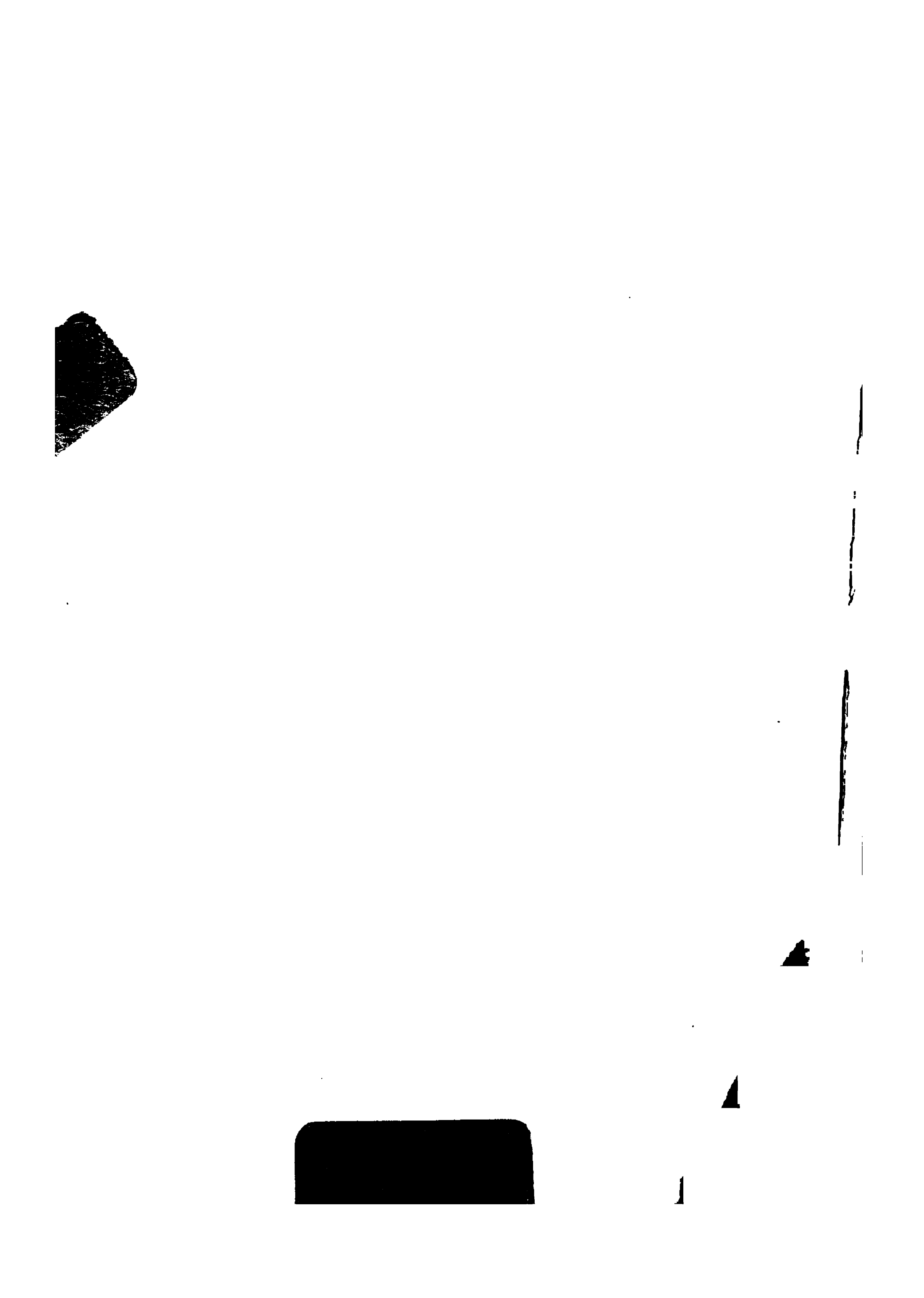


БИБЛІОТЕКА „СѢВЕРА“.

C. L. del.

J. ENGBERG

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Д. Л. Мордовцева.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Д. Л. Мордовцева.

I.

НАШЪ ОДИССЕЙ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

II.

СИЛА ВѢРЫ

БЫЛЬ.

ТОМЪ IX.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Н. Ѳ. Мертца
1901.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 30-го апрѣля 1901 г.

Типографія „В. С. Балашевъ и К°". Спб., Фонтанка, 95.

Нашъ Одиссей.

I.

Бѣгство изъ плѣна.

Это было въ послѣдній годъ прошлаго столѣтія.

Въ бурную, дождливую лѣтнюю ночь, въ Марсели, когда весь городъ спалъ, и даже часовой на башнѣ замка, обхвативъ руками ружье и прислонясь спиной къ стѣнѣ подъ навѣсомъ широкаго каменнаго крыльца, то тыкался носомъ въ колѣни, то вскидывалъ назадъ сонную голову въ тяжеломъ киверѣ,—въ это самое время, подъ этою самою башнею, къ морскому берегу торопливо и осторожно прокрадывались какія-то тѣни.

Если-бы часовой не спалъ и если-бы порывы горнаго вѣтра съ дождемъ не заглушали шаговъ пробиравшихся къ морю тѣней, то онъ услыхалъ-бы осторожный, взволнованный говоръ этихъ тѣней, и говоръ на незнакомомъ ему языкѣ.

Говорили по-русски.

— Я, ваше благородіе, и ковшикъ захватилъ.

— Зачѣмъ онъ тебѣ?

— А водицы придется испить въ морѣ, ваше благородіе.

— Что ты! Да развѣ морскую воду можно пить?

— А какъ-же, ваше благородіе?

— Да она горькая и соленая: ее и скотина не пьетъ.

— Какъ-же мы-то, ваше благородіе? Что-же мы будемъ пить въ морѣ? У меня и семинуту въ горлѣ пересохло.

— Да онъ все припасъ—и харчей положилъ, и боченокъ воды въ лодку вкатилъ.

— Ну, слава Богу, ваше благородіе. Хоша они и собаки, а вотъ нашелся-же добрый человѣкъ.

Таинственныя тѣни были уже у самаго моря. Если бычасовой не спалъ, то, при свѣтѣ на мгновенье выглянувшей изъ-за тучъ луны, онъ различилъ-бы, что на берегу моря конопшилось тѣней двадцать, а то и всѣ тридцать.

Тамъ, въ затишьи гранитной набережной, чернѣлась большая рыбацкая лодка, и въ нее-то торопливо усаживались таинственные люди. Послѣдній изъ нихъ, отвязавъ лодку отъ желѣзнаго кольца набережной, самъ быстро вскочилъ въ нее, сѣлъ у руля, и лодка съ помощью восьми веселъ, словно огромная черная птица, заныряла въ волнахъ, то вскакивая на гребень валовъ, то исчезая за ними. Сѣверный вѣтеръ все болѣе и болѣе уносилъ ее отъ берега.

Впереди ничего не было, кромѣ непрогляднаго мрака бурной южной ночи, да слышенъ былъ шумъ моря, а позади, уже на довольно далекомъ разстояніи, кое-гдѣ мерцали огоньки: то Марсель глядѣла на удалявшуюся лодку и, казалось, недружелюбно слѣдила за таинственными бѣглецами.

Это и были бѣглецы, взятые въ плѣнъ французами 10-го сентября 1799 года въ битвѣ при Цюрихѣ и заключенные въ марсельскій замокъ.

Случай помогъ имъ бѣжать изъ плѣна. Но куда бѣжать? На французской землѣ ихъ поймаютъ. Оставалось только море—и этому бурному морю бѣглецы ввѣрили свою жизнь.

Бѣглецы усердно работали на веслахъ, и когда одни гребцы уставали, ихъ тотчасъ-же замѣняли другіе, и ревнивые огоньки, слѣдившіе за ними съ берега, какъ глаза враговъ, съ каждымъ часомъ мигали все слабѣе и слабѣе, и только одинъ громадный глазъ, необыкновенно ярко мигавшій, казалось, кричалъ бѣглецамъ въ шумѣ вѣтра съ моря: „я все вижу! отъ меня не уйдете!“

Этотъ страшный глазъ былъ—рефракторъ маяка.

— Ваше благородіе! а до нашего моря еще далече?—прервалъ общее молчаніе голосъ того, что позаботился захватить съ собой ковшикъ.

— До какого до нашего?—спросилъ тотъ, что сидѣлъ у руля.

— Да наше море, ваше благородіе, что въ Астрахани.

— Какой ты, братецъ, Петровъ, дуракъ,—былъ отвѣтъ.

— Точно такъ-съ, ваше благородіе!

И опять ничего не слышно, кромѣ шума моря.

Такъ прошла вся ночь. Къ утру облака куда-то угнало вѣтромъ и небо очистилось. Безпредѣльность и угрюмость моря стала явственнѣе: и прямо, куда неслась жалкая лодка, и вправо, и влѣво—ничего кромѣ воды и неба. Только тамъ, откуда бѣжала лодка, у самаго горизонта выползали изъ моря прибрежныя горы да чуть-чуть бѣлѣлись какія-то зданія. То была Марсель.

Вскорѣ на востокѣ показалась розовая полоса, которая разгоралась все болѣе и болѣе, и когда багровое солнце медленно выплыло изъ моря, то и послѣдняя узкая линія земли, вмѣстѣ съ Марселью, погрузилась въ море.

Солнце освѣтило усталыя и угрюмыя лица пловцовъ.

У руля сидѣлъ мужчина лѣтъ за пятьдесятъ. Въ давно небритой бородѣ и на курчавой головѣ, чорныхъ какъ вороново крыло волосъ, уже извивались серебряныя нити сѣдины. Смуглое, мужественное лицо изобличало его родину: это былъ чистый кавказскій типъ—типъ горца. Чорные глаза его теплились необыкновеннымъ добродушіемъ.

Тотъ, что утащилъ изъ крѣпости ковшикъ для морской воды, былъ чистѣйшій типъ русака изъ среднихъ или сѣверныхъ губерній—съ нѣсколько вздернутымъ носомъ, какимъ-то расплывающимся профилемъ, точно скудная русская природа не осилила додѣлать ему профиль, выточить его. Это былъ рослый и широкоплечій дѣтина, рыжеватый, весь въ веснушкахъ, съ густою гривою нечесанныхъ никогда волосъ и съ дѣтски-невиннымъ выраженіемъ сѣрыхъ глазъ.

— А что, ваше благородіе,—обратился онъ къ сидѣвшему у руля:—мы, кажись, маху дали.

— Какъ маху дали?—встрепенулся тотъ.

— Да кажись бытто не туда попали.

— Почему не туда?

— Да какъ-же-съ, ваше благородіе! Вѣдь мы скоро объ небо стукнемся. Не лучше-ли намъ держать назадъ, ваше благородіе? Тутъ дальше ходу нѣту.

— Что ты мелешь? Рехнулся, что-ли, со страху?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше благородіе! Я не трусъ. У меня Ягорій, да только собаки французы его отняли, какъ меня въ страженіи пришибло.

— Правда, я самъ знаю, что ты храбрый и умный солдатъ,—согласился сидѣвшій у руля:—а теперь вотъ вздоръ мелешь.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе! извольте сами посмотрѣть: конецъ свѣта—рукой подать; скоро объ небо стукнемся.

Добрякъ никогда не бывалъ въ открытомъ морѣ, и теперь опускавшійся, казалось, въ воду горизонтъ онъ принялъ за конецъ свѣта.

Сидѣвшій у руля оглянулся назадъ и, не видя за собой даже отдаленныхъ признаковъ земли, перекрестился.

— Слава Богу!—сказалъ онъ крестясь:—вотъ мы и на волѣ.

— Слава Богу!—повторили другіе.

— Хвала Богу и громовнику Иліи!—отозвались третьи.

— Ну, а теперь, братцы, пора и передохнуть немножко и ѣдой подкрѣпиться,—продолжалъ сидѣвшій у руля,—а тамъ подумаемъ, куда намъ дальше плыть. Положите весла, братцы,—обратился онъ къ гребцамъ,—пускай немножко посохнутъ.

Казалось, онъ былъ главою этой таинственной группы бѣглецовъ. Гребцы вынули весла изъ воды и положили къ сторонѣ.

— Кто изъ васъ, братцы, умѣетъ править лодкой?—спросилъ рулевой.

— Я, господине, я!—отозвалось нѣсколько голосовъ:—море—наша майка.

— Ну, такъ который-нибудь возьмите руль.

Къ рулю подошелъ горбоносый и смуглый молодецъ, по типу напоминавшій черногорца или иллирійца. Онъ взялъ руль и умѣлою рукою сталъ править лодку прямо на полдень. А тотъ, который прежде сидѣлъ у руля и котораго называли „господиномъ“ и „ваше благородіе“, открылъ небольшую дверцу въ носовой части палубы и вынулъ оттуда мѣшокъ съ провизіей. Развязавъ мѣшокъ, онъ сталъ вынимать оттуда небольшіе продолговатые хлѣбцы и раздавать своей командѣ.

— Дня на три хватитъ,—сказалъ онъ, приподнимая мѣшокъ одною рукой:—а тамъ какъ Богу будетъ угодно: можетъ и пристанемъ къ какой-нибудь землѣ.

— Только-бы, ваше благородіе, не къ собакамъ французамъ,—проворчалъ рыжеватый, уписывая свою порцію хлѣба.—А хлѣбъ отъ у собакъ важный,—не чета нашимъ сухарямъ съ хрустомъ да съ плѣсенью.

— Такъ-то такъ, братъ, Петровъ—задумчиво отвѣчалъ „господинъ“:—хлѣбъ хорошій, бѣлый, а все-же вотъ мы отъ французскаго бѣлаго хлѣба бѣжимъ къ черному русскому сухарю съ плѣсенью.

— Оно точно, ваше благородіе...

Хотя отъ ночной бури не осталось и слѣда, однако съ сѣвера продолжалъ дуть ровный вѣтеръ и лодку качало порядочно. На общемъ совѣтѣ порѣшили поднять парусъ, чтобъ и качки избѣжать, и силы гребцовъ сберегать на всякій случай—на случай полнаго штиля.

— Кто умѣетъ управлять парусомъ? -спросилъ „господинъ“.

— Я, господине, умѣвамъ правити,—отозвался горбоносый:—я био рыбаремъ у свомъ землѣ.

Дѣйствительно, горбоносый взялъ парусъ въ свое управленіе; парусъ надулся и лодка помчалась быстро по волнамъ, силою ровнаго хода уменьшая силу качки.

Такъ плыли бѣглецы цѣлый день. Съ ранняго утра надъ лодкою вились чайки, оглашая воздухъ жалобнымъ крикомъ; то онѣ спускались на море, то снова поднимались въ воздухъ; но по мѣрѣ удаленія пловцовъ въ открытое море, надъ ихъ головами все рѣже раздавались птичьи голоса, а наконецъ къ полдню и совсѣмъ умолкли. Море сдѣлалось еще угрюмѣе, словно мертвая пустыня. Только иногда изъ воды показывались темныя спины дельфиновъ и снова погружались въ море.

— Владычица! что это такое!—испуганно прошепталъ рыжеволосый, когда въ первый разъ у самой лодки вынырнуло невѣдомое для него чудовище и съ какимъ-то сапомъ кувырнулось въ море.

— А то, брате, морска свинья,—отвѣчалъ горбоносый.

День уже клонился къ вечеру, а земли нигдѣ и признаковъ не было видно. Жутко становилось одинокимъ пловцамъ. Куда мчалась ихъ жалкая лодочка? Что ее ожидаетъ тамъ, за этимъ таинственнымъ рубежомъ, за горизонтомъ?—этого никто не зналъ.

Скоро на море опустилась ночь. Луна еще не всходила, и хотя въ небѣ мерцали звѣзды и небо было величаво прекрасно, но тѣмъ мрачнѣе и угрюмѣе казалось море и тѣмъ страшнѣе его невѣдомая глубина.

Въ теченіе дня управленіе парусомъ нѣсколько разъ переходило отъ горбоносаго къ „господину“ и отъ него обратно къ горбоносому. Въ теченіе дня они и спали по очереди, чтобъ сберечь силы и бодрость на ночь. Теперь же, ночью, лодкою правилъ одинъ горбоносый, а всѣ остальные спали, сбившись въ одну кучу около мачты, чтобы согрѣвать другъ друга, такъ какъ ночь была холодная.

Ночь тянулась безъ конца. Впереди изъ мрачной бездны медленно выплылъ кровавый дискъ луны. Отъ него безконечною полосою потянулись по морю такіе же кровавые блики, которые скоро превратились въ широкую серебристую ленту. По сторонамъ море стало еще мрачнѣе. Чтобы не дремать, горбоносый завелъ тихую, заунывную пѣсню. Ему вспомнилась далекая родина. Гдѣ она? Въ которой сторонѣ? Онъ и самъ этого не зналъ. Въ послѣдній разъ онъ видѣлъ вершины родныхъ горъ, когда французская канонерка застигла ихъ въ родномъ морѣ, во время забрасыванія въ него сѣтей,—и отвезла въ полонъ, въ далекую сторону. И на его родную хижину смотритъ этотъ мѣсяцъ... А что жена? что дѣти? Живы-ли?

А ровный вѣтеръ все надуваетъ парусъ и мчитъ лодку невѣдомо куда.

II.

Ужасное море.

Второй разъ солнце выплываетъ изъ моря, и на этотъ разъ оно еще багровѣе, чѣмъ было вчера.

Это уже второй день бѣгства, но признаковъ близости земли все не видать. Однообразіе и пустынность моря подавляющія. Сколько жалкая лодка ни мчалась впередъ, а все казалось, что горизонтъ убѣгалъ отъ нея, не открывая глазамъ бѣглецовъ ничего, кромѣ этой томящей душу безбрежности, и попрежнему лодка не выходила изъ центра этого заколдованнаго круга.

Лица бѣглецовъ становились все унылѣе и сумрачнѣе. Къ довершенію всего, къ вечеру второго дня вѣтеръ усилился такъ, что парусъ едва выдерживалъ, и лодка летѣла какъ пущенная изъ лука стрѣла. На пловцовъ, изъ которыхъ большинство никогда не бывало на морѣ, напалъ страхъ. Они боялись, что вѣтромъ опрокинетъ лодку, и просили, со слезами умоляли убрать парусъ.

Парусъ былъ убранъ и гребцы сѣли за весла. Но отъ этого качка еще болѣе усилилась, весла выбивало изъ рукъ и лодку заливало волнами. Гибель казалась неизбѣжною. Несчастные пловцы напрасно поднимали руки къ небу.

Но двое или трое изъ нихъ настояли вновь поднять парусъ, и дѣйствительно—подъ парусомъ лодка хотя и полетѣла опять съ поразительной быстротой, но качка уменьшилась и лодку не заливало водой.

Къ ночи вѣтеръ упалъ, и пловцы считали себя спасенными; но земли все не было видно. Наступила вторая мучительная ночь. Луна взошла еще позднѣе. Лодка продолжала плыть все по тому же направленію. Пловцамъ казалось, что они проплыли уже тысячи верстъ, а конца морю все не было.

Въ третій разъ солнце выплыло изъ моря—наступилъ третій день плаванія. Отчаяніе и ужасъ бѣглецовъ увеличились, когда утромъ, раздѣляя провизію, они замѣтили, что ея не достанетъ и на день. Боченокъ съ водой тоже издавалъ уже звукъ пустой посудины. Пришлось дѣлить и хлѣбъ и воду на ничтожныя порціи, которыя не утоляли голодъ, а только раздражали его.

И этотъ мучительный день прошелъ, а земли не было. Снова наступила ночь. Голодные и отчаянные всѣ скучились около мачты вповалку: авось хоть сонъ дастъ успокоеніе или пошлетъ смерть. Но въ душѣ каждаго таилась надежда: утро дастъ имъ утѣшеніе; восходящее солнце освѣтитъ спасительный берегъ.

Но солнце поднялось все надъ тѣмъ же безбрежнымъ моремъ! Это былъ уже четвертый день блужданія по заколдованной, грозной стихіи. Не оставалось уже ни крошки хлѣба, ни капли воды. Впереди стояла голодная смерть съ ея ужасными муками. Это сознавалъ каждый.

— Смотрите! смотрите! вонъ что-то бѣлѣется!—послышался радостный голосъ.

— Гдѣ?.. гдѣ?

— Вонъ впереди—въ лѣвой сторонѣ.

— Да, да... не парусъ ли?

— Да то чайки—не парусъ.

— И то слава Богу—земля близко.

Радостныя, безсвязныя восклицанія, казалось, наполнили всю атмосферу, окружавшую злополучныхъ пловцовъ.

На горизонтѣ дѣйствительно бѣлѣлось что-то. Чѣмъ дальше, тѣмъ становилось явственнѣе, что это былъ парусъ. Онъ, казалось, выросталъ прямо изъ воды, все увеличиваясь, но такъ медленно, что казалось, стоялъ на одномъ мѣстѣ. Надежда придала силы несчастнымъ скитальцамъ, и они съ небывалой энергіей принялись работать на веслахъ, несмотря на то, что попутный вѣтеръ хорошо надувалъ парусъ.

Съ каждой минутой становилось явственнѣе, что навстрѣчу, нѣсколько наперерѣзъ, идетъ корабль. Скоро отчетливо вырисовалось на горизонтѣ, что корабль идетъ подъ всѣми парусами. Видны были не только паруса, но даже весь остовъ громаднаго линейнаго корабля.

Но видитъ-ли онъ жалкую лодку?

Вотъ онъ становится на линіи, на самомъ курсѣ лодки. Вотъ онъ переходитъ эту линію, подвигаясь правѣе, къ западу.

Съ лодки начинаютъ кричать. Всѣ голоса сливаются въ одинъ отчаянный крикъ, въ какой-то вопль. Но можетъ-ли быть слышенъ этотъ вопль на кораблѣ за шумомъ парусовъ, за свистомъ рей и снастей, за плескомъ и шипѣньемъ волнъ, разсѣкаемыхъ грудью великана?

А корабль все подвигается западнѣе и западнѣе. Вотъ онъ начинаетъ удаляться.

Ни крики, ни вопли не помогаютъ. Съ лодки начинаютъ махать чѣмъ попало. Но и это безполезно. Корабль забираетъ все дальше и дальше.

— Мати Божа! ратуй насъ!

— О! куку мене! куку мене!—раздаются разноязычные вопли.

— Батюшки, уходитъ! Никола чудотворецъ!

Корабль дѣйствительно уходилъ, не замѣтивъ мелкой лодки. Отчаяніе овладѣло пловцами. Они хотѣли силою вырвать парусъ изъ рукъ горбоносаго и догонять корабль на веслахъ. Горбоносый не давалъ. Началась борьба, которая чуть не стоила всѣмъ жизни. Лодка накренилась на бокъ, зачерпнула бортомъ и чуть не пошла ко дну. Это образумило несчастныхъ. Болѣе опытные изъ нихъ и разсудительные убѣдили остальныхъ, что за кораблемъ гнаться безполезно, что онъ летитъ какъ птица, а что если они будутъ продолжать плыть туда, откуда шелъ корабль, то ясно, что тамъ они найдутъ землю и свое спасеніе.

Скоро отъ корабля осталась только свѣтлая точка.

Еще болѣе глубокое уныніе овладѣло несчастными, когда лодка, оставшись снова одинокою въ безбрежномъ морѣ, продолжала свой прежній курсъ.

Прошелъ и четвертый день, а земли все не было. Голодъ все болѣе и болѣе вступалъ въ свои права.

Наступила пятая ночь, мрачнѣе всѣхъ предыдущихъ. Несчастные опять скучились около мачты, но теперь уже каждаго изъ нихъ терзалъ другой, тайный страхъ. Они начали бояться другъ друга; болѣе слабый сторонился отъ болѣе сильнаго. Это уже было чувство чисто звѣрское—боязнь болѣе сильнаго звѣря. А что какъ голодный сосѣдъ задушитъ тебя соннаго и станетъ пожирать твое тѣло? И каждый въ душѣ сознавалъ, что и самъ онъ способенъ на это.

Мучительна была эта ночь, мучительнѣе всѣхъ прежнихъ, потому что не принесла никому даже сна. Едва кто задремывалъ, какъ невидимый голосъ будилъ его ужасными словами: „не спи — задушатъ“. Но и эта ночь прошла.

Насталъ пятый день. Солнце ничего не принесло, кромѣ ужаса. Кругомъ—то-же море, то-же безжалостное небо. На лицахъ несчастныхъ отражалось уже что-то особенное, нечеловѣческое, дѣйствительно звѣриное. Злоба была написана на этихъ лицахъ, видимо сосредоточиваясь на одномъ лицѣ,

на томъ, кого называли „господиномъ“: онъ подбилъ всѣхъ бѣжать изъ марсельской тюрьмы. Въ этотъ пятый день бѣдствія случился эпизодъ, который могъ кончиться трагически для всѣхъ, но, въ концѣ концовъ, хотя на нѣкоторое время далъ если не удовлетвореніе пожиравшему всѣхъ голоду, то по крайней мѣрѣ пищу разгоряченному воображенію голодающихъ.

Въ числѣ находившихся въ лодкѣ бѣглецовъ былъ одинъ австрійскій плѣнный солдатъ, хохликъ изъ Галичины. Это былъ тихій, молчаливый субъектъ, всегда державшійся нѣсколько въ сторонѣ. И здѣсь онъ, повидимому, избѣгалъ своихъ товарищей по несчастію. Всѣ угрюмо молчали. Вдругъ рыжеватый дѣтина, который сначала боялся, что ихъ лодка скоро „объ небо стукнется“, какъ звѣрь съ рычаніемъ бросился на хохлика и началъ душить его за горло.

— А, чортовъ хохолъ! ты жуешь — у тебя есть что жрать, а мы подыхаемъ!

— Ой, ой!—стоналъ придавленный за горло галичанинъ:—ратуйте!

Онъ дѣйствительно что-то жевалъ.

— Покажь, что у тебя во рту.

Всѣ столпились около борющихся, возбужденные, злобные, и моментально должна была завязаться общая свалка, если-бы не вступился тотъ, котораго называли „господиномъ“.

— Петровъ! что ты дѣлаешь!—закричалъ онъ:—пусти его!

— Онъ что-то жретъ, ваше благородіе.

— Пусти его!.. или я тебѣ весломъ голову размозжу!

Петровъ неохотно повиновался. Его жертва поднялась со дна лодки блѣдная, дрожащая.

— Ты что жевалъ?—спросилъ его „господинъ“.

— Шкуратокъ... постолы,—былъ робкій отвѣтъ.

И дрожащими пальцами онъ вынулъ изо-рта какую-то коричневую массу, сильно пережеванную, и показалъ ее всѣмъ. Это былъ кусокъ кожи, нѣчто въ родѣ обгрызка сыромятнаго ремня. Оказалось, что, убѣгая ночью вмѣстѣ съ товарищами, онъ сунулъ себѣ за пазуху сохранившіяся у него послѣ плѣна кожаныя изъ сыромятной кожи „постолы“, въ которыхъ онъ привыкъ ходить у себя на родинѣ, въ горной Галичинѣ, будучи пастухомъ. Кожу этой-то обуви, еще почти новенькой, онъ и жевалъ, стараясь хоть этимъ обмануть пожиравшій его внутренности голодъ.

— Ишь, чортовъ хохолъ!—проворчалъ Петровъ: — надо ихъ, ваше благородіе, подуванить на всю артель.

И постолы тотчасъ-же были разрѣзаны на мелкіе кусочки и розданы всѣмъ находившимся въ лодкѣ. Несчастные люди принялись жевать эту ужасную пищу: все-же имъ казалось, что они ѣдятъ!

Наступила шестая ночь. И эту ночь никто не спалъ. Хотя у каждаго оставалась еще въ душѣ личная боязнь за себя, та боязнь, которая всѣмъ имъ закралась въ душу въ предыдущую ночь,—что вотъ-вотъ озвѣрѣвшій

отъ голода сосѣдъ задушитъ тебя соннаго и станетъ пожирать, однако теперь уже у каждаго явственно слагалось убѣжденіе, что для спасенія всѣхъ надо пожертвовать однимъ, что другого выхода нѣтъ, что или всѣ они неизбѣжно передушатъ другъ друга, кто кого осилитъ, и съѣдятъ задушенныхъ, или, чтобъ избѣжать этого худшаго, надо начать съ одного. Но съ кого? Кто укажетъ на того, кто долженъ сдѣлаться жертвою для всѣхъ? Эти вопросы вставали въ душѣ у каждаго, но отвѣта на нихъ никто не находилъ. Кто на нихъ отвѣтитъ? — кто рѣшитъ? Одинъ отвѣтъ грызъ душу каждаго: рѣшить долженъ жребій. Но это-то и страшно было высказать. Жребій—слѣпое, безсмысленное орудіе. Это понималъ каждый. —„А если мнѣ выпадетъ этотъ жребій?“ думалось всѣмъ имъ въ одно и то-же время. И всѣ они глубоко сознавали, что каждый изъ нихъ думаетъ именно объ этомъ. Когда солнце шестого дня глянуло имъ въ очи, каждый изъ нихъ прочелъ это въ глазахъ у всѣхъ.

„И этотъ о томъ-же думаетъ, и этотъ, и этотъ--всѣ!“

Развѣ ждать, пока одинъ умретъ съ голоду, и съ перваго мертваго начинать?—Но ждать нельзя. Въ ожиданіи могутъ всѣ помереть.

Потомъ мысли каждаго обратились къ тому состоянію, въ какомъ онѣ находились въ утро пятаго дня. Всѣ мысли и всѣ глаза устремились на одного.—„Зачѣмъ жребій, когда вотъ онъ одинъ во всемъ виноватъ! Съ него и надо начинать; подкрасться, накинуться, задушить — и провизія готова“.

— О Боже! слышите!—вдругъ раздался голосъ того, чья участь была рѣшена въ душѣ каждаго:—слышите, братцы?

— Что... что такое?

— Голосъ чайки!—я слышу...

— И я слышу, ваше благородіе.

-- Вонъ она, я вижу... Вонъ, вонъ бѣлѣетъ.

— Една, друга—млого (по-сербски „много“)—млого чайки.

— Молитесь, братцы, земля близко—мы спасены!

Всѣ упали на колѣни. Это была горячая молитва. По щекамъ у всѣхъ текли слезы, и вмѣсто тупого, звѣринаго выраженія на лицахъ, затеплилось умиленіе въ глазахъ, въ каждой чертѣ.

— За весла, братцы,--тамъ земля.

— За весла!.. Видите, море гладкое какъ зеркало.

Изнуренные, ослабѣвшіе, теперь они снова почувствовали въ себѣ силу, и въ бирюзовую поверхность моря стройно опускались весла и такъ-же стройно поднимались, роняя брильянтовыя капли въ бирюзовое море.

Чайки кружились надъ лодкою и жалобно кричали, но теперь крикъ ихъ казался крикомъ привѣта, радости, спасенія.

Пловцы мужественно встрѣтили седьмую ночь. Но едва солнце погрузилось въ море и насталъ мракъ южной ночи, прежнія муки снова воскресли и въ душу прокрадывался холодъ смерти. Что всего

болѣе привело ихъ въ отчаяніе, это то, что чайки неизвѣстно куда исчезли.

„Нѣтъ чаекъ — потеряли землю“,—сверлило у каждаго на сердцѣ.

И опять мысль каждаго возвращалась къ тому ужасному рѣшенію, которое всѣмъ казалось неизбѣжнымъ.

— Али опять, ваше благородіе, сбились?—тихо, съ какою-то тоскою въ голосѣ, спросилъ Петровъ.

— Какъ сбились?

— Да землю-то потеряли опять, кажись.

— Почему ты думаешь?

— Да чайки-то, ваше благородіе, пропали.

— Напротивъ, на ночь они улетѣли къ своимъ гнѣздамъ. Утромъ мы увидимъ ихъ опять, да и землю увидимъ.

— Дай-то Господи!

Настало утро—седьмое утро роковаго плаванья. Чайки дѣйствительно снова показались. Показалось солнце, но уже не прямо изъ моря, а изъ какой-то длинной, туманной полосы.

— Земля! земля!—раздался радостный крикъ у руля.

Туманная полоса была земля. Скоро на горизонтѣ вырисовались какія-то высокія, стройныя деревья съ зонтичными вершинами. То были пальмы.

III.

Въ Алжирѣ.

Разсказанное въ предыдущихъ главахъ—не вымыселъ. Разсказъ опирается на историческомъ событіи, записанномъ около 80 лѣтъ тому назадъ морскимъ офицеромъ, извѣстнымъ Владиміромъ Броневскимъ, въ его интересной книгѣ — „Записки морского офицера, впродолженіе кампаніи на Средиземномъ морѣ подъ начальствомъ вице-адмирала Дмитрія Николаевича Сенявина отъ 1805 по 1810 годъ“—книгѣ, ставшей въ настоящее время библіографическою рѣдкостью.

Во второй части своихъ „Записокъ“, говоря о томъ, какъ русская эскадра, крейсируя въ Средиземномъ морѣ, въ 1806 году, 27-го ноября, пристала къ порту Каліари въ Сардиніи, авторъ приводитъ въ своей книгѣ „Приключеніе плѣннаго русскаго офицера“.

„Лишь только положили якорь у стѣнъ Каліари, — говоритъ Броневскій, — какъ нѣкто бѣдно одѣтый, истомленный, пріѣхалъ съ берега и, взошедъ на шканцы, съ радостнымъ взоромъ перекрестился и дурнымъ русскимъ выговоромъ сказалъ: „Слава Богу! кончились наконецъ мои несчастія“. Послѣ сего, онъ спросилъ о капитанѣ и подалъ ему бумагу. Министръ нашъ (въ Сардиніи) предлагалъ оною — явившагося изъ плѣна санктпетербургскаго драгунскаго полка поручика Степана Яшимова принять

на фрегатъ, для доставленія его къ адмиралу. Я ввелъ его въ каютъ-компанію и представилъ бывшимъ тамъ офицерамъ. Будучи родомъ изъ Кизляра, онъ почти забылъ и съ большою трудностію объяснялся по-русски, мѣшая слова турецкія, французскія и итальянскія. Мы старались его обласкать и въ первый-же день общими силами снабдили его всѣмъ нужнымъ. Яшимовъ скоро ознакомился съ нами и съ новымъ родомъ своей жизни; въ короткое время отличною остротою ума и веселымъ расположеніемъ духа заслужилъ онъ отъ всѣхъ любовь и почтеніе. Служа при главной квартирѣ князя Рѣпнина, Потемкина, и бывъ покровительствуемъ графомъ Орловымъ, онъ хотя и не имѣлъ порядочнаго воспитанія, но особенный навыкъ въ обхожденіи дѣлалъ его весьма пріятнымъ въ бесѣдахъ. Продолжительное несчастіе не помрачило его любезности, и опытъ 50-лѣтняго старика привлекалъ къ нему общее уваженіе. Приключенія его въ теченіе семи лѣтъ, которыя разсказывалъ онъ намъ со всею откровенностью, хотя имѣютъ нѣчто въ своемъ родѣ необыкновенное, но, судя по характеру его, оныя конечно не выдуманы имъ, и потому я предлагаю ихъ въ томъ видѣ, какъ слышалъ отъ него" (ч. II, стр. 186—187).

Далѣе Броневскій сообщаетъ, что „Яшимовъ служилъ въ первую конфедерацкую войну, въ обѣ турецкія и послѣднюю польскую, наконецъ 10-го сентября 1799 г. подъ Цюрихомъ, получа двѣ раны, взятъ былъ въ плѣнъ и отведенъ въ Марсель. Не стану,—продолжаетъ онъ,—повторять того, что онъ претерпѣлъ на дорогѣ; кто по несчастію былъ въ рукахъ французовъ, тотъ знаетъ, какъ они обращаются съ плѣнными. Генералъ Д... (кого Броневскій разумѣетъ — я не знаю) прибылъ въ Марсель для пополненія своего польскаго легіона русскими солдатами. Для сего не давали имъ положенной порціи хлѣба, изъ казармъ или лучше изъ тюрьмы никуда не выпускали. Убѣждая, угрожая, обѣщая и благовиднымъ способомъ муча и томя голодомъ, принуждали какъ благодѣяніе принимать службу. Непокорныхъ-же продавали, какъ невольниковъ, въ Испанію. Не щадили даже офицеровъ. Яшимову также предложено было поступить въ польскій легіонъ. Онъ нашелъ случай видѣть генерала Д..., жаловался на дурные поступки, смѣло сказалъ ему правду, и, будучи огорченъ отвѣтомъ генерала, назвалъ его измѣнникомъ отечества, былъ брошенъ въ тюрьму и отданъ подъ военный судъ. Не ожидая слѣдствій своего неблагоразумія и неумѣстной горячности, Яшимовъ рѣшился бѣжать. Предлагаетъ бывшимъ въ одной съ нимъ тюрьмѣ 30-ти австрійскимъ солдатамъ, въ томъ числѣ былъ одинъ русскій, и всѣ съ радостію соглашаются. Яшимовъ успѣлъ убѣдить тюремнаго стража, который изъ единаго состраданія не только далъ имъ способъ къ побѣгу, но въ пристани приготовилъ имъ лодку, и несчастные въ полночь при проливномъ дождѣ на рыбачьей лодкѣ, сами не зная куда, пускаются въ море" (тамъ-же стр. 187—188).

Отсюда и начинается наше повѣствованіе.

Мы оставили бѣглецовъ въ виду показавшейся на горизонтѣ низменной полосы земли и высокихъ, невиданныхъ ими прежде деревьевъ.

Хотя земля казалась близко, но надо было употребить еще нѣсколько томительныхъ часовъ, чтобы добраться до берега. Чѣмъ далѣе двигалась лодка, тѣмъ большая неизвѣстность окутывала смущенныя мысли бѣглецовъ. Какая это земля? Почему она не похожа на все, что они видѣли прежде? Какія это деревья?

На послѣдній вопросъ, и только на послѣдній, могъ отвѣчать одинъ Яшимовъ: это былъ тотъ, котораго называли „господиномъ“ и „ваше благородіе“. Онъ видѣлъ эти деревья на рисункахъ, въ книгахъ, въ описаніяхъ путешествій.

— Это пальмы, — отвѣчалъ онъ на вопросы своихъ товарищей по заключенію.

— Пальмы! ишь ты, въ первой вижу, ваше благородіе, — удивился Петровъ.

— Да, пальмы,—повторилъ Яшимовъ.—А ты ѣдалъ когда-нибудь финики?—обратился онъ къ Петрову.

— Финики? Какъ же, ваше благородіе,—ѣдалъ; и финики ѣдалъ, и изюмъ, и коломенскую пастилу ѣдалъ.

Яшимовъ невольно улыбнулся, услыхавъ сопоставленіе фиников съ коломенской пастилой.

— Ну, такъ вотъ на этихъ самыхъ деревьяхъ, на пальмахъ, и растутъ финики,—сказалъ онъ.

— А какая-жъ это будетъ земля, ваше благородіе, что финики родитъ?—спросилъ словоохотливый солдатикъ.—У насъ вонъ, на Дону, арбузы, а тутъ вонъ финики.

— Думаю,—отвѣчалъ Яшимовъ,—что земля эта, должно быть, Африка.

— Африка? Мудреная земелька, ваше благородіе. А чья она будетъ?

— Не знаю.

— Православная, примѣромъ, будетъ, али нѣмецкая?

На этотъ вопросъ Яшимовъ отвѣта не далъ. Вниманіе всѣхъ привлечено было тѣмъ, что они видѣли. А теперь они явственно видѣли, что на берегу что-то бѣлѣется—точно стѣны и башни. По мѣрѣ движенія лодки, бѣглецамъ все отчетливѣе представлялись, дѣйствительно, и стѣны и башни. Еще ближе — и стали видны дома, такіе странные, какъ будто бы безъ крышъ и безъ оконъ.

На высокой башнѣ—это уже явственно видно — развѣвается красное, точно кровавое знамя. Видно даже на этомъ кровавомъ полотнищѣ изображеніе руки, держащей обнаженный мечъ.

— О, я вѣмъ, господине, въ какву страну долѣзлисмо, — съ изумленіемъ сказалъ горбоносый.

Онъ былъ изъ иллирійскихъ славянъ и взятъ французами въ плѣнъ на морѣ, на рыбной ловлѣ. Звали его Васою Петковичемъ.

— Какая же это страна, Васа?—спросилъ Яшимовъ.

— Варварія, господине, — отвѣчалъ Васа: — корсерска страна; таки цервени барьякъ съ рукомъ и ятаганомъ я гледао у корсеровъ.

Не радостно было это извѣстіе: несчастные бѣглецы видѣли, что изъ одной бѣды они попали въ другую — отъ французовъ къ африканскимъ корсарамъ. Но городъ былъ такъ близко, а передъ пожиравшимъ ихъ голодомъ даже смерть была не страшна, если она и ждала ихъ въ этомъ городѣ.

Нервно, торопливо гребли несчастные. Вотъ, вотъ земля. Видно, какъ бѣлая морская пѣна набѣгаетъ на песчанный берегъ. У воды играютъ голые ребятишки. Видны даже ихъ лица—такія смуглыя, почти чорныя.

Еще ближе—и ребятишки, испуганные видомъ незнакомцевъ съ бѣлыми лицами, съ такими лицами, какія они видѣли только у привозимыхъ изъза моря невольниковъ,—съ крикомъ побѣжали къ городскимъ воротамъ.

Лодка ткнулась въ пологій берегъ. Первый выскочилъ на берегъ Петровъ и, размашисто перекрестясь, бросился цѣловать землю.

— Кормилица! мать сыра-земля! — бормоталъ онъ, глотая слезы:— вотъ ужъ не чаялъ...

Прочіе бѣглецы, выбравшись на берегъ, тоже припадали къ землѣ лицами и поливали ее радостными слезами.

Вдругъ въ городскихъ воротахъ показались люди, вооруженные саблями, кинжалами и пистолетами, съ темно-бронзовымъ цвѣтомъ кожи, бородатые, съ чалмами и бѣлыми покрывалами на головахъ. Они видимо спѣшили къ нашимъ бѣглецамъ. Завидѣвъ ихъ, Яшимовъ сказалъ:

— Не бойтесь, братцы,—я буду съ ними говорить: я знаю и по-турецки, и по-арабски.

Люди въ чалмахъ приближались.

— На колѣни становитесь, братцы, — скомандовалъ Яшимовъ:—одну руку къ сердцу, другую ко лбу.

Всѣ стали на колѣни и сдѣлали то, что имъ было приказано.

— Ля-илляхъ иль Аллахъ, Мухамедъ расуль Аллахъ!— громко воскликнулъ Яшимовъ.

— Аллахъ керимъ! Аллахъ акберъ! — отвѣчали ему люди въ чалмахъ.—Кто вы и откуда?

— Мы бѣдные невольники,—отвѣчалъ Яшимовъ (разговоръ шелъ на арабскомъ языкѣ):—мы семь дней блуждали по морю и три дня ничего не ѣли. Мы думали, что помремъ съ голоду, но Аллахъ по своему милосердію отвратилъ отъ насъ смерть.

— Хвала Аллаху! Въ немъ прибѣжище смертнаго, -сказали люди въ чалмахъ.

— И пророку его хвала! — прибавили другіе.—У кого же вы были въ неволѣ?

— У французовъ, у Наполеона,—былъ отвѣтъ.

— У Наполеона! Да низринетъ его Аллахъ въ пучину бѣдствій!

— Аллахъ керимъ!—говорили другіе. — Аллахъ послалъ намъ странниковъ — хвала Аллаху! Въ коранѣ сказано: „правовѣрный! прими странника въ домъ свой, не спрашивай кто онъ, но прежде всего накорми его,

и если его томитъ жажда, то утоли его жажду холодною водою." А наши гости три дня не ѣли.

— Мы помираемъ съ голоду,—подтвердилъ Яшимовъ.

— Идите-же за нами,—повторили люди въ чалмахъ:—наши домы— ваши домы. Да будетъ благословенъ этотъ день! Аллахъ керимъ! Аллахъ акберъ!

IV.

Искушеніе.

Прошло пять лѣтъ.

Ночь на алжирскомъ берегу Средиземнаго моря. Темна африканская ночь, но всплывшій гдѣ-то далеко, надъ Сахарою, мѣсяцъ серебритъ сверкающую фосфорическимъ свѣтомъ морскую пѣну, медленными приливами набѣгающую на песчаный берегъ Африки. Меланхолическій свѣтъ этого мѣсяца льется и на мачты и на реи колыхающагося у берега корабля и на длинный, тонкій стволъ ружья стоящаго у шканцевъ часового араба въ красной фескѣ, и на зубчатыя стѣны крѣпостной башни, и на тихо повисшее надъ башнею кроваваго цвѣта знамя съ рукою, вооруженною мечемъ.

Въ узкое окошечко башни виднѣется огонекъ.

Башня стоитъ у небольшого залива, недалеко отъ Алжира. Это — лучшая гавань алжирскихъ корсаровъ, куда они заводятъ взятые въ плѣнъ корабли.

Въ среднемъ этажѣ башни довольно просторная комната, стѣны которой всѣ обвѣшаны оружіемъ. У стѣнъ — низкіе турецкіе диваны. Полъ устланъ циновками изъ пальмовыхъ листьевъ. На невысокомъ столѣ, покрытомъ персидскою богатою шалью, канделябръ о трехъ свѣчахъ освѣщаетъ разбросанныя бумаги.

На одномъ изъ дивановъ полулежитъ мужчина съ сильной просѣдью въ красивой чорной бородѣ и медленно, задумчиво втягиваетъ и также задумчиво выпускаетъ изъ подъ посѣдѣлыхъ усовъ тонкія струйки дыма тихо шипящаго наргиле. Голова его обвязана громадною бѣлою чалмою. Одѣяніе на немъ — одѣяніе алжирскаго корсара: широкія шальвары, остроконечныя, съ загнутыми носками, красныя сафьянныя, шитыя золотомъ ичиги, куртка съ золотыми позументами, а за широкимъ зеленымъ поясомъ сверкаютъ дорогою оправою кинжалы и пистолеты.

Противъ него, на подушкѣ, брошенной на циновку, поджавъ по-восточному ноги, сидитъ тоже немолодой мужчина, тоже, повидимому, корсаръ, хотя проще одѣтый, но съ русой, рыжеватой бородой.

— Ну что, ваше благородіе? — говоритъ этотъ послѣдній на чистомъ тульскомъ или костромскомъ россійскомъ нарѣчіи.

— Ахъ, Петровъ! Какъ не надоѣстъ тебѣ называть меня вашимъ благородіемъ!—прерываетъ его курящая наргиле чалма:—вѣдь ты давно знаешь, что я для тебя другъ и товарищъ.

— Простите, Степанъ Симонычъ,—улыбнулась феска:—привычка.

— Да, правда,—вздохнула чалма:—вонъ мы и къ Африкѣ привыкли.

— Да, точно,—вздохнула и феска.

— А что-то теперь у насъ на Руси подѣлывается? Ухъ, какъ далеко она!

— Гдѣ не далеко—и воронъ костей русскихъ не занесетъ сюда.

— А вонъ насъ занесла неволя.

Феска оглянулась кругомъ и ближе пододвинулась къ дивану.

— Ну, что,—тихо спросила она:—прочли энти бумаги?—феска указала на столъ.

— Прочелъ.

— Кто-жъ они будутъ?

— Да нашъ братъ, христіане.

— А съ какихъ мѣстовъ?

— Изъ Далмаціи, тамошніе славяне.

Феска придвинулась еще ближе. Ясно было, что она собиралась поговорить о чемъ-то тайно.

— Вотъ что, Степанъ Симонычъ,—начала она почти шепотомъ:—нонче утромъ я былъ на базарѣ въ Алжирѣ, такъ тамъ сказывали, что вечоръ пришла въ Алжиръ одна здѣшняя шебека, а ходила она въ море, какъ водится, на разбой. Такъ сказываютъ, что шебека самую малость не попалась нашимъ въ полонъ.

— Какъ нашимъ?—удивился Яшимовъ (это былъ онъ въ чалмѣ).

— Московъ, говорятъ, гнался за ними,—пояснилъ Петровъ.

— Откуда-же тутъ взялись русскіе?—еще болѣе удивился первый.

— Да сказываютъ, ваше благородіе, что русскіе корабли все море заполонили,—отвѣчалъ послѣдній:—русскіе да аглицкіе—все это супротивъ Наполеона и турокъ. Дакъ знаете, что я вамъ скажу? Вотъ мы теперь здѣсь, въ этой бусурманской землѣ, и въ холѣ и въ роскоши. Вы вотъ и до чиновъ ужъ дошли, и самъ дей васъ жалуетъ — чаушемъ сдѣлалъ, комендантомъ крѣпости. А все поди, чай, по родной землѣ скучаете. Шутка: шестой годъ маемся.

— Да, Петровъ, самъ ты знаешь, что я тоскую по Россіи,—со вздохомъ сказалъ Яшимовъ.

— Вижу, вижу, Степанъ Симонычъ,—продолжалъ Петровъ:—кажись, чего-бы намъ скучать? У меня вонъ и семья есть—хоша она, жена моя, и бусурманка, а любитъ меня, да и дѣтишки у меня есть. Въ достаткѣ живу—и эти самые финики ѣмъ, и хлѣбъ здѣшній, и кофей, и баранины сколько въ душу влѣзетъ. А все нѣтъ-нѣтъ да и вспомнится родная деревня. Иной разъ во снѣ ее, матушку деревню, увидишь, такъ весь день ходишь самъ не свой. Вотъ и у васъ тоже молодая жена, незаконная, правда, подъ вѣнцомъ не была, какъ и моя тоже, а все-же она какъ есть жена.

— Такъ что-жъ?—перебилъ его Яшимовъ.

— Да то, Степанъ Симонычъ, что родная сторона вамъ дороже жены.

— И то правда. Что-жъ изъ этого?

— Да то, что теперича случай есть уйти намъ отселѣ домой.

— Какой случай?—еще болѣе удивился Яшимовъ.

— А бригантина христіанская, что нонѣ пригнали наши разбойники.

— Какой-же въ ней толкъ?—спросилъ Яшимовъ, недоумѣвая.

— Вотъ что, ваше благородіе,—еще понизилъ голосъ Петровъ:—я все обдумалъ. Вы говорите, что взятые на бригантинѣ люди — наши православные?

— Да, православные,—былъ отвѣтъ.

— И сидятъ они здѣсь подъ вашимъ ключемъ.

— Точно, подъ моимъ.

— Такъ вотъ что, ваше благородіе,—рѣшительно сказалъ Петровъ:— попрощаемся съ нашими женами—пущай ихъ живутъ на здоровье. А мы выберемъ ночку потемнѣй, да выпустимъ изъ-подъ замка нашихъ полонянниковъ, да съ ними, на ихъ бригантинѣ, и махнемъ домой.

Мысль эта видимо поразила Яшимова. Онъ даже приподнялся съ дивана. Но по лицу его замѣтно было, что въ немъ происходила борьба.

Въ это время за дверью послышался шорохъ и въ комнату вошла закутанная съ ногъ до головы женщина. Это была жена Яшимова. При видѣ ея, Петровъ всталъ и почтительно приложилъ руку къ сердцу.

V.

Прощаніе съ Фатьмой.

Снова ночь на алжирскомъ берегу. Попрежнему во мракѣ ночи неясно рисуется темный силуэтъ башни, а надъ нею треплется въ воздухѣ алжирское кровавое знамя; но цвѣта его нельзя различить. Попрежнему у берега виднѣется темный остовъ корабля. Это—далматинская бригантина, недавно захваченная въ морѣ алжирскими корсарами.

Въ одномъ изъ узенькихъ окошекъ башни попрежнему мигаетъ огонекъ, но только ярусомъ выше. Луна еще не всходила.

Комната, изъ которой выходитъ къ морю свѣтъ огонька—это спальня жены Яшимова. Комната также вся уставлена диванами, но только на стѣнахъ, завѣшенныхъ богатыми коврами, не видать оружія. Зато есть зеркала въ бронзовой оправѣ и столики, уставленные флаконами для духовъ и разными принадлежностями женской уборной. Матовый свѣтъ разливаетъ по комнатѣ лампа подъ розовымъ абажуромъ.

У одной стѣны—богатая кровать съ балдахиномъ и кисейными занавѣсками. На кровати, на продолговатыхъ бѣлыхъ подушкахъ, покоится прелестная женская головка. Полуприкрытая розовымъ одѣяломъ, спускается съ кровати маленькая смуглая ручка съ розовыми ногтями.

Молодая женщина спитъ. Слышно ея ровное дыханіе.

У изголовья на колѣняхъ стоитъ Яшимовъ и съ любовью, но грустно, глядитъ на спящую.

Вдругъ за окномъ въ ночномъ воздухѣ пронесся тихій, протяжный крикъ ночной птицы. Яшимовъ вздрогнулъ и перекрестился. Крикъ птицы снова прорѣзалъ сонный воздухъ. Яшимовъ съ тревогой оглянулся. Правая его рука поднялась, и онъ съ выраженіемъ глубокой нѣжности на лицѣ перекрестилъ спящую женщину.

Въ душѣ его происходила борьба, въ этотъ моментъ болѣе сильная, чѣмъ тогда, когда въ первый разъ Петровъ подалъ ему мысль бѣжать изъ Алжира на взятой въ плѣнъ корсарами далматинской бригантинѣ. Теперь, стоя на колѣняхъ передъ дорогимъ ему существомъ, онъ, подобно умирающему, переживалъ всю свою жизнь: далекое, милое и туманное какъ сонъ дѣтство у подножія величественныхъ горъ Кавказа, походы и воинскія тревоги въ зрѣломъ возрастѣ. Жилъ-ли онъ тогда для себя, жилъ-ли сердцемъ? Нѣтъ, онъ не жилъ. Онъ никогда не зналъ ласкъ женщины - близкаго, дорогого существа. А тамъ — плѣнъ, бѣгство, ужасные семь дней мыканья по морю. Только тутъ, въ Алжирѣ, среди пиратовъ, онъ почувствовалъ всю сладость и нѣгу жизни, все очарованіе любви и ласкъ любимаго существа.

Эту милую Фатьму, одну изъ первыхъ красавицъ гарема, дей подарилъ ему въ жены. Но любитъ ли она его такъ, какъ онъ полюбилъ ее? Правда, она его ласкаетъ; при малѣйшемъ съ его стороны порывѣ нѣжности, она отдается ему вся; она скучаетъ и плачетъ, когда его не видитъ. Но не любовь-ли это рабыни къ своему господину? Она и называетъ его господиномъ даже въ порывѣ самыхъ страстныхъ ласкъ.

Какъ оторвать отъ сердца и бросить это дорогое существо, нѣжное, наивное какъ ребенокъ? Но онъ осилитъ себя — оторветъ съ кровью большую половину своей души. Онъ будетъ тосковать по ней — онъ это знаетъ. А она? Если она, брошенная такъ предательски, будетъ страдать по немъ? За что-же онъ ей дастъ эти муки?

И онъ снова крестилъ эту милую головку.

„Пусть чистыя небесныя силы хранятъ ее, хоть она и не моей вѣры. Будь счастлива, дорогое дитя. Забудь меня. Я не стою твоихъ слезъ—я бросаю тебя для моей далекой родины“.

— Саибъ, саибъ,—шептала розовыя губки спящей.

Онъ готовъ былъ броситься и расцѣловать этого прелестнаго ребенка-женщину; но онъ вспомнилъ, что на немъ лежитъ нравственный долгъ—спасти десять плѣнныхъ далматинцевъ, взятыхъ пиратами вмѣстѣ съ захваченною ими бригантиною.

— Саибъ, саибъ...

Въ это мгновенье въ воздухѣ въ третій разъ пронесся крикъ ночной птицы. Это былъ условный знакъ. Яшимовъ, закрывъ лицо руками, всталъ и, не оглядываясь, быстро удалился.

VI.

Смерть товарища.

Когда Яшимовъ сошелъ къ берегу, тамъ уже стояла лодка, готовая отчалить, а въ ней—выведенные Петровымъ изъ тюрьмы девять плѣнныхъ далматинцевъ со шкиперомъ бригантины, и неразлучный спутникъ и другъ Яшимова—Петровъ.

Яшимовъ вошелъ въ лодку, и она тихо поплыла къ бригантинѣ. Надо было торопиться, потому что приближалось утро. Бѣглецы безъ всякаго шума взошли на бригантину и, къ счастью, нашли поставленнаго на ней часового, молодого алжирца, спящимъ на свернутомъ спиралью канатѣ. Ему тотчасъ-же зажали ротъ, связали руки и ноги, и словно мѣшокъ снесли внизъ, въ трюмъ, и тамъ заперли.

Все это было продѣлано молча, и необыкновенно быстро.

Но пока успѣли обрубить якорь и поднять паруса, на берегу поднялась тревога. При утреннемъ, только-что занимающемся свѣтѣ, алжирцы увидѣли, что на бригантинѣ творится что-то необыкновенное, и потому, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ, чтобы поднять на ноги небольшой гарнизонъ крѣпости, комендантомъ которой былъ Яшимовъ, быстро спустили на воду двѣ лодки и съ крикомъ „Аллахъ! Аллахъ!“ понеслись къ бригантинѣ.

Съ берега дулъ слабый вѣтеръ и бригантина двигалась тихо. Алжирскія лодки настигали ее. Вотъ онѣ подъ бортомъ. Какъ ловкіе пираты, алжирцы необыкновенно быстро сцѣпились съ бригантиной и полѣзли на абордажъ.

Яшимовъ почти въ упоръ выстрѣлилъ въ алжирца, который первымъ вскочилъ на бригантину. Съ пробитымъ черепомъ молодой пиратъ свалился въ море.

— Бей! коли! руби ихъ, окаянныхъ!—кричалъ Петровъ, бѣшено махая саблей.

— Алла! Алла!—лѣзли на бортъ пираты.

Нѣкоторые изъ нихъ были отбиты и попадали въ воду. Яшимовъ почувствовалъ, что ему точно что обожгло ногу.

— О! куку мене!—закричали вдругъ далматинцы и бросились къ другому борту бригантины, словно испуганныя овцы.

Было, впрочемъ, чего испугаться. Въ пылу схватки ни Яшимовъ, ни Петровъ не замѣтили, что отъ берега отчаливаетъ разомъ нѣсколько лодокъ, полныхъ пиратами. Противъ такой силы, конечно, бригантинѣ нельзя было устоять.

Въ эту минуту Яшимовъ увидѣлъ, что отъ лѣваго борта бригантины убѣгаетъ подъ парусомъ баркасъ. Это спасались бѣгствомъ далматинцы.

— О-охъ!—простоналъ Петровъ, слѣдуя за нимъ.

— За мной, Петровъ! въ яликъ!—крикнулъ Яшимовъ.

Не успѣли алжирскія лодки сдѣлать и половину разстоянія, отдѣлявшаго бригантину отъ берега, какъ легкій яликъ съ Яшимовымъ и Петровымъ уже мчался подъ парусомъ въ открытое море. Алжирцы, увидѣвъ это и догадавшись, что бѣглецы совсѣмъ бросили бригантину, уже не стали ихъ преслѣдовать, какъ потому, что за легкимъ яликомъ подъ парусомъ имъ было не угоняться въ открытомъ морѣ, такъ и потому болѣе, что бригантина все-таки оставалась ихъ добычею попрежнему.

Избавившись отъ погони, Яшимовъ только теперь, при восходѣ солнца, замѣтилъ, что съ его товарищемъ творится что-то неладное. Петровъ лежалъ на днѣ ялика навзничъ. Лицо его было мертвенно блѣдно.

— Что съ тобою?—испуганно проговорилъ Яшимовъ.

— Умираю, ваше благородіе...

— Какъ! ты раненъ?

— Да... вотъ... И Петровъ показалъ рукою на грудь.

— Ты раненъ въ грудь? — не своимъ голосомъ спросилъ Яшимовъ, подходя къ товарищу.

— Да... Мустафа...

— Господи!

— Кланяйтесь... родной... землицѣ... Помолитесь... Съ бусурманкою жилъ...

Жгучая боль проникла въ душу Яшимова отъ этихъ словъ умирающаго. „Бусурманка—Фатьма... Никогда, никогда ужъ не видѣть ее“.

Но онъ тотчасъ-же опомнился. Передъ его глазами умиралъ его другъ. Онъ лежалъ съ закрытыми глазами, которыхъ вѣки, какъ и губы судорожно вздрагивали...

Лицо умирающаго вытянулось, стало какъ-бы восковымъ, а остеклѣлые глаза неподвижно устремлены были въ пространство... Петрова не стало. Яшимовъ стоялъ на колѣняхъ и молился.

Предаваться горю было, однако, некогда, да и не безопасно. Алжирцы могли одуматься и, оснастивъ свои лодки парусами, погнаться за измѣнникомъ, бывшимъ ихъ начальникомъ и чаушемъ, столь недостойно ихъ обманувшимъ.

Оставивъ трупъ товарища лежать въ томъ положеніи, въ какомъ застигла его смерть, Яшимовъ направилъ свою лодку въ открытое море и отплылъ на такое разстояніе отъ алжирскаго берега, что его едва было видно.

Тогда уже, когда онъ увидѣлъ себя въ полной, по крайней мѣрѣ относительно, безопасности, онъ рѣшился отдать послѣдній христіанскій долгъ товарищу, такъ безвременно погибшему. Онъ снова сталъ на колѣни и долго молился, стараясь не глядѣть въ лицо умершему, котораго открытые глаза, казалось, выражали безмолвный укоръ небу.

Умирающихъ на морѣ обыкновенно и хоронятъ въ морѣ — зашиваютъ въ мѣшокъ или въ парусину, привязываютъ къ ногамъ пушечное ядро

или иную тяжесть и спускают за борт. Предстояло то-же сдѣлать и съ тѣломъ Петрова, но у Яшимова не было ни мѣшка, ни парусины и никакой тяжести, даже камня, и потому онъ, поцѣловавъ мертвеца въ лобъ, перекрестилъ въ послѣдній разъ и, съ трудомъ приподнявъ со дна лодки, осторожно спустилъ въ море, книзу ногами.

Тяжело и страшно стало Яшимову даже оглянуться на то мѣсто, гдѣ мертвецъ исчезъ подъ водою, и онъ, приспособивъ парусъ, направилъ лодку на востокъ, вдоль африканскаго берега.

VII.

Въ гостяхъ у пирата.

Теперь только, когда Яшимовъ увидѣлъ себя совершенно одинокимъ въ безбрежномъ морѣ, на мелкомъ яликѣ и безъ малѣйшаго запаса пищи,— только теперь онъ задумался надъ своимъ положеніемъ, которое казалось безвыходнымъ.

Что ему предпринять? Куда направить утлую лодчонку? Гдѣ искать спасенія? Не въ Алжиръ-же возвращаться, хотя тамъ ждало его покинутое имъ дорогое существо. А переплыть Средиземное море на крошечномъ яликѣ безъ пищи и воды—объ этомъ было бы безуміемъ и думать.

Онъ рѣшился добраться до Туниса. Цѣлый день его яликъ съ надутымъ попутнымъ вѣтеркомъ парусомъ скользилъ по волнамъ на востокъ, вдоль алжирскаго берега. Весь день онъ ничего не ѣлъ и не пилъ. Душу его удручали тяжелыя думы — и горесть о погибшемъ другѣ, и тоска по покинутомъ дорогомъ существѣ, которое теперь стало ему еще дороже, и неизвѣстность будущаго. Раньше, когда они съ Петровымъ рѣшились бѣжать изъ Алжира на далматинской бригантинѣ, у него была надежда когда-нибудь добраться до родной земли. Для нея онъ оторвалъ отъ своего сердца самое дорогое, что онъ имѣлъ въ жизни — любовь и ласки любимой женщины; тогда за синими морями, далеко-далеко, воображенію его рисовалась милая Россія. А теперь все это потеряно имъ—и любовь, и счастье, и надежда.

Лѣвая нога его ныла отъ боли. Въ отчаянный моментъ схватки съ алжирцами, на бортѣ бригантины, алжирская пуля пронизала ему на вылетъ лѣвую ногу выше колѣнки, не задѣвъ, впрочемъ, кости, и хотя онъ наскоро перевязалъ ее, но перевязка сдѣлана была такъ дурно, что рана воспалилась и боль была невыносима.

Но вотъ прошелъ этотъ мучительный день, солнце погрузилось въ море и вскорѣ насталъ мракъ. Теперь можно было пристать къ берегу, и бѣглецъ направилъ свою лодку въ небольшой заливъ, осѣненный букетами пальмъ, которыя онъ замѣтилъ на горизонтѣ при закатѣ солнца, отразившаго послѣдніе лучи на зонтичныхъ вершинахъ африканскихъ великановъ растительнаго царства. Изъ-за пальмъ и небольшого возвышенія,

надъ которымъ эти деревья господствовали, вился къ небу синій дымокъ. Значитъ, жилье недалеко. Но это алжирское жилье. Бѣглецу изъ Алжира приходилось придумывать, за кого себя выдать и чѣмъ объяснить свое появленіе здѣсь на берегу моря.

Но безвыходность и смерть, глянувшая въ очи, изобрѣтательнѣе самой нужды.

Едва Яшимовъ, уже во мракѣ, присталъ къ берегу и вышелъ изъ ялика, какъ тотчасъ-же сталъ нагружать спасшую его лодку камнями-валунами, которыми усѣянъ былъ морской берегъ. Когда яликъ нагруженъ былъ такъ, что едва держался на водѣ, Яшимовъ, войдя въ воду, оттолкнулъ его и, держась руками за оба его передніе борта, сталъ отталкивать дальше и дальше отъ берега. Саженяхъ въ 20 или 30-ти отъ берега онъ остановился, накренилъ яликъ нѣсколько на бокъ, такъ что въ него залилась вода, накренилъ на другой бокъ—и яликъ моментально пошелъ ко дну. Даже верхушки мачты не осталось на поверхности.

— Прощай, другъ,—тихо сказалъ Яшимовъ:—ты меня спасъ, а я тебя утопилъ.

Потомъ онъ поплылъ обратно къ берегу. Вода ручьями текла съ него, когда онъ очутился на землѣ. Море тихо плескалось на низменный берегъ. Онъ обернулся. Невдалекѣ вырисовывались стройные силуэты пальмъ.

— Господи, помоги!—набожно перекрестился бѣглецъ, и пошелъ по направленію къ пальмамъ. Здѣсь берегъ нѣсколько возвышался, и когда Яшимовъ поровнялся съ пальмами, впереди, невдалекѣ, блеснулъ огонекъ. На огонекъ и пошелъ онъ.

Скоро онъ различилъ въ темнотѣ низенькую стѣну и очертанія арабской хижины. Изъ ея маленькаго оконца выходилъ свѣтъ. Это и былъ замѣченный имъ раньше огонекъ.

Подойдя къ открытымъ дверямъ хижины и увидѣвъ въ ней присутствіе людей, Яшимовъ произнесъ подобающее случаю арабское привѣтствіе. Изъ хижины ему отвѣчали тѣмъ-же и пригласили войти.

Яшимовъ вошелъ. Въ довольно просторной квадратной комнатѣ, на низкомъ диванѣ, покрытомъ кошмою изъ верблюжьей шерсти, сидѣлъ старикъ. Около него лежали пальмовыя вѣтви и до половины сплетенная изъ нихъ корзина. На цыновкѣ, у ногъ старика, сидѣли дѣти—мальчикъ и дѣвочка, которымъ, вѣроятно, не было и десяти лѣтъ. На низкомъ очагѣ горѣлъ огонь.

При входѣ Яшимова мальчикъ и дѣвочка вскочили и удивленно смотрѣли на него.

— Кого Аллахъ прислалъ въ мой шатеръ?—спросилъ старикъ.

— Саиба, дѣдъ,—отвѣчали разомъ дѣти:—онъ мокрый.

— Саиба!.. мокрый саибъ?—удивился старикъ и поднялся на ноги:— развѣ Аллахъ послалъ дождь жаждущей землѣ?

Съ знаками восточнаго привѣта Яшимовъ приблизился къ старику,

который оказался слѣпымъ. Старикъ протянулъ одну руку пришельцу, а другую положилъ ему на плечо.

— Да, мой гость мокрый,—сказалъ онъ;—а я и слѣпъ, и глухъ—не слыхалъ, какъ Аллахъ поилъ жаждущую землю изъ небеснаго фонтана.

— Нѣтъ, ага,—отвѣчалъ Яшимовъ:—Аллахъ не открывалъ сегодня небесныхъ фонтановъ: я вымокъ въ морской водѣ.

— Какъ-же саибъ попалъ въ море?—спросилъ старикъ.

— По волѣ Аллаха, который спасъ меня отъ рукъ невѣрныхъ—да будетъ благословенно имя его!—отвѣчалъ Яшимовъ, стараясь говорить витіеватою рѣчью.

— А развѣ гяуры близко?—встрепенулся старикъ.

— Нѣтъ, ага, они теперь далеко, хвала Аллаху! Я сейчасъ все разскажу.

— Хорошо, саибъ,—успокоился старикъ,—только пусть саибъ сейчасъ раздѣнется и просушитъ у моего очага свою одежду. А ты, Халиль, подай саибу мой лучшій плащъ,—обратился онъ къ мальчику, который, равно какъ и дѣвочка, не спускалъ глазъ съ пришельца.

— Аллахъ да наградитъ тебя!—съ чувствомъ сказалъ Яшимовъ,—а ты, малютка, выйди на минутку: женщинѣ не подобаетъ видѣть голое тѣло мужчины.

Дѣвочка сверкнула бѣлыми какъ кипень зубками, улыбнулась и юркнула за дверь, которая, какъ предполагалъ Яшимовъ, вела на женскую половину.

Пришелецъ тотчасъ-же раздѣлся, развѣсилъ мокрое платье у очага и облачился въ бѣлый, широкій бедуинъ, перевязавъ предварительно свою рану.

— Саибъ раненъ,—сказалъ мальчикъ, глядя на ногу пришельца.

— Раненъ?—переспросилъ старикъ.

— Да, пулею въ ногу,—отвѣчалъ Яшимовъ,—но пуля гяура не повредила кости.

— Хвала Аллаху!—оживленно заговорилъ старикъ;—все-же эта рана—ее надо залѣчить. Халиль!—обратился онъ къ мальчику,—поди къ матери, пусть она дастъ тебѣ заживной пластырь для раны саиба.

Мальчикъ юркнулъ на женскую половину, а старикъ усадилъ своего гостя на верблюжью кошму и сѣлъ противъ него на цыновку, поджавъ подъ себя традиціонно ноги. Скоро возвратился мальчикъ и принесъ кусокъ зеленой липкой массы. Яшимовъ зналъ уже свойство и употребленіе этого африканскаго пластыря, приготовляемаго изъ листьевъ алоэ и какой-то ароматной смолы, и наложилъ его на рану и на всю воспаленную часть ноги.

— Теперь, Халиль, подай саибу и мнѣ наргиле,—приказалъ старикъ.

Мальчикъ быстро исполнилъ приказаніе дѣда.

VIII.

Отводъ глазъ слѣпца.

— Я — чаушъ яснооблистательнаго дея алжирскаго, да хранитъ его Аллахъ и да пошлетъ ему столько лѣтъ, сколько въ его стадахъ коней и кобылицъ,—началъ Яшимовъ, потягивая дымъ изъ хрипящаго наргиле.— Третьяго дня его яснооблистательность изволилъ приказать мнѣ отправиться съ секретнымъ порученіемъ къ его ясносвѣтлости бею тунисскому на особо снаряженной и вооруженной шебекѣ. Первый день нашего плаванія, хвала Аллаху, былъ благополученъ, хотя противные вѣтры и замедляли ходъ шебеки. Ночью Аллахъ отвратилъ отъ насъ лицо свое...

— Да будетъ благословенно имя его!—набожно вздохнулъ старикъ:— онъ самъ знаетъ, куда вести правовѣрныхъ.

— Аллахъ керимъ!—съ притворной набожностью воскликнулъ Яшимовъ.—Ночью напалъ на насъ инглизъ.

— Инглизъ! проклятая собака!—не вытерпѣлъ старикъ:—пусть Аллахъ пальцемъ помѣшаетъ мозги инглиза и ослѣпитъ очи его!

— Аллахъ акберъ!—повторилъ Яшимовъ въ тонъ старику.

При этомъ онъ замѣтилъ, что наверху стѣны, за которою находилось женское отдѣленіе, осторожно чья-то рука приподняла занавѣску, и въ отверстіе блеснуло нѣсколько глазъ. Яшимовъ догадался, что это выглядывали оттуда женщины, и продолжалъ свой разсказъ.

— Инглизы атаковали мою шебеку на огромномъ, стопушечномъ линейномъ кораблѣ, и хотя мы и храбрые алжирцы, отважно сцѣпившись на абордажъ, отчаянно защищались и многихъ гяуровъ убили...

— Хвала Аллаху!—не вытерпѣлъ старикъ.

— Хотя,—продолжалъ Яшимовъ, — у гяуровъ былъ убитъ самъ ихъ капуданъ-паша...

— Капуданъ-паша!—вскочилъ старикъ, страшно ворочая слѣпыми глазами:—хвала Аллаху и его пророку! Да наградятъ они лучшими гуріями того правовѣрнаго, который убилъ капудана-пашу. Кто убилъ его, саибъ?— спросилъ старикъ.

— Мнѣ помогъ Аллахъ это сдѣлать,—скромно отвѣчалъ Яшимовъ.

— Тебѣ, саибъ? Дай-же поцѣловать ту руку, которая отправила въ адъ проклятую душу гяура.

И старикъ, взявъ руку Яшимова, поцѣловалъ ее. Его примѣру послѣдовалъ и маленькій Халиль. Вслѣдъ затѣмъ изъ женской половины прибѣжала дѣвочка, а за нею вошла сгорбленная старуха, и обѣ поцѣловали руку у своего интереснаго гостя.

— Тогда,—продолжалъ Яшимовъ, — на нашу шебеку гяуры ударили другимъ линейнымъ кораблемъ. Я былъ раненъ въ ногу пулею на вы-

летъ. Нѣкоторые изъ моей команды были убиты, другіе ранены, въ томъ числѣ и я, и взяты въ плѣнъ вмѣстѣ съ шебекою.

Старикъ горестно покачалъ головой.

— Ля илляхъ иль Аллахъ, Мухамедъ расуль Аллахъ!—какъ-бы про себя пробормоталъ онъ.

Дѣти не сводили глазъ съ разсказчика; старуха возилась у очага, перевѣшивая на другой бокъ сушившееся у огня платье Яшимова, а нѣсколько прелестныхъ глазъ продолжали сверкать изъ-за занавѣски женской половины.

— Всю ночь и слѣдующій день насъ, плѣнныхъ, держали въ тюрьмѣ,—продолжалъ Яшимовъ,—но въ тюрьмѣ было такъ душно, что за день нѣкоторые изъ моей команды, раненые, умерли...

— Да наградитъ ихъ Аллахъ прекраснѣйшими гуріями въ своемъ раю,—пробормоталъ старикъ.

— Я тоже притворился умирающимъ, и меня къ вечеру вынесли на палубу. Я увидѣлъ, что инглизъ держитъ путь на востокъ — или къ Тунису, или къ египетскимъ берегамъ. Корабли гяуровъ шли вдоль алжирскихъ береговъ, и я видѣлъ, что земля не далеко. Когда-же совсѣмъ стемнѣло, я бросился съ борта прямо въ море. Я хорошо плаваю и могу долго пробыть подъ водою. Я такъ и сдѣлалъ. Погрузившись въ море, я старался, подъ водою, уплыть подальше, и когда я вынырнулъ на поверхность, корабли были уже далеко впереди. Гяуры, конечно, подумали, что я утонулъ. Но Аллахъ сохранилъ мою жизнь.

— Хвала Аллаху!

— Потомъ я поплылъ къ берегу,—продолжалъ Яшимовъ.—Я издали видѣлъ ваши прекрасныя пальмы и огонекъ. Этотъ огонекъ и привелъ меня въ домъ твой, почтенный ага.

— Это не былъ огонекъ моего очага,—серьезно сказалъ старикъ,—то былъ глазъ Аллаха.

— Хвала Аллаху и его пророку! — съ своей стороны воскликнулъ Яшимовъ.

Между тѣмъ платье его высохло, и онъ снова одѣлся. Тогда въ эту комнату, гдѣ они сидѣли, изъ женскаго отдѣленія вышли двѣ молодыя женщины съ подносами, на которыхъ лежали куски жареной баранины, овечій сыръ, хлѣбъ, поджареный рисъ, свѣжіе финики и зеленые, длинные рожки банановъ. Поставивъ передъ гостемъ подносы, женщины также поцѣловали у него руку и молча удалились на свою половину.

Съ жадностью голоднаго волка Яшимовъ накинулся на вкусныя кушанья, хотя и старался сдерживать проявленія мучившаго его голода. Лучшіе кусочки онъ предлагалъ вертѣвшимся около него мальчику и дѣвочкѣ, а когда далъ имъ по серебряной монетѣ, то восторгу ихъ не было конца. И изъ-за занавѣски прекрасные глаза смотрѣли на него еще съ большей благосклонностью.

IX.

Красавица Хамсинъ.

Хотя на нынѣшній день обстоятельства и счастливо сложились для нашего бѣглеца, однако, завтра-же они могли измѣниться къ худшему, и даже непремѣнно должны измѣниться. Теперь уже, конечно, вѣсть объ измѣнѣ и бѣгствѣ одного изъ приближенныхъ къ дею чаушей достигла Алжира. Можетъ быть, уже сегодня отправлены гонцы во всѣ стороны для поимки измѣнника. Завтра-же утромъ гонцы могутъ явиться сюда, и тогда бѣжавшему чаушу не избѣжать казни.

Во что-бы то ни стало, надо скорѣе бѣжать отсюда, и конечно въ Тунисъ—въ Алжирѣ оставаться невозможно.

Но какъ бѣжать? какой найти предлогъ? Завтра-же все селеніе, въ которомъ онъ теперь скрылся на ночь и гдѣ онъ нашелъ такой радушный пріемъ,—завтра-же все селеніе сойдется посмотрѣть на такое важное лицо, какъ чаушъ, довѣренное лицо яснoблистательнаго дея.

Въ ночь онъ обдумывалъ свое критическое положеніе и только къ утру уснулъ, потому что пришелъ, наконецъ, къ наиболѣе, какъ ему казалось, подходящему рѣшенію. Надо купить хорошую лошадь и, подъ предлогомъ скорѣйшаго исполненія тайнаго порученія дея, скакать въ Тунисъ.

Чуть свѣтъ онъ уже на ногахъ. Но и старикъ уже сидѣлъ на цыновкѣ и говорилъ молитву, покачиваясь и кланяясь на востокъ. Яшимовъ долженъ былъ послѣдовать его примѣру, и тоже сталъ молиться.

По окончаніи моленія и обычныхъ восточныхъ привѣтствій, старикъ заговорилъ о предметѣ, который особенно безпокоилъ бѣглеца.

— Саибъ долженъ успокоить яснoблистательнаго дея,—сказалъ онъ.

— Чѣмъ успокоить, почтенный ага? — спросилъ Яшимовъ не безъ внутренней дрожи.

— А вѣстью, что, благодаря милости Аллаха, саибъ избѣжалъ рукъ гяуровъ. Пусть саибъ пошлетъ въ Алжиръ гонца съ этой вѣстью.

— О, нѣтъ, почтенный ага,—изворачивался нашъ бѣглецъ: — гонецъ только можетъ обезпокоить яснoблистательнаго дея.

— Почему-же такъ думаетъ саибъ?

— А потому, почтеннѣйшій ага, что теперь ему ничего неизвѣстно о гибели шебеки, а когда онъ узнаетъ объ этомъ, то это доставитъ его великому сердцу тревогу. А когда я лично, по исполненіи возложеннаго на меня порученія, предстану передъ его свѣтлыя очи и все объясню, тогда Аллахъ ниспошлетъ въ его сердце спокойствіе.

— Такъ,—согласился старикъ: — какъ-же саибъ исполнитъ это порученіе?

— Я сейчасъ долженъ ѣхать въ Тунисъ, и потому сейчасъ-же дол-

женъ достать здѣсь лучшаго скакуна, на которомъ-бы я могъ скорѣе достигнуть Туниса.

— Лучшая кобылица степей Алжира будетъ сейчасъ приведена саибу.

— А бѣгъ у нея хорошій?

— Она—быстрѣе вѣтра пустыни.

Но тутъ Яшимовъ вспомнилъ, что у него нѣтъ ни кинжала, ни сабли, ни пистолетовъ и никакого другого оружія, кромѣ трехграннаго стилета, который онъ вынулъ изъ груди погибшаго товарища. Надобно было подумать и объ оружіи, и онъ тотчасъ-же заговорилъ объ этомъ со своимъ хозяиномъ.

— Но мнѣ, почтенный ага, не одинъ конь нуженъ,—сказалъ онъ.

— Что-же еще нужно его милости саибу?--спросилъ старикъ.

— Гяуры отобрали у меня оружіе,—отвѣчалъ Яшимовъ.—Я долженъ для предстоящаго пути вооружиться съ головы до ногъ. Мало-ли что можетъ случиться дорогой!

— Саибъ дѣло говоритъ — надо хорошенько вооружиться,—сказалъ старикъ.—Хотя всемогущій Аллахъ и лишилъ меня зрѣнія — да и пора: я слишкомъ долго созерцалъ красоты его творенія,—однако, онъ не отнялъ у меня оружія. Саибъ самъ можетъ видѣть его на стѣнѣ.

Дѣйствительно, Яшимовъ давно уже поглядывалъ на прекрасное вооруженіе, въ красивей симметріи развѣшанное на стѣнѣ.

— Я дарю мое вооруженіе благородному саибу,—продолжалъ старикъ:— для слѣпца оно безполезно, и защитить меня могутъ мои сыновья.

— Много Аллахъ послалъ сыновей почтенному агѣ? — спросилъ Яшимовъ.

— Шесть молодцовъ.

— Гдѣ-же они теперь?

— Въ морѣ, на благородномъ промыслѣ.

„На грабежѣ“, подумалъ Яшимовъ:—„странствуютъ“.

Но надо было торопиться.

— Чѣмъ-же я отблагодарю почтеннаго агу за такой дорогой подарокъ?—спросилъ онъ.

— Доброй памятью о старикѣ и его гостепріимствѣ,—отвѣчалъ тотъ.

Яшимовъ горячо пожалъ руку великодушному хозяину.

— А гдѣ я долженъ искать кобылицу, о которой говорилъ благородный ага?—спросилъ онъ.

— Сейчасъ саибъ услышитъ топотъ ея копытъ у дверей моего дома.— Халиль!—крикнулъ старикъ.

На зовъ его изъ женской половины сейчасъ-же прибѣжалъ вчерашній востроглазый арабченокъ, скаля бѣлые зубы.

— Бѣги, внучекъ, сейчасъ къ Абдулъ-Ибрагиму,—обратился къ нему старикъ:—пускай ведетъ сюда кобылицу Хамсинъ, осѣдланную лучшимъ сѣдломъ —да скорѣй!

Мальчикъ стрѣлой вылетѣлъ за дверь.

— Она горяча какъ хамсинъ и быстра какъ хамсинъ *), — сказалъ старикъ,—оттого Хамсиномъ ее и назвали.

Черезъ нѣсколько минутъ дѣйствительно послышался топотъ лошадиныхъ копытъ, и въ открытую дверь показалась голова и роскошная грива бѣлой, какъ горный снѣгъ, красавицы.

X.

Лицомъ къ лицу со львомъ пустыни.

Заря только-что занимается. Величественно и прекрасно африканское утро—утро пустыни. Солнце еще не выкатилось изъ-за горизонта, но восточная окраина неба уже золотится.

Въ этой холмистой песчаной пустынѣ, кое-гдѣ какъ-бы вскрапленной безобразными кустами гигантскихъ кактусовъ да одинокими букетами пальмъ, виднѣется единственное живое существо—одинокій всадникъ на бѣломъ конѣ. Это повидимому бедуинъ, хорошо вооруженный и по всей вѣроятности отправляющійся въ далекій путь. Кромѣ длиннаго тонкаго копья, двустволки, перекинутой за спину, и кинжаловъ съ пистолетами, торчащихъ за широкимъ пестрымъ поясомъ, у путника черезъ сѣдло перевѣсились переметныя, ярко-пестрыя сумы и кожаный бурдюкъ съ водою. Бедуинъ держитъ путь на востокъ.

Бедуинъ этотъ былъ Яшимовъ. Онъ ѣхалъ въ глубокой задумчивости. Вдругъ ему послышались какъ-бы слабые, отдаленные раскаты грома. Онъ съ удивленіемъ началъ прислушиваться и осматриваться кругомъ. Откуда-бы быть грому?... На утреннемъ небѣ ни облачка, да африканское небо и не часто видитъ этихъ воздушныхъ странниковъ. Слабые раскаты повторились... Что-бы это было?

Тутъ только онъ замѣтилъ, что Хамсинъ насторожила уши и вся дрожитъ. Громовые раскаты послышались снова и теперь онъ различилъ, что это не раскаты грома, а очень знакомые всѣмъ африканцамъ звуки. На зарѣ они особенно внушительны.

То было рыканье льва—царя этой угрюмой пустыни. Живя пять лѣтъ въ Африкѣ, Яшимовъ успѣлъ хорошо прислушаться къ этой страшной музыкѣ пустыни и не разъ лично имѣлъ дѣло съ хвостатымъ и гривастымъ пѣвцомъ Африки.

Но гдѣ онъ? Куда направляетъ свой путь? Въ это время онъ обыкновенно ходитъ на водопой и ревомъ своимъ привѣтствуетъ восходящее солнце. Этотъ ревъ очень хорошо знаютъ всѣ звѣри Африки, и едва заслышатъ его, тотчасъ со страхомъ убѣгаютъ прятаться. И одинъ-ли онъ

---

*) Африканскій знойный вѣтеръ—„самумъ“ или „хамсинъ“.

[illegible] или со львицей? Если не одинъ, то это было [illegible]

[illegible] это, какъ вдали на песчаномъ холмѣ ясно [illegible]. Голова чудовища съ громадною гривою обра- [illegible]

[illegible] рыканье; левъ повернулъ голову—и, казалось, [illegible], онъ увидѣлъ добычу. Видно было, какъ онъ [illegible]. И лошадь увидала его и испуганно захрапѣла. Те- [illegible] какъ въ лихорадкѣ.

[illegible] успѣлъ приблизиться къ кактусамъ, левъ сдѣлалъ два [illegible] прыжка. Яшимовъ понялъ, что спастись невозможно, и надо [illegible]. Онъ зналъ ухватки страшнаго звѣря, зналъ и его плохую [illegible]: царь звѣрей порядкомъ-таки глуповатъ. На эту глу- [illegible] и разсчитываетъ охотникъ.

Подъѣхавъ къ пальмѣ, онъ слѣзъ съ лошади, которая продолжала дрожать, и желѣзною цѣпью привязалъ ее къ стволу пальмы, по ту сторону ствола, противоположную тому мѣсту, откуда могъ приблизится левъ. Лошадь испуганно рвалась и билась; но желѣзная цѣпь держала ее. Самъ-же Яшимовъ тотчасъ засѣлъ за кустъ кактуса, вынулъ изъ ноженъ кинжалы, приготовилъ пистолеты, и, осмотрѣвъ курки пистолетовъ и двустволки, дуло послѣдней просунулъ сквозь кустъ, въ отверстіе между колючими листьями кактуса. Въ это отверстіе ему хорошо видно было звѣря.

Теперь левъ, уже совсѣмъ недалеко, ползъ на брюхѣ съ ужимками кошки, подкрадывающейся къ воробью или къ голубю. Звѣрь воображалъ, что добыча не видитъ его и подкрадывался. Еще нѣсколько шаговъ и онъ сдѣлаетъ свой страшный прыжокъ прямо на добычу.

У Яшимова болѣзненно сжалось сердце, когда онъ слѣдилъ за этими движеніями ужасной кошки. Онъ слѣдилъ за движеніемъ ея мускуловъ и положеніемъ ногъ. Вотъ-вотъ ужасная кошка начинаетъ какъ-бы сжиматься, выпячивать спину, подбирать ноги. Лицо звѣря подергивается конвульсіями... Вотъ-вотъ...

Грянулъ выстрѣлъ, и страшное животное сдѣлало этотъ ожидаемый прыжокъ, но не сюда, не на добычу, а вверхъ—и опрокинулось. Въ одно мгновеніе оно поднимается и дѣлаетъ новый прыжокъ; но на полетѣ его встрѣчаетъ новая пуля—прямо въ лобъ—и страшное животное падаетъ на землю, конвульсивно корчась и окрашивая песокъ пустыни кровью.

Яшимовъ выскакиваетъ изъ своей засады и въ затылокъ льва, у самой гривы, всаживаетъ огромный кинжалъ по самую рукоятку.

Тутъ только Яшимовъ замѣтилъ, что убитое имъ чудовище—необычайныхъ размѣровъ. И теперь только онъ почувствовалъ, что его бьетъ лихорадка.

Онъ упалъ на колѣни и, закрывъ лицо руками, молился безъ словъ.

XI.

Въ Тунисѣ—на невольничьемъ рынкѣ.

На четвертый день послѣ утомительнаго переѣзда по пустынѣ и по рѣдкимъ оазисамъ съ селеніями, передъ нашимъ путникомъ, въ синей дали, стали отчетливо вычерчиваться на горизонтѣ стройныя иглы минаретовъ, куполы мечетей и домовъ и бѣлыя стѣны, осѣненныя кое-гдѣ пальмами: то былъ Туиисъ.

Яшимовъ выѣхалъ теперь на большую караванную дорогу, гдѣ уже было больше движенія. Попадались и одинокіе путники, пѣшіе и конные; по сторонамъ дороги паслись стада овецъ и верблюдовъ; караваны верблюдовъ, глухо звеня колокольчиками, тянулись то къ Тунису, то отъ Туниса. Влѣво, за песчаными холмами, разстилалось голубое море, которое и пугало своею безбрежностью, и невольно приковывало къ себѣ взоръ: тамъ, за этимъ бирюзовымъ моремъ и за этою синею далью постоянно витали грустныя думы нашего путника.

За этими думами онъ и не замѣтилъ, какъ очутился у самыхъ воротъ города. Одѣтый въ костюмъ, въ какомъ ходили всѣ побережные жители Алжира и Туниса, Яшимовъ свободно въѣхалъ въ городъ. Городъ былъ для него незнакомъ, но ничѣмъ не отличался отъ другихъ городовъ Африки, и Яшимовъ, хорошо ознакомившійся съ городами Востока по Алжиру, скоро добрался до центра этого шумнаго африканскаго муравейника — до базара. Тутъ онъ легко отыскалъ „ханъ“—нѣчто въ родѣ постоялаго двора, и остановился въ немъ.

Четырехдневное путешествіе верхомъ, часто подъ палящимъ солнцемъ, порядкомъ истомило его, а отсутствіе горячей пищи и питанье въ пути почти однимъ вареннымъ рисомъ да финиками довели его до того, что онъ очень отощалъ. Отощало немало и его бѣлоснѣжная красавица—Хамсинъ. Лошадь тотчасъ-же поставили въ прохладную конюшню, гдѣ не было мухъ, и задали ей корму, послѣ хорошей выводки по двору. Яшимовъ-же заказалъ себѣ рисовую съ кайенскимъ незрѣлымъ перцемъ и съ молоденькими креветками похлебку и хорошій шашлыкъ.

Подкрѣпившись и отдохнувъ, онъ сталъ обдумывать свое положеніе. Что ожидаетъ его въ Тунисѣ? Что онъ будетъ тутъ дѣлать? О поступленіи на службу къ дею, подобно тому, какъ онъ служилъ въ Алжирѣ, онъ и думать не хотѣлъ. Если тамъ, достигнувъ въ пять лѣтъ почти положенія вельможи-начальника одной изъ крѣпостей Алжира, онъ бросилъ все, даже прелестную и любимую имъ жену, и очертя голову пустился въ море, въ невѣдомый путь, то здѣсь онъ зачахнетъ съ тоски по родинѣ. Надо во что бы-то ни стало найти средство бѣжать и отсюда. Но какъ, на чемъ бѣжать? Онъ долго объ этомъ думалъ и остановился на единственномъ ра-

— Нѣтъ, милое дитя, я бѣжалъ сюда изъ Марсели—я былъ въ плѣну у французовъ, и вотъ уже пять лѣтъ въ Африкѣ, тоскую по Россіи, не знаю, какъ и попаду въ нее.

— О!—бросилась къ нему дѣвушка:—возьмите и насъ съ собой! Выкупите насъ! Папа вдвое, втрое отдастъ вамъ за насъ.

Изумленіе тунисцевъ—продавца и покупателя — возростало по мѣрѣ того, какъ Яшимовъ продолжалъ разговаривать съ плѣнною дѣвушкою. По костюму и даже по облику они видѣли въ незнакомцѣ своего человѣка, только говорящаго на незнакомомъ для нихъ языкѣ; но когда они увидѣли, какъ бросилась къ нему дѣвушка и какъ ея маленькій братъ сталъ цѣловать у незнакомца руку,—они сообразили, что это какой-нибудь важный паша изъ Московъ и что онъ вѣроятно много отсыпетъ за хорошенькую плѣнницу. Продавецъ-пиратъ торжествовалъ, особенно когда Яшимовъ обратился къ нему съ вопросомъ: какую цѣну онъ проситъ за эту дѣвушку и за ея брата?

Пиратъ заломилъ неслыханную цѣну. Яшимовъ видѣлъ, что безполезно было бы торговаться, такъ какъ если-бъ жадный продавецъ даже вдвое и втрое сбавилъ противъ запроса, то и тогда онъ не могъ бы заплатить,—и онъ грустно опустилъ голову, не смѣя даже взглянуть въ лицо тѣмъ, которые отъ него ждали спасенія.

— Что же? нельзя выкупить? не продаетъ?—спросила несчастная.

— Бѣдная вы моя! — отвѣтилъ Яшимовъ. — Онъ запросилъ за васъ такую цѣну, что если-бъ я и себя продалъ вмѣстѣ со всѣмъ, что у меня есть, то и тогда не достало бы.

— Боже мой! Боже мой!—ломала руки дѣвушка.

— Утѣшьтесь, дитя мое!—успокаивалъ ее Яшимовъ, самъ сознавая въ душѣ, какъ безполезно было это успокоеніе.—Скажите, по крайней мѣрѣ, фамилію вашего батюшки: если, Богъ дастъ, я вырвусь изъ этой проклятой земли, то первымъ долгомъ я сочту побывать на островѣ Корѳу и сказать вашему батюшкѣ, гдѣ вы и что съ вами, чтобы онъ зналъ по крайней мѣрѣ, что вы живы. А тогда, повѣрьте, онъ употребитъ всѣ усилія, всю свою власть, чтобы, освободить васъ изъ плѣна. Вѣрьте, дорогое дитя, что русское правительство вмѣшается въ это дѣло, и адмиралъ Сенявинъ, который теперь крейсируетъ съ русскимъ флотомъ въ Средиземномъ морѣ...

— Онъ былъ въ Корѳу въ то время, какъ насъ взяли въ плѣнъ,— сказала дѣвушка, въ которой слова Яшимова пробуждали надежду.

— Вотъ видите,—продолжалъ Яшимовъ.—Сенявинъ, узнавъ, гдѣ вы, немедленно отправитъ сюда эскадру, чтобы требовать вашей выдачи, и въ случаѣ сопротивленія—прикажетъ бомбардировать Тунисъ. Вѣрьте мнѣ, дитя мое.

Но самъ онъ не вѣрилъ тому, въ чемъ старался увѣрить дѣвушку.

— Когда же вы ѣдете домой?—нѣсколько успокоенная, спросила дѣвушка.

— Да какъ только придетъ въ Тунисъ какой-нибудь христіанскій корабль. Какъ же фамилія вашего батюшки?

— Азаровъ, Николай Ивановичъ.

— Хорошо, я буду помнить... Не приходите только въ отчаяніе, бѣдное дитя,—ждите.

Но въ душѣ онъ сознавалъ всю неосновательность того, о чемъ говорилъ. Развѣ плѣнная дѣвушка останется въ Тунисѣ? Кто поручится, что этотъ безжалостный покупатель не завезетъ ее въ Марокко, чтобы продать въ гаремъ марокксскому султану, или въ Каиръ, въ Дамаскъ? Богъ знаетъ, что ожидаетъ дѣвушку и ея брата-ребенка, который теперь, тоже нѣсколько успокоившись, ѣлъ рахатъ-лукумъ и съ довѣріемъ смотрѣлъ въ глаза Яшимова.

Не рѣшаясь присутстовать при концѣ возмутительной сцены продажи несчастной дѣвушки и ея брата, Яшимовъ сталъ съ ними прощаться.

— Куда же вы?—встрепенулась дѣвушка.

— На пристань, искать христіанскій корабль.

— Какъ же васъ зовутъ? Мы будемъ молиться за васъ.

— Моя фамилія Яшимовъ, Степанъ Симоновичъ. Господь да хранитъ васъ!

Онъ торопливо удалился. Дѣвушка крикнула ему вслѣдъ:

— А моего хозяина зовутъ Абдъ-эль-Нубаръ! помните это!

И она снова залилась слезами.

„Хозяинъ!“ болью прозвучало въ ушахъ Яшимова это слово. Дочь консула, такая прелестная, можетъ быть никогда не знавшая горя, беззаботная, счастливая еще такъ недавно,—и вдругъ ея уста должны произносить это ужасное слово: „хозяинъ“! Нѣтъ—еще горше: онъ не хозяинъ, а господинъ ея, неограниченный владѣлецъ, который можетъ продать ее, какъ послѣднюю собаку...

И онъ торопливо затерся въ толпѣ.

XII.

На тунисскомъ корсарѣ.

Но христіанскій корабль все не появлялся въ тунисской гавани. Да и какой христіанскій корабль понесетъ къ пиратамъ?

Дни проходили за днями, а Яшимовъ все напрасно поглядывалъ на море, напрасно ждалъ спасительнаго корабля. Скоро у него вышли всѣ деньги, оставшіяся отъ сбереженій въ Алжирѣ. Приходилось продавать красавицу Хамсинъ—и онъ ее продалъ тамъ-же, на невольничьемъ рынкѣ, гдѣ тогда продавали русскую дѣвушку и ея маленькаго брата. Теперь уже ихъ больше не выводили на рынокъ: должно быть продали. Но куда? Встрѣтившаяся ему на рынкѣ та отвратительная старуха, что присутство-

вала тогда при торгѣ, на вопросъ Яшимова—куда продали русскую дѣвушку и ея брата, отвѣчала, скаредно осклабившись:

— Мальчика въ Египетъ, а красавицу увезли къ султану, въ Тетуанъ: тамъ хорошо ей будетъ; тамъ въ гаремѣ красавицы жемчужный пловъ ѣдятъ, а шашлыкъ имъ дѣлаютъ изъ молодыхъ страусовъ.

Скоро и тѣ деньги, которыя были выручены отъ продажи коня, были прожиты Яшимовымъ, и онъ долженъ былъ питаться отъ поденной работы. Выходилъ онъ каждое утро на пристань и тамъ нанимался на какой-нибудь корабль—таскать бревна, привозимыя изъ другихъ странъ для безлѣснаго Туниса, тюки хлопчатой бумаги, желѣзо, камень. Эта непривычная работа подъ палящими лучами африканскаго солнца такъ истощила его, такъ разбила всѣ его члены, что онъ поневолѣ долженъ былъ искать другой, болѣе легкой работы.

Но какая-же другая работа могла отыскаться въ Тунисѣ, кромѣ пиратства? И Яшимовъ поступилъ въ пираты, потому что въ это время снаряжалась въ море военная шебека о 16-ти пушкахъ для корсарской экспедиціи, и въ числѣ знакомыхъ пиратовъ, поступившихъ на шебеку, былъ и Адбъ-эль-Нубаръ, бывшій владѣлецъ дѣвицы Азаровой и ея маленькаго брата.

Тяжело было Яшимову рѣшиться вступить на эту дорогу—сознательно стать морскимъ разбойникомъ, съ единственною и исключительною цѣлью или профессіею—грабить и убивать христіанъ, выслѣживать въ морѣ христіанскіе корабли и, послѣ кровавыхъ схватокъ, уводить въ плѣнъ. Но что-же ему дѣлать? При этомъ, впрочемъ, его поддерживала тайная надежда: авось, въ то время, когда ихъ шебека пристанетъ къ берегу какой нибудь христіанской страны, чтобы ограбить какую-нибудь деревеньку или захватить въ плѣнъ ея обывателей, — авось ему удастся ускользнуть незамѣченнымъ и остаться на берегу христіанской земли. Эта мысль оживила его, придала бодрости его упавшей энергіи. Все-же не въ этой проклятой Африкѣ! Состоя пиратомъ на шебекѣ, въ случаѣ даже непосредственной схватки съ христіанскимъ кораблемъ или же въ случаѣ нападенія на христіанское поселеніе, онъ всегда можетъ уклониться если не отъ участія въ нападеніи, то во всякомъ случаѣ отъ прямого убійства. Наконецъ, можетъ, какъ ему казалось, представиться такой случай, когда жертва пиратскаго насилія охотнѣе предпочтетъ смерть, чѣмъ плѣнъ и позоръ или постыдную жизнь въ гаремѣ какого-нибудь дикаго сластолюбца. И при этомъ ему невольно вспомнилась Азарова, которая даже не догадывалась о всей глубинѣ ожидавшаго ее позора: невинная дѣвушка боялась только неизвѣстности и плакала о папѣ и мамѣ.

Наконецъ, шебека вышла въ море.

Одинъ день смѣнялся другимъ, а пиратское судно все скиталось по морю, не находя добычи. Пираты догадывались, почему море казалось теперь такимъ пустыннымъ, мертвымъ—хоть-бы одно христіанское судно! Разбойники знали, что у береговъ Франціи, Италіи, Далмаціи и въ гре-

ческомъ Архипелагѣ крейсируютъ двѣ грозныя христіанскія флотиліи — англійская и русская. Имъ хорошо было извѣстно, что значитъ тягаться съ такими великанами, какъ линейные корабли, вооруженные могучими пушками или съ юркими канонирками, безпрестанно шныряющими по морю. Они очень хорошо помнили, какъ еще недавно двѣ пиратскія шебеки настигнуты были недалеко отъ береговъ Сициліи англійскимъ кораблемъ, и въ нѣсколько минутъ одна шебека, вся пробитая ядрами, пошла ко дну вмѣстѣ со всѣмъ экипажемъ, а другая, благодаря только быстротѣ своего хода, за что и называлась „Вихремъ",—успѣла ускользнуть.

И шебека „Тимса", что значитъ „крокодилъ", на которой находился теперь Яшимовъ, не разъ видѣла на горизонтѣ бѣлые паруса, но подъ этими парусами ясно обрисовывались исполинскіе профили линейныхъ кораблей, и шебека спѣшила спасаться бѣгствомъ къ берегамъ Африки.

Какъ-то разъ вечеромъ шебека бросила якорь въ виду какой-то неизвѣстной Яшимову земли. Что это не была Африка, онъ былъ вполнѣ увѣренъ, такъ какъ солнце садилось не въ море, а за горами, заслонявшими собою горизонтъ. Но былъ-ли это материкъ Европы, или-же какой-нибудь островъ въ Средиземномъ морѣ—онъ не зналъ.

При видѣ покрытыхъ зеленью береговъ и живописныхъ холмовъ, при видѣ всего этого чарующаго ландшафта земли, которой Яшимовъ не видѣлъ уже болѣе мѣсяца—вода, одна вода кругомъ, да небо—и ничего болѣе!—при видѣ этой земли, совсѣмъ не похожей на берега Африки, у Яшимова въ сердцѣ заговорила безумная радость. Такъ вотъ наконецъ то, о чемъ онъ столько лѣтъ тосковалъ, что, казалось, навѣки было закрыто для него!—и такъ близко, такъ заманчиво близко!

Въ эту ночь Яшимову пришлось стоять на часахъ въ первую вахту.

Днемъ была буря. Не разъ шебекѣ приходилось вступать въ бой съ грозными тифонами. Экипажу приходилось много работать и теперь, когда наступила ночь, утомленные пираты заснули мертвымъ сномъ.

Не медля ни минуты, Яшимовъ спустилъ съ шебеки веревочную лѣстницу, какъ кошка перебрался при помощи этой лѣстницы къ ялику, подвѣшенному недалеко отъ воды, тихо спустилъ его по блоку на воду—и въ нѣсколько минутъ былъ уже далеко отъ шебеки. По мѣрѣ того, какъ утопалъ во мракѣ чорный остовъ корсара, очертанія земли становились явственнѣе.

И вотъ онъ у берега. Онъ слышитъ, какъ прибрежныя волны, сверкая фосфорическими искрами пѣны, шепчутся съ береговыми гальками, то выбрасывая ихъ на берегъ, то увлекая въ море.

Еще взмахъ веселъ, и яликъ врѣзался въ берегъ, шурша гальками и валунами. Яшимовъ прыгаетъ. Ноги его ощущаютъ подъ собою европейскую землю!

Онъ быстро удаляется отъ моря, стараясь даже не оглядываться. Изъ-за берегового уступа въ глаза ему мелькнулъ огонекъ. И здѣсь, какъ тамъ, въ Африкѣ, онъ идетъ на огонекъ. Но здѣсь онъ не видитъ пальмъ,

какъ видѣлъ тамъ. Тутъ какія-то другія деревья, невысокія, но съ кудрявыми вершинами.

Огонекъ все ближе и ближе. Залаяла собака. Но этотъ лай не останавливаетъ путника—онъ приближается къ хижинѣ, увитой темной зеленью. Собака бросается на него—онъ защищается прикладомъ ружья.

Огонекъ замигалъ, скрылся и показался въ дверяхъ.

— Кто тутъ?—послышался женскій голосъ.

Яшимовъ узналъ итальянскую рѣчь, къ которой слухъ его нѣсколько привыкъ во время итальянскаго похода Суворова, въ войскѣ котораго служилъ и Яшимовъ.

— Buona sera!—отвѣчалъ онъ, приближаясь къ двери и выходя на огонь:—я христіанинъ.

— Езусъ-Марія!—испуганно вскрикнула женщина, отступая.

Ее поразилъ страшный видъ пришельца. Она не разъ видѣла корсаровъ, грабившихъ берега ея родины, и теперь въ пришельцѣ она узнала корсара.

— Корсары! корсары!—отчаянно закричала она.

На крикъ ея выбѣжали мужчины въ красныхъ колпакахъ и съ ружьями и пистолетами въ рукахъ.

— Я не корсаръ,—говорилъ Яшимовъ, дѣлая крестное знаменіе и бросая на землю ружье, пистолеты и кинжалы:—я христіанинъ, я русскій офицеръ, я былъ въ плѣну у корсаровъ, и теперь убѣжалъ отъ нихъ. Misericordia! misericordia!—поднялъ онъ руки къ небу.

Люди въ красныхъ колпакахъ, повидимому, успокоились.

— А скажите, добрые люди, гдѣ я? Какая это земля?

— Корсика.

Яшимовъ бросился на колѣни.

— Господи!.. Нынѣ отпущаеши, Владыко...

Онъ не могъ продолжать—слезы душили его.

XIII.

Улиссъ у Калипсо.

Черезъ нѣсколько дней мы уже видимъ нашего Одиссея въ крѣпости Бонифачіо.

Корсиканскіе рыбаки, къ которымъ онъ попалъ послѣ побѣга съ корсарской шебеки, на другой-же день отправили пришельца къ коменданту этой крѣпости, такъ какъ деревня ихъ находилась недалеко отъ Бонифачіо.

Комендантъ крѣпости, маленькій сѣдой французъ, узнавъ, что онъ русскій офицеръ и притомъ бывшій когда-то врагомъ Франціи, сражаясь противъ нея въ рядахъ русскихъ войскъ, принялъ мнимаго корсара не особенно любезно.

— Eh bien, monsieur, vous êtes, nom de Dieu, un Ulysse.

Яшимовъ ничего не отвѣчалъ. Онъ, надо сказать правду, не зналъ совсѣмъ, кто такой былъ этотъ Улиссъ.

— Чего-же вы хотите?—спросилъ комендантъ, довольный своей остротой.

— Я прошу васъ, господинъ комендантъ, отпустить меня въ Россію,—отвѣчалъ Яшимовъ.

— О!—улыбнулся веселый французъ:—вы знаете, мосье Улиссъ, куда вы попали?

— Я на Корсикѣ, господинъ комендантъ,—былъ отвѣтъ.

— О, нѣтъ, Мосье Улиссъ находится на островѣ madame Калипсо.

Яшимова поразило это.

— А мнѣ сказали, что это Корсика,—бормоталъ онъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ! Развѣ мосье Улиссъ не знаетъ мадамъ Калипсо?

— Не знаю, господинъ комендантъ.

— О! въ такомъ случаѣ я вас представлю ей... Вы читали „Телемака“? Вѣдь русскіе офицеры всѣ знаютъ „Телемака“.

— А я, господинъ комендантъ, не знаю: я не учился въ шляхетскомъ корпусѣ.

— Жаль, а то-бы вы знали мадамъ Калипсо. Впрочемъ, я вамъ скажу: мадамъ Калипсо ни за что не хотѣла отпускать отъ себя мосье Улиссъ. Не отпущу и я васъ, мосье Улиссъ. Вы мой плѣнникъ.

Яшимовъ грустно опустилъ голову. Опять плѣнъ, опять неволя.

— Но вы не безпокойтесь, мосье Улиссъ,—я не посажу васъ въ тюрьму,—успокоивалъ его французъ. — Я беру васъ въ мой гарнизонъ солдатомъ.

— Но вѣдь я офицеръ, господинъ комендантъ,—возразилъ Яшимовъ.

— Я вѣрю вамъ, мосье— въ свою очередь возразилъ французъ.— Но вѣдь и Улиссъ былъ царь острова Итаки, а потомъ, знаете, что съ нимъ было?

— Не знаю, господинъ комендантъ.

— Царь Улиссъ свиней пасъ. Поняли?

— Понялъ,—пожалъ плечами Яшимовъ, которому горько было слушать насмѣшки болтливаго француза.

— Ну, такъ я васъ дѣлаю не свинопасомъ, а солдатомъ... Я самъ, мосье, солдатъ, и горжусь этимъ званіемъ!—пѣтушился сѣденькій болтунъ.

Въ тотъ-же день съ Яшимова сняли одѣяніе корсара и нарядили въ мундиръ французскаго солдата.

Опять для него потянулись дни неволи.

XIV.

Вѣсти о Фатьмѣ.

Яшимовъ былъ опредѣленъ матросомъ въ флотскій экипажъ, исключительно предназначенный для преслѣдованія морскихъ разбойниковъ, которые, несмотря на крейсировавшіе у европейскихъ береговъ Средиземнаго моря англійскія и русскія эскадры, нерѣдко на своихъ легкокрылыхъ шебекахъ налетали на Сардинію и Корсику изъ своихъ разбойничьихъ гнѣздъ — изъ Туниса и Алжира, и опустошали берега этихъ острововъ.

Казалось, что судьба злостно, разсчитанно, съ послѣдовательною жестокостью преслѣдовала его, словно Немезида древнихъ злополучнаго Ореста. Онъ убѣгалъ отъ ненавистной Африки, а она сама, казалось, гналась за нимъ. Онъ ненавидѣлъ море, на которомъ извѣдалъ столько горя и лишеній, а море само шло ему навстрѣчу, съ его бурями и тифонами. Онъ цѣною глубокихъ страданій добылъ себѣ свободу отъ пиратовъ, а теперь съ ними только и имѣлъ дѣло.

Все лѣто небольшая корсиканская флотилія крейсировала у береговъ острова, и не проходило недѣли, чтобы ей не случалось вступать въ бой съ алжирскими и туниссками корсарами.

Однажды флотиліи этой удалось окружить одну небольшую алжирскую шебеку. Видя, что уйти ей нельзя, она на всѣхъ парусахъ помчалась на самую неповоротливую корсиканскую бригантину, на которой находился Яшимовъ, и очутившись у нея подъ правымъ бортомъ, вцѣпилась въ него своими красными баграми и присосалась къ бригантинѣ, словно огромный октоподъ къ бревну. Въ одно мгновеніе пираты какъ кошки бросились на абордажъ и на палубѣ бригантины завязалась отчаянная рукопашная. Между тѣмъ съ другого своего борта и съ кормовой части шебека сыпала картечью по другимъ судамъ, обступившей ее со всѣхъ сторонъ корсиканской флотиліи. Но силы были не равны. Корсиканскія пушки скоро сбили у шебеки мачту, перебили реи, подѣлали громадныя пробоины въ надводной и подводной части корсара. Между тѣмъ матросы корсиканской бригантины успѣли поперерубить всѣ багры пиратовъ, прикрѣплявшіе шебеку къ правому борту бригантины,—и корсаръ быстро погружался въ море.

Отчаянные разбойники знали, что въ плѣну ихъ ожидаетъ жестокая казнь, и потому не просили пощады и не искали спасенія, но вмѣстѣ съ своимъ кораблемъ погружались въ море, окрашенное ихъ собственною и корсиканскою кровью.

— Аллахъ керимъ! Аллахъ акберъ!—кричали фанатики, погружаясь въ воду и поднимая руки къ небу.

Одного пирата, ближе всѣхъ стоявшаго у борта погибшей шебеки, корсиканскій матросъ успѣлъ зацѣпить багромъ за куртку и вытащилъ его изъ

моря на бортъ бригантины. Фанатикъ извивался какъ рыба на крючкѣ и силился своею кривою саблею перерубить багоръ. Но это ему не удалось, и его какъ акулу вытащили на палубу. Но такъ какъ онъ все силился вырваться и прыгнуть въ море, то его связали и прикрѣпили къ мачтѣ, но такъ, чтобы онъ могъ сидѣть.

Яшимовъ подошелъ къ нему—и отступилъ съ испугомъ.

— Абу-Талебъ!—прошепталъ онъ.

Пиратъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него, и черные глаза его сверкнули.

— Саибъ-эль-Яшимъ!—пробормоталъ онъ.

Они узнали другъ друга. Плѣнный пиратъ, котораго Яшимовъ назвалъ Абу-Талебомъ, служилъ въ гарнизонѣ той небольшой крѣпосцы въ Алжиріи, комендантомъ которой, около года тому назадъ, былъ этотъ самый Яшимовъ, или, какъ его тамъ величали, чаушъ Саибъ-эль-Яшимъ. Яшимовъ, слѣдовательно, былъ его прямымъ начальникомъ. Послѣ его бѣгства вмѣстѣ съ далматинскими славянами, Яшимова считали погибшимъ въ морѣ, тѣмъ болѣе, что черезъ нѣсколько дней послѣ ихъ побѣга трупъ неразлучнаго спутника и друга эль-Яшима, Петрова, прибило волнами къ берегу, недалеко отъ той-же крѣпостцы, а бѣжавшіе далматинцы, послѣ нѣсколькихъ дней плаванія по морю на утлой лодчонкѣ, измученные и умирающіе съ голоду, снова пристали къ берегамъ Алжиріи и были алжирцами снова взяты въ плѣнъ.

И вдругъ этотъ погибшій „саибъ-эль-Яшимъ“—на корсиканской бригантинѣ!

Съ глубокимъ волненіемъ глядѣлъ Яшимовъ на этого плѣннаго разбойника. Если-бъ онъ попытался дать отчетъ въ своихъ чувствахъ, то понялъ-бы, что при видѣ знакомаго лица въ душу его закралось радостное чувство. Въ этотъ моментъ все прежнее было забыто. И пять лѣтъ подневольной жизни гдѣ-то на краю свѣта, въ разбойничьемъ гнѣздѣ, и тоска по родинѣ, лишенія и страданія этого послѣдняго года—все заслонилось какимъ-то свѣтлымъ образомъ, какъ будто-бы этотъ милый образъ отражался теперь на этомъ черномъ разбойничемъ лицѣ. Сначала это было какъ-бы несознанное ощущеніе; но оно скоро стало сознательнымъ.

„Онъ видѣлъ ее—онъ можетъ сказать что-нибудь объ ней“.

— Али-Абу-Талебъ!—повторилъ Яшимовъ дрожащимъ голосомъ. -Ля-илляхъ иль-Аллахъ, Мухамедъ расуль Аллахъ!

Пиратъ молчалъ, дико озираясь по сторонамъ.

— Не бойся меня, Абу-Талебъ,—продолжалъ Яшимовъ:— я постараюсь дать тебѣ возможность бѣжать.

Ихъ окружили другіе матросы и съ любопытствомъ прислушивались къ незнакомой рѣчи Яшимова.

— Развѣ этотъ разбойникъ тоже русскій?—спрашивали они.

— Должно быть, русскій.

— Синьоръ Джакома (такъ итальянцы передѣлали по-своему Яшимова):—вы говорите съ нимъ по-русски?

— Нѣтъ, синьоры, я говорю съ нимъ по-алжирски: вѣдь я пять лѣтъ жилъ въ Алжирѣ,—отвѣчалъ Яшимовъ.

— А, per Bacco! мнѣ-бы поскорѣе хотѣлось видѣть его повѣшеннымъ.

— Да, интересно посмотрѣть, какъ эта акула будетъ плясать въ воздухѣ.

— Жаль, что другихъ не выудили изъ воды: былъ-бы у насъ хорошій карнавалъ.

Но Яшимовъ не обращалъ вниманія на эту болтовню матросовъ. Ему хотѣлось поговорить съ плѣннымъ пиратомъ.

— Потерпи, Абу-Талебъ,—сказалъ онъ:—Аллахъ поможетъ намъ.

Пиратъ молчалъ.

— Ты давно изъ эль-Кяфиръ?—спросилъ Яшимовъ.

— Три раза мѣсяцъ золотилъ рога свои, какъ я не видалъ эль-Кяфиръ, — отвѣчалъ наконецъ плѣнный, тронутый тѣмъ, что ему помянули его родину.

— А дѣти твои здоровы?—снова спросилъ Яшимовъ.

При воспоминаніи о дѣтяхъ лицо разбойника отуманилось.

— Были здоровы,—сказалъ онъ:—а теперь не знаю.

— Не печалься, Абу-Талебъ,—утѣшалъ его Яшимовъ: —ты ихъ увидишь... А что было послѣ того, какъ я ушелъ изъ эль-Кяфира? — перемѣнилъ онъ разговоръ.

— Сначала саиба искали, а потомъ порѣшили, что его акула съѣла,— отвѣчалъ пиратъ.—Какъ-же саибъ попалъ сюда?

— Изъ эль-Кяфиръ я перебрался въ Тунисъ и тамъ поступилъ ка корсаръ,—сказалъ Яшимовъ.—Но проклятые гяуры-инглизъ потопили нашу шебеку, а меня взяли въ плѣнъ,—поддѣлывался онъ подъ симпатію пирата.

— И не повѣсили?

— Какъ видишь.

— И ты надѣешься бѣжать?

— Я бѣгу и вмѣстѣ съ тобой.

Какъ ни былъ хитеръ африканскій шакалъ, но и у него надежда вырваться изъ плѣна помутила природную проницательность.

— А что сталось съ моей Фатьмой послѣ меня?—спросилъ наконецъ Яшимовъ.

Этотъ вопросъ онъ первымъ желалъ задать пирату, но не рѣшался.

— Съ Фатьмой?—переспросилъ пиратъ:—о, Фатьма глупая баба!

— Почему-же?—удивился и встревожился Яшимовъ.

— Дура все плакала и не понимала своего счастья,—отвѣчалъ Абу-Талебъ.

— Какого счастья?

— Не хотѣла воротиться въ гаремъ его ясноблистательности, — да хранитъ его Аллахъ!

— Почему-же, почему не хотѣла?

— Все ждала саиба.

— Меня?

— Да, саиба—такая глупая. А когда ей сказали, что саиба акула съѣла, она, дура, взяла да и утопилась въ морѣ.

— Утопилась!—Смертная блѣдность покрыла загорѣлыя щеки Яшимова.—О Боже!—воскликнулъ онъ по-русски.—Бѣдное дитя!

Но онъ пересилилъ себя и продолжалъ спрашивать далѣе.

— А нашли ея тѣло?

— Нашли: я ее вытащилъ живехонькую.

— Такъ она не утонула?

— Пробковое дерево вода не беретъ, это саибъ самъ знаетъ,—былъ отвѣтъ:—море не принимаетъ бабъ—баба нечистое животное.

— Гдѣ-жъ она теперь?

— У матери. Я хотѣлъ взять ее къ себѣ въ жены, такъ и ко мнѣ не пошла. Совсѣмъ глупая дѣвчонка!

У Яшимова отлегло на душѣ: — эта душа ликовала оттого, что по немъ тосковала бѣдная дѣвочка, которую онъ самъ-же бросилъ.

XV.

Изъ Корсики въ Сардинію.

Цѣлый годъ Яшимовъ оставался на Корсикѣ все въ томъ-же положеніи матроса, и всякій разъ, когда ему приходилось встрѣчаться съ комендантомъ Бонифачіо, болтливый старикъ не упускалъ случая, хотя добродушно, бросить въ плѣннаго русскаго стрѣлу остроумія.

— Ah, bonjour, monsieur Ulysse! Что подѣлываетъ мадамъ Калипсо? Помните: „Calypso ne pouvait se consoler du départ d'Ulysse...“

Но скоро на бѣднаго Одиссея нагрянула новая бѣда. Можетъ быть читатель не забылъ, что когда Яшимовъ находился въ плѣну въ Марсели, туда прибылъ генералъ, имени котораго Броневскій почему-то не обнаружилъ, назвавъ фамилію генерала начальною буквою — Д. ... Прибылъ онъ въ Марсель для вербовки русскихъ плѣнныхъ въ свой польскій легіонъ, и когда онъ хотѣлъ принудить Яшимова поступить въ этотъ легіонъ, то Степанъ Симоновичъ назвалъ генерала измѣнникомъ, за что и попалъ подъ военный судъ и въ острогъ. Изъ этого острога онъ и бѣжалъ, а черезъ семь дней очутился въ Алжирѣ.

Этотъ польскій генералъ Д..... явился теперь и въ Бонифачіо, чтобы снова охотой и неволей вербовать солдатъ въ свой польскій легіонъ. Яшимову грозила неминучая бѣда. Комендантъ крѣпости, болтливый французъ—въ этомъ Степанъ Симоновичъ былъ увѣренъ—непремѣнно скажетъ генералу Д...., что у него подъ командою имѣется плѣнный русскій офицеръ—мосье Улиссъ, и тогда генералъ пожелаетъ его видѣть, а увидавъ,

узнаетъ, что это тотъ самый грубіянъ, который еще въ Марсели, шесть лѣтъ или болѣе назадъ, въ глаза обозвалъ его измѣнникомъ.

Что оставалось дѣлать Яшимову? Опять бѣжать!

Недолго думая, Яшимовъ покупаетъ себѣ одѣяніе итальянскаго рыбака и ночью пробирается къ той деревенькѣ, гдѣ, болѣе года тому назадъ, онъ вышелъ на берегъ послѣ побѣга съ тунисской шебеки.

Но дорогой его беретъ раздумье. Въ этой деревенькѣ онъ можетъ быть узнанъ и выданъ. Тогда онъ, оставляя въ сторонѣ эту деревню, идетъ дальше, и къ утру достигаетъ другого рыбацкаго поселенія. Одинъ изъ рыбаковъ, развѣшивавшихъ свои сѣти для просушки, взялся за небольшую плату перевезти его въ своей лодкѣ на ту сторону узкаго пролива, отдѣляющаго Корсику отъ Сардиніи.

Дорогою старый рыбакъ разговорился и хвастался тѣмъ, что въ молодости онъ былъ въ Римѣ и видѣлъ папу, а въ послѣдніе годы часто ѣздилъ съ рыбою въ Аяччіо и продавалъ рыбу матери Наполеона, который теперь сталъ императоромъ и „завоевалъ весь свѣтъ“.

— Ну, не весь еще,—возражалъ Яшимовъ.

— Такъ скоро весь завоюетъ,—утверждалъ старикъ.

Онъ разсказывалъ о скупости матери Наполеона, которая торговалась съ нимъ изъ-за какой-нибудь сотни сардинокъ, „какъ послѣдняя прачка“, и „часто обсчитывала“.

— Выйдешь отъ нея, а на ладони не хватаетъ либо сольдо, либо двухъ-трехъ чентезими. А самъ молодой синьоръ Буонапарте такимъ смотрѣлъ заморышемъ, что будь онъ простой рыбакъ—его-бы и въ солдаты не взяли, а развѣ взяли-бы только козъ пасти. А теперь вонъ онъ какой: говорятъ королямъ руки не подаетъ.

Въ это время Яшимовъ замѣтилъ, что впереди что-то особенно бурлила и пѣнилась вода.

— Что это такое?—спросилъ онъ своего Харона.

Тотъ долго приглядывался, а потомъ и говоритъ:

— Либо дельфины на сардинку охотятся, либо ремора съ акулой сражается.

— А что это за ремора?—спросилъ Яшимовъ.

— Это такая рыба, которая всѣхъ рыбъ побѣждаетъ.

— Что-жъ, развѣ она очень велика?

— Нѣтъ, не велика—не больше одного метра длины, да ужъ очень у нея на затылкѣ зубья страшные. Какъ настигнетъ она акулу да вопьется этими зубьями въ брюхо акулы, такъ та мечется-мечется, пока не обезсилитъ совсѣмъ, и потомъ выплываетъ вверхъ брюхомъ. Тутъ ее и бери, какъ дохлую корову. А ремора такъ впивается въ нее, что ужъ не можетъ оторваться, и сама попадаетъ къ намъ на веревку. Говорятъ, она такъ сильна, что можетъ на ходу остановить лодку; но она этого не дѣлаетъ. На что ей наша лодка?

Вдругъ на поверхность моря всплыло громадное тѣло, въ нѣсколько сажень длины и необыкновенной толщины.

— Ба-ба!.. такъ и есть!—радостно воскликнулъ старикъ: — это мое счастье.

— Что такое?—спросилъ Яшимовъ:—это акула?

— Она, она, per Bacco! Да и ремора на ней.

Морское чудовище конвульсивно билось и пѣнило море, а на немъ извивалась змѣей другая, маленькая рыба, не длиннѣе большой стерляди. Это и была ремора, погубившая и акулу и себя.

Старый рыбакъ направилъ лодку къ самому чудовищу и сталъ колоть его желѣзнымъ остріемъ своего багра.

— Не даромъ я видѣлъ сегодня во снѣ Мадонну и святого Джузеппе,— бормоталъ онъ, нанося удары акулѣ и ея маленькому, но смертельному врагу.

Черезъ полчаса они подплывали къ зеленому берегу Сардиніи, волоча за собою по водѣ богатую добычу.

XVI.

Гибель корсара.

И вотъ герой нашъ въ Сардиніи.

Но что онъ будетъ дѣлать здѣсь? чѣмъ будетъ кормиться? На Корсикѣ, всего вѣроятнѣе, ждала его висѣлица, или болѣе благородная смерть— отъ двѣнадцати пуль корсиканскихъ матросовъ. Ему не простили-бы тамъ ни его побѣга изъ марсельской тюрьмы и увода съ собою около тридцати человѣкъ другихъ плѣнныхъ, ни дерзости его противъ генерала Д... Здѣсь-же что ожидало его? Жалкое, нищенское существованіе бродяги. Онъ не зналъ никакого ремесла, отъ котораго могъ-бы кормиться. Рыбаки не приняли-бы его въ свою артель, потому что онъ не могъ внести въ общій инвентарь артели ни своихъ рыболовныхъ сѣтей, ни своей лодки.

Трудъ поденщика онъ испробовалъ уже въ Тунисѣ и убѣдился, что не для него эта египетская работа: слишкомъ жидки мускулы у него для тасканія бревенъ и камней, слишкомъ хрупки кости.

Приходилось снова идти въ солдаты. Но надо выдумывать и исторію своего внезапнаго появленія въ Сардиніи. Не съ неба-же онъ свалился, не акула же принесла его въ своей пасти къ берегамъ этого цвѣтущаго острова.

И герой нашъ является къ начальнику мѣстной береговой команды. Командиръ отряда, молодой, сильно загорѣлый капитанъ, услыхавъ отъ пришедшаго къ нему въ костюмѣ рыбака незнакомца, что онъ русскій офицеръ, принялъ его вѣжливо и попросилъ садиться.

— Но какъ-же вы попали въ Сардинію, г. офицеръ,—откуда?—спросилъ онъ.

Яшимовъ подробно разсказалъ всѣ свои приключенія.

— А какъ-же вы попали на корсаръ?—спросилъ капитанъ.

— Я просто нанялся на шебеку „Тимса“.

— А, „Тимса!“—весело сказалъ капитанъ:—я знаю эту разбойницу: я не разъ гонялся за ней; но она необыкновенно увертлива, хотя и называется „Крокодиломъ“ (Тимса). Какъ же и когда вамъ удалось бѣжать?

— Третьяго дня,—сочинялъ Яшимовъ.

— Какъ! она, бестія, здѣсь? вскочилъ сангвиническій итальянецъ.

— Нѣтъ, господинъ капитанъ, третьяго дня вечеромъ, пользуясь темнотой, она бросила якорь недалеко отъ Бонифачіо. Въ эту ночь, на первую вахту, я былъ часовымъ, и когда всѣ на шебекѣ уснули, я отвязалъ яликъ и скоро достигъ берега Корсики.

— Въ одеждѣ пирата?

— Да, господинъ капитанъ.

— И васъ не убили?

— Нѣтъ, господинъ капитанъ: рыбаки, въ хижину которыхъ я попалъ, узнавъ, кто я, приняли меня радушно и помогли мнѣ найти костюмъ рыбака, въ которомъ я и имѣю честь вамъ представиться.

Яшимовъ всталъ и церемонно, по военному, вытянулся.

— Очень радъ, господинъ офицеръ. Но почему вы не остались въ Бонифачіо?

— Вамъ извѣстно, господинъ капитанъ, что Россія находится теперь въ войнѣ съ Наполеономъ, а Корсика принадлежитъ Франціи...

— Понимаю, понимаю,—перебилъ его капитанъ:—тамъ вы попали бы въ военно-плѣнные. Чѣмъ же я могу быть вамъ полезенъ?

— Я прошу васъ, господинъ капитанъ, принять меня въ вашу команду съ чиномъ офицера.

— Я очень радъ,—отвѣтилъ капитанъ, — принять васъ подъ свою команду, но на предоставленіе вамъ чина офицера въ сардинской арміи— я, къ сожалѣнію, не имѣю права.

И нашего Одиссея зачисляютъ въ сардинскій флотъ—матросомъ.

Капитанъ, сангвиническій синьоръ Векки, повѣрилъ словамъ Яшимова, что тунисская шебека „Тимса“, эта bestia, какъ онъ называлъ ее, которая уже нѣсколько лѣтъ безпокоила прибрежное населеніе Сардиніи и Корсики и всегда ускользала отъ итальянскихъ крейсеровъ, что эта bestia опять появилась у самаго пролива, отдѣляющаго Сардинію отъ Корсики. Не видавъ „Тимсы“ никогда и не зная ея примѣтъ, а слыша только отъ рыбаковъ, что она будто-бы похожа на крокодила, синьоръ Векки радъ былъ случаю, столкнувшему его съ русскимъ офицеромъ, который лично находился на этомъ легендарномъ корсарѣ и знаетъ его примѣты, а потому и можетъ способствовать поймать этого неуловимаго разбойника.

Въ тотъ же день, переодѣвъ Степана Симоновича изъ рыбака въ матроса, синьоръ Векки снарядилъ свою флотилію, и, взявъ съ собою Яшимова на свою канонирку, а другія суда и лодки разославъ на поиски за „бестіей“, испортившей ему столько крови, къ вечеру самъ пустился на поиски.

Передъ заходомъ солнца къ канонирке подошла одна лодка, бывшая на поискахъ, и находившiйся на ней старый боцманъ доложилъ, что къ сторонѣ пролива они замѣтили подозрительный корабль, но только подъ русскимъ флагомъ.

— А какой конструкцiи?—спросилъ Яшимовъ.

— Корпусъ длинный, съ острымъ носомъ,—пояснилъ боцманъ.

— А на носу ничего не замѣтно?—снова спросилъ Степанъ Симоновичъ.

— Замѣтно что-то длинное, какъ будто голова огромной ящерицы.

— О, это и есть „Тимса!"—обрадовался Яшимовъ.

Онъ самъ не думалъ, что его выдумка окажется правдой. Говоря капитану, что онъ бѣжалъ съ тунисскаго корсара только третьяго дня, онъ сознательно лгалъ, ибо бѣжалъ съ него не третьяго дня, а еще въ прошломъ году. И вдругъ его ложь подтверждается!

— Да, господинъ капитанъ, это непремѣнно должна быть „Тимса",—обратился онъ къ синьору Векки, почтительно прикладывая пальцы къ шляпѣ съ широкими полями:—этотъ корсаръ потому и называется „Тимсой", что у него на носу огромная голова крокодила: „Тимса" по-арабски и значитъ „крокодилъ".

— О, maladetta bestia!—радостно воскликнулъ синьоръ Векки:—теперь она отъ меня не уйдетъ.

Тотчасъ-же на мачтѣ взвился сигналъ—„къ сбору", и небольшая флотилiя начала стягиваться къ канонирке.

Когда всѣ суда были въ сборѣ, капитанъ сдѣлалъ всѣ распоряженiя къ предстоявшей облавѣ на нильскаго крокодила, распредѣливъ суда такъ, чтобы корсаръ никуда не могъ проскользнуть и чтобы, въ случаѣ его нападенiя на болѣе слабое мѣсто, прочiя суда спѣшили на выручку атакуемаго. Хотя наступила уже ночь, однако капитанъ приказалъ огни на судахъ замаскировать.

Теперь маленькая флотилiя раздѣлилась и двинулась въ обходъ крейсера, а капитанская канонирка вмѣстѣ съ двумя вооруженными пушками катерами двинулась прямо по тому направленiю, гдѣ долженъ былъ, по показанiю боцмана, дрейфовать тунисскiй корсаръ.

Движенiе совершалось въ необыкновенной тишинѣ. Черезъ полчаса съ канонирки стали замѣчать впереди какую-то темную массу, плавно и чуть-чуть замѣтно качавшуюся на поверхности моря. Это и была „Тимса". Днемъ прикрывшись русскимъ флагомъ, она дерзко лавировала у входа въ проливъ между Корсикой и Сардинiей, а на ночь легла въ дрейфъ, чтобы сторожить добычу, которая могла-бы показаться изъ пролива.

Вдругъ въ ночномъ мракѣ блеснулъ огонекъ и въ то-же мгновенiе грянула пушка, отъ которой, казалось, вздрогнулъ сонный воздухъ. За первымъ ударомъ послѣдовалъ второй, третiй. Корсаръ, повидимому, не ожидалъ такого дерзкаго нападенiя, и сталъ отвѣчать на канонаду нападающихъ только тогда, когда получилъ нѣсколько пробоинъ въ подвод-

ной части и сталъ наполняться водой. Къ довершенію его бѣдствія, нападающій противникъ былъ не таковъ, котораго можно было-бы принять на абордажъ—самое могучее средство, къ которому всегда прибѣгаютъ пираты въ борьбѣ съ большими кораблями.

А тутъ обсыпала его ядрами какая-то мелочь, которой и не видать въ темнотѣ. Ядра корсара перелетали черезъ головы нападающихъ, которые подошли подъ самый бортъ „Тимсы" и поражали ее въ упоръ.

Пробитая во многихъ мѣстахъ, шебека быстро погружалась въ море.

Послышалось отчаянное „Алла"!—и пираты какъ кошки съ борта шебеки стали прыгать прямо на палубу канонирки.

— На абордажъ! на абордажъ!—кричали они на своемъ разбойничьемъ языкѣ (Яшимовъ понималъ его) и падали прямо на палаши сардинскихъ матросовъ.

Матросы ихъ прикалывали и сбрасывали въ море, а нѣсколькихъ человѣкъ успѣли перевязать.

Когда маленькая флотилія синьора Векки, скучившаяся около „Тимсы", по сигналу, озарилась огнемъ, то огни эти освѣтили ужасную картину: „Тимса", какъ-бы въ послѣдній разъ захлебнувшись, скрылась подъ водою.

И вдругъ, послѣ нѣсколькихъ секундъ мертвой тишины, послѣдовавшей за катастрофой, раздались слова никому непонятной рѣчи:

— Абдъ-эль Нубаръ! ты-ли это?

За этими словами послышалось какое-то гортанное рычанье, а потомъ опять слова невѣдомой рѣчи:

— Бѣдный Абдъ-эль Нубаръ! А все это Аллахъ послалъ тебѣ за ту русскую дѣвушку и ея брата, которыхъ ты безжалостно продалъ въ неволю.

И снова рычанье.

Всѣ обернулись на невѣдомую рѣчь и рычанье и увидѣли, что непонятныя слова говоритъ никому неизвѣстный матросъ, только сегодня приведенный капитаномъ на канонирку, и говоритъ ихъ, обращаясь къ привязанному у мачты пирату, который въ безсильной злобѣ порывался броситься на говорившаго, но его не пускали веревки.

— Evviva vittoria! evviva!—радостно воскликнулъ капитанъ.

— Evivva! evviva!—подхватила вся флотилія.

XVII.

Наконецъ-то среди русскихъ.

Побѣда, такъ легко одержанная надъ грознымъ корсаромъ маленькою флотиліею синьора Векки, благодаря указаніямъ Степана Симоновича, сдѣлала то, что одинъ изъ счастливцевъ былъ вознесенъ на высоту почестей, другой—извлеченъ изъ омута бѣдствій.

Когда вѣсть о погибели грозной „Тимсы“ дошла до столицы Сардиніи, до Кальяри, король тотчасъ-же назначилъ капитана Векки на высшій постъ по морской службѣ, съ переводомъ всей его команды въ Кальяри. Вмѣстѣ съ капитаномъ, конечно, былъ переведенъ въ Кальяри и Яшимовъ.

Здѣсь онъ узналъ, что тутъ находится русскій министръ-резидентъ Лизакевичъ, который могъ возстановить потерянныя нашимъ героемъ во время его невольныхъ скитаній по бѣлу свѣту (потерянныя, впрочемъ, только фактически, но не de jure) гражданскія права.

Съ разрѣшенія синьора Векки, Степанъ Симоновичъ явился къ Лизакевичу въ формѣ сардинскаго матроса и просилъ доложить министру, что у его превосходительства проситъ аудіенціи русскій офицеръ. Лизакевичъ ничѣмъ не былъ занятъ въ это время и тотчасъ-же вышелъ въ пріемную. Увидѣвъ вмѣсто русскаго офицера какого-то сардинскаго матроса, министръ остановился въ недоумѣніи.

Лизакевичъ могъ ожидать встрѣтить у себя въ пріемной русскаго офицера; въ этомъ не было для него никакой неожиданности, такъ какъ въ гавани Кальяри стоялъ въ это время русскій фрегатъ „Венусъ“, одинъ изъ фрегатовъ эскадры адмирала Сенявина. „Венусъ“ былъ командированъ Сенявинымъ съ острова Корѳу въ Сицилію и Сардинію за порохомъ, и 27-го ноября 1806 г. бросилъ якорь въ Кальяри.

— Мнѣ сказали, что меня желаетъ видѣть русскій офицеръ,—заговорилъ Лизакевичъ по-итальянски, съ недоумѣніемъ глядя на Яшимова.

— Я и имѣю честь быть офицеромъ русской службы, ваше превосходительство,—отвѣчалъ этотъ послѣдній по-русски, но видимо несвободно.

— Офицеръ русской службы!—съ неменьшимъ недоумѣніемъ произнесъ министръ:—почему-же вы въ такой униформѣ, государь мой? (Лизакевичъ тоже говорилъ теперь по-русски).

— Я, ваше превосходительство, семь лѣтъ былъ въ плѣну, и только благодаря случаю и милости Божіей попалъ въ Сардинію, гдѣ меня и зачислили во флотъ матросомъ.

— Какъ-же ваша фамилія, государь мой?—спросилъ министръ.

— Яшимовъ, ваше превосходительство,—Степанъ Симоновъ.

— Яшимовъ! господинъ Яшимовъ! Да не вы-ли состояли при главной квартирѣ князя Потемкина-Таврическаго?

— Я, ваше превосходительство.

— Такъ я васъ зналъ! Ахъ, какъ вы измѣнились! Боже мой, какъ я радъ!

И Лизакевичъ горячо обнималъ человѣка, котораго давно считалъ погибшимъ.

— Ахъ, Боже мой! Гдѣ-же вы были? Разскажите! Пойдемте въ кабинетъ,—волновался министръ.—Вотъ истинно воскресшій изъ гроба!

И они вошли въ кабинетъ, окна котораго выходили на море и на гавань.

— Садитесь, да вотъ сюда — поудобнѣе... Боже мой! Боже мой!

Сколько сѣдины! Не хотите-ли сигару? Кофе? Да, да! кофе! Эй, Пьетро! Пожалуйста кофе — да поскорѣй! Ну-ну, говорите-же... Ахъ, Боже мой! Гдѣ-же состояли вы послѣ смерти Потемкина?

— Я дѣлалъ съ Суворовымъ итальянскую кампанію, потомъ бралъ Чортовъ мостъ, и съ Массеной мѣрялись въ Швейцаріи, да тамъ-же, подъ Цюрихомъ, я былъ раненъ и попалъ въ плѣнъ.

Подали кофе, и Яшимовъ началъ свою Одиссею.

— Ахъ, Боже мой!—часто прерывалъ его Лизакевичъ.—А! и янычаромъ у алжирскаго дея были! Въ фескѣ, въ чалмѣ! И дѣвочку бросили! Ахъ, Боже мой! И Алжиръ, и Тунисъ, и эта бѣдненькая крошка Азарова... Ахъ, подлецы! Такъ Абдъ-эль-Нубаръ попался?

— Попался, ваше-превосходительство.

— Ахъ негодяй!... и такую дѣвочку... благородныхъ родителей... и бѣднаго мальчика... вотъ негодяй! Давно-бы пора раззорить это разбойничье гнѣздо... Вѣдь, представьте себѣ, государь мой,—даже подъ стѣнами Кальяри появляются эти дерзкіе канальи! А особенно эта „Тимса"... Молодецъ, право, этотъ Векки—доканалъ таки „Тимсу"... Я видѣлъ его на аудіенціи у его величества—пресимпатичная рожица—и еще такой молодой... Такъ вы еще не были на „Венусѣ"?

— Не былъ, ваше превосходительство. Я только вчера узналъ, что здѣсь есть русскій министръ, и вотъ сегодня-же и явился къ вашему превосходительству,—сказалъ Яшимовъ, вставая.

— Нѣтъ, нѣтъ, куда-же вы, государь мой?—заторопился министръ:—я васъ не пущу—вы у меня завтракаете, а потомъ я васъ на „Венусъ". Вонъ посмотрите, какая красавица наша „Венусъ"!

И Лизакевичъ показалъ на гавань. Тамъ, въ сторонѣ отъ другихъ кораблей, на красивомъ фрегатѣ полоскался въ воздухѣ русскій флагъ.

XVIII.

Безутѣшная мать.

Яшимовъ, какъ взошелъ на фрегатъ „Венусъ", такъ ужъ и не сходилъ съ него. Капитанъ и офицеры фрегата очень полюбили его послѣ того, какъ, сидя вечеромъ въ каютъ-компаніи, онъ разсказалъ имъ о своихъ скитаніяхъ по бѣлу свѣту. Имъ казалось, что они слушаютъ одну изъ восточныхъ сказокъ: отъ его разсказа дѣйствительно вѣяло глубокимъ Востокомъ.

Кончивъ порученіе, фрегатъ держалъ путь къ острову Корѳу, гдѣ въ то время находилась наша главная квартира.

Степанъ Симоновичъ душой стремился къ этому острову. Онъ зналъ, что тамъ оплакиваютъ тѣхъ бѣдныхъ дѣтей, которыхъ онъ видѣлъ на невольничьемъ рынкѣ въ Тунисѣ. Ему хотѣлось хоть чѣмъ-нибудь утѣшить несчастныхъ родителей, хоть сказать имъ, что онъ видѣлъ ихъ дѣтей жи-

выми, что говорилъ съ ними и привезъ отъ нихъ поклонъ изъ далекой неволи.

Яшимову, на другой день по прибытіи въ Корѳу, указали виллу Азаровыхъ на берегу моря.

Подходя къ виллѣ, онъ увидѣлъ на верандѣ, подъ тѣнью навѣса, немолодую даму въ глубокомъ траурѣ. На колѣняхъ у нея лежала раскрытая книга, но она, повидимому, забыла о книгѣ: глаза ея грустно глядѣли на разстилавшееся передъ нею голубое море.

— Это сама Азарова,—тихо сказалъ Яшимову его спутникъ, молодой морякъ.

Это былъ Владиміръ Броневскій, будущій авторъ „Записокъ морского офицера". Броневскій служилъ на „Венусѣ", и со времени поступленія на этотъ фрегатъ Яшимова они очень подружились.

— Я не знаю какъ и сообщить ей печальную вѣсть, — также тихо сказалъ Степанъ Симоновичъ:—сердце обливается кровью.

— Вѣрю, мой другъ; но лучше ей знать, что ея дѣти живы, хоть и въ неволѣ, чѣмъ думать, что ихъ давно пожрали акулы: она увѣрена, что барышня и мальчикъ, любившіе лазить по скаламъ, гдѣ гнѣзда чаекъ, сорвались въ море и утонули.

По каменнымъ ступенькамъ они взошли на веранду.

— Здравствуйте, почтеннѣйшая Марія Николаевна! — издали сказалъ Броневскій, кланяясь дамѣ.

— Здравствуйте, Владиміръ Ивановичъ,—отвѣчала дама, вставая навстрѣчу гостямъ:—я видѣла вчера, какъ входилъ въ гавань вашъ фрегатъ, и подумала о васъ.

— Благодарю васъ. А вотъ позвольте представить вамъ моего друга, Степана Симоновича Яшимова.

— Очень рада, очень рада... прошу садиться. Благополучно-ли плавали?

— Плавали не всегда благополучно, — улыбнулся Броневскій: — но, слава Богу, благополучно возвратились. А вы все грустите, добрѣйшая Марія Николаевна?

— Какъ-же не грустить, государь мой? Сами знаете, какъ велико мое несчастіе.

— Но оно меньше, чѣмъ вы думаете,—загадочно сказалъ Броневскій.

— Какъ меньше? Какое-же горе для матери можетъ быть ужаснѣе, какъ потеря любимыхъ дѣтей?

— Но они не совсѣмъ потеряны...

— Какъ не совсѣмъ? Пора ужъ убѣдиться, что ихъ нѣтъ на свѣтѣ... второй годъ...

И Азарова приложила платокъ къ глазамъ.

— Ваши дѣти живы, сударыня,—благодарите Бога! — съ чувствомъ сказалъ Броневскій.

— Что вы сказали? — испуганно вскочила Азарова: — живы?.. мои дѣти живы?

— Живы, сударыня,—и вотъ Степанъ Симоновичъ привезъ вамъ поклонъ отъ нихъ.

— Боже мой!—она пошатнулась; но Броневскій поддержалъ ее.

— Успокойтесь, ради Бога!

— Успокойтесь, сударыня,—робко проговорилъ и Яшимовъ:—я видѣлъ вашихъ дѣтей.

— Господи Боже!—несчастная женщина бросилась къ нему и схватила его за руки:—говорите, гдѣ они? Боже мой!.. они живы!

— Ради Бога, успокойтесь! Я все разскажу вамъ.

Яшимовъ осторожно подвелъ ее къ плетеной кушеткѣ и усадилъ. Слезы полились изъ глазъ бѣдной матери.

— Благодарю тебя, Господи!—тихо сказала она и перекрестилась.— Гдѣ-же вы ихъ видѣли?

— Къ сожалѣнію, очень далеко,—съ грустью отвѣчалъ Яшимовъ,— въ Тунисѣ.

Азарова, повидимому, не могла сообразить того, что ей говорили. Глаза ея выражали и недоумѣніе, и испугъ.

— Боже мой! какъ-же они туда попали?

— Ихъ украли тунисскіе пираты.

— Но какъ?.. гдѣ?.. Боже мой!.. украли!

— Да, сударыня, ваша дочка сама мнѣ это говорила: она сказала, что съ братомъ они играли или лазили на берегу моря, вечеромъ, недалеко отъ вашей виллы, и пираты неожиданно напали на нихъ и увезли на свой корсаръ.

— О, Боже, Боже! теперь я понимаю!—плакала несчастная мать: — вечеромъ, послѣ заката солнца, Юля и Петя отправлялись обыкновенно вонъ туда (Азарова указала на скалистый берегъ), гдѣ чайки кладутъ яйца. Послѣ заката солнца чайки сидятъ на гнѣздахъ, и вотъ Юля и Петя и отправлялись туда смотрѣть на чаекъ, а иногда и ловить ихъ на гнѣздахъ... Ахъ, Боже, Боже!.. Въ это время, значитъ, ихъ и украли.

— Вѣроятно. Такъ мнѣ и m-lle Julie говорила.

— Что-же они тамъ дѣлаютъ? Скажите, какъ-же вы ихъ тамъ видѣли, гдѣ?

Яшимовъ разсказалъ.

— Что же съ ними будетъ? Господи! — плакалась несчастная, ломая руки:—что они съ ними сдѣлаютъ?

— Вѣрьте, сударыня, что съ ними обращаются хорошо, ласково—это въ ихъ разсчетахъ—я это знаю по опыту—я у этихъ варваровъ прожилъ болѣе пяти лѣтъ. Я знаю, какъ они обращаются съ плѣнными женщинами и съ дѣтьми: „это,—говорятъ они,—дорогой жемчугъ, съ нимъ надо обращаться бережно, лелеять его, а то дорогія жемчужины потускнѣютъ“. Вѣрьте мнѣ, сударыня.

— Но Юлю навѣрное продадутъ въ гаремъ,—говорила Азарова, утирая глаза.

— Вѣроятно. Но и этого не бойтесь, сударыня,—я знаю, могу васъ увѣрить—ее не тронутъ,—успокоивалъ ее Степанъ Симоновичъ.—Когда я былъ въ Алжирѣ, я заслужилъ довѣріе дея и онъ подарилъ мнѣ дѣвушку изъ своего гарема, въ жены мнѣ,– и повѣрьте сударыня... извините... Фатьма была...

Азарова, казалось, не слушала его.

— Я утѣшилъ Юлію Васильевну и вашего мальчика,—продолжалъ Степанъ Симоновичъ:—я сказалъ имъ, что вы ихъ выкупите... Выкупить всегда можно...

И Азарова поспѣшно побѣжала въ комнаты, крича: „Василій Петровичъ! Василій Петровичъ“.

XIX.

Россійскій Геркулесъ.

Грустные возвратились наши друзья отъ Азаровыхъ на свой фрегатъ. Степанъ Симоновичъ, однако, утѣшалъ себя тѣмъ, что принесъ родителямъ вѣсточку о ихъ дѣтяхъ, и хоть вѣсточка эта была горькая, но все-же отраднѣе знать, что дѣти живы, хотя и въ неволѣ, чѣмъ думать, что ихъ нѣтъ уже на свѣтѣ.

На фрегатѣ они застали, между прочимъ, знаменитаго „россійскаго Геркулеса“, какъ тогда называли извѣстнаго силача Лукина, Дмитрія Александровича, который состоялъ въ чинѣ капитана 1-го ранга и командовалъ однимъ изъ линейныхъ кораблей эскадры Сенявина.

Это былъ невысокій, но плотный мужчина, дѣйствительно съ геркулесовскими плечами, необыкновенно добродушнымъ лицомъ и мягкими, ласковыми глазами. Глядя въ глаза этого необыкновеннаго человѣка, можно было съ увѣренностью сказать, что онъ „и мухи не обидитъ“.

Лукинъ пріѣхалъ на фрегатъ „Венусъ“ съ радостной вѣстью.

— Господа капитанъ и офицеры!—началъ онъ, здороваясь съ капитаномъ „Венуса“ и офицерами.

— Браво! — перебилъ его Броневскій: — ты начинаешь какъ Петръ Великій: „господа сенатъ“!

— Да, господа капитанъ и офицеры!—повторилъ Лукинъ, добродушно улыбаясь своею мягкою улыбкой: — или лучше — господа „Венусъ“! — я принесъ вамъ радостную вѣсть. Полученъ приказъ: „присутствіемъ россійскаго флота въ Архипелагѣ лишить Константинополь подвоза съѣстныхъ припасовъ съ моря!“

— Ура!—какъ одинъ воскликнули всѣ офицеры.

— Урра!—повторили матросы.

— На-дняхъ-же идемъ запирать форточку, въ которую дышетъ Стамбулъ, запирать Дарданеллы.

— Урра! урра!—гремѣло по всему фрегату.

— И драться на-кулачки съ турецкимъ флотомъ,—продолжалъ Лукинъ.

— Не дай Богъ кому попасть подъ твой кулакъ,—замѣтилъ ему Броневскій.

— Ты говоришь серьезно?—спросилъ Лукина капитанъ „Венуса".

— Конечно. Сейчасъ отъ Дмитрія Николаевича—при мнѣ и приказъ вскрывалъ. Сегодня-же будетъ объявлено по всей эскадрѣ,—отвѣчалъ Лукинъ.

Яшимовъ только вчера познакомился съ Лукинымъ и съ перваго-же взгляда полюбилъ его. Столько доброты и простодушія было на лицѣ у этого богатыря, что Степану Симоновичу никакъ не хотѣлось вѣрить, чтобы у этого добряка было столько силы, какъ о томъ онъ слышалъ рѣшительно со всѣхъ сторонъ. Объ этой силѣ разсказывали чудеса. Скучающіе англичане нарочно изъ Лондона пріѣзжали на Корѳу, чтобы взглянуть на Лукина и тѣмъ хоть на нѣсколько часовъ разогнать свой сплинъ.

И Лукинъ былъ дѣйствительно необыкновенный добрякъ. Онъ никогда не сердился на самыя несдержанныя выходки товарищей.

Въ своихъ „Запискахъ" Броневскій говоритъ о немъ: „Дмитрій Александровичъ Лукинъ всегда былъ отличный морской офицеръ; храбрый, дѣятельный и искусный воинъ, притомъ благородный, ласковый, строго справедливый и всѣми подчиненными любимый и уважаемый. При удивительной тѣлесной силѣ, онъ былъ кротокъ и терпѣливъ: даже будучи разсерженъ, онъ никогда не давалъ воли рукамъ своимъ. Опыты силы его производили изумленіе; трудно, однако-жъ, было заставить его что-либо сдѣлать; только въ веселый часъ и то въ кругу коротко знакомыхъ иногда показывалъ оные. Напримѣръ: съ легкимъ напряженіемъ силъ ломалъ подковы, могъ держать пудовыя ядра полчаса въ распростертыхъ рукахъ; шканечную пушку въ 87 пудовъ со станкомъ одной рукой подымалъ на отвѣсъ; однимъ пальцемъ вдавливалъ гвоздь въ корабельную стѣну. При такой необычайной силѣ былъ еще ловокъ и проворенъ; бѣда тому, съ кѣмъ-бы онъ вздумалъ вступить въ рукопашный бой. Подвиги его въ семъ родѣ, съ прибавленіемъ разсказываемые, прославили его наиболѣе въ Англіи; тамъ съ великимъ стараніемъ искали его знакомства; и въ Россіи — кто не зналъ капитана Лукина? Словомъ, имя его извѣстно было во всѣхъ европейскихъ флотахъ, и рѣдко кто не слыхалъ какого-нибудь любопытнаго о немъ анекдота".

На радостяхъ капитанъ „Венуса" приказалъ подать шампанскаго.

— Откуда оно у васъ?—удивился Лукинъ.

— Прямо изъ Шампаньи,—улыбнулся Броневскій.

— Призъ взяли,—пояснилъ капитанъ:—партія шампанскаго предназначалась для генерала Бертье, а мы перехватили судно, слѣдовавшее подъ австрійскимъ флагомъ,— и вотъ у насъ шампанское. Я и адмиралу презентовалъ нѣсколько ящиковъ.

— Хорошъ гусь!—укоризненно покачалъ головой Лукинъ:—Сенявину—такъ нѣсколько ящиковъ, а Лукину—шишъ.

— Да я и тебя награжу, дружище,—сказалъ Развозовъ, капитанъ „Венуса":—бери сколько потащишь; мы цѣлое судно захватили.

Подали шампанское.

— Штопоръ!—скомандовалъ капитанъ.

— Зачѣмъ?—возразилъ Лукинъ, и вынулъ изъ принесеннаго служителями ящика бутылку:—стаканы приготовить!

Стаканы разставили на подносѣ. Тогда Лукинъ взялъ двумя пальцами бутылку за горлышко и придерживая ее лѣвою рукою, правою, двумя пальцами, отломилъ засмоленную головку бутылки вмѣстѣ съ пробкою, какъ будто-бы она была восковая. Пробка полетѣла за бортъ. Шампанское полилось въ стаканы.

— Фу ты, дьяволъ!—не утерпѣлъ Развозовъ:—вмѣсто штопора—пальцы!

— Ай да Митя!—обнялъ богатыря Броневскій: — видите, господинъ янычаръ, то-бишь саибъ эль-Яшимъ, господинъ чаушъ алжирскаго дея?—обратился онъ къ Яшимову.

— Вижу и изумляюсь!—отвѣчалъ этотъ послѣдній.

Онъ дѣйствительно первый разъ въ жизни видѣлъ подобное проявленіе физической силы у человѣка.

То-же было и со второй бутылкой, и съ третьей. Воодушевленіе офицеровъ росло по мѣрѣ того, какъ Лукинъ бросалъ за бортъ пустыя бутылки. Всѣ обнимались, цѣловались. Но болѣе всѣхъ бушевалъ на радостяхъ Броневскій и все приставалъ къ Лукину.

— Митя! сознайся, другъ: вѣдь у тебя тутъ—тово?...—и Броневскій указалъ на голову.

— Можетъ и тово,—отшучивался богатырь.

— Нѣтъ, ты ужъ сознайся, другъ Геркулесъ,—приставалъ Броневскій:—природа подшутила надъ тобой,—вѣдь да?

— Ахъ, отстань, дурачокъ!

— Ну, Митя, другъ!—не сердись.

— Да онъ никогда въ жизни не сердился — я знаю его такимъ съ самаго корпуса,—замѣтилъ Развозовъ.

— Ну, такъ я хочу его хоть разъ въ жизни разсердить,—не унимался Броневскій:—только чуръ не драться,—обратился онъ Лукину.

— Съ такой-то пиголицей слону драться!—замѣтилъ одинъ изъ офицеровъ.

— Слону!—настаивалъ Броневскій:—про этого слона еще въ корпусѣ сочинили:

Надъ Лукинымъ природа подшутила:
Слоновью силушку дала
И человѣчій мозгъ слоновьимъ подмѣнила,
Да и слоновій-то потомъ отобрала.

Дѣло было къ вечеру. Офицеры кутили на палубѣ и сидѣли на складныхъ табуреткахъ у гротъ-мачты. Декламируя стихи, Броневскій подошелъ къ Лукину и пальцемъ постучалъ объ его лобъ.

— Пустенько, Митя?

— Пустенько, Володя,— отвѣчалъ богатырь добродушнымъ голосомъ.

Но не успѣли пирующіе опомниться, какъ что-то мелькнуло въ воздухѣ. Вслѣдъ затѣмъ раздался взрывъ хохота.

— Браво! браво, Лукинъ!

— Браво, Броневскій!

Оказалось, что едва послѣдній и Лукинъ сказали „пустенько", какъ въ воздухѣ мелькнули сапоги задиры Броневскаго, и онъ, перелетѣвъ черезъ головы офицеровъ, дрыгая въ воздухѣ ногами, растянулся на натянутой надъ вахтою парусинномъ тентѣ. Это забросилъ его туда Лукинъ, во мгновеніе ока, не причинивъ ему ни малѣйшаго ушиба.

— Прощайте, господа, — всталъ Лукинъ, чтобы уходить.—Прощай, Володя!—крикнулъ онъ Броневскому, барахтавшемуся на высокомъ тентѣ и ворчавшему:—ахъ ты чортъ! ахъ ты медвѣдь! уродина!

Всѣ смѣялись, пожимая Лукину руку.

— А что-жъ шампанское?—обратился послѣдній къ Развозову:—вели тащить сюда ящикъ. Сколько подыму—столько и унесу.

Принесли два громадныхъ ящика, окованныхъ желѣзными прутьями, со скобками на крышкахъ, для удобства подъема ихъ блокомъ при погрузкѣ. Подъ каждымъ ящикомъ было по четыре матроса, да и тѣ съ трудомъ передвигали ноги.

— Ставь сюда,— командовалъ Лукинъ.

Поставили. Богатырь подошелъ, взялъ правою рукою за желѣзную скобу крышки—и поднялъ ящикъ, взялъ лѣвою рукою другой—и тоже поднялъ.

— Шлюпку!—крикнулъ онъ и направился къ трапу.

— Стой, окаянный! пропадешь, сорвешься въ море!—останавливалъ его Развозовъ.

— Прочь! не мѣшай!... мое шампанское!

Яшимовъ только развелъ руками.

XX.

Бой въ Дарданеллахъ.

Утро 10-го мая 1807 года. Русская эскадра стоитъ у острова Тенедоса, а противъ нея, ближе къ Дарданелламъ—турецкій флотъ.

Мертвая тишина царитъ среди флотилій, стоящихъ другъ противъ друга враговъ. Только вѣтеръ отъ нордъ-оста шумитъ въ снастяхъ и реяхъ.

Вѣтеръ этотъ былъ благопріятенъ для турокъ, но они почему-то не рѣшались атаковать русскихъ.

— Проклятый вѣтеръ!—проворчалъ сквозь зубы Развозовъ:—чего они ждутъ?

— Дуракамъ счастье, да они не умѣютъ его взять, болваны!—сердито проговорилъ и Броневскій:—будутъ ждать, пока вѣтеръ подуетъ намъ въ руку.

— Идутъ, идутъ!—послышались голоса.

— Это брандеры! Берегитесь!

На адмиральскомъ кораблѣ взвился сигналъ: „Венусу“ вступить подъ паруса.

„Венусъ“ исполнилъ команду. Боковой вѣтеръ надувалъ паруса.

— Есть! есть! есть!—отвѣчали на команду.

— Это не брандеры!—послышались вновь голоса:—флаги австрійскіе!

И дѣйствительно, оказалось, что это были австрійскіе корабли, которые и были пропущены русскою эскадрою для слѣдованія въ Тріестъ.

Опять началось томительное ожиданіе. Русскому флоту судьба не посылала ни малѣйшаго вѣтерка, а турецкіе корабли при попутномъ стояли словно въ мертвомъ штилѣ.

Прошло еще два часа.

Вдругъ на адмиральскомъ кораблѣ раздался выстрѣлъ.

— Слава тебѣ, Господи!

— Сигналъ!... сняться съ якоря!—гремитъ рупоръ Развозова.

Казалось, что во всей русской флотиліи произошло нѣчто сверхъестественное. Яшимовъ, въ первый разъ присутствовавшій при началѣ правильнаго морского сраженія цѣлыми эскадрами, стоялъ, пораженный изумленіемъ передъ торжественностью момента. Ему казалось, что гигантскіе, высокіе какъ дворцы, двухъ и трехъэтажные корабли превратились въ какихъ-то исполинскихъ чудовищъ, которыя расправляли множество крыльевъ, готовясь летѣть. Громадные паруса невидимою силою поднимались къ мачтамъ, къ реямъ, и гиганты вздрагивали и неслись впередъ. Море кипѣло.

Яшимову казалось, что турецкая эскадра, на которой ни одинъ парусъ не былъ поднятъ, грозно ждетъ врага, чтобы встрѣтить его убійственнымъ огнемъ. Но вскорѣ и на ней взлетѣли паруса, и вся турецкая флотилія понеслась къ Дарданелламъ, подъ прикрытіемъ своихъ крѣпостей, грозныя и мрачныя башни которыхъ высились у входа въ проливъ—и на европейскомъ, и на азіятскомъ берегу.

Вдругъ онъ увидѣлъ, что на адмиральскомъ кораблѣ взвился новый командный сигналъ.

— Несть всѣ паруса и напасть на непріятеля каждому по способности!—перевелъ этотъ нѣмой сигналъ на человѣческій языкъ звучный рупоръ Развозова.

Особенно сильное впечатлѣніе производили эти нѣмые командные сигналы, которые отъ времени до времени развертывались невидимою силою на стеньгѣ корабля „Твердый“.

Вслѣдъ за сигналомъ корабли полетѣли еще быстрѣе. Тѣмъ быстрѣе убѣгали къ проливу турецкіе корабли. Одинъ изъ нихъ отклонился въ

сторону, влѣво,—и вдругъ на стеньгѣ адмиральскаго корабля развернулся новый сигналъ: „Венусу“ атаковать отдѣлившійся корабль.

Послѣдовала команда—и „Венусъ“, весь вздрогнувъ, полетѣлъ за турецкимъ бѣглецомъ при шумѣ всѣхъ распущенныхъ парусовъ и свистѣ вѣтра въ реяхъ.

Вскорѣ бѣглецъ былъ настигнутъ, „Венусъ“ открылъ огонь—и бой закипѣлъ по всей линіи. Грохотали пушки, клубы дыма застилали корабли, паруса и небо. „Селафаилъ“, „Ретвизанъ“, „Рафаилъ“ и „Сильный“, врѣзавшись въ турецкію флотилію, поражали ее съ обоихъ бортовъ. „Селафаилъ“ догналъ стопушечный корабль капудана-паши, далъ ему залпъ въ корму, и когда тотъ, пораженный этою неожиданностью, сталъ переходить на правый галсъ, чтобъ скрыться отъ убійственнаго огня, „Селафаилъ“ черезъ фардевиндъ опередилъ его и снова напалъ съ кормы. „Уріилъ“ такъ быстро пролетѣлъ мимо турецкаго вице-адмиральскаго корабля и такъ близко, что своимъ такелажемъ сломалъ у него утлегарь.

Корабль „Твердый“, адмиральскій, устремился на турецкій адмиральскій корабль, и врѣзавшись между „Сейдъ-Али“ и „Бекиръ-Беемъ“, поражалъ и того и другого съ обоихъ бортовъ. Когда тотъ и другой, пробитые ядрами, съ истрепанными въ клочья парусами, заволакиваемые дымомъ, скрылись изъ глазъ Яшимова, онъ увидѣлъ, какъ Сенявинъ, сдѣлавъ поворотъ, атаковалъ капудана-пашу такъ близко, что корабли чуть не сцѣпились реями. Капуданъ-паша не выдержалъ молодецкой атаки адмирала и на всѣхъ парусахъ устремился въ проливъ, подъ свои крѣпости и пушки. За нимъ помчалась вся остальная турецкая флотилія. Бѣгство было полное. Но русская эскадра гналась по пятамъ: ободряемые успѣхомъ, наши корабли, которые теперь казались Яшимову положительно живыми исполинами, то спускаясь, то приводя, то убирая, то прибавляя парусовъ, поражали бѣглецовъ вдоль всей линіи.

Среди залповъ орудій слышались иногда взрывы „ура!“, ревъ рупоровъ, крики команды и отчаянные вопли поражаемыхъ.

Наступила ночь. Флоты смѣшались во мракѣ, въ самомъ узкомъ проходѣ пролива. Обѣ крѣпости открыли канонаду, въ темнотѣ поражая мраморными и гранитными ядрами и враговъ, и друзей. Зрѣлище было ужасное, адское, со всѣхъ сторонъ брызгали огненные фонтаны, на мгновенье освѣщая только ближайшіе предметы—паруса, мачты, части бортовъ, закопченныя лица матросовъ, флаги, реи—и снова мракъ, и снова огненные снопы, снова залпы, крики и стоны.

Звонкіе рупоры разнесли по флотиліи новую команду Сенявина:

— Поднять на мачтахъ по три фонаря!

Огненныя точки засвѣтились на вершинахъ мачтъ. Оглушительное „ура“ пронеслось по флотиліи.

Но и турки подняли фонари на своихъ мачтахъ—и тогда снова все смѣшалось: свои били своихъ, гранитныя и мраморныя ядра съ турецкихъ крѣпостей сыпались на ихъ-же корабли.

Вдругъ на адмиральскомъ кораблѣ потухли фонари. Яшимовъ первый замѣтилъ это, потому что „Венусъ“ сражался на одной линіи съ „Твердымъ“.

— Что случилось?

— Убитъ!... убитъ!... ядромъ голову размозжило!

— Боже! Кто убитъ?

Битва кончилась, но никто не зналъ, гдѣ адмиралъ. Адмиральскій корабль словно въ воду канулъ. Тревога охватила всю эскадру. Съ корабля на корабль рупоры разносили страшный вопросъ:

— Гдѣ адмиралъ?... не видѣли-ли адмиральскій корабль?

— Не видѣли!... нигдѣ нѣтъ!

Начало свѣтать. На блѣднѣющей съ востока полосѣ неба, надъ кораблемъ „Сильнымъ“, медленно, печально поднялся наполовину съ флагштока брейдъ-вымпелъ.

— Боже! Смотрите: сигналъ на „Сильномъ“...—весь блѣдный прошепталъ Броневскій.

— Капитанъ-командоръ убитъ! Игнатьева не стало!—пронеслась печальная вѣсть по эскадрѣ.

Но еще болѣе страшная вѣсть скоро огласила флотилію. Первый замѣтилъ несчастіе Броневскій, потому что онъ обязанъ былъ наблюдать за сигналами.

— Адмиральскій корабль! адмиральскій корабль выходитъ изъ пролива!—проговорилъ онъ, и еще болѣе прежняго поблѣднѣлъ.—Но на стеньгѣ нѣтъ флага... Степанъ Симоновичъ! у васъ зрѣніе хорошее—видите вы флагъ адмирала?

— Не вижу,—смущенно проговорилъ Яшимовъ.

Капитанъ Развозовъ, вахтенный лейтенантъ, всѣ офицеры смотрѣли въ зрительныя трубы, смущенные, съ дрожащими руками, блѣдные, боясь высказать тревожную мысль.

— Неужели убитъ?... Отчего нѣтъ флага?

Матросы повысыпали на шканцы. Всѣ глаза были устремлены туда, къ адмиральскому кораблю. Нѣтъ флага!

„Венусъ“ поспѣшилъ къ адмиральскому кораблю. Вотъ онъ уже у самаго борта „Твердаго“. Надо, по правиламъ, рапортовать; но капитанъ фрегата не рапортуетъ. Вмѣсто того, Развозовъ спрашиваетъ:

— Здоровъ-ли адмиралъ?

— Слава Богу!—отвѣчаютъ съ „Твердаго“.

Но на фрегатѣ не вѣрятъ. Тогда въ галлереѣ показывается самъ Сенявинъ.

Никогда еще такой могучій взрывъ радости не встрѣчалъ любимаго адмирала.

— Урра! урра!—гремѣло въ воздухѣ.

Адмиралъ сдѣлалъ знакъ, что хочетъ говорить, но радостные крики матросовъ, какъ перекатная волна, неслись со всей эскадры, заглушая его голосъ.

Сенявинъ опять сдѣлалъ знакъ. Но „ура“ гремитъ и гремитъ, какъ вода въ прорванной плотинѣ.

Адмиралъ улыбнулся, поклонился и ушелъ. „Ура“ не смолкало.

XXI.

Бой у Аѳона.

По свидѣтельству Броневскаго („Записки“, III, 65), дарданельская битва стоила туркамъ трехъ кораблей и до 2,000 человѣкъ убитыми.

„Капитанъ-паша, Сейдъ-Али,—говоритъ Броневскій,—удавилъ вице-адмирала и двухъ капитановъ на кораблѣ своемъ. Спустя нѣсколько дней послѣ сраженія, онъ принялъ вице-адмирала очень ласково, но лишь вышелъ онъ изъ каюты, въ мигъ былъ задавленъ. Поступокъ сей покажется сначала слишкомъ жестокимъ; но входя въ причины, оный не есть таковъ, и напротивъ—въ немъ заключается доброе намѣреніе. Турки думаютъ иначе о исполненіи смертныхъ приговоровъ, и говорятъ, что лучше умереть нечаянно, нежели продолжительно страдать въ ожиданіи опредѣленной казни. Въ Турціи не объявляютъ преступникамъ о рѣшеніи ихъ судьбы, и, выводя его изъ тюрьмы на казнь, обыкновенно объявляютъ милость, прощеніе султана; а такъ какъ многіе въ самомъ дѣлѣ получаютъ оныя, то осужденный, вмѣсто страха, конечно, мучительнѣйшаго самой смерти, надѣется, радуется, и вдругъ, безъ торжественнаго шествія на эшафотъ, безъ грознаго приготовленія, нечаянно умерщвляется, и необходимая смерть, опредѣленная закономъ, тѣмъ самымъ, по возможности, облегчается“.

Хотя Яшимовъ не принадлежалъ къ составу экипажа фрегата „Венусъ“, однако въ сраженіи у Дарданеллъ принималъ непосредственное участіе: то онъ помогалъ артиллеристамъ, подавая имъ снаряды и порохъ, то вмѣстѣ съ матросами поднималъ и опускалъ паруса, то помогалъ Броневскому въ передачѣ сигналовъ и распоряженій команды.

Болѣе дѣятельное участіе принималъ онъ въ послѣдовавшей черезъ нѣсколько недѣль битвѣ въ виду аѳонскихъ монастырей, гдѣ былъ взятъ въ плѣнъ самъ капуданъ-паша, Сейдъ-Али, съ его адмиральскимъ кораблемъ о 120 пушкахъ—„Мессуда“ или „Величество падишаха“.

Было чудное лѣтнее утро, когда „Венусъ“, посланный съ вечера на рекогносцировку, остановился противъ Аѳона, въ ожиданіи—не покажутся ли со стороны острова Лемноса или Имбро турецкіе развѣдочные корабли. Весь массивъ горы рисовался необыкновенно отчетливо. Съ „Венуса“ еще не видно было солнца, но первые лучи его уже золотили вершину горы, гдѣ когда-то высился, весь изъ мраморныхъ колоннъ и портиковъ, дивный храмъ Аполлона, а теперь въ лучахъ восходящаго солнца блестятъ главы и кресты другого храма—храма другихъ вѣрованій. Съ каждой секундой линія свѣта спускалась отъ вершины все ниже и ниже, освѣщая бѣлыя стѣны монастырей, куполы, кресты, сверкавшіе на солнцѣ растопленнымъ

и лучезарно брызжущимъ золотомъ. Вся гора представляла исполинскій амфитеатръ съ бѣлыми террасами, которыя въ совокупности составляли какъ бы одну дивную, гигантскую лѣстницу, ведущую на небеса. Неудивительно, что поэтическіе греки временъ Гомера на вершинѣ этой горы воображали видѣть небо, а на немъ—лучезарнаго Аполлона. Неудивительно также, что гора эта грознымъ видомъ своимъ пугала дикаря Ксеркса, который хотѣлъ прорыть ее, чтобы не мимо чудной горы, увѣнчанной храмомъ греческаго бога, вести свои дикія полчища на поэтическую Элладу.

— Ахъ, какъ я понимаю художественный порывъ Александра Македонскаго, который хотѣлъ всю эту гору превратить въ исполинскую, невиданную міромъ статую, въ видѣ всадника на конѣ, на каждой рукѣ котораго, на ладоняхъ въ нѣсколько квадратныхъ верстъ въ объемѣ, выстроить по городу. Такого колоссальнаго замысла не могло бы вмѣстить въ головѣ и воображеніе Сезострисовъ египетскихъ, — говорилъ Броневскій, задумчиво созерцая величественную панораму.

— А помнишь,—замѣтилъ капитанъ фрегата, Развозовъ, худой и длинный съ просѣдью брюнетъ,—помнишь, когда въ прошломъ году, во время солнцестоянія, мы бросили якорь у острова Лемноса?

— Еще-бы! Тогда за Аѳономъ заходило солнце, и тѣнь отъ вершины Аѳона упала прямо на носъ милѣйшаго Кузьмы Иваныча.

Кузьма Ивановичъ былъ совсѣмъ молоденькій морякъ съ необыкновенно длиннымъ носомъ.

— А сколько будетъ верстъ?—спросилъ Яшимовъ.

— Носу Кузьмы Иваныча?—засмѣялся Броневскій.

— Нѣтъ, отъ Аѳона до Лемноса.

— А столько-же, сколько отъ носа Кузьмы Иваныча до Аѳона.

Всѣ засмѣялись, въ томъ числѣ и привыкшій къ невсегда удачнымъ остротамъ Броневскаго Кузьма Ивановичъ.

— Сто верстъ отъ моего носа или отъ Лем-носа до Аѳона,—сказалъ онъ, подражая Броневскому.

— Корабли! корабли! — раздался сверху, съ вахты, звонкій голосъ вахтеннаго лейтенанта.

То показалась изъ-за Лемноса, у мыса Ликодіи, голова турецкой флотиліи. Едва „Венусъ“ направилъ свой бѣгъ къ русской эскадрѣ, чтобъ донести Сенявину о появленіи турецкаго флота, какъ съ адмиральскаго корабля тоже былъ замѣченъ непріятель и немедленно данъ былъ сигналъ: „начать бой!“

Вѣтеръ былъ попутный и наши корабли понеслись на непріятельскій флотъ попарно: „Рафаилъ“ съ „Сильнымъ“, „Селафаилъ“ съ „Уріиломъ“, „Мощный“ съ „Ярославомъ“. Неслись они въ грозномъ безмолвіи, не дѣлая ни одного выстрѣла.

Турецкій флотъ построился въ линію и тотчасъ-же открылъ убійственный огонь. Его ядра градомъ сыпались на нападающихъ, обивали и рѣшетили ихъ паруса, пробивали борты и реи. Но русскіе не отвѣчали, и

только уже на разстояніи пистолетнаго выстрѣла послѣдовалъ громъ пальбы со стороны нападающихъ. Русскіе корабли врѣзались въ самую линію турецкаго флота и поражали непріятеля и съ праваго и съ лѣваго бортовъ. „Рафаилъ", разбивъ въ клочья всѣ паруса на кораблѣ капуданъ-бея, перебивъ всѣ реи, такъ что величественный „Седель-Бахръ", или „Оплотъ морской", торчалъ въ облакахъ дыма, словно остовъ мертвеца, съ голыми деревьями вмѣсто мачтъ и снастей, самъ исчезъ въ этихъ облакахъ.

„Скорый" и „Мощный" съ „Венусомъ", врѣзавшись между трехъ турецкихъ флагмановъ, громили ихъ обоими бортами. Сенявинъ, стоя на вахтѣ „Твердаго", обсыпалъ жестокимъ огнемъ гигантскій стодвадцатипушечный корабль самаго капудана-паши.

Съ флагмана „Анкай-Бахре" („Величество моря") шальное ядро пролетѣло мимо Яшимова и подкосило стараго артиллериста, наводившаго пушку. Яшимовъ замѣнилъ упавшаго.

Вдругъ послышался съ сосѣдняго корабля чей-то отчаянный крикъ:

— Батюшки! капитана убили!

— Лукинъ, Лукинъ убитъ!—подхватили другіе голоса:—ядромъ голову раздробило!

Прикрывшись дымомъ своихъ выстрѣловъ, адмиральскій корабль капудана-паши, поражаемый съ „Венуса" и „Мощнаго", обратился наконецъ въ бѣгство, стараясь пристать къ Аѳону. За адмиральскимъ побѣгомъ послѣдовало полное бѣгство всего турецкаго флота.

Держался только одинъ непріятельскій флагманъ — это корабль капуданъ-бея, „Седель-Бахръ", хотя и представлялъ изъ себя лишь остовъ,— такъ онъ былъ избитъ. Но когда „Селафаилъ", подойдя къ нему подъ самый бортъ, готовился или взорвать или потопить его своими залпами, съ покрытой трупами палубы „Седель-Бахра" послышались вопли о пощадѣ.

— Аманъ! аманъ!

Съ „Селафаила" тотчасъ-же явился офицеръ, чтобы взять адмиральскій флагъ у плѣннаго корабля. По трупамъ и по лужамъ крови его провели къ адмиралу, къ Бекиръ-Бею.

— Я отдамъ флагъ только самому адмиралу!—гордо отвѣчалъ старикъ лейтенанту Титову на предложеніе отдать флагъ.

Три раза Титовъ уходилъ и три раза напрасно возвращался за флагомъ.

— За что русскіе такъ на меня разсердились, что всѣ били только мой корабль?—спросилъ наконецъ капуданъ-бей.

— За то, ваше превосходительство,—отвѣчалъ Титовъ, что вы лучше и храбрѣе всѣхъ дрались.

Отвѣтъ этотъ такъ понравился старику, что онъ улыбнулся, погладилъ свою серебристую бороду и любезно подалъ флагъ.

XXII.

Въ виду развалинъ Трои.

Несмотря, однако, на двукратное пораженіе турецкаго флота, въ тылу русской эскадры оставалось нѣчто, что безпокоило Сенявина и что острякъ Броневскій называлъ „умнымъ зубомъ падишаха“.

— Одинъ этотъ зубъ только и остался во рту у его султанскаго величества,—говорилъ онъ, разгуливая съ Яшимовымъ по палубѣ „Венуса“:—вырвемъ этотъ зубъ—тогда полѣзай прямо въ ротъ его султанскому величеству: не укуситъ.

Этотъ „умный зубъ“ султана была крѣпость на островѣ Тенедосѣ, въ которой сидѣлъ турецкій гарнизонъ и которая была главнымъ ключемъ въ воротахъ Дарданеллъ.

Сенявинъ сдѣлалъ распоряженіе о взятіи этой крѣпости. Онъ отрядилъ къ ней часть своей эскадры,—именно: корабли „Ретвизанъ“ и „Рафаилъ“ и фрегатъ „Венусъ“ съ нашими друзьями.

Увѣнчанный куполами храмовъ, Аѳонъ бросалъ отъ себя гигантскую тѣнь на востокъ, по направленію къ Лемносу и Тенедосу, когда три поименованные корабля приблизились къ послѣднему острову съ той стороны, которая обращена была къ троянскому берегу.

Съ грустной задумчивостью глядѣли теперь на этотъ берегъ наши друзья, сидя на шканцахъ „Венуса“. Только вчера они похоронили своего геркулеса, капитана Дмитрія Александровича Лукина. Никто такъ не смѣялся надъ нимъ, конечно добродушно, при жизни, какъ Броневскій, и никто такъ горько какъ онъ не плакалъ, цѣлуя могучія, но холодныя какъ мраморъ руки мертваго русскаго богатыря. Раздробленная ядромъ голова мертвеца была густо обмотана чернымъ флеромъ, отъ котораго ярко отдѣлялся лавровый вѣнокъ героя, возложенный на раздробленную голову Сенявинымъ подъ траурные, глухіе, словно могильные, залпы всей русской эскадры и подъ печальный перебой барабановъ. Строгія, задумчивыя лица матросовъ выражали глубокую скорбь.

Траурною дымкою, казалась, подернутъ былъ теперь печальный берегъ, на которомъ стояла когда-то Троя. Съ „Венуса“ его было хорошо видно. Жалкія, обезображенныя части городскихъ воротъ, такія же жалкія, осиротѣлыя колонны и груды камней—вотъ все, что осталось отъ безсмертнаго Иліона. Да и это не городъ Пріама, погибшій въ пламени, не его печальные остатки—ихъ давно, тысячи лѣтъ назадъ, вѣтромъ разнесло. Осталось только мѣсто, гдѣ стоялъ Иліонъ—его мѣсто, его горизонтъ, на которомъ виднѣется отуманенная Ида, его небо, съ котораго взирали равнодушные боги на обреченный въ жертву запустѣнія городъ, его Скамандеръ, поившій когда-то своими холодными струями героевъ, утомленныхъ битвою. Вонъ и теперь его воды изливаются въ его море—въ море Иліона,

но воды Скамандра пьютъ не герои Иліона, а турецкіе солдаты, двадцатитысячный корпусъ которыхъ раскинулся на берегу троянскаго моря, укрывая его бѣлыми и пестрыми шатрами. Остались цѣлы три кургана, что насыпаны были надъ могилами Ахиллеса, Патрокла и Аякса; они печально глядятъ на проходящіе мимо нихъ вѣка и тысячелѣтія: для нихъ эти вѣка—одинъ день, мимолетный мигъ вѣчности.

Такъ съ грустью думалъ Броневскій, указывая своему другу на троянскій берегъ.

— А здѣсь, на Тенедосѣ,—продолжалъ онъ,--было сборное мѣсто грековъ, осаждавшихъ Трою. Здѣсь бродилъ старецъ Несторъ и хитрый Одиссей здѣсь обдумывалъ планъ коварнаго обмана осажденныхъ. Здѣсь звонко стучали топоры и визжали пилы, гремѣли молоты, изготовляя деревяннаго коня, погубившаго градъ Пріама. Какъ грустно все это! Такъ и кажется, что надъ тѣмъ печальнымъ берегомъ все еще витаютъ безутѣшныя тѣни Гекубы и Андромахи и слышится пророческій плачъ Кассандры о предопредѣленной безжалостными богами гибели ея родного города.

Они перешли къ другому борту. Передъ ихъ глазами какъ бы прямо изъ волнъ голубого моря выходили мрачныя стѣны крѣпости. Зубцы стѣнъ, зіяющія отверстія бойницъ, угловатые изломы стѣнъ и башни и надъ самою грозною изъ нихъ, треплющееся въ воздухѣ тяжелое знамя съ полумѣсяцемъ на яркомъ полотнищѣ,—все это невольно приковывало взоръ. Нѣсколько лѣвѣе виднѣлись бѣлыя террасы домовъ—городъ, отдѣленный отъ крѣпости рвомъ и площадкою у самыхъ крѣпостныхъ воротъ. Правѣе, за крѣпостью, высилась крутая гора съ болтающимся на вершинѣ ея воздушнымъ телеграфомъ. Вотъ задумчивыя группы темныхъ, грустныхъ кипарисовъ, которые, кажется, шепчутся, грустно шепчутся надъ могилами правовѣрныхъ.

Ночью подошли и другіе корабли эскадры.

Необыкновенно тихая была ночь. Слышно было даже, какъ въ городѣ и въ крѣпости лаяли собаки.

Настала полночь. Въ крѣпости и въ городѣ запѣли пѣтухи. Имъ откликнулся фрегатный пѣтухъ, Петька съ „Венуса“, изъ своего курятника, и вызвалъ дружный смѣхъ готовившихся на завтра къ бою матросовъ.

— Ну, братъ, Петька, маху далъ—это не наши, а турецки пѣтухи.

— Что-жъ что турецки! Онъ свою службу знаетъ, — завсегда на вахтѣ.

— Да и за турецкими курами не плохъ: самъ я видѣлъ...

За приготовленіями къ бою незамѣтно прошла ночь. Стала блѣднѣть восточная окраина неба, тамъ, за троянскимъ берегомъ, за могильными холмами Патрокла и Ахиллеса. Шатры турецкаго лагеря на томъ же берегу вырисовывались все яснѣе и яснѣе. И Тенедосъ скоро выступилъ изъ туманной мглы. Крѣпостныя стѣны, башни, бойницы, цидатель и яркое полотнище султанскаго на ней флага—все это разомъ бросилось въ глаза

Яшимову и Броневскому, когда утромъ они вышли изъ каютъ на палубу. Видны даже были на берегу, около города и крѣпости, темныя точки турецкихъ пикетовъ.

XXIII.

Встрѣча съ Фатьмой.

Съ разсвѣтомъ „Венусъ", „Мощный" и „Корсаръ" продвинулись ближе къ острову и открыли огонь по турецкимъ береговымъ пикетамъ. Ядра падали такъ мѣтко, что когда разсѣялся пороховой дымъ, то оказалось, что берегъ весь очищенъ отъ пикетовъ.

Въ отвѣтъ на русскую канонаду, въ свою очередь, заговорила крѣпость. Ближе всѣхъ кораблей къ берегу стоялъ „Рафаилъ", и на него направила огонь крѣпостная артиллерія. То тамъ, то здѣсь вспыхивалъ бѣлый дымокъ и вслѣдъ затѣмъ гремѣлъ ударъ, повторяемый гулкимъ эхомъ горъ, и въ море, не долетая до корабля, падало чугунное или мраморное ядро, разсыпая бѣлыя брызги.

Всякій разъ, когда ядро падало въ море, не достигая цѣли, матросы смѣялись.

— Душа коротенька!—не доплюнулъ...

— Это, братъ, не рахатъ-лукумъ жрать.

Съ „Рафаила"-же дѣйствовали такъ удачно, что рѣдкое ядро не наносило урона непріятелю.

— Что! скусно?.. попробуй еще!—острили артиллеристы.

— Чиханула!.. ай-да-ну!.. въ самую центру!

Между тѣмъ къ берегу двигались на веслахъ катеры съ десантомъ. Плавно и мѣрно взвивались надъ водою тонкія лопасти веселъ и дружно пѣнили бирюзовое море. На одномъ изъ катеровъ виднѣлось строгое, задумчивое лицо Яшимова.

Нѣсколько легкихъ шлюпокъ съ албанцами и греками-идріотами, подплывъ къ самому берегу, быстро сбили своими мѣткими выстрѣлами передовые турецкіе посты и тѣмъ очистили мѣсто для высадки регулярныхъ войскъ, которыя быстро вышли на берегъ, также быстро выстроились въ двѣ стройныя колонны и подъ мѣрный бой барабановъ двинулись впередъ. Одна колонна изъ 900 человѣкъ козловскаго полка, подъ командою полковника Подейскаго, съ четырьмя полевымы орудіями, пошла влѣво, горами.

Къ этой колоннѣ присоединился и нашъ Степанъ Симоновичъ, у котораго на душѣ сегодня было особенно мрачно. Но онъ не боялся смерти. Столько разъ она глядѣла ему въ лицо—и онъ сталъ смѣло глядѣть въ ея очи. „Что-жъ, если и убьютъ?—по крайней мѣрѣ на виду у своихъ. Умереть такъ, какъ умеръ тотъ незабвенный герой съ добрыми дѣтьми

глазами и мощными мускулами—славная, завидная смерть. И для чего жить?.. для кого"?—Его почему-то и на родину больше не тянуло.

Вторая колонна изъ 600 рядовыхъ 2-го морского полка, подъ командою полковника Буаселя, тоже съ четырьмя пушками и шестью фальконетами, двинулась вправо, по морскому берегу.

При первой колоннѣ находился контръ-адмиралъ Грейгъ, при второй—самъ Сенявинъ, который и распоряжался всѣми ея движеніями.

Впереди колоннъ наступали албанскіе стрѣлки, идріоты и охотники изъ регулярныхъ войскъ и матросовъ. Къ охотникамъ примкнулъ и Яшимовъ.

Маіоръ Гедеоновъ, отряженный отъ первой колонны, повелъ стрѣлковъ и охотниковъ въ гору, на которой укрывались турки. Въ числѣ первыхъ съ крикомъ „ура!" взошелъ на гору Яшимовъ.

— Урра!—перекатилось по всему отряду, и поражаемые мѣткими ударами турки бѣжали.

Въ то-же время колонна Буаселя, достигнувъ шанцевъ, атаковали засѣвшихъ тамъ турокъ своими стрѣлками, между тѣмъ какъ легкія орудія, управляемыя морскими офицерами, въ томъ числѣ и Броневскимъ, отважно подвезены были на картечный выстрѣлъ, и градомъ чугуна осыпали непріятеля. Колонна Подейскаго, заглушая громовымъ „ура" грохотъ канонады съ крѣпости, на штыкахъ врывалась уже въ предмѣстье, въ то время, когда вторая колонна, ударивъ штурмомъ на ретраншементъ, взяла его послѣ жестокаго боя, вырвавъ изъ рукъ ошеломленнаго врага пять знаменъ.

Оставивъ городъ, турки кинулись въ крѣпость, но на мосту черезъ ровъ и на площади у самыхъ воротъ крѣпости ихъ встрѣтили залпы подоспѣвшихъ орудій, и поражаемые съ тыла штыками, несчастные, не успѣвшіе добѣжать до крѣпости, съ криками отчаяніе кидались въ ровъ.

Оставшіеся въ городѣ турки защищались въ домахъ.

— Братцы! тутъ хорошенькая турчаночка!—послышался возгласъ изъ одного дома.

Яшимовъ бросился на этотъ возгласъ, боясь, чтобы солдаты не сдѣлали насилія надъ беззащитною женщиной.

Вся закутанная покрываломъ, какая-то женщина уткнулась въ уголъ турецкаго дивана и, повидимому, прятала ребенка, который плакалъ подъ покрываломъ, а два солдатика, весело заливаясь, силились стащить съ нея это покрывало.

— Да покажись, молодка,—мы тебя не съѣдимъ.

— Якши, якши, красавица... да ты не бойся.

— Братцы, что вы дѣлаете?

Солдатики смущенно отступили. Передъ ними стоялъ незнакомый офицеръ.

— Мы ничево, ваше благородіе, мы ее не трогали.

— Мы, ваше благородіе, пошутили.

Совсѣмъ растерянные, они все пятились къ двери и наконецъ исчезли.

Женщина, дрожа всѣмъ тѣломъ, продолжала жаться въ уголъ дивана. Яшимовъ заговорилъ съ ней по-турецки, успокоивая ее.

По мѣрѣ того какъ Степанъ Симоновичъ говорилъ, женщина осторожно поворачивала къ нему лицо, все закрытое покрываломъ. Потомъ часть покрывала раздвинулась на лицѣ настолько, чтобы оставить щель для глазъ.

— Не бойся-же, пойдемъ со мной — я дамъ тебѣ защиту, — продолжалъ Яшимовъ.

Вдругъ съ головы турчанки спало покрывало и она, всплеснувъ руками, бросилась къ ногамъ Степана Симоновича.

— Мой господинъ! мой повелитель!—заговорила она по-русски, хотя съ восточнымъ акцентомъ.

Съ изумленіемъ и испугомъ Яшимовъ отступилъ назадъ. Передъ нимъ на колѣняхъ стояла его маленькая Фатьма и ломала руки.

— Мой господинъ! мой женихъ! мой Степа!

— Фатьма! ты-ли это?

— Я, я! твоя Фатьма...

Яшимовъ поднялъ ее съ полу и одной рукой придержалъ за талію— такъ дрожала она. Бѣдная женщина съ рыданьемъ прильнула губами къ его рукѣ.

— Какъ ты попала сюда, бѣдная? — съ глубокимъ волненіемъ спросилъ Степанъ Симоновичъ.

— Онъ купилъ меня у матери,—всхлипывала несчастная.

— Кто онъ?

— Мой мужъ.

Ребенокъ съ дивана протягивалъ къ ней ручонки.

— Это твой?—глухо спросилъ Яшимовъ.

— Мой.

XXIV.

Она рѣшилась.

„Непріятель заключился въ крѣпость, — говоритъ въ своихъ „Запискахъ“ Броневскій: — по оной немедленно открыли пальбу изъ полевыхъ орудій и изъ малой крѣпосцы. Сраженіе симъ кончилось, но перестрѣлка съ крѣпости и въ предмѣстіи еще продолжалась. Турки въ домахъ защищались упорно; греки-же, съ семействами своими скрывшіеся въ своей части города, съ довѣренностью вышли и отведены въ безопасное мѣсто. Скоро и турки потребовали пощады, и имъ не отказано было въ возможной помощи. Для гречанокъ поставлены были палатки и караулъ, дабы не допускать до нихъ любопытныхъ. Три турчанки, попавшія въ плѣнъ

(въ томъ числѣ и Фатьма), отвезены на адмиральскій корабль, и сіе вниманіе, какъ увидимъ впослѣдствіи, принудило турокъ скорѣе сдаться".

Дѣло было такъ.

По занятіи города Тенедоса русскими войсками и по заключеніи турокъ въ крѣпость, Сенявинъ, желая избѣгнуть напраснаго кровопролитія и продолжительной осады, приказалъ предложить плѣннымъ туркамъ — отнести его письмо къ командиру крѣпости; но всѣ они отказались: ихъ тамъ убили-бы за то, что они отдались живыми въ плѣнъ. Кромѣ того, они объявили, что гарнизонъ крѣпости на коранѣ поклялся защищаться до послѣдней крайности.

Когда вѣсть эта дошла до плѣнныхъ турчанокъ, Фатьма рѣшилась пожертвовать собою и отнести письмо въ крѣпость. Она, знала, что пойдетъ на вѣрную смерть, такъ какъ всякую женщину, попавшую въ плѣнъ къ гяурамъ, турки считаютъ обезчещенною и оскверненною и безъ жалости убиваютъ. Фатьма знала это—и все-таки рѣшилась.

Принявъ такое рѣшеніе, она просила доложить объ этомъ адмиралу и только позволить ей раньше повидаться съ „ея господиномъ, для котораго она теперь раба и невольница", потому что онъ взялъ ее въ плѣнъ.

Сенявинъ приказалъ позвать Яшимова. Тотъ явился. Фатьма, почтительно поцѣловавъ его руку, сказала:

— Позволь мнѣ, мой повелитель, умереть за добрыхъ русскихъ.

— Зачѣмъ?—удивился Степанъ Симоновичъ.

— Ты меня не убилъ, какъ я того заслужила, такъ пусть меня убьютъ наши: я обѣщала вашему непобѣдимому гази-капудану-пашѣ отнести его письмо въ крѣпость.

Испугъ и горесть отразились на лицѣ Степана Симоновича при этимъ словахъ.

— Отпусти меня, господинъ,—снова цѣлуя руки его, сказала молодая женщина:—я нечистая, я заслужила смерть.

Яшимовъ зналъ восточные предразсудки и глубокую непоколебимость въ нихъ восточной женщины: предназначенная въ жены одному, она отдалась, хотя невольно, другому, своему теперешнему мужу, и потому первый ея повелитель долженъ былъ, по ея понятіямъ, убить ее какъ нечистое животное.

— Хорошо,—сказалъ дрогнувшимъ голосомъ Яшимовъ,—только я самъ научу тебя, что сказать гази-капудану.

И онъ сталъ учить ее, сказавъ предварительно по-арабски: „повторяй за мной и хорошенько запомни каждое мое слово".

— Слушаю, господинъ.

Еще въ Алжирѣ, чтобы не позабыть родной рѣчи, Яшимовъ въ теченіе года училъ свою „Фату" по-русски, и понятливая, какъ вся арабская раса, дѣвочка быстро усвоила себѣ обиходную русскую рѣчь.

— Говори,—началъ онъ, садясь на складной табуретъ:—великодушный христіанинъ!

— Великодушный христіанинъ,—повторила Фатьма, качая на рукахъ ребенка.

Сама еще ребенокъ, она казалась дѣвочкою, играющею въ куклы.

— Милостивое твое покровительство и призрѣніе къ твоимъ невольницамъ, ими не ожидаемое..,—продолжалъ Степанъ Симоновичъ подбирать вычурныя фразы, а Фатьма за нимъ повторяла.

Когда рѣчь была кончена, Степанъ Симоновичъ началъ ее снова и повторилъ до конца. Фатьма ее заучивала, и уже за третьимъ разомъ сказалъ ее почти всю.

Затѣмъ она снова начала повторять и наконецъ совсѣмъ запомнила.

Яшимовъ подошелъ къ ней, задумчиво и грустно посмотрѣлъ въ ея дѣтски-наивные глазки, погладилъ черную, съ вьющимися волосами головку.

— Совсѣмъ ребенокъ! -шепталъ онъ со слезами на глазахъ.—Ты ни въ чемъ нередо мной неповинна.

Фатьма, придерживая одною рукою ребенка, бросилась на полъ каюты и припала губами къ сапогамъ Яшимова. Онъ поднялъ съ полу этого ребенка-женщину, горячо, много разъ поцѣловалъ ее и перекрестилъ.

XXV.

Подвигъ Фатьмы.

Сенявинъ принялъ Фатьму на палубѣ адмиральскаго корабля въ торжественной обстановкѣ. При аудіенціи присутствовали не только всѣ офицеры корабля „Твердый“, но нѣкоторые и съ другихъ кораблей эскадры.

Фатьма, закутанная покрываломъ съ головы до ногъ, подошла къ адмиралу, держа ребенка на рукахъ; потомъ, опустившись на колѣни, поцѣловала у Сенявина руку и нагнула голову ребенка, чтобъ и онъ своими розовыми губками прикоснулся къ этой рукѣ. Сенявинъ съ улыбкой погладилъ курчавую головку мальчика, котораго видимо заняли „игрушки“ на груди важнаго старика.

Фатьма встала и, не открывая покрывала, совершенно по школьному отбарабанила серебристымъ голоскомъ:

— Великодушный христіанинъ! милостивое твое покровительство, призрѣніе къ твоимъ невольницамъ, ими неожидаемое, побудило меня предложить тебѣ мою услугу. Я берусь...

На этомъ словѣ она запнулась; Яшимовъ подсказалъ ей.

— Я берусь отнести письмо твое къ пашѣ,—снова затараторила она:— хочу убѣдить непреклонныхъ нашихъ мужей, что мы во врагахъ нашли друзей, какихъ едва ли имѣемъ между правовѣрными. Знаю, что пріемлю на себя слишкомъ трудную обязанность; знаю, что едва-ли повѣрятъ моему свидѣтельству о поступкахъ твоихъ, великій начальникъ христіанъ, но... но...

Она опять запнулась. Добродушная усмѣшка скользнула по губамъ адмирала, а Броневскій скорчилъ самую ехидную гримасу, переглянувшись съ Развозовымъ.

— Но,—продолжала Фатьма,—но не колеблюсь; сими предположеніями моими надѣюсь по крайней мѣрѣ ослабить несправедливое предубѣжденіе противу васъ, и въ знакъ благодарности, въ возмездіе милостей твоихъ къ плѣннымъ, обрекаю себя за всѣхъ прочихъ на вѣрную смерть!

Она выпалила все это, ни разу не передохнувъ, а потомъ, вѣроятно боясь забыть конецъ своей сантиментальной рѣчи, сочиненной сантиментальнымъ-же Степаномъ Симоновичемъ,—она снова стала на колѣни и, положивъ своего прелестнаго малютку къ ногамъ Сенявина, отмахала какъ попугай:

— Оставляю тебѣ дитя мое залогомъ драгоцѣннѣйшимъ для матери. Если Богу угодно лишить меня жизни въ сей день,—будь ему отцомъ, наставникомъ и покровителемъ, научи его, твоей вѣрѣ, да возможетъ онъ подражать тебѣ и быть достойнымъ твоихъ попеченій...

Она встала и хотѣла тотчасъ-же идти, но ребенокъ потянулся къ ней и заплакалъ. Тогда Сенявинъ взялъ его къ себѣ на колѣни и скоро развлекъ своими блестящими аксельбантами.

На минуту въ немъ явилась нерѣшимость. Старику стало жаль этой дѣвочки-матери. Онъ зналъ восточные обычаи, зналъ, что турки всѣхъ попавшихъ въ плѣнъ женщинъ считаютъ обезчещенными и обыкновенно убиваютъ, — и въ немъ теперь проснулась жалость и къ этому ребенку-матери, и къ ея крошкѣ.

Адмиралъ въ нерѣшимости взглянулъ на офицеровъ. Яшимовъ стоялъ блѣдный, Броневскій смотрѣлъ на него жалостливо, Развозовъ хмурился.

— Лучше, ваше превосходительство, пожертвовать одною жизнью, чѣмъ многими,—сказалъ онъ тихо.

Сенявинъ подалъ Фатьмѣ роковое посланіе. Она быстро схватила его и, не взглянувъ на ребенка, изъ боязни уступить материнскому чувству, торопливо пошла къ трапу. Тамъ уже ждала ее шлюпка съ матросами.

Увидавъ, что мать уходитъ, ребенокъ снова расплакался, протягивая къ ней ручонки; но она не оглянулась.

Такъ какъ во все это время съ прочихъ кораблей продолжалась канонада по крѣпости, то Сенявинъ приказалъ прекратить пальбу и велѣлъ дать знать, посредствомъ трубы, осажденнымъ, что желаетъ вступить съ ними въ переговоры; но изъ крѣпости ничего не отвѣчали и продолжали стрѣлять.

Шлюпка съ Фатьмой отчалила отъ корабля.

— Вы прежде знали эту женщину?—обратился Сенявинъ къ Яшимову, стоявшему въ грустной задумчивости.

— Такъ точно, ваше превосходительство,—еще въ Алжирѣ: ее подарилъ мнѣ дей въ знакъ милости.

— Какъ-же она попала на Тенедосъ?

— Когда я бѣжалъ изъ Алжира, ее купили у матери,—купилъ настоящій ея мужъ, находящійся въ Тенедосѣ.

— И это вы ее научили по-русски?

— Я, ваше превосходительство.

Шлюпка между тѣмъ достигла берега. Видно было, какъ развѣвалось въ воздухѣ бѣлое покрывало Фатьмы, когда она поднималась къ шанцамъ, а потомъ вступила на площадь.

— Ахъ, негодяи!—вырвалось у Броневскаго:—они стрѣляютъ въ нее!

Дѣйствительно, съ ближайшаго къ ней бастіона сдѣлано было нѣсколько выстрѣловъ, къ счастью, неудачныхъ. Но маленькая героиня не струсила. Она подняла вверхъ письмо и, махая имъ въ воздухѣ, смѣло шла къ крѣпостнымъ воротамъ. Ворота отворились—и маленькая фигурка Фатьмы исчезла въ нихъ.

XXVI.

Она побѣдила.

На эскадрѣ водворилась тишина. Канонада смолкла. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали результатовъ оригинальнаго посольства.

Крѣпость не показывала никакихъ признаковъ жизни: тамъ было тихо, какъ въ могилѣ.

Сенявинъ начиналъ уже сильно раскаиваться, что послалъ бѣдную женщину на вѣрную смерть. Ребенокъ между тѣмъ, не видя матери, плакалъ, и сѣдому адмиралу приходилось съ нимъ няньчиться.. Наконецъ его отослали къ двумъ плѣннымъ турчанкамъ, которыя находились въ особой каютѣ.

Яшимовъ переживалъ жестокія мученія. Въ его душѣ образовались два теченія, взаимно противоположныя. Тамъ, въ Алжирѣ, въ ночь своего побѣга, когда онъ стоялъ на колѣняхъ у постели своей милой спящей дѣвочки, въ душѣ его почувствовалось могучее движеніе уйти изъ постылой неволи, все бросить, бросить даже это милое дитя и плыть за это постылое море—туда, домой. И пока Тунисъ и Алжиръ не остались у него за спиной, какъ минутный сонъ, какъ страшный кошмаръ,—это движеніе продолжало господствовать въ душѣ. Но едва онъ очутился на палубѣ русскаго судна, едва къ нему воротилась увѣренность, что она не въ неволѣ—какъ въ его душѣ возникло теченіе обратное: туда опять въ неволю, къ ней. Теченіе это стало возникать еще раньше, именно тогда, когда взятый у береговъ Корсики пиратъ Абу-Талебъ сказалъ, какъ послѣ исчезновенія Яшимова изъ Алжира Фатьма убивалась по немъ, день и ночь плакала и даже хотѣла покончить съ собой. Потомъ сила этого движенія росла и росла, такъ что уже здѣсь, въ Архипелагѣ, Степанъ Симоновичъ, по свидѣтельству Броневскаго, „искалъ смерти“. И вотъ, это прежнее счастье вновь найдено—и вновь потеряно уже навсегда.

— Идетъ! идетъ!—раздался вдругъ радостный возгласъ Броневскаго.

— Да, ворота отворили. Это она!—подхватили другіе голоса.

— Слава Богу!—облегченно вздохнулъ Сенявинъ.

Дѣйствительно, ворота крѣпости отворились и оттуда вышла группа турокъ, среди которыхъ бѣлѣла фигура Фатьмы. Въ воротахъ, рядомъ съ Фатьмой, стоялъ самъ паша Тенедоса, комендантъ крѣпости. Турки видимо спорили о чемъ-то, обнажали сабли, а паша что-то горячо говорилъ имъ.

— Вѣрно убить хотятъ, негодяи!

— Да, но паша, кажется, не даетъ.

Скоро Фатьма отдѣлилась отъ группы и быстро пошла къ берегу. За нею слѣдовалъ пожилой турокъ въ зеленой чалмѣ. Они сѣли въ ожидавшую Фатьму шлюпку съ адмиральскаго корабля и отчалили отъ берега.

— Принесите мнѣ ея сына,—сказалъ Сенявинъ окружавшимъ его.

Ребенка принесли, и Сенявинъ, взявъ его на руки, подошелъ къ борту корабля и, показывая на приближавшуюся шлюпку, говорилъ:

— Мама, мама—смотри, мама ѣдетъ.

Ребенокъ узналъ мать и протягивалъ къ ней ручонки. Фатьма быстро взбѣжала по трапу на палубу и, рыдая, упала на колѣни передъ Сенявинымъ. Адмиралъ подалъ ей ребенка.

„Разставаясь съ нимъ (съ сыномъ)—говоритъ по этому поводу Броневскій, — когда шла къ смерти, она не плакала; но теперь, свершивъ свой подвигъ, чувства матерней горячности замѣнили въ душѣ ея всѣ другія; стоя на колѣняхъ, она рыдала, занималась однимъ сыномъ, коему расточая ласки, до того забылась, что сбросила съ себя покрывало и, казалось, никого вокругъ себя не замѣчала".

Въ крѣпости посольство Фатьмы произвело эффектъ. Когда комендантъ прочелъ принесенное ею письмо и она разсказала ему о томъ, какое уваженіе оказалъ Сенявинъ къ ихъ обычаямъ, то, тронутый великодушіемъ врага-христіанина, онъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ рѣшено было послать къ адмиралу довѣренное лицо съ извѣщеніемъ, что крѣпость сдается на волю побѣдителя, оказавшаго почтеніе женщинамъ правовѣрныхъ. Онъ самъ проводилъ Фатьму до воротъ. Его солдаты, увидавъ, что плѣнницу, по ихъ мнѣнію обезчещенную, не убили, а еще съ почтеніемъ опять отправляютъ къ невѣрнымъ, съ криками негодованія выскочили за ворота, чтобы схватить и тутъ-же убить ее.

— Смерть нечистой женщинѣ!—кричали они.

Но комендантъ удержалъ ихъ.

Когда сопровождавшая Фатьму изъ крѣпости зеленая чалма взошла на палубу адмиральскаго корабля и увидѣла, что самъ адмиралъ подаетъ плѣнницѣ ея ребенка,—чалма растерялась отъ неожиданности. Но, сразу уразумѣвъ весь трагизмъ того, что она увидѣла, чалма съ знаками глубочайшаго почтенія приблизилась къ Сенявину и, приложивъ руку къ сердцу, сказала:

— Благодарю пророка, что лично узнаю твое великодушіе. Ты писалъ,

что желаешь отпустить насъ съ имуществомъ домой. Мы признаемъ себя побѣжденными и великодушіемъ, и силою твоею, и не можемъ требовать отъ тебя болѣе того, что ты предложилъ намъ. Утверди условіи однимъ твоимъ словомъ—и крѣпость твоя!

Зеленая чалма снова низко и почтительно склонилась.

— Я утверждаю мои условія моимъ честнымъ словомъ,—сказалъ Сенявинъ, подавая руку изумленному и очарованному чалмоносцу.

И тотчасъ-же адмиралъ приказалъ изготовить закрытыя шлюпки для перевоза на троянскій берегъ съ Тенедоса и съ адмиральскаго корабля всѣхъ турчанокъ, какъ находящихся на кораблѣ (Фатьма и двѣ другія, взятыя въ плѣнъ), такъ и укрывшихся въ крѣпости.

Это послѣднее распоряженіе Сенявина привело зеленую чалму въ совершенное умиленіе. Онъ билъ себя въ грудь и поднималъ руки, восклицая: „Аллахъ-керимъ! Аллахъ-акберъ!“ Затѣмъ онъ обратился къ Сенявину:

— Великодушный гази! Зная твои права какъ побѣдителя и зная, что не легко отказаться отъ столькихъ прекрасныхъ женщинъ (онъ взглянулъ на Фатьму, возившуюся съ своимъ ребенкомъ какъ съ куклой), я не смѣлъ ходатайствовать о ихъ освобожденіи; но ты самъ ихъ возвращаешь намъ; повѣрь, что мы сумѣемъ оцѣнить твое великодушіе и постараемся дѣломъ доказать тебѣ нашу благодарность.

Когда шлюпки были готовы, Сенявинъ вынесъ изъ адмиральской каюты богатое ожерелье и, подавая его Фатьмѣ, сказалъ:

— Возьми это, добрая женщина, на память о русскихъ. Если мы и причинили много вреда вашему городу, то мы это дѣлали не своею волею: мы исполняли свой долгъ. Воспитывай и ты своего сына въ правилахъ долга,—заключилъ онъ, погладивъ ребенка по головѣ.

Фатьма цѣловала у старика руку, но едва-ли многое поняла изъ его рѣчи.

Но идя къ трапу, она припала горячими губами къ рукѣ Яшимова и горько заплакала; это были слезы восточной женщины, слезы невольницы, не имѣющей права даже любить, ибо у нея одно только право—принадлежать тому, кого она считаетъ своимъ повелителемъ. И тамъ, на родинѣ, она была раба, хоть и любила добраго русскаго господина,—раба она и здѣсь. Но Степанъ Симоновичъ не смѣлъ даже поцѣловать ея руку—это было не въ обычаяхъ Востока. Онъ только украдкой пожалъ ее.

Шлюпка съ плѣнницами и съ зеленой чалмой быстро удалялась отъ корабля. Яшимовъ тоскливо провожалъ ее глазами. Одинъ только Броневскій замѣтилъ, какъ изъ этихъ глазъ выкатились двѣ чуть замѣтныя слезинки.

Вдругъ отъ борта удалявшейся шлюпки отдѣлилось что-то бѣлое, словно огромная чайка съ распластанными крыльями, и ринулось въ море камнемъ. Оттуда послышались крики испуга.

— Что это?.. Кто-то бросился въ море?

— Фатьма бросилась въ море!.. бѣдная!

Въ тотъ же мигъ у лѣваго борта адмиральскаго корабля мелькнуло что-то темное и послышался плескъ.

— Человѣкъ упалъ въ море!—крикнулъ кто-то.

— Яшимовъ бросился... Шлюпку! шлюпку!—отчаянно кричалъ Броневскій.

У самаго корабля всплыла черная голова Степана Симоновича. Онъ плылъ къ той шлюпкѣ, которая увозила плѣнницъ. Но силы видимо ему измѣняли: прыгнувъ съ корабля, съ значительной высоты, онъ расшибся объ воду. Онъ двигался все медленнѣе и медленнѣе. Онъ уже совсѣмъ исчезалъ подъ водой. Но въ это время багоръ спасательной шлюпки зацѣпилъ его за платье, и Яшимовъ былъ втащенъ въ шлюпку. Онъ былъ безъ чувствъ.

Фатьма утонула.

Но этимъ не кончились бѣды и скитанья нашего злополучнаго Одиссея.

По заключеніи Тильзитскаго мира съ Франціею, эскадра Сенявина должна была возвратиться въ Петербургъ. Но едва она, а вмѣстѣ съ нею и нашъ Одиссей, вышла въ Атлантическій океанъ и выдержала ужаснѣйшій штормъ, какъ узнали, что Англія объявила Россіи войну и ея флотъ ищетъ эскадру Сенявина, чтобы или взять ее въ плѣнъ, или истребить. Тогда эскадрѣ пришлось прятаться въ Лиссабонскомъ портѣ.

Яшимовъ былъ снова въ плѣну, хотя у своихъ и среди друзей. Жизнь ему окончательно опостылѣла и онъ снова искалъ смерти. Но гдѣ ее найдешь? Не въ дулѣ же своего собственнаго пистолета—это было бы малодушіемъ. Такую смерть онъ нашелъ бы и въ Африкѣ, притомъ менѣе постыдную, хотя бы въ когтяхъ у того льва, котораго, въ пустынѣ, онъ поджидалъ за кустомъ кактуса, подъ гигантскою пальмой.

Когда слухи о войнѣ съ Англіей подтвердились, „Венусъ“ изъ Лиссабона командированъ былъ обратно въ Средиземное море для отысканія тамъ эскадры капитанъ-командора Баратынскаго, а равно для извѣщенія его о томъ, куда ему идти для соединенія съ главнымъ флотомъ. „Венусъ“ долженъ былъ зайти также и въ Палермо къ русскому резиденту и въ Корѳу съ разными порученіями.

Отправился съ „Венусомъ“ и нашъ Одиссей. Былъ онъ и въ Гибралтарѣ, у береговъ Сардиніи и Корсики, гдѣ когда-то имѣлъ дѣла съ своими алжирскими и тунисскими сослуживцами, съ пиратами Абдъ-эль-Нубаромъ и Абу-Талебомъ. Былъ и въ Палермо, гдѣ англичане застукали-таки „Венусъ“, который едва не взлетѣлъ на воздухъ вмѣстѣ съ нашимъ Одиссеемъ.

Вотъ что мы находимъ у Броневскаго о послѣднихъ дняхъ нашего несчастнаго героя:

„Онъ во все время оставался на нашемъ фрегатѣ, терпѣлъ съ нами равную участь; изъ Лиссабона былъ съ нами въ Палермо и, наконецъ, изъ Тріеста отправился сухимъ путемъ въ Россію. Въ Лембергѣ, когда колоннѣ должно было выходить, Яшимова не нашли на его квартирѣ;

искали по всему городу, и не было никакого о немъ слуха. Хозяинъ дома сказывалъ, что онъ ночевалъ у него одну ночь, на другой день утромъ просилъ какъ можно скорѣе исправить его пистолеты, и въ полдень, получа оные, болѣе не возвращался. Въ городѣ же носился слухъ, что одинъ русскій офицеръ въ трактирѣ поссорился съ двумя польскими уланскими офицерами, пріѣхавшими въ отпускъ изъ Варшавы. И такъ весьма вѣроятно, что несчастный Яшимовъ убитъ на поединкѣ.

„Въ недальнемъ разстояніи отъ Радзивилова, въ селеніи Колки, квартировалъ с.-петербургскій драгунскій полкъ. Я, любопытствуя знать, точно-ли онъ служилъ въ семъ полку, нашелъ одного рейтара, который очень его помнилъ и служилъ пять лѣтъ въ его эскадронѣ“.

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Д. Л. Мордовцева.

СИЛА ВѢРЫ

БЫЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Н. Ѳ. Мертца

1901.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 2 Мая 1901 г.

Типографія „В. С. Балашевъ и К°". Спб., Фонтанка 95.

СИЛА ВѢРЫ.

I.

Два путника.

Въ послѣднихъ числахъ іюля 1667 года, къ Густынскому монастырю, что на Удаѣ, подъ Прилуками, манджосовско-борщенскимъ шляхомъ пробирались два путника съ котомками за плечами.

Это были молодые люди, по одеждѣ напоминавшіе монастырскихъ послушниковъ. Черные длиннополые кафтаны, напоминавшіе подрясники, подпоясаны были широкими шелковыми поясами—у одного краснымъ, а у другого—синимъ. За поясомъ у перваго торчала ручка пистолета и сбоку болталась сабля довольно внушительныхъ размѣровъ. На головахъ у путниковъ — у перваго сивая барашковая шапка, у другого — соломенный „бриль"—украинская широкополая шляпа.

Поднявшись въ гору, ближе къ Борщнѣ, путники остановились, чтобы передохнуть въ тѣни старой, развѣсистой вербы, росшей у дороги.

Видъ на долину Удая съ этого мѣста былъ великолѣпный. Сѣверную даль замыкали темные лѣса Замостья, тянувшіеся до самаго Заѣзда, богатыхъ маетностей прилуцкаго полковника Горленка. Вся низина, орошаемая вьющимся, какъ сѣрая змѣя, Удаемъ, пышно блистала на солнцѣ то яркою зеленью поемныхъ луговъ, то группами роскошныхъ вербъ, то стройными рядами пирамидальныхъ тополей. Внизу, подъ горою, отступя къ лугамъ, высились къ небу стройныя колокольни и башни монастыря, обнесеннаго бѣлою каменною оградою съ прорѣзями бойницъ, отражавшихся въ зеркалѣ водъ тихаго Удая. По лугамъ разбросанными группами паслись монастырскія стада.

— Какая благодать—это мѣсто—тихое пристанище! — сказалъ одинъ изъ путниковъ, черноволосый юноша съ большими сѣрыми глазами, задумчивыми и кроткими, какъ у дѣвушки.—Вотъ бы гдѣ постричься!

— Эхъ, Данило, Данило! стыдись это говорить! — возразилъ другой путникъ, плечистый бѣлокурый молодой человѣкъ, вооруженный пистолетомъ и саблею.—Ты не Юраско Хмельниченко. Да и тотъ, сказываютъ, бѣжалъ съ Малборгу и чернечій клобукъ подъ лавку бросилъ.

— Говорятъ, бѣжалъ. Ахъ, я не забуду никогда, какъ онъ въ санѣ архимандрита, служилъ однажды всенощную въ Софійскомъ соборѣ. Это было, почитай, наканунѣ того дня, какъ его и митрополита Іосифа Тукальскаго ляхи въ Малборгъ заточили. Я былъ тогда еще хлопчикомъ по двѣнадцатому году. Помню и никогда не забуду этой всенощной. У Юрія, говорятъ, когда онъ гетмановалъ послѣ отца, была невѣста. А когда Юраско и Тетеря были разбиты Ромодановскимъ и Сомкомъ Якимомъ да Васютою Залотаренкомъ подъ Переяславомъ, то по Украинѣ прошла чутка, что Юраско палъ въ битвѣ. Чутка сія дошла и до его невѣсты. Почитая его давно въ неживыхъ, она часто служила панихиды по душѣ на брани убіеннаго Юрія. И вотъ единожды прилучилось ей быть въ Кіевѣ съ своею матерью. Утромъ она отправила панихиду по убіенномъ Юріи, а вечеромъ пришла въ Софійскій соборъ къ всенощной. На этотъ самый разъ и служилъ всенощную архимандритъ Юрій-Гедеонъ. Слышитъ оная дѣвица знакомый голосъ, а лица не видитъ—изъ алтаря голосъ слышится. И вдругъ онъ выходитъ изъ алтаря съ кадиломъ... „Слава святѣй, единосущнѣй“... Она смотритъ, узнаетъ его — и, аки подрѣзанный косою колосъ, падаетъ безъ чувствъ. Своими очами я видѣлъ, какъ выносили изъ храма бѣдную отроковицу.

— Какъ-же она не знала, что Хмельниченко живъ остался и въ черенцы постригся?—спросилъ бѣлокурый товарищъ говорившаго.

— Не мудрено — многіе ли знали это? Да и нынѣ — правда ли то, что онъ бѣжалъ изъ Малборга, или то слухъ токмо, молва народная?

— И то правда. Вонъ и нынѣ прошли вѣсти съ Запорожья, якобы тамошняя голота, козаки пропоицы утопили стольника Лодыжинскаго, посла его царскаго величества.

— Слышалъ и я это,—сказалъ черноволосый путникъ. — Горе нашей бѣдной матери Украинѣ, ежели и его царское величество на насъ прогнѣвается. Вонъ съ того боку Днѣпра шарпаютъ ее татары съ Галгою-солтаномъ да съ богоотступникомъ Дорошенкомъ, да и по сей сторонѣ одна бѣда. Какъ-же тутъ оставаться на міру, при такой шатости людской? Единое спасеніе—стѣны монастырскія, къ примѣру—вотъ хотя сіи.

И юноша указалъ на стѣны и башни Густынскаго монастыря.

— Не дѣло ты говоришь, братъ Данило, — возразилъ товарищъ, — теперь-то и нужны нашей матери Украинѣ наши руки и головы, а съ помощью его царскаго величества она и ворогов всѣхъ подъ пяты потопчетъ.

Черноволосый не отвѣчалъ. Они оба помолчали, прислушиваясь, какъ кто-то подъ горою пѣлъ:

И шли ляхи на три шляхи,
А козаки на четыре...

— А! да и въ горлѣ же пересохло,—сказалъ первый путникъ.

— Да вотъ недалече Боршна — тамъ попросимъ добрыхъ людей, — отвѣчалъ второй путникъ.

— Молочка бы холодненькаго—ахъ!—отъ утробы матернія возлюбихъ азъ млеко, только не такъ, какъ ты, братъ Данило, — улыбнулся первый:—ты дуешь токмо словесное млеко, а я, братъ, возлюбихъ млеко отъ кравъ доенное.

— Такъ пойдемъ дальше.

— Потецемъ, брате Даніиле!

Они встали, закинули котомки за плечи и пошли по направленію къ Боршнѣ, по временамъ поглядывая на красовавшуюся влѣво, въ низинѣ Удая, уединенную Густынь.

Приближаясь къ Боршнѣ, молодые путники уже издали замѣтили обгорѣлые и разрушенные дома и хатки.

— Вѣрно пожежа была тутъ,—сказалъ первый путникъ, указывая на слѣды пожара.—Вонъ сколько хатъ выгорѣло.

— Да, это орда попустошила,—замѣтилъ его товарищъ.

— Какая орда?

— Крымская, что прошлою осенью съ проклятымъ Дорошенкомъ приходила.

Онъ остановился и оглянулся назадъ.

— Да вонъ и Манджосовка пошарпана ими, и Дѣдовцы, — сказалъ онъ.

— Н-ну! да и чешутся же у меня руки на эту крымскую саранчу! — энергически проговорилъ первый.

Они вошли въ село. Кругомъ, дѣйствительно, видны были слѣды разрушенія и пожара. Многіе дома такъ и оставались полуобгорѣлые. Другіе кое-какъ пообстроились за зиму да за весну. Печальное то было время для Украины, когда враждовавшіе изъ-за первенства гетманы Дорошенко и Брюховецкій раздирали бѣдную страну на части.

— Да тутъ, братъ, и воды, чаю, не добьешься, не то что̂ молока,— сказалъ первый путникъ, качая головой.

— Пожалуй, что такъ: придется, значитъ, до монастыря потерпѣть.

Увидѣвъ, однако, одну обстроенную и чисто выбѣленную хатку, путники подошли къ окну и постучались.

— Благословеніе дому сему и живущимъ въ немъ! — проговорилъ первый путникъ.

— Кто тамъ?—послышался изъ избы слабый старческій голосъ.

— Богомольцы изъ Кіева,—отвѣчалъ все тотъ же путникъ:—пустите до хаты.

— Коли добрые люди—входите,—былъ отвѣтъ изъ избы.

Путники вошли въ незапертую калитку, а потомъ, черезъ крылечко, въ хатку. Хатка была просторная, чистая. Въ переднемъ углу висѣлъ старинный образъ Богородицы, писанный на доскѣ и украшенный шитымъ полотенцемъ. Передъ образомъ вмѣсто лампадки висѣлъ бумажный голубокъ.

Путники помолились на образокъ.

— Съ святымъ днемъ съ субботою,—проговорили путники.

— Спасибо на добромъ словѣ—и васъ со святою субботою, — отвѣчалъ тотъ же старческій голосъ.

Путники осмотрѣлись. У задней стѣны, на досчатомъ примостѣ, покрытомъ кошмою, лежала ветхая, сѣдая старушка.

— Здоровеньки были, бабусю сердце!—привѣтствовалъ ее первый путникъ.

— Спасибо! Пошли вамъ Богъ здоровьячко,—слабо проговорила старушка.

— Недужаете, бабусю сердце?

— Недужаю, дѣтки. Садитесь, гости будете.

Путники усѣлись на лавку около стола, застланнаго скатертью.

— Такъ изъ Кіева, говорите, дѣтки?—освѣдомилась старушка.

— Изъ Кіева, сердце бабусю.

— А куда Богъ несетъ, дѣтки?

— Въ Густынь, сердце бабусю, Богу молиться.

— Доброе дѣло, дѣтки.

— Только сильно притомились мы, сердце бабусю,—началъ первый путникъ, крякнувъ въ кулакъ.—Съ утра ничего во рту не было, да и въ горлѣ отъ жары пересохло: кажется, если бы молочка глечичекъ найти у доброй людины, то такъ бы у печерскихъ угодниковъ на колѣняхъ той доброй людинѣ здоровья на сто лѣтъ вымолили.

— Ахъ, дѣтки мои, соколята!—жалобно сказала старушка:—если бы Богъ не обезножилъ меня, я бы сама слазила въ погребицу и принесла бы вамъ глечичокъ молочка; да вотъ горе—всѣ мои дѣтки въ полѣ съ утра, а я вотъ тутъ мертвою колодою лежу.

— Да мы, бабусю сердце, и сами слазимъ хоть въ пекло за молокомъ, только дай намъ наказъ да скажи, гдѣ у васъ та погребица.

— А въ сѣнцахъ, дѣтки, въ подпольѣ: туда лѣсенка ведетъ.

Бѣлокурый путникъ не заставилъ себя долго просить. Онъ всталъ и поспѣшно вышелъ въ сѣни. Остались въ хатѣ только старуха и второй путникъ, черноволосый.

— Что это, бабусю, ваше село такъ попалено?—спросилъ послѣдній.

— Богъ наказалъ насъ—орду прошлою осенью напустилъ на нашъ край. А до Кіева поганые не доходили, сынку?

— Богъ миловалъ, бабусю.

Въ это время вошелъ въ хату первый путникъ, торжественно неся въ рукахъ глечикъ съ молокомъ.

— Вотъ оно, бабусенько сердце!—развязно проговорилъ онъ.—А гдѣ у васъ тутъ ложка да миса?

— А вонъ тамъ, сынку, у куточки на полочкѣ.

Тотъ проворно метнулся у куточокъ, нашелъ миску и ложки и радостно объявилъ:

— Да тутъ, бабусю ягодко, и хлѣбецъ святой есть.

— Да есть же и хлѣбецъ святой, сынашу: не все орда прибрала.

И расторопный гость началъ распоряжаться, какъ дома. Все поставилъ на столъ, накроилъ хлѣба, налилъ полную миску молока, перекрестился и усѣлся за столъ.

— Ну, отче Даниле, прошу до столу.

Тотъ тоже перекрестился, поклонился старушкѣ и сѣлъ.

— На здоровьячко, дѣтки,—сказала старушка, любуясь, какъ молодцы уплетали хлѣбъ и огромными деревянными ложками хлебали молоко.

— Ай да млеко! Такого молока и самъ панъ гетманъ, поди, не ѣдалъ. Ну, ужъ и млеко! Такого, братъ, словеснаго млека ни въ какомъ писаніи не найдешь. Куда наше кіевское молоко,—вода водой!—а это— ужъ и млеко-же!

II.

Талисманъ.

Наконецъ, молоко было порѣшено дочиста, путники встали изъ-за стола, помолились и поблагодарили добрую хозяйку.

— А теперь, бабусю рыбко, разскажите намъ, что у васъ съ ногами попритчилось?—обратился первый путникъ къ хозяйкѣ.

— Да какъ сказать тебѣ, сынку,—должно полагать, это мнѣ наврочено,—отвѣчала старушка.—Мочила я это ленъ въ рѣчкѣ—холодный-таки былъ день, а на ту бѣду, смотрю, идетъ цыганъ, да и говоритъ: „вотъ какая, говоритъ, старая бабуся, а ленъ мочитъ“.—Съ того его слова и начало ломить мнѣ ноги—не встану тебѣ! Такъ, видно, и въ домовину положутъ безногую.

— Такъ, такъ, бабусю ясочко, это точно, что цыганъ наурочилъ,— сказалъ первый путникъ, глубокомысленно качая головой.—А у меня противъ такихъ уроковъ слово есть. Я вамъ, бабцю голубко, помогу съ божіей ласки.

— Коли съ божіей, то помоги, сыночку,—обрадовалась старушка.

— Отъ печерскихъ угодниковъ то слово, бабцю ягодко, и по молитвѣ угодниковъ оно отъ всего помогаетъ. За ваше добро, бабцю, я вамъ добромъ и отслужу.

Второй путникъ глядѣлъ на него въ недоумѣніи, не понимая, въ чемъ дѣло.

— Вотъ что, братъ Данило,—обратился къ нему его разбитной товарищъ:—ты человѣкъ книжный, письменный, усердно преподобному Нестору книжному, сирѣчь лѣтописцу, молился въ пещерахъ, когда мы въ путь собирались, и самъ ты до письма охочъ. Вѣрно я говорю?

Тотъ смотрѣлъ на него и все-таки ничего не понималъ.

— Есть у тебя въ котомкѣ атраментъ, сирѣчь чернило?—продолжалъ первый.

— Есть, а что?

— А трость писательская, сирѣчь перо, есть?

— Есть и перо; да на что тебѣ?

— И папирцу кусочекъ есть?—не обращая вниманія на удивленіе товарища, допрашивалъ первый, стоя среди избы.—Есть бумага?

— И бумага есть,—былъ отвѣтъ.

— Такъ развязывай котомку и подавай мнѣ и атраментъ, и перо, и папиръ.

Товарищъ молча повиновался. Первый путникъ, серьезно перекрестившись передъ образомъ, сѣлъ за столъ, взялъ небольшой кусокъ бумаги и сталъ что-то писать на немъ. Кончивъ писаніе, онъ подалъ листокъ товарищу.

— Святая, великая истина!—сказалъ этотъ послѣдній, прочитавъ написанное.

— „Аще скажу горѣ—двигнися“—помнишь?—спросилъ первый.

— Помню; только не нашимъ устамъ изрекать слово сіе,—отвѣчалъ вопрошаемый.

— На то есть уста младенцевъ, — загадочно проговорилъ первый.

Потомъ, тщательно свернувъ бумажку, такъ что она величиною стала не болѣе квадратнаго полувершка, онъ спросилъ старушку:

— А нѣтъ ли, бабцю рыбко, у васъ небольшого маленькаго шкуратка?

— Должно быть, есть: вонъ поищи въ той скринькѣ, что подъ лавкой,—отвѣчала старушка.—Мой Оверко недавно шилъ черевички для моей внучки Приси, то тамъ, можетъ, и найдутся обрѣзки.

Разбитной путникъ полѣзъ подъ лавку, вынулъ оттуда небольшой деревянный сундучокъ и поднялъ крышку.

— А! да тутъ и шкураточка есть, и шило, и дратва,—воскликнулъ онъ.—Omnia mecum!

Онъ взялъ небольшой кусокъ юхты, тщательно обрѣзалъ его сапожнымъ ножемъ, и при помощи шила и дратвы сшилъ мѣшочекъ величиною въ размѣрѣ свернутой имъ бумажки съ таинственнымъ писаніемъ. Вложивъ въ этотъ мѣшочекъ бумажку, онъ зашилъ и послѣднее отверстіе. Затѣмъ, подойдя къ образу, онъ перекрестился и положилъ мѣшочекъ на полочку, поддерживавшую образъ. Старушка, глядя на все это, тоже набожно крестилась.

— А есть на тебѣ, бабцю, крестъ?—спросилъ загадочный гость.

— Какъ же, дитятко, безъ креста-то жить? Я не басурманка,— отвѣчала старушка.

— Такъ дайте его, голубко, мнѣ: я и его положу къ образу Богородицы—нехай святится.

Старушка повиновалась. Крестъ былъ поданъ гостю и положенъ къ образу.

— Теперь посидимъ немного—пусть оно святится.

Посидѣли, помолчали.

— А какъ же, бабусю, когда приходили сюда татары и погромили васъ, какъ же монастырь-то—развѣ они его не добыли?—спросилъ второй путникъ-скромникъ, какъ въ умѣ прозвала его старушка.

— Нѣтъ, дитятко, добывать-то они его добывали, да Богородица помиловала,—отвѣчала она.

— Не взяли, значитъ, силой?

— Не взяли, дитятко; да говорили наши, что и Дорошенко, что съ татарами приходилъ, не велѣлъ трогать святой обители.

— А вы какъ же спаслись, бабцю?—спросилъ первый путникъ.

— Мы всѣ, сынку, по камышамъ попрятались; а которыхъ нашли поганцы—всѣхъ въ полонъ погнали.

Еще помолчали. Въ оконца хатки заглядывало солнце, которое уже начало спускаться къ закату и жаръ, повидимому, началъ спадать.

— Ну, теперь оно освятилось, — сказалъ первый путникъ, вставъ и подходя къ образу.

Онъ взялъ оттуда старушкинъ крестъ и мѣшочекъ съ писаніемъ, перекрестился и поцѣловалъ то и другое. Затѣмъ онъ прикрѣпилъ дратвою мѣшочекъ къ гайтану, на которомъ висѣлъ крестъ.

— Ну, теперь, бабцю голубко, крестись,—сказалъ онъ.

Старушка съ глубокою набожностью перекрестилась. Гость-цѣлитель подалъ крестъ.

— Надѣнь же теперь это на шею и носи съ мольбою,—сказалъ онъ.— Да только помни, бабцю, никогда не мочи водой святой ладонки. Слышишь?

— Слышу, сынку. Помогай тебѣ, Боже, во всемъ добромъ!—съ чувствомъ сказала старушка.

— Ну, а теперь намъ пора въ путь. Спасибо за хлѣбъ, за соль, за ласку. Счастливо оставаться!

— Счастья и вамъ, дай Боже, дѣтки!—со слезами сказала старушка.— Будете возвращаться изъ монастыря, не минайте нашего двора.

— Спасибо, бабусю; не пройдемъ мимо.

И таинственные путники вышли изъ хаты.

III.

„И приступль къ нему искуситель“...

Прошло нѣсколько недѣль.

Тихій, теплый августовскій вечеръ. Потухающая заря золотитъ кресты Густынскаго монастыря и таинственнымъ полусвѣтомъ отражается на развѣсистыхъ вербахъ, подъ которыми красиво бѣлѣютъ хатки знакомаго уже намъ села Боршны, живописно расположившагося на крутомъ полугорьѣ, подъ которымъ змѣйкою извивается Удай въ своихъ зеленыхъ, поросшихъ камышами и осокою берегахъ.

Отъ монастыря къ Боршнѣ поднимаются знакомые намъ путники. Какъ бы привѣтствуя ихъ возвращеніе изъ тихой обители въ полный соблазна и земныхъ радостей міръ, навстрѣчу имъ неслась прелестная мелодія украинской пѣсни, великолѣпно исполняемой стройнымъ хоромъ мужскихъ и женскихъ голосовъ. Хоръ пѣлъ:

Ой, не шуми, луже, дибровою дуже,
Не завдавай сердцю жалю, бо я въ чужимъ краю.

— Слышишь? — въ Боршнѣ „улица“, — сказалъ первый бѣлокурый путникъ, сверкнувъ живыми голубыми глазами.

— Да, забыли, вѣрно, погромъ,—задумчиво отвѣчалъ другой путникъ, тотъ, котораго старушка прозвала „скромникомъ“.

— Да на что его помнить? Сказано—не пецытеся объ утріи, а то что еще прошлое вспоминать да впередъ загадывать!—возразилъ первый.— Ихъ дѣло молодое.

Они вошли въ самое село и шли знакомою уже улицею, которая выходила на выгонъ. Съ этого мѣста и пѣсня неслась. Видны были группы молодежи—парни и дѣвушки.

— Вонъ и знакомая хата,—замѣтилъ „скромникъ“.

— Ба-ба! да и наша бабуся на призбѣ сидитъ! — обрадовался его веселый товарищъ.—Вотъ такъ чудо!—выздоровѣла бабусенька. Ай да мы!

И старушка ихъ узнала. Она быстро, точно молодуха, вскочила съ заваленки и торопливо пошла къ нимъ навстрѣчу.

— Добрый вечеръ, дѣточки!—заговорила она радостно. — Вотъ привелъ-же Господь опять васъ увидать, а я уже и не чаяла—думала сама идти въ монастырь искать васъ. А вотъ Богородица сама васъ привела, дѣтки мои, голубчики сизые! Видите, я опять на ногахъ: отъ святыхъ мощей какъ рукой сняло, и я, стара, подскакую.

Потомъ, какъ-бы испугавшись порыва радости, она бережно достала изъ-за пазухи крестъ съ мѣшочкомъ и набожно поцѣловала и то, и другое.

— Идите же къ намъ, дѣточки!—продолжала она скороговоркою.— Вонъ и старый мой, дѣдусь сивенькій, и молодицы, и внучечка моя Прися. Милости просимъ до господы, дорогіе гости.

Они пошли рядомъ со старушкой. Навстрѣчу имъ шелъ высокій старикъ съ огромными сѣдыми усами, двумя жгутами спадавшими до самой груди, и съ такимъ-же сивымъ чубомъ, закинутымъ за ухо.

— Это жъ мои спасители, человѣче!—торопливо говорила живая старушка.—Только жъ не знаю какъ васъ звать-величать! Скажите жъ, будь ваша ласка, кто вы и батьки ваши?

— Да, да, скажите, будь ваша ласка,—говорилъ и старикъ, ласково глядя на молодыхъ людей:—кого намъ благодарить.

— Такъ, такъ, человѣче! проси, проси ихъ: за кого мы должны Богу молиться, въ церкви за здравіе часточку вынимать,—щебетала старушка.

— Меня, бабусю, дразнятъ Грицькомъ, а по-уличному—Шарпай,— смѣясь отвѣчалъ веселый путникъ.

— Такъ Гриць—Григорій, а по батюшкѣ какъ?—допытывалась старушка.

— А батька моего звали Семеномъ Шарпаемъ.

— Такъ Григорій Семеновичъ, — сказалъ старикъ: — такъ и будемъ величать.

— А этого нюню зовутъ Данилкою Савченкомъ, а по-уличному дразнятъ Тупутупу,—также со смѣхомъ сказалъ веселый путникъ, указывая на своего товарища:—настоящая красная дѣвушка, скромница панночка, а по-моему—просто нюня!

„Нюня“ тоже разсмѣялся.

— Ну, идите же, дѣтки, въ хату—милости просимъ!—не умолкала старушка.—А я вамъ сейчасъ яишеньку приготовлю. Присю, сердце! бѣги сюда!—кликнула она свою внучку.

На зовъ ея приблизилась молоденькая дѣвушка, почти дѣвочка, лѣтъ пятнадцати-шестнадцати, вся головка которой убрана была яркими цвѣтами, а въ черной косѣ вплетены были яркія ленты. Это была загорѣлая смуглянка съ прекрасными черными глазами и немножко вздернутымъ носикомъ. Отъ нея, казалось, пылало здоровьемъ и молодою свѣжестью.

Приблизившись къ гостямъ, она низко поклонилась. Молодой повѣса Грицько весело сверкнулъ своими плутовскими глазами, увидавъ такую красавицу. „Нюня“ же стыдливо потупился.

— Бѣги, доню, скорѣй,—возьми въ коморѣ яичекъ да маслица, да живой рукой!—сказала старушка хорошенькой внучкѣ.—А вы, молодички, заразъ же состряпайте яичницу, да чтобъ добрая была, хорошая!—обратилась она къ своимъ невѣсткамъ.

Всѣ поторопились исполнить ея приказаніе, а Прися даже съ прискокомъ побѣжала въ комору, такъ что даже мониста и дукачи на шеѣ зазвенѣли.

— А теперь жалуйте въ хату, гости дорогіе, отдохните съ дорожки,—суетилась старушка.—А тѣмъ часомъ яичница будетъ готова!

Всѣ пошли въ хату. Величавый старикъ съ богатырскими усами, до того времени молчавшій, спросилъ:

— Куда жъ вы теперь путь держите, Григорій Семеновичъ, и вы, Данило Савичъ?

— Теперь мы идемъ въ Кіевъ, человѣче добрый,—отвѣчалъ Григорій Семеновичъ.

— Въ Кіевъ—далеконько-таки. А можно узнать, за какимъ дѣломъ?

— Учиться, дѣдушка,—въ коллегію.

— Учиться?.. Доброе дѣло. А чему васъ тамъ учатъ?

— Многому, дѣдушка: въ „фарѣ“ мы учились письму и языкамъ, въ „инфимѣ“ обучались синтаксимѣ, катихизису, риторикѣ,—всего не перечтешь.

— Такъ, такъ!.. святому письму, значитъ, чтобъ попами быть?

— Кому какъ, дѣдушка: не возбраняется и въ Запорожье тягу дать.

— Въ Запорожье!.. вотъ это люблю!—обрадовался старикъ.—У меня и по сейчасъ тамъ два сына сокола—у! какіе козарлюги.

Старушка, накрывавшая на столъ, при послѣднихъ словахъ тяжело вздохнула.

— Ахъ, сыны мои соколята, сыны мои!—какъ бы про себя проговорила она горестно.—Сколько ужъ лѣтъ не видимъ ихъ, соколиковъ.

— Орлы—сыны мои!—воодушевился старикъ.—Осенью такого чо̀су задали татарамъ, что будутъ помнить Боршну.

Въ это время хорошенькая Прися внесла въ избу шипящую въ маслѣ на сковородѣ яичницу, и поставила на столъ.

— Ай-да дивчина!—весело сказалъ неугомонный Грицько:—не успѣли мы и котомокъ снять, а она ужъ и съ яичницей.

— Должно быть, на улицу душа загорѣлась,—ласково замѣтила старушка.

— Загорѣлась, бабусенько,—вскинувъ глазами на гостей, потупилась дѣвушка.

— За это люблю!—засмѣялся Грицько.—А насъ, дивчино, зачѣмъ не зовешь на улицу?

Дѣвушка вспыхнула, но тотчасъ же оправилась.

— Можетъ, вамъ на нашей улицѣ будетъ скучно,—сказала она, не поднимая глазъ.

— Отчего же скучно, Прися?—не отставалъ Шарпай.

— У насъ деревенская улица, а вы городянскіе,—отвѣчала дѣвушка.

— Ничего, намъ не будетъ скучно съ такими хорошими дивчинами.

Яичница скоро была уничтожена, и гости, вставъ изъ-за стола и помолившись, благодарили своихъ гостепріимныхъ и хлѣбосольныхъ хозяевъ.

— Что жъ, дѣтки, пойдите на улицу, повеселитесь у насъ,—сказала старушка:—а то вамъ въ Кіевѣ, поди, и погулять не доведется.

— Какая ужъ тамъ гульня, бабусю сердце, когда за риторику засадять,—засмѣялся Шарпай.—А то и лоза по спинѣ погуляетъ. Идемъ, отче Даніиле.

— Иди, Грицю, одинъ, я не пойду,—отозвался молодой Тупутупу.

— Вотъ тебѣ на!—да ты что?—вскинулся на него товарищъ:—развѣ ужъ постригся въ монахи, что ли, или такъ дурь на себя напустилъ? Идемъ!

— Да идите ужъ и вы, Данило Савичъ,—уговаривалъ его старикъ хозяинъ.

— Иди, дитятко,—совѣтовала и старушка:—зови его, Присю,—вонъ онъ какой несмѣлый,—сказала она внучкѣ.

— Пойдемте со мною, Данило Савичъ,—ласково проговорила Прися.

Тупутупу поднялъ глаза и встрѣтился съ глазами дѣвушки: въ нихъ было столько дѣтской невинности и искренности, что онъ сразу почувствовалъ влеченіе къ этой милой дѣвочкѣ, точно къ родной сестренкѣ.

— Хорошо, съ вами, Прися, я иду,—сказалъ онъ.

— И давно бы пора,—проговорила старушка.

— „И приступль къ нему искуситель во образѣ Приси“,—какъ бы про себя пробормоталъ Шарпай, насмѣшливо глядя на товарища.

— Идите же, гуляйте,—провожала ихъ старушка.

Всѣ трое вышли изъ хаты. Впереди хорошенькая Прися.

IV.

Украинская („улица“).

На дворѣ было уже совсѣмъ темно, когда наша молодежь выступила на воздухъ изъ душной хаты. Звѣзды горѣли ярко, и только тѣ созвѣздія, которыя свѣтились на восточной половинѣ небеснаго свода, все болѣе и болѣе блѣднѣли по мѣрѣ того, какъ изъ-за густыхъ старыхъ вербъ ближайшей левады медленно выплывалъ золотой шаръ луны. Съ выгона неслись тѣ же гармоничныя мелодіи украинской пѣсни, которою заливалась молодая „улица“. Особенно выдавался одинъ свѣжій женскій голосъ...

„А я молоденька да не нагулялась“.

— Вотъ такъ голосъ!.. ну и голосокъ!—съ восторгомъ замѣтилъ молодой Шарпай, идя рядомъ съ Присею.

— Это поетъ такъ хорошо Катря Яструбенкова,—замѣтила дѣвушка.

— Золотое горло!—продолжалъ хвалить молодой бурсакъ.

— Она у насъ первая—всегда передъ ведетъ,—пояснила Прися.

— Ну, такъ она и будетъ моя дивчина на нынѣшнюю „улицу“,— сказалъ Шарпай весело.

— Оно и кстати,—замѣтила Прися:—теперь у нея нѣтъ своего парубка: ея Опанасъ ушелъ недавно на Запорожье, а другихъ парубковъ она гонитъ отъ себя.

— А меня не прогонитъ?—спросилъ Шарпай лукавымъ голосомъ.

— Нѣтъ, вы хорошій парубокъ,—серьезно отвѣчала Прися.

Скоро они подошли къ гулявшей молодежи. Ихъ замѣтили.

— А! смотрите—Прися вышла на „улицу“,—раздались голоса.

— Присю! Присю! ходи сюда скорѣй!—кричали подружки:—а мы ужъ думали, что ты сегодня совсѣмъ не выйдешь.

— А! да она и новыхъ парубковъ привела съ собой!.. ай да тихоня!

— Кто такіе?.. кто, Присю?—тихо спрашивали подружки.

— Паничи изъ Кіева—у насъ ночуютъ,—также тихо отвѣчала Прися.

Шарпай сейчасъ же самъ отрекомендовался всей „улицѣ“.

— Живеньки-здоровеньки, панове парубоцтво и вы, дивчаточка! Съ „улицею“, съ доброю гулянкою, съ веселою спѣванкою! А я—Грицъ, тотъ Грицъ, про котораго поютъ:

Ой, не ходи, Грицю, да на вечерници,
Бо на вечорницяхъ дивки чаривници!

— А я чаровницъ не боюся, а съ Катрею чернявою да повеселюся!

— Ха-ха-ха! — заволновалась „улица“:—вотъ такъ значный парубокъ!

— Ужъ и Катря ему сподобалась. Слышишь, Катре?

— А это у насъ черница—красная дѣвица!—указалъ Грицъ на стоявшаго въ сторонѣ своего скромнаго товарища:—на „улицу“ идетъ „со святыми упокой“ поетъ.

Снова общій хохотъ. И всѣ окружили весельчака.

— А гдѣ-же Катря?.. Подавайте мнѣ Катрю!—не унимался Грицъ.

— А ось я!—выступила впередъ высокая, статная дѣвушка, въ симпатичномъ голосѣ которой такъ хороши были грудныя ноты.

Грицъ, отчаянный бурсакъ, который ни передъ чѣмъ не отступалъ, невольно попятился назадъ.

— Да какая же она красавица!—тихо проговорилъ онъ, пораженный неожиданностью.

Дѣвушка была, дѣйствительно, хороша. Освѣщенная только-что выглянувшею изъ-за темныхъ вербъ луною, она казалась и стройнѣе всѣхъ, и красивѣе. На миловидномъ, нѣсколько продолговатомъ личикѣ болѣе всего выдавались ея глаза: казалось, они были слишкомъ велики для такого личика; но въ этомъ-то и была вся ихъ чарующая прелесть. Это были чудные дѣтскіе глаза, принадлежавшіе взрослой дѣвушкѣ.

При послѣднемъ восклицаніи кіевскаго бурсака, смѣлая дѣвушка невольно потупилась, но Грицъ скоро оправился.

— Не диво, что у тебя такой голосъ,—сказалъ онъ, любуясь красавицей.—Не диво, что у тебя и парубника нѣтъ: ты настоящая чаровница—тебя и боятся. А я тебя не испугаюсь—я и кіевскихъ вѣдьмъ не боюсь.

— Ай да казакъ!—раздались одобрительные голоса.

— Казакъ — только чубъ не такъ! Эхъ! ударить бы подковками. Хлопцы!—крикнулъ Грицъ:—есть у васъ музыка?

— Есть! есть!—отвѣчали и парни, и дѣвушки.

— Такъ ушкварьте что-нибудь веселенькое, чтобъ и вербы заплясали!

Въ отвѣтъ на это, какъ бы по уговору, разомъ завизжала скрипка, загудѣлъ бубенъ и запищала деревянная „сопилочка".

Не успѣла опомниться красавица Катря, какъ отчаянный бурсакъ уже вертѣлъ ее мощною рукою и выбивалъ отчаянные „выкрутасы" не знавшими устали ногами.

— Вотъ такъ парочка! Ай да Грицъ!.. ай да Катря!

Вслѣдъ за ними понеслись и другія пары. При лунномъ свѣтѣ это было что-то фантастическое.

— А отчего вы не танцуете?—спросила Прися своего кавалера, молодого Тупутупу.

— Я не люблю танцовать, Прися,—отвѣчалъ этотъ послѣдній.

— Такъ вамъ у насъ скучно, должно быть?

И дѣвушкѣ почему-то вдругъ такъ стало жаль молодого бурсака, что она готова была заплакать. Ей представилось, что онъ тоскуетъ, что онъ на чужбинѣ, далеко отъ родного Кіева, что онъ такой одинокій. Почему-то ей тутъ же вспомнился ея отецъ, тоже на чужбинѣ, далеко-далеко „за Порогами", и такой же одинокій. И ей такъ и захотѣлось прильнуть къ этому бѣдненькому паничу, какъ къ родному брату и сказать ему: „милый, милый! не надо скучать..."

Только юность способна на такіе чистые порывы, и этотъ невинный порывъ хорошенькой дѣвочки разрѣшился тѣмъ, что она быстро вынула изъ своихъ волосъ нѣсколько васильковъ, украшавшихъ ея черную головку.

— А вотъ я вамъ волошковъ дамъ на бриль—снимите,—сказала она, протягивая руку къ шляпѣ молодого человѣка.

Тотъ повиновался и снялъ шляпу.

— Вотъ вамъ, паничу,—ласково сказала дѣвушка.

— Спасибо, милая Прися.

Утомленная танцами, остальная молодежь перестала кружиться. Музыка замолкла.

— А теперь, Катрусю, заводи,—сказалъ Грицъ, тяжело дыша и любуясь своею дѣвушкою.

— Якои жъ вамъ?—спросила Катря, поправляя цвѣты на головѣ.

— А той, что вы ужъ пѣли раньше:

„Ой, не шуми, луже, дибровою дуже".

— Эта пѣсня какъ разъ для насъ съ Данилою! „Не завдавай сердцу жалю, бо я въ чужомъ краю!..“

Дѣвушка начала низкими грудными нотами. Ее поддержали другіе голоса, и женскіе и мужскіе. Пѣсня все росла и росла; мелодія ея, задушевная какъ плачъ, какъ тихое отчаяніе, глубоко хватала за сердце.

Застѣнчивый бурсакъ, что стоялъ нѣсколько въ сторонѣ съ молоденькою Присею, любилъ пѣніе. Въ хорѣ кіевской коллегіи его голосъ высоко цѣнился:—это былъ теноръ необыкновенно симпатичный. И молодой Тупутупу присоединилъ свой чудный голосъ къ стройному хору „улицы“: онъ запѣлъ тоже.

Содержаніе пѣсни вполнѣ соотвѣтствовало прекрасной мелодіи, выражавшей его: это была пѣсня казака на чужбинѣ.

Тупутупу пѣлъ съ такимъ воодушевленіемъ, молодой, свѣжій и сильный голосъ его такъ хваталъ за сердце, что стоявшая около него Прися не выдержала и заплакала. Молодой пѣвецъ замѣтилъ это.

— Ты объ чемъ это, Прися, дивчинка? — тихо спросилъ онъ, нагибаясь къ дѣвушкѣ.

— Мнѣ тату жаль, — отвѣчала она, всхлипывая, — онъ тоже въ чужомъ краю, за Порогами... И васъ мнѣ жаль... вы тоже...

Пѣсня, между тѣмъ, оборвалась. Да и пора уже была улицѣ расходиться. Нѣкоторые изъ молодежи удалились раньше, по обычаю, парочками. Стали расходиться и другіе, тоже парочками: каждый парубокъ, въ силу вѣкового обычая, долженъ былъ проводить свою „дивчину“, и непремѣнно провести съ нею ночь—„спать“ съ нею: это обязательно.

Грицъ, не простившись даже съ своимъ пріятелемъ, пошелъ провожать свою подругу Катрю.

V.

Ночь въ клунѣ.

Молодой Тупутупу остался на выгонѣ одинъ со своею спутницею. Онъ зналъ священные обычаи своей родины, онъ выросъ въ нихъ и воспитался. Онъ зналъ, что обязанъ проводить дѣвушку домой и провести съ нею ночь, какъ если бы она была подругою его жизни. Онъ долженъ былъ „спать“ съ этою дѣвушкой. Нарушить обычай, освященный вѣками, онъ не могъ. Это значило бы публично оскорбить дѣвушку, опозорить, бросить ее, какъ отверженную, съ которой ни одинъ молодой человѣкъ не хочетъ знаться. Тупутупу это зналъ и не желалъ бы ни за что огорчить дѣвушку, родные которой такъ радушно приняли его и довѣрили ему свою молоденькую внучку. Онъ долженъ „спать“ съ нею.

Хорошъ этотъ обычай или не хорошъ — это другой вопросъ. Но онъ всегда существовалъ на Украинѣ и существуетъ до настоящаго времени, какъ въ Испаніи—обычай „los novios“: это то, что на Украинѣ назы-

вается „жениханьемъ“. Онъ или она женихаются съ такою-то или съ такимъ-то.

Во время „жениханья“ они узнаютъ другъ друга — умъ, характеръ, привычки, хорошія или дурныя стороны. Потомъ, узнавши другъ друга, они и соединяются законнымъ бракомъ. Могутъ и разойтись, и это не портитъ репутаціи дѣвушки, потому что объ этомъ знаютъ и родные ея, и знакомые.

Не пойти съ дѣвушкою „спать“—это все равно, что въ порядочномъ обществѣ публично пригласить дѣвушку, на балѣ, на такую-то кадриль или на мазурку и отказаться отъ нея. Это—публичная обида.

Тупутупу, такимъ образомъ, долженъ былъ идти „спать“ съ Присею.

— Пойдемте жъ и мы домой,—сказала она все еще съ заплаканными глазами.

И они пошли. Молодой бурсакъ былъ очень смущенъ и молчалъ. Скоро они очутились на дворѣ знакомаго дома. Въ хатѣ уже не было огня; значитъ—старики уже спали. Ночь была тихая, лунная и теплая, даже душная.

— Въ сѣняхъ теперь душно будетъ спать,—тихо сказала дѣвушка:— мы пойдемъ лучше въ клуню.

Тупутупу молчалъ, остановившись у крылечка, ведущаго въ хату.

— Вы подождите здѣсь,—продолжала тихо Прися: — а я пойду принесу рядно и подушку.

Сказавъ это, она исчезла въ сѣнцахъ. Тупутупу стоялъ и ждалъ. Черезъ минуту дѣвушка появилась опять на крылечкѣ, держа въ рукахъ подушку и простыню, и еще что-то.

— Я и юбку захватила,—пояснила дѣвушка: — если къ утру будетъ холодно, мы юбкою укроемся.

На Украинѣ „юбка“ означаетъ совсѣмъ не то, что въ Великой Россіи: это—длинное женское верхнее одѣяніе, въ родѣ кафтана или пальто, непремѣнно суконное и большею частью изъ бѣлаго сукна.

— Пойдемте же,—шепнула дѣвушка и весело прибавила:—а дѣдушка такъ храпятъ, что на Запорожьѣ слышно.

Она пошла въ глубь двора, гдѣ стояла „клуня“. Это былъ новый просторный овинъ, недавно, послѣ татарскаго погрома, покрытый свѣжею соломою. Въ овинъ и вошла наша юная парочка.

— Ахъ, какъ тутъ хорошо будетъ спать на свѣжемъ сѣнѣ, — весело говорила дѣвушка: —тутъ и мухъ никогда не бываетъ.

Въ клунѣ было свѣтло, потому что въ широкія ворота ея во всѣ глаза глядѣла полная луна.

Прися съ привычною ловкостью взяла нѣсколько охапокъ свѣжаго душистаго сѣна, ровно разложила его по землѣ, еще бросила охапку, чтобы было мягче, выровняла, покрыла простыней и въ изголовье положила подушку.

— А! да и ловко же намостила!—весело сказала она, пробуя лечь на импровизированную постель.

Потомъ вскочила на ноги, бережно сняла съ головы повязку съ цвѣтами, положила ее къ сторонѣ, раза три набожно перекрестилась и легла на постель, оставивъ на подушкѣ мѣсто и для головы своего парубка.

— Ахъ, какъ ловко!—снова сказала она, весело потягиваясь:—вотъ хорошо будетъ спать! Ну, а вы, паничу? — можетъ вы привыкли, чтобы вамъ наймиты или наймички чоботы снимали?

И она весело разсмѣялась. Невольно разсмѣялся и юный парубокъ.

— Нѣтъ!—я сейчасъ.

Онъ снялъ свою шляпу, тоже отложилъ ее въ сторону, перекрестился, прочиталъ обычную молитву и легъ рядомъ съ дѣвушкой.

— У! какой же вы грузный, паничу!—смѣялась она:—я чуть не свалилась съ подушки. Ну, такъ я же буду держаться за васъ.

И она обвила его шею правою рукой и ближе придвинулась къ нему.

— Вамъ ловко?—спросила она.

— Ловко, милая, — тихо отвѣчалъ онъ, и сталъ тихо гладить рукою ея черную головку.

Она казалась ему младшею сестренкою—совсѣмъ ребенокъ, хоть и ему самому было всего семнадцать лѣтъ.

— А у васъ мама есть? — спросила дѣвушка и тоже погладила его голову.—А вы добрый, у васъ мягкіе волосы. Такъ есть мама?

— Есть, милая.

— А тато?

— Батько въ Кіевѣ.

— А кто онъ?

— Сотникъ—Макаровской сотни, а теперь состоитъ ктиторомъ Кирилловскаго монастыря, въ Кіевѣ.

— А! такъ вы большіе паны, а мы просто казачьяго роду.

— Да и мы казачьяго.

— Все же!—сотники... паны. А чему васъ учатъ въ Кіевѣ?

— Многому, милая Прися.

И онъ началъ разсказывать о своемъ ученьи, о жизни въ бурсѣ. Дѣвушка еще ближе придвинулась къ нему и жадно слушала. Онъ долго говорилъ, совсѣмъ забывъ, кто его слушаетъ.

Юный Тупутупу говорилъ о своемъ прошломъ, и о своихъ мечтахъ насчетъ будущаго, о прелестяхъ отреченія отъ міра, для вѣчной любви къ источнику этой божественной любви... Онъ все позабылъ—забылъ даже гдѣ онъ, что съ нимъ...

Вдругъ онъ очнулся какъ отъ сна! Чья-то рука обвилась вокругъ его шеи, чье-то ровное, тихое дыханіе на его плечѣ, у самого лица: — на его плечѣ сномъ невинности спала дѣвушка; теперь мѣсяцъ, пробравшись въ клуню, молочнымъ свѣтомъ обдавалъ и прелестное личико спящей дѣвушки, и ея растрепавшуюся пышную косу, и что-то шепчущія, полураскрытыя розовыя губки. Она была дивно хороша.

Будущій святитель долго глядѣлъ на это кроткое, дѣвственно-невинное

личико, и набожно, трижды, свободною лѣвою рукою перекрестилъ прелестную, покоившуюся у него на плечѣ головку.

— Богъ да хранитъ тебя, чистое, непорочное дитя, — тихо прошепталъ онъ и закрылъ глаза, чтобы и самому заснуть.

Когда онъ, на зарѣ, проснулся, дѣвушки уже не было около него. Только цвѣты, съ вечера украшавшіе ея прелестную головку, всѣ лежали на свободной половинѣ подушки.

VI.

Отпѣваніе живого мертвеца.

Прошелъ годъ.

Въ Кіевѣ, въ главной церкви Кирилловскаго монастыря, идетъ божественная литургія. Служеніе отправляетъ самъ настоятель, игуменъ Мелетій, въ мірѣ по фамиліи Дзикъ. Служба очень торжественная, потому что въ этотъ день—престольный праздникъ монастыря. Всѣ свѣчи въ паникадилахъ зажжены и безчисленные ихъ огоньки ярко отражаются на блестящемъ золотѣ и серебрѣ дорогихъ окладовъ мѣстныхъ иконъ.

Нѣсколько казацкихъ полковниковъ правобережной Украины и самъ тогобочный гетманъ Дорошенко почтили службу своимъ присутствіемъ.

Дорошенко, задумавъ утопить соперника своего гетмана лѣвобережной Украины, Брюховецкаго, и сдѣлаться гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра, этою весною 1668 г., очень усердно посѣщаетъ православное служеніе, желая показать народу, что хотя онъ, правобережный гетманъ, и ставленникъ католическаго короля и католической Рѣчи Посполитой, однако, всетаки остается вѣрнымъ сыномъ православной церкви.

Стоя вмѣстѣ съ полковниками на почетномъ мѣстѣ, нѣсколько возвышенномъ и огороженномъ деревянною позолоченною рѣшоткою, гетманъ задумчиво гладилъ свой длинный, сильно посеребренный сѣдиною усъ, и мысли его, казалось, далеко были отъ того, что передъ нимъ совершалось.

А совершалось нѣчто, выходившее изъ ряда обыкновеннаго церковнаго служенія. Монастырскіе колокола звонили какимъ-то страннымъ, не веселымъ тономъ. Такъ звонятъ только по покойникѣ. Но кого же хоронятъ? Гдѣ этотъ невидимый покойникъ?

— Бабусю, а бабусю!—шепчетъ молоденькая дѣвушка, стоящая у лѣваго клироса, рядомъ съ сѣдою старушкою:—кажется, кого-то отпѣвать будутъ.

— Не знаю, дитятко, должно быть отпѣвать, — тихо отвѣчаетъ старушка, и обѣ начинаютъ креститься.

Но какъ онѣ, повидимому, ни усердно молятся, дѣвушка, однако, кладетъ на себя кресты разсѣянно, часто, какъ бы украдкой, оглядывается, посматриваетъ по сторонамъ и, видимо, кого-то ищетъ или ожидаетъ. Красивая головка ея, перевязанная голубою лентою, украшена живыми цвѣтами, а въ черную густую косу вплетены яркія разноцвѣтныя „стежки“. Она, видимо, рада празднику, рада, что видитъ такую массу народа и на-

рядныхъ „пановъ“, и ее все удивляетъ. Ничего подобнаго она прежде не видѣла ни у себя въ Борщнѣ, ни въ церквахъ Густынскаго монастыря, ни даже въ своемъ городѣ, въ Прилукахъ.

А колокола все звонятъ, да какъ-то страшно, въ перебой, съ какимъ-то разладомъ въ голосѣ, точно съ плачемъ. Да развѣ и можетъ быть иной звонъ на похоронахъ! Это печальный, горькій звонъ.

Но кто же покойникъ? Гдѣ онъ? Многіе, вмѣстѣ съ дѣвушкой въ лентахъ, тоже начинаютъ оглядываться, тѣмъ болѣе, что въ погребальный или въ „покойницкій“ перезвонъ разомъ, волной, ворвались человѣческіе голоса—пѣніе, да такое глубоко-поэтическое и горькое, что, казалось, всѣ вздрогнули и стали прислушиваться. Даже задумчивый Дорошенко пересталъ гладить свой посивѣвшій отъ думъ и коварства длинный усъ и сталъ вслушиваться въ загадочное пѣніе, которое неслось откуда-то извнѣ въ раскрытыя настежь церковныя двери и окна.

Скоро можно было разслышать слова гимна. Превосходный хоръ пѣвчихъ Кирилловскаго монастыря не пѣлъ, а буквально рыдалъ и голосомъ, и словами.

Дорошенко понялъ, какимъ святымъ гимномъ оглашается воздухъ: „житейское море, воздвизаемое зря напастей бурею, къ тихому пристанищу твоему притекъ, вопію ти: возведи отъ тли животъ мой, многомилостиве!“

„Тихое пристанище... да, тихое,—невольно думалось гетману,—и я когда-то притеку къ сему тихому пристанищу, и надо мной будутъ также пѣть... А гдѣ найду это пристанище—въ полѣ ли, подъ вражьими ударами, въ московскомъ ли плѣненіи?“..

Онъ дрогнулъ и оглянулся, оглянулись всѣ. Сзади стоявшіе какъ-то колыхнулись: должно быть вносятъ покойника.

А пѣвчіе, идя за покойникомъ, казалось, исходили слезами: „житейское мо-о-оре!“...

Толпы молящихся еще раздвинулись.—„Вотъ покойникъ!“

У Дорошенка какъ-то изумленно дрогнули вѣки его красивыхъ сѣрыхъ глазъ. Дѣвушка въ лентахъ поднялась на цыпочки и даже розовыя губы ея дрогнули.

Вотъ покойникъ! Но что же это?.. Нѣтъ ни гроба, ни крышки, и покойника не несутъ, а ведутъ подъ руки!.. Какъ! мертвеца ведутъ?.. или это живого отпѣваютъ?.. Зачѣмъ же это?

— Мати Божа, якъ страшно!—невольно въ ужасѣ, прошептала дѣвушка въ лентахъ.

А хоръ пѣвчихъ, уже въ церкви, прорыдалъ послѣднимъ рыданіемъ: „возведи отъ тли животъ мой, многомилостиве!“.

Отпѣваемаго ведутъ подъ руки, и онъ весь покрытъ не бѣлымъ, а чернымъ саваномъ съ бѣлыми крестами и бѣлымъ костякомъ—memento mori... Всѣ со страхомъ разступаются.

За отпѣваемымъ, во главѣ хора, идетъ кто-то знакомый. Дѣвушка въ лентахъ узнаетъ его, хоть онъ теперь и не похожъ на себя—весь запла-

канный, даже глаза распухли отъ слезъ. Это тотъ веселый Гриць, тотъ кіевскій бурсакъ, который въ Боршнѣ, на улицѣ, танцовалъ съ хорошенькою Катреею и пѣлъ въ хорѣ парубковъ:

Ой, не шуми, луже, дибровою дуже!

Зачѣмъ онъ тутъ? Объ чемъ онъ такъ плачетъ-надрывается?

Отпѣваемаго подводятъ къ амвону и вдругъ съ головы его падаетъ саванъ, а подъ нимъ другой, бѣлый саванъ, настоящій, и изъ савана выглянуло молодое, прекрасное лицо юноши, хотя въ лицѣ этомъ — ни кровинки!

По церкви волной пронесся глухой стонъ изумленія и испуга.

— Бабусю!—раздался вдругъ чей-то крикъ.

Всѣ оглянулись. Глянулъ даже Дорошенко. Глянулъ и тотъ — юноша въ саванѣ.

Дѣвушка въ лентахъ—это она крикнула съ испуга—стояла вся пунцовая съ полными слезъ глазами.

Она узнала этого юношу въ саванѣ, онъ—узналъ ее, и блѣдное безъ кровинки лицо его перекрылось волнами прилившей къ щекамъ и ко всему лицу крови.

Дѣвушка вспомнила ночь въ „клунѣ“, вспомнила, какъ онъ ласково гладилъ ея голову, какъ она уснула у него на плечѣ,—и слезы градомъ полились изъ ея хорошенькихъ, за минуту веселыхъ глазъ.

Увидѣвъ ее плачущею и узнавъ въ ней боршенскую хорошенькую Присю, а рядомъ съ нею—ту бабусю, которую онъ въ прошломъ году нечаянно вылѣчилъ,—веселый товарищъ юноши въ саванѣ, теперь распухшій отъ слезъ, вновь залился горькими слезами.

VII.

Юноша въ саванѣ.

— Откуду притекъ еси въ обитель сію?—вдругъ раздался голосъ среди гробового молчанія.

Дорошенко дрогнулъ отъ неожиданности и глянулъ туда, откуда раздался голосъ. Предъ юношей въ саванѣ стоялъ высокій сѣдобородый инокъ въ клобукѣ и въ черныхъ ризахъ, какъ на похоронахъ. Дорошенко узналъ его—это игуменъ Мелетій.

— Откуду притекъ еси?

— Изъ міра,—тихо, но внятно отвѣчалъ юноша въ саванѣ.

— Почто притекъ еси?—продолжалъ игуменъ дрогнувшими отъ жалости губами.

— Хощу пріять ангельскій чинъ, —прошептали губы изъ-за савана, закрывавшаго курчавую голову юноши и часть лица.

- О-о-о-хъ!—пронесся по церкви какъ бы стонъ умирающаго.

Кто такъ страшно стонетъ? Это въ сторонѣ, у лѣваго клироса, стоитъ женщина, уже не молодая, а ее поддерживаетъ благообразный старикъ, съ сѣдыми усами и сѣдымъ казацкимъ чубомъ. По лицу его и по усамъ катятся слезы.

— Кто это, пане Василю? — тихо спросилъ Дпрошенко стоявшаго около него полковника.

— Это отецъ и мать постригаемаго, пане гетмане, — почтительно отвѣчалъ полковникъ.

— А что они за люди? какого стану?

— Стану шляхетнаго, пане гетмане: онъ—казацкій сотникъ Макаровской сотни, Савва Тупутупу, а здѣсь онъ ктиторомъ.

— Бѣдная!—слышатся соболѣзнованія женщинъ:—Боже! какъ убивается!

— Еще-бы!.. такой молоденькій: ему всего семнадцать лѣтъ.

— Не нужды-ли ради мірскія притекъ еси къ намъ?—продолжаются допытыванья у амвона.

— Ни, отче.

— Не страха ли ради?

— Ни, отче.

— Не корысти ли ради?

— Ни, отче.

— Не принужденіемъ ли?

— Ни, отче.

— Не отчаянія ли ради?

— Ни-ни, отче!

Вся церковь рыдаетъ, но это рыданіе тихое—плачъ безнадежности.

Но теперь начинается жестокій, безжалостный допросъ, какого и въ судѣ не бываетъ.

— Отрицаешися ли отца и матери?

— Ей, отче, Господу споспѣшествующу.

— О-о, Владычица!—раздался хриплый, удушающій крикъ: — отца-матери одрикаеться!

Старикъ Савва, съ искаженнымъ жалостью лицомъ, съ трясущеюся нижнею челюстью, дрожащими руками насильно закрываетъ ротъ задыхающейся отъ горя матери.

— Отрицаешися ли всѣхъ сродниковъ твоихъ?

— Ей, отче, Господу споспѣшествующу.

— Отрицаешися ли друзей и всѣмъ знаемыхъ твоихъ?

— Ей, отче, отрицаюсь.

— Данило! — глухо прошепталъ плачущій Грицъ: — а наше побратимство?

Игуменъ строго глянулъ на него изъ-подъ нависшихъ сѣрыхъ бровей. По лицу Дорошенки скользнула неуловимая улыбка и спряталась въ серьезныхъ глазахъ.

Съ амвола сходитъ монахъ съ подносомъ въ рукахъ. На подносѣ, прикрытомъ „воздухами“, лежатъ большія ножницы. Монахъ подходитъ къ игумену и низко-низко кланяется. Отецъ Мелетій протягиваетъ руку и беретъ ножницы.

Что-то рѣзко звякнуло о каменный помостъ церкви. Многіе вдрогнули—крестятся. Что это? Это ножницы упали на полъ.

— Подаждь ми ножницы сіи!—строго возглашаетъ отецъ игуменъ.

Юноша въ саванѣ нагибается, поднимаетъ съ полу ножницы и съ глубокимъ поклономъ подаетъ ихъ отцу игумену.

Ножницы опять звякаютъ объ полъ. Опять тотъ же возгласъ:

— Подаждь ми ножницы сіи!

Юноша въ саванѣ опять нагибается и съ поклономъ подаетъ ножницы.

И этого мало. Ножницы опять брошены на полъ.

— Подаждь ми ножницы сіи.

Какъ подкошенный цвѣтокъ падаетъ на полъ дѣвушка въ лентахъ. Юноша въ саванѣ зашатался и, поднимая въ третій разъ ножницы, уронилъ ихъ. Но онъ тотчасъ же поднялъ ихъ и еще съ болѣе глубокимъ поклономъ подалъ игумену.

Общее движеніе. Это выносятъ изъ церкви упавшую безъ чувствъ мать постригаемаго и дѣвушку въ лентахъ.

— Ну, баня пакибытія!—процѣдилъ сквозь усы Дорошенко:—что твои турецкія ядра!

— Смиренію учитъ, пане гетмане,—пояснилъ полковникъ.

— Истинно ангельскій чинъ! Не легко онъ достается.

Слышно, какъ скрипятъ ножницы, отрѣзая пряди волосъ на головѣ юноши въ саванѣ. Постригли!

VIII.

Плѣнникъ Мазепа.

Прошло семь лѣтъ. Наступилъ 1675-й годъ.

Мы опять въ Густынскомъ монастырѣ. Раннимъ весеннимъ утромъ къ монастырскимъ воротамъ подъѣхала небольшая группа всадниковъ. По одеждѣ сразу было замѣтно, что группа всадниковъ составляла небольшой запорожскій отрядъ.

У самыхъ воротъ всадники осадили лошадей. Навстрѣчу имъ вышелъ молодой служка-привратникъ и съ любопытствомъ осматривалъ запорожскихъ молодцовъ въ высокихъ смушковыхъ шапкахъ съ красными, синими, и зелеными верхами, въ широчайшихъ зеленыхъ и синихъ шароварахъ, убранныхъ въ красные и желтые козловые сапоги, съ высокими подборами, и приполномъ походномъ вооруженіи.

— Пугу! пугу! пугу! — прокричалъ „пугачемъ“-филиномъ одинъ изъ запорожцевъ.

— Пугу! пугу!—радостно отвѣтилъ молодой привратникъ.—Кого Богъ посылаетъ?

— Козаки съ Лугу!—былъ отвѣтъ: — отворяй пошире ворота! Отъ самого пана кошевого, отъ Сирка посланцы.

Привратникъ растворилъ обѣ половинки воротъ. Отрядъ въѣхалъ въ монастырскую ограду.

Начальникъ отряда—молодой человѣкъ, бѣлокурый, съ огромными усами, соскочивъ съ лошади, крикнуль привратнику:

— Эй, хлопче, выводи хорошенько коня..

— Заразъ, пане отамане!—отвѣчалъ привратникъ.

— А какъ пройти въ келію отца Димитрія проповѣдника?—спросилъ тотъ, кого назвали атаманомъ.

— Первая дверь направо, пане отамане! вонъ та, — онъ указалъ рукою.

— Пойдемте, Иванъ Степановичъ,—позвалъ тотъ, котораго называли атаманомъ.

Иванъ Степановичъ—уже не молодой мужчина, но необыкновенно живой, съ сѣрыми выразительными глазами, въ богатомъ одѣяніи, но безъ оружія. Ласковые глаза его, казалось, проникали насквозь того, съ кѣмъ онъ говорилъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то подкупали къ нему довѣріе.

Они вошли въ показанную дверь и постучались.

— Съ Божіимъ благословеніемъ вниди,—послышалось изъ келіи.

Они вошли въ свѣтлую, просторную келью. У широкаго и высокаго аналоя, заваленнаго книгами, стоялъ невысокій, но стройный монахъ и что-то писалъ. При входѣ гостей онъ положилъ перо и съ недоумѣніемъ глядѣлъ на вошедшихъ.

— Не узнаешь?—съ улыбкой спросилъ тотъ, кого звали атаманомъ.— Эхъ, Данило, Данило!.. эхъ, ты, Данько!

Краска мгновенно залила блѣдное, молодое и красивое лицо монаха.

— Грицъ! Гриша... Григорій Семеновичъ! — несвязно, но радостно бормоталъ онъ.—Ты ли это, друже?

— Я, братъ Данько,—весело отвѣчалъ пришедшій.

— Я давно уже не Даніилъ, но Димитрій, — слабо протестовалъ монахъ.

— Для меня ты всегда Данилка, хоть ты будь митрополитомъ! — не уступалъ пришедшій.—Ну, братуха, поцѣлуемся!

Монахъ нерѣшительно отступилъ назадъ, бормоча: „Мнѣ нельзя, брате“.

— Да я жъ не баба и не дѣвка! Что ты, братъ?—смѣялся пришедшій:—вѣдь я не Прися—помнишь въ Боршнѣ? Да ты и ея ни разу не поцѣловалъ. Эхъ, нюня!

Они все-таки поцѣловались.

Читатель, конечно, узналъ въ молодомъ веселомъ запорожцѣ бывшаго веселаго кіевскаго бурсака. Несмотря на свою молодость, Грицько Шар-

пай былъ уже на Запорожьѣ замѣтнымъ лицомъ: „товариство одного изъ запорожскихъ куреней давно избрало его своимъ куреннымъ „отаманомъ“ и очень было довольно его распорядительностью и беззавѣтною храбростью. Его любилъ и самъ кошевой Сирко.

— А это—Иванъ Степановичъ Мазепа, бывшій генеральный писарь у тогобочнаго гетмана Дорошенко, а теперь—мой полоняникъ,—представилъ своему другу Шарпай прибывшаго съ нимъ незнакомца.

Отецъ Димитрій выразилъ удовольствіе, что принимаетъ у себя дорогого гостя и что радъ съ нимъ познакомиться, а Мазепа отвѣтилъ, что онъ уже имѣлъ честь видѣть отца Димитрія.

— Извините, я что-то не помню, — недоумѣвающе сказалъ этотъ послѣдній.

— Да, вы не можете помнить, святой отецъ,—любезно замѣтилъ Мазепа: — вы, я думаю, никого и ничего не видѣли: въ первый разъ я увидѣлъ васъ въ Кіевѣ, когда васъ постригали. Этому уже семь лѣтъ, если я не ошибаюсь. А потомъ такъ много слышалъ о вашей замѣчательной элоквенціи. Васъ почитаютъ за самаго краснорѣчиваго оратора и духовнаго витію во всей Украинѣ обѣихъ сторонъ Днѣпра.

Отецъ Димитрій скромно потупился и просилъ гостей садиться.

— Я находился тогда въ свитѣ пана гетмана, когда вы принимали ангельскій чинъ,—пояснилъ Мазепа.

— А! это тогда, — засмѣялся Шарпай, — когда онъ отрекался отъ меня, какъ отъ сатаны, а я какъ дуракъ ревѣлъ.

Отецъ Димитрій скромно улыбнулся, а Мазепа не безъ лукавства добавилъ:

— Еще тогда одна прекрасная дѣвица, пораженная суровостью обряда постриженія, упала въ обморокъ.

— Это хорошенькая Прися-то? Какъ-же, помню,—перебилъ его Шарпай, — только не суровость эта ее поразила, а нѣчто другое, — и онъ коварно посмотрѣлъ на своего друга.

— Что же, именно, ежели спросить позволительно? — со скрытымъ ехидствомъ спросилъ Мазепа.

— Бѣсъ Фармагѣй, а по нашему, по бурсацки—Венусовъ Амуръ,— засмѣялся Шарпай.

Желая перемѣнить разговоръ, отецъ Димитрій спросилъ Мазепу:

— А почему же мой другъ именуетъ вашу милость своимъ полоняникомъ?

— Да я и воистину нахожусь въ плѣну у пана отамана и у славнаго войска запорожскаго низового, — отвѣчалъ Мазепа. — Сего року, раннею весной, я былъ отправленъ посланцемъ отъ своего гетмана Дорошенко съ письмами къ великому визирю, а также къ хану крымскому и его мурзамъ. Дорошенко посылалъ со мною также, въ подарокъ великому визирю, хану и мурзамъ, пятнадцать полонянокъ.

— Это нашихъ-то дивчатъ!—перебилъ его Шарпай. — Ну, не стану мѣшать,—спохватился онъ.

— Со мною было около десятка татаръ для охраны, — продолжалъ Мазепа.—Но едва мы прибыли къ Ингулу, какъ вдругъ наткнулись на отрядъ запорожцевъ съ кошовымъ, паномъ Иваномъ Сиркомъ, и куреннымъ, паномъ Григоріемъ...

— Это со мною-то,—пояснилъ Шарпай.

— Тутъ они меня и поймали,— пояснилъ Мазепа.

— А онъ-было на утекъ,—продолжалъ Шарпай:—я за нимъ—кричу: „Стой! стрѣлять буду!“ Панъ писарь, яко человѣкъ благоразумный, остановился, и я съ честью обыскалъ его и отобралъ письма. А тамъ, смотрю, мое товариство уже расправилось съ татарами: всѣхъ до-ноги порубили! Я къ полонянкамъ—совсѣмъ дѣтвора!—дѣвочки; а межъ ними ужъ и не дѣвочка одна. Знаешь, братъ Данило, кто? — спросилъ онъ лукаво отца Димитрія.

— Не знаю, друже,—былъ отвѣтъ.

— Прися!—та хорошенькая борщенская русалочка, которая такъ убивалась за тобой и которую ты, нюня человѣче, даже не поцѣловалъ, хотя и спалъ съ нею на клунѣ всю ночь.

Румянецъ смущенія разлился по блѣднымъ щекамъ отца Дмитрія.

— Ахъ, друже, тебѣ-бы все смѣшки!—укоризненно сказалъ онъ.

— Ей же Богу! слово гонору — не смѣшки! — оправдывался Шарпай.

— Панъ отаманъ, отче святой, не шутитъ,— серьезно сказалъ Мазепа:—борщенская дѣвица Евфросинія, подлинно, была въ числѣ пятнадцати полонянокъ, которыхъ Дорошенко послалъ въ подарокъ въ Крымъ. Ее нынѣшней же весной взяли около Борисполя татары, когда она съ другими „прочанами“ шла въ Кіевъ „на прощу“—на богомолье, а Дорошенко купилъ ее у нихъ. Въ Запорожьѣ она нашла своего отца, и онъ вмѣстѣ съ нами привезъ ее сюда въ Борщну.

— А теперь же, ваша милость, куда путь держите?—спросилъ его отецъ Димитрій.

— Теперь панъ Григорій везетъ меня къ его ясновельможности, къ пану гетману Самойловичу,—отвѣчалъ интересный плѣнникъ.

— Такъ вы очень кстати прибыли сюда,—сказалъ на это отецъ Димитрій:—мы съ часу на часъ ожидаемъ къ себѣ высокихъ гостей.

— Кого же?—разомъ, не безъ изумленія и тревоги, спросилъ и Шарпай, и Мазепа.

— Нашу скромную обитель желаютъ посѣтить и его ясновельможность панъ гетманъ Іоаннъ Самуиловичъ и его высокопреосвященство, высокопреосвященный Лазарь Барановичъ, архіепископъ черниговскій и новгородскій, и монастырь уже приготовился къ принятію таковой высокой чести,—съ оффиціальнымъ смиреніемъ проговорилъ отецъ Димитрій.

Шарпай, видимо, обрадовался этому извѣстію, а Мазепа какъ-будто смутился нѣсколько, но затѣмъ скоро оправился.

— Optime!—сказалъ первый,—мнѣ дальше, scilicet, не волочиться.

Какъ разъ въ это время вошелъ служка и съ низкимъ поклономъ доложилъ, что „пригналъ“ вѣстовой и высокіе гости сейчасъ будутъ.

Надо было идти встрѣчать свѣтскаго главу Украины и ея богомольца, велерѣчиваго ритора и адаманта православія—Лазаря Барановича, автора знаменитой „Трубы“.

IX.

Онъ узналъ ее.

Гетманскій поѣздъ состоялъ изъ нѣсколькихъ каретъ. Карета Самойловича была украшена богатымъ кіевскимъ гербомъ и гербомъ войска запорожскаго низового. Карета была массивная, вызолоченная, изящной вѣнской работы, и подъ нее запряжено было восемь лошадей цугомъ: отъ козелъ шла пара бѣлыхъ, какъ снѣгъ, аргамаковъ, потомъ пара вороныхъ, черныхъ, какъ вороново крыло, затѣмъ опять пара бѣлыхъ и, наконецъ, подъ форейторомъ пара вороныхъ выѣздныхъ.

Гетманъ сидѣлъ въ своей каретѣ вмѣстѣ съ Лазаремъ Барановичемъ.

По бокамъ кареты ѣхали гайдуки въ богатомъ одѣяніи.

Въ другихъ каретахъ и колясках помѣщалась свита гетмана: генеральный судья, генеральный писарь, полковники и прочая старшина.

У Лазаря Барановича своя свита—приближенное духовенство и пѣвчіе.

Кухня гетмана и походная дорогая посуда слѣдовала позади обоза подъ охраною отряда казаковъ.

Торжественный звонъ всѣхъ монастырскихъ колоколовъ встрѣтилъ приближеніе къ обители высокихъ гостей. Навстрѣчу имъ иноки и настоятель вышли въ полномъ облаченіи и низкими поклонами провожали вступленіе ихъ въ главную церковь.

Гетманъ, видимо, былъ доволенъ сдѣланнымъ ему пріемомъ и, въ особенности, подѣйствовалъ на расположеніе его духа маленькій сюрпризъ, приготовленный ему монастыремъ. Выходя, послѣ молебствія, изъ церкви, онъ поднялъ глаза и на лѣвой стѣнѣ къ выходу увидѣлъ свой портретъ во весь ростъ. Это ему польстило. Онъ остановился и сказалъ сопровождавшей его свитѣ:

— О, какимъ лыцаремъ меня намалевали!

— Однако, ваша ясновельможность, маляръ не скривдилъ,—замѣтилъ Лазарь Горленко, полковникъ прилуцкій.

— Нѣтъ, нѣтъ,—подтвердилъ и Дмитрашко-Райча, полковникъ переяславскій:—какъ у око влѣпилъ; чуть-чуть не заговоритъ панъ гетманъ.

— А если бъ заговорилъ,—улыбнулся Самойловичъ,—то непремѣнно сказалъ бы: „брешешь, брешешь, пане полковнику, бо я тутъ молодымъ намалеванъ, а я вже—старый собака“.

Приближенные засмѣялись и всѣ вышли изъ церкви въ отличномъ расположеніи духа *).

Послѣ небольшого отдыха, гетманъ принималъ запорожскаго посланца, куренного Григорія Шарпая и его плѣнника Ивана Мазепу.

— Попался-таки, Иванъ Степановичъ,—улыбнулся гетманъ.

— Пану Мазепѣ это не первинка,—лукаво замѣтилъ Дмитрашко.

— Правда!—засмѣялся Самойловичъ, — и все съ бабами да съ дивчатами.

— Шутка гетмана всѣмъ понравилась, особенно, когда онъ пояснилъ:

— Разъ панъ Мазепа попался съ панею Фальбовскою, а теперь съ дивчатами-полонянками. И это Ивану Степановичу на руку — на его колеса вода льется.

Окружающіе выразили недоумѣніе.

— А какъ-же, — продолжалъ гетманъ свою шутку,—если бъ онъ не попался тогда съ панею Фальбовскою, то, можетъ, и доселѣ оставался бы пахолкомъ при дворѣ польскихъ королей. А вонъ теперь его милость, панъ Мазепа—генеральный писарь тогобочнаго гетмана, пана Дорошенко. А ежели онъ теперь вновь попался съ этою—какъ ее?..

— Прися изъ Боршны, ваша ясновельможность,—поклонился Григорій Шарпай и сверкнулъ своими плутовскими глазами.

Самойловичъ это замѣтилъ и продолжалъ свою шутку:

— Да Прися изъ Боршны... Такъ вотъ, попавшись съ Присею изъ Боршны, отчего его милости, пану Мазепѣ, не надѣяться впослѣдствіи вмѣсто этой самой Приси схватить гетманскую булаву.

Это самодовольная шутка гетмана-поповича очень понравилась его свитѣ, и всѣ окружавшіе Самойловича разсмѣялись. Но кто бы изъ нихъ, да и самъ Самойловичъ, могъ подумать въ эту минуту, что гетманская шутка окажется пророческою и что этотъ самый плѣнникъ Мазепа въ скоромъ времени выхватитъ гетманскую булаву изъ рукъ Самойловича и его самого утопитъ, да не въ Удаѣ и не въ Днѣпрѣ, а въ Енисеѣ?..

Перейдя, затѣмъ, къ дѣлу, Самойловичъ просилъ Мазепу ближе познамить его съ положеніемъ дѣлъ въ тогобочной Украинѣ, сообщить о дѣйствіяхъ и замыслахъ Дорошенка, о томъ, подоспѣлъ ли султанъ съ своимъ войскомъ на выручку Дорошенка, осажденнаго русскими войсками въ Чигиринѣ, и скоро ли могутъ татары придти къ нему на помощь.

Мазепа нѣсколько подумалъ. Онъ былъ человѣкъ очень сообразительный и по ходу послѣднихъ дѣлъ видѣлъ, что дѣло Дорошенка будетъ проиграно. Онъ понялъ, что теперь выгоднѣе продать Дорошенка и купить Самойловича. Онъ такъ и сдѣлалъ — Дорошенка продалъ, а Самойловича купилъ: онъ все искренно разсказалъ гетману.

---

*) Портретъ этотъ до сихъ поръ сохранился на стѣнѣ главной церкви Густынскаго монастыря. Мы видѣли его вмѣстѣ съ Н. И. Костомаровымъ, въ 1883 г., при посѣщеніи Густыня. *Авт.*

— Спасибо, Иванъ Степановичъ,—сказалъ этотъ послѣднiй,—за это я тебя выручу. Бумаги и письма, которыя ты везъ къ великому визирю и къ хану съ плѣнными дивчатами, ты повезешь теперь въ Москву, въ малороссiйскiй приказъ, да только безъ дивчатъ и безъ Приси (какъ бы въ скобкахъ прибавилъ гетманъ съ улыбкою), и вручишь боярину Матвѣеву съ моею отпискою. Матвѣеву ты разскажи все чистосердечно, какъ говорилъ теперь мнѣ при панахъ полковникахъ. При нихъ я даю тебѣ слово: ты останешься въ цѣлости и всѣ маетности твои останутся за тобою. Я пошлю съ тобою надежнаго и знающаго человѣка: онъ тебя и въ Москву проводитъ, и назадъ привезетъ. Только ты, пане Мазепо, откровенно все разскажи въ малороссiйскомъ приказѣ, что намъ здѣсь говорилъ — и о Дорошенковыхъ замыслахъ, и о ханѣ, и про Сирка, и иное все: никакого дѣла, хотя и малаго, не утаи.

Гетманъ всталъ, давая тѣмъ понять, что ауденцiя кончилась. Мазепа низко поклонился.

— Помни, ваша милость,—съ улыбкой добавилъ Самойловичъ:—ничего не утаи! Даже про Присю изъ Боршны не забудь сказать.

Мазепа вторично поклонился.

— А панъ Григорiй теперь до коша?—обратился гетманъ къ Шарпаю.

— До своего куриня, ваша ясновельможность, — отвѣчалъ этотъ послѣднiй.—Токмо отдохну здѣсь денекъ-другой у своего стараго товарища.

— У кого?—спросилъ Самойловичъ.

— У отца Димитрiя.

— А! кстати: завтра его преосвященство намѣренъ посвятить отца Димитрiя въ санъ iеромонаха. Отецъ Димитрiй — святой жизни инокъ и огромной учености — онъ далеко пойдетъ, — сказалъ гетманъ въ заключенiе.

На другой день, въ престольный праздникъ, преосвященнымъ Лазаремъ Барановичемъ отецъ Димитрiй былъ съ самою торжественною обстановкою посвященъ въ iеромонахи. Соборная церковь монастыря была полна народа, который пришелъ на праздникъ изъ окрестныхъ мѣстностей—изъ Прилукъ, изъ Манджосовки, Боршны, Дѣдовецъ.

Послѣ посвященiя молодой iеромонахъ говорилъ проповѣдь. Это было блестящее ораторское слово, которое когда-либо выливалось у него изъ души. Онъ говорилъ на текстъ: „чти отца твоего и матерь". Въ лицѣ „заплаканной матери" онъ изобразилъ Украину, раздираемую ея сынами въ смертельной враждѣ между „тогобочною" и „сегобочною" ея половинами. Онъ говорилъ о томъ, какъ плодородныя нивы ея обагряются братскою, а для нея — „матери" — сыновнею кровью; какъ эти ея же сыны уводятъ въ полонъ и продаютъ въ неволю своихъ же сестеръ-дѣвушекъ...

Молодой ораторъ былъ прекрасенъ въ своемъ воодушевленiи. Блѣдное, худое лицо его дышало кротостью, но въ словахъ его было столько силы, въ голосѣ столько убѣдительности и энергiи, что другъ его, Григорiй Шарпай, восторженно слушавшiй его—его, котораго онъ называлъ „нюней",

теперь невольно твердилъ въ душѣ: „Ахъ, какая сила погребена въ этомъ черномъ саванѣ!.. Что это былъ бы за кошевой, если бы только онъ постригся не въ монахи, а въ запорожцы! Ахъ, Данько, Данько, за что ты погубилъ себя, за что измѣнилъ казачеству?“

Глубокое впечатлѣніе произвели на слушателей слова, когда молодой іеромонахъ, говоря образами и иносказаніями, сравнилъ нашествія на Украину ордъ со стаями „хищныхъ врановъ“; „но,—прибавилъ онъ,—„се грядетъ година, и не вѣсте ни дня, ни часа, въ онь-же, шумя могучими крилами, прилетитъ орелъ со полунощи и распудитъ стаи хищныхъ врановъ“...

Женщины плакали, когда онъ заговорилъ о крымской и турецкой неволѣ, о „бѣдныхъ невольникахъ“, о ихъ страданіяхъ, объ горести матерей, дѣти которыхъ томятся въ неволѣ, а дочери—еще горестнѣе—ради „роскоши турецкой, ради лакомства несчастнаго“ — совсѣмъ забываютъ матерь-Украину.

Услыхавъ всхлипыванья женщинъ, онъ невольно глянулъ по направленію къ „бабинцу“. Глаза его встрѣтились съ другими глазами. То были глаза дѣвушки, прекрасные глаза, полные восторженнаго умиленія и слезъ—хорошихъ, благородныхъ слезъ.

Онъ узналъ ее, какъ и она его давно узнала, и плакала, вспоминая тотъ блаженный вечеръ и ту блаженную „ночь въ клунѣ“, когда она, обхвативъ рукою его шею, слушала его тихую рѣчь объ отреченіи отъ міра, о вѣчной божественной любви, слушала, почти не понимая его, — и уснула у него на плечѣ сномъ невиннаго младенца.

„Такъ вотъ онъ кто!.. Онъ—святой. На него и панъ-гетманъ смотритъ какъ на святого“...

X.

„Гдѣ овцы—тамъ и пастырь“.

Прошло тридцать пять лѣтъ. Наступилъ и уже приходилъ къ концу памятный для Россіи и, въ особенности, для Украины 1709-й годъ. Мазепа, котораго мы видѣли въ послѣдній разъ плѣнникомъ въ Густынскомъ монастырѣ, оставивъ по себѣ кровавую и проклинаемую во всѣхъ церквахъ память, медленно умиралъ въ турецкихъ предѣлахъ.

Перенесемся далеко отъ Украины на сѣверъ, въ городъ Ростовъ.

Мы въ кельѣ у святителя Димитрія, митрополита ростовскаго. Просторная, хотя скромная келья святителя завалена массами книгъ, старинныхъ рукописей и разными архивными дѣлами. Передъ богатой кіотой, со множествомъ образовъ въ драгоцѣнныхъ окладахъ изъ золота и серебра, горитъ неугасаемая лампада. Надъ письменнымъ столомъ-аналоемъ виситъ писанная масляными красками картина. На ней изображены пожилые мужчина и женщина. Мужчина—въ казацкомъ одѣяніи, въ кунтушѣ

малороссійскаго сотника; женщина—въ костюмѣ пожилой украинки. Имъ кланяется въ ноги прекрасный юноша въ длиннополомъ одѣяніи кіевскаго бурсака половины XVII-го вѣка. Пожилого мужчину этого мы видѣли, сорокъ-одинъ годъ назадъ, въ Кіевѣ, въ соборѣ Кирилловскаго монастыря: онъ поддерживалъ тамъ вотъ эту пожилую, тогда рыдавшую женщину, и самъ горько плакалъ. Юношу же этого, тогда же, въ 1668-мъ году, мы видѣли въ той же церкви—въ саванѣ, передъ игуменомъ, который спрашивалъ этого прекраснаго юношу въ саванѣ: „Отрицаешися-ли, чадо, отца и матери?“.

Вонъ теперь, гдѣ этотъ бывшій юноша въ саванѣ: онъ, въ видѣ болѣзненнаго, изможденнаго старца, сидитъ въ глубокомъ креслѣ и что-то шепчетъ безкровными устами. Это и есть святитель Димитрій.

Вотъ, что сдѣлали время и неусыпные труды изъ прекраснаго юноши! Это только тѣнь человѣка: впалые глаза, впалая грудь, трясующіяся руки—все говоритъ о близкомъ разрушеніи этого духовнаго свѣтила Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи.

Онъ подымаетъ свои потухшіе глаза, и они съ умиленіемъ и грустію останавливаются на дорогой ему картинѣ: тамъ портреты его отца, матери и его, нѣкогда полнаго жизни юноши, у котораго впереди—безконечная жизнь. А теперь эта жизнь пройдена — и ничего отъ нея не осталось, кромѣ этой груды книгъ, имъ написанныхъ. Это—„Четьи Минеи“. Это — его дѣти, его мечты, наполнившія и поглотившія всю его жизнь. Умретъ онъ, зароютъ его, истлѣетъ онъ въ землѣ, а эти книги — дѣти его—останутся...

— О, мои дѣтки, мои дѣтки! мои горести и тихія радости!—съ грустью прошепталъ святитель, тихо качая головою:—скоро разстанусь я съ вами.

Потомъ онъ опять впалъ въ тихую задумчивость. Опять пронеслись передъ нимъ его дѣтство, его молодость, вся его жизнь.

Вотъ онъ, мальчикомъ, стоитъ въ кіевскомъ Софійскомъ соборѣ у всенощной. Служеніе совершаетъ бывшій гетманъ обѣихъ сторонъ Днѣпра, Юрій Хмельницкій, а потомъ—Георгій Гедеонъ архимандритъ. И стоитъ въ той же церкви прекрасная отроковица, вся блѣдная и трепещущая. Потомъ ее, бездыханную, уносятъ изъ храма. Она—бывшая невѣста этого архимандрита-гетмана.

Но вотъ онъ и юноша. Съ другомъ своимъ веселымъ Грицькомъ, они идутъ въ Густынь молиться. Какъ прельстила его потомъ эта тихая обитель! какъ сладко ему молилось въ ней!

А тамъ — этотъ вечеръ въ Боршнѣ, эта ночная „улица“ съ пѣніемъ незабвенной пѣсни:

Ой, не шуми, луже, дибровою дуже,
Не завдавай сердцу жалю, бо я въ чужимъ краю...

Эта чистая отроковица Прися... ночь въ клунѣ... цвѣты вокругъ его головы разсыпанные...

А тамъ—саванъ, ангельское одѣяніе...

Гдѣ-то теперь другъ его юности, тотъ веселый Грицько Шарпай? Говорятъ, вмѣстѣ съ запорожцами, Мазепою и съ королемъ Карломъ, послѣ полтавскаго боя, ушелъ за турецкій рубежъ.

— О, Мазепо, Мазепо! — прошепталъ святитель, и ему пришли на умъ вирши, присланныя ему другомъ его, митрополитомъ Стефаномъ Яворскимъ, блюстителемъ патріаршаго престола:

Изми мя, Боже!—вопіетъ Россія.—
Отъ ядовита и лукава змія,
Его же ждаша адскія заклепы—
Бывша вождa Ивашка Мазепы!

— Погибе память его съ шумомъ — и анаѳематствованіе прія... Всѣ погибли: и гордый Дорошенко въ московскомъ плѣненіи скончa животъ свой, и оный Самойловичъ, коего пышное изображеніе и по сей часъ величаво возносится на стѣнахъ храма Густынской святой обители, и лукавый Мазепа со клевретами своими... О жизнь человѣческая!

Святитель встаетъ и нетвердыми шагами подходитъ къ аналою-столу. На немъ лежитъ раскрытая рукопись: это его почеркъ, его сочиненіе. Глядя на раскрытую страницу, онъ задумывается.

— И сіе писаніе тѣшило духъ мой: во славу Господа писалъ — о рожденіи Спасителя міра, какъ ангелъ возвѣщаетъ пастырямъ о рожденіи Царя царей. А они, невѣгласи, не повѣрили—одинъ и говоритъ ангелу:

Чаю, тебе, государь, къ князямъ послали,
Штобъ они великому царю поклонъ дали,
Не къ намъ, нищимъ пастухамъ. Што ты заблудилъ?
Или не вслухалъ?—вѣстникъ къ намъ такій не ходилъ!

Читая это, святитель грустно улыбается.

— Да, нищимъ пастухамъ не въ обычай принимать такихъ пословъ,— они говорятъ ангелу:

Государь, надобно-же што-нибудь нести ему на поклонъ,
Штобъ не велѣлъ, какъ нашъ князь, выпроводить въ шею вонъ [1]).

Святитель закашлялся и не могъ дальше читать. Его давно уже мучитъ удушье, потому что для него, рожденнаго и выросшаго подъ благодатнымъ небомъ Украины, слишкомъ суровъ климатъ русскаго сѣвера. На родинѣ, можетъ быть, онъ бы еще потянулъ. Но на родину ему уже не возвратиться—далеко она, тамъ, за милымъ Днѣпромъ...

— Здѣ покой мой, здѣ вселюся во вѣкъ вѣки,—часто говорилъ онъ съ полною покорностью волѣ Божіей: — гдѣ паства моя — тамо и душа моя, гдѣ овцы—тамо и пастырь.

---

[1]) „Лѣтописи русск. литер.“. Тихонравова и „Исторія въ жизнеоп.“, Костомарова, вып. V, 533—534.

XI.

Онъ все вспомнилъ.

Въ келью вошелъ любимый послушникъ святителя, входившій къ нему безъ зова во всякіе часы дня и ночи. Онъ не разлучался съ нимъ болѣе тридцати лѣтъ, съ самой Густыни.

— Ты что, Іона?—спросилъ святитель.

— Да вотъ, владыко святый, ты все недугуешь — кашляешь все больше и больше, — отвѣчалъ Іона, намѣреваясь, повидимому, сообщить что-то особенное.

— Да, кашляю, сынъ мой: на то Божья воля — предѣлъ, его же не прейдеши.

— А кто тебѣ сказалъ, когда твой предѣлъ!—возрозилъ Іона:—житіе наше, сказано, семьдесять лѣтъ, аще въ силахъ—восемьдесятъ, болѣе-же того—трудъ и болѣзнь. А тебѣ еще и шестидесяти нѣтъ.

— Что дѣлать, сынъ мой?

— Ко Господу съ молитвою прибѣгать.

— И прибѣгаю по силамъ моимъ.

— И къ угодникамъ, особливо же печерскимъ... Владыко святый!— торжественно продолжалъ Іона:—тебѣ печерскіе угодники благодать прислали,—сказалъ онъ таинственно.

— Какую благодать прислали?—удивился святитель.—И съ кѣмъ?

— Слушай, владыко святый!—еще таинственнѣе продолжалъ старецъ Іона.—Пришла сюда изъ Кіева старица нѣкая—пришла поклониться тебѣ и попросить твоего благословенія. Сегодня, когда ты литургисалъ, оная старица видѣла тебя, видѣла и недугъ твой тяжкій, какъ ты, за литургіею, кашлялъ въ алтарѣ, у престола Божія. Такъ оная старица и проситъ допустить ее къ тебѣ, святителю: она принесла съ собою изъ Кіева, отъ печерскихъ угодниковъ, мощи всеисцѣляющія.

— Кто же далъ ихъ этой старицѣ?—усомнился святитель.

— Этими мощами, владыко,—сказываетъ она,—благословила ее при смерти бабка этой старицы,—отвѣчалъ Іона.

— А бабка гдѣ взяла ихъ?

— Объ этомъ я, владыко святой, не спрашивалъ. Только она, старица-то, всемогущимъ Богомъ заклинается, что имѣемыя у нея мощи всѣмъ болящимъ подаютъ исцѣленіе. Владыко святый! дозволь оной старицѣ предстать предъ тобою,—умолялъ Іона.

Святитель задумался: откуда могли быть святыя мощи у простой старицы? Но въ то же время въ головѣ его тѣснились другія мысли:—„не отъ сильныхъ міра... да вонъ и ангелъ Божій не сильнымъ міра, не царямъ и владыкамъ земнымъ возвѣстилъ рожденіе Спасителя міра, а нищимъ пастухамъ... не увѣси-бо, человѣче, пути Его неисповѣдимые“...

Кашель опять сталъ душить его.

Іона упалъ на колѣни.

— Владыко святый!—молилъ онъ со слезами: пожалѣй насъ, сиротъ твоихъ, коли себя не жалѣешь! Поиспытай силу оныхъ мощей: по вѣрѣ все дается.

— Да, воистину,—съ трудомъ проговорилъ святитель: — вся испытующе, добрая держите... *вся*, а не токмо добрая...

— Такъ — такъ, владыко святый, все испытать надо, — настаивалъ Іона.

— Хорошо,—согласился, наконецъ, святитель:—позови ее съ Божіимъ благословеніемъ.'

Іона съ радостью поторопился исполнить приказаніе владыки.

— Воистину—не отъ мудрыхъ и не отъ сильныхъ міра... изъ устъ младенцевъ... мудрость человѣческая—безуміе предъ Господомъ...

Опять приступы кашля. А за окнами кельи осенній вѣтеръ такъ и гнетъ оголенныя непогодью деревья да воронъ каркаетъ. Непривѣтливо кругомъ, печально все.

Мысль больного естественно переносится далеко отсюда — на родину. Тамъ, можетъ быть, и солнышко еще грѣетъ...

Въ раскрытой двери кельи темная фигура заслонила свѣтъ, проходившій въ келью изъ сосѣдняго пріемнаго покоя. То была женщина въ черномъ—старица.

Торопливо сдѣлавъ широкое крестное знаменіе, старица поклонилась до земли. Святитель пошелъ ей навстрѣчу.

— Встань, дочь моя,—ласково сказалъ владыка.

Старица приподнялась на колѣни. Это была старушка лѣтъ подъ шестьдесятъ съ добрыми, но грустными черными глазами, еще не потерявшими блеска. Когда святитель благословилъ ее, она припала къ ногамъ его и съ плачемъ цѣловала ихъ.

— Встань, дочь моя, не подобаетъ, — растроганно сказалъ святитель.

Немножко оправившись, старица встала.

— Ты откудова, дочь моя?—спросилъ святитель.

— Изъ Кіева, владыко святый.

— Въ Кіевѣ и постриженье приняла?

— Въ Кіевѣ, владыко святый.

— А давно?

— Лѣтъ около тридцати-пяти тому назадъ.

— А имя твое?

— Старица Евлалія.

— А мірское имя?

— Приською звали, владыко святый.

— Евфросинія, сирѣчь.

Святитель задумался. Мірское имя старицы напомнило-было ему что-то очень давнее, какое-то свѣтлое воспоминаніе, но что—онъ не могъ припомнить... Что-нибудь изъ дѣтства, изъ ранней молодости. И образъ его

школьнаго друга при этомъ промелькнулъ въ умѣ... Но онъ теперь за рубежемъ, въ турецкой землѣ, съ Мазепою...

Святитель какъ бы опомнился. Онъ глянулъ въ глаза старицы: эти кроткіе, съ молитвеннымъ умиленіемъ глядѣвшіе на него глаза опять было напомнили ему что-то очень-очень давнее, какой-то вечеръ, какое-то пѣніе—давно, давно знакомую мелодію...

Ой, не шуми, луже...

Это за окномъ кельи осенній вѣтеръ шумитъ... А что-то напомнили глаза: но что?..

— Старецъ Іона докладывалъ мнѣ,—заговорилъ святитель, силясь отогнать отъ себя какія-то неясныя, далекія воспоминанія: —сказывалъ, что ты, дочь моя, имѣешь святыя мощи—частицы святыхъ мощей?

— Имѣю, владыко святый,—отвѣчала старица.

— А какого угодника Божія?

— Сего я не знаю, владыко святый.

— А какъ они тебѣ достались?

— Бабка моя, владыко святый, умираючи, благословила меня сими мощами.

— А отъ кого она ихъ получила?—не знаешь, дочь моя?

— Бабка сказывала, что дали ей эти мощи странники изъ Кіева.

— И мощи эти чудотворны? исцѣляютъ болящихъ?

— Исцѣляютъ, владыко святый, и бабку мою исцѣлили,—безъ ногъ была,—и всѣхъ исцѣляли, кто носилъ ихъ на себѣ, и меня отъ падучей болѣзни исцѣлили: я въ церкви бывало замертво падала, а теперь Богъ миловалъ.

Святитель снова задумался... Такъ и толпятся въ душу картины далекаго прошлаго...

— Съ тобою эти мощи?—спросилъ онъ.

— Со мною, владыко святый,—и старица достала изъ-за пазухи чистенькій шелковый платочекъ и вынула тщательно завернутый въ него маленькій кожаный пакетикъ.

Подавъ пакетикъ, она опять поклонилась въ ноги митрополиту.

— Хорошо, дочь моя, я испытаю сіе,—сказалъ святитель.—Встань.

Старица встала. Митрополитъ снова благословилъ ее и отпустилъ.

— Съ миромъ... Поживи у меня, а старецъ Іона позаботится о тебѣ.

Съ каждымъ днемъ, однако, святитель чувствовалъ себя все хуже и хуже. Приступы удушья повторялись все чаще. Погода, какъ на зло, бушевала и день, и ночь, что, конечно, не могло не дѣйствовать губительно на истощенный организмъ больного.

Особенно тяжела была для больного ночь на 27-е ноября. Онъ долго стоялъ на молитвѣ колѣнопреклоненный. Прижавъ руки къ больной груди, которая мучительно ныла, святитель ощупалъ что-то подъ подрясникомъ и вспомнилъ, что это былъ тотъ кожаный пакетикъ, который на-дняхъ передала ему старица Евлалія. Онъ всталъ, вскрылъ его ножницами съ одного боку и вынулъ оттуда небольшую, свернутую квадратикомъ и пожелтѣвшую отъ времени бумажку. Святитель развернулъ ее. На бумажкѣ знакомымъ ему съ дѣтства почеркомъ было написано:

„И рекоша апостоли Господеви: приложи намъ вѣру. Рече же Господь: аще бысте имѣли вѣру яко зерно горушно, глаголали бысте убо ягодичинѣ сей: восторгнися и всадися въ море: и послушала-бы васъ“ (Евангеліе отъ Луки, гл. XVII, 6).

Точно свѣтъ осіялъ святителя! Онъ все вспомнилъ—всю свою жизнь! Это написалъ другъ его дѣтства, когда они, еще будучи студентами кіевской духовной коллегіи, въ 1667 году, во время лѣтнихъ вакацій, первый разъ шли изъ Кіева въ Густынь на богомолье... Эта больная, безногая старушка въ Боршнѣ... Другъ его обѣщалъ исцѣлить ее этими святыми словами, и пишетъ ихъ, а онъ, святитель, прочитавъ эти святыя слова, говоритъ: „великая, святая истина!—аще речеши горѣ: двигнися“... И больная исцѣлилася, потому что въ ней была вѣра... Все, все вспомнилъ святитель—и тотъ вечеръ, и ту ночь... И эта старица—Евлалія, Евфросинія, Прися...

Онъ упалъ на колѣни. Приступъ удушья опять давилъ его...

— О, маловѣре!—ударялъ онъ себя въ больную грудь:—ты усумнился—и Господь не послалъ тебѣ исцѣленія, а они вѣрили, якоже младенцы, и вѣра исцѣляла ихъ... О, маловѣре!

На утро старецъ Іона нашелъ святителя уснувшимъ навѣки. Онъ скончался на молитвѣ, припавъ святою головою къ холодному полу кельи, наполненной его нетлѣнными сокровищами—книгами.

КОНЕЦЪ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Д. Л. Мордовцева.

СОЛОВЕЦКОЕ СИДѢНЬЕ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ

ИЗЪ ВРЕМЕНЪ НАЧАЛА РАСКОЛА НА РУСИ.

Томъ X.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Н. Ѳ. Мертца
1901.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 9 мая 1901 г.

Типографія „В. С. Балашевъ и К°“. Спб., Фонтанка 95.

I.

Буря на Бѣломъ морѣ у Соловокъ.

По Бѣлому морю, вдоль Онежской губы, у исхода ея, по направленію къ Соловецкому острову, медленно плыла небольшая флотилія изъ кочей, наполненныхъ стрѣльцами. Кочи шли греблей, потому что на морѣ стояла невозмутимая тишь, наводящая одурь на мореходовъ. Весна 1674 г. выдалась ранняя, теплая, и вотъ уже нѣсколько дней солнце невыносимо медленно отъ зари до зари ползло по безоблачному небу, почти не погружаясь въ морѣ даже ночью и нагоняя на людей тоску и истому. Ма́рило такъ, что, казалось, и небо было раскалено, и отъ моря отражался жаръ, и груди дышать было нечѣмъ. Кругомъ стояла такая тишина, что слышенъ былъ малѣйшій плачъ морской чайки гдѣ-то за десятки верстъ, хотя самой птицы и не было видно, да и ей въ эту жарынь не леталось. Весла гребцовъ медленно, лѣниво, неровно опускались въ морскую лазурь и блестѣли на солнцѣ спадавшими съ нихъ алмазными каплями, а съ самихъ гребцовъ по раскраснѣвшимся лицамъ катился потъ, смачивая собой разметавшіяся и всклокоченныя пряди волосъ и бороды.

— „...и отъ Троицы князь великій поѣде и съ великою княгинею и съ дѣтьми въ свою отчину на Волокъ Ламской тѣшитися охотою на звѣря прыскучаго и на птица летучая. И тамо яко нѣкоимъ отъ Бога посѣщеніемъ нача немощи́, и явися на нозѣ его знамя болѣзнено, мала болячка на лѣвой странѣ на стегнѣ, на изгиби, близъ нужнаго мѣста, съ булавочную голову, верху у нея нѣтъ, ни гною въ ней нѣтъ же, а сама багрова. И тогда наипаче внимаше себѣ, яко приближается ему примѣненіе отъ маловременнаго сего житія въ вѣчный животъ...“

Это на переднемъ, на самомъ большомъ изъ всѣхъ кочей суднѣ, у кормы, подъ натянутымъ на снасти положкомъ сидитъ старый монахъ и, водя грязнымъ толстымъ пальцемъ по развернутой на колѣняхъ книгѣ, читаетъ, гнуся и спотыкаясь на титлахъ да на длинныхъ словахъ. На трудныхъ словахъ особенно трясется его сѣдая козелковая бородка.

— Отъ маловременнаго сего житія въ животъ вѣчный—вотъ оно что! А все никто, какъ Богъ,— разсуждалъ монахъ, переводя духъ и поправляя на головѣ скуфейку.—Ужъ и теплынь же, воевода.

— Что и говорить—тепла печка Богова,—отвѣчалъ тотъ, кого называли воеводою, сидѣвшій тутъ же подъ холстовымъ напястьемъ.

А съ заднихъ судовъ доносился говоръ и смѣхъ, но какъ-то вяло, лѣниво. По временамъ кто-то затягивалъ пѣсню, другой подхватывалъ и лѣниво, монотонно тянули:

Сотворилъ ты, Боже, да и небо-землю,
Сотворилъ же, Боже, весновую службу.
Не давай ты, Боже, зимовыя службы,
Зимовая служба молодцамъ кручинна,
Молодцамъ кручинна, да сердцу неусладна...

— Али въ экое пекло лучше!—протестуетъ чей-то голосъ.

— „...и посла по брата своего по князя Ондрея Ивановича на потѣху къ себѣ. Князь же Ондрей пріѣха къ нему вскорѣ. Тогда князь великій нужею выѣха со княземъ Ондреемъ Ивановичемъ на поле съ собаками“, продолжалъ гундосить монахъ подъ пологомъ.

...Ино дай же, Боже, весновую службу,
Весновая служба молодцамъ веселье,
Молодцамъ веселье и сердцу утѣха.

— А я въ тѣ-поры былъ у ево, у Стеньки, въ водоливахъ на стругѣ, какъ онъ гулялъ съ казаками. А она, полюбовница ево, царевна персицка, сидитъ на палубѣ, на складцахъ, словно маковъ цвѣтъ—изнаряжена, изукрашена, злато-серебро на ей такъ и горитъ. А Стенька выпилъ-таки гораздо, да и ну похваляться передъ казаками: „мнѣ, говоритъ, все ни по чемъ—всего добуду и Москву достану. Да и подходитъ это къ своей полюбовницѣ, беретъ ее на руки, словно дитю малую, подноситъ къ борту да и говоритъ: „ахъ ты, Волга-матушка, рѣка великая! словно отецъ съ матерью ты меня кормила-поила, златомъ-серебромъ, славной-честію надѣлила, а я тебя ничѣмъ не отдарилъ... На-жъ тебѣ, возьми!“— Да такъ словно шапку и маханулъ въ воду свою полюбовницу.

— Что ты, братецъ ты мой! И утопла?

— Какъ топоръ ко дну.

Это ведутъ бесѣду стрѣльцы, сидя на носу передового судна. Судно это нараднѣе всѣхъ остальныхъ кочей. Носъ и корма его украшены рѣзьбой и росписаны яркими цвѣтами. На вершинѣ мачты, надъ вертящимися кочетками, водруженъ восьмиконечный крестъ. Пониже въ неподвижномъ воздухѣ виситъ на натянутой снасти красный флагъ съ изображеніемъ Георгія Побѣдоносца. Это судно воеводское. Нѣсколько чугунныхъ пушекъ поблескиваютъ на солнцѣ, выглядывая за бортъ.

— Что жъ, воеводя, говоря по божьему, ихъ—старцовъ дѣло правое,— говорилъ монахъ:—двумя персты всѣ мы отъ младыхъ ногтей маливались—и я, и ты. Вонъ и въ этой книгѣ—гляди-тко—изображенъ старецъ—видишь?—вонъ у ево перстики-то два торчатъ, аки свѣчечки, а большой перстъ пригнутъ.

И монахъ тыкалъ пальцемъ въ изображеніе на одной страницѣ книги.

— Такъ-то такъ, я и самъ не больно за три персты-то стою, — нехотя отвѣчалъ воевода:—да они за великаго государя не хотятъ молиться: еретикъ-де.

— Ну, это дѣло великое, страшное: объ ёмъ не то сказать, а и помыслить-то—и-и! спаси Богъ!

Они замолчали. Молчали и стрѣльцы, только гребцы медленно и лѣниво плескали веслами да назади тянули про „весновую службу“:

А емлемте, братцы, яровы весельца,
Да сядемте, братцы, въ ветляны стружечки,
Да грянемте, братцы, въ яровы весельца,
Въ яровы весельца—ино внизъ по Волгѣ.

— Вонъ и они про Волгу поютъ. Хорошая рѣка, вольная,—снова заговорилъ стрѣлецъ.

— Какъ же ты съ Волги сюда попалъ, коли у Разина служилъ?

— Да у него-то я неволей служилъ... Допрежъ того служба моя была у воеводы Беклемишева, и тамъ какъ Стенька настигъ насъ на Волгѣ да отодралъ плетьми воеводу...

— Что ты! воеводу! Беклемишева?

— Ево—да это еще милостиво—диви, что не утопилъ... Ну, какъ это попарилъ онъ нашего воеводу, такъ и взялъ насъ, стрѣльцовъ, къ себѣ неволей. А послѣ я и убёгъ отъ него.

— И ноздри тебѣ на Москвѣ не вырвали?

— За что ноздри рвать? Я не воръ.

— А ты видѣлъ, какъ потомъ Стеньку-то на Москвѣ сказнили?

— Нѣтъ. Въ тѣ-поры мы стояли въ черкаскихъ городѣхъ, потому чаяли, что етманъ польской стороны, Петрушка Дорошѣнокъ, черкаскимъ людямъ дурно чинить затѣвалъ.

— А я видѣлъ. Ужъ и страсти же, братецъ ты мой! Обрубили ему руки и ноги, что у борова, а тамъ и голову отсѣкли, да все это на колья... Такъ голова-то все лѣто на колу маячила: и птицы ее не ѣли— черви съѣли... Страхъ! Остался костякъ голый, сухой: какъ вѣтеръ-то подуетъ, такъ онъ на колу-то и вертится, да только кости-то цокъ-цокъ-цокъ...

На западѣ, ближе къ полудню, что-то кучилось у самаго горизонта въ видѣ облачка. Да то и было облачко, которое какъ-то странно вздувалось и какъ-бы ползло по горизонту, на полночь.

— Никакъ тамъ заволакиваетъ аеръ-отъ...

— И впрямь, кажись, облаци божьи. Не разверзетъ ли Господь хляби небесны?—крестится монахъ.

— А добре бы было—страхъ упека.

Воевода растегнулъ косой воротъ желтой шелковой рубахи, зѣвнулъ и перекрестилъ ротъ.

Облачко замѣтно расползалось и вздувалось все выше и выше. Казалось, что въ иныхъ мѣстахъ сѣрая пелена, надвигавшаяся на югозапад-.

ную половину неба, какъ бы трепетала. Старый поморъ-кормщикъ, сидѣвшій у руля воеводскаго судна, зорко слѣдилъ своими сверкавшими изъ-подъ сѣдыхъ бровей рысьими глазками за тѣмъ, что дѣлалось на горизонтѣ и выше. Жилистая, черная какъ сосновая кора, рука его какъ-то крѣпче оперлась на руль.

Слѣва, по гладкой почернѣвшей поверхности моря прошла полосами, змѣистая рябь. Неизвѣстно откуда взявшаяся стая чаекъ съ плачемъ пронеслась на востокъ, къ онежскому берегу, котораго было не видно. Душный воздухъ дрогнулъ и кочетокъ заметался и заскрипѣлъ на верху воеводской мачты. Что-то невидимое затрепало краснымъ полотномъ, на которомъ изображенъ былъ Георгій, прокалывающій змія съ огромными лапами.

— Ай да любо—вѣтерокъ! Теперь бы и косымъ парускомъ можно,— послышалось откуда-то.

— Напинай, братцы!

— Стой! не моги! — раздался энергическій голосъ старика кормщика-помора.

Вдали на западѣ что-то глухое загремѣло и прокатилось по небу, словно пустая бочка по далекому мосту. Солнце дрогнуло какъ-то, замигало, бросило тѣни на море и скоро совсѣмъ скрылось. Высоко въ воздухѣ жалобно пропискнула, какъ ребенокъ, какая-то птичка, и скоро голосъ ея затерялся гдѣ-то далеко въ невѣдомомъ шумѣ.

— Не къ добру, — проворчалъ старый кормщикъ, взглядываясь во что-то по направленію къ Соловкамъ. — На экое святое мѣсто да ратью идтить.

— Ты что, дядя, ворожишь?—спросилъ, подходя, тотъ стрѣлецъ, что служилъ у Стеньки Разина въ водоливахъ.

— Что! Зосима-Саватей осерчали—дуютъ.

— Что ты, дядя! За что они осерчали?

— А какъ же! На ихъ вить вотчину—на святую обитель ратью идемъ.

— По дѣломъ—не бунтуй.

Небо загремѣло ближе, и какъ-бы что то тяжелое, упавъ и расколовшись, покатилось по морю. Порывомъ вѣтра, неизвѣстно откуда сорвавшагося словно съ цѣпи, метнуло въ сторону полотняный наметъ и, потрепавъ въ воздухѣ, бросило въ воду. Монахъ, придерживая скуфейку, пряталъ подъ полу книгу, а воевода торопливо застегивалъ воротъ рубахи и крестился... „Святъ-святъ-святъ...“

Торрохъ! раскололось и обломилось, казалось, все небо надъ головами оторопѣлыхъ стрѣльцовъ; по-надъ моремъ, тамъ и здѣсь, пронеслись огненныя стрѣлы; снова разорвалось небо и хлынулъ дождь.

Всѣ кругомъ крестились, полной грудью втягивая посвѣжѣвшій, влажный воздухъ и выставляя подъ дождь разгорѣвшіяся головы и лица.

— Ай да важно! разлюли малина!—раздавались веселые голоса.

Кто-то запѣлъ по дѣтски: „дожжикъ-дожжикъ, припусти!...“ Одинъ

старый кормщикъ глядѣлъ сурово, заставляя судно поворачиваться лѣвѣе.

— Водоливы! къ плицамъ!—громко закричалъ онъ:—воду выливай!

Дѣйствительно, воды налило много. Кочи стали идти грузнѣе. Намокшее красное полотно съ Георгіемъ Побѣдоносцемъ болталось, какъ тряпка, тяжело хлеща по снастямъ. Вѣтеръ крѣпчалъ и вздымалъ море, которое, казалось, распухало, а мѣстами прорывалось и бѣлѣло тяжелыми брызгами. Бѣляки шли грядами, и кочи, сбившись съ перваго курса, тыкаясь въ бѣлые буруны носами, метались въ безпорядкѣ какъ щепки. Кое-гдѣ слышались испуганные голоса, рѣзкіе выкрики кормщиковъ.

Монахъ, упавъ на колѣни и ухватившись одной рукой за уключину, громко молился и вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ, когда его окатывало солеными брызгами: „Господи, спаси! Всесильный, не утопи! Пророкъ Іона! Пророкушка матушка!.. во чревѣ китовѣ“, безсвязно стоналъ онъ, поднимая правую руку къ небу, которое на него свирѣпо дуло и брызгало водой. Воевода, ухватившись обѣими руками за мачту, испуганно озирался, бормоча не то молитвы, не то заклинанья: „охте мнѣ! свѣты мои! Зосимъ-Саватей! соловецки! охте-хте!“ Стрѣлецъ, что служилъ у Стеньки Разина водоливомъ, торопливо сбрасывалъ съ себя сапоги, рубаху и порты, какъ бы собираясь броситься въ море и плыть, самъ не зная куда.

Одно судно, на которомъ еще недавно раздавалась пѣсня о „весновой службѣ“, потерявъ руль, отбилось въ сторону и перекидывалось съ гребня на гребень какъ пустое корыто. Другіе кочи также разбились врозь и то выскакивали на бѣлые гребни валовъ, то ныряли, болтая въ воздухѣ жалкими мачтами словно маленькими веретенами. Вѣтеръ завывалъ и взвизгивалъ, какъ бы силясь растрепать и оборвать ничтожныя снасти, которыя потому именно и не обрывались, что были слишкомъ ничтожны...

Еще разъ небесная пелена разодралась сверху до низу и треснулъ громъ: звякнулъ второй разъ еще рѣзче и заколотилъ по небу сотнями орудій.

На отбившемся и потерявшемъ руль суднѣ раздался отчаянный крикъ: „О-оо! православные! батюшки! спасите, кто въ Бога вѣруетъ!“

— Налягъ на гребки, братцы! съ Богомъ налягъ!—хрипло командовалъ кормщикъ воеводскаго судна, направляя ходъ его къ тому мѣсту, откуда неслись отчаянные крики.

Гребцы налегли всей грудью, то погружая весла глубоко въ пѣнящіяся волны, то скользя лопастями по бокамъ валовъ. Судно вздрагивало, то тыкалось въ воду носомъ, то западало кормой, такъ что кормщикъ, казалось, правилъ свое судно на водяную, перекатывающуюся гору. Судно, потерявшее руль, видимо потопало: края его чуть замѣтно чернѣли въ пѣнящихся бурунахъ, и только виднѣлись руки, протягивавшіяся къ небу, словно разсвирѣпѣвшее небо собиралось бросить имъ спасительныя веревки, а на мачтѣ и на снастяхъ отчаянно бились тѣ, которые искали спасенья повыше отъ зіяющей и клокочущей бездны.

Не успѣло воеводское судно настигнуть погибавшее, какъ послѣднее совсѣмъ захлестнуло темно-зеленымъ съ бѣлымъ гребнемъ буруномъ. Руки,

тянувшіяся къ небу, разомъ упали и замололи на клокочущей поверхности моря, то подымаясь, то исчезая въ водѣ.

— Кидай причалы! подавай концы, дѣтушки!—не выпуская изъ рукъ руля, повелительно и съ мольбою кричалъ старый поморъ-кормщикъ.

Взвились въ воздухѣ, разматываясь и кружась волчкомъ, бичевы и веревки и упали въ воду въ томъ мѣстѣ, гдѣ потопавшіе боролись съ волнами, блѣдные, съ исказившимися отъ ужаса лицами. Иной видимо съ отчаяніемъ и злобой погибающаго отбивался отъ топившаго его, не умѣвшаго плавать и держаться на водѣ сосѣда. Иныя руки хватались за веревки, другія, безнадежно поколотивъ воду, исчезали совсѣмъ подъ нею. Болѣе умѣлые и сильные боролись съ волнами сами и плыли къ спасительному судну.

— Православные, спасите Киршу! полуголовѣ помогите, батюшки!— взмолился воевода, забывъ свой собственный страхъ.

А Кирша, стрѣлецкій полуголова, взобравшись на мачту потонувшаго и уже скрывшагося подъ водою судна и чувствуя, что сама мачта опускается все ниже и ниже, умолялъ сиплымъ голосомъ:

— Православные! отцы мои! не покиньте! тону!

Набѣжавшимъ буруномъ тряхнуло мачту, руки Кирши скользнули по мокрому дереву, и онъ, поднявъ руки къ небу, исчезъ подъ водою.

— Господи! помяни во царствіи раба... Господи!—съ ужасомъ шепталъ воевода, безумно озираясь.

— Да, прогнѣвались на насъ святые угоднички Зосима-Саватей, за то, что мы хотимъ ихъ святую обитель разорить,—твердилъ старый кормщикъ.— Преподобные, помилуйте!

II.

Черный соборъ и посолъ Кирша.

На другой день послѣ грозы и бури—стояло чудное лѣтнее утро. Море, наканунѣ всколыхнувшееся мгновенно налетѣвшею бурею и размставшее стрѣлецкую флотилію, теперь снова улеглось на покой и казалось еще голубѣе, чище и привѣтливѣе, чѣмъ было до бури. Островъ — святая вотчина преподобныхъ Зосима и Савватія — съ темною зеленью, иглистыми лѣсами и рѣзко очерченными берегами, у которыхъ кружились, рѣяли въ прозрачномъ воздухѣ, плакали и выпискивали на разные голоса чайки, мартыны-рыболовы и острохвостые стрижи, казалось, радостно тянулся къ небу своими церквами и башнями, словно такъ и вышедшими, какъ изъ купели, изъ голубой морской пучины. Спасшіеся отъ потопленія стрѣлецкіе суда-большаки и кочи тихо, едва замѣтно колыхались у берега на поверхности глубокой соловецкой губы, красиво окаймленной зеленью и сѣрыми, поросшими мохомъ камнями.

Но въ самомъ монастырѣ было неспокойно. Во всей святой обители господствовала необычайная тревога. Монастырскія ворота и всѣ входы

и выходы были заперты. По стѣнамъ ходили часовые съ ружьями, зорко слѣдя за тѣмъ, что дѣлалось на берегу, около стрѣлецкихъ кочей, и прислушиваясь къ смутному говору и смятенію, господствовавшимъ въ стѣнахъ обители. Соборный колоколъ, разнося гулъ далеко по острову и по морю, не то билъ сполохъ, не то созывалъ черный соборъ — всю братію и богомольцевъ, священниковъ и діаконовъ, соборныхъ старцевъ и братію рядовую и больничную, монастырскихъ служекъ и трудниковъ, служилыхъ людей, усольцевъ и всѣхъ православныхъ христіанъ. Въ то же время пушкари монастырскіе по башнямъ и бойницамъ чистили и заряжали нарядъ—пушки и пищали затинныя. Монастырскіе голуби, которымъ такъ привольно жилось въ монастырѣ на всемъ готовомъ, и сизые, и бѣлые волохатые, и глинистые, рудожолтые, и турмана всѣхъ цвѣтовъ и „въ штанцахъ", бѣлоглазыя глуповидныя галки, космополиты воробьи и и стрижи, охотники до всего высокаго и грандіознаго—до высокихъ церквей и грандіозныхъ скалъ, — всѣ эти пернатые отшельники и пѣвчіе, выпугнутые изъ своихъ келій-гнѣздъ необычнымъ движеніемъ, звономъ и суетнею на стѣнахъ и башняхъ, шумно кружились надъ монастыремъ и кричали на всѣ птичьи голоса, не зная гдѣ присѣсть и что думать о суетившейся черной братіи, забывшей даже сегодня посыпать зерна и крошекъ для своей крылатой скромной братіи. Одинъ особенно любимый черною братіею глинистый турманъ „въ штанцахъ", видя общую суматоху и принявъ ее сглупу за общее торжество, такіе выдѣлывалъ въ воздухѣ кувырки, что Исачко Воронинъ, сотникъ и стратигъ всего монастырскаго воинства, зарядивъ на монастырской стѣнѣ послѣднюю затинную пищаль, такъ залюбовался на воздушные кувырки любимаго монастырскаго голубя и такъ задралъ свою бородатую голову къ небу, на этого сорванца птицу, что чуть не опрокинулся со стѣны.

На звонъ колокола изъ всѣхъ монастырскихъ келій, словно черные тараканы изъ щелей, посыпала черная братія—изъ пекаренъ и трапезъ, изъ прядильныхъ и дубильныхъ избъ, изъ страннопріимныхъ и больничныхъ домовъ и изъ схименныхъ конурокъ. Все это, какъ пчелы, гудѣло и торопливо, насколько могло, направлялось къ собору, на площадкѣ у котораго уже виднѣлась старшая монастырская братія, отцы строители и рядители—архимандритъ Никаноръ, необыкновенно большебровый и горбоносый старикъ, келарь Наѳанаилъ, кругленькій и пузатенькій старичокъ съ краснымъ носомъ и бородкою въ видѣ двухъ клоковъ немытой овечьей шерсти, отецъ Геронтій, сухой и длинный какъ сыромятный кнутъ чернецъ, съ лицемъ испостившагося „мурина", городничій старецъ Протасій—остробородый съ плутоватыми глазами постный ликъ. Тутъ же и мірскія лица—сотникъ Исачко, уже сошедшій со стѣны, и сотникъ же кемлянинъ Самко: первый—косой на оба глаза, но необыкновенно мѣткій пушкарь съ вздернутыми носомъ и бородою, второй—съ покляпымъ носомъ рыжій мужикъ съ рыжею, широкою какъ лопата, бородою.

Тутъ же въ кругу стоялъ и стрѣлецкій полуголова Кирша, котораго

наканунѣ мы видѣли на мачтѣ погибшаго судна. Кирша не утонулъ: онъ погрузился было въ море, но его зацѣпили багромъ за кафтанъ и спасли. У Кирши въ рукахъ какая-то бумага. Рядомъ съ нимъ — тотъ монашекъ съ козелковой бородкой, что читалъ на морѣ воеводѣ книгу о преставленіи государя и великаго князя Василія Ивановича.

Сборище у соборнаго круга увеличивалось съ каждою минутой. Сошлись не только монастырскіе жители, но пришедшіе издалека, изъ всѣхъ концовъ московскаго государства богомольцы и богомолки—изъ Архангельска, изъ Москвы, Сибири, съ Дону, Волги и даже изъ черкаской земли. Былъ тутъ и галанскій нѣмецъ изъ Амбурха града, имѣвшій торговый домъ въ Архангельскѣ и часто наѣзжавшій въ Соловки для покупки у братіи поташу, смолы и рыбьяго зуба: это былъ бритый, круглощекій, съ голубыми глазами за пивною слюдой, нѣмецъ, и звали его Каролусомъ Каролусовичемъ. Каролусъ Каролусовичъ тоже пришелъ полюбопытствовать, по какому случаю такой сборъ въ монастырѣ. Вмѣстѣ съ нимъ и съ семействомъ архангельскаго купца Неупокоева, пріѣхавшимъ поклониться соловецкимъ угодничкамъ, вышла къ собору и аглицкая нѣмка, мистрисъ Пристлей, давно жившая въ Архангельскѣ съ своимъ мужемъ, агентомъ одного лондонскаго торговаго дома, мистеромъ Пристлеемъ, и извѣстная всѣмъ архангельцамъ подъ почетнымъ титуломъ аглицкой нѣмки Амалѣи Личардовны Прострѣловой. Это была высокая сухощавая женщина съ розовыми щеками, бѣлыми и выдающимися, какъ у кролика, зубами и глинистыми, какъ перья у голубя въ штанцахъ, волосами. Амалѣя Личардовна пріѣхала въ Соловки просто изъ любопытства, какъ туристка, посмотрѣть на это московитское, какъ ей казалось, Уэстминстерское аббатство. Въ долгое пребыванье въ Архангельскѣ она порядочно выучилась говорить по-русски, и была особенно хорошо знакома съ женою Неупокоева и его дочкою, семнадцатилѣтнею дѣвушкою Оленушкою, съ которыми теперь и пришла посмотрѣть на монастырское сборище и послушать, что тамъ будетъ.

Когда они пришли къ сборищу, то увидѣли, что какой-то широкоплечій съ срошимися бровями стрѣлецъ—это былъ Кирша—подалъ архимандриту Никанору какой-то свитокъ съ висѣвшею на шнуркѣ черною печатью, а тотъ, развернувъ свитокъ и повертѣвъ его въ рукахъ какъ что-то такое, которое не знаешь съ котораго конца и начать, передалъ въ руки сухому монаху съ лицомъ мурина—грамотѣю Геронтію.

Геронтій развернулъ свитокъ, нагнулся къ печати, какъ бы обнюхивая ее, выпрямился какъ смоленый шестъ, кашлянулъ словно изъ бочки и тоже словно бы изъ бочки началъ что-то читать. Сначала ничего нельзя было разобрать, кромѣ отдѣльно выкрикиваемыхъ словъ—„сіе наше"... „со-со-соборное посланіе"... „и завѣщаніе"... „предаемъ и повелѣваемъ неизмѣнно хранити"... „и по... и поко... и покорятися святѣй во-восточнѣй церкви..." Далѣе отецъ Геронтій овладѣлъ трудностями дьяческой съ завитками каллиграфіи, и изъ бочки потекли плавно страшныя слова.

— „Аще ли мя кто не послушаетъ повелѣваемыхъ отъ насъ и не поко-

рится святѣй восточнѣй церкви и священному собору, или начнетъ прекословити и противлятися намъ,—гремѣло на весь черный соборъ, — и мы таковаго противника, данною намъ властію отъ святаго и животворящаго Духа—аще будетъ отъ освященнаго чина — извергаемъ и обнажаемъ его всякаго священнодѣйствія и благодати, и проклятію предаемъ...“

При словѣ „проклятіе“ сдержанный ропотъ прошелъ по собору. Всѣ груди, повидимому, тяжело дышали. Всѣ усиленно, мучительно-напряженно вслушивались въ читаемое и едва ли многое понимали: понимали только одно— „проклятіе:“ кто-то кого-то проклиналъ... кого же, какъ не ихъ, черную смиренную братію, братію рядовую, служекъ и трудниковъ?.. а за что?.. Вонъ какія мозоли они понатерли на своихъ грубыхъ ладоняхъ, работая на святыхъ угодничковъ Зосимъ-Саватѣя... А ихъ проклинаютъ... Трудно дышитъ братія — слышно даже это усиленное дыханіе... Иные не то скорбно, не то укоризненно качаютъ поникшими головами...

У отца Никанора ходенемъ ходятъ большія брови, а лицо все болѣе и болѣе краснѣетъ. Старецъ Протасій, оглядывая исподлобья черную братію, глубоко вздыхаетъ. Одинъ Исачко сотникъ коситъ своими глазами на Киршу стрѣльца и какъ бы хочетъ сказать: „а попробуй —мы тѣ покажемъ Кузькину мать...“ „Аще же отъ мірскаго чина,—продолжаютъ вылетать слова изъ сухой бочки, — отлучаемъ и чужда сотворяемъ отъ Отца и Сына и Святаго Духа, и проклятію и анаѳемѣ предаемъ, яко еретика и непокорника, и отъ православнаго всесочлененія и стада и отъ церкви Божія отсѣкаемъ яко гнилъ и непотребенъ удъ, дондеже вразумятся и возвратится въ правду покаяніемъ“.

Отецъ Геронтій передохнулъ и поправилъ на вискахъ и на лбу волосы, потому что и на вискахъ проступалъ потъ. Отъ волненія и натуги свитокъ дрожалъ въ его рукахъ и печать на шнурѣ колыхалась. Сотникъ Исачко отъ скуки—онъ человѣкъ ратный и письмо не его дѣло—его дѣло зелье нарядное да пищаль затинная—Исачко выслѣдилъ надъ монастыремъ своего любимца голубя, турмана въ штанцахъ, и искоса опять поглядывалъ на его отчаянные кувырки въ воздухѣ.

— Чти дале — на нѣтъ чти,—нетерпѣливо и дрожащимъ голосомъ понукнулъ архимандритъ.

— „Аще ли кто не вразумится,—продолжалъ отецъ Геронтій,—и не возвратится въ правду покаяніемъ и пребудетъ въ упрямствѣ своемъ до скончанія своего—да будетъ и по смерти отлученъ и непрощенъ, и часть его и душа со Іудою предателемъ и съ роспеншими Христа жидовы и со Аріемъ и съ прочими проклятыми еретиками — желѣзо, каменіе и древеса да разрушатся и да растляется, и той да будетъ неразрѣшенъ и не разрушенъ и яко тимпанъ бряцаяй во вѣки вѣковъ—аминь!“

Многіе стояли блѣдные, дрожащіе. Одни робко, недоумѣвающе поглядывали другъ на друга, другіе съ какою-то робкою мольбою смотрѣли на стараго архимандрита. Отецъ Никаноръ—старъ, бывалъ человѣкъ, живалъ и на Москвѣ, и архимандричилъ въ Саввиномъ монастырѣ, и на глазахъ

у царя бывывалъ, и царь его жаловалъ. Что-то онъ, отецъ Никаноръ, скажетъ? Али такъ-таки всѣхъ и выдастъ головой анаѳемѣ? Али на нихъ и закона нѣтъ? А Никаноръ стоитъ, заряженный, какъ затинная пищаль. Губы его дрожатъ. Онъ вспоминаетъ, какъ въ Москвѣ, лѣтъ пять тому назадъ, принудили его покориться собору, отречься, отплеваться отъ двуперстія и сугубой аллилуіи, пасть сметіемъ и прахомъ подъ позѣ Никона... И стыдъ за прошлый позоръ, и поздняя злость на свою тогдашнюю слабость потокомъ гнали его старую, но кипучую еще, кровь отъ сердца къ пунцовымъ щекамъ, къ глазамъ... „Вонъ Аввакумъ протопопъ, не убояся собора нечестивыхъ и пребысть крѣпокъ, аки адамантъ и яко скала нерушимъ..."

Оленушка, взглянувъ на Никанора, испуганно прижалась къ матери. Ея синіе, какъ морская вода подъ яркимъ солнцемъ, длинные глаза расширились и потемнѣли.

— А что дале—послѣ аминя?—рѣзко вдругъ спросилъ Никаноръ.

— Послѣ аминя, скрѣпа дьяка патріарша приказа,—отвѣчалъ Геронтій.

Никаноръ, взявъ изъ рукъ его свитокъ и обведя глазами соборъ, выпрямилъ свое старое тѣло. Онъ видѣлъ, что грамата съ проклятіемъ произвела удручающее впечатлѣніе на всю братію и даже на ратныхъ людей, преданныхъ монастырю, между которыми, кромѣ мѣстныхъ поморовъ и усольцевъ, находилось нѣсколько донскихъ казаковъ, послѣ пораженія Стеньки Разина перекинувшихся съ Волги на Бѣлое море, на службу къ соловецкимъ старцамъ, ибо Стенька не разъ говаривалъ своимъ удалымъ молодцамъ, что и онъ когда-то былъ въ Соловцахъ и маливался соловецкимъ угодникамъ. Никаноръ всего болѣе боялся, чтобы ратные люди, подъ страхомъ анаѳемы, не покинули монастыря на произволъ судьбы, и потому сразу рѣшилъ, что ему дѣлать. Онъ подошелъ къ Киршѣ, какъ къ посланцу царскаго воеводы, и сталъ такъ, чтобы его видѣли ратные люди, особенно сотники Исачко и Самко.

— Ты почто присланъ къ намъ?—спросилъ онъ громко посланца.

— Присланъ я съ граматой, — отвѣчалъ Кирша, поводя сросшимися бровями.

— Мы вычли оное безлѣпичное лаяніе патріарша дьяка и то бреханье на вѣтеръ пустили. По что жъ еще ты присланъ къ намъ?

— Присланъ я,—заговорилъ Кирша по заученному, — отъ воеводы Ивана Мещеринова, чтобъ вы, соборная и радовая братья, добили челомъ великому государю...

— А потомъ что?

— Чтобъ принесли великому государю вины свои...

Никаноръ перебилъ его, схвативъ за руку.

— Винъ за нами передъ великимъ государемъ нѣтъ и не бывывало и добивать намъ челомъ великому государю не по что, окромѣ какъ молиться за его государское здоровье—и мы то дѣлаемъ,—скороговоркою проговорилъ онъ. — Поди и доложись о семъ твоему воеводѣ... Слыхалъ?

— По указу его царскаго пресвѣтлаго величества,—какъ бы не слушая

его, продолжалъ Кирша,—воевода приказалъ вамъ монастырь отпереть и государевыхъ ратныхъ людей принять съ честію.

Никаноръ окончательно вспылилъ.

— Али твой воевода царскимъ словомъ торговать сталъ!—закричалъ онъ. — Али пресвѣтлое царское слово можетъ исходить изъ такого поганаго смердьяго рта, какъ у твоего воеводы? Али у великаго государя бумаги и чернилъ не достало, чтобы слово его пресвѣтлое всякими пьяными глотками въ кабакахъ выкрикивалось? А! такъ что ли?

Озадаченный Кирша не зналъ, что отвѣчать. Онъ догадался, что воевода сдѣлалъ оплошность.

— Говори!—приставалъ къ нему Никаноръ.—Какъ твой воевода смѣлъ украсть царское слово? Али онъ не знаетъ, что царское слово, какъ и словеса Господа нашего Іисуса Христа, либо въ церкви, какъ святое евангеліе, должны возглашаться, либо царскою грамотою, по титулѣ, объявляться? А! такъ вы этого не знали!

По собору прошелъ ропотъ ободренія. Головы поднялись увѣренно, блѣдность сбѣжала съ лицъ. Исачко смѣло и дерзко измѣрялъ своими косыми глазами Киршу, какъ бы вызывая его на немедленную потасовку. Послышались выкрики: „Али на нихъ и суда нѣту!“—„Али они и впрямь своимъ дурномъ наше доброе извести хотятъ!“ — „Чего ихъ слушать! воровство ихъ знамое!“

Кирша стоялъ какъ притравленный звѣрь, озираясь по сторонамъ. А прибывшій съ нимъ монашекъ испуганно топтался на мѣстѣ, точно выглядывая норку или скважинку, въ которую можно было бы юркнуть.

Въ это мгновенье въ самую середину круга протискался какой-то оборванецъ съ длинными, какъ у простоволосой бабы, никогда нечесанными пасмами волосъ, падавшими ему на худое, аскетическое лицо и на плечи. Оборванецъ былъ босикомъ, въ одной, чужой, повидимому, рубахѣ, которая была слишкомъ длинна для него. Изъ-подъ рубахи виднѣлись голыя, худыя какъ щепки икры ногъ. На шеѣ у него, какъ у цѣпной собаки, висѣла и при движеніи звякала тяжелая цѣпь, замкнутая большимъ замкомъ у горла, ключъ отъ котораго былъ брошенъ въ море. Оборванецъ держалъ въ рукахъ старую скуфейку, въ которой, скукожившись въ комочки, спали еще не оперившіеся, съ золотымъ пушкомъ, голубиные выводки. Оглянувъ кругъ и нагнувши свою косматую голову подобно барану, собирающемуся драться, онъ затопалъ ногами и припрыгивая запѣлъ дѣтскимъ голосомъ:

„Бушка-баранъ,
Не ходи по горамъ,
Убьютъ тебя —
Не пеняй на меня“.

Многіе вопросительно и испуганно переглянулись. Монастырь давно привыкъ къ разнымъ выходкамъ и причудамъ своего юродиваго: но всегда искалъ въ его словахъ чего-либо пророческаго, какого-либо иносказанія, и

иногда, конечно большею частью уже впослѣдствіи, когда какое-либо событіе совершалось, истолковывалъ ихъ въ пользу пророческаго провидѣнія своего юродиваго: „а вишь Спиря-то блаженный предсказывалъ намъ это тогда, да мы-то, грѣшные, не уразумѣли его святыхъ словесъ“, говорили обыкновенно монахи, когда случалось что-либо неожиданное: — „вонъ тады, какъ съ Москвы намъ прислали книги съ трегубымъ алилуемъ да съ треперстіемъ, Спиря-то все намъ пѣлъ объ трехъ „люляхъ“ да объ „гуляхъ“:

Люли-люли-люли,
Прилетѣли гули.

... „Анъ стрѣльцы-то и были эти „гули“ самые, а намъ, глупымъ, и невдомекъ; а „люли“-то была сама трегубая алилуя“.

Такъ и теперь „бушка-баранъ“— это былъ не просто баранъ, а кто-либо другой: либо монастырь, либо стрѣльцы, что̀ подъ монастырь пришли. „Не ходи, бушка, по горамъ—убьютъ тебя:“ это что-то очень страшное. Кого божій человѣкъ предостерегаетъ этимъ: братію ли, посланца ли этого? —кому быть убитымъ? Эти тревожные вопросы возникали въ душѣ каждаго. Однимъ казалось, что Спиря грозитъ посланцу, даже въ него и лбомъ уперся; а другіе ясно видѣли, что онъ будто бы показывалъ видъ, что бодаетъ отца архимандрита Никанора.

— Гулюшки-гули,—забормоталъ вдругъ юродивый, нагибаясь къ своей стуфейкѣ: а! проснулись, дѣтки, ѣстушки захотѣли.

Птенцы дѣйствительно подымали свои пушистыя съ неуклюжими ртами головки и, видимо, искали пищи. Юродивый тутъ же сѣлъ наземь, вынулъ изъ сумочки, что висѣла у него черезъ плечо, горсть зеренъ, положилъ ихъ себѣ въ ротъ, пожевалъ и пригнулся лицомъ къ скуфьѣ. Птички широко раскрыли красные рты и сами полѣзли головками въ ротъ юродиваго.

Архимандритъ Никаноръ, озадаченный было сначала появленіемъ юродиваго и его загадочными словами, скоро пришелъ въ себя, и, обведя соборъ своими волосатыми бровями, обратился къ Киршѣ съ угрожающимъ жестомъ.

— Поди скажи твоему воеводѣ, чтобъ онъ убирался по добру-по здорову: обитель преподобныхъ Зосимы-Савватія—не Петровское кружало.

Кирша выпрямился.

— Такъ это вы постановили?—спросилъ онъ глухо.

— Постановили и на томъ стоимъ,—отвѣтилъ Никаноръ.

— Такъ мы васъ добывать станемъ, какъ государевыхъ измѣнниковъ,— рѣзко сказалъ Кирша.

— Добывать?

Никаноръ обернулся и показалъ рукою на монастырскую стѣну. На стѣнѣ въ разныхъ мѣстахъ чернѣлись пушки, около которыхъ стояли пушкари.

— Видишь—каковы у насъ галаночки?

— Видимъ-ста: и у насъ такихъ тетокъ довольно, погорластѣе вашихъ будутъ.

— Что онъ похваляется своими тетками!—возразилъ Геронтій.—Намъ не впервой спроваживать ихъ; али не Игнашка Волоховъ сломалъ зубы объ наши стѣны?

— Да и Іевлевъ Корнилко ни съ чѣмъ ушелъ,—замѣтилъ Никаноръ,—обитель-то преподобныхъ Зосимъ-Савватія крѣпонька живетъ—самъ святитель Филиппъ, митрополитъ московскій, стѣнки тѣ выводилъ.

— Что съ нимъ разговаривать, — послышалось въ толпѣ: — шелепами его!

— Вонъ изъ обители! вонъ нечестью! а то и на чепи посидите,—подхватили голоса.

Кирша видѣлъ, что его посольство кончено. Онъ поклонился Никанору и надѣлъ шапку.

— Долой шапку! Али не видишь гдѣ ты? Ты передъ чернымъ соборомъ!—загалдѣла черная братія.

Кирша повиновался, снялъ шапку и направился къ монастырскимъ воротамъ. За нимъ подтюпцемъ поспѣшалъ согнувшійся монашекъ. Городничій старецъ Протасій, у котораго на поясѣ висѣлъ огромный ключъ, направился къ воротамъ; сотники Исачко и Самко послѣдовали за посланцами. Старецъ Протасій отперъ одну четвертную складку массивныхъ желѣзныхъ воротъ и, пропустивъ Киршу и монашка, снова заперъ монастырскую твердыню.

Скоро рослая фигура Исачки вырисовалась на вершинѣ стѣны. Онъ стоялъ оборотясь къ морю и грозилъ кому-то кулакомъ.

III.

Отбитый чернецами „воронъ".

— Богъ въ помочь тебѣ, человѣче божій,—сказала Неупокоиха, смиренно подходя къ Спирѣ и низко кланяясь ему.—Благослови насъ грѣшныхъ да помолись твоими святыми молитвами о здоровьи рабовъ божіихъ — меня, рабы божьи Акулины, да рабы божьи Олены, да раба божья Остафя.

При этомъ Неупокоиха положила передъ Спирей золотую монету. Спиря въ это время сидѣлъ на нижней ступенькѣ соборнаго крыльца и игралъ съ своими птичками. Онъ молча посмотрѣлъ на купчиху своими сѣрыми живыми глазами, глубоко запавшими, потомъ перенесъ ихъ на Оленушку, которая робко взглянула не него и потупилась, готовая повидимому заплакать—такъ дрожали ея губы и щеки подернулись алой краской, какъ передъ слезами. По лицу и по глазамъ юродиваго пробѣжалъ свѣтъ и тотчасъ же какъ бы отлетѣлъ, а лицо подернулось туманомъ.

Молча полѣзъ онъ въ свою сумку и, пошуршавъ тамъ чѣмъ-то, вынулъ оттуда... Оленушка чуть не вскрикнула при видѣ того, что онъ вынулъ; а мать ея испуганно перекрестилась... Юродивый вынулъ изъ своей

сумки человѣческій черепъ. Это былъ желтый, потемнѣвшій костякъ, который вѣроятно очень долго лежалъ въ землѣ. Спиря долго смотрѣлъ на него, тихо качая косматой головой, потомъ снова перенесъ свой взглядъ на Оленушку. Теперь въ этомъ взглядѣ теплилось что-то доброе.

— Видишь это, раба божья Олена? — спросилъ онъ, обращаясь къ дѣвушкѣ.

Та стояла молча и дрожала, прижимаясь къ матери. Расширившіеся отъ испуга глаза готовы были брызнуть слезами. Нижняя губа сложилась въ плаксивую складку.

— Видишь, Оленушка?—переспросилъ юродивый ласковѣе.

Молчитъ испуганная дѣвушка. Не менѣе испуганная мать хватаетъ ее за руку.

— Говори... молви словечко, дитятко... Говори божьему человѣку: вижу-молъ,—бормотала она.

— Вижу,—чуть слышно прошептала дѣвушка.

Юродивый замоталъ головой, взглянулъ на солнце, которое высоко стояло надъ монастырской оградой, снова перенесъ глаза на черепъ, перекрестилъ его, поцѣловалъ и опять остановилъ свой взглядъ на смущенномъ лицѣ дѣвушки.

— А она была похожа на тебя,—сказалъ отъ тихо:—только у нея глаза были черные, что крупный торнъ, а у тебя вонъ сини... Да она жъ была грѣшница, а ты—чистая отроковица.., Молись же объ ея душенькѣ—объ рабѣ божьей Анастасеѣ... Будешь молиться?

— Буду,—прошептала Оленушка, и вдругъ заплакала.

— Что ты! что ты, дитятко! — утѣшала ее мать: — божій человѣкъ тебѣ святое слово сказалъ, что жъ плакать? И я буду молиться объ рабѣ божьей Анастасеѣ, — говорила она, повидимому, совсѣмъ успокоенная.—Кто жъ она была—Анастасея-то?

— Гулюшки—гули, — заговорилъ юродивый, не отвѣчая на вопросъ и обращаясь къ своимъ птенцамъ.—Ишь, воръ—отнялъ у васъ матушку.

— А они сиротки?—участливо спросила Неупокоиха.

— Ихъ матушку-голубку Никонъ съѣлъ,—отвѣчалъ юродивый.

— Какой Никонъ, батюшка?

— Воръ, ястребъ.

— Ахъ, бѣдны сироточки!

Юродивый, вспомнивъ о червонцѣ, который положила у его скуфьи Неупокоиха, взялъ его и возвратилъ ей.

— Отдай сей соръ — сметіе тѣмъ, у кого хлѣбца нѣтъ, — сказалъ онъ:—пущай помянутъ рабу божью Анастасею.

Въ это время подошла къ нимъ аглицкая нѣмка Амалѣя Личардовна. Увидавъ ее, Спиря торопливо схватилъ свою скуфейку съ птичками и побѣжалъ, испуганно оглядываясь и бормоча: „чуръ-чуръ-чуръ!.. бѣсъ во образѣ нѣмки... бѣсъ съ курьими лапками...“

— Это дурачекъ, матушка?—спросила она Неупокоиху.

— Нѣтъ, матушка Амалѣя Личардовна: онъ—юродивый, уродъ Христа-ради,—отвѣчала та.

— Такъ шутъ?

— Нѣту, матушка, не шутъ—помилуй Богъ! — испуганно заговорила набожная купчиха:—онъ божій человѣкъ, святой. Что ты!

— А у насъ въ аглицкой землѣ таковыхъ юродивыхъ нѣтъ, и есть токмо шуты—и они бываютъ умны гораздо,—настаивала аглицкая нѣмка, которая хотя и давно жила въ Россіи, а все еще многія стороны жизни поражали ее.

— Нѣту—нѣту, родимая, то шуты—особа статья: то у насъ скомрахи, гудошники, бражники, а то уроди Христа-ради!

Амалѣя Личардовна невольно вспомнила свою далекую родину. Вспомнила, какъ она, еще дѣвушкой, въ первый разъ увидала своего будущаго жениха въ театрѣ, и именно когда играли объ одномъ несчастномъ старомъ королѣ, котораго называли Лиромъ и у котораго были три дочери. Тамъ она видѣла на сценѣ и шута—такого же юродиваго... А здѣсь въ московской землѣ ничего подобнаго нѣтъ... И она невольно вздохнула, взглянувъ на солнце: и солнце здѣсь не такое—не такъ ходитъ какъ въ ея родной аглицкой землѣ—такъ низко ходитъ московское солнце...

— У насъ въ аглицкой землѣ я таковаго шута видала на theatre,—сказала она, обращаясь къ Оленушкѣ.

— На чемъ? — съ любопытствомъ спросила дѣвушка, которая уже много диковиннаго и непостижимаго слышала отъ Амалѣи Личардовны.—На чемъ говоришь?

— На theatre, Оленушка,—отвѣчала аглицкая нѣмка. — Да я ужъ тебѣ сказывала о theatre.

— А! помню — помню... Это домъ такой, палата большая, аки бы церковь, а въ ней люди сидятъ на скамьяхъ, да другъ надъ дружкой, высоко, ряда въ четыре, сидятъ и глядятъ на дѣйство: выйдетъ это аки-бы король, либо королева, либо принецъ — и говорятъ, говорятъ, либо подерутся нарочно, а то женихъ съ невѣстой выдутъ — то-жъ говорятъ о своемъ сердцѣ... Ахъ, кабы мнѣ посмотрѣть на все это!

— Что ты! что ты, непутевая! — остановила ее мать:—въ экомъ-то святомъ мѣстѣ да объ скомрахахъ... Вонъ и у насъ на святкахъ хари надѣваютъ да наряжаются—кто козой, кто медвѣдемъ, кто бѣсомъ—тьфу! не къ мѣсту бы сказать—грѣхъ какой!

Вдругъ что-то грохнуло такъ, что всѣ вздрогнули. Неупокоиха даже присѣла отъ испугу. Оглядѣвшись, увидѣла, что въ одномъ мѣстѣ надъ монастырской стѣной клубился дымъ. Сотникъ Исачко стоялъ около пушки, надъ которой и подымался, тая въ воздухѣ, бѣлый дымъ, и смотрѣлъ куда-то въ зрительную трубку. Въ другихъ мѣстахъ на стѣнѣ тоже суетились ратные люди. Изъ келій торопливо выходили монахи, тревожно посматривая на стѣны.

— Пушкари къ наряду! по мѣстамъ!—раздался зычный голосъ Исачки.

— Пушкари по мѣстамъ!—повторилась та же команда гдѣ-то въ воротной башнѣ—это распоряжался сотникъ Самко.

Почти въ одно мгновенье передовая монастырская стѣна усыпана была ратными людьми. Скоро на стѣнѣ показались священники въ облаченіи и монахи. Въ воздухѣ заблестѣли золотые и серебряные оклады иконъ, несомыхъ по монастырской стѣнѣ. Церковныя хоругви, возвышаясь почти наравнѣ съ башнями, вѣяли въ воздухѣ какъ крылья и скрипѣли огорліями. Впереди процессіи шелъ Никаноръ въ архимандричьемъ облаченіи и митрѣ, искрившейся дорогими камнями и бурмицкимъ жемчугомъ, и осѣняя серебрянымъ распятіемъ пушки и ратныхъ людей, кропилъ направо и налѣво святою водой. Что-то чарующее, поражающее представляло эта картина, гдѣ, казалось, всю воинствующую рать составляли черные клобуки. Со стѣны неслось пѣніе нѣсколькихъ сотъ голосовъ, большею частью старыхъ, жалкихъ, дребезжащихъ, какъ ослабѣвшія струны гуслей, но ихъ подхватывали и молодые, сильные голоса, разносившіеся далеко по взморью чѣмъ-то глубоко трогательнымъ и печальнымъ. Казалось, древняя священная обитель отпѣвала себя заживо и кропила святою водою свою собственную могилу. И надъ всѣмъ этимъ — стаи вспугнутыхъ голубей, и выше всѣхъ въ глубокой синевѣ слабо поблескиваетъ бѣлыми крыльями общій монастырскій любимецъ—бѣлый турманъ „въ штанцахъ“.

А тамъ, внизу, на морѣ, на голубой поверхности залива тихо покачивались суда, привезшія ратныхъ людей, собиравшихся громить святую обитель. Кровавымъ пятномъ горѣлъ на солнцѣ красный флагъ воеводскаго судна. А еще ближе, по берегу, краснѣлись цѣлыя кровавыя полосы: это — красные кафтаны стрѣльцовъ, которые, перенявъ у нѣмцевъ нѣкоторыя воинскія хитрости, шли нога въ ногу, поблескивая ружьями. Впереди несли тяжелый зеленый стягъ съ золотыми кистями. За ними медленно двигались, скрипя и покачиваясь въ воздухѣ, какія-то чудовища въ родѣ висѣлицъ на толстыхъ колесахъ: то были „тараны“ — стѣнобитныя орудія, которыми предназначалось разбить въ щебень стѣны, сложенныя когда-то руками самого Филиппа, святителя московскаго, во время его печальнаго изгнанія. За таранами чернѣлись пушки, которыя стрѣльцы везли на себѣ, лямками. Подъ зеленымъ стягомъ грузно переваливалась массивная фигура, сверкая шлемомъ и кольчугою: это былъ самъ воевода, холопъ его пресвѣтлаго царскаго величества, Ивашка Мещериновъ.

Еще пѣніе на стѣнахъ не умолкло, какъ послышалась рѣзкая команда, еще никогда неслыханная пушкарями.

— Господи Исусе Христе сыне Божій—по-милуй насъ!—прозвучалъ по стѣнѣ голосъ Никанора.

— Аминь!—отвѣчали сотники.

И разомъ грянуло нѣсколько десятковъ пушекъ. Дымъ заволокъ стѣны, башни и самихъ пушкарей. Никаноръ осѣнялъ пушки крестомъ. Хоръ черной братіи послѣдними надорванными голосами грянулъ: „Спаси, Господи,

люди твоя!..“ Внутри монастыря послышались крики и отчаянные вопли богомольцевъ, которыхъ такъ неожиданно застигла страшная осада.

Исачко своими косыми глазами ясно видѣлъ, что пущенныя имъ ядра не долетѣли до стрѣльцовъ, взрывъ землю за нѣсколько десятковъ шаговъ впереди ихъ строя. Пушкари вновь зарядили пушки.

Никаноръ, весь красный, съ каплями пота, засѣвшими въ его волосатыхъ бровяхъ, ходилъ отъ пушки къ пушкѣ, кадилъ ихъ и пушкарей и кропилъ святою водой.

— Матушки мои! галаночки!—приговаривалъ онъ къ пушкамъ: — на васъ наша надежа—вы насъ обороните!

Дымъ ладона смѣшивался съ пороховымъ дымомъ. Пушкари, цѣлуя крестъ, снова кидались къ пушкамъ. Голосъ сухого Геронтія какъ боевая труба гремѣлъ среди плачущаго и взывающаго хора: „Спаси, Господи, люди твоя!..“ Вопли внутри монастыря раздирали душу.

— Стрѣляйте, дѣтушки, стрѣляйте!—кричалъ Никаноръ.—Да смотрите хорошенько въ трубки, гдѣ воевода: въ него, жирнаго, и стрѣляйте, дѣтки! Коли поразимъ пастыря, ратные люди разодуйтся, аки овцы.

Залпы слѣдовали за залпами, ядра взрывали землю и разбивали камни, а стрѣльцы все надвигались и все виднѣе и виднѣе вырисовывались желѣзныя головы стѣнобитныхъ орудій. Послѣдовалъ залпъ и съ той стороны. Ядра какъ громадныя орѣшины защелкали по монастырской стѣнѣ и съ визгомъ отскакивали назадъ, отбивая куски камней и глины.

— Въ стягъ-отъ, въ стягъ зеленый мѣти, Исачушко другъ! — молилъ Никаноръ:—тамъ воевода.

На стѣну вынесли запрестольный образъ покровителей монастыря. Далеко блеснула золоченая риза и золотые съ самоцвѣтными камнями вѣнцы вокругъ темныхъ ликовъ преподобныхъ Зосимы и Савватія.

Никаноръ упалъ передъ иконой.

— Святители! угоднички! не выдайте своей обители на поруганіе! — вопилъ онъ, ползая передъ иконой. — Гляньте-ко съ неба сюда! махните, погрозите перстами святыми на еретиковъ!

А ядра все гуще и гуще стучатъ въ стѣны, Исачко реветъ на своихъ пушкарей.

— Дайте, братцы!—закричалъ онъ:—дайте душу свою вмѣсто ядра и зелья засыплю въ матушку!

И онъ самъ зарядилъ пушку, самъ навелъ ее—и грянулъ.

Зеленое знамя упало словно подкошенное. Взрывъ радости огласилъ стѣны.

— Стягъ упалъ! стягъ подбили! — кричали пушкари. — Любо! любо! еще катай!

Никаноръ, раскосмаченный, безъ митры, которую держалъ служка, бросился кропить и цѣловать пушку, которая поубавила московскій стягъ.

— Спасибо, матушка, галаночка! еще угоди—въ воеводу угоди, родная!

Новые залпы разстроили передніе ряды стрѣльцовъ. Стѣнобитныя орудія остановились. Москвичи задумались.

Въ это время тамъ, гдѣ остановились стрѣльцы, чтобы, немного передохнувъ, снова двинуться на монастырь, справа, на пригоркѣ показалась человѣческая фигура. Неизвѣстный шелъ къ стрѣльцамъ и что-то показывалъ имъ, поднимая руки. Со стѣны скоро узнали его: это былъ Спиря, который показывалъ стрѣльцамъ свою скуфью съ птичками.

— Смотри-тко, братцы, Спиря!—закричали пушкари.—Ай-ай!

— Онъ и есть, братцы. Что онъ задумалъ?

Московскіе стрѣльцы видимо обратили вниманіе на этого страннаго человѣка. Всѣ глядѣли въ его сторону. Нѣкоторые побѣжали къ нему.

Въ это самое время слѣва, гдѣ росъ кустарникъ, какъ изъ земли выросли люди. Прикрываясь кустарникомъ, они приблизились на ружейный выстрѣлъ къ правому крылу московскаго отряда. И ихъ узнали съ монастырской стѣны.

— Братцы! да это наши тамъ съ казаками! — раздались радостные голоса.

— Наши, ай да молодцы! Въ засадъ пошли...

Дѣйствительно, то была небольшая партія донцовъ вмѣстѣ съ молодыми и старыми монахами изъ рядовой братіи, рыбаковъ и другихъ трудниковъ. Ярко оттѣнялись въ зелени кустарника черные клобуки и скуфьи.

И вдругъ изъ кустарника раздался ружейный залпъ. Московскіе стрѣльцы дрогнули отъ такой неожиданности: они сразу поняли, что это засада. Нѣкоторые изъ нихъ, пораженные пулями, упали. Въ этотъ моментъ и крѣпостныя пушки дали залпъ. Москвичи окончательно растерялись.

Никаноръ снова упалъ передъ образомъ Зосимы и Савватія, который все еще оставался на стѣнѣ. Въ старомъ мятежникѣ воскресла вся его молодая энергія, которая измѣнила ему въ Москвѣ, на соборѣ, гдѣ онъ постыдно, какъ казалось его фанатическому уму, отрекся отъ двуперстнаго сложенія и сугубой алилluіи. Этотъ стыдъ за прошлое горѣлъ у него на душѣ, жегъ его огнемъ: ему нужно было залить этотъ мучительный огонь совѣсти—и онъ поднялъ мятежъ во всемъ сѣверномъ Поморьѣ. Съ этимъ огнемъ въ душѣ онъ простирался теперь передъ иконой соловецкихъ покровителей, подъ громъ пушекъ.

— Святители! великіе угодники! перстомъ ихъ! опалите перстомъ ихъ вашимъ, аки молньею!—вопилъ онъ.

Потомъ, вскочивъ на ноги, снова бѣгалъ отъ пушки къ пушкѣ, кадилъ ихъ и кропилъ съ крикомъ:

— Матушки галаночки, не выдайте! родимыя, громите ихъ!

Косой Исачко и кемлянинъ Самко ревѣли не менѣе, распоряжаясь нарядомъ. Задымленные пороховой сажей, безъ шапокъ, то съ банникомъ въ рукѣ, то съ дымящимся фитилемъ, они были страшны. Пушкари не отставали отъ нихъ. Пушки накалились до того, что къ нимъ нельзя было дотронуться.

— Уходють еретики! уходють!—прошелъ по стѣнѣ радостный крикъ.

— На утекъ! на утекъ!—улю-лю-лю! улю-лю-лю.

— Святители!—съ радостными слезами стоналъ Никаноръ.

Черный хоръ съ ревущимъ Геронтіемъ во главѣ дребезжалъ разбитыми голосами и гнусѣлъ до самаго неба: „Взбранной воеводѣ побѣдительная, яко избавльшеся отъ злыхъ...“

— Хвалите Бога, отцы и братія! кричите до самаго престола Его!— Господи! Владыко всесильный!

Приступъ былъ отбитъ.

IV.

Сиротская свѣчечка передъ Господомъ.

Странное, удивительное то было время. Маленькій островокъ, едва замѣтный на картѣ, ничтожный огорбокъ, выползшій изъ подъ неизмѣримыхъ водъ сѣвернаго ледовитаго океана, крохотная песчинка среди песковъ морскихъ—Соловецкій монастырь отложился, ушелъ изъ подъ державы великаго неисходимаго московскаго государства — и московскій великій государь, съ божьею помощью подклонившій подъ свою превысочайшую державную руку всю Малую и Бѣлую Русію, и царство казанское, и царство астраханское, и царство сибирское со всею необъятною Сибирью, — великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Русіи, самодержецъ московскій, кіевскій, владимірскій, новгородскій, царь казанскій, царь астраханскій, царь сибирскій, государь псковскій, и великій князь литовскій, смоленскій, тверской, волынскій, подольскій, югорскій, пермскій, вятскій, болгарскій и иныхъ, государь и великій князь Новагорода низовскія земли, черниговскій, рязанскій, полоцкій, ростовскій, ярославскій, бѣлозерскій, удорскій, обдорскій, кондинскій, витебскій, мстиславскій и всея сѣверныя страны повелитель, и государь иверскія земли, карталинскихъ и грузинскихъ царей и кабардинскія земли черкаскихъ и горскихъ князей и иныхъ многихъ государствъ и земель восточныхъ, и западныхъ, и сѣверныхъ отчичъ и дѣдичъ и наслѣдникъ и государь и обладатель (таковъ былъ полный титулъ Алексѣя Михайловича, и за прописку хотя единаго слова въ этомъ титулѣ дьяка постигало обычное наказаніе—„бить батоги нещадно“) — и такой, повторяемъ, могущественный государь въ теченіе восемнадцати лѣтъ не могъ подклонить подъ свою державную руку этого отбившагося отъ великаго россійскаго стада ягненка. Да и не до того тогда было. Повторяемъ: то было странное, удивительное время.

Эпитетъ „тишайшій“, приданный Алексѣю Михайловичу его современниками и вполнѣ его характеризовавшій, совсѣмъ не подходилъ къ характеристикѣ его царствованія, полнаго бурныхъ событій. Онъ былъ кротокъ, набоженъ, со всѣми ласковъ, съ необыкновенно привязчивымъ сердцемъ. Онъ искренно любилъ Россію, свой народъ и всѣмъ сердцемъ желалъ ему

добра, счастія, благоденствія. Его голубиную душу глубоко цѣнили всѣ его приближенные, съ которыми онъ обходился съ отеческою нѣжностью, и если иногда и наказывалъ царедворцевъ за упущенія по службѣ — только не за злоупотребленія — то истинно по отечески: любимое его наказаніе было — купать бояръ въ пруду. Вотъ что онъ самъ писалъ объ этомъ своему стольнику, Матюшкину: „Извѣщаю тебѣ, што тѣмъ утѣшаюся, што стольниковъ купаю ежеутръ въ прудѣ. Іордань хороша сдѣлана, человѣка по четыре и по пяти и по двѣнадцати человѣкъ, зато: кто не поспѣетъ къ моему смотру, такъ того окунаю; да послѣ купанія жалую, зову ихъ ежеденъ, у меня купальщики тѣ ѣдятъ вдоволь, а иные говорятъ: мы-де нарокомъ не поспѣемъ, такъ-деи насъ выкупаютъ, да и за столъ посадятъ: многіе нарокомъ не поспѣваютъ...“ И царь доволенъ — тѣшится, и выкупанные царедворцы довольны — и ни одинъ не простужался, кушая въ мокрой одежѣ, развѣ что насморкъ схватитъ, который послабѣе... Да что тогда и за насморки были, когда безъ платка сморкались!.. Таковы были люди, таковы были у нихъ и нервы...

И это-то благодушное царствованіе благодушнѣйшаго и „тишайшаго“ государя оказалось самымъ бурнымъ, роковымъ для Россіи, государственно и духовно расколовшимъ ее надвое, на двѣ половинки, которыя доселѣ, черезъ два столѣтія, не могутъ спаяться воедино.

Что же это былъ за клинъ такой чудовищный, который расколол такое громадное, вѣковое дерево, какъ московское царство, расколол на двое отъ вѣтвей и вершины до корня? И гдѣ нашелся еще болѣе чудовищный обухъ, который вогналъ этотъ страшный клинъ въ вѣковой московскій дубъ, вогналъ такъ, что расщепилъ его надвое? Чья, наконецъ, была та богатырская рука, которая направила сокрушительный обухъ на московскій дубъ?

На эти страшные вопросы во вкусѣ безсмертнаго Іоанникія Галятовскаго можно отвѣчать только въ его вкусѣ—метафорически.

Великій клинъ, расколовшій московское царство, былъ — идея. Идея, въ какомъ бы видѣ она не входила въ государство, въ общество, въ семью — всегда входила клиномъ въ живое тѣло и расщепляла его: входила ли она въ видѣ живого слова, проповѣди, въ видѣ книги, въ видѣ знанія—она всегда и вездѣ одними усвоивалась и принималась, другими отрицалась. Принимали ее обыкновенно или почему либо равнодушные къ господствующимъ понятіямъ члены государства, общества и семьи, или же члены молодые, юные, для которыхъ господствующія понятія не стали еще дѣломъ привычки, чѣмъ-то дорогимъ, своимъ. Отсюда являлось раздвоеніе мнѣній въ государствѣ, въ обществѣ, въ семьѣ; отсюда расколъ въ обширномъ, историческомъ смыслѣ слова—раздѣленіе на „пріемлющихъ и на непріемлющихъ“, на людей „новыхъ“ и на людей „стараго порядка“. Этою идеею во время Алексѣя Михайловича была книга, и притомъ печатная, потому что въ Москвѣ завелась первая типографія, занесенная изъ Кіева, изъ того мѣста, откуда заносилось въ древнюю Русь все лучшее — хри-

стіанство, просвѣщеніе, печать. Прежде всего, конечно, нужно было напечатать самыя важныя, самыя необходимыя книги. А таковыми были книги богослужебныя. Начали печатать ихъ. Но съ какого оригинала наборщикамъ набирать ихъ? Надо было найти лучшіе, правильнѣйшіе оригиналы. Собрали ихъ. Стали свѣрять—оказались незначительныя разнорѣчія, и въ иныхъ описки, которыя отъ давности вошли въ привычку, какъ наприм. „Ісусъ" вмѣсто „Іисусъ". Книги свѣрили съ греческими подлинниками, исправили и напечатали. Тогда люди привычки, старые люди отказались принять новыя книги... Клинъ остановился въ деревѣ — ни назадъ, ни впередъ...

Тогда является обухъ и бьетъ по клину. Клинъ, повинуясь страшной силѣ обуха, входитъ въ дерево и расщепляетъ его надвое. Обухъ этотъ—Никонъ: онъ проклялъ непріемлющихъ новыя книги... тѣ ощетинились...

Рука, двигавшая обухомъ-Никономъ, было время: „приспѣ бо часъ"... Приспѣ часъ и московскому государству дать у себя мѣсто печати, книгѣ, новой идеѣ...

Соловецкій монастырь вмѣстѣ съ прочими людьми стараго склада не принялъ новыхъ книгъ — и откололся отъ московскаго государства. Нашлись было и въ этомъ монастырѣ „новые люди"—молодые попы, которые начали было служить по новымъ книгамъ; но ихъ „арихомандритъ" велѣлъ „сѣчь плетьми"—и они покаялись послѣ вторичнаго сѣченья.

Вскорѣ и самъ Никонъ такъ-сказать „отложился". Оскорбленный невниманіемъ царя, который не иначе прежде называлъ его какъ „собиннымъ другомъ", Никонъ бросилъ патріаршій престолъ и ушелъ въ монастырь, показывая на стоявшую въ то время на небѣ комету:

— Да размететъ Господь Богъ васъ оною божественною метлою, иже является на дни многи!

Онъ заперся въ своемъ монастырѣ и сидѣлъ тамъ ровно девять лѣтъ. Потомъ его судили и „обнажили" высокаго святительскаго сана... „Откололся" такимъ образомъ и Никонъ, но не отъ новыхъ книгъ...

Затѣмъ черезъ годъ или два послѣ суда надъ Никономъ — Стенька Разинъ „отколол" отъ московскаго государства всю юговосточную окраину... Такъ до того ли было московскому государству, чтобъ думать объ отложившемся ничтожномъ островкѣ на Бѣломъ морѣ — о Соловецкомъ монастырѣ... Вотъ и сидятъ себѣ старцы въ своей обители и поютъ по старымъ книгамъ...

Разина берутъ и помѣщаютъ его буйную голову на колъ.

Москву очищаютъ отъ главныхъ вожаковъ сопротивленія новой идеѣ—новымъ книгамъ: протопопа Аввакума и другихъ воротилъ „отколовшагося" московскаго общества ссылаютъ въ Пустозерскъ.

Остается одинъ Соловецкій монастырь. Покончивъ со всѣми, принимаются и за него. Шлютъ туда стряпчаго Игнашку Волохова съ ратными людьми. Черная братія принимаетъ Игнашку въ пушки—и прогоняетъ отъ своихъ стѣнъ.

Шлютъ стрѣлецкаго голову Корнилишку Іевлева со стрѣльцами—и его встрѣчаютъ „галаночками“ и гонятъ аки волка изъ овчарни.

Шлютъ наконецъ воеводу Ивашку Мещеринова съ цѣлою флотиліею, съ пушками и стѣнобитными орудіями. И Ивашку принимаютъ въ „галаночки“.

Послѣ неудачнаго приступа Мещериновъ отошелъ къ своимъ кочамъ. А монастырь, усиливъ караулы поблизости стѣнъ и подмонастырскаго хоромнаго строенія и амбаровъ, вошелъ снова въ обычную жизненную колею. Но черезъ три дня послѣ приступа случилось обстоятельство, которое послужило началомъ рокового, трагическаго исхода „соловецкаго сидѣнья“.

Старшая, начальная монастырская братья — архимандритъ Никоноръ. келарь Наѳанаилъ, городничій старецъ Протасій и монастырскій законникъ и грамотѣй Геронтій—сидѣли въ трапезной кельѣ и занимались монастырскими дѣлами. Всѣ они сидѣли на лавкѣ, а Геронтій у стола, на которомъ лежали бумаги, книги въ кожаныхъ и сермяжныхъ переплетахъ, свитки, и стояла мѣдная большая съ узенькимъ горлышкомъ и ушками пузатая чернильница съ воткнутою въ нее камышовою для письма „тростію“. Утреннее солнце, проникая сквозь узенькія, зеленаго стекла, съ желѣзными рѣшетинами окна, бросало зеленовато-радужныя свѣтлыя пятна на бумаги на серьезныя лица братіи и на согнувшійся надъ бумагою широкій затылокъ Геронтія. У порога стояли два мужика въ синихъ рубахахъ и усиленно встряхивали волосами, стараясь понять то, что читалъ нараспѣвъ Геронтій.

— „А который человѣкъ по грѣхомъ отъ своихъ рукъ утеряетца, или въ лѣсѣ съ дерева убьетца, или колесомъ и возомъ сотретъ, или озябетъ, или сгоритъ, или утонетъ, или утопленикъ водою припловетъ, а то обыщутъ безъ хитрости, что которой отъ своихъ рукъ истеряетца, и съ тѣхъ вѣры за голову не имати“,—читалъ Геронтій, и на этомъ мѣстѣ поднялъ свою черную голову.

— Не имати,—повторилъ отецъ Никаноръ въ раздумьѣ: — стало на васъ поголовщина не падаетъ,—глянулъ онъ на мужиковъ.

Мужики потоптались на мѣстѣ. Изъ нихъ низенькій съ бородавкою на скулѣ и бѣлыми финскими глазами смѣло выставилъ правый лапоть впередъ и заложилъ большой палецъ правой же руки за подпояску, на которой сбоку болтался деревянный гребешокъ, которымъ можно было разчесать развѣ только хвостъ у лошади.

— Кака, отцы, поголовщина!—сказалъ онъ увѣренно.

Въ то время въ келью вошелъ молодой высокій чернецъ. Черные говорливые глаза подъ крутыми бровями навѣсами, широкія скулы, рѣдкая черная бородка, маленькіе мягкіе усы, не прикрывающіе мясистыхъ красныхъ губъ, и тщательно заплетеная коса изобличали въ немъ не худороднаго черица, да и одѣтъ онъ былъ чисто. Войдя въ келью, онъ помолился на образа и, сдѣлавъ шагъ къ Никанору, поклонился въ землю.

— Съ чѣмъ?—спросилъ архимандритъ.

— Съ челобитьемъ, святой отецъ,—отвѣчалъ чернецъ отрывисто.

— А въ чемъ твое челобитье?

Чернецъ вынулъ изъ-за пазухи сложенную вчетверо бумагу и съ низкимъ поклономъ подалъ архимандриту, который, не развертывая бумаги, глядѣлъ на просителя.

— Жалоба мнѣ, святой архимандритъ, на купецку женку на Неупокоеву.

Архимандритъ видимо удивился. И другіе отцы глядѣли на просителя съ удивленіемъ.

— Нако-сь, вычти,—сказалъ Никаноръ, передавая бумагу Геронтію.

Тотъ медленно развернулъ челобитную, разгладилъ ее и, защищая своею тѣнью отъ солнца, сталъ читать.

— „Государю архимариту Никанору еже о Христѣ съ братьею бьетъ челомъ нищей государьевъ сиротинка и вашъ богомолецъ, соборной попишко, іеромонашишко Ѳеклиско. Жалоба мнѣ нищему твоему государеву сиротинкѣ на купецку жену Неупокоеву, на Акулину Ивановну изъ Арахангельсково города. Въ нонѣшнемъ, государь, во стѣ-восемдесятъ-первыемъ году, мѣсяца іунія въ 2-й день, приходила та Акулина съ понахидою и подала мнѣ нищему вашему государеву сиротинкѣ и холопишку поминанье съ большимъ предисловіемъ. И язъ нищей вашъ поминаніе у неѣ взялъ и сталъ читать родителей Акулининыхъ. И та Акулина мнѣ нищему вашему стала говорить: прочитай-де и все. И язъ нищей вашъ сталъ ей говорить: Акулина Ивановна, много прочитать, не одна ты. И она, государь, Акулина, возгордѣвъ богачествомъ своимъ, учала меня нищего бранить лодыжникомъ, и долгогривымъ шпынемъ и кутьею называть и мучителемъ обзывать при народѣ. И язъ нищей вашъ государевъ, не хотя отъ неѣ позору и терпѣти, еѣ легонько въ зашей вывелъ вонъ изъ церкви, а она сильною мнѣ чинилася, упиралась, и кукишъ мнѣ якобы съ масломъ въ носъ совала. А на завтреѣ приволокся я по челобитью къ богомолкѣ бабѣ Ненилѣ понахиды служить, и та же меня Акулина нищею вашею собакою называетъ, и жеребцомъ, и кобыльею головою, и бранитъ всячески неудобь сказаемо. Умилосердися, государь, святый архимаритъ Никаноръ, пожалуй на ту Акулину Иванову дочь свой праведный сыскъ и оборонь, что мнѣ вашему государеву богомольцу и холопишкѣ отъ еѣ позорные брани и безчестія нигдѣ отъ ней уходу нѣтъ, ни въ кельяхъ, ни въ церкви божіи, отъ еѣ брани и позору чтобъ мнѣ нищему вашему государеву богомольцу впредь какъ жити у престолу соборные церкви подъ твоимъ государя своего благословеньемъ и жалованьемъ. Государь, святый архимаритъ Никаноръ, смилуйся пожалуй“.

Отецъ Геронтій, кончивъ читать, подозрительно взглянулъ на челобитчика. Мужички у порога переглядывались и моргающіе глазки низенькаго мужичонка какъ-бы подмигивали товарищу: „знаемъ-де мы его, кочета грудастаго — всѣхъ нашихъ кемлянокъ перетопталъ“. Архимандритъ глядѣлъ сердито, двигая какъ таракан своими волосатыми бровями.

— Не затѣйно ли ты, малый, написалъ?—кинулъ онъ на него недовѣрчивый взглядъ.

— Для чего затѣйно, государь?

— Для чего! по твоей дурости... Она, Неупокоиха, баба статейна и усердна: ежегодъ вклады дастъ на монастырь да и нонѣ пять бочекъ беремянныхъ вина ренсково пожаловала на обитель... Я поспрошаю у ней.

— Сыщи, государь.

— А послухи есть?—спросилъ городничій старецъ.

Челобитчикъ замялся.

— Видоки были?—повторилъ вопросъ архимандритъ.

— Она, государь, шпынемъ, кобыльей ладоницей лаяла.

Мужики переглянулись... „Такъ-де и бабы кемлянки зовутъ его“, говорили глазки низенькаго.

— А при свидѣтеляхъ это было?—переспросилъ городничій.

Въ дверяхъ показалась косматая голова и скуфья въ рукахъ. Мужики торопливо разступились. Юродивый вбѣжалъ радостный, восторженный.

— Бѣгите, отцы, молиться... у насъ свѣтлый праздникъ,—заговорилъ онъ возбужденно.

Всѣ смотрѣли на него недоумѣвающе и со страхомъ. Знали, что Спиря даромъ не станетъ радоваться.

— Что ты, Спиря? Не мѣшай намъ—мы церковное дѣло строимъ,—строго сказалъ архимандритъ.

— Какое дѣло въ праздникъ!—на дворѣ великъ день!

— Какой великъ день?

— Всѣ свѣчи зажжены... всѣ паникадила... до Бога полымя...

— Да что съ тобой?

— Я плясать хочу—вотъ что... Самъ Богъ глядитъ на насъ, а вы—на!—вокругъ дурна возитесь...

Онъ искоса взглянулъ на чернеца челобитчика. Между тѣмъ со двора доносился какой-то смѣшанный гулъ. Соборный колоколъ загудѣлъ безпорядочно, набатно...

— Сполохъ, отцы!—тревожно, шопотомъ заговорилъ архимандритъ, озираясь на всѣхъ и вставая.

— Трезвонъ... великая служба... разлюли малина!—радовался Спиря и прискакивалъ.

Всѣ поспѣшили на дворъ. Тамъ уже былъ весь монастырь на ногахъ. По небу ходили клубы дыму.

— Уголья горятъ! кругомъ пожога!—слышались тревожные голоса.— Это они—злодѣи!

— Всѣ... всѣ свѣчечки теплятся къ Богу—весело!—твердилъ юродивый, поспѣшая вмѣстѣ съ старцами на монастырскую стѣну.

Дѣйствительно, когда старцы вышли на стѣну, то съ ужасомъ увидѣли, что весь островъ—точно утыканъ горящими свѣчами—огненнымъ кольцомъ было опоясано все пространство на нѣсколько верстъ отъ мо-

настыря. Огни горѣли ровно, тихо, потому что и въ воздухѣ стояла тишина, только въ иныхъ мѣстахъ полымя подымалось высоко и широко, какъ все установленное свѣчами паникадило, а въ другихъ мѣстахъ теплились одинокія копѣечныя свѣчечки. Это горѣли монастырскіе дровяные склады, скирды многолѣтняго запаса сѣна, постройки для рыбнаго и звѣринаго лова, монастырскіе карбасы, рыболовныя и звѣроловныя снасти— все, куда ни глянешь—горѣло и дымило, восходя къ небу клубами дыму. Въ просвѣтахъ пламени виднѣлось темносинее море. Птицы носились въ воздухѣ, оглашая весь островъ криками. Къ этому примѣшивался ужасающій ревъ скотины и ржанье лошадей.

Старцы стояли безмолвно, какъ бы вдумываясь въ глубину страшнаго явленія, совершавшагося на ихъ глазахъ. У Никанора сѣдыя брови окончательно надвинулись на глаза и судорожно вздрагивали. Отецъ Геронтій, казалось, еще болѣе высохъ и вытянулся въ кнутъ. Въ сторонѣ раздавались возгласы негодованія: „злодѣи!.. богоотступники!.. да они хуже татаръ! изверги!“

Одинъ Спиря, казалось, ликовалъ. Онъ радостно поскакивалъ и то говорилъ съ своими голубятками: „гулюшки—гули“, то бормоталъ вслухъ: „ай-да Иванушка-дурачокъ! Мещеринушка воевода! умно сдѣлалъ—почистилъ насъ, а то ужъ мы больно грязно жили—жирно ѣли, сладко пили, мало Богу работали... Ай-да Иванушка! Затеплилъ нашу сиротску свѣчечку передъ Господомъ...“

Ждали вторичнаго приступа стрѣльцовъ и приготовились къ отраженію ихъ: но приступа на этотъ разъ не было—онъ былъ впереди.

V.

Огненный монахъ и посланіе Аввакума.

Когда въ монастырѣ убѣдились, что Мещериновъ не намѣренъ брать стѣны на воропъ—добывать монастырь „наглостно“, а умыслилъ изморомъ извести святую обитель, временемъ и голодомъ истомить, и сталъ для того вести подкопы подъ землею, насыпать валы да строить городки, то черная братія опять созвала соборъ: что дѣлать? на что рѣшиться?

На соборъ созвана была только черная братья, а изъ мірянъ приглашены лишь сотники Исачко Бородинъ да Самко-кемлянинъ. Соборъ былъ въ трапезѣ.

Только что Никаноръ, перекрестясь на образа и поклонившись черному собору, хотѣлъ было говорить, какъ въ трапезу вошелъ Спиря, а съ нимъ никому невѣдомый монахъ. Онъ былъ сухъ какъ Геронтій, но только ниже его значительно, съ огненнаго цвѣта волосами, черными, запавшими, но горѣвшими фосфорическимъ блескомъ глазами и съ лицомъ, изборожденнымъ морщинами. Въ рукахъ его былъ желѣзный посохъ съ крестомъ вмѣсто ручки. За поясомъ берестяной буракъ. Босыя ноги повидимому никогда не знали сапогъ, ни даже лаптей.

Огненный монахъ вошелъ потупя голову, потомъ поднялъ глаза къ переднему углу, помолился и земно поклонился передовымъ старцамъ, а потомъ въ поясъ—на всѣ четыре стороны.

— Миръ обители сей и благословеніе божіе—произнесъ пришлецъ

— Аминь!—глухо повторилъ весь соборъ.

Пришлецъ опять поклонился.

— Кто еси, человѣче, и откуду пришествіе твое?—спросилъ архимандритъ.

— Что ти во имени моемъ? Азъ есмь птица божья, звѣрь лѣсной предъ Господомъ. А пришествіе мое отъ странъ полуночныхъ, изъ страны далекія—изъ града Пустозерска. Мене послалъ блаженный протопопъ Аввакумъ.

При имени Аввакума по собору прошелъ ропотъ удивленія. Слава этого имени разнесена была во всѣ концы московскаго государства: онъ высился въ глазахъ всѣхъ, какъ единый крѣпкій, адамантовый столпъ среди падающаго правовѣрія.

— Съ чѣмъ прислалъ тебя отецъ Аввакумъ?—спросилъ Никаноръ, обрадованный и въ то же время видимо смущенный.

— Съ рукописаніемъ,—овѣчалъ огненный чернецъ.

— Къ намъ? къ соловецкой братіи?

— Къ вамъ, отцы.

Всѣ ждали, что пришлецъ сейчасъ подастъ письмо. Но онъ оглянулся ища кого-то глазами. Глаза остановились на юродивомъ, который сидѣлъ на полу и улыбался.

— Али печать не сломишь?—спросилъ онъ, продолжая улыбаться.

— Не сломлю, брате,—крѣпка.

— Такъ визгалочку, поди, дать?

— Визгалочку бы.

Спиря полѣзъ въ свою сумку и вынулъ оттуда подпилокъ, повидимому заранѣе приготовленный. Всѣ съ недоумѣніемъ смотрѣли, что дальше будетъ. Огненный монахъ сталъ раздѣваться среди собора: распоясался, снялъ полукафтанье и очутился въ власяницѣ и портахъ. Власяница была до того жестка, словно бы она была соткана изъ тонкихъ колючихъ проволокъ. Ропотъ удивленія опять какъ вѣтерокъ прошелъ по собору. Огненный чернецъ снялъ и власяницу... Соборъ ахнулъ!.. Сухое тѣло было обтянуто желѣзными обручами словно разваливающійся боченокъ—буквально оковано желѣзомъ, которое такъ и въѣлось въ тѣло и во многихъ мѣстахъ проржавѣло—тамъ, гдѣ было до мяса и почти до кости протерто тѣло... То было странное и страшное время: гоненія, воздвигнутыя на людей, не признавшихъ новыхъ книгъ, на людей стараго міровоззрѣнія, которыхъ новый историческій клинъ отколоъ отъ „новыхъ людей“,—выработали изумительные характеры подвижниковъ старой вѣры, и чѣмъ нагнетеніе на нихъ было острѣе, тѣмъ болѣе обострялся фанатизмъ преслѣдуемыхъ и—по общему историческому закону—тѣмъ болѣе росло ихъ

стадо: ничто такъ не ускоряетъ ростъ и не способствуетъ густотѣ лѣтораслей на деревѣ, какъ подрѣзываніе ихъ...

Соборъ содрогнулся, увидѣвъ это худое, искрещенное желѣзными обручами тѣло. Вокругъ пояса обвивалась желѣзная же полоса, шириною въ три пальца. Она окончательно въѣлась въ тѣло, такъ что краевъ ея не было даже видно. Полоса спереди замыкалась замкомъ, который висѣлъ на двухъ сходившихся плотно проушинахъ.

Спиря сталъ пилить дужку у замка.

— Но-ли нѣтъ ключа?—съ дрожью въ голосѣ спросилъ Никаноръ, весь блѣдный.

— Ключъ у Аввакума на крестѣ,—былъ отвѣтъ.

— О-о-охъ!—простоналъ кто-то въ толпѣ.—Господи!

Подпилокъ визжалъ по нервамъ... но тогда нервовъ не знали... онъ визжалъ прямо по душѣ, и притомъ по грѣшной душѣ... Всѣ чувствовали эту визготню тамъ, въ себѣ, глубоко, и имъ чудились муки ада: горящіе смолою котлы съ плавающими въ нихъ людьми; люди же, жарящіеся на громадныхъ сковородахъ, словно осетры; пилы, визжащія по костямъ и по становымъ хребтамъ грѣшниковъ; крючья, на которыхъ висятъ подвѣшенные за ребра люди; клещи, вытаскивающія языки и жилы изъ рукъ и ногъ...

Визжитъ-визжитъ-визжитъ подпилокъ! Со Спири потъ градомъ катится...

— Сме-ерть моя!—выкрикнулъ кто-то, и Исачко сотникъ упалъ въ ноги пришлецу и сталъ ихъ страстно цѣловать; это была увлекающаяся, дѣтская натура: какъ онъ увлекался бѣлымъ голубемъ „въ штанцахъ“, такъ теперь—этимъ...

— А! донялъ,—добродушно улыбнулся Спиря:—это не пищаль, братъ, не гуля въ штанцахъ.

Дужка замка распалась. Замокъ звякнулъ объ каменный помостъ. Всѣ вздрогнули.

— А какъ ты, миленькій, къ намъ попалъ?—спросилъ Никаноръ, все еще блѣдный.

— Вотъ дурачекъ провелъ—изъ Анзерскаго скита,—указалъ пришлецъ на Спирю.

— А ты ужъ и тамъ побывалъ?—удивился архимандритъ.

— Не я, а мои ноги,—отвѣчалъ Спиря.

Исачко, поднявшійся съ полу, стоялъ красный, совсѣмъ растерянный. Косые, добрые глаза его моргали, какъ бы собираясь плакать. Огненный чернецъ глядѣлъ на него съ любовью и грустью. Черная братія тискалась впередъ, чтобы ближе разсмотрѣть „подвижничка“. Въ трапезѣ становилось неизобразимо жарко.

Когда Спиря рознялъ поясной обручъ на пришельцѣ, подъ обручемъ оказался узкій, уже обруча, кожаный поясъ. Спиря вопросительно посмотрѣлъ на своего гостя.

— Чикъ-чикъ?—спросилъ онъ.

— Чикъ-чикъ,—отвѣтилъ тотъ, улыбаясь.

Спиря бросился къ столу и досталъ изъ него ножъ.

— Тутъ чикать?—спросилъ онъ, указывая на животъ.

— Тутъ,—былъ отвѣтъ.

Поясъ разрѣзанъ и снятъ. Въ немъ оказалась завернутою длинная, узкая, сложенная вчетверо полоса бумаги. Спиря развернулъ ее.

— Ишь какъ намелилъ протопопъ,—проворчалъ онъ:—мачкомъ обсыпалъ бумажку.

Никаноръ дрожащею рукою взялъ отъ него бумагу. Геронтій подвинулся къ нему, протягивая руку.

— Соборне вычесть?—нерѣшительно спросилъ Никаноръ огненнаго чернеца.

— Соборне,—отвѣчалъ тотъ, надѣвая на себя опять власяницу и полукафтанье.

— Благословись, отецъ.

Никаноръ подалъ бумагу Геронтію. Геронтій перекрестился, а за нимъ руки всего чернаго собора поднялись ко лбамъ да на плечи. Спиря сѣлъ на полу и сталъ кормить своихъ голубей.

— „Всѣмъ нашимъ горемыкамъ миленькимъ на Соловкахъ“, началъ Геронтій: „протопопъ Аввакумъ, рабъ и посланникъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, благодать вамъ, отцы и братія, и чада, и сестры, и дщери, и ссущіе младенцы! Прослышалъ я здѣсь, сидя на чепи въ землянѣй ямѣ, что вы, яко подобаетъ воинамъ Христовымъ, ратоборствуете добре супротивъ проклятыхъ никоніанъ. Честь вамъ и слава, стрѣльцы Христовы! И Никанорушка—свѣтъ архимандритъ, осквернивъ руку свою и душу троеперстіемъ, нынѣ чу кровію омываетъ пятно то съ души своей. Спасибо, свѣтъ Никанорушка!“

Куда дѣвалась блѣдность архимандрита! Онъ стоялъ багровый, а изъ-подъ сѣдыхъ нависшихъ бровей текли слезы и разбивались въ брызги объ перламутровыя четки.

— „Хвала тебѣ, воеводушка и стратигъ правовѣрія! Похвала всѣмъ вамъ, стрѣльцы божьи въ клобукахъ, и вамъ, сотнички добрые и ратные люди, и міряне! Обнимаю васъ всѣхъ о Христѣ—длинны су руцѣ мои: всю Русь правовѣрную обнимаю, яко невѣсту богоданную“.

И Исачко стоялъ красный какъ ракъ.

— Исакушка, слышишь,—прошепталъ Спиря.

— Нишкни, другъ,—отмахнулся тотъ

— „Молю всѣхъ васъ, страждущихъ о Христѣ, кричу къ вамъ изъ ямы моей, изъ сѣни смертнѣй, руцѣ мои простираю къ вамъ изъ земли, изъ живой могилы, въ ню же ввергоша меня сатанины сыны, молю съ воплемъ и кричаніемъ, откликнитесь свѣты мои миленькіе: еще ли вы дышите, или уже сожгли васъ, что лучину Христову, или передавили, или въ студеномъ морѣ что щенятъ перетопили? Нѣту чу? Дай-то Богъ. А коли нѣту,—именемъ божіимъ заклинаю васъ: претерпимъ здѣ мало отъ

никоніанъ, претерпимъ и кнутъ, и огнь, и костей ломаніе, претерпимъ мигъ единъ смертный, яко молнія краткій, да Бога вѣчно возвеселимъ и съ Нимъ вмѣстѣ возрадуемся. Нынѣ бо въ зерцалѣ гаданія, тамо же, за гробовой доской, за костромъ, за висѣлицей — лицемъ къ лицу Его, Свѣта нашего, узримъ. Нынѣ намъ отъ никоніанъ огнь и дрова, земля и топоръ, ножъ и висѣлица, могила безъ савана, похороны безъ ладону; вмѣсто пѣнія „плачу и рыдаю“ — кричаніе и рыданіе сѣкомыхъ и пытаемыхъ, вопленіе женъ и дѣтей, гугненіе урѣзанныхъ языковъ; тамъ же ангельскія пѣсни и славословіе, хвала и радость, и честь, и вѣчное ликованіе въ царскихъ вѣнцахъ. Яра нынѣ зима, охъ, яра, студена, но сладокъ тамо и тепелъ рай; болѣзненно терпѣніе, но блаженно воспріятіе. Того для да не смущается сердце ваше; и я здѣсь, миленькіе мои свѣты, въ землѣ скачу и ликую, что собачка на цѣпи; близко вѣнецъ царскій—вотъ-вотъ рукою достаю. Такъ-то, свѣты. Всякъ вѣрный не развѣшивай ушей, не раздумывайся, гляди со дерзновеніемъ во огнь, въ воду, въ яму глубоку, противъ ядра и пищали—иди и ликуй, и скачи: подъ вѣнецъ идешь на царство. И его-то, нашего батюшку-царя, тишайшаго миленькаго свѣта, нашего „свѣте тихій“, они сатанины сыны смутили. Да добро! его сердце въ руцѣ божіи: самъ Богъ ему персты сложитъ истово и свѣтлы оченьки ему откроетъ. Любо мнѣ, радостно, свѣтики мои, что вы охаете: „охъ! охъ! охъ! какъ спастися? искушеніе пріиде!“ Чаю су охъ, да ладно такъ, ладнехонько: а вы, свѣты, меньше спите, убуждайте другъ друга—васъ много, кричите до Бога—услышитъ за тридевять земель, увидитъ за синими морями за окіянами: у него чу очи не наши—всевидящи. А я играю, въ землѣ сидя, что сурокъ зимой, плещу руками, звеню цѣпями—то гусли мои звончаты, аки райская птичка веселюсь, а меня ѣдятъ вши—добро! пускай ихъ! меньше червямъ останется. Пускай, реку, діаволъ-отъ сосуды своими погоняетъ отъ долу грязнаго сего къ горнему жилищу и въ вѣчное блаженство рабовъ Христовыхъ. Идите же ко Христу, свѣты мои. Приношу васъ и себя въ жертву Богу живу и истинну, Богу животворящему мертвыя и сожженныя въ золу. Самъ по нимъ азъ умираю и вамъ того желаю. Станемъ же добре, станемъ твердо. Аще не нынѣ, умремъ же всяко, а изъ насъ, что изъ зерна горушна, выростутъ тьмы темъ. Помяните первыхъ христіанъ. Нынѣ что! нынѣ игралище, шутки, широкая масляница намъ: насъ жгутъ и вѣшаютъ -- въ одиночку, а тогда, свѣты, посѣкали сѣкирами во главу по сороку тысячъ, топили въ озерахъ по полутретьи до четверты тысячъ, жгли безъ числа, что лѣсъ. А что взяли! Изъ двунадесяти апостолъ стали тьмы темъ вѣрующихъ. Тако и изъ насъ. Сожгутъ одного изъ насъ—что золы-то выйдетъ! А та зола, свѣты мои, сѣмя новое: сколько золинокъ праху сего отъ сожженнаго тѣла пустятъ по свѣту, столько новыхъ вѣрныхъ выростетъ изъ тѣхъ малыхъ золинокъ. Отрубили у кого голову—ино та голова зерномъ стала, и отродится то зерно изъ могилы самъ-сотъ, самъ-тысячъ: ни едина рожь такъ не родитъ, ни ячмень, какъ голова мученика. Это вѣрно, други. Посѣки одинъ дубъ—

анъ сто дубковъ пойдетъ отъ корня. Такъ-ту! Вонъ меня еще не посѣкли, я еще росту, старый дубъ, а изъ меня ужъ выросъ во-какой молодой дубокъ. Терентьюшко младъ, что къ вамъ сіе мое писаніе принесетъ, коли Господь сподобитъ. А былъ онъ стрѣлецъ московской, караульщикъ мой, и замкнуты мы съ нимъ здѣсь въ Пустозерскѣ, что собаки на одной цѣпи, въ ямѣ жили да Христосъ среди насъ. А теперя—на! какъ познал прелесть свѣта и мое тюремное веселіе—изъ тюремщика сынкомъ мнѣ миленькимъ сталъ".

— И-и! хитеръ су, воръ Терешка!—дергалъ Спиря Исачка за полу, показывая на огненнаго чернеца.

— А что онъ?—дивился Исачко.

— Вонъ приковалъ себя ко Христу веригами — ну, и любо ему со Христомъ-ту.

— Ужъ и подлинно—ахъ!

— „Стойте же, свѣты, не покоряйтеся, да страха ради никоніанска не впадете въ напасть", продолжалъ Геронтій: „Іуда апостолъ былъ, да сребролюбія ради ко діаволу попалъ, а самъ діаволъ на небѣ былъ, да высокоумія ради во адъ угодилъ, Адамъ въ раю жилъ, да сластолюбія ради огненнымъ мечемъ изгнанъ и пять-тысящъ пятьсотъ лѣтъ горячу сковороду лизалъ. Помните сіе и стойте, свѣты: держитесь, крѣпко держитесь за Христовы ноги да за Богородицыны онучки. Они, Свѣты, не выдадутъ. Аминь".

Голосъ Геронтія смолкъ. Сотни грудей, долго не дышавшихъ отъ вниманья, теперь дохнули вѣтромъ.

— Аминь! аминь!—застонала трапеза.

— Будемъ стоять! будемъ держаться за Христовы ноги да за Богородицыны онучи!

— Добре! добре! любо! умремъ за крестъ—за два перста!

— Потерпимъ за сугубую алилуюшку матушку! постраждемъ!

Голоса смѣшались словно на базарѣ. Слышалось—и „за Богородушку", и за „алилуюшку", и „персточки-перстики родимы"...

— А за батюшку „аза!" охъ за свѣта „аза" постоимъ!—перебилъ всѣхъ голосъ юродиваго.

Многіе смотрѣли на него вопросительно, не зная, о какомъ „азѣ" говоритъ онъ.

— Не дадимъ имъ „аза!"—повторялъ юродивый.

— Какого аза?—обратились нѣкоторые къ архимандриту.

— А въ „вѣрую",—отвѣчалъ тотъ:—въ „вѣрую во единаго Бога"—тамъ сказано: „и въ Господа нашего Іисуса Христа, рожденна *а* не сотворенна..." А никоніянцы этотъ самый *азъ*-отъ и похерили—украли цѣлый *азъ*...

— Батюшки! *азъ* украли! окаянные!

— Такъ, акъ, братія,—подтверждалъ Никаноръ—велика зѣло сила въ семъ *азъ* сокровенна: не даромъ въ букварѣ говорится—„азъ-ангелъ-ангельскій, архангелъ-архангельскій..."

— Ай-ай-ай! и они, злодѣи, украли его батюшку?

— Украли, точно злодѣи.

Посланіе Аввакума внесло такую страстность въ это черное соборище, что всѣ готовы были сейчасъ же идти въ огонь, на самыя страшныя муки. Страданія и притомъ самыя нечеловѣческія стали для этой нафанатизированной толпы высочайшимъ идеаломъ, къ которому слѣдовало идти неуклонно, мало того—не идти только, а бѣжать, рваться со всѣмъ безуміемъ мрачнаго ослѣпленія. На Никанора посланіе это подѣйствовало какъ бичъ на боевого коня и какъ елей на старыя, трущіяся въ душѣ раны. Аввакумъ, ставшій центромъ и свѣточемъ борьбы за старыя начала, выразителемъ силы, ей же имя легіонъ и тьмы темъ,—этотъ Аввакумъ шлетъ ему привѣтъ и хвалу, бросаетъ и на него лучъ своей мрачной славы. Исачко сотникъ, необыкновенно впечатлительное и страстное дитя природы, тоже вспыхнулъ какъ порохъ отъ посланія Аввакума.

А тутъ еще этотъ огненный Терентьюшко въ потрясающихъ душу веригахъ, Терентьюшко, бывшій стрѣлецъ, тюремщикъ и мучитель Аввакума—какіе ужасы онъ сообщилъ!

Для большаго нравственнаго и физическаго истязанія Аввакума въ Пустозерскѣ, гдѣ его засадили въ глубокую сырую и холодную земляную яму, къ нему приковали его сторожа—тюремщика, этого самаго стрѣльца Терентія, съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы тюремщикъ былъ всегда при арестантѣ, а въ случаѣ если арестантъ совратитъ и его, то чтобъ все-таки они оба были на цѣпи и не могли бѣжать. Но когда увидѣли, что Аввакумъ дѣйствительно совратилъ огненнаго Терентьюшку и этотъ тюремщикъ сталъ молиться на своего колодника, то Терентьюшку сослали въ Обдорскъ, а къ Аввакуму приковали бѣсноватаго... Терентьюшко бѣжалъ изъ Обдорска и сталъ подвижничать—заковалъ себя всего въ желѣзо...

Когда, наконецъ, черный соборъ нѣсколько поуспокоился, Никаноръ сталъ держать рѣчь.

— Такъ будемъ же, отцы и братія, сидѣть крѣпко—Богъ дастъ отсидимся. А не отсидимся—ино топерь же, зáгодя, посхимимся всѣ: какъ приспѣетъ часъ итить ко Христу свѣту отъ сего временнаго житія, такъ пойдемъ въ путь онъ во схимахъ. Эка радость будетъ Христу, какъ придетъ къ нему наша черная рать—не махонька ратеюшка придетъ къ нему черныхъ стрѣльцовъ...

— А съ мірянами, отецъ, что намъ дѣлать — съ богомолами? Вишь, ихъ тоже рать не махонька у насъ,—замѣтилъ отецъ городничій Протасій. — Ртовъ-ту не мало, а кормить ихъ чѣмъ будемъ? Вонъ злодѣи всѣ наши запасы пожгли на островѣ: только то и осталось на прокормъ, что въ стѣнахъ.

— Мірянамъ вольно итить: мы ихъ выпустимъ изъ монастыря,—отвѣчалъ Никаноръ.

— А какъ бы имъ воинскіе люди какого дурнá не учинили.

— Для чего дурно чинить? Міряне не мы. Да и то сказать: вонъ нѣ-

мецъ галанской Каролусъ Каролусовичъ онома-дни сказывалъ мнѣ, что ему нонѣ здѣсь дѣлать нечего стало, и онъ хочетъ ѣхать домой, въ Архангельской, да съ нимъ и аглицкая нѣмка Амалѣя Личардовна Прострѣлова собирается то жъ къ себѣ въ Архангельской. „А у насъ - деи, говоритъ, у иноземныхъ людей, есть проѣзжеи грамоты, такъ насъ-деи, говоритъ, государевы ратные люди пальцемъ не тронутъ“. Такъ съ ними вотъ мы и мірянъ отпустимъ—пущай ѣдутъ кочами на Сумской либо на Кемской посадъ, либо черезъ Анзерской скитецъ, кому какая дорога.

— А кто-жъ ихъ моремъ перевезетъ?

— На то вожи есть, а то и стрѣльцы кочами переволокутъ кого Христа ради, кого за деньги.

— А то и кемляне перетаскаютъ, что пріѣзжали по твой архимандричій судъ, замѣтилъ своимъ обычнымъ басомъ отецъ Геронтій.

— И то дѣло, коли ихъ кочей злодѣи не сожгли.

Повидимому, одинъ Спиря не принималъ никакого участія въ сужденіяхъ собора: онъ сидѣлъ въ углу на полу и кормилъ изо рта своихъ голубятъ, которые, трепыхаясь хорошенькими, неуклюжими, еще не обросшими перомъ крылышками, жадно совали юродивому въ ротъ свои пушистыя головки по самую шейку.

Вдругъ что-то глухо грякнуло и какъ бы покатилось по воздуху. То былъ пушечный выстрѣлъ. Исачко и Самко стремглавъ бросились изъ трапезы, оставивъ черную братію въ торопливомъ смятеніи.

VI.

Оленушка въ раю.

— Кто тутъ?

— Это я, матушка: Спирька дуракъ.

— Все сидишь?

— Сижу—плачу... А все, видно, слезы мои не прокапали еще землю насквозь.

— О-охо-хо! охте мнѣ!

— Что она, голубица-то чистая?

— Забылась мало.

— Не бредила?

— Нонѣ нѣту, милый.

— А тебя спознаетъ?

— Спознавала... А долго металась въ огнѣ.

— А какъ теперь огонь, матушка?

— Кажись, легче—голова взопрѣла.

— Слава Богу!.. А ты, мать, опочи мало—ты сама ни на что свелась; а я посижу за ней—помолюсь.

— Спасибо, милый,—только тише будь.

— Ладно... аеромъ не шелохну...

Это Спиря съ Неупокоихой. У нея тяжко занемогла огневицей дочка Оленушка. Такъ, невѣдомо съ чего и спалилъ ее огонь: была здоровехонька, все рвалась домой, въ Архангельскъ; а въ ночь передъ тѣмъ какъ на черномъ соборѣ порѣшили всѣхъ богомоловъ-мірянъ отправить изъ монастыря, она и слегла—впала въ претяжкій огонь. Думали и то, и се: не то съ глазу ей приключилось нездоровье, съ нехорошаго глазу, не то наслано злою думою да лихимъ помысломъ, не то такъ отъ Бога—его святая воля. Всѣ міряне покинули монастырь—остались одни Неупокоевы. Весь монастырь—вся братія скорбѣли объ Оленушкѣ: такъ полюбилась одинокимъ отшельникамъ скромная, тихая, щедрая на подаяніе и братіи и бѣднымъ богомольцамъ юная отроковица. Каждый смотрѣлъ на нее какъ на свою дочку или на внучку, и при видѣ ея подъ каждымъ чернымъ клобукомъ роемъ проходили воспоминанія изъ той, какъ бы замогильной мірской жизни, и подъ каждой черной рясой сжималось и саднило глухой болью или распускалось теплотой очерствѣвшее въ отшельничествѣ сердце. Несмотря на тревоги и гнетъ осаднаго положенія обители, несмотря на заботы о своемъ собственномъ спасеніи, никто не могъ забыть болящей отроковицы, и во время продолжительныхъ церковныхъ литургисаній, навечерій и ночныхъ бдѣній, прерываемыхъ не рѣдко грохотомъ пальбы, въ молитвахъ о спасеніи обители святой и своихъ грѣшныхъ душъ и всѣхъ правоправящихъ слово божіе и истовое перстное сложеніе, безстрастныя ко всему мірскому губы иноковъ часто шептали имя рабы божіей, болящей отроковицы Олены. Девять дней чистая душенька ея висѣла между жизнью и смертью и, каждую ночь, казалось, смерть, бродя по пустынному острову, тихо прокрадывалась въ больничную келью, гдѣ металась въ огнѣ Оленушка, и заносила надъ пышущей огнемъ молоденькой головкой свою невидимую, но неотразимую косу.

Но больше всѣхъ сокрушался о больной Спиря. Цѣлые дни онъ не отходилъ отъ порога кельи, гдѣ лежала Оленушка, а ночи почти напролетъ молился у нея подъ окномъ, кладя поклоны тысячами и постоянно плача. Онъ даже забывалъ иногда о своихъ голубятахъ, которые жалобно пищали, ожидая, чтобъ кто-нибудь накормилъ ихъ. Болѣзнь Оленушки напоминала юродивому что-то изъ его собственной жизни, что-то очень далекое, что роковымъ образомъ связано было съ человѣческимъ черепомъ, который онъ носилъ въ своей сумкѣ вмѣстѣ съ зернами для голубятъ... „Она—она самая!"—шепталъ онъ со стономъ: „о-охъ, тяжко!"

Неупокоиха такъ извелась, ходя за больною дочерью, что падала въ изнеможеніи, и въ это время на подмогу ей являлся юродивый: онъ ухаживалъ за ней, какъ за сестрой или матерью, и незамѣтно отъ роли дворовой собаки у порога перешелъ къ роли сидѣлки у больной. Оленушка въ короткіе часы возврата къ ней сознанія видѣла около себя косматую какъ у собаки голову юродиваго и добрые какъ у собаки же глаза и привыкла къ нему, словно бы онъ былъ необходимой принадлежностью ея новой жизни, въ которую, какъ грезилось больной, она была перене-

сена этимъ именно косматымъ съ собачьими глазами человѣкомъ. Только одного она не могла понять—куда онъ перенесъ ее, въ рай или въ адъ. Иногда, казалось, она чувствовала себя въ раю: слышала какъ будто райскіе гласы какіе, невидимое пѣніе и ощущала своимъ жаркимъ лицомъ, какъ ангелы тихонько надъ ней крылышками помахивали, а когда открывала глаза, то райскія видѣнія пропадали, а вмѣсто ангеловъ она видѣла только Спирю, который махалъ надъ нею зеленою вѣткою. Иногда же грезилось ей, что она въ аду мучится, что палитъ ея внутренности и голову геенна огненная, и кругомъ нея раскаленный воздухъ словно адская пещь пожираетъ ее. Пылавшая огнемъ голова ея только тогда ощущала что-то невыразимо пріятное, когда ко лбу, къ темени и къ вискамъ прикладывалось что-то холодное, и когда больная открывала глаза, то смутно видѣла чью-то руку и большой серебряный крестъ, прикасавшійся къ ея вискамъ и лбу и охлаждавшій горячую голову.

— Аеромъ не шелохну,—шепталъ Спиря, подходя къ кровати, на которой лежала больная.

Сѣверная лѣтняя ночь была свѣтла какъ день, потерявшій свое солнце, которое, казалось, не заходило ни за горизонтъ, ни за тучку, и не бросало сумрачныхъ тѣней ни отъ домовъ на землю, ни отъ деревьевъ на зелень и цвѣты, ни отъ людей на ихъ собственныя лица, а казалось было тутъ гдѣ-то, близко, только не видать его диска и не слышно тепла и жару отъ его лучей. Въ кельѣ, гдѣ лежала Оленушка, было полусвѣтло—полумрачно, безъ тѣней и безъ наглаго свѣта, только полусвѣтъ. Полумракъ этотъ придавалъ необыкновенную мягкость и воздушность очертаніямъ молодого тѣла, на которое слегка наброшено было бѣлое полотно, доходившее отъ ногъ до пояса, выше котораго сложены были бѣлыя худенькія ручки съ отвернувшимися по локоть рукавами сорочки. Нѣсколько спустившаяся сорочка прикрывала груди, которыя вырисовывались изъ-подъ полотна острыми конусиками, и открывала бѣлую круглую шею до восгорлія. Голова больной словно бы брошена была на подушку, и блѣдное, совсѣмъ съ дѣтскимъ выраженіемъ личико казалось спокойно спящимъ. Длинныя рѣсницы, бросая слабыя тѣни на щеки, далеко отошли отъ высоко вскинутыхъ дугами бровей. Русые, сбившіеся прядями волосы оттѣняли прекрасное, спокойное личико отъ бѣлой подушки.

Юродивый, ступалъ неслышно своими босыми ногами какъ кошка къ мышиной норѣ, издали перекрестилъ спящую, приблизился къ самой постели и еще неслышнѣе приподнялъ покрывало съ тѣла больной и прикрылъ имъ всю ее до самой шеи. Дѣвушка продолжала спать, дыша ровно и спокойно. Юродивый, казалось, боялся взглянуть ей въ лицо и опустился на колѣни на полъ. Напряженно глядя куда-то вдаль, словно бы сквозь потолокъ и стѣны, онъ созерцалъ невидимые, но ему доступные предметы или видѣнія и беззвучно шевелилъ губами. На изрытомъ морщинами лицѣ его выразилось такое скорбное и страстное моленіе, что, казалось, вся душа его трепетала и рвалась изъ тѣла туда, куда неслась

его мысль. Вотъ-вотъ, казалось, закричитъ онъ отъ боли или грохнется объ полъ какъ бѣсноватый. Но вдругъ онъ заплакалъ и, замотавъ косматою головою, припалъ лицомъ къ полу. Долго лежалъ онъ такъ...

...„Тивикъ! тивикъ! ти-и-викъ!“ подъ окномъ противикала ласточка.

Спящая открыла глаза и не шевелилась. Ласточка опять тивикнула. Въ келейное окошко глядѣли зеленыя вѣтви ели. Дѣвушка, не шевелясь, казалось, припоминала что-то. Въ глазахъ ея не видѣлось ничего горячечнаго—они смотрѣли ясно и спокойно. Скоро дѣвушка увидѣла распростертаго на полу юродиваго и повернула къ нему голову. Тотъ поднялъ заплаканное, изумленное, радостное лицо и широко перекрестилъ больную.

— Какъ хорошо мнѣ... легко таково,—прошептала дѣвушка.

— Слава Богу! слава Богу! — радостно дрожа, также тихо проговорилъ юродивый.

Дѣвушка помолчала. Она поглядѣла потолокъ, стѣны, какъ бы первый разъ видя все это. По полу разбросана была свѣжая трава съ незавядшими еще цвѣтами, и у стѣнъ стояли зеленыя вѣтки какъ на Троицу.

— Это я въ раю?—робко спросила больная.

— Да, твоя чистая душенька въ раю, дитятко,—также робко отвѣчалъ юродивый.

Дѣвушка задумалась. Потомъ снова стала осматриваться.

— Какъ хорошо тутъ.

Она помолчала и въ недоумѣніи посмотрѣла на юродиваго. Тотъ съ любовью глядѣлъ на нее.

— А гдѣ жъ ангелы?—спросила она все также тихо и робко.

— Ангелы божьи, дитятко, надъ тобой витаютъ.

Она осмотрѣлась.

— Я не вижу ихъ, дѣдушка.

Тотъ молчалъ, тихо молясь.

— А яблочки золотеньки?

— Пожди мало, дитятко... увидишь.

— И святыхъ увижу?

— Увидишь... увидишь.

„Ти-викъ... ти-викъ“ за окномъ.

— Это касатушка?

— Касатушка, милая.

Дѣвушка снова оглядѣлась. Она искала кого-то.

— А матушка гдѣ? — спросила она, какъ бы только теперь вспомнивъ это.

— Она тутъ, милая,—опочить легла маленько... Пожди мало—придетъ.

Опять молчаніе. Только ласточка за окномъ тивикаетъ.

— Какъ хорошо... таково хорошо мнѣ... ничто не болитъ.

Дѣвушка ощупала голову и сѣла на постели, натянувъ простыню на плечи. Волосы пасмами падали на простыню.

— Какъ стыдно... нечесаная...

— Ничего, дитятко,—матушка причешетъ.

Оленушка утерла простыней влажное лицо и откинула назадъ волосы.

— Дѣдушка, я хочу испить—кисленькаго.

Юродивый метнулся въ передній уголъ, гдѣ на столѣ стояли глиняныя кружки. Онъ взялъ одну, открылъ крышку, перекрестилъ посудинку и поднесъ къ больной. Та тоже перекрестилась, лѣвою рукою придерживая простыню, и стала пить. Когда она пила, юродивый крестилъ ея голову.

— Спасибо, дѣдушка.

— Будь здорова, миленькая.

Юродивый поставилъ кружку на прежнее мѣсто и радостными, благодарными глазами взглянулъ на образа. Дѣвушка, казалось, опять что-то хотѣла спросить, но не рѣшалась. Она поглядѣла въ глаза юродивому.

— А Бога я увижу въ раю?—чуть слышно спросила она.

— Увидишь, миленькая, увидишь... я ужъ вижу его...

Оленушка испуганно оглянулась на передній уголъ, надергивая на себя простыню.

— Гдѣ,.. гдѣ, дѣдушка?—шептала она.

— Онъ вездѣ... Онъ тутъ...

— Господи! помилуй меня!

— Молись, дитятко, молись, чистая.

Проснулись и воробьи — зачирикали за окномъ. Оленушка все болѣе, казалось, приходила въ себя.

— Утро... А что монастырь, дѣдушка?

— Слава Богу—невредимъ молитвами угодничковъ Зосимы-Савватія.

Оленушка еще что-то припомнила.

— А нашъ городъ—Архангельской что, дѣдушка? гдѣ онъ?

Юродивый не зналъ что отвѣчать.

— Гдѣ Архангельской? —повторяла больная.

— Далеко онъ, милая.

— А Боря гдѣ?

— Кто, дитятко?

— Боря... мой суженый... Онъ не въ раю?

Юродивый стоялъ растерянный и испуганно глядѣлъ на дѣвушку. Она, казалось, вспомнила что-то и, закрывъ лицо руками, горько заплакала.

— Что... что съ тобой, родная! — хватая ее за руку, спрашивалъ Спиря.

— О-о-о! Я не хочу... не хочу... не надо мнѣ рая, коли въ немъ нѣтъ Бори... Господи! о-о!

— Дитятко! не плачь—Христа ради не плачь... Боря тоже въ раю... Святители!

Оленушка ничего не слыхала. Она безутѣшно плакала.

VII.

Стрѣльцы гуляютъ.

Проходили мѣсяцы. Осада монастыря продолжалась, по прежнему безуспѣшно: сидѣніе осажденныхъ было, повидимому, крѣпко; а осаждавшіе что ни дѣлали—все было безполезно. Стрѣльцы рыли рвы, насыпали валы, подъ прикрытіемъ которыхъ словно кроты подбирались къ монастырскимъ стѣнамъ; но стѣнъ взять было невозможно: первое дѣло—слишкомъ толсты и высоки, а лѣстницъ приставить къ нимъ нельзя, потому что монастырскіе ратные люди, какъ бѣлые, такъ и черные, стрѣляли мѣтко, съ прицѣловъ, а если и не стрѣляли, то могли засыпать каменьемъ наступавшихъ; второе дѣло—монастырскіе пушкари и сотники, Исачко и Самко, охулки на руку не клали—какіе городки и срубы ни возводили противъ монастырскихъ стѣнъ стрѣльцы, Исачко и Самко постоянно разгромливали ихъ изъ своихъ „пушачекъ галаночекъ“, а московскія пушки били объ стѣны даромъ ядрами—все едино, что горохомъ объ сковороду.

Хотя у Мещеринова были и стѣнобитныя орудія, тараны могучіе, съ могучими желѣзными головами и стержнями на цѣпяхъ и крѣпкихъ устояхъ, но Исачко и Самко своими „пушачками“ шагу имъ не давали. Только выведутъ стрѣльцы городки, только укроютъ за ними стѣноломы, чтобъ подъ прикрытіемъ городковъ двинуть стѣноломы далѣе, какъ Исачко и Самко ужъ гвоздятъ по городкамъ, разбиваютъ вѣнцы и звенья, пугаютъ и калѣчатъ стрѣльцовъ — и стрѣльцы опять назадъ прутъ тяжелые тараны, опять надо начинать сызнова. А Исачко, отгромивъ приступъ да пропѣвъ съ чернецами „взбранной воеводѣ“, усядется себѣ на стѣнѣ, свѣсивъ ноги къ стрѣльцамъ, и машетъ себѣ-помахиваетъ шитой ширинкой, выпугивая изъ-подъ башеннаго карниза своего любимаго голубя, бѣлаго турмана „въ штанцахъ“, и любуясь на его удивительныя продѣлки... „Ужъ и аховая птичка!“ радуется онъ, глядя на голубя. А за нимъ радуются и старцы, покончивъ съ „бранной воеводой“ и глядя на ушедшихъ къ своимъ кочамъ враговъ.—„Божья птичка — что и говорить! Не диви что и Духъ отъ Божій во образѣ голубя явися—чистая, незлобивая птичина, что младенецъ незлобива“.

А стрѣльцы ужъ начинаютъ скучать—злятся... „Ихъ, долгогривыхъ, и самъ чортъ не добудетъ: что тараканы въ щели прячутся“... Стали поговаривать, что лучше бы въ Сумской воротиться, а то въ Москву, къ домамъ, чѣмъ попусту норы рыть волчьи да вонючую треску жрать безъ соли, безъ хлѣба. Стали и объ женахъ скучать, объ дѣтяхъ. — „Али мы нехристи, либо чернецы, что ни женъ, ни бабъ намъ не даютъ понюхать? Мыслимо ли дѣло безъ бабьятины прожить мужику?“

Воевода видѣлъ это и сталъ побаиваться, какъ бы не вышло чего. Поэтому, когда стрѣльцы съ вѣдома своихъ сотниковъ или полуголовы ѣздили по праздникамъ въ Кемскій посадъ и привозили оттуда бабъ и дѣвокъ, воевода смотрѣлъ на это сквозь пальцы, тѣмъ болѣе, что и самъ

иногда ѣзжалъ въ посадъ къ знакомой попадейкѣ, у которой была отличная рябиновка, а на шелковомъ изъ гагачьяго пуха одѣялѣ была вышита самою попадейкою „птица сиринъ, а у ней гласъ вельми силенъ"... Попадейкинъ мужъ, попикъ Вавилко, часто разъѣзжалъ съ требами по усольямъ, а попадейка, молоденькая бабенка, скучала безъ него: воеводѣ это и на руку.

На память мучениковъ Маккавеевъ, 1-го августа, стрѣльцы особенно разгулялись. Утромъ многіе изъ нихъ ѣздили въ посадъ, послушали, какъ попикъ Вавилко обѣденку литургисалъ и за нихъ, за государево христолюбивое воинство молился, а воеводѣ благословенный хлѣбецъ - просвирку поднесъ величиною съ шапку, а изъ посада навезли себѣ гостей—цѣлый коробъ бабьятины. И загуляли.

День Маккавеевъ выдался теплый, ясный, тихій. На небѣ стояла курчавыя, какъ бѣлые барашки, облачка, но они не мѣшали солнцу поливать свѣтомъ и зелень острова, кое-гдѣ изрытую рвами, и темный лѣсъ, по которому осень уже брызнула пятнами свою яркую желтизну, и стѣны монастыря, по которымъ постоянно сновали черныя точки, а иногда поблескивалъ ружейный стволъ у часового или крестъ на четкахъ у старца.

Стрѣльцы большею частью сидѣли кругами на травѣ и угощались зеленымъ виномъ и медами. Тутъ же виднѣлись и бабы „прелестницы". Пиръ шелъ горой, съ полухмели переходя въ полный хмель. Стрѣлецъ, бывшій когда-то у Стеньки Разина водоливомъ, тянулъ свою любимую пѣсню:

Весновая служба молодцамъ веселье,
Молодцамъ веселье, а сердцу утѣха.

— Плясовую! съ искрой!—раздался голосъ полуголовы Кирши.

Разинскій стрѣлецъ царапнулъ по струнамъ гуслей и пошелъ въ присядку, выгаркивая словно бѣсноватый:

Ахъ, вы гусли мои, мысли!

Полногрудая баба-кемлянка, быстро схватившись съ травы, выпрямилась и словно порченая, подергивая плечами и толстѣйшими бедрами, топалась на мѣстѣ, подвизгивая:

Ухъ любо-любо-лю,
Молодушку полюблю,
Что плечикомъ шевелитъ,
Что икрами сѣменитъ,
Что бедрами говоритъ...

И она дѣйствительно говорила бедрами и семенила жирнѣйшими икрами на толстыхъ ногахъ.

— Любо! любо! ай да Маша!.. бедры-то, бедры! Ужъ и точно—разговоры говорятъ: любо-дорого!—ржали стрѣльцы, упиваясь неистовыми тѣлодвиженіями бабы.

— Наддай еще! съ прищипомъ! съ прищипомъ!—подзадоривалъ Кирша.

Гусельникъ „наддалъ съ прищипомъ“ — и гусли завизжали, а бѣсноватая баба „пошла въ три ноги“, привизгивая, словно кликушка:

Ихи-хи! ихи-хи!
Ихихушки—ихи-хи!
Пошла баба въ три ноги, въ три ноги.
А золовки-колотовки
И кутятъ и мутятъ,
Деверья-тѣ кобелья
По подлавочью лежатъ,
По собачью визжатъ,
А свекры-тѣ на печи
Бытто сука на цѣпи,
А и свекоръ на палати
Бытто кобель на канатѣ.
Ихи-хи! ихи-хи!
Ихихушки—ихи-хи!

Баба плясала съ большимъ искусствомъ и воодушевленіемъ, хотя самыя движенія ея не были порывисты, а напротивъ — плавны до медленности. Зато отдѣльныя части ея тѣла и мускулы трепетали страстью и истомой. Стоя на мѣстѣ, какъ бы съ прикипѣвшими къ землѣ ногами, она плавно поводила и вздергивала плечами въ тактъ захлебывающейся музыкѣ, и при этомъ полныя груди ея дрожали и колотились объ рубаху, какъ бы силясь прорвать ее и выпрыгнуть изъ пазухи. Правой рукой, держа платочекъ, она поводила такъ предательски вмѣстѣ съ плутовскими глазами, что Кирша ясно видѣлъ, какъ плясавица манитъ его вонъ туда, за зеленый кустокъ, на травку-муравку. Колыхаясь и подергиваясь судорожно на мѣстѣ, баба и станомъ, и бедрами выражала все, даже больше чѣмъ все, что ей нужно было выразить спеціальнаго въ данную минуту. Кирша видѣлъ это и багровѣлъ съ каждымъ ея подмывающимъ движеніемъ. Остальные стрѣльцы уже не ржали—не до того было: они пожирали бабу глазами.

— Ахъ, ячменна!..—невольно вырвалось было у старенькаго чернеца, проходившаго мимо, совсѣмъ не чернецкое восклицаніе.

— А! на мокрое наступилъ?—засмѣялся ему вслѣдъ Кирша.

Другая бабенка, подзадоренная первой, сорвалась съ мѣста какъ ошпаренная кипяткомъ, и, взявшись лѣвой рукой въ боки, а правую скорчивъ коромысломъ, засѣменила ногами и зачастила визгливымъ голосомъ:

У стрѣльчихи молодой
Собирался коровой:
И Семитка пришелъ,
И Микитка пришелъ,
И Захарка пришелъ,
И Макарка пришелъ...

А гусельникъ, ставъ противъ бабы и вывертывая ногами, защипалъ на гусляхъ:

И Овдотьюшка пришла,
И Варварушка пришла,

И Оленушка пришла,
И Хавроньюшка пришла—
Поросятокъ привела...

Отъ другого круга садилъ въ присядку къ этому кругу сѣдобородый казакъ и гудѣлъ какъ шершень:

Тпррунды баба, тпррунды дѣдъ,
Ни алтына денегъ нѣтъ!

Плясуны и плясавицы сошлись въ одинъ кругъ и выдѣлывали невыразимѣйшія штуки. Плясуны, подбоченясь чортомъ и подергиваясь, словно развинченные на всѣ винты, повидимому назойливо подбирались къ бабамъ, а тѣ, какъ бы поманивъ ихъ къ себѣ, повертѣвъ передъ ними бедрами и плечами, задорно уплывали отъ нихъ, производя самыя спеціальныя тѣлодвиженія. Въ свою очередь, плясуны бѣшено неслись назадъ на однихъ каблукахъ, а потомъ снова сѣменили къ бабамъ „хребтами вихляя, главами помавая и очами намизая", раззадоривали ихъ и манили къ себѣ.

— Фу ты чортъ! инда подъ ложечкой заныло, глядя на дьяволовъ!— не вытерпѣлъ Кирша.

Откуда-то выскочила третья молодуха и зачастила:

Да-а-àрья! Да-а-àрья!
Дарья, Маланья,
Степанида, Солмонида,
На улицу выходила,
Корогоды заводила!
Да-а-àрья!..

— Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ, а я пришелъ!—раздался вдругъ чей-то незнакомый, рѣзкій, но твердый и трезвый голосъ.

Всѣ оглянулись. У ближайшаго куста стоялъ чернецъ. Изъ-подъ скуфейки его падали на плечи густые, хотя не длинные огненные волосы. Плясуны и плясавицы остановились какъ вкопанные—такъ и прикипѣли на мѣстѣ. Чернецъ, позвякивая желѣзами, подошелъ къ кругу:

— Здравствуй, Кирша, — сказалъ онъ угрюмо: — хорошо ли дьяволу служить?

— Турвонко! ты ли это?—изумленно воскликнулъ Кирша и вскочилъ на ноги.

— Былъ Турвонтъ, а теперь старецъ Теренька, — отвѣчалъ чернецъ съ огненными волосами.

— Турвонко!... а и впрямь, братцы, Турвонтъ! ай-ай! — закричали многіе изъ стрѣльцовъ.

— Что съ нимъ?.. посхимился? Вотъ притча!

Всѣ обступили пришельца, глядѣли на него какъ на выходца съ того свѣта, ахали, махали руками.—„Здравствуй, Турвонушко!—Откедова Богъ несетъ?—Что съ тобой случилось?—Кто схимилъ тебя?—Какъ сюда попалъ?— Али къ этимъ чернодырымъ присталъ!"

Бабы боязливо жались, держась въ сторонкѣ.

— Хорошо ли дьяволу служите, стрѣльцы?—повторилъ свой вопросъ огненный чернецъ, глядя на своихъ бывшихъ товарищей.

— Гуляемъ, братецъ,—что жъ! нонѣ праздникъ—первый Спасъ,—какъ бы оправдывался Кирша пьяноватымъ голосомъ. — Спасъ на дворѣ — и гуляемъ.

— Хорошо спасенье...

— Чѣмъ дурно? Выпей и ты.

— А святую обитель разорять—ноли и это хорошо? — спросилъ чернецъ, оглядываясь на монастырь.

— Мы ихъ не разоряемъ, — оправдывался Кирша.—Вольно жъ имъ великому государю грубить!

— А въ чемъ ихъ грубство?

— Молиться не хотятъ по новинѣ.

— А! такъ это у васъ грубство? А самъ ты по новинѣ молишься?

Кирша замялся. Онъ самъ чувствовалъ, что никакъ не можетъ совладать съ этой новиной: какъ забудется только на „Отче нашѣ“ либо на „Богородицѣ“, такъ у него два середніе перста-то и топырятся впередъ, а большой палецъ самъ къ низу гнется... „Тьфу ты, лядина!“—такъ бывало и плюнетъ съ досады.

— Да какъ это ты, Турвонушко, чернецомъ сталъ? — спросилъ онъ, не отвѣчая на вопросъ рыжаго.—И какъ тебя сюда занесло? Вить ты повезъ съ Москвы въ Пустозерскъ протопопа Аввакума.

— Повезъ — былъ грѣхъ. А онъ нонѣ самъ меня, свѣтикъ, на себѣ къ спасенью везетъ,—отвѣчалъ рыжій.

Стрѣльцы, видимо, поражены были внушительной наружностью своего прежняго товарища и однокорытника. Вериги замѣтно звенѣли на немъ, хотя глухо, при каждомъ движеніи словно на цѣпной собакѣ. На лицѣ и въ особенности въ глазахъ видѣлось что-то такое новое и страшное, что дѣлало его совершенно другимъ человѣкомъ — человѣкомъ не отъ міра сего, не жильцомъ на свѣтѣ.

Пиръ разрушенъ былъ — не пировалось какъ-то при видѣ этого выходца изъ другого міра: необычайная воля, проявляющаяся въ человѣкѣ въ той или иной формѣ, неотразимо дѣйствуетъ на другихъ, покоряетъ ихъ, заставляя цѣпенѣть ихъ волю и совѣсть. Всякому кажется, что *это онъ* за него сдѣлалъ, и это сознаніе свербитъ на совѣсти, саднетъ болью и ноетъ на сердцѣ... „Это онъ за меня—за всѣхъ насъ...“ Въ то время—въ эпоху не расшатанной еще, дѣвственной религіозности—внѣшнія проявленія подвижничества, аскетизма и юродства производили на массы, сверху донизу и снизу до крайнихъ верховъ, потрясающее впечатлѣніе: юродивые безнаказанно, какъ власть имѣющіе вязать и разрѣшать, на улицахъ, на площадяхъ и въ церквахъ открыто кричали то, за что обыкновеннаго человѣка повѣсили бы, сожгли, четвертовали.

— Послушайте, стрѣльцы! слушайте, православные!—началъ огненный

чернецъ, окидывая всѣхъ своими горячими глазами.—Васъ обманомъ привели сюда. Статочное ли дѣло монастырь разорять, да еще какой монастырь!—первый на Руси, котораго нѣтъ святѣе во всемъ московскомъ государствѣ. Коли бы вы пошли на Троицу-Сергія, коли бы васъ повели на него? А?

Стрѣльцы молчали, испуганно поглядывая другъ на друга.

— Сказывайте: пошли бы?

— Нѣтъ, не пошли бы,—робко отвѣчали нѣкоторые.

— Все это дѣло Никона,—продолжалъ чернецъ: — онъ смуту чинитъ во всей землѣ, онъ обвелъ колдовствомъ великаго государя. Да вѣдомо ли государю, что вы здѣсь — добываете святую обитель? Али она татарская? Али то татарскія мечотки, а не храмы Божіи? (И онъ указалъ на церкви, глядѣвшія изъ-за стѣнъ монастыря; стрѣльцы испуганно оглянулись на нихъ). И вы стрѣляете по крестамъ! Вы по Богородицѣ ядрами мечете! Али вы бусурмане? Али на васъ креста нѣту?

Стрѣльцы, казалось, не смѣли глазъ поднять. Страстная рѣчь бывшаго товарища смущала ихъ, а пьяная совѣсть оказалась еще болѣе податливою. Всѣмъ стало стыдно. Иные изъ нихъ готовы были заплакать, какъ плачутъ пьяные: не самъ плачетъ человѣкъ, а вино, размягчившее его.

— Что вы смотрите на воеводу?—продолжалъ страшный чернецъ.—Онъ за одно съ Никономъ... Свяжите его, злодѣя, да и по домамъ...

— Меня связать!—раздался вдругъ всѣмъ знакомый голосъ.

Стрѣльцы окаменѣли. Это былъ самъ воевода. Онъ вошелъ въ кругъ, блѣдный, съ трясущимися губами, но твердой поступью. Рука его держалась за рукоятку сабли. Стрѣльцы разступились, какъ трава отъ вѣтру.

— Га!—захрипѣлъ воевода:—вонъ они что затѣяли! воеводу вязать!.. Ты кто таковъ?.. сказывай!—накинулся онъ на чернеца.—Сказывай, каковъ человѣкъ?

— Самъ видишь,—спокойно отвѣчалъ чернецъ.

— Имя сказывай! имянемъ кто?

— Мое имя у Бога записано—не прочтешь.

— А! знаю! ты изъ этой волчьей ямы,—и воевода указалъ на монастырь.—Почто пришелъ сюда?—за какимъ дурномъ?

— За твоей головой.

Воевода порывисто выхватилъ саблю изъ ноженъ, и замахнулся на огненную голову.

— Вотъ я тебя, вора!.. Взять его!

Стрѣльцы испуганно топтались на мѣстѣ, но не двигались впередъ.

— Вамъ говорю: вяжите вора!

То же топтаніе на мѣстѣ. Воевода оглядѣлъ толпу, и глаза его остановились на Киршѣ, который стоялъ понуря голову и тяжело дышалъ.

— Кирша! возьми его, вора.

Кирша нерѣшительно сдѣлалъ шагъ впередъ.

— Что меня брать? Я самъ пришелъ,—сказалъ чернецъ:—своею волею пришелъ, такъ не боюсь тебя.

Этотъ отвѣтъ озадачилъ воеводу. Дѣйствительно, человѣкъ самъ пришелъ—не побоялся ни стрѣльцовъ, ни его. Тутъ что-нибудь да не такъ. Воевода задумался.

— Такъ чего жъ тебѣ надобеть?—спросилъ онъ, наконецъ.

— Того, чего у тебя нѣтъ, а ты дать можешь,—былъ отвѣтъ.

Воевода не понималъ этого загадочнаго отвѣта.

— Чего у меня нѣту и что̀ я могу дать?—переспросилъ онъ.

— Воистину такъ.

— Что жъ это такое, чего у меня нѣту и что я могу дать?

— Вѣнецъ.

— Вѣнецъ? какой вѣнецъ?

— Нетлѣнный.

Воевода отступилъ назадъ. Стрѣльцы невольно переглянулись. Воевода чутьемъ угадывалъ, по порывистому дыханью стрѣльцовъ, которое слышно было, чувствовалъ, что власть ускользаетъ изъ его рукъ. Чего добраго—стрѣльцы свяжутъ его и головою выдадутъ мятежникамъ, а то и сами расправятся. Ему казалось, что онъ стоитъ на льду, среди глубокаго озера, и тонкій ледъ гнется и хруститъ, зловѣще кракаетъ подъ ногами... Надо скорѣе сойти съ опаснаго мѣста, хоть ползкомъ: надо во что бы то ни стало выйти изъ этого остраго положенія.

— Я пришелъ сюда по указу великаго государя, его царскаго величества!—громко сказалъ онъ, оглядывая всю толпу и подходя къ чернецу все съ тою же обнаженною саблею.

— Его царское величество не указывалъ разорять монастырей,—такъ же громко перебилъ его чернецъ.

— Молчать, воръ!—закричалъ воевода, подымая саблю.

— Воръ тотъ, кто монастыри разоряетъ... Его царское величество не указывалъ тремя перстами креститься.

— Врешь, лодыга: его царское величество указалъ и освященный соборъ приговорилъ.

Чернецъ повелъ своими горячими глазами по толпѣ.

— Не слушайте его, православные!—закричалъ онъ:—онъ говоритъ затѣйно... Вотъ какъ креститесь!

И онъ, высоко поднялъ руку, выставивъ торчкомъ два пальца, а остальные пригнулъ. Между стрѣльцами произошло движеніе.

— Вотъ такъ, вотъ такъ, православные! истово!—кричалъ фанатикъ.

— Вотъ же тебѣ какъ—н-на!

Сабля блеснула въ воздухѣ, и къ ногамъ стрѣльцовъ что - то упало. То были всѣ пять пальцевъ фанатика, отрубленные саблей по самые послѣдніе суставы, у связей съ ладонью. Стрѣльцы съ ужасомъ отшатнулись.

Фанатикъ не поморщился. Онъ нагнулся, поднялъ съ земли лѣвою рукою два отрубленныхъ пальца—указательный и средній, и истово перекрестился лѣвой рукой.

— Благодарю тя, Господи, яко сподобилъ мя еси одинъ листочекъ не-

тлѣннаго вѣнца получити,—сказалъ онъ, подымая глаза къ голубому небу, на которомъ стояли курчавыя, какъ бѣлыя овцы, облачка.

Кровь ручьемъ лила изъ перерубленной руки, но изувѣръ не обращалъ на это вниманія: онъ сунулъ за пазуху два отрубленныхъ пальца и улыбнулся...

— А тѣхъ трехъ перстовъ мнѣ не надобеть,—сказалъ онъ и повернулся къ воеводѣ.

Воевода, блѣдный, съ остоячившимися глазами, стоялъ въ раздумьѣ съ поднятою саблею: рубить, или не рубить по огненной головѣ?...

VIII.

Соловецкія святки.

Время шло. Скучное сѣверное лѣто, съ его безконечными днями, почти цѣлыя сутки освѣщаемыми незаходящимъ солнцемъ, и съ его бѣлоглазыми, надоѣдливыми ночами, смѣнилось еще болѣе скучною, хмурою и мертвою зимою съ ея такими же мертвыми, безконечными ночами, освѣщаемыми иногда отъ полуночи страшными „сполохами"—встающими отъ сѣвернаго горизонта длинными, съ переливающимися яркими лучами снопами свѣта, которыми сѣверное сіяніе какъ бы вознаграждаетъ сѣверную мрачную и безконечную ночь за ея мракъ и безконечность, за малость сѣвернаго дня и за скудость и безжизненность сѣвернаго солнца. Весь островъ завернулся въ бѣлый саванъ, какъ покойникъ на льдинѣ Ледовитаго океана. Зловѣщее море кругомъ на необъятное пространство, туманъ и мракъ или вѣтеръ съ пургой и леденящій холодъ, деревья, утонувшія въ инеѣ, мрачныя, заиндевѣвшія стѣны монастыря — все это до боли безпривѣтно и безотрадно.

Къ зимѣ покинули островъ и осаждавшіе обитель ратные люди. Осада шла вяло, неохотно, недружно, а осажденные защищались стойко, упрямо. Воевода самъ видѣлъ, что послѣ неожиданнаго появленія въ его станѣ огненнаго чернеца, которому онъ отрубилъ пальцы на правой рукѣ, а потомъ, забивъ въ колодки, отправилъ подъ карауломъ въ Сумской, — что послѣ этого неожиданнаго появленія изувѣра среди стрѣльцовъ, стрѣльцы потеряли и бодрость духа, и упорство въ добываніи мятежной обители. Думая, что проведя зиму въ Сумскомъ, они къ веснѣ опять будутъ способны съ прежнею отвагою пойти на монастырь, онъ велѣлъ уничтожить всѣ построенные для осады монастырскихъ стѣнъ городки, разорить осадныя укрѣпленія и подкопы и переѣхалъ на зимовку въ Сумской. Но, чтобы монастырь и весь островъ продолжали оставаться въ осадѣ и чтобы осажденные мятежники не имѣли возможности сноситься съ землею и пополнить свои запасы продовольствія, а равно боевые снаряды, — однимъ словомъ, чтобы довести монастырь до безвыходнаго положенія — воевода поставилъ заставы во всѣхъ главныхъ пунктахъ, по всему берегу Онежской губы справа и слѣва.

Но черные мятежники не унывали. Всякихъ запасовъ у нихъ было вдоволь, а отрѣзанность отъ земли была отчасти на-руку старымъ монахамъ: она не давала возможности молодымъ чернецамъ шляться по усольямъ и сосѣднимъ посадамъ и возжаться съ бабами, до которыхъ черная молодежь были большіе охотники.

Послѣ сѣрой, скучной и мокрой осени съ суровыми вѣтрами и туманами и послѣ долгаго Филиппова поста, наступили святки. Все же, хоть какое-нибудь развлеченіе для братіи: и для почтеныхъ старцевъ и для молодшей братіи—„утѣшеніе“ положено: и брашно всякое, и разрѣшеніе вина и елея. Чего же больше людямъ, отрѣзаннымъ отъ міра и его прелестей! За трапезой — и лапшица добрая, и щти съ сушеной рыбкой, и пшенники съ яичкомъ, и пироги съ вязигой, и икорка паюсная, и теши межукосныя, и яишенка глазаста, и оладьи со сметанкой, и квасокъ доброй, и медвяное питье; а по кельямъ — тоже „утѣшеніе“: и коврижки прянишны и сахарны, и древо сахарно доброе, и малинка въ меду, и вишенка въ сахарѣ аглицкомъ, и яблочки въ патокѣ, и пастилки двусоюзныя—и все отъ благодѣтелей. А для молодшей братіи, у кого зубы — и орѣшки кедровы, и орѣшки калены. Послѣ пѣнья, да метаній, да урочныхъ поклоновъ это „утѣшеніе“ немощи ради плоти не возбраняется.

А соснувъ послѣ обѣда, пока не благовѣстили еще къ вечернямъ и день былъ ясный, безъ мятели и пурги, старцы выходили на дворъ, садились на крылечкахъ да на заваленкахъ и смотрѣли, какъ молодшая братія, служки, да молодые трудники, да ратнички, голубей гоняли. Голуби—большая утѣха для отчужденныхъ отъ міра. Спугнутъ это ихъ ратники, либо труднячки, и взовьются они къ небу стаями—кружатся, кружатся по аеру надъ церквами божьими, а турманы свое дѣло дѣлаютъ, а особливо тотъ бѣлый, „въ штанцахъ“: ужъ такъ-то кувыркается по аеру, что и сказать нельзя! А старцы поднимаютъ кверху свои сѣдыя бороды, щурятся на небо, ищутъ чудодѣя турмана „въ штанцахъ“, и хоть старыя очи ничего не видятъ издали, а все же утѣха нѣкая. А тамъ голуби, все кружась шире и шире, все забирая выше и выше, кажется, совсѣмъ хотятъ оставить монастырь и летѣть за море; такъ нѣтъ! Исачко стоитъ середи монастыря, задравъ къ небу свою бороду и разставивъ руки — и все видитъ, и радостно покрикиваетъ: „ахъ онъ воръ! ужъ и воръ птица—что выдѣлываетъ!“ И старцы радуются, хоть и не видятъ всего, что видитъ глазастый Исачко. А тамъ голуби, покружась и покувыркаясь по аеру, спускаются на землю и кучами, довѣрчиво, словно куры, толпятся къ старцамъ. У каждаго старца въ припольѣ, либо въ скуфейкѣ, горстка зерна, либо крохъ отъ трапезы, и старцы бросаютъ этотъ даръ божій божьей твари, птичкѣ небесной...

— Воззрите на птица небесная, иже ни сѣютъ, ни жнутъ,—съ любовью бормочетъ старый Никаноръ, швыряя въ сѣрую, копошащуюся массу крохи отъ поджареннаго пшенника.

А Исачко не отходитъ отъ турмана „въ штанцахъ“, такъ и увивается

около него. Онъ вынесъ ему цѣлый каравай пшенника: самъ не ѣлъ за трапезой, а приберегъ своему любимцу и теперь даже испугалъ его видомъ огромнаго кома желтаго, разсыпчатаго пшенника, брошеннаго къ голубю.

— Клюй, дурашка, не бойся—не укуситъ,—не коршунъ, чать,—бормочетъ онъ, нагибаясь къ турману.

Появляется откуда-то и Спиря. Онъ все также босикомъ, какъ и лѣтомъ, безъ полукафтанья, въ одной длинной рубахѣ, но уже въ скуфейкѣ. Онъ поднимаетъ голову вверхъ и смотритъ на соборную колокольню. Съ колокольни срываются два голубя, летятъ къ Спирѣ и усаживаются какъ куры на нашестъ—одинъ на правое плечо юродиваго, другой на лѣвое. Спиря осклабляется.

— Что, дѣтки—ѣсть, небось, захотѣли?—ласково говоритъ онъ.—А не дамъ—нонѣ постъ.

Голуби машутъ крыльями и тянутся ко рту юродиваго. Тотъ нарочно нагибаетъ голову.

— Что ты ихъ дразнишь? — вступается сердобольный Исачко: — не томи... Ты думаешь и птичина по недѣлямъ поститься должна, какъ ты, двужильный?

Старцы добродушно смѣются.

— Не томи ихъ, Спиря,—говоритъ Никаноръ, смѣясь сѣдыми бровями.

Сухой, серьезный старецъ Геронтій машетъ Спиринымъ голубямъ своей скуфьей и вытряхаетъ изъ нея крошки, маня проголодавшуюся птицу. Но Спирины голуби не летятъ къ отцу Геронтію.

Въ это время изъ-за собора показывается Оленушка. Она въ собольей шубейкѣ, подпоясана голубымъ поясомъ, и въ собольей шапочкѣ. На рукахъ рукавички. Въ правой рукѣ она везетъ саночки маленькія: Оленушка каталась на салазкахъ за монастырской оградой. Молодыя щеки ея пылали морознымъ нѣжнымъ румянцемъ.

Увидавъ ее, Спирины голуби, снявшись съ плечъ юродиваго, тотчасъ же перелетѣли и усѣлись на плечахъ Оленушки, махая крыльями и протягивая головки къ ея смѣющемуся рту съ розовыми губами и бѣлыми, какъ у мышки, зубами. Оленушка заливалась отъ радости, а юродивый съ любовью смотрѣлъ на нее.

— Нѣту у меня ничего—нѣту, гулюшки!—смѣялась Оленушка, защищая свои розовыя губы.

Лица у старцевъ сіяли радостью и умиленіемъ. Старый сѣдобровый Никаноръ улыбался бровями, глядя на Оленушку и на голубей. Даже суровый Геронтій какъ-будто потеплѣлъ своимъ сухимъ лицомъ. Одинъ Исачко не вытерпѣлъ этого.

— Да что вы морите бѣдную птицу! — отозвался онъ недовольнымъ голосомъ.—Вотъ нашли.

Къ архимандриту подошелъ старый соборный звонарь и низко поклонился.

— Благослови, святой отецъ,—сказалъ онъ, протягивая руку пригоршнею.

— Въ било?—сказалъ Никаноръ.

— Во святой колоколъ—къ вечерни благовѣстить,—отвѣчалъ звонарь.

— Во имя Отца и Сына... благословилъ Никаноръ.

Звонарь поплелся на колокольню. Скоро въ морозномъ воздухѣ далеко-далеко по острову и по свинцовому морю съ льдинами и скалами пронесся металлическій крикъ колокола. Голуби встрепенулись и побросали зерна.

Старцы встали, перекрестились и тихо побрели къ вечернѣ. За ними сыпнула остальная братія—старшая и молодшая, служки и трудники, и ратные люди. Остались одни голуби доѣдать зерна и крохи. Къ нимъ налетѣли монастырскія галки и юркіе воробьи... Монастырь замеръ...

Скоро на монастырь спустилась и ночь—темная, съ темнымъ небомъ и яркими звѣздами, блескъ которыхъ блѣднѣлъ только тогда, когда съ полуночи шли и трепетали на небѣ яркія полосы „сполоха..."

Скоро и сонъ сошелъ на монастырь: братіи надо успѣть соснуть до полуночного бдѣнія и до утреннихъ метаній — и братія спитъ. Не спитъ только старость, къ которой сонъ нейдетъ — такъ старость молится по кельямъ и вздыхаетъ о грѣхахъ своихъ да о молодости...

Не спитъ еще и молодость...

Не спитъ Оленушка. Накатавшись вдоволь на салазкахъ, которыя смастерилъ ей келарь Наѳанаилъ, большой искусникъ строитель и худогъ, отстоявъ потомъ вечерни и воротившись въ отведенную ей съ матерью келью, она поужинала, пощелкала кедровыхъ орѣшковъ, погрызла немножко орла сахарнаго и вздумала погадать о суженомъ. Нельзя-же—святки на дворѣ: хоть и монастырь, а все же святки. Мать души въ ней не чаяла, и потому согласилась на все, хоть въ монастырѣ бы и грѣшно гадать... „Экое мірское дуростное дѣло—да въ святой-ту обители! Что жъ—дите малое, неразумное: пущай побалуетъ... Коли и взыщетъ Господь, такъ на мнѣ, на старой дурѣ; а я отмолюсь — еще привезу въ святую обитель, коли жива буду, бочку — другую беремянную вина ренсково да пудъ ладону росново"—думала себѣ Неупокоиха.

Налили въ миску воды, достали жестянку, положили въ нее воску отъ іорданской свѣчки и стали топить воскъ на свѣтцѣ. Ростопили. Оленушка, вся пунцовая отъ хлопотъ, отъ жару свѣтца и отъ волненія, загадала про Борю, перекрестилась истово... Рука дрожитъ—шутка ли!—про судьбу гадать, про суженое... Нагнула жестянку надъ миской. Желтой лентой полился растопленный воскъ въ воду, и съ шипомъ падая въ нее и погружаясь, неровными лохмотами всплывалъ наверхъ... Все вылито... Дрожащею рукою, бережно, словно драгоцѣнность какую, вынимаетъ Оленушка восковые лохмотки изъ воды, кладетъ ихъ на розовую ладонь и со страхомъ разсматриваетъ...

— Ничего не разберу, мама,—волнуется Оленушка:—что вышло.

Волнуется и старуха. Приглядывается къ ладони дочери, подноситъ ее къ свѣтцу, щурится.

— Кубыть вѣнецъ,—нерѣшительно говоритъ она.

— Ахъ нѣтъ, мама! Кочетокъ словно,—еще болѣе волнуется Оленушка

— Може и кочетокъ... У тебя глазки молоденьки — лучше моихъ... Кочетокъ—это къ добру.

— Нѣту, мама,—это сани...

— И сани къ добру.

Оленушка перевернула комокъ воску на другой бокъ, приглядывается.

— Не то шляпа, не то сапогъ,—съ огорченіемъ въ голосѣ говоритъ она.

— Что ты, глупая! не сапогъ, а вѣнецъ!—огорчается и старуха.— А ты не такъ смотришь, дитятко,—заторопилась она:—надоть тѣнь смотрѣть... Да-ко-сь!

И она подносила руку дочери къ стѣнѣ, чтобъ отъ нея и лежащаго на ладони комка воску падала на стѣну тѣнь.

— Зайчикъ, мама.

— Что ты, дурашка! Это твои пальцы.

Оленушка выпрямила ладонь. Тѣнь на стѣнѣ кельи вырисовывалась яснѣе.

— Охъ, клобукъ, мама! —испугалась Оленушка, и даже поблѣднѣла.

Испугалась и старуха, но скрыла, не подала виду.

— Что-й-то ты, непутевая!—разсердилась она:—вѣнецъ и есть!

Такъ и порѣшили на вѣнцѣ, хотя Оленушка въ вѣнцѣ сильно сомнѣвалась.

— А что-то въ Архангельскомъ у насъ теперь,—грустно заговорила она.

— Святки тоже—гуляютъ... Поди озорники въ хари наряжаются...

Оленушка вздохнула. Ей кто-то и что-то вспомнилось...

— Господи! Когда же мы въ Архангельской, домой воротимся? —заговорила она какъ бы про себя.

— Весной, дитятко,—пожди маленько. Вонъ лѣтомъ ты недужала, а тамъ осада эта.

— А коли и весной осадятъ?

— Нѣту, не осадятъ. Отецъ Никаноръ сказывалъ — ни въ жисть не осадятъ: напужаны-де.

— То-то, мама. А какъ осадятъ?

— Отсидимся, дитятко. Отецъ Никаноръ сказывалъ: всѣ войска никоніанъ не возьмутъ обители, потому: Зосима-Савватій на сторожѣ стоятъ.

Оленушка опять вздохнула.

— А мнѣ хоть вѣкъ тутъ жить, такъ само по душѣ,—говорила старуха: —святое мѣсто, спокой, молишься себѣ, всѣ тебя уважаютъ... Вотъ одинъ только этотъ пучеглазый Ѳеклиска... А все на тебя буркалы пялитъ... Да ужъ я его и отсмердила добре...

Оленушка вспыхнула. Она сама видала, какъ на нее засматривался глазастый молодой чернецъ, что Ѳеклиской звали, и разъ въ церкви тихонько ей на ногу наступилъ...

А чернецъ Ѳеклиска тоже не спалъ; не спали и еще кой-кто изъ мо-

лодшей братіи... Нельзя же — святки... Прежде, до этого проклятаго сидѣнья, когда монастырь не стерегли, какъ дѣвку на возрастѣ, еще можно было урваться въ посадъ либо на усолья—около бабъ потереться да грѣшнымъ дѣломъ и оскоромиться мясцомъ; а теперь—сиди въ четырехъ стѣнахъ словно огурецъ въ кадкѣ, либо супоросая свинья въ сажалкѣ. Надо же и кости поразмять, чтобъ и молодая кровь не сыворотилась...

Вонъ огонекъ въ работницкой поварнѣ — метлешитъ тамъ что-то. А что? Посмотримъ, благо городничій старецъ Протасій ненарокомъ переспалъ себѣ вина и елея, и теперь крѣпко спитъ.

Въ поварнѣ „вавилонія идетъ", какъ выразился веселый Ѳеклисъ: „жезлъ Аароновъ расцвѣте"—это, значитъ, чернецы гуляютъ. Просторная комната слабо освѣщена свѣтцомъ. На столѣ, у края, красуется боченокъ. На лавкахъ у стола сидятъ чернецы и играютъ въ „зернь". А посреди комнаты стоятъ другъ противъ друга молодой чернецъ и черничка: руки въ боки, глаза въ потолоки, ноги на вывертѣ—плясать собираются. Въ плясунѣ монахѣ мы узнаемъ старца Ѳеоктиста, вѣрнѣе Ѳеклиску, а въ монашкѣ плясавицѣ—молоденькаго служку Иринеюшку, который, будучи наряженъ теперь черничкою, необыкновенно похожъ на хорошенькую дѣвочку.

— Ну, царь Давыдъ! играй на гусляхъ!—говоритъ Ѳеклиска чернецу безъ скуфьи, сидящему у стола и смотрящему на игроковъ въ зернь.

Чернецъ безъ скуфьи оборачивается и смѣется при видѣ плясуновъ, собравшихся „откалывать колѣнца".

— Ино играй же, царь Давыдъ, бери гусли!—не терпится Ѳеклискѣ.

„Царь Давыдъ" безъ скуфьи беретъ большой деревянный гребень съ продѣтой промежду зубцовъ бумажкою—гребень замѣняетъ гусли — и начинаетъ водить губами по гребню и южжать что-то очень бойкое...

Черничка, подражая настоящей бабѣ, задергала плечами и завизжала не сформировавшимся еще мужскимъ голосомъ:

Выходила млада старочка,
Младехонька, хорошохонька,
Поклонилася низехонько:
Я не дѣвушка, ни вдовушка...

— Не ту—не ту!—перебиваетъ Ѳеклиска.

И пустившись въ-присядку, такъ что полы полукафтанья разстилались по землѣ, зачастилъ говорокомъ, а за нимъ „царь Давыдъ" съ гуслями:

Не спасибушко игумну тому,
Не спасибушко всей братьи его:
Молодешеньку въ чернички стригутъ,
Зеленешеньку посхимливаютъ.
Не мое дѣло въ черницахъ сидѣть,
Не мое дѣло къ обѣднѣ ходить,
Не мое дѣло молебны служить;
Какъ мое дѣло въ бесѣдушкѣ сидѣть,
Какъ мое дѣло винцо щелыгать.
Посошельицо подъ лавку брошу,

Камилавочку на столъ положу,
А сама млада по келейкѣ пройду,
Молодешенька погуливаю!

— Эхъ ну!—гоготалъ Ѳеклистъ:—го-го-го! Предъ сѣннымъ ковчегомъ скакаша-играя веселыми ногами!

А Иринеюшко павой выплывалъ, совершенно по-бабьи — видно, что изучилъ свое дѣло въ совершенствѣ—и ручкой помавалъ, и плечикомъ вихлялъ, и глазами „намизалъ“. Игравшіе въ зернь чернецы бросили игру и любовались Иринеюшкой.

— Ай да черничка! и настоящей не надоть!—похваляли старцы.

А Иринеюшко, подойдя къ столу и притоптывая ногою въ валенкѣ, выговаривалъ подъ южжанье гребня:

На улицѣ было
На широкой диво:
Варилъ чернецъ пиво.
Чернечикъ ты мой,
Горюнъ молодой,
Погуляй-ко со мной.
Вступила хмелинушка
Въ буйную головушку:
Не дастъ мнѣ тряхнуться,
Не дастъ ворохнуться.

— Ну! ино выпей, млада черничка — на! Вотъ пивцо, что варилъ молодой чернецъ.

И „царь Давыдъ“, положивъ гребень, налилъ изъ боченка пива въ ковшъ и подалъ Иринеюшкѣ... Иринеюшко выпилъ, утеръ рукавомъ розовыя губы и опустился на лавку.

— Что, братъ? али по-бабьи труднѣе плясать-ту? — спросилъ игрецъ въ зернь.

— Не въ примѣръ труднѣй.

— Знамо, надоть чтобъ и плечи, чтобъ и все выходило.

Въ поварню ввалились еще гости. Вошелъ медвѣжій поводильщикъ съ бубномъ, за нимъ медвѣдь на веревкѣ и коза съ рогами, а на рогахъ — старая камилавка. Веселый хохотъ встрѣтилъ дорогихъ гостей.

— Ай да Миша! ай да воевода Топтыгинъ!—привѣтствовалъ медвѣдя Ѳеклистъ.

— А ты прежъ угости меня,—заревѣлъ медвѣдь.

— И меня, козу въ сарафанѣ,—замекекала коза:—мме! и меня!

Гостямъ поднесли пива. Поводильщикъ, выпивъ ковшъ, задудѣлъ въ бубенъ, а „царь Давыдъ“ заюжжалъ на гребнѣ. Медвѣдь тяжело, грузно пошелъ плясать, а вокругъ него скакала коза, тряся бородой и приговаривая:

Я по келейкѣ хожу,
Я черничку бужу:
Черничка встань!

Молодая встань!
Не могу я встать,
Головы поднять.
Ужъ и встати было,
Поплясати было,
Для милыхъ гостей
Поломати костей...

— Вотъ я вамъ переломаю кости, лодыжники!—раздался вдругъ грозный голосъ.

Всѣ встрепенулись и замерли на мѣстахъ. На порогѣ стоялъ городничій старецъ Протасій. Въ рукахъ его былъ огромный посохъ — „жезлъ Аарона", какъ называли его молодые чернецы, по комъ гулялъ этотъ „жезлъ"...

И „жезлъ" погулялъ-таки въ эту памятную ночь соловецкаго сидѣнья...

IX.

Спирина печерочка.

Наступила, наконецъ, и весна, къ которой и въ сонныхъ грезахъ и наяву, въ кельѣ и въ церкви, подъ ровное постукиванье вязальныхъ спицъ матери и подъ однообразное чтеніе нескончаемыхъ каѳизмъ, неудержимо рвалось молодое, несутерпчивое сердце Оленушки. Богъ вѣсть откуда стали слетаться птицы, оглашая островъ и взморье радостными криками, словно бы это были странничкп, слетѣвшіеся со всего свѣта посмотрѣть, что-то дѣлается на далекомъ, уединенномъ зеленомъ островку и также ли и тутъ плачутъ люди, какъ въ тѣхъ прекрасныхъ далекихъ теплыхъ земляхъ, откуда они прилетѣли, или новая весна осушила всѣ людскія слезы. И ночью, на поголубѣвшемъ съ весною небѣ, и на свѣтлой, румяной зарѣ, и въ яркій полдень — все неслись и звенѣли по небесному пространству птичьи голоса, и одни смолкали .тамъ, въ той сторонѣ, съ полуночи, а другіе неслись къ острову съ той стороны, отъ полудня. Все короче и короче становились ночи, все продолжительнѣе и продолжительнѣе становились дни. И вокругъ келій, и у монастырскихъ стѣнъ, и за стѣнами, и даже въ трещинахъ и на выступахъ старыхъ стѣнъ и крышъ пробивалась зеленая травка. Островъ ожилъ вмѣстѣ съ этою оживающею зеленью и съ этимъ неугомоннымъ птичьимъ крикомъ и гаметомъ. Даже съ монастырскими птицами—голубями, галками и воробьями—творилось что-то необычайное. Бѣлый турманъ въ „штанцахъ" вился и кувыркался въ воздухѣ еще безумнѣе, такъ что Исачко, задирая къ небу голову, чтобы лучше видѣть своего любимца, чуть не свихнулъ своей воловьей шеи. Спирины „гули" совсѣмъ бросили своего воспитателя и все цѣловались на соборномъ карнизѣ и доцѣловались до того, что едва успѣли кое-какъ смостить себѣ на одной балкѣ гнѣздо, и то благодаря юродивому, который тихонько подкладывалъ имъ, по близости гнѣзда, соломки и шерстки...

— Это брату-ту съ сестрой?—подшутилъ надъ нимъ однажды Исачко,

увидавъ его за этимъ благочестивымъ занятіемъ, и лукаво подмигнулъ своими косыми глазами:—ахъ, ты старый грѣховодникъ!

Когда же Оленушка спросила Спирю, почему „гули“ покинули его, юродивый отвѣчалъ:

— Погоди маленько, дитятко, и ты кинешь матушку для Борьки.

Оленушка только вспыхнула и закрылась рукавомъ. Ей и страшно и хорошо разомъ сдѣлалось отъ словъ юродиваго. Какъ онъ могъ узнать, думалось ей, что у нея есть въ Архангельскѣ зазнобушка? И какъ онъ могъ знать, что его зовутъ Борей? Вѣстимо потому, что онъ святой, прозорливый человѣкъ, а потому онъ насквозь человѣка видитъ — и мысли его читаетъ, и душу видитъ какъ на ладонкѣ, и всѣ грѣхи его знаетъ. И при этомъ Оленушка зардѣлась еще больше: она вспомнила, что сегодня утромъ ей страхъ-какъ хотѣлось молочной каши... А сегодня середа, постный день... Спиря все это знаетъ—ахъ, срамъ какой!

Теплый, ласковый весенній воздухъ тянулъ Оленушку за монастырскія ворота. За воротами, казалось, ближе было къ Архангельску: коли бы крылья, какъ у тѣхъ птушекъ, такъ бы и полетѣла черезъ море, и дорогу бы, кажется, нашла—все туда, туда, далеко, откуда солнышко по утрамъ выходитъ...

И она очутилась за воротами. Глянула на море, на стѣны. И смурыя стѣны весною смотрятъ веселѣй. Вездѣ пробивается изъ земли и тянется къ небу зелененькая травка. На сѣрыхъ камняхъ кучками сбились красныя божьи коровки—и они выползли погрѣться на солнышкѣ. Оленушка присѣла и стала разсматривать ихъ: иныя сидятъ смирнехонько, не ворохнутся, другія копошатся, ползаютъ. Въ воздухѣ птичій грай и щекотъ — такъ и подмываетъ улетѣть далеко-далеко отъ этихъ постылыхъ мѣстъ.

Оленушка пошла дальше, вдоль стѣнъ: то сорветъ изсѣра-зеленый кудрявый мохъ, повертитъ его въ рукахъ и броситъ, то нагнется надъ желтымъ цвѣточкомъ, поглядитъ на него, потрогаетъ лепестки, сдуетъ съ нихъ муравья или другую козявку, и опять идетъ себѣ тихонько, да нѣтъ-нѣтъ все и поведетъ глазами по гладкой равнинѣ моря... Ни корабликъ ни одинъ не чернѣется, ни парусъ не бѣлѣется; только поблескиваютъ иногда на солнцѣ крылья чаекъ да мартыновъ - рыболововъ... „То-то кабы чайкины крылья—полетѣла бъ, не отдыхаючи, до самово Архангельсково, надлетѣла бъ надъ батюшковъ дворъ да и крикнула: ки-ихъ! батюшко родимый! выходь-ко на тесовое крылечко, сустрѣчай свою дочушку Оленушку... А то бы сѣла у Борюшки подъ косящатымъ окошечкомъ и запѣла бъ: кии-ихъ! милъ сердечный другъ! отворяй-ко ты окошечко, впущай къ себѣ птушечку Оленушку...“

Оленушка чуть не заплакала. Шутка ли! скоро годъ, какъ они сидятъ здѣсь, словно въ темной темницѣ. А еще когда-то пріѣдутъ богомольцы да возьмутъ ихъ съ собою! Да и пріѣдутъ ли? Можетъ опять нагрянутъ эти московскіе разбойники, опять запрутъ монастырь и опять начнется пальба безъ конца.

Долго бродила Оленушка вокругъ монастыря, тоскуя и не находя себѣ мѣста. Зайдя за одинъ выступъ монастырской стѣны, подходившей почти вплоть къ морю, она усѣлась на краю обрыва и, собирая вокругъ себя мохъ, стала дѣлать изъ него вѣнокъ. Она совсѣмъ углубилась въ свое занятіе, вспоминая то, что нагоняла ей на мысли молодая память, или раздумывая о настоящемъ, смысла котораго она никакъ не могла понять. Она много слышала о какомъ-то Никонѣ, и онъ представлялся ей какимъ-то звѣремъ, но звѣремъ невиданнымъ, а такимъ, какой написанъ на одномъ образѣ въ соборѣ — не то звѣрь, не то человѣкъ, не то баба. И зачѣмъ это онъ книги какія-то новыя выдумалъ? Зачѣмъ онъ велитъ креститься тремя перстами? И для чего онъ какой-то *азъ* у Христа отнялъ, а самого Господа Исуса какимъ-то *ижемъ* прободалъ? Что это за *иже* такое? Развѣ то копіе, которымъ воинъ Христа на крестѣ прокалываетъ въ ребра?... И чего нужно отъ монастыря этимъ стрѣльцамъ?... Она думала и объ Аввакумѣ, который представлялся ей въ видѣ того святого, который стоитъ на столбѣ и креститъ двумя перстами тѣхъ, что стоятъ подъ столбомъ... Сколько народу стоитъ!... Вспомнила она и того краснаго какъ огонь чернеца въ веригахъ, что пришелъ отъ Аввакума; этотъ чернецъ пропалъ еще съ осени; говорятъ, его воевода замучилъ, отрубилъ ему всѣ пальцы на правой рукѣ, а когда на рукѣ снова выросли только два пальца—указательный и средній—и онъ опять началъ молиться этими двумя пальцами истово, то воевода отсѣкъ ему голову, а пальцы сколько ни отсѣкалъ, они вновь приростали...

Сидя такъ неподвижно, Оленушка съ удивленіемъ слышала, какъ-будто кто-то подъ землею шевелится, не то глухо скребется. Она стала прислушиваться и осматриваться. Почти подъ ногами у нея, ниже, подъ неровнымъ каменистымъ берегомъ плескалось море, наскакивая на берегъ съ пѣной и снова отступая и падая. Вправо изъ-за корней и спутавшихся вѣтвей съ свѣжею зеленью выглядывалъ большой сѣрый камень. Всматриваясь въ него, Оленушка видѣла, что изъ-подъ самаго камня, казалось, сползала земля и тихо сыпалась въ море съ отвѣсной кручи. Отчего же это сползала тамъ земля? Развѣ камень хочетъ упасть въ море? Такъ камень, кажется, не двигается...

Вдругъ изъ-за камня показалась косматая голова... Оленушка чуть не вскрикнула, да отъ ужаса такъ и прикипѣла на мѣстѣ съ пучкомъ моха въ рукѣ... Голова повернулась — и Оленушка узнала Спирю! Юродивый также узналъ ее, и его добрые, сабачьи глаза блеснули радостію...

— Это ты, дѣвынька?—отозвался онъ тихо.

— Я, дѣдушка, — отвѣчала дѣвушка, чувствуя, что у нея еще колотится сердце.

Юродивый совсѣмъ вылѣзъ изъ-за камня. Онъ былъ весь въ землѣ—руки, ноги, волосы.

— Ты что это тутъ, дѣвынька, дѣлаешь?—спросилъ онъ, приближаясь.

— Вѣнокъ заплетаю.

— А!... а кому?

— Богородицѣ, дѣдушка,—на образъ.

— Умница дѣвынька—заплетай.

— А ты, дѣдушка, что тутъ дѣлаешь?

— Ямку собѣ.

Оленушка глядѣла на него удивленными глазами.

— Норку,—пояснилъ юродивый:—нору звѣрину.

— Нору?

— Да, язвину, дѣвынька... язвину, ихъ же и лиси имутъ, Сынъ же человѣческій не имѣлъ.

Оленушка все-таки ничего не понимала и въ недоумѣніи теребила свой вѣнокъ.

— Печерочку себѣ махоньку копаю, дѣвынька,—пояснялъ Спиря, показывая руками, какъ онъ это копаетъ.

— На что жъ она тебѣ, дѣдушка?

— А молиться въ ней буду, вонъ какъ въ Кіевѣ печерски угоднички молились.

— А на что жъ церква, дѣдушка?

— Церква церквой... Только въ церкви соблазнъ бываетъ, дѣвынька,—а въ печерочкѣ—только Богъ да смерть.

Дѣвушка невольно вздрогнула...

— Господи! какъ страшно...

— Страшно межъ людьми, дѣвынька, на вольномъ свѣту, а подъ землей—благодать.

Оленушка задумчиво смотрѣла на море. Юродивый сѣлъ около нея.

— Только ты, дѣвынька, никому не сказывай о моей печерушкѣ — ни-ни! ни матушкѣ родимой!

— Не скажу, дѣдушка.

— То то же, мотри у меня—Христомъ прошу.

Дѣвушка продолжала смотрѣть на море и прислушиваться къ далекому плаканью чаекъ.

— Что—скучаешь у насъ, дѣвынька?

— Да, дѣдушка—домой бы.

— Али дома лучше?

— Лучше.

Юродивый помолчалъ, вздохнулъ, помоталъ головой. Онъ вспомнилъ, что и у него когда-то было свое „домой“. Только давно это было.

И передъ нимъ вмѣсто этого безбрежнаго моря съ плачущими чайками нарисовалась другая картина, вся озаренная солнцемъ юга. Высокій берегъ Волги съ темною зеленью въ крутыхъ буеракахъ. Въ зелени, не переставая, кукуетъ кукушка. Красногрудый дятелъ однообразно долбитъ сухую кору стараго тополя. Въ ближней листвѣ высокаго осокоря свистятъ задорныя иволги, а на сухой вѣткѣ дуба тоскливо гугнитъ лѣсной голубь-припутень. Внизъ по Волгѣ, сверху, плыветъ косная лодочка, изнаряженная, изукрашенная. По водѣ доносится пѣсня:

Полосаль моя полосынька,
Полоса-ль моя не паханяя...

Лодка причаливаетъ къ берегу. Удалыя молодцы высаживаются и выводятъ подъ-руку кого-то на берегъ... Виднѣется дѣвичья коса, а на солнцѣ играетъ „лента алая, ярославская...“

— „Здравствуй, батюшка атаманушка Спиридонъ Ивановичъ!—кричатъ удалые:—примай любушку-сударушку за бѣлы руки...“

Спиря вздрагиваетъ и дрожащею рукою ощупываетъ въ своей сумѣ мертвый черепъ... „Прочь—прочь!“ мотаетъ онъ своею посѣдѣлою головой...

— Такъ въ Архангельскомъ лучше, чѣмъ у насъ, вотъ здѣся?—снова заговорилъ онъ.

— Лучше, дѣдушка, не въ примѣръ лучше.

— А чѣмъ бы, скажи-тко?

— Ахъ, дѣдушка! да теперь тамъ, съ весной-то, что кораблей изъ-за моря придетъ!—и изъ галанской земли, и съ аглицкой земли, и съ любской земли, да изъ города Амбурха! Ахъ, и что жъ это!

Оленушка даже руками всплеснула.

— Ну и что жъ что придутъ?—какъ бы подзадоривалъ ее юродивый, любуясь оживленіемъ дѣвушки.

— Какъ „ну что“!.. А товаровъ-то, узорочья всякаго что навезутъ!

— Ай-ай-ай!—качалъ головой юродивый.

— И зерна всяки чурмышски, и зеньчугъ большой и мелкой и скатной, и бархаты турецки, и фларенски, и венедицки, и нѣмецки—цѣлыми косяками! А что отласовъ турецкихъ—золото съ серебромъ, что камокъ куфтерей добрыхъ всякихъ цвѣтовъ,—и камокъ кармазиновъ, крушчатыхъ и травныхъ, и камочекъ адамашекъ! А то золото и серебро пряденое, бархаты черленые кармазины, бархаты лазоревы и зелены, бархаты таусинные гладкіе, да бархаты багровы, да бархаты рыты...

Спиря ласково глядѣлъ на нее и грустно качалъ головой.

— Ай-ай-ай! что у васъ узорочья-то!—повторялъ онъ какъ-то машинально.

— Да, дѣдушка,—а отласы-тѣ каки!—все болѣе и болѣе увлекалась Оленушка: — и черленъ отласъ, и лазоревъ отласъ, и зеленъ отласъ, и желтъ отласъ, и таусинъ отласъ, и багровъ отласъ! А объяри золотны, а камочки индѣйски, а зуфи анбурски, а шелки рудожелты да дымчаты, а шарлатъ сукно да полушарлатъ, да сукна лундыши, да сукна настрафили! А ленты-то, ленты!

Оленушка даже руками всплеснула.

А передъ юродивымъ опять промелькнула „лента алая, ярославская“, и крутой берегъ Волги, и эта широкая голубая рѣка, и туманно-голубое безбрежное Заволжье...

— „Атаманушка Спиридонъ Ивановичъ!.. Любушка...“

— Господи! отжени—охъ!—невольно простоналъ, хватаясь за сердце, юродивый.

Оленушка невольно остановилась.

— Что съ тобой, дѣдушка?
— Ничего, дитятко... Такъ ленты, сказываешь?
— Ленты, дѣдушка,—алы...
— Такъ и алы?
— Алы и лазоревы...
— Тете-тете... ишь ты!..

Юродивый отмахивается отъ воспоминаній, мотаетъ головой, а воспоминанья встаютъ, встаютъ какъ мертвецы изъ гробовъ... Краски прошлаго встаютъ, звуки, голоса, и этотъ проклятый голосъ:

Полоса-ль моя, полосынька,
Полоса моя непаханая...

Это грѣхи встаютъ, какъ они встанутъ на страшномъ судѣ... Куда отъ нихъ дѣваться?—Некуда! — Въ землю, въ язвину, въ пещеру? — Они и тамъ найдутъ...

Оленушка взглянула на море, да такъ, казалось, и застыла. Приподнятая рука остановилась въ воздухѣ. Доплетеный вѣнокъ упалъ на колѣни. Щеки ея все болѣе и болѣе заливалъ румянецъ...

Въ туманной дали на гладкой поверхности моря бѣлѣли, какъ свѣтлые лоскутки, паруса... Да, это не крылья чаекъ...

— Дѣдушка!—чуть слышно заговорила дѣвушка.

Юродивый взглянулъ и оглянулся кругомъ.

— Что ты, дитятко?—спросилъ онъ разсѣянно.
— Плывутъ... вонъ паруса...
— Кто плыветъ?
— Они... богомольцы...

Дѣвушка показывала на море. Юродивый щурился, прикладывалъ ладонь надъ глазами, въ видѣ козырька.

— Не вижу, дѣвынька.
— А я вижу, дѣдушка,—вонъ...
— У тебя глазки молоденьки...

Оленушка вскочила на ноги, поднялась на цыпочки, и готова была, казалось, побѣжать по морю, какъ по суху. Глаза ея горѣли, губы дрожали.

— Господи! Богородушка! кабы батюшка пріѣхалъ!

Вдругъ на стѣнѣ что-то грохнуло и разсыпалось гуломъ по острову и по морю. Юродивый перекрестился.

— Вотъ тебѣ и на!—сказалъ онъ тихо, и опустилъ голову.
— А что, дѣдушка?—встрепенулась Оленушка.
— Злодѣи плывутъ, дитятко. Ахъ! ноли не слыхала пушки?

Оленушка, блѣдная какъ полотно, упала на землю и зарыдала голосомъ.

X.

Начало безпоповщины.

Не сбылись надежды Оленушки. Съ весны монастырь снова обложенъ былъ стрѣльцами.

Теперь воевода Мещериновъ явился подъ монастырь уже съ царскою граматою, за государственною большою печатью, „подъ кустодіею“, коймы и титулъ писаны золотомъ.

Стрѣлецкій полуголова Кирша вступилъ въ монастырь во всемъ величіи посольства, съ двумя сотниками, держа царскую грамату на головѣ, на серебряномъ подносѣ, словно дароносицу. Власти монастыря ввели его прямо въ соборъ. Старикъ архимандритъ, круто насупившись и шевеля своими волосатыми бровями, съ амвона принялъ грамату съ головы Кирши, который ни за что не рѣшался нагнуться или шевельнуть своею волчьею шеею...

— Съ царскою граматою, что и съ дарами, гнуться не указано,—раздался въ тишинѣ его сиплый голосъ.

Черная братія усиленно дышала. Никаноръ, принявъ съ головы стрѣльца грамату, повернулъ ее на свѣтъ.

— Печать большая государственная, подъ кустодіею, съ фигуры... подпись дьячья на загибкѣ,—бормоталъ онъ какъ бы про себя, разсматривая документъ государственной важности.

Около него стояли келарь Наѳанаилъ, городничій старецъ Протасій и длинный, и сухой какъ жезлъ Аарона, старецъ Геронтій.

— Огласи грамату, по титулѣ,—сказалъ глухо Никаноръ, передавая грамату Геронтію.

Геронтій взялъ грамату. Сухія и длинныя руки его дрожали. Черная братія притаила дыханіе.

Геронтій откашлялся, словно ударилъ обухомъ по опрокинутой сорокоушѣ.

— „Бога,—началъ онъ прямо съ октавы,—Бога въ трехъ присносіятельныхъ ипостасѣхъ единосущнаго, пребезначальнаго, благъ всѣхъ виновнаго свѣтодавца, имъ же вся быша, человѣчческому роду миръ дарующаго милостію!“

Грамата ходенемъ ходила въ его рукахъ. Голосъ иногда срывался. Золото, которымъ блисталъ титулъ царя, рябило въ глазахъ. Онъ передохнулъ.

— „И сіе благодѣяніе повсюду повѣстуя, мы, великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Русіи самодержецъ, и многихъ государствъ и земель восточныхъ, и западныхъ, и сѣверныхъ отчичъ и дѣдичъ, и наслѣдникъ, и государь, и обладаатель...“

...„Облаадатель“ на слогѣ „лаа“ онъ неимовѣрно вытянулъ, въ точности слѣдуя написанію титула, въ которомъ „обладатель“ неизмѣнно должно было писаться съ двумя „азами“ послѣ „люди“: — „начертаніе истовое“, освященное, за опущеніе одного *а* въ титулѣ дьяковъ сѣкли батоги, а подъячихъ—кнутомъ нещадно... Таково было время...

— „Облаадатель!“—рявкнулъ Геронтій: Соловецкаго нашего монастыря архимандриту Никанору, келарю Наѳанаилу, городничему старцу Протасею и соборному старцу Геронтею (опять сорвался голосъ), священникомъ, дьякономъ, всѣмъ соборнымъ чернецомъ, и всей братьи рядовой и больничной, и служкамъ и трудникамъ всѣмъ!“

Онъ перевелъ духъ. Собраніе дышало тяжело, порывисто, словно въ церкви не хватало воздуху. За окнами ворковали и дрались голуби. Воробьи чирикали, словно передъ грозой. Залетѣвшая въ соборъ ласточка пронеслась надъ самой головой Геронтія, едва не зацѣпивъ его крыльями, и прицѣпилась лапками къ иконостасу. Надъ черными клобуками и скуфьями собора поднялась костлявая рука Спири: юродивый грозилъ пальцемъ ласточкѣ.

— „Въ минувшихъ лѣтахъ и въ прошломъ во стѣ-восемьдесятъ во вторымъ году, — продолжалъ, передохнувъ, Геронтій:—посланы были по указу моему государеву къ вамъ, къ братіи, книги новой печати для церковнаго обиходу, чтобы вамъ по тѣмъ книгамъ службу служить и литургисать. И вы тѣхъ книгъ дуростію своею и озорствомъ не приняли, и по тѣмъ книгамъ не литургисали, и божественнаго пѣнья не пѣли, и молебновъ не служили, а яко свиніи бисеръ многоцѣненъ тѣ книги ногами потоптали, и моихъ государевыхъ ратныхъ людей въ монастырь не пустили, и по нимъ яко бы по непріятелямъ и врагамъ церкви божіи и меня великаго государя изъ пушекъ и пищалей стрѣляли, и аки козлы мерзкіе по старымъ книгамъ литургисали, и аллилуію сугубили, а не трегубили, и *азъ* изъ символа вѣры, яко волчецъ нѣкій изъ нивы Господней, не исторгли, а козлогласовали съ *азомъ*, и *иже* у имени Господа и Спаса нашего Іисуса Христа яко камень многоцѣненъ изъ ризы Господней украли, и иное неподобное творили“.

Черная братія съ изумленіемъ и страхомъ смотрѣла на чтеца и на стараго Никанора. Геронтій передохнулъ и отеръ рукавомъ потъ, выступившій на сухомъ морщинистомъ лбу. Никаноръ насупился такъ, что за бровями совсѣмъ не видно было глазъ, только лицо его покраснѣло. Губы беззвучно шевелились, какъ бы пережевывая страшныя слова граматы.

Не поднимая глазъ отъ бумаги, Геронтій глубоко забралъ въ грудь воздуху и продолжалъ:

— „И какъ къ вамъ сія наша великаго государя грамата придетъ, и вы бъ отъ своей дурости и озорства всеконечно отстали, и моихъ государевыхъ людей честно и грозно приняли по старинѣ, и по новымъ книгамъ есте литургисали, и аллилуію бъ есте не сугубили, и *аза* изъ символа вѣры извергли, и *иже* у Іисусова имени не отымали. А буде вы сего нашего государскаго указа не послушаете и отъ своего озорства не отстанете, и за то вамъ отъ насъ великаго государя быти въ опалѣ, и въ жестокомъ наказаніи и конечномъ разореніи безо всякія пощады, даже до смертной казни“.

Все кончено!.. Геронтій съ трудомъ перевелъ духъ и поднялъ глаза къ небу—къ куполу. Братія, повидимому, ждала чего-то. Но Никаноръ, на котораго всѣ смотрѣли, упорно молчалъ.

Геронтій вертѣлъ грамату въ рукахъ. Посолъ Кирша ждалъ и глядѣлъ на Никанора. Тихо кругомъ, и только слышалось, какъ передъ образомъ Спасителя юродивый стукался лбомъ объ полъ.

— Грамата великая, подлинная,—говорилъ самъ съ собой Геронтій, глядя на золотое письмо въ началѣ:—коймы и фигуры писаны золотомъ... богословье и великаго государя именованье по *иже*, а соловецкаго монастыря по *мыслете* писано то-жъ золотомъ...

— Эко диво золото!—раздался вдругъ хриплый голосъ: — у дьяковъ золота много.

Всѣ оглянулись. Это говорилъ юродивый.

— Спиридонъ дѣло говоритъ!—вдругъ глянулъ изъ-подъ своихъ бровей старый Никаноръ.—Можно золотомъ написать не токмо по *мыслете*, а по самое *твердо*, а то и до *ижицы* — всю грамату можно золотомъ написать, а все жъ та грамата будетъ не въ грамату.

— А печать подъ кустодіею?—возразилъ Геронтій, весь блѣдный.

— Печать у дьяка въ калитѣ.

— А коймы и фигуры?

— На то есть писцы и богомазы, — отрѣзалъ Никаноръ: — все состряпаютъ.

— Такъ ты думаешь—эта грамата не царская?—удивился Геронтій.

— Она у царя и на глазахъ не была.

— Ноли великаго государя обманываютъ?

— И Бога обманываютъ,—послышался отвѣтъ юродиваго.

— Только у Бога дьяки не нашимъ чета,—пояснилъ Никаноръ.

Черный соборъ, доселѣ тихій и спокойный какъ омутъ, зашевелился: словно рябь отъ вѣтерка по тихому омуту, пробѣжало оживленіе по сумрачнымъ дотолѣ лицамъ черной, черноклобучной и черноскуфейной братіи. Засверкали глаза, открылись рты, заходили бороды, задвигались плечи, замахали руки.

— Золотомъ, писано — эка невидаль! У мово батюшки баранъ съ золотыми рогами всегда по двору хаживалъ,— закричалъ чернецъ Зосима изъ рода князей Мышецкихъ.

— Что баранъ! Мы сами на міру ѣдали барановъ съ золочеными рогами! А у насъ въ Суздалѣ богомазъ чорту рога позолотилъ!—отозвался другой чернецъ.

— Чортъ золотомъ писанъ: вонъ что! А то-атъ грамата золочона! позолотить все можно!—раздался третій голосъ.

— Не въ золотѣ дѣло! Вонъ, слышь, алилую матушку трегубо! Али она, матушка, заяцъ трегубый!

— Не надо намъ зайца! По зайчьи литургисать не хотимъ.

— Не дадимъ имъ, никоніанамъ, *аза* батюшку! *Азъ* слово великое!

— Великое слово *азъ!* На емъ міръ стоитъ! За ево, батюшку *аза*, помирать будемъ.

— *Ижемъ* Іисуса Христа прободать не дадимъ! Мы не жиды!

— И трехъ перстовъ не сложимъ! Инъ пущай намъ пальцы и головы рубятъ, а не сложимъ!

Невѣжество, дикій фанатизмъ и изувѣрство брали верхъ. Болѣе бла-

горазумные и грамотные священники и іеромонахи молчали и только озирались на бушующую молодшую братію и на закоренѣлыхъ стариковъ. У Никанора глаза искрились изъ-подъ сѣдыхъ бровей, какъ раздуваемые вѣтромъ угольки въ пеплѣ.

Юродивый, протискавшись къ Киршѣ, который стоялъ ошеломленный, и вынувъ изъ сумы черепъ мертвеца, показалъ его изумленному стрѣлецкому полуголовѣ. Тотъ съ испугомъ отшатнулся назадъ.

— Знаешь ты, кто это?—спросилъ юродивый, протягивая черепъ къ Киршѣ.

— Не знаю... не знаю,—былъ торопливый отвѣтъ.

— А! не знаешь?... Такъ и мы знать не хотимъ того, кто тебя послалъ... Мы знаемъ только Того, кто насъ всѣхъ на землю послалъ—и меня, и тебя, и вотъ его (онъ ткнулъ пальцемъ въ черепъ). А ты знаешь Его?

— Кого?

— Того, который на крестѣ вотъ такъ пальчики сложилъ (юродивый сдѣлалъ двуперстное сложеніе), когда Ему руки ко кресту пригвоздили?

Кирша не могъ ничего отвѣчать. Онъ только испуганно глядѣлъ то на черепъ, то въ добрые, собачьи, теперь свѣтившіеся глаза юродиваго.

— Онъ такъ велѣлъ креститься, а не по вашему,—твердилъ изувѣръ.

Кругомъ стоялъ гамъ и галасъ. Черный соборъ видимо дѣлился надвое. Зазвучалъ трубный голосъ Геронтія, доселѣ молчавшаго.

— Грамата царская, истинная, съ титуломъ и богословьемъ въ золотѣ... грамата истовая... ей перечить нельзя.

— Волимъ повиноваться великому государю! — поддержали его священники.

— Не волимъ!—кричала рядовая братія.

— Мы за великаго государя молиться охочи! — раздавались слабые голоса благоразумныхъ священниковъ.

— Молитесь, коли вамъ охота, только вы намъ послѣ этого не попы!—перекрикивала ихъ сильнѣйшая половина.

— Какіе попы! никоніане!

— Щепотники!.. Хиротонію ни во что ставятъ!

Кирша видѣлъ, что его посольство опять не выгорало. Когда крики нѣсколько стихли, онъ обратился къ Никанору, который стоялъ какъ заряженный.

— Какой же отвѣтъ, святой архимаритъ, дать мнѣ воеводѣ?

— Таковъ, каковъ Христосъ далъ сатанѣ въ пустынѣ! — разрядился Никаноръ.

Кирша глядѣлъ на него вопросительно.

— Я не знаю, что Христосъ сказалъ сатанѣ — я не попъ, — возразилъ онъ.

— А не попъ, такъ и не суйся въ ризы!

— Я не суюсь въ ризы...

— Какъ не суешься! А зачѣмъ въ чужой монастырь да съ своимъ уставомъ лѣзешь?

— Я не самъ лѣзу—мнѣ указано, я съ граматой великаго государя.

— Намъ ваша грамота не въ грамату! Апостолы-тѣ да святые отцы были постарше вашихъ грамотѣевъ: такъ мы крестимся и пѣтье поемъ такъ, какъ они повелѣли.

— Я ничего не знаю... я посланъ... такъ великій государь изволилъ,—оправдывался Кирша, чувствуя, что онъ слабъ въ богословіи, что его дѣло—на сабляхъ говорить да дѣлать то, что воевода велитъ.

— Такъ уходи съ тѣмъ, съ чѣмъ пришелъ!—крикнулъ Никаноръ.

— „Уходи по-добру по-здорову!..“ „Заковать его!..“ „Въ яму!..“ „Зачѣмъ въ яму!“—раздавались голоса.

— Стой!—снова затрубилъ Геронтій, обращаясь къ Киршѣ:—я за великаго государя всегда Бога молилъ, теперь молю и напредки молить долженъ. Ино какъ поволитъ великій государь, а я апостольскому и святыхъ отецъ преданію послѣдую, а что Никонъ въ новыхъ книгахъ наблевалъ, и той его блевотины я отметаюсь; новоисправленныхъ печатныхъ книгъ, безъ свидѣтельства съ древними харатейными, слушать и тремя персты крестъ на себѣ воображать сумнительно мнѣ: боюсь страшнаго суда Божія!

— Охъ! охъ! страшенъ судъ Божій! — опять заревѣла черная братія.

— Долой никоніанскія книги! Долой еретицкую блевотину!

Кирша понялъ, что ему ничего не оставалось дѣлать, какъ поскорѣй убираться изъ монастыря. Сотники, которые безмолвно стояли у него за спиной, повернулись къ выходу, и, держа сабли наголо, прошли сквозь ряды черной братіи. Вслѣдъ за ними шелъ Кирша съ блюдомъ подъ мышкой. За Киршей вышли изъ собора Геронтій и другіе черные священники.

Передъ соборомъ стояли въ сборѣ всѣ монастырскіе ратные люди. Впереди ихъ сотники Исачко и Самко.

— Одумайтесь, пока не поздно,—сказалъ Кирша, направляясь къ воротамъ.

— Поздно ужъ!—гордо отвѣчалъ Исачко.

— У насъ дума коротка: приложилъ фитилъ—и бу-бухъ!—пояснилъ Самко.

— Доложи воеводѣ, что мы за великаго государя Бога молимъ!—крикнулъ Геронтій вслѣдъ удалявшемуся Киршѣ.

— И мы! и мы такожъ!—подхватили черные священники.

Тогда Самко, подскочивъ къ нимъ, закричалъ:

— Кто вамъ велѣлъ, долгогривые за еретиковъ молиться!

— Великій государь не еретикъ!—прогремѣлъ Геронтій.

— Намъ великаго государя не судить!—подхватили черные попы.

— А! такъ вы всѣ за одно!—приступилъ Исачко:—мы за васъ горой, а вы къ намъ спиной!

— Кидай, братцы, ружье!—скомандовалъ Самко, обращаясь къ ратнымъ людямъ:—намъ съ еретиками не кашу варить! Пущай ихъ цѣлуются съ стрѣльцами.

— Клади ружье на стѣну! — крикнулъ Исачко къ часовымъ, стоявшимъ на стѣнѣ:— намъ тутъ дѣлать нечего; лучше въ Кемскомъ зелено вино кружать.

— Любо! любо!—закричали ратные, бросая ружья:—въ Кемской!

Часовые также бросили свои ружья и сходили со стѣны.

Въ это время откуда ни возьмись юродивый, сѣлъ наземь между черною братіею и ратными людьми, подперъ щеку рукой и запѣлъ жалобно, какъ ребенокъ:

Чижикъ-пыжикъ у воротъ,
Воробыщекъ махонькой,
Эхъ, братцы, мало насъ,
Сударики, маленько...

— Да, мало васъ останется, какъ мы уйдемъ!—засмѣялся Исачко: — всѣхъ васъ тутъ, что глухарей, лучкомъ накроютъ.

Изъ собора высыпала вся черная братія. Впереди всѣхъ Никаноръ архимандритъ, Наѳанаилъ келарь и старецъ Протасій городничій. Увидавъ, что ратные покидали ружья, Никаноръ остановился въ изумленіи.

— Что это вы, братцы, затѣяли?—тревожно спросилъ онъ.

— Въ Кемской, отецъ архимаритъ, собираемся,—отвѣчалъ Исачко.

— Зачѣмъ въ Кемской?

— Медъ, вино пить.

— По старинѣ Богу молиться, а не по новинѣ,—добавилъ Самко.

— Да что съ вами! изумился архимандритъ:—кто говоритъ о новинѣ?

— Вонъ они всѣ (Самко указалъ на черныхъ поповъ): за еретиковъ молиться хотятъ.

— Мы не за еретиковъ молимся, а за великаго государя,—перебилъ его Геронтій.

— Ну, и молитесь себѣ, а мы вамъ не слуги.

— Намъ на великаго государя руки подымать не пристало: руки отсохнутъ,—пояснилъ Геронтій.

— Ноли мы на великаго государя руки подымаемъ?—возразилъ Никаноръ.

— На его государевыхъ ратныхъ людей—все едино.

— Много чести будетъ всякую гуньку кабацкую царской порфирѣ приравнивать.

Между тѣмъ келарь Наѳанаилъ, ходя межъ ратныхъ людей, билъ имъ челомъ, чтобъ они умилостивились—взяли назадъ ружья: „братцы! православные!“ молилъ старецъ: „будьте воинами Христовыми—не дайте на поруганіе обитель божію, святую отчину и дѣдину преподобныхъ отецъ нашихъ Зосима-Савватія: они, свѣты, стоятъ нынѣ у престола Господня, ручки сложивши, за насъ Богу молятъ, да не изліетъ на насъ фіалъ гнѣва своего. Дѣтушки! воины Христовы! постойте за святую обитель, какъ допрежъ того стояли!

Геронтій все болѣе и болѣе возвышалъ свой трубный голосъ.

— Кто противится царю—Богу противится!—перекрикивалъ онъ всѣхъ своею трубою.

Никаноръ понялъ, что наступаетъ рѣшительная минута и закричалъ къ ратнымъ людямъ, указывая на Геронтія и на черныхъ поповъ:

— Что на нихъ смотрѣть! Мечите ихъ всѣхъ въ колодки!.. Мы и безъ поповъ проживемъ: въ церкви часы станемъ говорить, и попы намъ не указчики: у насъ единъ попъ—Богъ и его всевидящее око.

Не зналъ тогда Никаноръ, что его слова—„безъ поповъ проживемъ“—послужатъ источникомъ того историческаго явленія въ русской жизни, которое выразилось въ „безпоповщинѣ“,—явленія необыкновенно живучаго.

Ратные кинулись на Геронтія и на всѣхъ черныхъ поповъ и почти на рукахъ стащили ихъ въ монастырскую тюрьму. А юродивый продолжалъ сидѣть на землѣ и, раскачивая своею лохматою головою, жалобно причиталъ:

Эхъ, братцы, мало насъ,
Сударики, маненько...

XI.

Воровской атаманъ, Спиря Бѣшеный.

— Въ ту пору, еще до Стеньки Разина, гулялъ на Волгѣ воровской атаманъ Спиря, по прозванію Бѣшеный. Ужъ и точно-что бѣшеный былъ! Такого я отродясь не видалъ. Да и какъ его земля матушка держала! Да она, поди, земля-то, и нѣ приметъ его окаяннаго! Былъ онъ родомъ изъ дѣтей боярскихъ, да только царской службы не служилъ—царскимъ воеводамъ пятами покивалъ, и былъ таковъ: все считался въ нѣтяхъ, а братья его—у него было ихъ четверо—всѣ были въ естяхъ. Каждую весну собиралась его станица понизовой вольницы: какъ весна, такъ и кличетъ кличъ: „эй вы, голые и босые, кнутомъ сѣченые, катомъ мѣченые, холопы боярски и рейтары царски! валите въ мою станицу—по Волгѣ-матушкѣ гулять, зипуны добывать!“ Ну и сыпанутъ къ ему голутвенные и отчаянные, что осы на медъ. А станы его были по Волгѣ по всей—и въ Жигулевыхъ горахъ, и подъ Лысковымъ, и подъ Макарьемъ, и пониже Саратова и повыше Царицына. Соберется это станица Спирина—не одна сотня голутьбы, не двѣ и не четыре, а въ тысячу шапокъ и больше того—соберется эта галичь, а косныя лодочки у него давно готовы, вверхъ пузомъ лежатъ по Жигулевскимъ яругамъ; слетѣлось воронье драное да рваное, кто съ ружьемъ, съ ножомъ за поясомъ да за онучкой поворозкой, кто съ кистенемъ, а кто и просто съ дубиной да осиной, возьмутъ въ руки яровы весельца, грянутъ весновую службу—ну и пошла строчить строка кровавая: какъ къ городу, либо къ боярской усадьбѣ—и пошелъ по крышамъ да по подклѣтью летать „красный пѣтухъ“, красными крыльями до неба машетъ, „кукареку“ поетъ отъ зари

до зари. А спиря кричитъ: „добывай, братцы, зипуны съ плечъ боярскихъ да съ подъячихъ—крапивнаго сѣмени, а коли зипуны не сымаются съ плечъ—съ кожей сымай!“ Хоть и боярское отродье самъ - отъ атаманъ, а готовъ былъ всѣхъ бояръ да подъячихъ въ ложкѣ воды утопить и эту воду выпить.

— Насолили, должно, эти бояре ему?

— Былъ пересолъ—это правда. Бѣгалъ онъ однова отъ службы—въ нѣтяхъ былъ,—это еще смолоду, когда только женился: съ годъ эдакъ пожилъ съ женой, ребеночка прижилъ съ ею—дочку, а тутъ вѣсти пришли, чтобъ всѣ дѣти боярскіе въ походъ снаряжались. Братья-то ево въ естяхъ объявились, а онъ въ нѣтяхъ—на низы, на Волгу сошелъ. Долго ли, коротко ли нѣтовалъ, а объ молодой женѣ не забывалъ—все тянуло его повидать ее и съ дочкой. Вотъ однова онъ и награнь въ свою вотчину, да ночью, чтобъ никто изъ холопей не видалъ, да воеводѣ не донесъ. Приходитъ. Дѣло было лѣтомъ. Такъ да эдакъ—пробрался онъ къ своему двору, прополозъ садкомъ къ свѣтелкѣ, гдѣ жила его жена. Коли слышитъ, подъ ракитовымъ кустомъ что-то шушукаетъ. Онъ по-закустомъ, словно ежъ, пробрался да и слушаетъ... „Настенька, говоритъ, разлапушка: а что, говоритъ, коли твой постылый изъ нѣтей воротится?“—„Не знаю,—говоритъ она,—соколикъ мой, что и будетъ со мной: останется одно, говоритъ,—со крутого бережечка да въ Оку рѣку“.—„Что ты!—говоритъ онъ,—не моги и думать объ этомъ! Мы,—говоритъ,—лучше сдѣлаемъ его въ нѣтяхъ навѣки вѣчные“. — „Какъ же это?“ говоритъ она: „А коли придетъ?“—„Тутъ-то мы ему нѣтей и поднесемъ: такъ на тотъ свѣтъ въ нѣтяхъ и уйдетъ“. А онъ все это слышитъ.—„А,—говоритъ,—змѣя подколодная! такъ я же васъ въ нѣтяхъ сдѣлаю, а самъ останусь въ естяхъ“. Да тутъ же и положилъ ихъ на мѣстѣ. Его бросилъ подъ кустомъ, а у нея голову отрубилъ и унесъ съ собой.

— Съ кѣмъ же это она, подлая, снюхалась?

— Съ его жъ воеводой, съ Мышецкимъ княземъ.

— По дѣломъ имъ.

— По дѣломъ! Эхъ ты, рыбинъ сынъ! А самъ нешто не нюхалъ чужихъ женъ?

— Нюхать нюхалъ, да не попадался.

— То-то! А попадись-ка...

— Да ты полно спорить, дядя Серега,—сказывай дальше... Ну, отсѣкъ ей голову?

— Отсѣкъ голову да и приноситъ къ своимъ молодцамъ, на Волгу: „смотри,—говоритъ,—братцы, какова у меня женушка красавица! Соскучился по ея красотѣ, да вотъ, говоритъ, и принесъ съ собою“. А она, сказываютъ, точно была красавица. Вотъ онъ велѣлъ молодцамъ заострить палю осинову, взоткнулъ на палю голову женину да и говоритъ: „плюйте, братцы, атаманской женѣ въ мертвыя очи“. Какъ сказалъ, такъ и сдѣлали молодцы: каждый подходилъ къ мертвой головѣ и пле-

валъ ей въ лицо, а иной, горяченькій, такъ и пощечину давалъ покойницѣ. Натѣшившись такою забавочкою вдоволь— и ну лютовать Спиря! Ужъ и лютовалъ же! Лѣтъ пятнадцать-шестнадцать ни проходу, ни проѣзду не было по всему низовью, а особливо доставалось боярамъ да воеводамъ. А голову женину не оставилъ на палѣ, а взоткнулъ ее на атаманской лодкѣ на мачту: такъ съ жениной головой и лютовалъ по Волгѣ. Я самъ эту голову видѣлъ...

—. Что ты, дядя! Какъ?

— Костякъ одинъ бѣлѣлъ на мачтѣ: мясо-ту и глаза и все—черви съѣли, а волосы вѣтромъ разнесло, и остался только голый черепъ да челюсти съ бѣлыми зубами... Въ ту пору у насъ съ нимъ бой былъ на водѣ—на Волгѣ. Ужъ и чосу же онъ намъ задалъ!—всѣхъ перебилъ, что было у насъ стрѣльцовъ, да перетопилъ, и воеводу Беклемишева на мачтѣ подъ жениной головой повѣсилъ. Меня въ ту пору Богъ спасъ—доплылъ до берега, да изъ-за кустовъ ужъ, изъ-за верболозу, и видѣлъ какъ воеводу вѣшали.

— А что послѣ съ имъ, съ этимъ Бѣшенымъ Спирей, было?

— А было то, что никому не дай Богъ... Гулялъ онъ эдакъ десятка полутора годковъ по Волгѣ, перегубилъ душъ христіанскихъ несосмѣтимое число, да и говоритъ однова молодцамъ: „скучно мнѣ, братцы, безъ жены... Вонъ женушка моя высоко живетъ, не достать ея, а вдовцомъ мнѣ стало тошно жить: либо жену добыть, либо въ Ерусалимъ итить, либо въ Соловки посхимиться; а то такъ мнѣ жить опостылѣло,—говоритъ,—и кровь-де христіанская не радуетъ“.—Ладно,—говорятъ молодцы,—исполать тебѣ, батюшка атаманушка Спиридонъ Ивановичъ: умѣлъ насъ въ люди вывести, нарядить въ зипуны да кафтаны цвѣтные—сослужимъ и мы тебѣ службу: добудемъ полюбовницу да такую, чтобы краше ея и на Руси не было. И махнули въ верховые города, благо все низовье облупили дочиста и всѣхъ бабъ, и дѣвокъ, и дочерей воеводскихъ перебрали. Долго ли, коротко ли рыскали они по верховымъ городамъ, коли пріѣзжаютъ въ станъ и привозятъ атаману такую красавицу, какой и въ сказкахъ не бывывало—боярскую дочь изъ-подъ Мурома. Какъ увидалъ атаманъ ее, такъ и задрожалъ: словно то была его жена покойница, только еще краше. Жаль ему стало бѣдной—въ первый разъ пожалѣлъ душу христіанскую—и говоритъ:—„жаль мнѣ тебя, красавица, боярская дочь—я хочу-де воротить тебя къ отцу-матери: кто-де будутъ твои отецъ, матушка, какого-де ты роду-племени?“—„У меня,—говоритъ дѣвица, а сама плачетъ,—у меня нѣтъ ни батюшки, нѣтъ ни матушки: я-де кругла сирота“.—„А кто были,—говоритъ онъ,—твои родители и откедова ты родомъ?“—„Я,—говоритъ она,—изъ-подъ Мурома, изъ роду Хилковыхъ“... Атаманъ такъ и вскочилъ, какъ обожженый.—„Хилковыхъ!“—„Да,—говоритъ,—Хилковыхъ“.—„А котораго Хилкова?“—„Спиридонъ Ивановича“, говоритъ она.—„Такъ ты Оленушка?“ говоритъ, а самъ весь дрожитъ.—„Оленушка“, говоритъ она, и сама руки ломаетъ.—„Такъ вонъ,—говоритъ,—посмотри

на мачту", а на самомъ лица нѣтъ:—„посмотри, что-де видишь?" Дѣвица взглянула вверхъ, да такъ и помертвѣла.—„Это, говоритъ онъ, твоя матушка родима,—это я-де убилъ ее, и голову взялъ съ собой, по писанію: „Богъ-де соединилъ, человѣкъ да не разлучаетъ". Дѣвица молчитъ— чуть жива.—„А знаешь,—говоритъ онъ,—Оленушка: кто я тебѣ довожусь?" Она молчитъ, только дрожитъ, что осиновый листъ. „Я,—говоритъ онъ,—твой родитель, Спиридонъ Ивановъ, сынъ Хилковъ, а нынѣ воровской атаманъ Спиря Бѣшеный, хотѣлъ взять тебя, дочь свою родную, себѣ въ полюбовницы". Да какъ схватитъ себя за волосы, да какъ захохочетъ! А она-то—ужъ и Богъ знаетъ что съ ей сдѣлалось—какъ глянетъ на мачту-ту, на материну голову, да на отца, какъ тотъ, съ горя, должно, сбѣсился да перекрестилась, да со всего размаху въ Волгу...

— Что ты! Ахъ бѣдная сиротка! Ну, и что-жъ?

— Только пузыри пошли...

— И не пымали?

— Гдѣ пымать!

— Ну, а онъ?

— Онъ хотѣлъ было туда-жъ за дочкой, да молодцы не пустили,—связали... А тамъ какъ пришелъ въ себя, досталъ съ мачты женину голову—и былъ таковъ!

— Какъ? пропалъ?

— Пропалъ безъ вѣсти. Одни сказывали—въ Ерусалимъ пошелъ молиться, другіе—что утопился.

— Я здѣсь! Я—Спиридонъ Ивановъ, сынъ Хилковъ—не пропалъ и не утопъ! — раздался вдругъ словно изъ-подъ земли глухой голосъ.—Здѣсь я!

Стрѣльцы оцѣпенѣли отъ этого голоса и отъ этихъ словъ. Они сидѣли въ окопахъ, подведенныхъ почти къ самымъ монастырскимъ стѣнамъ, и отдыхали послѣ земляныхъ работъ, готовясь къ приступу на слѣдующее утро и слушая разсказы бывалаго человѣка, стараго стрѣльца, не разъ бившагося на Волгѣ съ понизовою вольницею, въ томъ числѣ съ шайками атамана Спири Бѣшенаго, а потомъ попавшаго въ водоливы къ Стенькѣ Разину. Самый разсказъ Чортоуса—такъ звали стараго стрѣльца—подготовилъ слушателей къ чему-то страшному—и вдругъ этотъ подземный голосъ!.. Многіе изъ стрѣльцовъ крестились, съ испугомъ озираясь кругомъ; другіе вскочили, чувствуя, что подземный голосъ выходилъ какъ будто у нихъ изъ-подъ ногъ...

— Чуръ! чуръ! чуръ!.. наше мѣсто свято! Охъ!

— Аминь! аминь! аминь! разсыпься!

— Помилуй мя, Боже, по велицей... Охте мнѣ!

Подъ покровомъ вечернихъ сумерекъ, стрѣльцы сидѣвшіе за окопами, не замѣтили, какъ во все время разсказа Чортоуса, изъ-за камня, нависшаго надъ моремъ, и изъ-за древесныхъ корней и зеленаго моха смотрѣли два блестящихъ глаза, повременамъ вспыхивавшіе какъ у собаки зеленымъ фосфорическимъ блескомъ.

— Это нечистый духъ, либо водяной,—говорили иные стрѣльцы, глядя на воду и невольно вздрагивая.

— Нѣтъ, это *ево* душа бродитъ—земля *ево* не принимаетъ,—пояснялъ Чортоусъ.

— То-то! Не надо было поминать его не въ добрый часъ.

— А какъ было знать его! Кабы знатье—вѣстимо что...

Гдѣ-то, въ ночной тишинѣ, заплакала чайка... Что-то плеснулось въ водѣ... Опять словно плачъ протяжный надъ моремъ—и опять тихо...

— Это поди она плачетъ чайкою—Оленушка, что утопла...

. . . .

— Матушка! матушка!—окликаетъ Оленушка Неупокоева спящую мать.

— Ты что, дитятко?—спрашиваетъ сонный голосъ.

— Мнѣ страшно что-то.

— Чего страшно, глупая? Съ нами крестная сила.

— Вонъ кто-то за окномъ царапается.

— То голуби спросонья крыльями.

— А это кто плачетъ?

— Чайка—али не слышишь?

— Да, слышу—чайка.

— Что жъ ты не спишь?

— Я сонъ видѣла... я летѣла надъ моремъ... лечу это—и стала падать въ море—ухъ!

— Это къ росту, глупая.

— А меня изъ воды Спиря вытащилъ...

— Ну, чего жъ еще! Перекрестись истово, сотвори молитву Исусову и спи.

— Жарко... Въ окно кто-то глядитъ...

— Что ты!.. То бузиновая вѣтка... Придвинься ко мнѣ ближе и баинькай, глупая...

— Охъ! что это?..

Это грянула съ сторожевой башни вѣстовая пушка, и глухой гулъ ея, казалось, отскочивъ отъ монастырскихъ зданій, покатился по морю. Вздрогнули кельи, и сонный монастырь ожилъ: и ратные люди, и черная братія спѣшили къ монастырскимъ стѣнамъ, крестясь и спрашивая другъ друга—что̀ случилось, хотя каждый догадывался, что случилось что-то недоброе.

Въ самомъ дѣлѣ, надъ монастыремъ висѣла страшная опасность. Стрѣльцы, сдѣлавъ въ одномъ мѣстѣ подкопъ, подъ защитою котораго они могли подобраться подъ самую стѣну и протащить туда до десяти лѣстницъ, ночью приставили эти лѣстницы къ стѣнамъ, плотно, лѣстница къ лѣстницѣ, и, пользуясь сномъ часового въ этомъ мѣстѣ, полѣзли на стѣну. Такъ какъ лѣстницы приставлены были одна бокъ-о-бокъ къ другой, тѣсно, чтобы на одномъ этомъ пунктѣ сосредоточить силу нападенія и стойко выдержать сопротивленіе на стѣнѣ, въ случаѣ если монастырь во-время проснется, то казалось, что на стѣну взбиралась сплошная масса людей, сверкавшихъ въ темнотѣ бердышами. Монастырь былъ на краю гибели.

Уже верхніе стрѣльцы, во главѣ которыхъ взбирался старый Чортоусъ, почти касались верхушки стѣны. Въ монастырѣ была мертвая тишина—все спало. Не спалъ одинъ человѣкъ: это былъ Спиря юродивый. Изъ своей подземной засады, изъ „печорушки“, онъ высмотрѣлъ, что враги подкопались подъ самую стѣну. Онъ видѣлъ, что готовится что-то. Когда онъ изъ своей засады, напугавъ стрѣльцовъ словами — „я, Спиридонъ Ивановъ, сынъ Хилковъ, здѣсь“, пробрался въ монастырь и оттуда на стѣну, онъ увидѣлъ, что лѣстницы были уже приставлены и стрѣльцы взбирались по нимъ. Выждавъ, чтобы они подобрались выше, онъ разбудилъ часового, стоявшаго у вѣстовой пушки, и, велѣвъ ему приложить фитиль къ затравкѣ, остановился у самаго края стѣны.

Пушка грянула... Дрогнули лѣстницы, сверху до низу покрытыя стрѣльцами—и стрѣльцы дрогнули. Поднявъ головы, они, при свѣтѣ сѣверной весенней ночи, съ ужасомъ увидѣли наверху, надъ самыми ихъ головами, страшнаго человѣка съ черепомъ въ рукахъ...

— Я, Спиридонъ Ивановъ, сынъ Хилковъ, здѣсь, а вотъ женина голова!—раздался знакомый стрѣльцамъ голосъ, который еще недавно привелъ ихъ въ ужасъ.

Вслѣдъ за возгласомъ, сухой костякъ черепа съ трескомъ ударился объ голову Чортоуса.

— Охъ, батюшки! мертвецъ!.. это онъ!—и Чортоусъ навзничъ полетѣлъ съ лѣстницы.

Неожиданный пушечный выстрѣлъ, страшный возгласъ со стѣны, отчаянный крикъ и паденіе Чортоуса произвели общее смятеніе: на стрѣльцовъ напалъ ужасъ, они падали съ лѣстницъ, сбиваемые верхними товарищами и увлекая нижнихъ...

— Батюшки! мертвецы на стѣнѣ!.. нечистая сила!—слышались испуганные крики.

За ними слѣдовали стоны падающихъ и разбивающихся о камни, напарывающихся на острія копій и бердышей. Стрѣльцы, раненые и здоровые, падали одинъ на другого, давили раненыхъ, душили своею тяжестью здоровыхъ, упавшихъ раньше. Кучи народу, кричащаго и стонущаго, барахтались подъ стѣнами. А на стѣнахъ не умолкалъ страшный голосъ:

— Я здѣсь! Сарынь на кичку! Го-го-го-го! Здѣсь-здѣсь я!

Когда монастырскіе ратные люди и черная братія, всполошенные вѣстовою пушкою, выбѣжали на стѣну, тѣ изъ стрѣльцовъ, которые не были ранены при паденіи, или не получили никакихъ тяжкихъ поврежденій, успѣли спрятаться за окопы, а тѣ, что были ранены, или тяжко ушиблись, отчаянно метались подъ стѣною и стонали.

Старый Никаноръ, выбѣжавшій на сполохъ въ одномъ подрясникѣ и босикомъ, понявъ въ чемъ дѣло, широко перекрестился и поклонился до земли юродивому.

— Господь Богъ наградитъ тебя на небесахъ, и святая обитель будетъ молиться за тебя вѣчно!—сказалъ онъ, цѣлуя руку юродиваго.

Но этотъ вырвался и побѣжалъ къ лѣстницамъ.

— Охъ-охъ-охъ!—кричалъ онъ:—головушка моя упала! ох-те мнѣ-оо! И онъ стремительно сталъ спускаться со стѣны по лѣстницѣ. Всѣ съ недоумѣніемъ смотрѣли, что изъ этого будетъ. А что, какъ стрѣльцы опомнятся и схватятъ его? Но юродивый не долго оставался подъ стѣною: онъ поднялъ что-то съ земли и снова сталъ взбираться по лѣстницѣ... Въ рукахъ у него оказался знакомый всѣмъ черепъ...

Скоро ратные люди встащили на стѣну всѣ лѣстницы осаждающихъ. Ударилъ колоколъ, и братія сыпанула въ соборъ, словно пчелы въ улей, служить благодарственный молебенъ.

XII.

Исповѣдь князя Мышецкаго.

Послѣ такого вторичнаго, неудачнаго приступа, осада монастыря снова затянулась на неопредѣленное время. Воевода Мещериновъ, опасаясь, что за этимъ проклятымъ соловецкимъ сидѣньемъ его русая головушка успѣетъ подернуться инеемъ сѣдины, а кемская попадейка состарѣться, билъ челомъ о подмогѣ ратными людьми, и къ нему прислали въ помощь около восьми-сотъ свѣжихъ стрѣльцовъ, двинскихъ и холмогорскихъ. Поглядѣли и эти стрѣльцы на сѣрыя стѣны, по которымъ отъ времени до времени двигались темныя тѣни, посмотрѣли, покачали головами, и въ душѣ пришли къ тому же заключенію, что и прежніе: „за что, молъ, про что старцевъ божьихъ тревожатъ? Вонъ какъ голосно за стѣнами звонятъ святые колокола—молятся, знать, старцы — не дурно какое чинятъ, а Богу работаютъ... Вонъ и голубки надъ монастыремъ полетываютъ, и ластушки-касатушки вокругъ церквей порѣиваютъ—таково хорошо тамъ—а мы разорять ихъ пришли... Али мы нехристи?“

И потянулась вялая, неохотная осада, потянулось безконечное время. Лѣто же, какъ на зло, выдалось жаркое, душное, марящее, какое только способенъ создать сырой водянистый сѣверъ. Стрѣльцамъ почти постоянно приходилось проводить время въ окопахъ, въ сырыхъ и душныхъ землянкахъ, и только по ночамъ они могли выползать изъ своихъ берлогъ, чтобъ подышать воздухомъ; а то покажись только днемъ, такъ со стѣнъ монастыря того и гляди угостятъ пулей, а соберись стрѣльцы кучкой— такъ и галанскими орѣхами черная братія попотчуетъ. И изъ-за чего,— думалось стрѣльцамъ, — вся эта истома? Чѣмъ провинились старцы? Что крестомъ-ту истовымъ крестятся, не щепотью, такъ вина эта не больно винная: эта вина не въ вину. Не даромъ отцы и дѣды двумя персты крестились: а они были не глупѣе сыновъ-отъ да внуковъ своихъ. Да и то сказать! Такъ оно отъ старины повелось, такъ бы ему и стоять. Дакъ нѣтъ! Завелись умники: знаемъ-де, на чемъ свинья хвостъ носитъ. Эко диво! Али московскіе чудотворцы: Петры, Лексѣй, Іёна и Филипъ щепотью

крестились, что въ святые угодили—у Христа въ переднемъ углу сидятъ? Да и кто нынѣ присталъ къ этимъ новинамъ? Али люди? Самые что ни-на-есть дрянные людишки—вотъ кто присталъ къ новинамъ къ этимъ. Кому все равно, какъ ни молись, тотъ на эти новины пошелъ: кто и въ церковь-ту мало хаживалъ, али кому выслужиться захотѣлось, на виду стать—вотъ кто эти новинники. Статочное ли дѣло свою вѣру мѣнять! Кто въ своей вѣрѣ не крѣпокъ, тотъ царю, какъ и Богу, плохой слуга: дурно у него на умѣ, корысть, а не вѣра. Стояла допрежъ сего Русь на двухъ перстахъ, а какъ она будетъ стоять на трехъ—про то бабушка надвое сказала. Вотъ хоть бы взять самихъ насъ, стрѣльцовъ. Ноли мы не хрестьяне были? Ноли мы за церковь да за великаго государя не стояли? Мы и теперь стоимъ, да только хромлемъ—вотъ что! Мы крестъ цѣловали—служить великому государю вѣрой и правдой: мы крестъ цѣловали по старому, истово—на двухъ перстахъ, а не на трехъ. А теперь велятъ молиться трюми персты. Али это дѣло? Ну, и молимся супротивъ шерсти—велѣно такъ: не ломать же крестнаго цѣлованья въ угоду сатанѣ. А сунься-ко дома съ трюми персты, такъ бабы, стрѣльчихи, рогачами ребра пересчитаютъ, а то и хуже: на постель тебя баба къ себѣ не пуститъ. Баба—не то́ что нашъ братъ мужикъ: намъ случается и лба недосугъ перекрестить, а баба ни-ни!—баба—божья работница, баба блюдетъ старую вѣру и соблюдетъ ее. А поди, заставь бабу креститься по новому, такъ она и скажетъ-зась! А то на! Старцы вонъ намъ поперекъ дороги стали... Чудеса да и только!

Такъ разсуждали стрѣльцы своимъ простымъ умомъ, не догадываясь, конечно, что эта неразумная борьба противъ родныхъ братьевъ, оставшихся вѣрными старой обрядности, потянется на столѣтія, что она станетъ источникомъ великихъ преступленій и безчеловѣчныхъ жестокостей со стороны тѣхъ, которыхъ стрѣльцы называли „дрянными людишками“, что эти „дрянные людишки“ прольютъ потоки русской крови, и прольютъ безплодно, что, наконецъ, это „соловецкое сидѣнье“ растянется на сотни лѣтъ, и что въ этомъ „сидѣньи“ очутятся не одни соловецкія старцы, а цѣлая половина Россіи: эта половина Россіи—такъ называемые „раскольники“, „старообрядцы“, которые, въ концѣ концовъ, все-таки останутся побѣдителями, потому что Россія, слава Богу, начинаетъ уже понимать, что борьба ея съ расколомъ обошлась ей дороже всѣхъ войнъ, начиная съ „отечественной войны“ 12-го года и съ крымской, и кончая послѣднею турецкою, что въ войнѣ съ расколомъ Россія потеряла не пять и не десять милліардовъ, а тьмы темъ ихъ, а все-таки не взяла ни одной раскольничьей Плевны, говоря иносказательно, и не возьметъ: „соловецкое сидѣнье“ будетъ продолжаться вѣчно, если Россія не сниметъ осаду съ раскола, и не прекратитъ своей „отечественной войны“ съ людьми старой обрядности, которая, какъ всякая обрядность, а тѣмъ паче религіозная, тѣмъ правѣе и чище, чѣмъ она консервативнѣе, такъ сказать, археологичнѣе...

Съ своей стороны, осажденные въ простотѣ своей души вѣрили еще

болѣе, что дѣло ихъ правое и что за гонимый „азъ“ и за „матушку алилую“ они готовы мученическій вѣнецъ принять. Поэтому, когда черные попы съ Геронтіемъ во главѣ заупрямились было, говоря, что царскому воеводѣ не слѣдуетъ противиться, что хотя ни „батюшкою азомъ“, ни „матушкою сугубою алилуею“, ни тѣмъ паче двумя персты поступаться не надобеть, во еже и наглую смерть пріяти,—однако же „кесарева кесареви“ воздати подобаетъ и противу царскаго рожна прати не приходится,—такъ, когда черные попы и Геронтій высказали подобный взглядъ на дѣло, братія, продержавъ ихъ подъ карауломъ четверо сутокъ, на пятыя выбросила за ворота, аки древо посохшее, буреломъ негодный,—и рѣшила безъ поповъ выдержать бурю до конца. „Мы-де старые дубы,—говорилъ Никаноръ,—постоимъ за себя, а исповѣдываться будемъ не попамъ, а самимъ себѣ да Господу Богу: вонъ Онъ, Батюшка, на все взираетъ окомъ своимъ—и на дубы великіе, и на кедры ливанскіе, и на крины сельные, что въ травушкѣ-муравушкѣ ростутъ: и они, эти крины, самому Господу исповѣдуются—такъ нашей ли исповѣди не приметъ Батюшка - Свѣтъ!“

. . . .

Вонъ въ одной кельѣ, на жесткомъ деревянномъ ложѣ, на которое брошена кошемка, мечется въ жару старый чернецъ. Густые, съ сильной сѣдиною волосы, растрепанные и мѣстами сбившіеся, словно неваляная и немытая шерсть, падаютъ на лицо и на раскрытую грудь, на которой видно большое серебряное распятье. Разметанные члены, широкія костлявыя плечи и грудь изобличаютъ, что когда-то это была мощная фигура. Горбоносое съ высокимъ лбомъ лицо, глаза, теперь болѣзненно притухшіе, очертаніе губъ, подбородка— все невольно подтверждаютъ давно ходящую въ монастырѣ молву, что чернецъ Зосима, который теперь мечется на болѣзненномъ одрѣ, не простой чернышъ, не худородный, а роду княжескаго, только какихъ князей—никто не зналъ: онъ давно пришелъ въ монастырь, внесъ богатый вкладъ въ монастырскую казну золотомъ, серебромъ и дорогими камнями и постригся подъ именемъ Зосимы,—тезкою сталъ преподобнымъ Зосимѣ-Савватію.

Нѣсколько дней тому назадъ, старецъ Зосима и Спиря юродивый, ревнуя объ освобожденіи святой обители отъ новаго Мамая — такъ величали воеводу Мещеринова эти два старца—забрали себѣ въ голову смѣлую мысль: пойти по стопамъ приснопамятныхъ иноковъ Пересвѣта и Ослябя, и такъ или иначе добыть новаго Мамая. Для этого они ночью вышли изъ монастыря и никѣмъ не замѣченные добрались до стрѣлецкаго стана. Стрѣльцы спали. Спали даже часовые. Зосима и Спиря подползли къ палаткѣ воеводы, и только было хотѣли войти подъ пологъ ея, какъ проснулась спавшая у самаго входа въ палатку воеводская собака, залаяла на ночныхъ посѣтителей и разбудила воеводу. Озадаченные неожиданностью старцы, хотя тутъ же разрубили бердышомъ черепъ собаки, но, услыхавъ тревогу во всемъ лагерѣ, должны были поспѣшить назадъ въ монастырь. Изъ воеводской палатки раздался выстрѣлъ, и Зосима,

вскрикнувъ и схватившись за бокъ, былъ подхваченъ сильными руками юродиваго.

Зосима находился между жизнью и смертью. „Безребрая“, какъ выражался Исачко сотникъ, уже махала косою надъ головой раненаго, только Спиря „ей, шельмѣ, тертаго хрѣну подносилъ“ и она бѣгала отъ божьяго человѣка, какъ чортъ отъ ладону.

Окна въ кельѣ открыты, чтобы легче было дышать больному. Откуда-то, должно быть съ монастырской стѣны, доносится полупьяное напѣванье:

Ахъ ты шапкя, ты шапкя моя,
Одново сукна съ онучею...

Это Исачко, отъ скуки подвыпившій, сидѣлъ на затинной пищали, глядѣлъ на море и мурлыкалъ свою любимую пѣсенку „про шапку“: ратнымъ людямъ дозволялось выпивать внѣ монастырскаго устава объ „утѣшеніи“.

„Ти-ти-викъ! ти-и-викъ!“ пропискнула ласточка.

Спиря, сидѣвшій около раненаго въ глубокой задумчивости, поднялъ свою косматую голову. Ласточка, влетѣвшая въ окно, сѣла на засохшіе прутья освященной „вербы“, заткнутые за образа, и поглядывала своими изумленными глазками.

Раненый открылъ глаза и блуждалъ ими по потолку.

„Ти-и-викъ!—ти-и-викъ!“

— Это ея душенька, какъ бы про себя пробормоталъ раненый.

— Чья?—спросилъ Спиря тихо.

— Ейная... она за моей прилетѣла...

Спиря перекрестился. Снова тихо въ кельѣ. Косые лучи солнца сквозь открытое окошко падали на лежавшее на маленькомъ аналоѣ, рядомъ съ евангеліемъ, распятіе. Тамъ же лежалъ и знакомый намъ черепъ.

— Кровь... все кровь... лужи крови... и на травѣ кровь... на кустахъ... Солнышко встало — и оно кровавое... А она разметалась... лежитъ... а головы нѣтъ... Гдѣ голова? Кто ее унесъ?.. Онъ самъ унесъ... Господи помилуй!

Это раненый—не то бредитъ, не то вспоминаетъ что-то. Вздрогнулъ юродивый, слушая эти непонятныя слова, глянулъ на черепъ: и на немъ играли косые лучи солнца.

Ласточка снялась съ вербовыхъ прутьевъ, покружилась по кельѣ и съ пискомъ выпорхнула за окно. Раненый открылъ глаза.

— Это къ моей смерти,—сказалъ онъ и поглядѣлъ на юродиваго осмысленными глазами.

— Въ животѣ и смерти Богъ воленъ, отвѣчалъ послѣдній.

— Нѣтъ, мой конецъ пришелъ... „конецъ приближается“... Будетъ— пожито... гораздо пожито...

Раненый перекрестился и снова взглянулъ на юродиваго.

— Не хочешь ли испить?—спросилъ послѣдній.

— Хотѣлъ бы...

Юродивый поднялся, чтобы подать кружку съ питьемъ.

— Нѣтъ, не того,—отрицательно покачалъ головою больной.

— Чего же тебѣ?

— Крови бы пречистой...

Юродивый посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ:—не бредитъ ли-де?— Нѣтъ, не бредитъ: глаза глядятъ разумно, жаръ прошелъ.

— Христовой бы кровушки передъ смертью,—пояснилъ больной.

— Причаститься захотѣлъ?

— Да, душа алчетъ и жаждетъ... Исповѣдай меня, брате святый.

Юродивый задумался. Онъ вспомнилъ слова архимандрита, когда изгоняли изъ монастыря Геронтія съ попами: „будемъ другъ у дружки исповѣдываться, передъ лицемъ Господа, какъ крины сельніи исповѣдуются"...

— Добре, брате,—кайся Господу,—сказалъ онъ и всталъ.

Затѣмъ, ставъ передъ аналоемъ на колѣни, онъ началъ читать предысповѣдную молитву. Больной тихо повторялъ за нимъ. „Се ми одръ предлежитъ... се ми смерть предстоитъ... суда Твоего боюся", слышались молитвенныя слова, которыя иногда перебивалъ доносившійся со стѣны монотонный напѣвъ:

Ахъ ты шапкя, ты шапкя моя...

— Великій грѣхъ у меня давно лежитъ на душѣ, тяжкій грѣхъ! охъ, какой тяжкій!—началъ больной, послѣ молитвы. — Сорокъ лѣтъ, словно жерновъ на шеѣ, волоку я этотъ грѣхъ—и доволокъ до могилы. Ни днемъ, ни ночью, ни во пиру, ни въ бесѣдѣ, ни за четьемъ-пѣтьемъ церковнымъ, ни за келейною молитвою не отваливался отъ моего сердца этотъ горючъ алатырь камень... Вотъ такъ и стоитъ она передо мною, кровавая, и шепчетъ: „за что погубилъ меня? Куда ты дѣвалъ мою голову?" Охъ, тяжко! смертушка моя, какъ тяжко!

Онъ помолчалъ, какъ бы собираясь съ силами. Юродивый тоже молчалъ, хотя губы его шевелились. Ласточки задорно щебетали за окномъ, какъ будто силясь одна другую переговорить, словно бы у нихъ шла рѣчь о предметахъ такой важности, какъ сугубая аллилуія.

— Былъ я княжово роду, воеводинъ сынъ-княжичъ и воеводичъ,— продолжалъ больной, тяжело вздохнувъ. — Росъ я въ холѣ и волѣ, не вѣдалъ сызмальства ни судержу, ни суперечины: былъ батюшковымъ любимымъ сынкомъ, а у матушки — мизинчикомъ. Такимъ и выросъ, такимъ и до окаянства дошелъ. Изъ воеводича и княжово сына я самъ сталъ воеводою и княземъ: лѣтъ сорокъ тому будетъ, какъ я воеводою назначенъ былъ. Посланъ я былъ въ тѣ поры на воеводство въ Муромъ...

— Въ Муромъ?—изумленно перебилъ его юродивый.

— Въ Муромъ... И спознался я въ тѣ поры съ нѣкоею женою благородною. Мужъ ея числился въ моемъ полку, да только все обрѣтался въ нѣтяхъ. И какъ спознался я съ тою женою, и нача мя искушати бѣсъ— нагналъ на меня слѣпоту и окаянство лѣпоты ради женки той: „убей,—

говоритъ,—мужа и возьми себѣ жену". День и ночь въ бдѣніи и тонцѣ снѣ не отходилъ отъ меня бѣсъ: „изведи да изведи мужа того".

— Мужъ тотъ былъ изъ роду Хилковыхъ?—спросилъ юродивый глухимъ голосомъ.

Больной испуганно приподнялся на своемъ ложѣ и также испуганно глядѣлъ на юродиваго.

— Ты почемъ знаешь, что онъ былъ Хилковъ? — спросилъ онъ, въ свою очередь.

— Знаю,—былъ короткій отвѣтъ.—Кайся далѣ...

Голова больного снова опустилась на изголовье и онъ глубоко вздохнулъ.

— Вижу, что тебѣ Богъ все открылъ,—продолжалъ онъ болѣе покойнымъ голосомъ:—и мое покаяніе дойдетъ до Бога съ твоими молитвами, человѣче святый.

— Не говори этого,—строго перебилъ юродивый:—я—сосудъ сатанинъ, и грѣхамъ моимъ нѣсть числа.

— Инъ будь по твоему,—больной снова тяжело вздохнулъ и продолжалъ:—Обошелъ меня бѣсъ, распалилась плоть моя окаянная, и я положилъ въ душѣ извести того человѣка.

— Спиридона Иванова, сына Хилкова, мужа Настенькина,—подсказалъ юродивый.

— Ты и ее знаешь?—вздрогнулъ больной.

— Зналъ... Ну?

— Ну, и пришелъ я къ ней однова ночнымъ временемъ, и утаились мы съ нею въ саду, и сталъ я ее къ своему злому умыслу приводить, чтобъ Спаридона извести... И вдругъ, словно архангелъ мечемъ поразилъ меня... Дальше я ничего не помню: опамятовался уже я утромъ, когда солнышко взошло, и увидѣлъ около себя ее...

— Настасью Хилкову?

— Настасью... увидѣлъ ее на травѣ, мертвую, а голова у нея отъ туловища отрѣзана, и гдѣ дѣвалась—невѣдомо...

— Вотъ она!—неожиданно сказалъ юродивый и поднесъ къ больному черепъ.—Смотри! узнаешь?

Больной глядѣлъ испуганно, ничего не понимая. Онъ посмотрѣлъ въ глаза юродиваго: въ ихъ теплилось что-то кроткое и тоскливое.

— Это она—Настенька — моя жена, а твоя бывшая полюбовница... Поцѣлуй ее теперь, какъ въ тѣ поры цѣловалъ, князь Захаръ, княжъ Остафьевъ, сынъ Мышецкой,—это говорилъ юродивый, поднося къ губамъ больного страшный костякъ.

На лицѣ больного изобразился ужасъ. Челюсти его дрожали. Дрожали и волосы, прилипшіе къ потнымъ вискамъ.

— Кто жъ ты самъ?—шепотомъ спросилъ онъ, отворачивая лицо отъ отвратительнаго костяка.

— Я... Спиридонъ Ивановъ, сынъ Хилковъ, боярской сынъ и воровской атаманъ, а нынѣ соловецкой трудникъ.

Больной застоналъ и лишился сознанія, а юродивый, ставъ на колѣни передъ аналоемъ, шепталъ:

— Господи! прости ему—не вмѣни ему во грѣхъ...

А со стѣны доносилось безсвязнае пѣніе:

Одново сукна съ онучею...

Ласточка опять влетѣла въ окно, сѣла на сухихъ прутикахъ вербы и весело пропискнула... Должно быть къ покойнику...

XIII.

Роковыя качели.

Къ западной сторонѣ монастырской ограды, за поварнею, на второмъ дворѣ, гдѣ находились сушилы, поставлены новенькія качели. Соорудилъ ихъ все тотъ же великій худогъ, городничій старецъ Протасій, для общей любимицы Оленушки. Скучать стала Оленушка въ монастырскихъ стѣнахъ, въ этомъ нескончаемомъ осадномъ сидѣньи, такъ заскучала, что даже съ лица спадать стала, алый румянецъ со щекъ, словно заря съ зимняго студенаго неба, сбѣгать началъ, и стала она то на молитвѣ въ церкви задумываться, то по цѣлымъ часамъ сидѣла на завалинкѣ у своей кельи, глядя невѣдома куда, то замѣчали старцы, что у нея будто глаза заплаканные, и смѣхъ не такъ звонокъ. И стало жаль старцамъ своей „дѣвыньки мизиньчика“, своего монастырскаго „серебрянаго колокольца“, что звонилъ своимъ серебрянымъ голоскомъ среди угрюмой скитской тишины, и надумали старцы устроить для своей любимицы забавочку—качельцы въ оградѣ поставить. Хотя бы оно и зазорно монастырю такую затѣйку затѣвать — качели ставить въ стѣнахъ святой обители да еще и въ осадномъ сидѣньи, только, вѣдь, не для братьи была эта затѣйка—для отроковицы невинной. „Она-деи, отроковица предъ Богомъ свѣтла и чиста, аки свѣчечка воскояровая предъ образомъ,— говорилъ старецъ Протасій:—такъ пущай-деи качается душенька отрочате на качельцахъ, что кадильцо предъ Господомъ: не возбраняйте-деи симъ ничто же — сихъ бо есть царствіе Божіе“... Старецъ Протасій любилъ поговорить отъ писанія, хотя и зналъ всего-то писанія отъ „малъ бѣдъ“ да до „лядвія моя наполнишася поруганія“, а на „словотитлахъ“ всегда спотыкался...

Вотъ и соорудилъ старецъ Протасій для Оленушки качельцы, да такія ли знатныя да пестротою измечтанныя: по бѣлому столбу да полоса синя, да полоска красна, да опоясочка лазорева, а тамъ опять синяя да лазоревая, а далѣ зеленца подпущено, да алые зубья, да киноварь, ажно глаза рогомъ лѣзутъ, какъ долго поглядишь на эту пестрину наглостную. А веревочки старецъ приладилъ аховыя—пенька новгородская первый сортъ; а чтобъ ручки Оленушка не потерла объ новгородскую пеньку, старецъ Про-

[illegible] не пожалѣлъ своей старой бархатной скуфейки—изрѣзалъ скуфейку и обшилъ ею тѣ мѣста веревки за которыя должны были держаться нѣжныя Оленушкины ладонки. И сидѣнье вытесалъ старецъ гладкое, дубовое, изъ той доски, что на гробъ себѣ смиренный Протасій припасъ, да излишекъ остался—испостился и высохъ такъ старецъ, что гробъ надо было передѣлать въ узенькій гробишко, а отъ крышки гробовой можно было отпилить лишки на Оленушкины качельцы. Зато и рада была Оленушка: такъ и повисла на сухой шеѣ добренькаго дѣдиньки Протасьюшки и такъ расцѣловала его блѣдную лысину, что инда краска на ней выступила... „То-то молодешенько—глупешенько“, шепталъ старецъ, смахивая шальную слезу съ рѣсницы и вспоминая что-то очень далекое и очень милое, подернутое сѣрою пеленою времени. А на верху качелецъ старецъ Протасій крестецъ малый водрузилъ изъ древа кипарисоваго, да крестецъ истовый, осьмиконечный: „оно дѣло-то прочнѣе живетъ, коли оно побожески строено, коли его крестецъ святой осѣняетъ! Такъ-ту дѣвынька...“

И вотъ теперь „дѣвынька“, окрашиваемая косыми лучами заходящаго солнца, качается на своихъ пестрыхъ качельцахъ, словно русалка на гибкихъ вѣтвяхъ плакучей ивы. Оленушка качается тихо, сидя на дубовомъ сидѣньѣ и слегка придерживаясь руками за веревки. Плавно скользитъ длинная тѣнь ея по зеленой муравѣ монастырскаго двора, перекидываясь съ травы на бѣлую стѣну поварни. Также плавно вмѣстѣ съ Оленушкой двигается, раздуваясь въ воздухѣ, подолъ ея голубого сарафаника, изъ-подъ котораго выглядываютъ бѣлые чулочки и малиновые юфтовые, казанскаго шитья, черевички. Вслѣдъ за нею рѣетъ въ воздухѣ своими двумя концами алая ярославская лента, вплетенная въ русую косу. Оленушка качается какъ бы машинально, потому что лучистые глаза ея то безмолвно и задумчиво глядятъ невѣдомо куда, то также задумчиво опускаются внизъ...

А внизу, на травѣ, опершись спиною о столбъ качельный, сидитъ молоденькій служка Иринеюшка, тотъ самый, что на святкахъ плясалъ въ поварнѣ за бабу, и плететъ корзину изъ сухихъ морскихъ водорослей. Черная скуфейка его брошена на траву, а черные, какъ вороново крыло, густые и длинные волосы, спадая на спину и плечи, заставляютъ думать, что это сидитъ дѣвочка съ распущенною косой. Онъ повременамъ поднимаетъ свои черные, съ большими бѣлками, ласковые глаза на качающуюся дѣвушку, и снова опускаетъ ихъ на работу.

— И тебѣ кручинно здѣсь въ монастырѣ?—спросила дѣвушка, повидимому продолжая начатый разговоръ и не глядя на своего собесѣдника.

— Такъ кручинно, такъ ужъ кручинно, что хуть въ море, такъ въ пору,—отвѣчалъ послѣдній, не поднимая головы.—Ужъ бы скорѣй стрѣльцы насъ взяли!

— Охъ, что ты!—испуганно прервала его дѣвушка.

— Что!.. Все легче, нечѣмъ такъ-ту.

Оленушка ничего не отвѣчала; она только тяжело и продолжительно

вздохнула. Надъ монастыремъ пролетѣла чайка и словно бы проплакала въ тихомъ воздухѣ.

— Вонъ ей лучше... она птица, а не человѣкъ,—какъ бы про себя проговорилъ Иринеюшка.

— И то правда,—согласилась дѣвушка и снова вздохнула.

Изъ-за ограды, должно быть съ берега, ясно доносились слова заунывной пѣсни:

Что кукуетъ кукушечка и день, и ночь,
Ни на малый часъ перемолку нѣтъ...

— Стрѣльцы поютъ... у нихъ весело,—тихо проговорилъ Иринеюшка.

Оленушка не отвѣчала; она вслушивалась въ пѣніе — голосъ такой хорошій, кручинный...

Разорилъ соколъ ея гнѣздышко,
Разогналъ ея малыхъ дѣтушекъ,
Малыхъ дѣтушекъ, кукунятушекъ...

— Эхъ! умереть бы, Господи!

— Что ты! что ты, Иринеюшко!

— Э!.. коли такъ-ту маяться!

Дѣвушка перестала качаться. Глаза ея упали на черную, низко наклоненную голову молодого послушника.

— Для чего жъ ты пошелъ въ монастырь, коли теперь?.. — спросила было она и не договорила.

— Меня матушка отдала,—грустно отвѣчалъ юноша.

— За что?

— А такъ... за батюшку... Богу посвятила...

Оленушка глядѣла на него съ удивленіемъ: она не понимала того, что говорилъ онъ.

— Богу?.. какъ посвятила?

— По обѣту... обѣтъ такой дала... давно... я тогда былъ еще махонькимъ... Батюшку въ тѣ поры послалъ царь съ ратными людьми на воровскаго атамана, на Стеньку Разина...

— А кто твой батюшка?—спросила Оленушка, заинтересованная словами юноши.

— Борятинскій князь, Юрье Микитичъ.

— Такъ ты княжичъ?—спросила изумленная дѣвушка.

— Былъ княжичъ, а нонѣ служка... кошели плету.

Голосъ у юноши дрогнулъ. Задрожали и пальцы, которыми онъ сплеталъ гибкія нити морской травы.

— Ахъ, бѣдненькій! — невольно вырвалось сожалѣніе у Оленушки.— Какъ же это матушка твоя отдала тебя сюда? И не жаль ей было?

— Жаль; да что подѣлаешь? Богу обѣщала: коли-деи Богъ воротитъ батюшку изъ похода жива, такъ отдамъ-деи Богу сына... Ну и отда-

ли... Стенька-то ужъ больно страшенъ былъ... Какъ батюшка ушелъ изъ Казани противъ Стеньки къ Синбирскому городу, такъ мы съ матушкой и всей Казанью и день и ночь Богу молились.

— Что жъ, воротился батюшка?

— Воротился... Стеньку на Москву отвезли и тамъ сказнили, а меня вотъ сюда...

Слезы невольно брызнули изъ глазъ юноши и полились на его жалкое плетенье. Онъ припалъ лицомъ къ ладонямъ и плакалъ. Оленушка не могла выносить этого, и, соскользнувъ съ качелей, стала на колѣни около плачущаго юноши...

— Не плачь, Иринеюшко, не плачь, княжичъ,—всхлипывала она сама. Иринеюшка заплакалъ еще сильнѣе.

— Княжичъ... голубчикъ... не плачь!

И дѣвушка гладила волнистую голову юноши. Тотъ не унимался, а напротивъ, почувствовавъ ласку, услыхавъ участныя слова, уткнулся лицомъ въ колѣни и плакалъ навзрыдъ, какъ бы силясь вылить всю размягченную постороннимъ участіемъ душу. Слезы брызнули и у Оленушки.

— Господи! да что жъ это такое?—всплакалась она, силясь приподнять голову юноши.

Тотъ продолжалъ качать головой, какъ бы отъ нестерпимой боли, и не переставалъ плакать. Оленушка припала къ нему лицомъ и обхватила его.

— Княжичъ мой! родненькой! не надо! не надо, миленькой!—страстно молила она.

Онъ приподнялъ голову, не отнимая мокрыхъ пальцемъ отъ лица. Дѣвушка обвилась руками вокругъ его шеи, прижалась лицомъ къ его лицу и въ забытьи шептала, цѣлуя его руки и щеки: „милый! дорогой! братецъ мой!“ Она не замѣтила въ этомъ страстномъ порывѣ жалости, какъ его руки отнялись отъ лица и обвились вокругъ дѣвушки, а горячія губы безсознательно соединились... „Сестрица! Оля моя! ягодка!“—„Братецъ мой! княжинька!“—и губы снова сливались, слова замирали...

— Ну, вотъ!—какъ бы опомнилась Оленушка, вся красная:—вотъ теперь ты не плачешь!.. Ахъ, какъ я рада!.. Знаешь что?

Иринеюшка смотрѣлъ на нее молча и, казалось, ничего не понималъ.

— Знаешь что?—торопливо, радостно захлебываясь, говорила Оленушка:—когда ты будешь совсѣмъ большой... Который тебѣ годъ теперь?—спросила она, перебивая себя.

— Шестнадцатый,—машинально отвѣчалъ Иринеюшка.

— А мнѣ ужъ семнадцать—я старше... Такъ вотъ, какъ ты выростешь совсѣмъ большой, такъ тогда возьми и уйди изъ монастыря... Да, уйдешь?

Иринеюшка молча покачалъ головой.

— Отчего жъ?.. а?

— Нельзя... Монастырь—что гробъ.

— Ну, вотъ еще!.. А то княжичъ, княжой сынъ — и кошельки плететъ. Ахъ,—и Оленушка звонко и весело расхохоталась. Иринеюшка молча любовался ею. Оленушка вдругъ подошла къ нему и стала играть его шелковыми волосами.

— Ишь, словно у дѣвочки коса... Ахъ, какъ смѣшно!—болтала она.— Дай я тебѣ заплету ее, и свою ленту вплету въ косу, вотъ и будешъ княжна, княженецка дочь.—Ахъ!

И она повернула его за плечи и стала плести ему косу. Иринеюшка невольно повиновался шалуньѣ, находясь подъ какимъ-то сладкимъ обаяніемъ, прежде имъ неиспытаннымъ никогда. Черная коса была въ мигъ заплетена.

— Вотъ такъ-ту... Уў какая большая коса-косынька!.. А теперь ленту надоть,—и она выплела алую ярославскую ленту изъ своей косы и вплела ее въ косу Иринеюшкѣ.

— Ахъ, какъ хорошо!—она повернула его къ себѣ лицомъ. — Ахъ, какая хорошенькая дѣвочка! ахъ, княженецка дочь!

Иринеюшка не шевелился—онъ стоялъ какъ очарованный.

— Ну, что жъ ты молчишь, царевна Несмѣяна?—приставала къ нему Оленушка.—Ну, покачай меня!—И она, взявъ его за плечи, подвела къ качелямъ?

— На—держи, а я сяду.

Усѣвшись на дубовое сидѣнье и ухватившись руками за веревки, она вдругъ зачастила тоненькимъ голоскомъ:

Охъ и токъ-точкй,
На баранѣ клочкй,
Ужъ и дайте лучкй—
Перебить клочкй
На полсточки,
На подметочки...

И вдругъ весело засмѣялась.

— Качай же! ну! княженецка дочь, ну, живо!

Иринеюшка повиновался: онъ качнулъ ее разъ, два, въ третій сильнѣе—и отошелъ въ сторону... Оленушка взвилась, весело сверкая глазами...

— Ай да дѣдушка Протасьюшка! ай да миленькой!.. Еще... еще... шибче поддай!

Въ это время изъ-за сушилъ показалась черная скуфейка и острая сѣдая бороденка старца Протасія. При видѣ смѣющагося личика Оленушки, старые, запавшіе, но все еще плутоватые глазки старца блеснули добротою, и онъ, не желая испугать ребятъ и помѣшать ихъ забавѣ, снова юркнулъ за сушилы.

— Еще... еще, миленькой княжичъ!—настаивала Оленушка.

Иринеюшка снова поддалъ. Размахъ дѣлался все шире и шире. Оленушка взлетала до самой перекладины. Въ воздухѣ раздувался подолъ ея сарафана да мелькали малиновые черевички да бѣлыя икорки въ чулочкахъ.

— Душечка! еще выше! я хочу, чтобъ голова закружилась!—умоляла она.

Иринеюшка, весь пунцовый отъ натуги, со всего размаху толкалъ летающую мимо него доску, и Оленушка взвивалась все выше и выше.

— Охъ, хорошо! ахъ, какъ хорошо! еще!

— Будетъ—страшно...

— Нѣтъ еще!.. Сердце замираетъ...

— Упадешь, убьешься...

— Охъ, я словно въ раю... голова кружится... охъ... охъ... падаю,—она была блѣдна...

Иринеюшка схватился за доску, но она увлекла его—и онъ упалъ на землю. Сила размаха однако ослабѣла. Иринеюшка вскочилъ съ земли и снова ухватился за доску. На этотъ разъ онъ остановилъ ее, и только хотѣлъ помочь Оленушкѣ встать, какъ она безъ чувствъ упала ему на грудь. Онъ обхватилъ ее и вмѣстѣ съ нею опустился наземь... Голова ея упала къ нему на плечо...

— Оленушка! что съ тобой? милая!

Она не отвѣчала. Юноша поднялъ ее голову и, увидавъ закрытые глаза дѣвушки, безсознательно припалъ губами къ ея холоднымъ губамъ...

— Душечка! Оленушка! Охъ, Господи! она умерла!—съ ужасомъ вскричалъ онъ, опуская на траву тѣло дѣвушки.

— Кто умеръ!.. Ахъ!—раздался сзади чей-то испуганный голосъ.

Иринеюшка вздрогнулъ—передъ нимъ стоялъ Спиря юродивый, блѣдный, испуганный.

— Что это? это ты ее?—вскрикнулъ онъ не своимъ голосомъ.—Что ты съ нею сдѣлалъ?

— Это не я... нѣтъ—убей меня Богъ—не я... она сама... она высоко качалась...

— Упала? убилась?

— Нѣтъ... сомлѣла...

Юноша приблизилъ свое лицо къ самому лицу дѣвушки, ломая руки.

— Оленушка! Оленушка!

— Ты убилъ ее окаянный,—хрипло проговорилъ юродивый, становясь на колѣни.—Ты убилъ ее!

— Нѣту—нѣтъ... я сама...

Это Оленушка: она открыла глаза и, встрѣтивъ взглядъ наклонившагося къ ней Иринеюшки, обвилась руками вокругъ его шеи...

— Это не ты... не ты... я сама... Мнѣ ничево... милый мой! княжичъ!

Приподнявшись немного, она увидала юродиваго.

— Дѣдушка! миленькой! не сердись—я не убилась... Онъ... онъ ничевошечки не виноватъ...

Юродивый быстро перекрестилъ ее, но, увидавъ ленту въ косѣ у Иринеюшки, невольно улыбнулся и покачалъ головой.

— Ахъ, вы дурачки мои, дурачки—и сердиться-ту на васъ нельзя... какъ есть дѣти,—пробормоталъ онъ и махнулъ рукой.

Между тѣмъ изъ окна поварни за всѣмъ этимъ давно наблюдали два черныхъ, блестящихъ глаза. Лицо наблюдавшаго подергивалось злорадною улыбкой, а красныя мясистыя губы шептали:—„а! умѣешь цѣловаться... да еще какъ—въ засосъ!—Ишь, смирена, недотрога!.. А тутъ, чу, „миленькой, душечка, братецъ“—то-то!.. Ужъ живъ не буду, а достану тебя, кралю: будешь моя...“

XIV.

„А все изъ-за пучеглазой“.

Инокъ Ѳеоктистъ, или попросту чернецъ Ѳеклиска, давно былъ одержимъ бѣсомъ Фармагеемъ, какъ выражался архимандритъ Никаноръ. Бѣсъ этотъ не давалъ ему покоя, постоянно развертывая передъ его мысленными очами соблазнительныя картины то во образѣ толстотѣлыхъ бабъ-кемлянокъ, то во образѣ самой Вавилкиной попадейки, тоже бабы сдобной какъ папушникъ, то наконецъ въ видѣ бѣленькой и пухленькой Оленушки, что цыпочкой сѣменила ножками въ малиновыхъ черевичкахъ по самой, кажись, по душѣ Ѳеклискиной. И прежде Оленушкинъ образъ не давалъ ни спать, ни молиться Ѳеклискѣ: такъ и стояла она у него поперекъ сердца чернецкаго. Но еще, когда можно было вырваться изъ скучной обители въ Кемской, Ѳеклискино горе было сполагоря: заберется бывало удалой горюнъ черноризецъ въ посадъ на государево кружало, махонетъ свою распостылую скуфеюшку подъ лавочку, треханетъ своими „чесными власами“, миганетъ своими буркалами безстыжими бабѣ прелестницѣ, подопрется фертомъ въ боки и, чувствуя въ себѣ „крилѣ яко голубинѣ“ и „юность яко орлю“, саданетъ по кружалу съ приговоромъ, „по складамъ“:

Буки-азъ-ба,
Вѣди-азъ-ва,
Глаголь-азъ-га,
Добро-азъ-да!—

такъ кемляне только ахаютъ, а бѣсъ Фармагей, во образѣ цѣловальника, облизывается отъ удовольствія. Когда же настало сплошное сидѣнье, когда осада обложила монастырь на лѣто и на зиму, и когда не только въ Кемской, гдѣ бабьимъ духомъ пахнетъ, но и за ворота нельзя было показать носа, чтобъ не наткнуться на проклятыхъ „агарянъ“—стрѣльцовъ,—Ѳеклиска почувствовалъ себя окончательно въ „сѣни смертней“ и въ „юдоли плача“, и сталъ „яко левъ рыкаяй, искій кого поглотити“—конечно, бабу.

И вотъ тутъ-то бѣсъ Фармагей указалъ ему на Оленушку. Ѳеклисъ и самъ давно на нее зарился. Еще какъ только появилась она въ монастырѣ, вмѣстѣ съ матерью и въ сопровожденіи аглицкой нѣмки Амалѣи Личардовны Прострѣловой и галанскаго нѣмца Каролуса Каролусовича, Ѳеклисъ уже началъ подходцы дѣлать къ свѣтлоглазой отроковицѣ; но отроковица, повидимому, не понимала его, не видѣла какъ онъ „мрежи за-

пускалъ“, а старая Неупокоиха очень хорошо видѣла, куда гнетъ чернорізецъ, и держала ухо востро. Притомъ же самому Ѳеклисту казалось, что Оленушка слишкомъ еще глупа и не знаетъ, гдѣ раки зимуютъ. Но когда онъ изъ поварни увидалъ, какъ она съ Иринеюшкой сама раковъ ловила подъ качелями, то рѣшилъ во что бы то ни стало добиться своего. Но какъ добиться? Онъ объ этомъ долго думалъ - раскидывалъ и такъ и сякъ, пока не дошелъ до новаго рѣшенія и самаго, казалось, вѣрнаго.

Рѣшеніе это стоило гибели монастырю...

Какъ нѣкогда Троя погибла ради прекрасной Елены, такъ и „Соловецкому сидѣнью“ приготовила трагическій конецъ, сама того не вѣдая, Оленушка... Женская красота—великая сила: она міромъ правитъ...

. . . .

Все лѣто 1675 года стрѣльцы не уходили изъ-подъ стѣнъ монастыря, но и монастыря не брали: видно было по всему, что у нихъ „рука не подымалась на своихъ“, что стрѣлять въ людей, и особенно въ мирныхъ и богомольныхъ старичковъ за то только, что они крестятся истово, по старинѣ, по московски, какъ крестились и сами стрѣльцы и ихъ жены—стрѣлять въ такихъ людей казалось совсѣмъ богопротивнымъ дѣломъ, и всякій разъ, когда воевода велъ ихъ на приступъ, стрѣльцы морщились, или лѣниво почесывали затылки. Мещериновъ видѣлъ это, видѣлъ безполезность лѣтнихъ осадъ и пошелъ на хитрость... „Ну, —думалъ онъ, — я вамъ, бабинымъ сынамъ, покажу Кузькину мать: я васъ доѣду не мытьемъ, такъ катаньемъ. Теперь вамъ тепло, вольготно на солнышкѣ порты да онучи сушить да съ кемлянками вожжаться, а какъ придетъ зима—не въ ту дуду задудите; теперичушки ужъ не поведу васъ въ Сумской зимовать, на печи животы парить—зимуй здѣсятка... Захотите, ѣшь васъ мухи, погрѣться въ монастырѣ—тады и на воропъ пойдете“...

И дѣйствительно, пришла осень, наступили холода, пошли заморозки, сиверко такъ по ночамъ, что кочи стали примерзать къ берегамъ, а воевода не ведетъ стрѣльцовъ въ Сумской: сычъ сычомъ сидитъ въ своей палаткѣ изъ кошомъ да еще и печку себѣ чугунную измыслилъ.

— Ишь чортова ладоница!—ворчалъ Кирша полуголова:—ему тепло, дуй его горой съ полугорьемъ, а каково намъ! Онучи къ подошвамъ примерзаютъ.

— Ну, инъ въ монастырь грѣться,—намекалъ Чортоусъ.

— И впрямь, братцы: съ голоду да съ холоду и Ивана Великаго запалить такъ въ пору,—подтверждали стрѣльцы.

На эту безысходность положенія и расчитывалъ хитрый воевода. Онъ зналъ, что зимой, въ суровые холода, когда птицы на лету замерзаютъ, а дыханье превращается въ иней, стрѣльцы волей-неволей захотятъ погрѣться въ монастырѣ.

Передъ никольскими морозами воевода объявилъ стрѣльцамъ, что онъ въ послѣдній разъ хочетъ вести ихъ на воропъ.

— Такъ ли, сякъ ли, ребятушки, а погрѣться надоть, — пояснилъ

онъ коварно:—а въ монастырѣ, у старыхъ чертей, у-у кака теплынь позапечью!

Стрѣльцы принялись дѣлать подкопы въ мерзлой землѣ. Приходилось работать больше топорами да пешнями. До седьмого поту работали стрѣльцы и кляли воеводу.

— Эхъ, воръ-собака! чтобъ ему эдакъ-ту могилу себѣ копать.

— Ни дна-бъ ему, ни покрышки!

— Безъ попа-бъ ему—безъ ладону, безъ свѣчей—безъ савану!

Особенно шибко захотѣлось стрѣльцамъ попасть въ монастырь, когда подступили рождественскія святки. Шутка ли—святки на морскомъ берегу, на снѣгу, да подъ мятелями! Да это собачьи святки—хуже! И собакѣ хозяинъ въ праздникъ кость выбрасываетъ, и помои для нея въ праздникъ—праздничныя. А тутъ на! мерзни на снѣгу весь день, глядучи на постылое море, а ночью считай сполохи. Да эдакъ съ тоски да съ кручины повѣситься можно.

За день до праздниковъ стрѣльцы не вытерпѣли и приступили къ воеводѣ:

— Веди насъ, отецъ родной, на воропъ, а то помремъ наглою смертью!— взывалъ Кирша.

- Веди хоть на чорта—все едино помирать,—раздавались другіе голоса.

— И впрямь подыхать пришло, братцы!

— На воропъ! къ бѣсу ихъ, долгогривыхъ! Чего глядѣть!

И стрѣльцы пошли на приступъ. Это было 23 декабря. Утро выдалось ясное, не особенно морозное. Обледенѣлыя стѣны, башни и зубцы на нихъ сверкали самоцвѣтными камнями. Изъ-за стѣнъ въ разныхъ мѣстахъ вился неровными клубами дымокъ къ голубому небу. Голуби, вспугнутые передъ этимъ съ колоколенъ благовѣстомъ къ утреннему стоянію, дѣлали въ воздухѣ послѣдніе круги и снова опускались на карнизы церквей и колоколенъ. Едва лишь солнце, выткнувшееся однимъ багровымъ окрайкомъ изъ-за горизонта, позолотило кресты на монастырскихъ церквахъ, какъ стрѣльцы уже почти вскарабкались на стѣны по лѣстницамъ, приставленнымъ ночью, подъ покровомъ мрака, когда въ монастырѣ этого, казалось, ни одна душа не подозрѣвала. Вотъ-вотъ стрѣльцы взберутся на стѣны... Еще нѣсколько усилій—и они тамъ...

— Но-но-но, лошадка! — раздался вдругъ голосъ надъ головами стрѣльцовъ.

Всѣ вздрогнули испуганно и подняли головы. На стѣнѣ, у самаго края, юродивый, босикомъ и безъ шапки, скакалъ верхомъ на палочкѣ, подстегивая себя кнутикомъ.

— Но-но-но̀, воеводская лошадка!—опять крикнулъ юродивый и остановился.

Невольно остановились и верхніе изъ стрѣльцовъ. Ими овладѣлъ суевѣрный страхъ.

— Что, братцы, озябли? Штецъ горяченькихъ захотѣли? — снова окрикнулъ ихъ юродивый.

— На воропъ, ребятушки, на стѣну!—неистово раздался снизу голосъ воеводы.—Что стали, черти! Вотъ я тебя куролесова!

И воевода выстрѣлилъ изъ ружья въ юродиваго. Ружье повысило, и пуля угодила въ бѣлаго голубя, тихо опускавшагося на карнизъ соборной колокольни. Голубь опрокинулся въ воздухѣ и комомъ слетѣлъ на церковную крышу, гдѣ и застрялъ въ снѣгу.

— Ахъ, окаянный! турмана ушибъ!—послышался со стѣны отчаянный голосъ.

То былъ голосъ Исачка сотника. Убитый воеводою голубь, былъ его любимецъ—турманъ въ штанцахъ.

— Впередъ, стрѣльцы-голубчики! Громи стѣны, дьяволы! — неистово вопилъ воевода у стѣны, поднимая руки къ небу.

— Разъ-два-три! — раздался окрикъ Исачка. — Катай, ребята, кипяткомъ!

— Во имя Отца и Сына—ксти еретиковъ водою и духомъ!—кричалъ юродивый.

На стѣнахъ словно выросли черныя фигуры старцевъ и ратныхъ людей. Въ рукахъ ихъ дымились паромъ ушаты и ведра съ кипяткомъ.

— Лей разомъ! въ очи лей!

— Плюнь на нихъ, Господи,слюною Твоею, ею же горы огнемъ дышутъ! — крикнулъ Никаноръ, показываясь на стѣнѣ съ крестомъ въ рукахъ.—Плюнь, Господи, слюною Твоею огненною!

И Господь плюнулъ... Со стѣнъ полились, клубясь и дымя, рѣки кипятку...

— Ай! ай!.. О! Господи!.. огонь! смерть! — раздавались отчаянные вопли стрѣльцовъ.

Поливаемые кипяткомъ, они стремглавъ падали съ лѣстницъ, увлекая другъ дружку. Крики были ужасные. Воевода метался какъ безумный, безъ шапки и рвалъ на себѣ волосы.

Стрѣльцы бѣжали поголовно, покинувъ осадныя лѣстницы и бросая оружіе. Иные бросались въ снѣгъ лицомъ, стараясь утолить боль ошпаренныхъ кипяткомъ носовъ, щекъ, лбовъ, рукъ, другіе хватали комья снѣгу и терли имъ обожженныя лица.

А Исачко, стоя на стѣнѣ, хватался за животъ и хохоталъ какъ безумный.

— Охъ, умру! охъ, батюшки, лопну!

Смѣхъ Исачки заразилъ всю черную братію. Смѣялись до слезъ. Даже старый Никаноръ не то смѣялся, не то плакалъ истерически.

— Улю-лю-лю! улю-лю-лю! улепетывай, заячье московское!—раздавались голоса со стѣны.

— Похлебали штецъ монастырскихъ—будутъ помнить.

— Ай да Спиря!—а все онъ придумалъ, божій человѣкъ.

— Шапокъ-ту что пометали, братцы,—страхъ!

Дѣйствительно, внизу, на снѣгу чернѣлось нѣсколько стрѣлецкихъ шапокъ, оброненныхъ при паденіи и въ поспѣшномъ бѣгствѣ.

Торжество братіи было полное. Это уже чуть ли не третью, или четвертую грозу Богъ пронесъ мимо монастыря, щадя своихъ богомольцевъ. Пострадалъ за всѣхъ одинъ невинный голубокъ, утѣха братіи. Но въ общей радости объ немъ забыли, и даже Исачко вспомнилъ о своемъ любимцѣ, когда бѣдный турманокъ совсѣмъ закоченѣлъ, лежа на крышѣ кверху окровавленнымъ брюшкомъ и вытянувъ свои красныя ножки, а около него сидѣла ворона и чего-то зловѣще выжидала...

Одинъ Өеклисъ чернецъ не принималъ участія въ общей радости. Онъ стоялъ на стѣнѣ, хмурый и блѣдный, прислонясь къ башнѣ, и прислушивался къ голосамъ, тихо разговаривавшимъ у самой стѣны, подъ башнею.

— Что жъ, и отбили?—спрашивалъ женскій голосокъ, рѣзавшій, казалось, чернеца Өеклиса по сердцу.

— Отбили... кипяткомъ отлили,—отвѣчалъ юношескій, тоже знакомый Өеклису голосъ.

— Ахъ, слава Богу!

— Ну, ужъ... лучше бъ они осилили.

— Кто они?

— Стрѣльцы, знамо.

— Охъ! чтой-то ты, Иринеюшко! Страхъ какой! Упаси Богъ!

— Насъ бы не обидѣли... Зато ворота настежъ — вылетай изъ темной темницы...

— Охъ! чтой-то ты!

— Дѣло говорю... Мы бъ съ тобой—знаешь что?

— А что? Говори—не томи!

— Вольныя пташки... Ты—въ Архангельской, а я...

Голосъ смолкъ. Өеклисъ напряженно прислушивался.

— А ты?—послышался робкій вопросъ, съ дрожью въ голосѣ.

— Я — на Донъ... Тамъ вольная жизнь... Казаки сказывали — тамъ всѣмъ бѣгуиамъ рады.

- Ахъ, Господи! какъ же такъ? Для чего на Донъ? — Въ голосѣ вопрошающей слышались слезы.

— Куда жъ мнѣ? Мнѣ къ родной сторонѣ путь заказанъ: я, чу, отпѣтъ заживо.

— Ахъ, Боже мой! Что жъ это такое!

— Такъ, Оленушка... Ужъ такъ, чу, мнѣ на роду написано—мертвой печатью припечатано...

— Господи! Да ты еще такой молоденькой... ты... Вонъ я...

— Что жъ — не пропаду... А пропаду — все жъ легче, нечѣмъ тутотка изнывать...

— А я-то... княжичъ!..

Больше не было слышно. Казалось только, что кто-то всхлипывалъ... Өеклисъ мрачно сверкнулъ глазами...

— Нонѣ же ночью прокрадусь къ воеводѣ—и будь что будетъ!—прошепталъ онъ и исчезъ въ башнѣ.

— И какъ онъ, Спиря-то, узналъ, что стрѣльцы нонѣ утромъ на воропъ пойдутъ?—слышались голоса черной братьи, сходившей со стѣнъ.

— Какъ? Знамо: онъ святой человѣкъ—въ соніяхъ видитъ.

— Въ соніяхъ—это точно... А не узнай онъ впередъ въ соніяхъ-ту, что они, еретики, задумали, ну—и капутъ бы намъ.

— О-о-охо-хо! и святокъ бы не дождались.

— А онъ, какъ и ни въ чемъ не бывало: вона опять со своими голубями короводится.

Спиря все слышалъ, разговаривая съ голубями... „Не въ соніяхъ я видѣлъ,—думалъ онъ про себя, — а изъ своей печерочки все выглядѣлъ да подслушалъ... О печерочкѣ-то никто не вѣдаетъ — Оленушка одна знаетъ, да и то не *все*“.

Спиря жестоко ошибался: тайну юродиваго знала не одна Оленушка; зналъ ее еще кто-то, и зналъ *все*...

— Въ соніяхъ—то-то въ соніяхъ!—шепталъ и Өеклисъ сходя, со стѣны.— И сонія его не помогутъ, какъ я свою-ту струну трону... Ухъ, загудитъ струна! А все изъ-за этой пучеглазой... Эхъ! была-не-была!

XV.

Перебѣжчикъ.

На монастырь спустилась ночь темная, непроглядная. Небо заволокло съ запада мрачною пеленою, и безконечная пелена эта, словно бы разодравшись отъ края до края, стала сыпать на островъ тучи снѣгу. Онъ падалъ на землю тихо, ровно, не кружась мятелью и не завывая вѣтромъ. Тишь стояла мертвая. Весь островъ казался похороненнымъ подъ снѣгомъ.

А между тѣмъ за однимъ изъ уступовъ монастырской стѣны, вдоль береговой покатости, гдѣ весной Оленушка сплетала вѣнокъ изъ сѣрозеленаго моху, медленно двигалось что-то темное. Эта темная человѣческая фигура какъ бы изъ земли, изъ-подъ снѣгу выросла. За падающимъ снѣгомъ ни лица, ни другихъ очертаній этой тѣни нельзя было разобрать, но видно было, что она подвигалась къ тому мѣсту, гдѣ у небольшой губы, врѣзавшейся въ островъ, расположенъ былъ стрѣлецкій станъ.

Невдалекѣ отъ стана двигавшаяся по снѣгу и подъ падающимъ снѣгомъ тѣнь пріостановилась и видимо къ чему-то прислушивалась...

— Ну, а далѣ-то што?

— Далѣ — знамо што... Ерема въ церковь, а Өома на паперть, Ерема крестится, а Өома кланяется, Ерема въ книгу глядитъ, а Өома ничево не видитъ...

— Ха-ха-ха! Ну? Вотъ дураки! Ну?

— И пришелъ лихой пономарь и учалъ денегъ просить на молебенъ: Ерема въ мошну, а Өома въ карманъ, у Еремѣ ни пула, а у Өомы ничево...

— Ха-ха-ха! Ну?

— Ну, осерчалъ лихой пономарь: Ерему въ шею, а Ѳому въ толчки; Ерема въ двери, а Ѳома въ окно, Ерема въ лѣсъ, а Ѳома въ сосникъ...

— Да это словно бы насъ нонѣ изъ монастыря въ толчки...

Тѣнь снова стала подвигаться на эти голоса. Послышался шорохъ шаговъ по снѣгу.

— Стой! кто идетъ?—послышался окрикъ, и часовые вскочили съ своихъ мѣстъ. — Кто ты?

— Ваше спасенье, добрые люди,—отвѣчала тѣнь.

— Кто ты таковъ? Каковъ человѣкъ?

— Человѣкъ добрый.

— Зачѣмъ пришелъ?

— Это я скажу воеводѣ. Ведите меня къ нему.

— Ишь ты! Да ты чернецъ?

— Чернецъ и есть.

— Можетъ съ подвохомъ съ какимъ, съ умысломъ?

— Коли бы съ подвохомъ, не пошелъ бы прямо на васъ.

— А песъ тебя вѣдаетъ.

— Что пса въ судьи брать! Ведите къ воеводѣ. Чего боитесь? Васъ двое-тка, а я одинъ; у васъ ружья да сабелье, а на мнѣ одинъ хрестъ.

— И то правда.

Стрѣльцы повели таинственнаго пришельца дальше — одинъ спереди, другой сзади.

— Да ты не тотъ, что утресь на палочкѣ ѣздилъ по забоpoлу? спросилъ одинъ стрѣлецъ.

— Нѣту — не тотъ.

Подошли къ какой-то землянкѣ, занесенной снѣгомъ. Сбоку, подъ навѣсомъ, чернѣлось что-то въ родѣ норы. Одинъ изъ стрѣльцовъ нагнулся къ норѣ и постучалъ ружьемъ о деревянную подпорку.

— Кто тамъ?—послышался голосъ изъ норы.

— Мы, стрѣльцы съ часовъ.

— За какимъ дѣломъ?

— Языка привели.

— Какого языка?

— Чернеца... Сказываетъ, чтобъ къ воеводѣ вели.

Изъ норы выглянула косматая голова. Это былъ Кирша, полуголова стрѣлецкій.

— Какъ пымали?—спросилъ Кирша.

— Не ловили—самъ пришелъ,—отвѣчали стрѣльцы.

— За какимъ дѣломъ?—обратился Кирша къ чернецу.

— За государевымъ,—былъ отвѣтъ.—Веди меня къ воеводѣ. За мной есть государево слово и дѣло.

Кирша помялся было, взглянулъ на небо и почесалъ въ затылкѣ. Снѣгъ продолжалъ сыпаться, какъ изъ рукава.

— Ужъ и времячко-жъ выбралъ съ государевымъ словомъ и дѣломъ! досадливо произнесъ Кирша.

— Самое какъ быть время,—отвѣчалъ пришлецъ:—добрый хозяинъ и пса въ таку пору со двора не пуститъ; а я, какъ видишь, пришелъ, потому: мое дѣло—большое дѣло.

— И то правда, коли не врешь... Да тамъ разберемъ... Постой тутъ—я мигомъ,—и Кирша юркнулъ въ свою нору.

— Ну и наварилъ же ты варева,—замѣтилъ стрѣлецъ пришельцу.

— Не вамъ расхлебывать только,—отвѣчалъ послѣдній.

Скоро Кирша выползъ изъ норы въ кафтанѣ, въ шапкѣ и при саблѣ.

— Ступайте за мной,—обратился онъ къ чернецу и къ одному изъ стрѣльцовъ.—А ты подь на свое мѣсто.

Всѣ двинулись къ берегу. Впереди шелъ Кирша, а за нимъ чернецъ, за чернецомъ стрѣлецъ. Путь лежалъ мимо землянокъ, занесенныхъ снѣгомъ и казавшихся могилами.

— Экъ эво прорвало!—ворчалъ Кирша, отряхиваясь отъ снѣгу.—Вотъ сторонка—нну!

Скоро показалось что-то въ родѣ шалаша, покрытаго снѣгомъ. На верхушкѣ, на древкѣ болталось что-то темное. Кирша подошелъ къ самому шалашу. Изъ шалаша зарычала собака.

— Цыцъ, Каргаска,—свои!—подалъ голосъ Кирша.

— Кто тамъ?—окликнули изъ шалаша.

— Я, Кирша.

— За коимъ дѣломъ?

— Къ его милости воеводѣ.

— Что въ таку пору?

— Не мое дѣло—осударево, не терпитъ.

Въ шалашѣ послышались голоса. У самаго низа палатки раздвинулась немного кошма и оттуда вышелъ большой песъ, виляя привѣтливо хвостомъ. Увидавъ чернеца, песъ недовѣрчиво зарычалъ.

— Не трожь ево, Каргасъ.

Вскорѣ опять раздвинулась кошма, и въ палаткѣ показался свѣтъ.

— Иди къ воеводѣ,—позвали Киршу.

Тотъ вошелъ въ палатку. Свѣтъ отъ свѣтца, стоявшаго на небольшомъ стольцѣ объ одной ногѣ, заставилъ его зажмуриться. Кирша перекрестился, предварительно снявъ шапку, откашлялся, встряхнулъ волосами, поклонился, снова тряхнулъ кудрями и уставился на воеводу, который полулежалъ на медвѣжьемъ одѣялѣ, а около него стоялъ серебряный жбанъ, должно быть съ „тепленькимъ".

— Что тамъ?—торопливо спросилъ воевода.—Али долгогривые что?

— Нѣту, воевода: какая-то проява къ намъ пришла—ни чернецъ, ни песъ его знаетъ что... Сказываетъ: съ осударевымъ словомъ и дѣломъ.

Воевода вскочилъ и накинулъ на себя кафтанъ съ шитьемъ.

— А каковъ онъ изъ себя?

— Такъ, кажись, ничевошній—не видать.

— А введи.

Воевода принялъ осанку: растопырилъ ноги и сдѣлалъ важное, то-есть, совсѣмъ глупое лицо.

— А ты стой тамъ,—обратился онъ къ высокому сухому стрѣльцу съ серьгой въ ухѣ, постоянно ночевавшему въ воеводской палаткѣ, въ качествѣ постельнаго, истопника и тѣлохранителя.

Увидавъ глупое лицо у своего воеводы, Каргасъ очень обрадовался: значитъ, будетъ кричать на кого-нибудь, распекать — Каргаска очень хорошо изучилъ своего повелителя — а Каргаска будетъ лаять... То-то весело!

— Цыцъ! ѣшь те волки!—прикрикнулъ воевода.

Кошма раздвинулась и въ палатку вступилъ чернецъ Ѳеклисъ... Онъ разомъ окинулъ своими бѣгающими глазами всю палатку: въ головахъ воеводской медвѣжьей постели стоялъ зеленый стягъ, съ Егорьемъ на конѣ; тутъ же вблизи висѣли сабли и пистолеты; въ одномъ углу стоялъ большой кованый сундукъ.

Ѳеклисъ перекрестился на стягъ и сдѣлалъ поясной поклонъ воеводѣ.

— Ты кто таковъ и какого ради орудія пришелъ къ намъ?—важно, нѣсколько съ гнусомъ, спросилъ воевода.

Каргаска приготовился лаять, не спуская глазъ съ глупаго лица воеводы и косясь на пришельца.

— Соловецкаго монастыря чернецъ Ѳеклисъ, пришелъ ради государева слова и дѣла,—былъ отвѣтъ.

— Какое твое слово до великаго государя?

— Челобитьишко, государь.

— А въ чемъ твое челобитье?

Лицо воеводы все дѣлалось глупѣе, то-есть важнѣе.

— Вины свои принесъ я великому государю, — отвѣчалъ Ѳеклисъ, низко кланяясь.

— А въ чемъ твои вины?

— Дуростію моею и маломысліемъ присталъ я, нищій вашъ государевъ богомолецъ, къ соловецкимъ ворамъ и крамольникамъ.

— И того-бъ дѣлать не довелось, и то тебѣ вина,—важно и строго замѣтилъ воевода.

— И азъ, нищій вашъ, чернецъ Ѳеклиска, окоростовѣлъ съ тѣми соловецкими ворами: двуперстное сложеніе держалъ и сугубою алилуею блевалъ.

— И того-бъ тебѣ дѣлать не довелось, и то тебѣ вина, — повторялъ воевода.

— И тѣмъ азъ, нищій государевъ пночешко, великому государю, его царскому пресвѣтлому величеству, учинилъ грубство.

— И того-бъ тебѣ дѣлать не довелось, и то тебѣ вина, — продолжалъ автоматически твердить воевода, такъ что даже Каргаска сталъ недоумѣвать—когда же онъ ругаться-де начнетъ?

— А нонѣ я вины мои принесъ головою: воленъ великій осударь меня нищево своево холопишку сказнить.

Воевода промычалъ. Каргаска прицѣлился лаять. Сухой стрѣлецъ съ серьгой, стоя на вытяжку, усиленно сопѣлъ. Кирша стоялъ, повидимому, разочарованный: онъ, казалось, большаго ожидалъ.

— А велитъ мнѣ великій государь вины мои простить, и я грубство свое ему, великому государю, заслужу съ лихвою: введу тебя, воеводу, со стрѣльцами въ монастырь... Государь, смилуйся, пожалуй!—заключилъ Ѳеклисъ и снова сдѣлалъ поясный поклонъ.

При послѣднихъ словахъ воевода попятился назадъ и стоялъ съ раскрытымъ ртомъ и стоячими глазами. Кирша сдѣлалъ невольное движеніе. Каргаска разомъ залаялъ: онъ думалъ, что пришла пора начинать и ему дѣйствовать.

— Цыцъ, окаянный! — вскипятился воевода на своего невпопадъ усерднаго союзника, и даже затопалъ ногами.

Озадаченный песъ поджалъ хвостъ и спрятался за сундукъ, откуда робко поглядывалъ то на того, то на другого. Воевода сдѣлалъ шагъ къ чернецу.

— И ты не затѣйно то государево дѣло сказываешь?—спросилъ онъ ласковѣе, но все еще недовѣрчиво.

— Спаси Богъ! Въ экомъ-су великомъ государевомъ дѣлѣ да затѣйки затѣвать!—торопливо заговорилъ чернецъ.

— И не обманомъ хочешь насъ подъ дурно подвести?

— Кака мнѣ корысть подводить васъ подъ дурно!

— И ты на томъ крестъ цѣловать будешь?

— И крестъ и евангеліе цѣловать стану, что мнѣ великому государю прямить.

— Ладно. Надо объ этомъ дѣлѣ подумать.

Воевода почесалъ затылокъ, застегнулъ кафтанъ и вопросительно посмотрѣлъ на Киршу. Кирша нетерпѣливо переминался съ ноги на ногу.

— А какъ ты нонѣ попалъ къ намъ?—снова обратился воевода къ чернецу.—Какъ тебя выпустили?

— Я отай ушелъ, воевода.

— Какъ! коли черезъ стѣну?

— Нѣту, воевода: есть у меня тамъ подъ землей заячья норка — норкою я и проползъ.

— И ты насъ хочешь оною норкою провести въ стѣны?

— Нѣту — норкою не способно будетъ: узка гораздо — гладкой не пролѣзетъ.

— Такъ какъ же?

— Есть въ стѣнѣ мѣсто такое, проломное, съ этой стороны его распознать нельзя, а я укажу.

— Что жъ что укажешь? А далѣ что?

— Выломать камни, тамъ не велика сила надобеть.

— Ну и что жъ?

— Въ ночь выломаемъ. Вотъ намъ и ворота.

— И войдемъ?

— Ночью и войдемъ...

— Сонныхъ, что щенятъ заберемъ, ляди̂ныхъ дѣтей! — не вытерпѣлъ Кирша, брякнулъ радостно.

Не вытерпѣлъ и Каргасъ: выскочилъ изъ-за сундука и ну радостно, неистово лаять то на воеводу, то на Киршу, то на сухого стрѣльца съ съ серьгой и даже на незнакомаго чернеца.

— Цыцъ, анаѳема! цыцъ, клятой! Вотъ взбѣсился! — кричалъ воевода; но песъ ужъ и его не слушалъ: онъ по глазамъ видѣлъ, что воевода радъ, и неистово выражалъ свой собачій восторгъ.

Кирша радостно потиралъ руки и ржалъ, глядя на Каргаску. Воевода шагалъ по палаткѣ, отбиваясь отъ собаки, которая лѣзла цѣловаться. Ѳеклисъ самодовольно, съ злымъ выраженіемъ въ красивыхъ глазахъ, улыбался, навивая клокъ бороды на палецъ.

— И ты какъ передъ Богомъ говоришь? — уставился воевода на чернеца.

— Какъ передъ Богомъ!

— И укажешь мѣсто?

— Затѣмъ пришелъ — свою голову принесъ подъ осудареву плаху.

— И не величкой силой проломаемъ?

— Плевошное это дѣло будетъ.

— Ну, добро! И за то великій государь, его царское пресвѣтлое величество, пожалуетъ тебя такимъ жалованьемъ, какова у тебя и на умѣ нѣтъ.

Чернецъ поклонился, чтобы скрыть блескъ глазъ, говорившій о чемъ то иномъ, только не о государевомъ великомъ жалованьѣ.

— Что жъ ты стоишь вороной! — вскинулся воевода на Киршу.

Кирша оторопѣлъ. Каргасъ тоже накинулся на него съ лаемъ: воевода-де лаетъ, такъ и мнѣ слѣдуетъ.

— Бѣги живой ногой, веди попа съ крестомъ и евангеліемъ, — пояснилъ воевода.

— Мигомъ, воевода! — какъ-то икнулъ Кирша.

— Живо!

И передернувъ плечами, Кирша какъ ошпаренный метнулся изъ шалаша, чуть не сбивъ съ ногъ стрѣльца съ серьгой.

— Ишь, лѣшій! — огрызнулся этотъ послѣдній.

Каргаска съ лаемъ кинулся за посланцемъ, и долго его радостный лай раздавался вдоль соннаго берега моря, посыпаемаго снѣгомъ.

XVI.

Послѣдняя ночь „Соловецкаго сидѣнья“.

— Мама! Ты слышишь?

— Что, дитятко?

— Слушай—а? Кто-то плачетъ.

— Что ты, глупая, кому теперь плакать?

— Охъ, мама, мнѣ страшно: я слышу, какъ кто-то плачетъ.

— Да это вѣтеръ въ трубѣ —ноли не слышишь?.. А ты перекстись, прочти молитву Исусову—и спи.

Оленушка крестится, придерживая лѣвой рукой рубашку, шепчетъ молитву и снова опускаетъ свою растрепанную, со спутавшеюся косою голову на бѣлую подушку. Тихо въ кельѣ. Лампадка сонно мигаетъ у образа. Неупокоиха вздыхаетъ. На дворѣ слышна вьюга. Сонъ такъ и клонитъ, тяжелитъ вѣки и туманитъ... Неупокоиха ровно посапываетъ...

— Мама! а мама!

— Охъ, Господи Исусе! ты что опять?

— Мнѣ не спится... У меня, мама, мысли...

— Какія у тебя, у глупой, мысли! Нонѣ не каталась на салазкахъ... пурга... ну и не спится.

— Завтра покатаюсь съ Иринеюшкой... А мои салазки лучше его...

— Не въ примѣръ лучше... Ну, спи, дитятко.

— А въ Архангельскомъ, мама, что теперь?

— Что, глупая! Спятъ.

— Батя спитъ?

— Нѣтъ, на салазкахъ катается.

Оленушка смѣется... Опять тихо, только вьюга завываетъ въ трубѣ и подъ окномъ... Лампадка какъ будто вздрагиваетъ... По стѣнѣ словно тѣни какія ползутъ... Слышенъ ровный сапъ... Гдѣ-то сверчокъ засвереститъ и смолкнетъ... Жутко Оленушкѣ, нейдетъ сонъ, все что-то слышится въ порываньяхъ вѣтра за окномъ...

— Мама! кто это стучитъ?

— Асинька? Ты все не спишь?

— А ты слушай, мама.

— Что мнѣ слушать-ту?—тебя, дуру?

— Нѣту, мама,—тамъ стучитъ.—Слышишь?

— Это вьюга... вѣтеръ.

— А во что она стучитъ?

— А во что придется: въ ставни, въ било, у трапезы что виситъ.

— А какъ это, мама, мертвецы по ночамъ ходятъ?

— Что ты! что ты, непутевая! Съ нами кресная сила—на насъ кресты.

— А какъ же дѣдушка Спиря говорилъ, что къ нему душенька ево Оленушки приходитъ?

— Что ты пустое мелешь, глупая! Какой Оленушки?

— А у нево дочка была Оленушка.

— А!.. ну, онъ святой человѣкъ—онъ видѣнія въ соніяхъ видитъ.

— И я во снѣ все вижу — и Архангельской вижу часто, и батю, и какъ мы по грибы ходили.

— Ну, то-то же.

— А мнѣ Исачко сказывалъ, что онъ самъ лѣшаго видѣлъ.

— А ты ужъ и съ Исачкомъ, глупая, подружилась!

— А какъ же, мама! Въ ту пору какъ стрѣльцы шли на монастырь воропомъ, передъ святками, и убили его турмана бѣленькаго въ штанцахъ, такъ мы съ имъ хоронили турмана, а я плакала... плакала! — и онъ, Исачко, плакалъ же...

— Было о чемъ дураку!

— Онъ, мама, не дуракъ: онъ добрый... И онъ сказывалъ, что часто видитъ во снѣ покойнаго турмана.

— Фу! съ тобой, точно, одурѣешь... Да спи жъ ты, говорятъ тебѣ, сорока!

И Неупокоиха повернулась носомъ къ стѣнѣ, и ухо заложила стеганымъ, полосатымъ, словно шашечная доска, одѣяломъ. Скоро опять раздался ея сапъ, а Оленушка, полежавъ съ закрытыми глазами, снова открыла ихъ и стала смотрѣть на мигающія полосы на потолкѣ: полосы шли отъ образовъ, отъ лампадки. Она задумалась объ Архангельскѣ: хотѣла вспомнить лицо Бори—и не могла... Вотъ-вотъ, кажется, вспомнила — и собственно не его вспомнила, а то, какъ они грибы въ лѣсу собирали, какъ нагнулись надъ однимъ грибомъ, какъ Боря взялъ ея руку—все это хорошо помнится—и какъ потомъ они потянулись другъ къ другу, какъ губы ихъ слились, и какъ колѣнками раздавили грибъ, когда Оленушка, вся красная, вырывалась—все это вспомнила она... но лица Бори никакъ не могла вспомнить... это не его лицо, нѣтъ — это Иринеюшка... А вотъ и „архимаритъ" Никаноръ на качеляхъ качается... Чудно что-то... И дѣдушка Спиря на салазкахъ тутъ же... И Исачко за рога лѣшаго ведетъ... лѣшій его турмана поймалъ... Слышно, какъ стрѣльцы поютъ на берегу:

Разогналъ ея малыхъ дѣтушекъ,
Малыхъ дѣтушекъ, кукунятушекъ,
Что по ельничку, по березничку...

— Охъ, Господи, что это такое?

Оленушка, задремавшая было, снова проснулась. Послышался стукъ, и словно бы какіе-то камни повалились... Опять тихо, только вѣтеръ пошумливаетъ. Лампадка гаснетъ... Скоро должно быть утро... Опять стучитъ... Это, вѣрно, какой-нибудь трудникъ всталъ рано и дрова колетъ за поварней... А вотъ ужъ мѣсяцъ прошелъ, какъ стрѣльцы, передъ святками, на воропъ ходили, да ихъ кипяткомъ отгромили отъ стѣнъ... Тогда и чернецъ Ѳеклисъ пропалъ, какъ въ воду канулъ. Спиря сказывалъ, что Ѳеклиска къ стрѣльцамъ перебѣжалъ... Какіе глаза нехорошіе... стыдные какіе-то у этого Ѳеклиса... У Исачки лучше, хоть и косые... А у Иринеюшки?.. На Донъ хочетъ уйти... Зачѣмъ на Донъ? Не надо!

Оленушка прислушивается... Въ монастырѣ что-то случилось: слышны голоса, стукъ, звяканье желѣзомъ...

Оленушка вскочила: это уже не вьюга... голоса явственно слышны... это голосъ Исачки... Еще голоса... Гулъ...

— Мама! мамонька! вставай!

— Ты что! ты сдурѣла?

— Охъ нѣтъ! слышишь?

На дворѣ уже ясно слышались крики сотенъ голосовъ...

Батюшки! Владычица! не пожаръ ли?

И мать, и дочь стали торопливо одѣваться.

— Ахъ, Господи! что жъ это такое! не стрѣльцы ли?

Въ окно застучалъ кто-то:

— Батюшки! кто тамъ?

Стукъ повторился, только не въ окно, а въ дверь.

— Вставайте! Пожаръ! Кельи горятъ!

— Владычица! скорѣй, Олена! Охъ, матушки!

Оленушка первая бросилась къ дверямъ, едва успѣвъ накинуть на себя шубку... Двери распахнулись... Въ этотъ самый моментъ что-то темное накрыло ее, и сильныя руки схватили поперекъ стана...

— Мама! ой! о-о!

Что-то мягкое зажало ей ротъ—и голосъ ея замеръ въ груди... Въ ужасѣ, Оленушка чувствовала, что ее куда-то несутъ... Сзади слышались отчаянные крики, стукъ оружія, пальба...

Оленушка все поняла: монастырь взятъ... Но куда ее несутъ?.. Гдѣ мать?.. Гдѣ Иринеюшка?..

. . . .

— Ребятушки! голубчики! отстоимъ!—слышался отчаянный голосъ Исачки.

— Владыко многомилостиве! помози!—стоналъ гдѣ-то несчастный Никаноръ.

— Сдавайтесь, старцы: вамъ ничего не будетъ.

— Поздно, святые отцы,—монастырь нашъ.

— Никого не бить! Слышишь, ребята,—отцовъ не трогать!—командуетъ Кирша.

— Оленушка! Оленушка! дитятко! о-о-о! — это отчаянный голосъ матери.

— Что, тетка, орешь?

— Какъ въ монастырь, братцы, баба попала?

— Да у нихъ, поди, и дѣвье мясо тутъ есть. Вотъ разлюли-малина съ клюквой!

— Оленушка! дѣвынька! оо-оо-оо!

— Вяжи ратныхъ!

Стрѣльцы наполняли уже весь монастырь. И въ проломъ, сдѣланный ночью въ стѣнѣ, по указанію чернеца Ѳеклиса, и въ ворота, отъ которыхъ были отбиты замки, стрѣльцы валили волною, и пока монастырскіе ратные, услыхавъ тревогу, успѣли выбраться изъ своихъ келій и спросонья оглядѣться, монастырскіе часовые были перевязаны, и около заряженныхъ пушекъ стояли уже стрѣльцы. Сотники Исачко и Самко и архи-

мандритъ Никаноръ бросились было къ своимъ „галаночкамъ", но ихъ тамъ схватили, и отца Никанора тотчасъ же увели подъ караулъ. Исачко и Самко отчаянно защищались и сбросили нѣсколькихъ стрѣльцовъ со стѣны.

— Братцы, не сдавайтесь!—кричалъ со стѣны Исачко, барахтаясь и отбиваясь.

— Умирай, ребятушки, а въ поганыя руки не давайся!—хрипѣлъ Самко, котораго стрѣльцы душили за горло.

Но стрѣльцы видимо задавливали массою ничтожную горсть защитниковъ монастыря. Стоны и проклятія, плачъ и хохотъ, трескъ ломаемыхъ древковъ и лязгъ оружія и прочаго желѣза сливались въ общемъ хаосѣ. И среди этого хаоса иногда пронизывалъ утренній воздухъ отчаянный, хриплый женскій вопль: „Оленушка! Оленушка!"—„Ищите, братцы, Оленушку... должно дѣвка", слышались и стрѣлецкіе голоса.

Въ это время около Неупокоихи, которая безумно металась во всѣ стороны, ища свою пропавшую дочь и вопя охрипшимъ голосомъ „Оленушка, Оленушка", послышался крикъ и хохотъ:

— А вотъ и Оленушка! Держи ее!

— Ай-ай, братцы, дѣвочка монашкомъ переодѣта.

— Впрямь дѣвочка... Держи! держи!

Неупокоиха метнулась туда, на эти голоса.

— Пустите меня! Я не дѣвочка! ой!

— Врешь, дѣвочка—да кака хорошенька!..

Это былъ Иринеюшка, котораго приняли за дѣвочку.

— Чернечикъ молоденькой, а не дѣвочка... Тьфу! дуй-те!

— Ишь ты чево захотѣлъ, жеребецъ,—дѣвьятинки!

— Знамо, на голодны зубы...

Гдѣ жъ въ самомъ дѣлѣ Оленушка?

. . . .

Вонъ за монастырской стѣной, по направленію къ стрѣлецкому стану кто-то видимо спѣшитъ съ какою-то ношею въ рукахъ. При свѣтѣ занимающагося утра можно разсмотрѣть, что это несутъ человѣческое тѣло: видны болтающіяся ноги и перевѣсившаяся черезъ лѣвое плечо несущаго русая голова съ длинными, спадающими ниже пояса несущаго, такими же свѣтлорусыми косами...

Изъ монастыря доносится нестройный гулъ и крикъ множества голосовъ. Вскорѣ изъ монастырскихъ воротъ выбѣгаетъ кто-то, осматривается во всѣ стороны и, увидавъ удаляющагося отъ монастыря къ берегу человѣка съ ношей, стремительно бросается вслѣдъ за нимъ. Вотъ онъ уже почти настигаетъ его.

— Стой! остановись!—кричитъ онъ убѣгающему.

Этотъ послѣдній вздрагиваетъ, но не останавливается, а напротивъ—прибавляетъ шагу.

— Стой, окаянная душа! Отъ меня не уйдешь.

Убѣгающій узнаетъ голосъ преслѣдующаго и усиливаетъ бѣгъ. Послѣдній уже настигаетъ совсѣмъ.

— Стой! Не то ножомъ пырну, окаянный!

У преслѣдующаго въ рукѣ ножъ. Онъ поднимаетъ руку... сталь блеснула какъ льдина...

— Господи Боже. Благослови на злодѣя!.. Н-на!

— Ой! зарѣзалъ!

Ноша падаетъ на снѣгъ, какъ снопъ. Косы разметались по бѣлому снѣгу, какъ льняныя пасмы. Это Оленушка.

Раненый, поднявъ руки, быстро оборачивается. Это чернецъ Ѳеклисъ. Онъ бросается на преслѣдующаго.

— А! дьяволъ! вотъ я тебя!

— Меня? нѣтъ, тебя... Н-на же!.. издыхай!

Ѳеклисъ пластомъ повалился на снѣгъ и захрипѣлъ. Кровь хлынула горломъ и изъ раны въ груди. Снѣгъ такъ и багровѣлъ кругомъ.

— Это тебѣ за монастырь и за все! Помилуй его Господи!

И юродивый—это былъ онъ—бросился на колѣни передъ разметавшейся на снѣгу Оленушкой.

— Дитятко! очнись, Господь съ тобой!

Дѣвушка не шевелилась. Юродивый бережно приподнялъ ее, взялъ на руки, какъ маленькаго ребенка, и сталъ осторожно тереть виски ея снѣгомъ. Оленушка открыла глаза.

— Что, дѣвынька, испужалась? — ласково говорилъ юродивый и съ нѣжностью смотрѣлъ въ испуганные глаза дѣвушки.—Испужалась, дитятко, сомлѣла?

— Это ты, дѣдушка?—слабо спросила Оленушка.

— Я, дитятко.

— А мама гдѣ?.. мамушка? —испуганно вскрикнула она.

— Ничего... ничего, дѣвынька: матушка тамъ...

— Не сгорѣла?

— Охъ, что ты! Помилуй Богъ! Она тебя ждетъ.

— Гдѣ?

— Тамъ, въ монастырѣ.

Оленушка встала на ноги. Юродивый запахнулъ ея шубку.

— Студено, закройся.

Изъ монастыря доносился неясный гулъ и крики. Оленушка со страхомъ поглядѣла туда.

— Что тамъ?

— Ничего, не бойся, дитятко.

Какъ ни умѣлъ владѣть собою юродивый, но Оленушка видѣла, что онъ дрожитъ.

— Тамъ стрѣльцы, дѣдушка?—робко спросила она.

— Ничего, ничего, не пужайся...

— А Иринеюшко?

— Тамотка же.

Оленушка что-то вспомнила и задрожала всѣмъ тѣломъ.

— А гдѣ онъ?.. Это онъ унесъ меня...

— Пойдемъ, пойдемъ,—торопилъ ее юродивый.

Она оглянулась и увидала на бѣломъ, кровью окрашенномъ, снѣгу широко раскинувшее руки мертвое тѣло. Въ груди его торчалъ ножъ... Мертвые, широко раскрытые глаза убитаго глядѣли на небо, какъ бы спрашивая: что же тамъ, когда здѣсь кончено?

XVII.

„На теплыя воды".

Вновь наступила весна. Суровое сѣверное поморье, долго спавшее подъ снѣгомъ, проснулось подъ теплыми лучами весенняго солнца и зазеленѣло молодой зеленью. Зазеленѣлъ и Соловецкій островъ, и Кемской и Сумской посады, и Анзерскій скитокъ... Только не ждутъ уже къ себѣ молодыя кемлянки и сумскія молодухи дружковъ милыхъ—молодыхъ стрѣльчиковъ, а молодая Вавилкина попадейка — своего мила друга, Иванушку воеводушку: съ весной отплыли московскіе стрѣльцы съ своимъ воеводушкой на страну далече... Тихо въ монастырѣ и около.

Зазеленѣлъ съ весной и Архангельской славной городъ, о которомъ такъ долго скучала Оленушка: и въ Архангельскомъ и вокругъ него, какъ говорила Неупокоиха, „разтвяли твяты лазоревые и пошли духи малиновые".

Особенно цвѣтутъ садики вокругъ торговой площади въ городѣ Архангельскѣ. Да и вся площадь, особенно у заборовъ, зеленѣетъ молодою травкою.

Утро. Весеннее солнце, только - что выкатившись изъ - за восточнаго взгорья, окрашиваетъ золотисто - пурпуровымъ цвѣтомъ церкви и крыши домовъ и протягиваетъ длинныя тѣни поперекъ всей площади. У торговыхъ рядовъ и около казенныхъ вѣсовъ и мѣръ да у кабацкаго кружала стоятъ возы съ припасами съѣхавшихся въ городъ изъ окрестностей поселянъ. Привязанныя у возовъ и у хрептуговъ лошади, пережевывая сѣно и овесъ, то-и-дѣло ржутъ, не видя своихъ хозяевъ. А хозяева, мужики и бабы, а равно рядскіе сидѣльцы и посадскіе люди — все это кучится къ серединѣ площади, гдѣ высится огромный деревянный „покой" —два столба съ перекладиною. Съ перекладины спускается длинная, круто плетеная веревка, съ петлею на концѣ. Тѣнь отъ висѣлицы и отъ веревки идетъ по головамъ собравшейся толпы, теряясь гдѣ-то за заборами и въ зелени садиковъ. Всѣ смотрятъ на висѣлицу, перекидываясь односложными словами и междометіями. Иногда изъ нестройнаго гула ясно вырѣжется и замретъ среди лошадинаго ржанія фраза удивленія:

— Ишь ты, какой покой-отъ съерихонили—и-и-ахъ!—острятъ тутъ же толкающіеся земскіе ярыжки.

— Ужъ и точно покой... покой-онъ по-по, како-онъ-ко-ко — покой, съ загогулиной... э-эхъ н-ну!...

Подъ висѣлицей ходитъ варнакъ съ рваными ноздрями, въ красной касандрійской рубахѣ, съ засученными рукавами, и исподлобья вскидываетъ своими немигающими глазами на толпу. Это палачъ.

Два стрѣльца, приставивъ ружья къ висѣличному столбу, расположились подъ висѣлицей, и одинъ у другого ищетъ въ головѣ.

Вдругъ гдѣ-то за площадью глухо застучалъ барабанъ. Толпа колыхнулась. По лицамъ у всѣхъ пробѣжали не то тѣни, не то лучистыя искры. Головы поднялись и безпокойно задвигались на плечахъ. Барабанъ не умолкалъ, все болѣе и болѣе приближаясь.

Изъ-за людскихъ головъ показалась дуга и лошадиная морда. Изъ-за лошади повременамъ высовывались два затылка обнаженныхъ человѣческихъ головъ. Скоро показались и спины ихъ.

При приближеніи барабана, толпа раздвинулась, и открылось необычайное шествіе. Впереди — взводъ стрѣльцовъ, съ барабанщикомъ въ головѣ взвода. Барабанъ выбивалъ глухую, безпорядочную дробь, а барабанщикъ, лѣниво колотя палочками по туго натянутой шкурѣ, шибко дѣлалъ выверты локтями. Стрѣльцы шли сердито, какъ-бы стыдясь своего дѣла, а понурый Чортоусъ беззвучно шевелилъ губами.

За стрѣльцами—жирный, красномордый попина, въ черной рясѣ и съ крестомъ въ отекшихъ отъ жиру рукахъ. Видно было, что торчавшая впереди висѣлица поглощала все его вниманіе.

За попомъ — поджарый подъячій, въ потертомъ кафтанѣ и съ такимъ же потертымъ лицомъ. За ухомъ лебединое, въ видѣ лопаты, перо, а у пояса—мѣдная съ ушками чернильница.

За нимъ стрѣлецъ велъ за поводокъ пѣгую клячу, на которой, спиной къ висѣлицѣ и конской гривѣ и лицомъ къ хвосту, сидѣлъ высокій старикъ съ сѣдою, сбившеюся на затылокъ, косою. Въ рукахъ онъ держалъ горящую восковую свѣчу.

Далѣе слѣдовала телѣга, тоже ведомая стрѣльцомъ, державшимъ за поводъ лошадь, впряженную въ эту телѣгу. Въ телѣгѣ, лицомъ назадъ, покачивались при движеніи телѣги и терлись одна о другую плечами двѣ человѣческія фигуры. Въ рукахъ ихъ тоже горѣли зажженныя свѣчи.

За первой телѣгой, другая. Въ ней тоже два сѣдока задомъ и оба со свѣчами. За телѣгами—другой взводъ стрѣльцовъ.

У самыхъ висѣлицъ шествіе остановилось. Стрѣльцы сняли съ пѣгой клячи необычайнаго сѣдока, съ сѣдою косою. Старое, темное и осунувшееся лицо оборотилось къ толпѣ и видимо усталыми глазами изъ-подъ сѣдыхъ нависшихъ бровей глянуло на висѣлицу... На лицѣ показалась грустная улыбка... Это былъ архимандритъ Никаноръ...

Толпа замерла. Слышалось только усиленное дыханіе да изрѣдка подавленный вздохъ.

Сняли и съ первой телѣги двухъ сѣдоковъ, у которыхъ къ ногамъ при-

кованы были дубовыя колодки. У одного, высокаго, плечистаго, хотя видимо изможденаго колодника, красная голова такъ и отливала на солнцѣ золотомъ, а запавшіе глаза искрились, какъ у кошки въ темнотѣ. Другой, худой и косматый, съ сумою черезъ плечо, казалось любовался висѣлицею и всѣмъ, что онъ видѣлъ... Добрые глаза свѣтились дѣтскою радостью... Это были — огненный чернецъ Терентьюшко, ученикъ Аввакума, и Спиря юродивый.

Сошли и со второй телѣги, гремя цѣпями какъ спутанныя лошади, сотники Исачко и Самко.

Всѣ осужденные стали въ рядъ. У каждаго въ рукахъ горѣло по свѣчкѣ. Всѣ молчали, только Исачко косился на висѣлицу, надъ которой въ глубокой лазури утренняго неба кружились голуби — и судорожно улыбнулся: вѣроятно, ему вспомнился любимецъ его, турманъ въ штанцахъ, застрѣленный воеводою Мещериновымъ Ивашкою, и теперь покоящійся въ землѣ на далекомъ островѣ...

Къ осужденнымъ подошелъ поджарый подъячій, вынулъ изъ-за пазухи кафтана бумагу, развернулъ ее, снялъ шапку и, крикнувъ пискливо-скрипучимъ голосомъ къ толпѣ—„шапки долой!“, сталъ гнусить что-то...

Всѣ слушали какъ-будто разсѣянно, словно бы то, что читали, совсѣмъ до нихъ не касалось... Никаноръ же, который стоялъ первымъ, слушая читаемое, задумчиво качалъ головой, между тѣмъ какъ посинѣвшія губы его беззвучно шептали: „и се мимо иде, и се не бѣ... и камо иду — не вѣмъ... дніе его яко цвѣтъ сельній—и тако отцвѣтутъ... Да-да—отцвѣли... отцвѣтуть и падутъ“...

Чтеніе кончилось... Онъ взглянулъ на свѣчку, вздохнулъ и самъ задулъ ее... Потомъ положилъ свѣчку къ себѣ за пазуху, бормоча: „тамо зажгу ее... дологъ путь тамо... охъ, долог.!“ — и самъ подошелъ къ висѣлицѣ...

Палачъ, казалось, не смѣлъ приблизиться къ нему и глядѣлъ вопросительно на подъячаго.

— Верши!—хрипло проговорилъ послѣдній.

Палачъ протянулъ руку къ петлѣ. Никаноръ отклонилъ его руку,

— Самъ на себя сумѣю вѣнецъ-отъ надѣть! — И поклонился на всѣ четыре стороны.—Самъ надѣну...

И надѣлъ: вложилъ шею въ петлю, отведя въ сторону волосы и освободивъ изъ - подъ веревки бороду, какъ дѣлалъ онъ это обыкновенно, облачаясь въ ризы передъ литургіею... Онъ поднялъ глаза къ небу...

— Господи! въ руцѣ твои...

— Верши!—прохрипѣлъ подъячій.

Тотъ стремительно дернулъ за другой конецъ веревки. Веревка запищала въ немазанномъ блокѣ... Тѣло стараго архимандрита поднялось отъ земли... ноги подогнулись... руки конвульсивно поднялись къ шеѣ... Палачъ встряхнулъ веревкой... еще... еще—и самъ какъ-бы повисъ на ней...

— О-о-охъ!—послышался стонъ въ толпѣ.

— Глядите, православные, какъ люди на небо возносятся! Гляньте-ко! — раздался вдругъ чей-то голосъ, такъ что всѣ вздрогнули.

Это крикнулъ юродивый, указывая на колыхавшееся въ воздухѣ бездыханное тѣло стараго архимандрита.

— Господи! за что жъ это?.. О-охъ!

— За крестъ истовый—за вѣру... Н-ну времячко!..

Многіе испуганно крестились—и странно! всѣ крестились именно тѣмъ истовымъ крестомъ, за который вотъ тутъ же, сейчасъ, умеръ человѣкъ, котораго и въ купели крестили этимъ же крестомъ и самъ онъ крестился имъ болѣе семидесяти лѣтъ...

Подъячій подошелъ къ качавшемуся тѣлу и робко потрогалъ его за ноги.

— Отошелъ, кажись,—тихо сказалъ онъ палачу:—спусти.

Палачъ, красный отъ натуги, опустилъ веревку. Мертвое тѣло мѣшкомъ повалилось на землю... сѣдые волосы разметались...

— Охъ, смертушка! о-о!—это изъ толпы.

Палачъ распустилъ петлю, вынулъ изъ нея голову мертваго и оттащилъ трупъ въ сторону, къ висѣличному столбу.

Подъ висѣлицу подошелъ юродивый. Онъ обвелъ толпу своими кроткими глазами—и вдругъ лицо его озарилось глубокою радостью...

— Оленушка! дитятко!

Дѣйствительно, у одного края толпы, прижавшись къ матери, вся блѣдная и дрожащая стояла Оленушка, съ распухшими отъ слезъ глазами. Рядомъ съ ней, также блѣдная и испуганная, опираясь на руку плотнаго рыжаго мужчины въ нѣмецкомъ платьѣ, стояла и знакомая намъ аглицкая нѣмка, Амалѣя Личардовна Прострѣлова, и тутъ же, сердито поглядывая на поджараго подъячаго, виднѣлся галанскій нѣмецъ, богатый Каролусъ Каролусовичъ изъ Амбурха. Изъ-за Оленушки робко выглядывалъ въ своей черной скуфейкѣ юный Иринеюшко, а на него косился исподлобья, стоявшій тутъ же, краснощекій малый, въ щегольской синей канаусовой рубахѣ, съ четырехъугольнымъ прорѣзомъ густѣйшихъ русыхъ волосъ на низкомъ лбу: это былъ Боря, у котораго на сердцѣ... Да не до Борькинаго сердца теперь!..

— Охъ, мама! матушка! о-охъ!—стонала Оленушка, припадая къ плечу матери.

Юродивый, запустивъ лѣвую руку въ свою суму (онъ не разставался съ нею и въ архангельской земляной тюрьмѣ, гдѣ заключены были осужденные), вынулъ оттуда черепъ и поцѣловалъ его. Потомъ сталъ кланяться на всѣ четыре стороны.

— Простите, православные, въ чемъ согрубилъ вамъ!

— Богъ проститъ, родимый, Богъ проститъ!—загудѣла толпа.

— Прощай, Оленушка! прощай, дѣвынька!

И юродивый издали перекрестилъ ее, а потомъ снова поцѣловалъ черепъ, говоря:

— А теперь ты, моя Оленушка, здравствуй: я къ тебѣ пришелъ... И положивъ черепъ въ суму и не задувая свѣчи, самъ вложилъ свою косматую голову въ петлю...

— Возноси на небо!—скомандовалъ онъ палачу: — я со свѣчой иду ко Господу. Теплись, моя свѣчечка!

И опять палачъ-варнакъ дернулъ за веревку и даже присѣлъ на корточки... Взлетѣлъ Спиря на небо... поджалъ ноги... опустилъ ихъ... изъ окоченѣлыхъ пальцевъ не выпала горѣвшая свѣчка, но припала къ груди... задымилась рубаха... вспыхнула... поломя охватило бороду... перекинулось на косматую голову... затеплился какъ свѣчечка воскояровая весь Спиря...

Раздались вопли по всей площади...

— О Владычица!.. Господи! спаси!.. Святъ-святъ... о! изверги!..

Оленушка упала, какъ снопъ... Боря вскрикнулъ и припалъ къ ней.

— О, барбарей! доннерветтеръ! пфай-оо!—неистово бормоталъ Каролусъ Каролусовичъ.

У Амалѣи Личардовны по блѣднымъ щекамъ текли слезы.

Трупъ съ обугленной головой вынули изъ петли и положили рядомъ съ Никаноромъ...

Подъ вѣсилицу молча подошелъ огненный чернецъ и, поднявъ кверху правую руку съ отрубленными пальцами, громко сказалъ:

— Мотрите, православные! за истовый крестъ отсѣкли у меня персты... Слава тебѣ, Господи!.. Теперь сѣките мою голову, стрѣльцы!—обратился онъ къ стрѣльцамъ, стоявшимъ у висѣличныхъ столбовъ.

Стрѣльцы смущенно потупились...

— Господь съ тобой, Турвонушко,—бормоталъ Чортоусъ:—мы тутотка не при чемъ... наше дѣло рабье...

— Верши!—проскрипѣлъ подъячій къ палачу.

И огненный чернецъ качался въ воздухѣ... Рыжая голова, освѣщаемая солнцемъ, казалось, испускала лучи...

Сѣдой Чортоусъ, блѣдный, съ дрожащими губами, ударилъ ружьемъ о-земь, такъ что прикладъ разлетѣлся на двое, и мрачно подошелъ къ подъячему.

— Вѣшай и меня... и я хочу вѣнецъ получить, — также мрачно сказалъ онъ.

Подъячій съ испугомъ попятился назадъ...

— Что ты! что ты! Богъ съ тобой!—бормоталъ онъ.

— Вѣшай, это твое дѣло...

Къ висѣлицѣ подошелъ Исачко и сталъ надѣвать на себя освободившуюся отъ третьяго трупа петлю. Поправляя ее у себя на шеѣ, онъ поднялъ голову. Опять надъ висѣлицей кружатся голуби, а вонъ и бѣлый турманъ. У Исачки дрогнули углы губъ и заискрились косые, добрые глаза. Прошлое съ этимъ голубемъ встало передъ нимъ. Онъ махнулъ рукой палачу. Палачъ натужился, потянулъ; ноги Исачки отдѣлились отъ

земли; онъ закинулъ голову, встряхнулся и... „охъ“ крикнули въ толпѣ: Исачко упалъ...

— Сорвался! охъ, страсти!—прошепталъ кто-то.

Исачко поднялся съ земли съ обрывкомъ на шеѣ, красный, съ налитыми кровью глазами...

— О, шанде! барбарей!—обратился Каролусъ Каролусовичъ къ сосѣду въ нѣмецкомъ платье:—вотъ срамъ! Къ намъ, за море, отправляютъ лучшія веревки и пеньку, а казнѣ оставляютъ бракъ, гниль... О, Московія!

Исачко, шатаясь, подошелъ къ подъячему, который что-то горячо говорилъ палачу.—„Да вить это ты, государь, отпустилъ веревку-ту — казенна“,—оправдывался варнакъ.

— Вотъ тебѣ за веревку, казнокрадъ: н-на же, ѣшь!—и полновѣсная пощечина Исачкиной широкой и мозолистой ладони глухо звякнула по сухимъ скуламъ подъячаго... Подъячій какъ стоялъ, такъ и свалился снопомъ на трупы повѣшанныхъ.

— И мы хотимъ вѣнцовъ! вѣшайте и насъ! — послышался ропотъ въ толпѣ—и толпа хлынула къ висѣлицѣ. — Хотимъ помереть за вѣру, за крестъ! Берите всѣхъ насъ! и мы съ ними заодно! Казните насъ! сѣките головы!..

Площадь превратилась въ бушующее море...

. . . .

На другой день, утромъ, изъ Архангельска, по холмогорской дорогѣ, вышли два странника: одинъ старый, другой молоденькій, оба съ сумками и дорожными посохами.

— Такъ-ту, Иринеюшко,—говорилъ старикъ: — коли на Руси дышать нечѣмъ стало, такъ и Богъ съ ней... И птица отъ зимы на теплыя воды летитъ—такъ-ту и мы съ тобой.

КОНЕЦЪ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Д. Л. Мордовцева.

I.

МЕЖДУ

Сциллой и Харибдой.

II.

ОНЪ ИДЕТЪ!

БЫЛЬ.

Томъ XI.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Н. Ѳ. Мертца
1901.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 4 мая 1901 г.

Типографія „В. С. Балашевъ и К°". Спб., Фонтанка 95.

Между Сциллой и Харибдой.

I.

Вечеръ субботній.

Тихая, теплая весенняя ночь спускается надъ Уманью. Что-то чарующее носится въ вечернемъ воздухѣ—въ звукахъ, въ тѣняхъ, въ неясныхъ очертаніяхъ, въ таинственной дали горизонта. Откуда-то, изъ этой таинственной дали, несется мелодія весенней жизни природы—волны звуковъ, цѣлое море мелодій. Въ темнѣющемъ небѣ одна за другой зажигаются звѣзды—все больше и больше ихъ, все ярче и ярче становится ихъ таинственный блескъ.

И среди этой чарующей мелодіи звуковъ весенней природы, какъ бы волшебное дополненіе ея, начинаетъ звучать хоръ свѣжихъ, какъ весна, молодыхъ женскихъ голосовъ:

Идетъ весна, идетъ красна,
Съ-подъ крышъ вода каплетъ,
Молодому казаченькѣ
Запорожье пахнетъ...

Какъ бы въ отвѣтъ этому хору, съ другой стороны доносится одинокій женскій голосъ:

Ой и было лѣто, да минулося,
А я молоденька лѣта не зазнала!
Меня моя матушка гулять не пускала—
Да въ подклѣти запирала,
Тремя замочками замыкала...

По мѣрѣ того, какъ на небѣ зажигались звѣзды, въ городѣ во многихъ домахъ все чаще и чаще загорались огоньки. Въ иныхъ окнахъ ярко свѣтились цѣлыя группы огней.

И не удивительно. Сегодня вечеръ пятницы. Еврейское населеніе Умани справляетъ наступленіе субботняго дня.

Войдемъ въ этотъ большой домъ, котораго главная, просторная комната ярко горитъ огнями. Длинный столъ, накрытый бѣлоснѣжною скатертью, весь уставленъ тарелками и блюдами съ праздничными яствами.

Въ радужныхъ граняхъ хрусталя отражается серебро кубковъ и стопъ. Въ двухъ старинныхъ, ярко вычищенныхъ серебряныхъ седьмисвѣщникахъ только что зажжены свѣчи рукою хозяйки дома. Глава дома, почтенный Исаакъ Когенъ, находился въ это время въ синагогѣ, и едва онъ вошелъ въ приготовленную для трапезы комнату, какъ тотчасъ же началось торжественное пѣніе субботнихъ гимновъ и славословіе „Мужественной жены", которые радостно и хоромъ подхватили голоса всей собравшейся семьи Исаака Когена.

Но радостнѣе и лучезарнѣе всѣхъ было хорошенькое личико юной Рахили, любимѣйшей дочери Исаака. Во всемъ ея существѣ, казалось, отражалась сама весна, расцвѣтъ природы съ ея чарующимъ обаяніемъ. Это былъ типъ самой чистой еврейской красоты, пронесенный чрезъ всѣ тысячелѣтія исторической жизни удивительнаго народа,—типъ, сохранившійся во всей своей чистотѣ отъ библейскихъ временъ и носившій на себѣ слѣды творчества жаркаго солнца Палестины, Египта и Испаніи—солнца поэтической Кордовы, Севильи и Гранады. Это солнце жгучаго Востока отражалось и въ лучистыхъ глазахъ Рахили, и въ румянцѣ ея смуглыхъ щечекъ, и въ черномъ, какъ южная ночь, шелкѣ ея роскошныхъ волосъ. По всему видно было, что она только что вышла изъ отроческаго возраста, но тѣмъ очаровательнѣе была ея сверкающая огнемъ красота, что дѣвушка совсѣмъ не сознавала этого.

Между тѣмъ Исаакъ, какъ глава дома, благословилъ трапезу, и всѣ усѣлись за столъ. Исааку было далеко за шестьдесятъ лѣтъ, но онъ казался очень бодрымъ и подвижнымъ, а огромная бѣлая борода необыкновенно красила характерныя, но кроткія черты его лица съ высокимъ обнаженнымъ лбомъ и такими же, какъ у дочери, лучистыми, совсѣмъ молодыми глазами. Онъ сѣлъ во главѣ трапезнаго стола, а рядомъ съ нимъ помѣстилась старая Лія, мать прелестной Рахили, хорошенькаго подростка, юркой какъ вьюнъ Сарки и трехъ рослыхъ молодцовъ, изъ которыхъ старшій, по имени Самсонъ, своей богатырской фигурой вполнѣ напоминалъ страшнаго побѣдителя филистимлянъ.

Но едва началось трапезованье и всѣ члены семьи Когена углубились въ свое дѣло, какъ съ улицы снова раздалась и какъ бы таяла въ вечернемъ воздухѣ грустная мелодія, и чей-то женскій голосъ отчетливо выговаривалъ, какъ „пахалъ милый ярицу, а теперь пашетъ у толоци, а она плакала карія очи—за четыре ночи"...

— Отчего у насъ, у евреевъ, нѣтъ такихъ хорошихъ пѣсенъ?—прислушиваясь къ этому пѣнію, заговорила Рахиль.

— Это хлопы поютъ свои „веснянки",—замѣтила Сара.

— Я знаю, что „веснянки", а отчего у насъ нѣтъ ни „веснянокъ", ни „русальныхъ", ни „купальскихъ"?—настаивала Рахиль.

— Но это языческія пѣсни, а мы не язычники,—строго замѣтилъ Самсонъ, молчавшій до того времени.—А у насъ есть—священные гимны.

— Ну, и у хлоповъ есть священные гимны, которые поются въ

церкви; но отчего у насъ, у евреевъ; нѣтъ своихъ „веснянокъ"? Отчего мы не поемъ на улицѣ?—твердила свое Рахиль.

— Оттого, что мы живемъ въ странѣ изгнанія. Развѣ ты забыла, что написано въ нашихъ книгахъ о плѣненіи вавилонскомъ?

— А что? Тамъ ничего о „веснянкахъ" не сказано.

— Глупая ты дѣвчонка! Тамъ сказано: на рѣкахъ вавилонскихъ сидѣли мы и плакали, а вѣтеръ стоналъ въ гусляхъ, что принесли мы изъ отчизны съ собою и въ печали своей повѣсили на деревьяхъ. И пришли къ намъ властители наши изъ Вавилона и сказали: „Возьмите ваши гусли въ руки ваши—играйте и пойте". И мы отвѣчали имъ: „Какъ же мы будемъ играть и пѣть въ странѣ изгнанія, когда языкъ нашъ изсохъ отъ великой горести и сердца наши въ состояніи только взывать: о Сіонъ, Сіонъ!" Но властители сказали: „Снимите съ деревьевъ ваши гусли—играйте и пойте". Тогда пророки Израиля обратились къ своимъ и спросили: „Кто изъ насъ увѣренъ, что претерпитъ муки, но не станетъ играть и пѣть въ странѣ изгнанія?" И когда наутро пришли къ нимъ властители и сказали: „Снимите гусли съ деревьевъ — играйте и пойте", пророки Израиля протянули къ нимъ окрававленныя руки свои и воскликнули: „О, какъ же мы можемъ снять ихъ, когда надвое разсѣчены руки наши и пальцевъ нѣтъ на нихъ!" И рѣки вавилонскія громко шумѣли отъ великаго изумленія, и вѣтеръ рыдалъ въ гусляхъ, что висѣли на деревьяхъ, ибо пророки Израиля надвое разсѣкли руки свои, чтобъ никто не принудилъ ихъ къ игрѣ и пѣнію въ странѣ изгнанія.

Съ глубокимъ, благоговѣйнымъ вниманіемъ слушали всѣ слова Самсона. На длинныхъ рѣсницахъ Рахили сверкали слезы. У стараго Исаака кроткіе глаза горѣли огнемъ гордаго сознанія величія своего народа. Даже безпокойная Сара сидѣла неподвижно съ широко-раскрытыми глазами.

— А вѣтеръ рыдалъ въ гусляхъ, что висѣли на деревьяхъ,—молитвенно шептала старая Лія.—Годосподи, Боже Израилевъ!

— Страна изгнанія,—задумчиво, какъ бы сама съ собой, тихо говорила Рахиль:—а я такъ люблю эту страну изгнанія, эту милую Украину, ея пѣсни, эти высокія вербы у воды... Я, вѣдь, и родилась въ странѣ изгнанія.

Не то представлялось умственному взору Исаака: онъ, казалось, видѣлъ эти далекія рѣки Вавилона и на берегахъ ихъ народъ свой въ въ плѣненіи... „На рѣкахъ вавилонскихъ—тамъ мы сидѣли и плакали"... А развѣ мало пришлось плакать народу Божьему? И на берегахъ Нила онъ плакалъ еще больше, еще ранѣе этого... А на берегахъ мутнаго Тибра сколько выплакано еврейскихъ слезъ! А на берегахъ Мансанареса и Гвадалквивира; на берегахъ Днѣпра, Тясьмина и Роси!

А между тѣмъ за окномъ, на улицѣ, глухо гудѣлъ бубенъ, и хоръ мужскихъ голосовъ съ подголосками выкрикивалъ пѣсню о томъ, какъ мелетъ „млинъ" не колесомъ—листомъ, а молодецъ выкликаетъ милую не

голосомъ—свистомъ, и зоветъ ее затирать слѣды, гдѣ они стояли:—тамъ ихъ слѣды остались...

Вдругъ пѣніе разомъ оборвалось, и съ улицы послышался одинъ чей-то громкій голосъ:

— Слушайте, панове парубоцство! Послѣзавтра будутъ казнить гайдамаковъ—такъ приходите на площадь смотрѣть.

— Придемъ, непремѣнно придемъ! — откликнулись голоса. — А много ихъ?

— Пять человѣкъ. И вы, дѣвчаточки, приходите.

— Придемъ,—отозвались женскіе голоса.

— А можетъ, котораго молодца и выберете себѣ въ женихи—спасете отъ висѣлицы.

— О! дѣвчата наши до такого торгу и пѣши прилетятъ,—раздался чей-то насмѣшливый голосъ.

— Что жъ! и прилетимъ—и выберемъ себѣ по жениху, чтобъ вамъ, сакимъ-такимъ немазанымъ, не доставаться,—задорно отвѣчалъ женскій голосъ.

— У, краля! помеломъ съ сажей мазаная!

— А все-таки до висѣлицы не допущу казака.

— Что это, тату, она говоритъ?—съ изумленіемъ спросила Рахиль, все время прислушивавшаяся къ голосамъ на улицѣ.—Развѣ она можетъ спасти осужденнаго разбойника отъ казни?

— Можетъ,—отвѣчалъ Исаакъ:—такой здѣсь обычай: если дѣвушка захочетъ не допустить гайдамака до казни, то она въ правѣ это сдѣлать.

— Какъ, татуня! И я могу то же сдѣлать?

— И ты можешь, только должна потомъ выйти за него замужъ—за того, котораго ты изберешь.

— Э! такъ я этого не хочу.

— То-то же: спасти отъ казни злодѣя не всякая дѣвушка рѣшится.

— Такъ ихъ послѣзавтра казнить будутъ?

— Да; я слышалъ это сегодня отъ губернатора.

— Это такъ страшно!

— А еще страшнѣе злодѣйства, которыя они, эти гайдамаки, совершаютъ,—замѣтилъ младшій сынъ Исаака, худой и горбоносый Моше.

II.

Страшныя вѣсти.

Повѣствованіе, завязка котораго слабо очерчена въ первой главѣ, относится къ первымъ годамъ второй половины прошлаго столѣтія.

Минуло сто лѣтъ съ того грустнаго момента, когда совершилось роковое столкновеніе Украины и Польши изъ-за признанія человѣческихъ и политическихъ правъ первой. Много было пролито крови и съ той и съ другой сто-

роны: таковъ удѣлъ всякой борьбы. Но той и другой сторонѣ было изъ-за чего бороться и проливать кровь—то боролись два враждебные элемента, двѣ враждущія стихіи. А оказывается, что въ этой братоубійственной борьбѣ болѣе всего пострадалъ третій элементъ—посторонній, непричастный этой борьбѣ. Жестокій историческій фатумъ—этотъ безжалостный и безсмысленный, классическій „слѣпой рокъ", какъ ужасный смерчъ или циклонъ, Богъ-вѣсть откуда налетѣвшій, бросилъ этотъ третій, мирный элементъ между молотомъ и наковальней, и этотъ несчастный элементъ былъ безчеловѣчно раздавленъ, сокрушенъ въ дребезги, какъ хрупкое стекло подъ тяжкимъ молотомъ.

Этотъ третій, мирный элементъ—евреи польской Украины. Войны Хмельницкаго были для нихъ этимъ ужаснымъ молотомъ. Много лѣтъ дикій религіозный и національный фанатизмъ купался въ крови избраннаго народа. А за что? За чьи вины?

Эти мысли неотступно преслѣдовали стараго Исаака, когда онъ, по окончаніи вечерней трапезы, удалился въ свою комнату и тщетно старался заснуть. Передъ нимъ, какъ въ зеркалѣ, картина за картиной проносилось все прошлое іудейскаго народа. Вѣсть о казни разбойниковъ тревожно отозвалась въ его сердцѣ, напомнивъ прежнія бѣдствія іудеевъ.—За что? за чьи вины?

— Доколѣ ты разить будешь, мечъ божій?—невольно вырвался изъ его груди стонъ пророка Іереміи. — Доколѣ не успокоишься? Войди въ ножны свои, мечъ карающій!

„А за что? и долго ли?—вновь вставали въ душѣ его жгучіе вопросы.

А между тѣмъ за окномъ, на улицѣ и на площади, ключомъ била молодая жизнь. Чей-то голосъ отчетливо выводилъ подъ удары бубна о томъ, какъ „милая" обѣщаетъ „милому" выйти „подъ зеленую грушу" и вынести милому „тютюну-папушу"...

— Да, моя дѣвочка права: у насъ нѣтъ ни „веснянокъ", ни „русальныхъ", ни „купальскихъ" пѣсенъ. Намъ не до пѣсенъ. Зато у насъ есть „Рыданія Іереміи"—это народныя рыданія, народный плачъ. Это наши „веснянки". Но, Іегова! и у насъ были когда-то свои пѣсни, когда Ты давалъ намъ ежедневный поводъ славословить Тебя въ тимпанахъ и гусляхъ, когда дѣвы іерусалимскія, какъ и вотъ эти украинки, веселились на стогнахъ священнаго города и пѣли. А теперь только вѣтеръ стонетъ и плачетъ, перебирая струны гуслей нашихъ. Весь міръ для насъ—страна изгнанія; весь шаръ земной--наше кладбище, и только кладбище... О, Адонай Господь! я не ропщу ни на свою долю, ни на участь моей семьи. Ты далъ намъ и довольство, и счастье--у меня все есть, благодаря труду моему и дѣтей моихъ. Но тамъ, кругомъ, по этимъ селамъ,—тамъ только бѣдность и презрѣніе отъ людей,—такъ говорилъ самъ съ собою старый Исаакъ.

Онъ всталъ и отворилъ окно, выходившее въ палисадникъ. Полная

луна глядѣла изъ-за деревьевъ, отбрасывая отъ нихъ черныя, точно ножомъ отрѣзанныя отъ бѣлыхъ стѣнъ, тѣни. Гдѣ-то близко въ кустахъ заливался соловей. Издали все еще доносилось иногда одинокое пѣніе.

Онъ уснулъ только къ утру. Субботній день прошелъ тихо и радостно въ семьѣ Когена. Но слѣдующая ночь—ночь на воскресенье принесла съ собой страшныя вѣсти.

Когену опять плохо спалось. Казалось, въ комнатѣ недоставало воздуха, и Когенъ растворилъ окно.

— Какой душный вечеръ! — полною грудью вздохнулъ Исаакъ. Съ улицы по обыкновенію доносилось пѣніе украинской молодежи. — И когда спитъ эта молодежь?—невольно думалось ему.—Кажется, всю ночь готова пѣть. А такъ, можетъ быть, и наша молодежь пѣла когда-то въ Іерусалимѣ, на высотахъ Сіона... А сдается, кто-то ѣдетъ.

Онъ высунулся въ окно и сталъ прислушиваться.

— Да, ѣдетъ. А кому бы такъ поздно?

Стукъ колесъ умолкъ у самыхъ воротъ дома Когена. Послышалось фырканье лошади.

— Что это... будто бы наша лошадь? Неужели Ефраимъ вернулся такъ скоро? Вонъ и въ щеколду кто то звенитъ. Никто какъ Ефраимъ.

Исаакъ торопливо накинулъ на себя халатъ и пошелъ къ калиткѣ.

— И Голіаѳъ не лаетъ, значитъ, своего узналъ, — бормоталъ онъ, подходя къ калиткѣ.

Дѣйствительно, огромный песъ уткнулся мордой въ калитку и привѣтливо махалъ косматымъ хвостомъ.

— Это ты, Ефраимъ, сынъ мой? — спросилъ Исаакъ съ тревогой въ голосѣ.

— Я батюшка,—былъ отвѣтъ.

— Что такъ не во-время?

— Послѣ разскажу, батюшка,—въ хатѣ.

Ворота, освобожденныя отъ замка и засова, отворились. Ефраимъ въѣхалъ во дворъ. Огромный Голіаѳъ то бросался къ мордѣ лошади — цѣловаться съ пріятелемъ Гнѣдкомъ, то кидался на Ефраима.

— А гдѣ же наймитъ? гдѣ Хома?—снова спросилъ Исаакъ.

— Послѣ, батюшка, въ хатѣ,—былъ короткій отвѣтъ.

Скоро на дворъ вышелъ и Самсонъ, старшій сынъ Исаака и братъ Ефраима.

— Что такъ рано, братъ? А гдѣ наймитъ?—спросилъ богатырь.

— Послѣ, послѣ... здѣсь неловко,—все тотъ же отвѣтъ.

Братья общими усиліями распрягли лошадь, вдвинули крытую бричку подъ навѣсъ, отвели лошадь въ стойло, заперли на замокъ ворота и вошли въ домъ.

— Ну, сынъ мой, разсказывай, что случилось, — торопливо зажигая свѣчу и безпокойно глядя въ глаза сыну, спрашивалъ Исаакъ.

— Садитесь, батюшка, и выслушайте, что я разскажу, — говорилъ пріѣхавшій, отирая платкомъ пыль съ своего смуглаго красиваго лица.

Это былъ молодой человѣкъ, съ курчавою, нѣсколько раздвоенною русою бородой и мягкимъ выраженіемъ кроткихъ, какъ у отца, глазъ.

— Уши мои вмѣстѣ съ сердцемъ ждутъ, сынъ мой, что повѣдаютъ уста твои,—говорилъ Исаакъ, не отводя тревожныхъ взоровъ отъ сына.— Мои глаза читаютъ въ твоихъ глазахъ.

— Все у тебя цѣло?—спросилъ Самсонъ.

— Все цѣло, благодареніе Предвѣчному.

— Ну, сынъ мой,—торопилъ старикъ.

— Сейчасъ, батюшка. Вчера я благополучно собралъ всѣ долги, что оставались за разнымъ панствомъ, и думалъ проѣхать въ Бѣлую-Церковь, какъ мнѣ сказали хлопы, что сегодня, на Юрья, въ Лебединскомъ монастырѣ престольный праздникъ—„великое свято"—какъ они сказали, и что туда наѣдетъ много купцовъ, и будетъ ярмарка. Я подумалъ, не навернется ли какое выгодное дѣло на ярмаркѣ, и поѣхалъ туда,—а я былъ близко отъ Лебедина.

— Такъ, сынъ мой, выгоднаго дѣла никогда не надо упускать,— вставилъ свое слово Исаакъ.—Ну, и что жъ?

— Ну, я и поѣхалъ. Пріѣзжаю, народу—ой-ой: — видимо-невидимо. Въ монастырѣ идетъ служба, колокола звонятъ, слышно церковное пѣніе. Хома и просится: „пусти, пане, въ церковь помолиться; сегодня, говоритъ, у насъ великое свято—святого Юрка".—Ну,—говорю,—сходи, да скорѣе вертайся.—Ушелъ Хома. И вижу я, что около монастыря стоитъ много возовъ, увязанныхъ циновками и кожами. Пойду, думаю, посмотрю, что за товаръ въ возахъ: може, думаю, дѣло навернется.

— Такъ, такъ—дѣло прежде всего,—не утерпѣлъ старый дѣлецъ.

— Подхожу къ возамъ. Спрашиваю хлоповъ-погонщиковъ: съ чѣмъ возы?—„Съ крамомъ,—говорятъ,—съ добрымъ товаромъ изъ Запорожья".— А съ какимъ именно? — „Съ доброю таранью", говорятъ. — А покажите, говорю. Стали они развязывать возы, Господи Боже! я такъ и ахнулъ. Какая тамъ тарань!—все ножи, полны возы ножей!

— Ножей! какихъ ножей?—встрепенулись разомъ и Исаакъ, и старшій сынъ его.

— Ножей—желѣзныхъ, да все огромные такіе, такъ и блестятъ на солнцѣ. — Какая же,—я говорю,—это тарань? — „Желѣзная тарань", — отвѣчаютъ хлопы, а сами—ай-вей!—какъ скверно усмѣхаются.—Зачѣмъ вамъ,—спрашиваю,—эти ножи?—„А это,—говорятъ,—гостинецъ".

— О, Адонай Господь!—всплеснулъ руками Исаакъ.

— Что? что такое?—съ испугомъ спросила старая Лія, неслышно вошедшая въ комнату.

Всѣ обернулись на ея испуганный возгласъ. Ефраимъ почтительно поздоровался съ матерью.

— Страшныя вѣсти привезъ Ефраимъ, — пугливымъ шопотомъ прого-

ворилъ старый Исаакъ:—о, какія страшныя! Затѣвается что-то въ родѣ Хмельнищины.

— О, Господи!—всплеснула руками Лія.

Мужчины угрюмо молчали. Исаакъ—весь блѣдный, а Самсонъ—багровый отъ злобы или иного чувства.

„Неужели воскресаютъ опять времена Хмельницкаго!—думалъ Исаакъ.— Когда жъ ты перестанешь разить насъ, мечъ божій? когда?“

— А много ихъ тамъ?—спросилъ вдругъ старикъ Когенъ.

— Кого, отецъ?

— Да этой сволочи: хлоповъ.

— Трудно сказать; но толпа большая.

— А пушки ты видѣлъ у нихъ?—спросилъ Самсонъ.

— Нѣтъ, пушекъ не было.

— Ну, такъ имъ не съ чѣмъ будетъ брать наши крѣпости и замки. Безъ пушекъ—это будетъ стадо барановъ. Наши казаки ихъ тотчасъ же разгромятъ. Эта сволочь, вѣроятно, тѣ же гайдамаки, что каждое лѣто ловятъ наши казаки. Вонъ и завтра будутъ казнить пятерыхъ.

— Будутъ казнить?

— Да. Вѣдь каждое лѣто казнятъ.

Между тѣмъ „улица“ не унималась. Мимо дома Когена въ это время проходили „дивчата“ и задорно пѣли о томъ, что имъ нечего „козы боятьcя“ — „богачамъ поступаться“, что у тѣхъ богачокъ — по сорока сорочокъ, а у нихъ по одной, да и тѣ чистенькія и т. д.

— И когда только эти проклятые хлопы спятъ! — невольно вырвалось у Самсона.

III.

Гайдамакъ на колу.

На другой день, съ ранняго утра, вся Умань была на ногахъ. Толпы народа спѣшили къ ратушѣ, на площадь, гдѣ должна была совершиться казнь надъ гайдамаками.

На площади уже выстроилась сотня уманскихъ казаковъ подъ начальствомъ сотника Гонты. Всѣ были въ желтыхъ жупанахъ — барвы или цвѣта герба ихъ „дѣдича“ Потоцкаго. Кунтуши и шаровары на казакахъ были голубые. На головахъ — желтые „еломы“ съ черною барашковою опушкой, и ременные черные поясы. На поясахъ, на такихъ же ременныхъ перевязяхъ, „шабатуры“ или продолговатые картузики для патроновъ и кремней, а также изогнутый рогъ для пороху, обтянутый кожею и оправленный въ красную мѣдь. За поясомъ, кромѣ того, длинный ножъ и ложка; черезъ плечо—ружье на погонѣ; у сѣдла—пара пистолетовъ, а третій—на шнурѣ за поясомъ; въ рукѣ—пика и нагайка. Только у Гонты висѣла сбоку длинная сабля, чего не полагалось простымъ казакамъ. Всѣ кони подъ сотней были вороной масти.

Гонта, смуглый брюнетъ съ длинными усами, смотрѣлъ задумчиво. Не первый разъ приходилось ему провожать на тотъ свѣтъ буйныхъ сыновъ вольнаго казачества.

Одну сторону площади, ту, которая примыкала къ городской тюрьмѣ, занимали украинскіе красавицы—уманскія дѣвушки, всѣ одѣтыя по праздничному, съ цвѣтами на головахъ и съ вплетенными въ косы разноцвѣтными лентами. У каждой на шеѣ бусы и кораллы. Эта сторона площади представляла собою яркій цвѣтникъ — такъ были ярки и пестры наряды уманскихъ красавицъ. Ихъ роль была почетная въ предстоявшей ужасной церемоніи, и юныя красавицы понимали всю серьезность своей роли. Отъ каждой изъ нихъ зависѣло спасти жизнь осужденнаго на казнь: выборъ ихъ равносиленъ былъ акту помилованія.

Обычай этотъ введенъ былъ въ Умани Младановичемъ. Желая ослабить силу гайдамацкихъ набѣговъ на польскую Украину и въ то же время способствовать увеличенію прироста населенія во ввѣренной ему Потоцкимъ области, онъ поступалъ такъ: каждое лѣто и въ особенности весной изъ запорожскихъ степей и луговъ, которые назывались Запорожскими Вольностями, на польскую Украину и преимущественно на богатую Уманьщину налетали шайки гайдамаковъ, противъ которыхъ обыкновенно высылались войска изъ Умани и другихъ пограничныхъ крѣпостей Рѣчи Посполитой. Попавшихъ въ плѣнъ молодцовъ польскія власти большею частью посылали на висѣлицу, а еще охотнѣе подвергали болѣе ужасной казни—сажали на „палю“, т. е. на колъ. Но Младановичъ ввелъ такую систему: передъ тѣмъ какъ вести плѣнныхъ молодцовъ на висѣлицу или на колъ, ихъ показывали уманскимъ дѣвушкамъ-украинкамъ. Если которая-либо изъ этихъ красавицъ останавливала свой выборъ на какомъ-либо изъ осужденныхъ на казнь гайдамаковъ и изъявляла согласіе выйти за него замужъ, то такой избранникъ сердца красавицы тотчасъ же освобождался отъ оковъ и принималъ присягу на вѣрность Рѣчи Посполитой. Тогда эту парочку вѣнчали, а въ приданое за красавицей давали участокъ земли въ Уманьщинѣ, скотъ на обзаведеніе, сѣмена для посѣвовъ, лѣсъ на постройку хаты и на первыя нужды—извѣстную сумму денегъ.

Такимъ образомъ, за десять лѣтъ губернаторства Младановича уманская волость получила приросту на тысячу семействъ — и все изъ бывшихъ головорѣзовъ.

Теперь то же должно было совершиться со вновь осужденными на казнь, которыхъ на этотъ разъ было очень немного — всего пять человѣкъ, захваченныхъ съ оружіемъ въ рукахъ послѣднею конною высылкою изъ Умани.

Кого-то выберутъ красавицы и кого посадятъ на колъ? Которая изъ дѣвушекъ, еще вчера вечеромъ распѣвавшая съ подругами свои „веснянки“, рѣшится отдать руку и сердце головорѣзу?

Такіе вопросы тѣснились въ головахъ или срывались съ устъ зрителей, обступившихъ площадь, гдѣ должны были совершаться казни.

А орудіе казни зловѣще смотрѣли на толпу, не внушая ей, впрочемъ, спасительнаго ужаса, который воображали вселить въ умы толпы подлежащія власти. Вонъ стоятъ рядомъ до десятка висѣлицъ и нѣсколько „паль“, торчащихъ къ небу, точно гигантскіе, заостренные для рисованья карандаши, съ приставленными къ нимъ лѣстницами. На этихъ „палахъ“—на кольяхъ—чернѣютъ даже слѣды запекшейся крови отъ недавнихъ казней. Но толпа смотритъ на всѣ эти ужасы почти равнодушно, а скорѣе—съ любопытствомъ: ей слишкомъ приглядѣлись подобныя зрѣлища и давно потеряли для нея внушительную силу. Толпѣ даже интересно видѣть, какъ будетъ корчиться на колу какой-нибудь молодецъ, а то, можетъ, еще и „люльки“ попроситъ у своихъ палачей, чтобъ въ последній разъ въ жизни, сидя на колу, хорошенько затянуться тютюномъ. Вѣдь, и такіе случаи бывали съ запорожцами.

Наконецъ, послышался глухой гулъ барабана и рѣзкое, зловѣщее звяканье кандаловъ.

— Ведутъ! ведутъ!—прошелъ говоръ по площади.

Изъ того угла площади, гдѣ стояли уманскія дѣвушки, показалась процессія. Впереди шелъ священникъ съ крестомъ и евангеліемъ. За нимъ стучалъ барабанщикъ. За барабанщикомъ выступали осужденные, въ ручныхъ и ножныхъ желѣзахъ. По бокамъ конвоировалъ ихъ небольшой отрядъ „улитокъ“ или „лизней“ (lizniе) — родъ сторожевой городской пѣхоты. Съ ними же шли и палачи.

Гайдамаки выступали смѣло, даже дерзко. Это все былъ рослый, красивый народъ. Они смѣло глядѣли въ глаза толпѣ. Только одинъ, самый юный и стройный, съ едва пробившимися усами, шелъ какъ-то грустно, не поднимая глазъ.

Осужденныхъ остановили противъ дѣвушекъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, застыдившись и покраснѣвъ, закрыли лица рукавами.

— Да и соромно жъ, сестрички!—прошептала одна изъ нихъ.

— А я заразъ заплачу, сестрице,—прошептала другая: — такъ жаль того молоденькаго.

Къ дѣвушкамъ подъѣхалъ Гонта.

— Кто изъ васъ, дивчаточки, хочеть спасти христіанскую душу? — ласково обратился онъ къ дѣвушкамъ.

Всѣ молчали, прячась одна за другую и закрываясь рукавами. Гонта ждалъ. Ждали и осужденные.

— Кто хочетъ спасти христіанскую душу?—повторилъ свой вопросъ Гонта.

Опять молчаніе и робкое, стыдливое перешептываніе. Священникъ тяжело вздохнулъ. По лицамъ нѣкоторыхъ осужденныхъ прошла мрачная тѣнь. Неужели конецъ всему? Неужели въ послѣдній разъ они видятъ это голубое небо?..

Нѣкоторыя изъ дѣвушекъ плакали. Слышны были тихіе всхлипованья. Святая женская слабость боролась со страхомъ неизвѣстнаго.

— О, Сарочка, какъ мнѣ жаль того молоденькаго!—шептала хорошенькая Рахиль, сжимая руку своей младшей сестренки.—Зачѣмъ я не могу спасти его!

Она смахнула слезы, повисшія на ея прекрасныхъ длинныхъ рѣсницахъ.

— Въ послѣдній разъ: кто хочетъ спасти христіанскую душу?—возвысилъ голосъ Гонта.

— Я!—робко отозвалась молоденькая дѣвушка, почти дѣвочка, утирая слезы.

Она немного выступила впередъ. Слезы такъ и душили ее.

— Богъ да благославитъ тебя, доброе дитя, — съ чувствомъ сказалъ священникъ, подходя къ дѣвушкѣ и осѣняя крестомъ ея хорошенькую головку, всю убранную цвѣтами.—Который тебѣ годъ?

— Пятнадцатый,—былъ робкій, чуть слышный отвѣтъ.

— Кого жъ ты, дитя, выбираешь?—ласково спросилъ батюшка.

Дѣвушка вся зардѣлась и закрыла личико руками. Слезы такъ и капали сквозь пальцы.

— Кого же? Скажи, дочь моя,—настаивалъ священникъ.

— Вонъ его,—чуть слышно прошептала плачущая, не отнимая рукъ отъ лица.

— Котораго, дитя?

— Его...,—больше ни звука, только слезы полились еще пуще.

— Молоденькаго?—да?—того молоденькаго?

— Эге...

Толпа жадно всматривалась и вслушивалась въ то, что передъ нею происходило.

— Вотъ умница!—радостно шепнула Рахиль своей сестренкѣ.

Священникъ взялъ тихонько подъ локоть плачущую дѣвушку и подвелъ къ младшему изъ осужденныхъ.

— Тебя, сынъ мой, сія чистая отроковица избрала предметомъ христіанскаго милосердія, — обратился батюшка къ послѣднему.—Хощешь-ли ты взять сію отроковицу себѣ въ жены? Отвѣщай предъ животворящимъ крестомъ Господа Бога и предъ святымъ Его евангеліемъ. Хощеши ли?

— Хочу,—былъ глухой отвѣтъ.

— И присягнешь на крестѣ и евангеліи—быть впредь добрымъ христіаниномъ?

— Присягну.

— И покаешься во всѣхъ прегрѣшеніяхъ твоихъ?

— Каюсь,—былъ отвѣтъ.

— Снять кандалы съ кающагося злодѣя! — сказалъ Гонта, обращаясь къ палачамъ.

Двѣ темныя фигуры съ капюшонами на головахъ приблизились къ покаявшемуся гайдамаку и быстро расковали на немъ ручные и ножные кандалы. Раскованный выпрямился и дохнулъ полной грудью.

— Перекрестись трикраты, сынъ мой, — сказалъ священникъ. Гайдамакъ перекрестился.

— Цѣлуй крестъ и евангеліе.

И это требованіе священника было исполнено. Тогда батюшка, отнявъ правую руку отъ лица дѣвушки, уже не плакавшей, а только стыдливо закрывавшейся, вложилъ ея трепещущую руку въ жесткую ладонь гайдамака.

— Какъ твое имя?—спросилъ батюшка послѣдняго.--Какъ зовутъ тебя?

— Опанасомъ,—былъ отвѣтъ.

— Рабъ божій Аѳанасій,—повторилъ про себя священникъ.—А тебя, дочь моя, какъ зовутъ?

— Галя...

— Галя?.. Галина—яснота, ясность, — бормоталъ батюшка, любуясь смущеніемъ дѣвушки. —Галя-ясность — во-истину ясная и чистая отроковица... Ну, Боже благослови: обручается раба божія Галина рабу божію Аѳанасію... Богъ благословитъ васъ, дѣтки. Цѣлуйте крестъ.

— И я хочу,—вдругъ послышался среди дѣвушекъ несмѣлый голосъ.

— И я...

Всѣ взоры обратились къ толпѣ дѣвушекъ.

— Ого!—послышался сдержанный, но злорадный смѣхъ между уманскими парубками:—и этимъ захотѣлось... Оттакои!

— Кто еще?—спросилъ Гонта, обращаясь къ дѣвушкамъ.

Опять всѣ смолкли, точно воды въ ротъ набрали, и прятались одна за другую, закрываясь рукавами.

— Кто же еще изъ васъ?—подошелъ къ нимъ священникъ.—Выходите.

Никто не трогался съ мѣста.

— Вотъ она, батюшка, Докія,—показала одна изъ дѣвушекъ на свою сосѣдку, закрывшуюся рукавомъ.

— Ты, дочь моя?—спросилъ батюшка.

— Вона, батюшка,—повторила та же предательница:—и Горпина съ нею, съ Докійкою.

Батюшка обратился къ первой изъ нихъ, — къ той, которую назвали Докіей.

— Ты, Евдокія, тоже хочешь спасти христіанскую душу?

— Хочу,—отвѣчала Докійка уже смѣлѣе.

— Котораго же изъ нихъ?

— Вотъ того... кучеряваго! — и она указала на плечистаго молодца, уже съ сильною просѣдью въ усахъ и въ кудрявой головѣ.

— Ни, я того хочу!—выступила вдругъ та, которую звали Горпиной.

— Овва!—послышался возгласъ среди парубковъ:—двѝ на одного.

Въ толпѣ раздался смѣхъ—„Оттакои ловись!“—„На двоихъ женись!“

Священникъ посмотрѣлъ на эту вторую претендентку. Это была рослая и красивая украинка со множествомъ кораллов и дукачей на шеѣ.

— Нѣтъ, дочь моя,—сказалъ батюшка:—Евдокія раньше тебя изъявила желаніе оказать христіанское милосердіе сему грѣшнику (онъ ука-

залъ на кудряваго гайдамака); а ты, если желаешь, выбери себѣ другого.

— Такъ я жъ не хочу другого!—обидчиво отозвалась Горпина, отступая въ толпу подружекъ.

Послѣдовалъ взрывъ смѣха среди парубковъ.

— Коли мое не въ ладъ, то я съ своимъ назадъ,—ехидно замѣтилъ кто-то.—Ишь захотѣла баба чужую куделю прясть.

За первыми нашлись и другія охотницы до замужества, такъ что еще два гайдамака были обручены съ уманскими красавицами. Съ нихъ сняли кандалы и поставили въ сторонѣ, каждаго съ своей невѣстой. Остался одинъ, никѣмъ не выбранный. Это былъ приземистый, плечистый богатырь лѣтъ пятидесяти, съ багровымъ, застарѣлымъ шрамомъ на лѣвой щекѣ отъ польской или турецкой сабли. Онъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ смотрѣлъ на церемонію обрученія уманскихъ красавицъ съ гайдамаками. Сѣдые усы его двумя жгутами спадали на могучую грудь. Изъ-подъ конусообразной смушковой съ краснымъ верхомъ шапки спускался на разрубленную щеку такой же сѣдой чубъ „оселедецъ“.

— Кто желаетъ спасти послѣдняго изъ осужденныхъ?—обратился Гонта къ дѣвушкамъ.

Изъ среды ихъ выступила полногрудая, съ типомъ вакханки, красавица, вся въ монистахъ и серебряныхъ дукачахъ, которые при малѣйшемъ движеніи ея звенѣли словно наборная сбруя на лошади.

— Танцюрка... танцюрка!—прошелъ шепотъ по площади.

Это была гулящая, извѣстная на всю Умань гетера, дерзкая на языкъ и лучшая въ цѣломъ городѣ танцорка.

— Я!—сказала она, вызывающе смотря на толпу своими красивыми нахальными глазами, и прямо подошла къ осужденному.

Тотъ смѣрилъ ее удивленными глазами съ головы, украшенной цѣлой копной яркихъ піоновъ, до ногъ, обутыхъ въ красные черевички съ мѣдными подковами, и отступилъ.

— Геть!—сурово сказалъ онъ: — одчепись! Я бѣжалъ въ Запорожье отъ одной такой вѣдьмы, а тутъ навязывается другая! Геть! одчепись! Скорѣй на палю, чѣмъ съ тобою!

Неожиданность и тонъ, съ которымъ все это было сказано, ошеломили красавицу. Площадь дрогнула отъ хохота. Но уманская вакханка быстро овладѣла собой.

— Такъ чертъ же съ тобой, собачій сынъ, — крикнула она, вся побагровѣвъ. — Пропадай же ты на палѣ! Нехай тое падло вороны клюютъ!

И она быстро затерлась въ толпѣ, преслѣдуемая насмѣшками.

Понятно, что послѣ этого ни одна дѣвушка не рѣшилась къ нему подойти, и участь осужденнаго была рѣшена. Гонта взглянулъ на дѣвушекъ— тѣ стояли потупившись. Онъ взглянулъ на осужденнаго.

— На палю!—глухо проговорилъ онъ, обращаясь къ палачамъ.

Черныя фигуры приблизились къ осужденному.

— Погодите, дѣти мои, — отстранилъ ихъ рукою священникъ, протягивая къ осужденному крестъ:—онъ пока еще мой.

Палачи отошли въ сторону.

— Сынъ мой!—кротко обратился священникъ къ осужденному. — Ты христіанинъ?

— Христіанинъ, батюшка, — также кротко отвѣчалъ осужденный.

— Вѣруешь въ Бога, сынъ мой?

— Вѣрую... Я не ляхъ и не татаринъ.

— Прими же, сынъ мой, послѣднее напутствіе святой православной церкви: —покайся во грѣхахъ твоихъ, и милосердый Богъ приметъ кающагося. Онъ самъ сказалъ: „пріидите ко Мнѣ всѣ страждущіе и обремененные, и Азъ упокою вы“...

Осужденный наклонилъ голову.

— Гришенъ, батюшка: у середу и въ пьятницю скоромне ивъ,—тихо сказалъ онъ.

— А убійства и грабежи, сынъ мой?—спросилъ батюшка.

— Не гришенъ: я ризавъ тилько ляхивъ та татаръ, та деколи жида на верби ловисишь-було. Се не грихъ...

— Грѣхъ, сынъ мой, великій грѣхъ!

Священникъ, накрывъ наклоненную голову осужденнаго епитрахилью, сталъ шепотомъ читать молитвы. Осужденный набожно крестился, звеня кандалами.

Молитвы кончены. Священникъ осѣнилъ осужденнаго крестомъ и далъ приложиться къ Распятію.

— Теперь онъ вашъ и Боговъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ палачамъ.

Черныя фигуры снова приблизились.

— Раскуйте его,—приказалъ Гонта.

Осужденнаго расковали.

— Свяжите и поднимите на палю,—снова приказалъ Гонта.

Палачи съ веревками подошли къ осужденному.

— Геть! — грозно отстранилъ онъ ихъ рукою: — я не собака, щобъ мене вьязать! Я самъ пиду на палю.

Гонта зналъ, что запорожецъ исполнитъ слово, и приказалъ палачамъ отойти.

Осужденный низко поклонился народу.

— Простить мене, люди добри! — смиренно сказалъ онъ. — Я за васъ умираю.

— Богъ проститъ, Богъ проститъ!—прошелъ ропотъ по толпѣ.

Осужденный глянулъ на висѣлицы, на колья, торчавшіе къ голубому небу, на это глубокое голубое небо, и ровными шагами направился къ одному изъ кольевъ, самому высокому. Подойдя къ нему, онъ не спѣша (да и къ чему было спѣшить!) поднялся по приставленной къ колу лѣстницѣ, достигъ верхней перекладины ея, остановился и повернулся лицомъ къ народу. Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ, а многіе съ ужасомъ слѣдили

за каждымъ его движеніемъ. Тысячи глазъ впились въ выраженіе его мужественнаго лица.

— Прощайте, люде добри! — сказалъ запорожецъ, обозрѣвая съ высоты всю площадь. — Дивиться, якъ запорожець Харько Розбій-Глекъ сидае на коня.

И онъ опустился на остріе ужаснаго кола, точно садился въ кресло. Женщины испустили крикъ ужаса.—„Мати Божа"!..

— Ого-го-го! коню мій, коню!—глухо простоналъ, пересиливая страшную боль, ужасный человѣкъ и ногой оттолкнулъ лѣстницу — послѣднюю точку опоры, которая еще могла нѣсколько поддерживать тяжесть его тѣла, теперь всецѣло налегавшаго на остріе кола.

Замѣтно было, какъ тѣло казнимаго опускалось все ниже: въ него входилъ ужасный колъ. Но лицо страшнаго человѣка не выражало страданій—ни одинъ мускулъ не выдалъ его.

— Но-но, коню! но—до дому!—говорилъ страшный человѣкъ, мужественно пересиливая нечеловѣческія муки.

Потомъ онъ не спѣша полѣзъ въ карманъ своихъ широкихъ желтыхъ шароваръ, досталъ оттуда кисетъ съ табакомъ, „люльку" и „кресало съ огнивомъ", набилъ трубку тютюномъ, досталъ кусочекъ труту, вырубилъ огня и закурилъ трубку.

Но тутъ случилось нѣчто совсѣмъ неожиданное. Одинъ изъ прощенныхъ уже гайдамаковъ, тотъ именно кудрявый богатырь, на котораго претендовали разомъ двѣ невѣсты—Докійка и Горпина,—пораженный мужествомъ своего товарища, добровольно и безстрашно взошедшаго на колъ и еще запалившаго на немъ „люльку", и стыдясь своего малодушія, вдругъ бросилъ свою невѣсту и стремительно кинулся къ другому колу.

— Соромъ! соромъ, панове товариство!—кричалъ онъ, взбираясь по лѣстницѣ: — на пали, панове! Не дамо своей воли проклятымъ ляхамъ! На пали!

За нимъ бросились и остальные помилованные.

— Разъ родила мати—разъ и умирати!—кричали они, минуя висѣлицы и спѣша къ кольямъ.

— Добре! добре, хлопци!—кричалъ, въ свою очередь, Харько Розбій-Глекъ, сидя на колу и поправляя на головѣ свою высокую, конусообразную шапку:—не давайтесь проклятымъ ляхамъ!

Но палачи и „лизни" схватили ихъ и послѣ отчаянныхъ усилій перевязали.

IV.

Нежданная встрѣча.

Утро слѣдующаго дня было, казалось, еще лучше чѣмъ наканунѣ. Солнце только что выкатилось изъ-за блѣдно розовой полоски далекаго продолговатаго облачка, превращая въ сверкающіе брилліанты каждую ро-

синку и на листѣ свѣже-распустившагося граба, и въ чашечкѣ каждаго цвѣтка, и на стебляхъ молодой травы, искрапленной весенними цвѣтами.

Это чудное утро застало Исаака Когена и его сына Ефраима въ дорогѣ. Легкая дорожная бричка, запряженная парою сытыхъ степныхъ коней, медленно двигалась роскошнымъ лугомъ по тракту на Бердичевъ и Полонное.

Несмотря на то, что на душѣ стараго Исаака было смутно, онъ не могъ не поддаться чарующей прелести этого утра. Ласковая природа, казалось, сама говорила ему: „Смотри, какъ тихо и мирно на моемъ вѣчномъ лонѣ. Каждый листикъ на деревѣ, каждая травка чувствуютъ всю благость жизни дарованной имъ Творцомъ всего этого необъятнаго, прекраснаго міра. Зачѣмъ вы, люди, отравляете прелесть бытія вѣчными заботами?“

А жизнь, радостная, беззаботная, такъ и била ключомъ повсюду, куда только могъ достигнуть умиленный, грустный взоръ Исаака. Камыши и зеленая осока у невидимой глазу рѣчки, казалось, любовно шептались между собою. Съ радостнымъ крикомъ, свистя въ воздухѣ крыльями, проносились надъ долиной дикія утки. Утренній воздухъ прорѣзывали мелодическіе голоса болотныхъ куличковъ. Медленно расхаживали по зеленымъ зарослямъ длинноногіе и бѣлогрудые аисты, какъ бы сознательно наслаждаясь благодатнымъ утромъ—такимъ утромъ, которое, быть можетъ, напоминало имъ другое утро, тамъ, далеко, на берегахъ Ганга, гдѣ у нихъ, какъ и здѣсь, въ томъ небольшомъ поселкѣ, имѣлось свое, давно насиженное гнѣздо...

— И это гнѣздо на берегахъ Ганга, какъ и на берегу Тыкича, никто не разоряетъ,—грустно шевельнулось въ душѣ Исаака.—А у народа божьяго, у Израиля...

Онъ молча махнулъ рукой и вновь отдался природѣ.

Надъ травою и надъ кудрявыми кустами красной таволги, словно брошенные въ воздухъ бѣлые и ярко-желтые лепестки, перепархивали мотыльки, наслаждаясь краткими моментами жизни. Отъ времени до времени слышались въ травѣ крики коростеля-дергача, а въ другой сторонѣ выбивалъ свою весеннюю пѣсню перепелъ. И тутъ же, покрывая все собою, доносился съ ближняго болота задорный, чисто демократическій хоръ лягушекъ, безъ которыхъ весна теряла бы все свое очарованіе, всю поэзію возрождающейся природы.

Все это глубоко трогало смущенную душу стараго Когена. Задумчивые глаза его вдругъ остановились на одной точкѣ въ воздухѣ. Тамъ, расправивъ крылья, какъ бы нервно трепеталъ пернатый хищникъ—ястребъ. Онъ, видимо, сторожилъ добычу.

— Гайдамакъ... гайдамакъ,—мелькнуло въ умѣ Когена.

И вся роскошь природы, весь этотъ живой говоръ травы, лѣса, воздуха, эта чудная зелень, обдаваемая теплыми лучами весенняго солнца—все это разомъ подернулось тѣнями.

Ястребъ сторожитъ беззаботно наслаждающуюся жизнью невинную

пташечку, а эта невинная пташечка зорко слѣдитъ за беззаботно порхающею пестрою бабочкой. Вонъ цапля острымъ клювомъ проколола и подняла на воздухъ сейчасъ только весело и задорно квакавшую въ болотѣ лягушку.

— Вездѣ свои гайдамаки, сторожащіе добычу—дѣтей Израиля,—шевельнулось въ душѣ Когена.

Отъ созерцанія природы мысли его перешли къ предмету ихъ поѣздки.

— Только бы застать его въ Полонномъ,—разсуждалъ онъ самъ съ собою, между тѣмъ какъ Ефраимъ видимо дремалъ, пригрѣтый солнцемъ:— только бы застать дома. Онъ святой мужъ. Можетъ быть, онъ и поможетъ общей бѣдѣ, а можетъ, и самое бѣдствіе отвратитъ. Въ немъ великая сила. Вѣдь онъ же своимъ пророческимъ предвидѣніемъ спасъ отъ разоренія городъ Немировъ, когда въ Подолію ворвались несмѣтныя полчища татаръ и шли прямо на Немировъ: онъ своею молитвою отвратилъ ихъ отъ города. Какъ знать!.. Молитва святого мужа—это великая сила. Развѣ не молитвою къ Предвѣчному Іисусъ Навинъ остановилъ ходъ солнца, когда сказалъ: „Стой, солнце, въ Гибеонѣ!“ А развѣ не молитва святого мужа разверзла хляби морскія, когда Моисей простеръ руки надъ Чермнымъ моремъ и оно разступилось передъ народомъ израильскимъ?

Навстрѣчу ѣхала телѣга, нагруженная хворостомъ, а сверху хвороста сидѣлъ хлопъ и лѣниво тянулъ о томъ, какъ „въ полѣ могила — съ вѣтромъ говорила“...

О чемъ разговаривала могила съ вѣтромъ, онъ не досказалъ, а громко икнулъ и также лѣниво проговорилъ:

— У! та-й добри жъ колеса у жидивъ!.. Отъ якъ бы мени таки колеса!

И онъ снова затянулъ все о томъ же, какъ „въ полѣ могила — съ вѣтромъ говорила“...

— Вотъ и онъ поетъ,—подумалъ старый Когенъ.—А отчего жъ мнѣ не приходилось видѣть, чтобъ еврей вотъ также ѣхалъ и пѣлъ?.. Моя маленькая Рахиль права, что у насъ нѣтъ пѣсенъ... Вотъ и иволга поетъ, и овсянка поетъ, а еврей не поетъ... Нѣтъ для еврея и весны.

— А живъ-ли еще тотъ гайдамакъ?—какъ бы очнувшись, вдругъ заговорилъ Ефраимъ.

— Какой гайдамакъ? — съ удивленіемъ спросилъ Исаакъ, еще не вполнѣ приходя въ себя отъ своихъ думъ.

— Да тотъ, что на колъ посаженъ.

— А! тотъ? А что?

— Да я вечеромъ ходилъ на площадь, такъ онъ еще былъ живъ.

— Не удивительно: ужа проткни вилами, такъ онъ все будетъ извиваться; то же и гайдамакъ—сущій ужака.

Онъ помолчалъ. Солнце уже сильно припекало.

— Такъ ты говоришь, что изъ Лебедина хлопы собирались идти къ Черкесамъ?—вдругъ спросилъ Исаакъ.

— Да, отецъ: такъ мнѣ сказывалъ Хома.

— Такъ, можетъ, они пойдутъ и дальше, къ Бердичеву, а Умань оставятъ въ сторонѣ?

— Можетъ быть, дай-то Богъ.

— Да... Но чемъ же Бердичевъ хуже Умани? Тамъ тоже наши братья,—грустно покачалъ головой старый Когенъ.

Въ сторонѣ, изъ-за зелени, блеснула полоска воды. Это маленькая рѣчка извивалась змѣйкою среди камышей и темнозеленаго ситника, незамѣтно исчезая въ кустахъ верболоза. Тамъ же одиноко стояла развѣсистая ива.

— Не пора ли покормить лошадей, батюшка?—сказалъ Ефраимъ.— Уже далеко за полдень... кони притомились, да и печетъ сильно; кстати же тутъ и вода.

— И то правда, пора покормить,—отозвался отецъ.

Они свернули съ дороги прямо къ рѣчкѣ и остановились въ тѣни ивы. Ефраимъ, привыкшій къ частымъ поѣздкамъ по торговымъ дѣламъ своего дома, тотчасъ же отпрегъ лошадей и задалъ имъ овса, который онѣ, впрочемъ, не охотно ѣли, съ жадностью посматривая на пробѣгавшую у самыхъ корней ивы рѣчку: упарившихся на солнцѣ умныхъ животныхъ такъ манила къ себѣ журчавшая у корней ивы прозрачная вода.

— Ну, раньше чѣмъ вы не остынете я вамъ не дамъ пить, — съ улыбкой сказалъ имъ Ефраимъ.—Вы какъ дѣти готовы накинуться на холодную воду, а тамъ васъ, запаленныхъ, и продавай за полцѣны.

Умныя животныя поняли своего господина и лѣниво стали жевать сухой овесъ.

— Ужъ и оводы надоѣдливые! — говорилъ Ефраимъ, сгоняя оводовъ со спинъ лошадей.

— Да, и тутъ гайдамаки, чтобы поживиться чужой кровью,—какъ бы про себя замѣтилъ старый Когенъ, разстилая коверъ подъ тѣнью ивы и усаживаясь на немъ.—Вездѣ гайдамаки.

Между тѣмъ Ефраимъ вынулъ изъ брички небольшой дорожный мѣшокъ и, садясь рядомъ съ отцомъ, разостлалъ на коврѣ чистое полотенце.

— Теперь пора и намъ пообѣдать, — говорилъ онъ, вынимая изъ мѣшка сдобныя круглыя лепешки съ запеченными въ нихъ яйцами, пару копченой жирной тарани и жареную курицу. Ефраимъ почерпнулъ воды изъ рѣчки, и оба умыли руки.

— Буди благословенъ и т. д.,—проговорилъ затѣмъ Исаакъ и взялъ лепешку. То же сдѣлалъ и Ефраимъ.

— А умно придумали хлопы вотъ эти самыя круглыя лепешки съ яйцами,—говорилъ онъ, разламывая лепешку и вынимая запеченное въ ней яйцо.—Ахъ, какъ умно! И называютъ ихъ „бурсаками". И точно бурсаки: когда ихъ поповичи отправляются въ Кіевъ, чтобъ учиться въ бурсѣ, то матери и снабжаютъ ихъ на дорогу вотъ этими бурсаками: въ нихъ разомъ и хлѣбъ, и готовое яйцо, которое въ лепешкахъ и не разбивается дорогой.

— Люблю я вотъ такъ трапезовать въ дорогѣ, гдѣ-нибудь у ручья, либо у рѣчки, или у степной криницы,—продолжалъ онъ. — Гораздо это пріятнѣе, чѣмъ въ душной хатѣ или въ корчмѣ. Тутъ и травка, и водица, и пташки поютъ, лошади пофыркиваютъ. А еще лучше подъ вечеръ: разложимъ бывало съ Хомой огонекъ у ручья, поставимъ треногъ, повѣсимъ котелокъ съ пшеномъ, да маслица туда или соленаго леща — вотъ и кулишъ готовъ. Только, бывало, Хома все жалѣлъ, что мы свиного сала не ѣдимъ: „вотъ бы,—говоритъ,—паночку Храиме, натовкти добраго сала, та въ кулишъ, что за кулишъ бувъ бы!“ А жаль Хому: добрый былъ хлопецъ, честный, работящій. Сидимъ, бывало, съ нимъ у огонька, ѣдимъ кулишъ, лошади тоже ѣдятъ овесъ, пофыркиваютъ, а онъ разсказываетъ мнѣ свои хлопскія сказки, либо про запорожцевъ, про ихъ набѣги на Крымъ... А надъ нами темное-темное небо, и въ немъ звѣздочки мигаютъ.

Съ грустной улыбкой слушалъ старый Когенъ наивную болтовню своего сына. И самъ онъ немало постранствовалъ по Украинѣ,—по Волыни и Подоліи, часто проводилъ ночи у огонька, въ полѣ, или отдыхалъ вотъ около такой же, какъ эта рѣчонки... Не мало пережито и передумано.

— Да, жаль Хому,—какъ бы про-себя продолжалъ Ефраимъ, колотя таранью о стволъ ивы, чтобъ легче содрать съ нея кожу. — Теперь его честныя руки, можетъ быть, ужъ и кровью обрызганы.

— А все по хлопской глупости,—съ своей стороны, замѣтилъ Исаакъ, принимая изъ рукъ сына очищенную тарань.

— По глупости, по слѣпотѣ своей; а другіе злодѣи, изъ запорожцевъ, тѣ просто идутъ для грабежа, какъ и тотъ, котораго вчера на колъ посадили.

— А живучъ, проклятый. Рахиль видѣла, какъ онъ самъ сѣлъ на колъ, и хоть бы крикнулъ, хоть бы поморщился.

— А достань фляжку съ виномъ,—сказалъ Исаакъ:—эту жирную тарань надо запить венгржиномъ.

Ефраимъ досталъ изъ брички фляжку въ плетенкѣ и серебряную чарку и подалъ отцу. Исаакъ сталъ разглядывать съ любовью старинную чарку.

— О! дорогая, дорогая эта вещица! — говорилъ онъ задумчиво. — Многое видала она на своемъ вѣку... Сколько устъ прикасалось къ ней! Видѣла она и Кордову, и Севилью, и Гранаду. Въ Испаніи еще пили изъ нея хересъ и малагу наши предки. И вотъ она странствуетъ въ нашемъ родѣ, какъ странствуетъ самъ израильскій народъ... Вѣчная чарочка... серебряный Агасѳеръ... Можетъ быть, и пирамиды египетскія видѣла она, и мутный Нилъ, и воду рѣкъ вавилонскихъ, быть можетъ, пили изъ нея наши предки—воду пополамъ съ кровавыми слезами...

— Да, отецъ, она, несомнѣнно, египетской работы, — подтвердилъ Ефраимъ: — на ней изображены два сфинкса и ибисъ, а тотъ цвѣтокъ въ родѣ водяной лиліи—это непремѣнно цвѣтокъ лотоса.

— Правда; это говоритъ и великій нашъ праведникъ, — замѣтилъ Исаакъ.

— Это дядя Іаковъ-Іосифъ?

— Да, великій братъ мой, нынѣ пророкъ во Израилѣ.

Въ это время съ отлогаго возвышенія, на которое поднималась дорога, ведущая къ Бердичеву и Полонному, спускалась какая-то фура. Наши путешественники замѣтили ее.

— Кто-то ѣдетъ,—сказалъ Исаакъ, щуря глаза.

— Да. И это еврейская балагула, — замѣтилъ Ефраимъ, у котораго зрѣніе было острѣе отцовскаго:—и еврей сидитъ на облучкѣ.

— Можетъ быть, онъ везетъ какого-нибудь бѣднаго шляхтича.

— Нѣтъ, отецъ, и изъ балагулы, я вижу, выглядываетъ еврей.

— Тѣмъ лучше—нашъ братъ.

Балагула приближалась. Скоро можно было Ефраиму различить и черты сидѣвшаго въ балагулѣ.

— Боже! вотъ неожиданность!—радостно воскликнулъ онъ.

— Что такое, сынъ мой? Какая неожиданность?

— Да это, кажется, самъ дядя Іаковъ-Іосифъ... Онъ! онъ!

— Господи! — не то радостно, не то испуганно воскликнулъ старый Когенъ.—Это перстъ Божій!

И оба, и отецъ и сынъ, торопливо пошли навстрѣчу запыленной балагулѣ.

VI

Апостолъ хасидизма.

Это былъ дѣйствительно Іаковъ-Іосифъ, апостолъ хасидизма, начало которому положилъ знаменитый въ исторіи новѣйшаго еврейства Бештъ изъ Меджибожа, учитель не менѣе знаменитаго Бера изъ Межирича.

Іаковъ-Іосифъ приходился двоюроднымъ братомъ нашему знакомому Исааку Когену изъ Умани и происходилъ изъ того же рода Когеновъ.

Іаковъ-Іосифъ Когенъ, — какъ разсказываетъ одинъ изъ его біографовъ,—былъ однимъ изъ важнѣйшихъ учениковъ и ревностнѣйшихъ сподвижниковъ Бешта. Онъ познакомился съ основателемъ хасидизма и увѣровалъ въ него еще раньше, чѣмъ проповѣдникъ Беръ. Это было около 1747 года. Іаковъ-Іосифъ былъ тогда раввиномъ въ Шаргородѣ, въ Подоліи. Трогательная молитва Бешта произвела на него очень сильное впечатлѣніе. Онъ долго колебался, размышлялъ, но наконецъ рѣшилъ пристать къ Бешту. Онъ тайкомъ поѣхалъ къ нему въ Меджибожъ и пробылъ у него до тѣхъ поръ, пока Бештъ не „поднялъ его“ на высоту своей мудрости.

Но вскорѣ тайная приверженность раввина къ хасидскому ученію была обнаружена, и Іаковъ-Іосифъ заявилъ открыто о своей „ереси“. Тогда поднялись противъ него многіе представители общины, пошли въ

городѣ раздоры, интриги и распри. кончившіеся тѣмъ, что раввина „выгнали изъ города въ самый канунъ субботняго дня“.

Послѣ этого изгнанія онъ былъ раввиномъ въ городѣ Рашковѣ и затѣмъ—въ Немировѣ. Здѣсь слава его росла съ каждымъ годомъ, привлекая къ нему массы слушателей. Въ глазахъ своихъ послѣдователей онъ стяжалъ славу истиннаго пророка и святого мужа: онъ-то, по преданію, силою молитвы отклонилъ отъ Немирова нашествіе татарской орды. О немъ въ Немировѣ сохранилось такое преданіе: „Каждый день онъ занимался ученіемъ, облаченный въ „талесъ“ и „тефилинъ“. Передъ кушаньемъ онъ читалъ лекцію изъ Талмуда въ нѣсколько страницъ, и даже во время кушанья, между однимъ блюдомъ и другимъ, съ устъ его не сходили слова ученія. Онъ вставалъ всегда въ полночь, и лѣтомъ и зимою, даже въ дни праздничные, и все сидѣлъ надъ своими фоліантами. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ совершалъ и благотворительныя дѣла: выкупалъ плѣнныхъ и раздавалъ много милостыни. Самъ же жилъ въ нуждѣ на свой скудный заработокъ. Его ученіе, равно какъ его молитва, сопровождались необыкновенною восторженностью и священнымъ трепетомъ, часто приводившими его въ изнеможеніе“.

Это былъ религіозный, глубоко убѣжденный энтузіастъ, а такія личности двигаютъ горами: народныя толпы слѣдуютъ за ними слѣпо, какъ желѣзо за магнитомъ.

„Послѣ смерти Бешта, — разсказываетъ тотъ же біографъ, — когда центръ тяжести хасидизма былъ перенесенъ изъ Подоліи въ Волынь (гдѣ находилась резиденція Бера—Межиричъ), Іаковъ-Іосифъ также перекочевалъ туда и очутился раввиномъ въ волынскомъ мѣстечкѣ Полонномъ, въ которомъ уже оставался до конца своей жизни. Здѣсь онъ съ большей еще энергіей занимался пропагандою хасидскаго ученія. Онъ умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ, уже въ то время, когда его имя было окружено ореоломъ величія и святости, какъ имя лучшаго ученика основателя хасидизма и апостола его ученія“.

Съ этимъ-то „апостоломъ хасидизма“ и встрѣтились теперь наши уманскіе знакомые—Когены. Балагула Іакова-Іосифа свернула въ сторону и остановилась рядомъ съ бричкой Когеновъ.

Изъ балагулы вылѣзъ, поддерживаемый племянникомъ, Ефраимомъ Когеномъ, худенькій, нервный и подвижной старичокъ съ длинною, бѣлою апостольскою бородой. Лицо его, необыкновенно пріятное, общимъ типомъ напоминало лицо Исаака Когена—характерный типъ, пережившій тысячелѣтія и сохранившій свою чистоту,—типъ, не погибшій ни въ волнахъ всемірнаго потопа, ни въ пучинахъ Чермнаго моря, не утонувшій даже въ кровавыхъ рѣкахъ инквизиціи и безчисленныхъ, во всѣ тысячелѣтія и во всѣхъ странахъ повторявшихся безчеловѣчныхъ погромахъ; но въ глазахъ прибывшаго было что-то неуловимое, то, о чемъ приходится сказать, что оно—„не отъ міра сего“. Одѣтъ онъ былъ совсѣмъ просто, даже бѣдно; но у всякаго, кто съ нимъ встрѣчался и чей взоръ оста-

навливался на лицѣ этого бѣдно одѣтаго старика,—у всякаго такого рука невольно поднималась къ головѣ, чтобъ почтительно обнажить ее. „Долой шапку!“ вотъ что чувствовалъ внутри себя всякій, встрѣтившійся со взглядомъ этого бѣдно одѣтаго старика.

Послѣ первыхъ привѣтствій вновь прибывшаго съ почетомъ усадили на коверъ подъ тѣнью ивы.

— Вы куда ѣдете?—спросилъ Іаковъ-Іосифъ.—По торговымъ дѣламъ?

— Нѣтъ, дорогой братъ,—отвѣчалъ Исаакъ Когенъ,—дѣло, по которому мы собрались въ путь, важнѣе всѣхъ торговыхъ дѣлъ всего израильскаго народа.

— Что же такое?—съ большимъ вниманіемъ спросилъ раввинъ:—по дѣлу нашей религіи?

— Да, и по дѣлу религіи,—отвѣчалъ Когенъ:—мы ѣхали собственно къ тебѣ, дорогой братъ, но Всеблагій предупредилъ насъ: Онъ самого тебя послалъ къ намъ навстрѣчу.

— Но я ѣду въ Немировъ,—возразилъ Іаковъ-Іосифъ.

— Все равно; но ты встрѣтилъ насъ—въ этомъ я вижу перстъ Всеблагого—Того, чей перстъ водилъ народъ израильскій по пустынѣ и привелъ въ землю обѣтованную.

— Ну, говори дальше: мои уши открыты и пронесутъ въ мой мозгъ и въ мое сердце то, что ты скажешь во имя Всеблагого.

— Затѣвается страшное дѣло для Израиля,—сказалъ Исаакъ,—топоръ лежитъ у дерева, чтобы срубить его.

— Какой топоръ? Тотъ топоръ, о которомъ ты говоришь, вотъ уже много тысячелѣтій лежитъ у дерева, а дерево все растетъ и зеленѣетъ, и будетъ расти и зеленѣть, пока не придетъ Тотъ, Который обѣщалъ придти.

— Ну, дорогой братъ, ты ученѣе и мудрѣе меня,—какъ бы извинился Исаакъ:—пусть заржавѣетъ тотъ топоръ подъ деревомъ и дерево пусть зеленѣетъ вовѣки. Но на насъ приготовлены ножи... Вотъ мой сынъ видѣлъ собственными глазами и слышалъ собственными ушами.

Раввинъ слушалъ разсказъ молча. Лицо его выдавало внутреннее волненіе, но глаза смотрѣли куда-то вдаль, точно онъ читалъ тамъ что-то и прочитанное взвѣшивалъ въ своемъ умѣ.

Потомъ онъ сидѣлъ молча, какъ и прежде. Молчали и всѣ. Слышно было только, какъ лошади жевали овесъ и иногда фыркали, а за рѣчкой, въ травѣ, выбивалъ свою пѣсню перепелъ, да возница-еврей, привезшій Іаковъ-Іосифа, набожно вздыхалъ иногда.

— А что же хлопы съ ихъ (да будутъ они прокляты) ножами?—прервалъ молчаніе Исаакъ.

Раввинъ какъ бы очнулся отъ задумчивости и взглянулъ на вопрошающаго. Глаза его горѣли вдохновеніемъ.

— Хлопы и ихъ ножи?—спросилъ онъ.—Такъ слушайте, имѣющіе уши. Это мнѣ разсказалъ передъ смертью мой великій учитель, блажен-

ной памяти Бештъ—да будетъ благословенна эта память вовѣки! То что онъ разсказалъ мнѣ, не записано въ нашихъ священныхъ книгахъ, но записано въ сердцахъ только достойныхъ потомковъ вождя народа израильскаго.

— Вспомните, что мы—избранный народъ—всегда были народомъ гонимымъ; но помните, мы никогда не были рабами; духъ нашъ, духъ израильскаго народа никогда не былъ порабощенъ. Никогда никѣмъ! Помните это! Фараоны, возложивъ на насъ тяжкія работы, поработивъ надолго наше тѣло, никогда не были въ силахъ поработить нашъ духъ. Насъ не поработили ни богатства ихъ, ни боги—боги, всегда порабощающіе менѣе сильныхъ духомъ. Духомъ мы оказались сильнѣе фараоновъ и ихъ боговъ. Ведомые своимъ духомъ, своимъ Богомъ, мы покинули землю египетскую, а тѣ сильные, которые нѣсколько столѣтій питались нашимъ тѣломъ, а потомъ вздумали остановить насъ, поработить нашъ духъ,—погибли въ пучинѣ моря. Потомъ насъ плѣнили халдеи, всемогущіе властители Вавилона, и поселили насъ на рѣкахъ своихъ; но и они не поработили нашего духа; мы только плакали на рѣкахъ вавилонскихъ, но не играли на гусляхъ и не пѣли, какъ они намъ повелѣвали; мы разсѣкли надвое наши руки, чтобы не играть на гусляхъ нашихъ и не пѣть въ странѣ плѣненія. Мы возвратились изъ страны изгнанія непорабощенными. Мы побѣдили своихъ побѣдителей: они исчезли съ лица земли, мы—остались. Скоро новая, болѣе страшная туча нависла надъ нашею страной. Надъ Іудеею разразились громы съ высотъ Капитолія, изъ рукъ Юпитера капитолійскаго. На стѣнахъ нашего священнаго города появились золотые орлы римскихъ легіоновъ. Римскіе орлы клевали наше тѣло; но духъ іудея они не могли заклевать. Гдѣ же теперь этотъ древній Римъ?.. Мы одни уцѣлѣли, хотя и разсѣялись по лицу земли, унося съ собою нашъ духъ, нашего Бога... Проходили годы, столѣтія... Насъ, разнесенныхъ вихремъ временъ по лицу земли, какъ вѣтеръ осени разноситъ опавшіе листья,—насъ стали вездѣ преслѣдовать. Насъ, какъ прокаженныхъ, запирали въ отдѣльныхъ кварталахъ въ ихъ городахъ, насъ травили собаками, насъ лишали всяческихъ правъ, божескихъ и человѣческихъ; наше имя сдѣлали поношеніемъ между людьми; насъ жгли на кострахъ... Но мы уцѣлѣли; мы прошли невредимыми черезъ костры инквизиціи, какъ раньше того прошли черезъ Чермное море и черезъ безводную пустыню. Нашъ духъ и тамъ остался непорабощеннымъ. Насъ изгнали отовсюду...

Онъ остановился и какимъ-то яснымъ, умиленнымъ взоромъ обвелъ вокругъ себя.

— О, милыя, родныя поля! родныя для народа, потерявшаго родину!—восторженно, съ плачемъ въ голосѣ воскликнулъ онъ.—Солнце, пригрѣвшее насъ сирыхъ, изгнанныхъ отовсюду!

Онъ молитвенно поднялъ глаза и руки къ небу.

— Великодушная страна, пріютившая изгнанниковъ!

Тяжело дыша, онъ протянулъ Когену руку, и ясная, какая-то младен-

ческая улыбка отразилась на всемъ его лицѣ и въ особенности въ глазахъ.

— Да, братъ, намъ не привыкать къ гоненіямъ,—сказалъ онъ: — пережили худшія, переживемъ и это. Прежде противъ насъ шли цари и полководцы, и то мы устояли; а теперь—только хлопы. А придетъ время— и хлопы поумнѣютъ. Ну, а какъ здоровье доброй Ліи?

— Спасибо, дорогой братъ,—отвѣчалъ Исаакъ:—но все не то, что было: лѣта берутъ свое.

— А хорошенькая Рахиль не дождалась еще жениха?

— Ну, она еще молода: пусть попрыгаетъ.

— А востроглазая Сарка?

— Это настоящій козленокъ,—все собирается въ Іерусалимъ, а дальше Немирова не была.

— А Самсонъ, Моше?

— Молодцы, все дѣловой народъ... А вотъ мы заслушались тебя и угостить забыли. Подавайка-ка, Ефраимъ, сюда всю нашу страву.

Энтузіаста-раввина стали угощать „бурсаками" и жареной курицей. Старый Когенъ нѣсколько повеселѣлъ.

— Ну, съ этой сволочью—съ хлопами—и конфедераты справятся,— замѣтилъ старый Когенъ.

— А надворные казаки? У насъ ихъ достаточно,—добавилъ Ефраимъ.— Одинъ Гонта чего стоитъ! Онъ отлично умѣетъ сажать на колъ гайдамаковъ: вонъ у насъ въ Умани и теперь одинъ изъ нихъ куритъ трубку на колу.

— Какъ куритъ трубку на колу?—удивился раввинъ.

— Дѣйствительно,—пояснилъ Исаакъ:—сидя на колу, этотъ злодѣй самъ закурилъ трубку и до самой ночи былъ живъ на этомъ колу.

— О, Господи!—всплеснулъ руками раввинъ:—что за народъ! И отчего Всеблагому не направить этотъ народъ на доброе! Но я вѣрю, что придетъ и это время, хотя не скоро: часто тьма упорнѣе свѣта, и зло нерѣдко царствуетъ надъ добромъ.

Когда немного спалъ жаръ, наши путешественники всѣ вмѣстѣ направились къ Умани.

VI.

Подъ Грековымъ лѣсомъ.

Въ Умани между тѣмъ случилось нѣчто, сначала не обратившее на себя ничьего вниманія, но впослѣдствіи разрѣшившееся роковыми событіями.

День былъ воскресный. Хорошенькая Рахиль, старшая дочь Исаака Когена, которая собиралась наканунѣ, въ субботу, идти съ своей пріятельницей Миріамъ къ Грекову лѣсу гулять и собирать ранніе полевые цвѣты, не успѣла этого сдѣлать въ свое время, потому что, какъ мы видѣли,

вмѣстѣ съ прочими обитателями Умани ходила смотрѣть на казнь гайдамаковъ, и отложила эту прогулку на другой день. Она рѣшилась на это тѣмъ охотнѣе, что дома у нихъ, съ неожиданнымъ пріѣздомъ ея брата Ефраима, почему-то стало особенно скучно и однообразно. Всѣ были чѣмъ-то озабочены, иногда многозначительно переглядывались между собой, но ни ей, Рахили, ни младшей ея сестренкѣ Сарѣ ничего не говорили. Мало того, и отецъ, и Ефраимъ, на другой день, рано утромъ, уѣхали въ Полонное къ дядѣ ея, раввину Іакову-Іосифу. Мать, старая Лія, почему-то все охала, вздыхала и молилась. Повидимому, что-то случилось или должно было случиться, и притомъ что-то нехорошее. Вѣроятно, Ефраимъ привезъ какія нибудь дурныя вѣсти: или какой нибудь должникъ не уплатилъ денегъ, или же умеръ, а послѣ него ничего не осталось. Но подобныя семейныя огорченія юная еврейка не особенно принимала къ сердцу: жизнь еще не научила ее цѣнить то, что цѣнили старшіе, и потому она довольно равнодушно относилась къ накопленію ея родителями богатствъ.

— Все деньги да деньги на умѣ,—думала она,—какъ имъ это не надоѣстъ! Вѣдь и такъ у отца много денегъ — мы въ Умани, пожалуй, богаче всѣхъ евреевъ... Нѣтъ, лучше идти за цвѣтами въ Грековъ лѣсъ: возьму свою Миру да Сарку — и отправимся... Ахъ, счастливыя украинскія дѣвушки—эти „дивчата“: имъ можно гулять хоть цѣлыя ночи напролетъ, и пѣть, сколько голосу хватитъ, и танцовать съ парубками. А мы, бѣдныя еврейскія дѣвушки, должны сидѣть дома и ждать, когда присватается какой нибудь... „парубокъ!“—„парубокъ“-еврей!—смѣшно даже сказать:—у насъ и парубковъ нѣтъ, а все какіе-то длиннополые раввины, въ родѣ нашего Самсона... Только и рѣчи, что про Тору да про Талмудъ... Скучно! Мнѣ хочется прыгать, смѣяться, а онъ про Тору! Да идти намъ нельзя однѣмъ дѣвушкамъ... Какая скука быть еврейской дѣвушкой! Надо хоть Моше пригласить съ собой.

И Рахиль пошла отыскивать брата. На дворѣ она увидала Сару, которая продѣлывала разныя штуки съ Голіаѳомъ. Громадный, добродушный песъ сидѣлъ на заднихъ лапахъ, а на носу у него лежалъ кусочекъ хлѣба. Собака сидѣла не шевелясь, боясь уронить драгоцѣнный кусокъ. Глаза ея заискивающе смотрѣли на плутоватое личико Сары.

— Азъ, буки, вѣди, глаголь, добро!—говорила юная шалунья и остановилась на минуту.

Голіаѳъ терпѣливо ждалъ, боясь даже хвостомъ шевельнуть.

— Есть! — вдругъ сказала Сара, и добродушный песъ, тряхнувъ головой, такъ что кусочекъ хлѣба свалился съ его носа, ловко подхватилъ его налету и мгновенно проглотилъ, радостно облизываясь и ожидая новой подачки.

Сара положила ему на носъ другой кусочекъ и погрозила пальцемъ.

— Смирно сидѣть!

Песъ не шевелился, весь превратившись въ ожиданіе и въ слухъ.

— Азъ, буки, вѣди, глаголь, добро, живете, зѣло, земля, иже, и, како,

люди,—продолжала свой алфавитъ веселая плутовка, нарочно пропустивъ букву „есть“, а глупый Голіаѳъ все ждалъ именно этой буквы, чтобъ схватить щекотавшій его собачье обоняніе лакомый кусочекъ.

— Мыслете, нашъ, онъ, покой, рцы, слово, твердо, — продолжала шалунья.

— Сарка! ты что его мучишь?—закричала ей Рахиль.

— Я не мучу, я учу его азбукѣ,—отозвалась шалунья.—Ну, слушай, Голіаѳъ, да, смотри! не пропусти главнаго: азъ, буки, вѣди, глаголь, добро, есть!

Голіаѳъ мотнулъ головой, и кусочекъ хлѣба опять очутился въ его вкусной пасти. Песъ такъ обрадовался, что на этотъ разъ не пропустилъ главнаго, т. е. слова „есть“, что заметался, запрыгалъ и облапилъ свою шалунью-учительницу.

— Ой, ой, пошелъ, Голіаѳъ, ты меня повалишь! — отбивалась отъ ласкъ собаки шалунья.

— Перестань, Сарка!—подошла къ ней Рахиль.—Гдѣ Моше?

— Онъ въ лавкѣ,—отвѣчала Сара, отбиваясь отъ собаки.

— А мама?

— И мама въ лавкѣ.

— Все въ лавкѣ да въ лавкѣ! Знаешь, Сарочка, пойдемъ, отпросимъ его у мамы и пойдемъ въ Грековъ лѣсъ цвѣты рвать.

— Ахъ, какъ весело!—захлопала въ ладоши Сара. — Вотъ такъ умница, Рахилечка! Непремѣнно пойдемъ.

— И Миру возьмемъ съ собой.

— И Миру, и Голіаѳа! Голіаѳъ! пойдемъ съ нами гулять въ Грековъ лѣсъ, будемъ цвѣты рвать, на травѣ валяться, а ты себѣ зайчика поймаешь,—болтала Сара.

Сестры отправились къ лавкѣ, которая находилась тутъ же при домѣ, но въ особой пристройкѣ, и выходила на улицу. Галіаѳъ, довольный успѣхами въ изученіи азбуки, весело слѣдовалъ за ними.

Старая Лія сидѣла за прилавкомъ и вязала шерстяной шарфъ для мужа. Моше же у входныхъ дверей читалъ какую-то еврейскую книжку.

— Мама, отпусти съ нами Моше,—сказала Рахиль, входя въ лавку.

— Куда это вы собрались?—спросила Лія, не отрываясь отъ работы.

— Въ Грековъ лѣсъ, мама, за цвѣтами.

— А я тебѣ, мама, грибковъ соберу,—съ своей стороны добавила Сара.

— Мухоморовъ,—улыбнулась Лія: — ты ужъ разъ чуть не угостила меня мухоморами.

— Нѣтъ, нѣтъ, я теперь знаю,—оправдывалась Сара.

— Мнѣ надо прогуляться, мама, а то у меня что-то голова болитъ,—добавила Рахиль.—Мы и Миру возьмемъ съ собой.

— И Голіаѳа,—пояснила Сара.

Старая Лія очень любила своихъ „дѣвочекъ“, и потому намекъ Рахили на головную боль сразу покорилъ сердце матери.

— Только не оставайтесь тамъ до вечера,—предупредила она,—а то коровы будутъ идти съ поля—какъ бы не забодала какая шальная, да и хлопы могутъ обидѣть.

— А Голіаѳъ на что?—храбро возразила Сара.—Онъ задастъ этимъ разбойникамъ-филистимлянамъ.

— А вотъ и Мира!—радостно сказала Рахиль:—легка на поминѣ.

Къ лавкѣ подошла высокая, стройная дѣвушка, лѣтъ семнадцати. Волосы ея были нѣжно-золотистаго цвѣта, и цвѣтъ лица, матово - блѣдный, особенно бросался въ глаза тѣмъ, что у пришедшей были черныя брови и прекрасные черные глаза съ густыми и черными рѣсницами.

При видѣ ея, точно свѣтъ какой отразился на спокойномъ дотолѣ лицѣ молодого еврея. Моше всталъ и отошелъ въ тѣнь, но глаза его выразили не то радость, не то тревогу.

— Мира, — сказала Рахиль: — мы сейчасъ идемъ въ Грековъ лѣсъ. Ты съ нами?

— А кто идетъ? — спросила Миріамъ, скользнувъ взоромъ по лицу Моше.

— Я, Сара и Моше,—отвѣчала Рахиль.

— И Голіаѳъ съ нами,—добавила Сара:—ужъ онъ всю азбуку выучилъ.

— Хорошо, я очень рада,—согласилась Миріамъ:—только я сбѣгаю домой—скажу мамѣ, что иду съ вами.

Сара запрыгала отъ радости, а за ней и Голіаѳъ сталъ носиться какъ бѣшеный. Миріамъ ушла.

Въ это время отъ того мѣста, гдѣ находилась „гѣльда"-ратуша и городская площадь, послышалось воронье карканье, и цѣлая стая птицъ съ крикомъ закружилась въ воздухѣ. Старая Лія съ испугомъ поглядѣла туда.

— О, Господи!—вздохнула она:—помилуй насъ.

— Что это, Моше?—спросила Сара.

— Эти птицы, должно быть, клевали тѣло гайдамака на колу, а ихъ, вѣроятно, кто-нибудь спугнулъ,—отвѣчалъ молодой еврей: — разбойникъ только вчера къ вечеру издохъ.

— Это ужасно! — вздрогнула Рахилъ:—я никогда больше не пойду смотрѣть на такія страсти.

— А какъ онъ вырубалъ огонь своимъ кресаломъ — брр? — сказала Сара.—А теперь, вѣрно, и трубка его вывалилась изо рта.

— Ахъ, Сарочка, не говори такого страшнаго,—остановила ее мать.

— Вонъ опять опускаются вороны,—указала пальцемъ Сара.

— Да перестань ты, глупая!—останавливала ее мать.

— Что-жъ, мама,—кости ужъ не страшны,—оправдывалась Сара. — И отчего это мертвое тѣло страшно ?— продолжала она разсуждать. — Вонъ въ мясной лавкѣ — тоже мертвое тѣло, овцы или коровы, а мнѣ не страшно на нихъ глядѣть: отчего же мертвый человѣкъ такой страшный?

— Оттого, что ты глупая дѣвчонка,—отрѣзалъ Моше.

— Ну, самъ-то умный!

Скоро явилась и Миріамъ, и маленькое общество двинулось въ путь.

— Смотрите же, дѣти, не запаздывайте, — наказывала имъ старая Лія:—вонъ ужъ солнышко не очень высоко.

Молодая компанія отправилась по звенигородской дорогѣ. Впереди бѣжалъ Голіаѳъ, гоняясь за вылетавшими изъ травы овсянками да золотистыми синичками и неистово лая на нихъ.

— А вонъ и сорокопудикъ кричитъ на деревѣ,—указала Сара на одно дерево:—должно быть у него тамъ гнѣздо. А знаешь, Мира, почему этихъ рябенькихъ птичекъ зовутъ сорокопудами? — спросила она Миріамъ.

— Да, вѣроятно, потому, что въ нихъ по сорока пудъ вѣсу,—улыбнулась Миріамъ.

— А откуда ты это узнала?—удивилась Сара.

— Да такъ: не даромъ же ихъ называютъ сорокопудами.

— Э! значитъ, ты не знаешь, а я знаю,—торжествовала Сара.—Хочешь, я разскажу тебѣ?

— Ну-ну, разскажи.

— А вотъ слушай. Когда Богъ сотворилъ міръ—птицъ, звѣрей, деревья и человѣка, Адама и Еву, — одна маленькая рябенькая птичка и сѣла на вершину, на самую тоненькую вершинку одного высокаго дерева; вершинка и согнулась подъ этою птичкой. А другія птицы, большія, сидѣли ниже,на толстыхъ вѣткахъ, которыя не гнулись. Ева какъ увидѣла, что подъ маленькой птичкой согнулась вершина высокаго дерева, и говоритъ Адаму: „смотри—должно быть, въ той маленькой птичкѣ пудовъ сорокъ будетъ: вонъ большія птицы ни одна не погнула дерева, а только подъ этою рябенькой птичкой согнулось такое высокое дерево". Съ тѣхъ поръ ее и назвали сорокопудикомъ.

Всѣ засмѣялись надъ такимъ филологическимъ объясненіемъ.

— Откуда же ты это узнала, милая Сарочка? — спросила Миріамъ, желая замять ссору брата и сестры.

— Это мнѣ разсказалъ нашъ бывшій наймитъ Хома,—отвѣчала Сара.— Онъ мнѣ много хорошаго разсказывалъ, очень много! Жаль только что онъ теперь не у насъ ужъ: его совсѣмъ разсчитали.

— За что?—спросила Миріамъ.—Развѣ онъ былъ нехорошій?

— Нѣтъ, онъ былъ очень хорошій, только онъ почему-то не могъ у насъ остаться.

Ни Сара, ни Рахиль не знали, что ихъ общій любимецъ, веселый и добродушный наймитъ Хома, пошелъ въ гайдамаки: отъ нихъ это скрыли старшіе, чтобы заранѣе не пугать дѣвушекъ и чтобы тревожныя вѣсти о гайдамакахъ не распространились по городу. Моше зналъ все, но молчалъ: такъ велѣли старшіе.

— Вонъ опять кричитъ сорокопудикъ, — остановилась подъ другимъ деревомъ Сара.

— Дазвѣ Ева и Адамъ говорили по-хохлацки? — спросилъ ее Моше, желая подразнить.

— Зачѣмъ по-хохлацки! — удивилась Сара.

— А какъ же? Сорокопудъ — это хохлацкое слово, хлопское. А знаешь, какъ его зовутъ по-нѣмецки? — спросилъ Моше.

— Не знаю. А какъ?

— Гайдамакъ, — улыбнулся Моше.

— Ну вотъ! смѣйся! Точно я дурочка. Такого слова вовсе нѣтъ по-нѣмецки.

— Право же, Сарачка, — настаивалъ братъ. — Эта птичка по-нѣмецки называется Neuntödter — девятиубійца — вотъ какъ страшно.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Право же такъ; и еще называютъ его Würger — тоже значитъ убійца, разбойникъ.

— Вотъ странно, — замѣтила Миріамъ: — такая маленькая птичка, и такое у нея страшное имя.

— Да эта птичка вѣдь ужасно злая; вообразите — иволга тоже зла: она бьетъ и отгоняетъ отъ своего гнѣзда большихъ птицъ — сорокъ, воронъ, даже хищныхъ кобчиковъ и ястребовъ; а сорокопудикъ и иволгу побиваетъ, хотя почти вдвое меньше ея, и бьетъ даже ястреба, который передъ сорокопудикомъ — великанъ. Вотъ почему онъ гайдамакъ.

Рахиль, между тѣмъ, усердно рвала цвѣты.

— Ахъ, какіе пивники, какіе колокольчики! — восторгалась она.

Миріамъ побѣжала къ ней и также стала рвать цвѣты.

Они были уже въ лѣсу — у опушки Грекова лѣса. Все кругомъ пестрѣло цвѣтами. Зелень была чудная, еще непожженная солнцемъ, непримятая никѣмъ. Надъ нею цѣлыми роями жужжали пчелы, носились бабочки.

Южная весна была въ полномъ развитіи. Все цвѣло и благоухало. И кто бы могъ предвидѣть, что не далѣе какъ черезъ мѣсяцъ или недѣль черезъ пять эта зелень вся будетъ залита кровью, завалена трупами, потоптана окровавленными конскими копытами!.. Кто могъ теперь думать, что именно это мѣсто будетъ ареною страшныхъ злодѣяній, что весь этотъ лѣсъ и это поле, въ теченіе нѣсколькихъ дней, будутъ оглашаться криками безпощадно убиваемыхъ, стонами умирающихъ, проклятіями убійцъ!

Вдругъ невдалекѣ послышался отчаянный дѣтскій крикъ.

— Что это? кто кричитъ? — испуганно переглянулись дѣвушки.

Крикъ повторился еще съ большей силой. Голіаѳъ стремительно, съ лаемъ, бросился къ тому мѣсту, откуда неслись крики. Моше побѣжалъ за нимъ.

— Моше! Моше! о-о! не уходи отъ насъ! — кричали дѣвушки.

VII.

Слѣпой кобзарь.

Черезъ нѣсколько минутъ послышался голосъ молодого еврея.

— Не бойтесь! Идите сюда—это „старци“ — слѣпой нищій и мальчикъ-мѣхоноша.

Голіаѳъ продолжалъ лаять, несмотря на то, что Моше останавливалъ его.

— Идите же! Имъ надо помочь!—кричалъ молодой еврей.

Первая пошла на зовъ, хотя робко, Миріамъ. За нею послѣдовали Рахиль и Сара.

Вскорѣ подлѣ одного широколиственнаго осокоря онѣ увидѣли слѣпого нищаго съ бандурой, какіе ходятъ по ярмаркамъ и базарамъ и поютъ духовные стихи или невольницкія думы, а около него, на травѣ, сидѣлъ мальчикъ лѣтъ одиннадцати или двѣнадцати и громко плакалъ, по временамъ повышая голосъ: — ой-о-ой! ой-о-ой! Около мальчика сидѣлъ Моше и разсматривалъ его ногу.

— Что такое случилось?—спросила Рахиль, осторожно приближаясь.

— Охъ, паниочка ласкава, — проговорилъ смиренно слѣпецъ, черезъ плечо котораго крестообразно перевѣшены были сумки для подаяній, а въ рукѣ былъ длинный посохъ-„костуръ“.—Хлопчика моего гадюка укусила.

Всѣ подошли ближе.

— Почему жъ ты знаешь, что его гадюка укусила? — спросила Рахиль.

— Ахъ, панночка ласкава, хлопчикъ видѣлъ, какъ она уползла потомъ подъ корни осокоря,—отвѣчалъ нищій.

Мальчикъ, между тѣмъ, продолжалъ стонать и плакать. Моше возился около него.

— Подожди, дурачокъ, не кричи: я помогу тебѣ, вылѣчу.

И молодой еврей досталъ изъ кармана перочинный ножичекъ. Но едва онъ раскрылъ его, какъ мальчикъ завозился и закричалъ.

— Ой-ой! я боюсь! Винъ ризать хоче...

— Держи его, — сказалъ Моше Рахили: — я сдѣлаю ему то же, что сдѣлалъ мнѣ Хома, когда меня укусила въ руку гадюка въ степи.

Рахиль и Миріамъ стали держать плачущаго мальчика, и Моше, нѣсколько разрѣзавъ ножомъ укушенное гадюкою мѣсто, припалъ къ нему ртомъ и сталъ высасывать изъ него змѣиный ядъ и кровь. Онъ нѣсколько разъ высасывалъ и сплевывалъ. Голіаѳъ, хотя злобно косился на слѣпца и иногда рычалъ, однако, былъ заинтересованъ операціей и съ недоумѣніемъ посматривалъ то на плачущаго мальчика, то на своего господина: зачѣмъ же онъ его кусаетъ, точно нашъ братъ, собака? Я бы-де не такъ тяпнулъ этого оборвыша.

А слѣпецъ все стоялъ на одномъ мѣстѣ и вздыхалъ: — „о, Господи! Господи!“

Наконецъ Моше кончилъ операцію и перевязалъ раненую ногу платкомъ. Мальчикъ нѣсколько успокоился и глядѣлъ на всѣхъ удивленными глазами.

— А ну, встань,—сказалъ ему Моше.

Тотъ повиновался, но едва ступилъ на больную ногу, какъ опять закричалъ и упалъ на траву.

— Ой, болить, болить! Ой, мама, мама!—плакалъ мѣхоноша.

— Господи! Мати Божа! что жъ я, невидющій, буду дѣлать?—сокрушался слѣпецъ.—Помирать придется тутъ.

— А куда вы идете?—спросилъ Моше.

— Въ Умань, паночку ласкавый.

— Такъ мы доведемъ.

— А хлопчика? Оно, мабуть, идти не можетъ.

— Такъ я его донесу.

— О, паночку, паночку! какіе жъ вы добрые!—умилялся слѣпецъ.— Я вѣчно за васъ буду Бога молить.

— А за хлопчика ты не безпокойся,—успокаивалъ его Моше: — моя матушка отлично умѣетъ лѣчить отъ гадючаго укуса; она и меня вылѣчила.

Между тѣмъ, солнце уже значительно склонилось къ закату. Пора было и въ городъ возвращаться.

— Ну, дѣти,—часъ до хаты,—сказалъ Моше сестрамъ и Миріамъ.— И цвѣтовъ нарвали, да и хлопчика нашли: это будетъ мой цвѣтокъ. Ну, хлопче, давай я тебя понесу, какъ ляльку.

И онъ бережно поднялъ своего паціента.

— Держись руками за шею—крѣпче.

Мальчуганъ повиновался, стараясь не плакать.

— Вотъ собачьему сыну счастье!—качалъ головою слѣпецъ. — Паны его на ручкахъ носятъ... А—подумаешь—до чего мы, старци, дожили: у пановъ на рукахъ.

Слова эти, однако, сопровождались такою значительною улыбкой, что если бъ кто поймалъ ее, то очень-очень задумался бы надъ ея значеніемъ. Самъ онъ, хотя и прикрытый лохмотьями и обвѣшанный нищенскими торбинками, казался далеко не старымъ и, на первый взглядъ, довольно бодрымъ, а длинные съ рѣзкой просѣдью усы придавали ему мужественное выраженіе.

— А ты, дѣдъ, держись за мое плечо,—сказалъ Моше:—вотъ я и буду твоимъ поводатыремъ.

— О, Господи, до чего дошло, — умилялся слѣпецъ:—паны у старцивъ поводатырями стали.

Они направились къ городу. Впереди шли дѣвушки, а за ними остальная трупа въ сопровожденіи Голіаѳа, который уже не гонялся за птич-

ками, а шелъ солидно, держась поближе къ Моше и недовѣрчиво иногда косясь на слѣпца.

— А откуда вы идете?—спросилъ Моше.

— Изъ-за Тыкича, паночку,—отвѣчалъ слѣпецъ.

— Изъ Звенигородки?

— Нѣтъ, поближе тутъ, съ одного хуторка.

— А что слышно тамъ у васъ?

— Про что, паночку?

— Про гайдамаковъ ничего не слыхать?

— Э! да гдѣ тамъ, паночку, гайдамаки! Недавно вашъ панъ Гонта такого имъ прочухана задалъ, такого чосу, что не скоро опомнятся, вражьи дѣти.

— Да, правда,—подтвердилъ Моше:—одного изъ нихъ у насъ въ субботу на колъ посадили.

— Посадили-таки?—спросилъ слѣпецъ какимъ-то страннымъ голосомъ.

— Посадили.

— А кого, паночку? Какъ звали его?

— Чудно такъ: Розбій-Глекъ.

— Розбій-Глекъ?—слѣпецъ чуть замѣтно дрогнулъ.—Ну, и какъ же посадили его на колъ?

— Самъ сѣлъ.

— Самъ! Ахъ, Господи!

— Да еще и трубку на колу закурилъ.

— Молодецъ, Харько, молодецъ! — точно противъ воли вырвалось у слѣпца.

— А ты его развѣ зналъ?—удивился Моше.

— Нѣтъ, паночку,—спохватился слѣпецъ:—слыхалъ, люди говорили... Страшный былъ розбишака...

Оба помолчали. Моше чувствовалъ, что лежавшая на его плечѣ рука слѣпца дрожала.

— А что, паночку,—снова заговорилъ послѣдній:—только одного этого гайдамаку поймали?

— Нѣтъ, пятерыхъ.

— Пятерыхъ... А что же съ остальными сдѣлали—повѣсили?

— Нѣтъ, ихъ выбрали себѣ въ мужья уманскія дѣвчаты.

— И они согласились?

— Еще бы не согласиться! Висѣлица, колъ, или брачная постель: есть изъ чего выбирать.

— А Розбій-Глека развѣ ни одна дивчина не выбрала?

— Выбрала одна, да онъ самъ не захотѣлъ.

Снова помолчали. Вотъ сейчасъ и городъ.

— Може, паночку, вы утомились? — заговорилъ опять нищій слѣпецъ. — Дайте я понесу хлопьятко: у меня руки здоровыя, только очи Богъ отнялъ.

— Я не усталъ,—отвѣчалъ молодой еврей.

— Ну, какъ не устать, паночку! Дайте я понесу, а то соромъ будетъ по городу идти: панъ несетъ на рукахъ хлопа, собачьяго сына, жебрака,—настаивалъ слѣпецъ.

Моше, наконецъ, уступилъ. Но когда онъ передавалъ мальчика на руки слѣпцу, случилось нѣчто неожиданное.

Голіаѳъ, остановившійся вмѣстѣ съ прочими, почему-то взглянулъ въ лицо слѣпцу—и съ страшной злобой бросился на него, уцѣпившись зубами въ лохмотья нищаго. Умная собака, чутьемъ подозрѣвавшая что-то неладное въ поведеніи слѣпца, теперь увидѣла, что мнимый слѣпецъ—вовсе не слѣпой:—Голіаѳъ поймалъ обманъ въ осмысленномъ, лукавомъ взорѣ, который бросилъ на собаку, вѣроятно, ошибкой, въ минутной забывчивости, мнимый слѣпецъ, принимая изъ рукъ Моше къ себѣ на руки своего поводатыря. Этотъ моментъ уловила умная собака и съ яростью бросилась на обманщика. Слѣпецъ догадался, что нечаянно выдалъ себя; но онъ сразу сообразилъ, что собака не выдастъ его—она не умѣетъ говорить. Съ трудомъ могли оттащить Голіаѳа отъ его жертвы. Но истиннаго смысла сцены никто не могъ понять: тайна слѣпца осталась тайной, только не для Голіаѳа...

Сильною рукою слѣпецъ взялъ мальчика, словно перышко, и загадочно улыбнулся.

— Ишь, вражій песъ! — сказалъ онъ: — думаетъ, что я отнималъ у васъ хлопьятко силой,—ну, и накинулся на меня, какъ на злодія.

Они продолжали путь тѣмъ же порядкомъ и вошли въ городъ, когда уже стемнѣло.

— Какъ же намъ быть теперь съ хлопчикомъ? — снова заговорилъ слѣпецъ.—И кто меня доведетъ до Игната?

— До какого Игната?—спросилъ молодой Когенъ.

— До Игната Богатаго; онъ меня знаетъ и пуститъ къ себѣ на ночь,—отвѣчалъ слѣпецъ.

— А! да Игната Богатаго всѣ въ городѣ знаютъ,—сказалъ Моше:—онъ у насъ давно войтомъ.

— Вотъ къ нему-то мнѣ и надо бы.

— Ну, до войта и я доведу тебя, онъ недалеко отъ насъ.

— Спасибо, паночку ласкавый... А какъ же съ хлопчикомъ-то?

— Хлопчикъ у насъ переночуетъ: матушка полѣчитъ его.

— А за это пускай дѣдушка споетъ намъ свои думы, — неожиданно вмѣшалась въ разговоръ Сара:—мама очень любитъ „невольницкій плачъ“, да и мы всѣ любимъ.

— Добро, добро, милая паняночка,—улыбнулся слѣпецъ. — По голосочку слышу, хоть и не вижу, что оно, дивча-паняночка, еще совсѣмъ молоденькое.

— Ну!.. ужъ мнѣ тринадцатый годъ!—протестовала юная дѣвица.

— Охъ, лишечко! уже тринадцатый! — разсмѣялся слѣпецъ: — почти совсѣмъ большая панночка.

Скоро всѣ очутились около лавки Когеновъ. Старая Лія сидѣла на крылечкѣ, а около нея нѣсколько сосѣдокъ съ дѣтьми: день былъ воскресный, и всѣ наслаждались теплымъ весеннимъ вечеромъ.

Увидѣвъ приближающихся дѣтей, а съ ними слѣпого нищаго съ ребенкомъ на рукахъ, Лія сначала даже испугалась не случилось ли чего съ ся „дѣвочками“. Но Сара весело подбѣжала къ ней.

— Ахъ, мама!—защебетала она:—онъ (она указала на слѣпца) обѣщалъ намъ спѣть „невольницкій плачъ“.

— Да гдѣ вы его взяли? — удивилась старая Лія. — А что съ его хлопчикомъ?

— Его гадюка укусила въ ногу, а Моше немножко помогъ ему и обѣщалъ, что ты вылѣчишь хлопчика, и дѣдушка споетъ намъ казацкія думы.

Слѣпецъ низко поклонился и опустилъ своего мѣхоношу на землю, у крыльца.

— Будьте здоровы, люди добрые!—сказалъ онъ: — съ праздничкомъ, со святою недѣлею.

— Дай и вамъ, Боже, щобъ усе було гоже,—отвѣчали бабы-сосѣдки.

Лія была очень сердобольная женщина, и тотчасъ же, по просьбѣ дѣтей, которыхъ она обожала, приняла сердечное участіе въ укушенномъ мальчикѣ. Она велѣла Рахили принести изъ кухни теплой воды, съ помощью кухарки тутъ же, на крыльцѣ, при свѣтѣ огарка, обмыла раненую ногу, достала въ лавкѣ какую-то цѣлебную мазь, лѣкарственныя свойства которой извѣстны были ей одной, намазала на чистую тряпочку, приложила къ ранѣ и тщательно забинтовала ногу.

— Завтра же, хлопчику, ты и ходить будешь,—сказала она.—А есть у тебя мать?

— Нѣтъ, пани ласкава, онъ круглый сиротка, — отвѣчалъ за мальчика слѣпецъ.

— Онъ, мама, у насъ ночуетъ,—вмѣшалась Сара:—а дѣдушку Моше отведетъ къ войту.

— Хорошо, дѣточки, хорошо,—согласилась добрая Лія.

— А теперь дѣдушка пускай споетъ намъ „невольницкій плачъ“, — не унималась юная любительница казацкихъ думъ.

— Добро, добро, хорошая панночка, спою, — улыбнулся слѣпецъ: — только не мѣшало бы горло промочить.

— Чѣмъ?—наивно спросила Сара.

— Чѣмъ, паночка ласкава? Да водицею изъ той криницы, что стоитъ у васъ въ пляшкѣ на полици.

— А!.. водкою,—догадалась Сара.—Принести, мама?

— Принеси, принеси, дѣточка.

Сара моментально скрылась въ лавкѣ, и черезъ минуту водка была

принесена. Юная „панночка“ сама налила довольно объемистый стаканъ и сама подала слѣпцу. Тотъ выпилъ и крякнулъ.

— У! да и добра же оковита, отъ добра!.. Ну, теперь я и заплачу съ моею бандурою.

VIII.

Невольницкій плачъ.

Слѣпецъ досталъ свою бандуру, которая висѣла у него за плечами вмѣстѣ съ нищенскими „торбинками“, опустился на землю, поджавъ ноги по-турецки, и сталъ настраивать свой нехитрый инструментъ. То онъ натягивалъ колышки со струнами, то опускалъ, перебирая пальцами по струнамъ и прислушиваясь къ ихъ меланхолическому „ладу“.

Всѣ обступили его. Даже Голіаѳъ, сидя на заднихъ ногахъ и откинувъ въ сторону косматый хвостъ съ впившимися въ него репьями, не сводилъ глазъ съ бандуры, точно изъ нея долженъ былъ выскочить заяцъ.

Бандура налажена. Пальцы слѣпого артиста осторожно стали перебирать струны, тогда какъ пальцы другой руки то прижимали, то опускали „лады“ едва замѣтно скользя по нимъ. Выходила грустная-грустная мелодія, дававшая чувствовать, что гдѣ-то въ душѣ уже накипаютъ невыплаканныя слезы.

Послышался глубокій вздохъ—вздохъ наболѣвшаго сердца. Но это былъ не вздохъ, а предголосокъ, похожій на тихій стонъ... За стономъ послышались слова, тихія, словно шопотъ молитвы: пѣлось о томъ, какъ на Черномъ морѣ, на бѣломъ камнѣ, въ полону турецкомъ, на турецкой галерѣ, бѣдные невольники въ три ряда посажены, да по-два и по-трое другъ къ дружкѣ прикованы, а руки ихъ сыромятными ремнями за спинами скручены...

Глухая бандура слѣпца говорила все внятнѣе и жалостливѣе, а тихій шопотъ молитвы все болѣе и болѣе переходилъ въ сдержанный плачъ, въ задушаемое рыданіе. Слышалось, какъ въ груди пѣвца все болѣе и болѣе накипали слезы—вотъ-вотъ онѣ выльются со стономъ, съ задавленной болью...

Кругомъ все замерло въ глубокомъ молчаніи. Всѣ, казалось, ждали взрыва этихъ стоновъ, этихъ задушаемыхъ рыданій...

Но голосъ пѣвца смолкъ, оборвался, и только струны подъ бѣглыми пальцами продолжали плакать, какъ бы готовясь къ взрыву, къ крику истерзанной души.

Всѣ ждутъ продолженія, словъ, новыхъ жалобъ; но пѣвецъ молчитъ— слезы, казалось, сдавили ему горло. А живыя струны все плачутъ, тихо, безмолвно плачутъ.

И вдругъ странный слѣпецъ вскидываетъ голову, пальцы быстрѣе заходили по струнамъ, бандура глухо застонала, и вмѣстѣ съ этимъ стономъ застонали слова „невольницкаго плача“: въ этомъ плачѣ пѣлось, какъ въ Свѣтлое воскресенье не сизые орлы заклекотали, а бѣдные без-

счастные невольники въ тяжкой неволѣ рыдали, на колѣни упадали, кандалами „брязчали“, Господа милосерднаго просили-благали...

— Мати Божа!—раздался чей-то сдержанный стонъ.

Всѣ оглянулись... Въ сторонѣ стояла дѣвушка и ломала руки.

— Бѣдная Катря! Это она убивается объ своемъ женихѣ,—тихо сказала одна сидѣвшая тутъ женщина:—ея жениха Карпа прошлымъ лѣтомъ татары въ полонъ взяли, и онъ наказывалъ, чтобъ его выкупили съ каторги, а выкупить его нечѣмъ...

Слушателей все болѣе и болѣе собиралось вокругъ. А бандура все тренькала, надрывая всѣмъ душу.

Юная Сара уткнулась въ плечо матери и тихо плакала. Утирала слезы и старая Лія. Ей чудилось, что это плачутъ *ихъ* невольники, гдѣ-то тамъ, въ невѣдомомъ Египтѣ, въ Цоанъ-Танисѣ, гдѣ-то тамъ, на рѣкахъ вавилонскихъ, и что это не бандура тренькаетъ, а гусли, что висятъ на деревьяхъ... *Ихъ* пророки ослѣплены, какъ вотъ и этотъ нищій.

- Бѣдная Катря!—повторило нѣсколько голосовъ.

— Да развѣ жъ одинъ Карпо въ турецкой неволѣ? А сколько тамъ другихъ!.. О, Господи!

Бандура совсѣмъ умолкла, точно всѣ струны ея разомъ оборвались; но слушатели чего-то ждали. Рахиль, сидѣвшая около матери въ глубокой задумчивости, очнулась, казалось, отъ сна.

— Развѣ ужъ все?—тихо проговорила она.

Сара, отклонившись отъ лица матери, утирала слезы. Миріамъ, стоя въ темнотѣ рядомъ съ Моше и не сводя глазъ съ одной звѣздочки у горизонта, чувствовала нѣжное пожатіе чьей-то руки... Она знала, чья это рука, и сердце ея сладостно замирало.

— Развѣ ужъ весь „плачъ?“—спросила Сара.

— Нѣтъ, панночка, не весь, — отвѣчалъ слѣпецъ: — только у меня опять въ горлѣ пересохло.

Сара догадалась и снова принесла „пляшку“ и стаканъ. Слѣпецъ выпилъ.

— Вотъ бы такой доброй горѣлки да бѣднымъ невольникамъ!—сказалъ онъ, вытирая рукавомъ усы.

— Ну, что жъ дальше, дѣдушка?—спросила Сара.

— А дальше, ясна панночка, невольники Бога благали, чтобъ ихъ изъ неволи высвободили.

— Ну, какъ же?

Слѣпецъ опять сталъ молча перебирать струны своей бандуры. Струны опять тихо и жалобно заговорили. Всѣ съ затаеннымъ дыханіемъ снова стали прислушиваться къ давно знакомымъ, но вѣчно дорогимъ звукамъ.

За этой нѣмой прелюдіей послышались молитвенныя слова „плача“: „Подай намъ, Господи, съ неба частый дождикъ, а снизу — буйный вѣтеръ: пускай бы встала на Черномъ морѣ лютая буря, — можетъ быть, она посрывала-бы якори у турецкой галеры-каторги: такъ намъ эта ту-

рецкая-бусурманская каторга надоѣла, желѣзныя кандалы ноги порастирали, бѣлое тѣло казацкое молодецкое до желтыхъ костей посрывали"...

Слѣпецъ игралъ и пѣлъ удивительно. Нехитрый, бренькающій инструментъ его и голосъ, казалось, дѣйствительно молились и плакали. Въ нихъ слышались и завыванья вѣтра, и шумъ морскихъ волнъ, и лязгъ цѣпей, и вопли невольниковъ. Столѣтіями создавалась эта потрясающая мелодія, столѣтіями страданій; въ основу этой мелодіи легли слезы несчастныхъ матерей, овдовѣвшихъ женъ, осиротѣлыхъ дѣтей. Въ этой мелодіи—цѣлая трагическая исторія украинскаго народа.

А старой Ліи въ этой мелодіи слышалась исторія *ея* народа: это *онъ* плачетъ на берегахъ мутнаго Нила, на рѣкахъ вавилонскихъ, на берегахъ Тахо, Мансанареса, Гвадалквивира, на берегахъ Днѣпра, Синюхи, Тыкича... А теперь—эти страшныя ожиданія...

А вокругъ пѣвца все гуще и гуще собиралась толпа слушателей. Половина улицы была запружена народомъ. Каждому хотѣлось послушать своего, родного. Это уже были не „веснянки".

— Матинко моя, якъ-же-жъ жалибно спива! — слышался женскій шопотъ.

— А бандура, бачъ, сестрице, такъ и плаче, такъ и плаче.

А Миріамъ чувствуетъ, какъ чья-то рука все нѣжнѣе и нѣжнѣе жметъ въ темнотѣ ея руку. Она готова плакать вмѣстѣ съ невольниками, но только отъ счастья...

А голосъ слѣпца все крѣпчалъ и крѣпчалъ. Взволнованные до глубины души слушатели сами перенеслись въ тотъ невѣдомый и страшный край, гдѣ невольники, съ протертыми до „желтой кости" турецкимъ желѣзомъ руками и ногами, взывали къ милосердому Богу о спасеніи, о ниспосланіи вѣтра на проклятую галеру—мѣсто ихъ каторги. Слушатели, казалось, сами видѣли, какъ „паша турецкій, басурманскій, недовѣрокъ христіанскій", ходя по рынку и слыша плачъ невольниковъ, на своихъ янычаръ злобно кричалъ, чтобъ они каждый набирали по три пучка колюбаго терновника и красной таволги и, ходя по рядамъ невольниковъ, били бы трижды по одному мѣсту. И янычары били бѣдныхъ невольниковъ, такъ били, что—

Тѣло бѣлое казацкое молодецкое отъ желтой кости оббивали,
Кровь христіанскую неповинно проливали.

Всѣ эти ужасныя картины въ смутныхъ образахъ носились передъ глазами зачарованныхъ слушателей, а старой Ліи казалось, что это жестокіе египетскіе „мацаи", слуги фараоновъ, истязали колючимъ терновникомъ и красною таволгою *ея* соотечественниковъ за дѣланіемъ кирпичей для пирамидъ и другихъ построекъ фараоновъ.

Но, казалось, вся улица дрогнула, когда раздались послѣднія строфы „невольницкаго плача". Въ голосѣ слѣпца слышалось столько муки, а бандура стонала такъ, что вотъ-вотъ, кажется, разорвется съ послѣднимъ аккордомъ.

„Дума“ рыдала такими словами:

Стали бѣдные невольники на себѣ кровь христіанскую замѣчать,
Стали землю турецкую, вѣру бусурманскую клять-проклинать:
„Ты, земля турецкая, вѣра бусурманская,
Ты разлука христіанская!
Не одного ты разлучила мужа съ женою,
Брата съ сестрою,
Дѣтокъ маленькихъ съ отцомъ и „маткою“....

И, въ заключеніе, слѣпецъ, вставъ съ земли и выпрямившись во весь ростъ, поднялъ свои слѣпые глаза къ темному, усѣянному звѣздами небу и молитвенно возгласилъ подъ плачущіе звуки бандуры:

Вызволи, Господи, всѣхъ бѣдныхъ невольниковъ
Изъ тяжкой неволи турецкой,
Изъ каторги бусурманской—
На тихія воды,
На ясныя „зори“,
Въ тотъ край веселый,
Въ тотъ міръ крещеный,
На святорусскій берегъ
Въ города христіанскіе!

Послѣднія, заключительныя строфы выразились особенно отчетливо: онѣ вылились въ тихомъ речитативѣ, словно бы это была въ самомъ дѣлѣ молитва, и многіе изъ слушателей, дѣйствительно, перекрестились съ глубокою набожностью.

— Да, мама, это плачъ на рѣкахъ вавилонскихъ,—тихо сказала Рахиль, наклоняясь къ матери.

— Правда, милая: ты точно угадала мои мысли,—такъ же тихо отвѣчала старая Лія.

Многіе, казалось, очнулись отъ забытья и удивленно осматривались; иныя женщины и дѣвушки утирали слезы.

— А хлопчикъ давно спитъ,—засмѣялась юная Сара:—бѣдненькій!

Въ это время невдалекѣ послышался конскій топотъ, и вскорѣ въ темнотѣ вырисовались двѣ конныя фигуры.

— Прочь съ дороги, хлопство!—послышался молодой мужской голосъ.

— Осторожнѣе, панъ Стась, — отвѣчалъ на это мелодическій женскій голосъ:—какъ бы панъ не раздавилъ яку кобѣту.

— Нѣхъ!—небрежно возразилъ мужской голосъ.—Я вижу—это хлопство собралось вокругъ слѣпого жебрака. Какъ эти глупые хлопы любятъ слушать своихъ бандуристовъ! Пфэ!

И всадники скрылись въ темнотѣ.

— Это панна Вероника Младановичувна,—сказала Рахиль:—я видѣла—она каталась за городомъ вмѣстѣ съ молодымъ Рогашевскимъ.

— Панна Младановичувна?—неожиданно спросилъ слѣпецъ.

— Да, дочь нашего губернатора,—отвѣчала старая Лія:—красавица! такая краса!

— Краса, краса,—задумчиво произнесъ слѣпецъ.—Женская краса — утренняя роса: солнце встало—и нѣтъ ея...

Миріамъ почувствовала, что кто-то до боли сжалъ ея руку...

IX.

Неистовства гайдамаковъ въ Жаботинѣ.

Что же происходило послѣ того, какъ Ефраимъ Когенъ, предупрежденный своимъ наймитомъ Хомою о томъ, что вмѣстѣ съ панами и ксендзами рѣшено „рѣзать и жидовъ", поспѣшно уѣхалъ въ Умань изъ Лебедина?

Когда толпа разобрала ножи, предводители возстанія, преимущественно бывшіе запорожцы или вольные гайдамаки, съ Максимомъ Желѣзнякомъ во главѣ, занялись приведеніемъ въ возможный порядокъ нестройнаго ополченія: толпа подѣлена была на сотни; сотнямъ розданы заранѣе приготовленные значки на длинныхъ древкахъ; отдѣлили вполнѣ вооруженныхъ и конныхъ отъ безоружныхъ или вооруженныхъ только ножами, а то просто дубьемъ, косами, вилами или обожженными на концахъ, въ видѣ пикъ, кольями.

Но ополченіе не тотчасъ двинулось въ походъ. Честолюбіе Желѣзняка, воображавшаго себя вторымъ „батькомъ Хмельницкимъ", не позволило ему выступить во главѣ всякаго сброда, разныхъ босоногихъ и ободранныхъ гулякъ, безъ красиво и представительно подобраннаго отряда. Вполнѣ вооруженныхъ запорожцевъ и казаковъ у него было слишкомъ мало.

— Намъ соромъ идти съ одною голотою,—говорилъ онъ приближеннымъ.

— И то соромъ, батьку Максиме,—подтвердили приближенные:—соромъ будетъ и ляхамъ показаться.

— А коли такъ, то ѣдемъ заразъ же въ Медвѣдовку до пана Квасневскаго за „лестровыми" (реестровыми) казаками.

Но панъ Квасневскій, начальникъ чигиринскаго казачьяго гарнизона, узнавъ объ „освященіи ножей", тотчасъ же съ семействомъ бѣжалъ въ городъ Крыловъ подъ защиту русскихъ властей.

И вотъ Желѣзнякъ съ небольшимъ отрядомъ отправляется къ реестровымъ казакамъ, покинутымъ своимъ начальникомъ.

— Что, панове,—обратился къ нимъ Желѣзнякъ: —будете вы съ нами биться или нѣтъ?

Реестровые казаки тотчасъ же присоединились къ Желѣзняку.

Въ теченіе трехъ сутокъ формировалось ополченіе и только на четвертый день двинулось по направленію къ Черкасамъ.

Впереди всѣхъ ѣхалъ Желѣзнякъ. Буланый красивый конь выступалъ подъ нимъ гордо, увѣренно: умная лошадь всегда понимаетъ, кого везетъ, и гордится своимъ сѣдокомъ. А буланому коню, дѣйствительно, было чѣмъ

гордиться. Издали кричалъ яркостью своего цвѣта красный, „кармазинный“ жупанъ Желѣзняка, обшитый золотымъ галуномъ. Высокая изъ сѣрыхъ барашковъ „смушковая“ шапка съ краснымъ верхомъ картинно свѣсилась на бокъ, „на бакирь“. Широкій шалевый поясъ обхватывалъ его крѣпкій гибкій станъ. За поясомъ пистолетъ блисталъ своею серебряною, цареградской работы, ручкою. У лѣваго бока висѣла массивная кривая сабля. Желтые сафьянные сапоги съ серебряными „острогами“ (шпорами) дополняли картинный нарядъ будущаго *in spe* великаго гетмана Украины обѣихъ сторонъ Днѣпра.

Желѣзняку было лѣтъ за сорокъ. Это былъ полный, круглолицый, красивый, небольшого росту, но широкоплечій богатырь, сильно загорѣлый, съ сѣрыми, нѣсколько стоячими глазами. Небольшіе русые усы и длинный чубъ, закинутый за ухо,—вотъ вся наружность вождя гайдамаковъ.

За нимъ по два въ рядъ ѣхали конники, казаки и запорожцы, съ копьями-„ратищами“ и съ двойчатыми значками: одна половина значка бѣлая, а другая красная, потомъ значки желтые съ чернымъ, красные съ синимъ и т. д. За конными шли пѣшіе—только съ ножами да съ кольями. Шествіе замыкали возы табора съ „погоничами“ и собаками. Въ числѣ простыхъ „погоничей“ былъ и Хома, бывшій наймитъ Когеновъ. Онъ шелъ около своего воза съ ножемъ за поясомъ и съ длиннымъ, гладко заостреннымъ и обожженнымъ коломъ. Это былъ парубокъ лѣтъ двадцатипяти, высокій, плечистый, съ черными крутыми бровями и добрыми синими глазами.

Но тутъ случилось маленькое происшествіе, разомъ выдвинувшее нашего добродушнаго Хому.

Одинъ конникъ, почему-то нѣсколько поотставшій, торопился впередъ и наткнулся на Хому, который шелъ около своего воза.

— Геть съ дороги, жидивскій попыхачъ!—крикнулъ конникъ, и ударилъ Хому нагайкой.

Они поссорились еще раньше, при разборѣ ножей.

— А!—закричалъ Хома, почувствовавъ ударъ нагайки:—такъ ты вонъ какъ: драться!—Стой же, вражій сынъ, помѣряемся по-казацки.

И онъ загородилъ коннику дорогу.

— На герць *), собачій сынъ!—крикнулъ Хома, поднявъ свой колъ:—на герць съ жидовскимъ попыхачемъ!

Конникъ остановился и направилъ на своего пѣшаго противника коня и остріе копья, стараясь конемъ затоптать его и проколоть копьемъ. Легкій какъ кошка, Хома сдѣлалъ прыжокъ въ сторону, и въ одно мгновенье вонзилъ свой острый колъ подъ лѣвый сосокъ нападающаго. Ударъ былъ такъ силенъ, что конникъ свалился наземь, обливаясь кровью. Всѣ сбѣжались на эту неожиданную схватку. Хома стоялъ блѣдный, безмолвный, дико блуждая глазами.

---

*) Герць—джигитовка, поединокъ.

Конникъ былъ мертвъ. Лошадь его бѣжала.

Къ мѣсту происшествія подъѣхалъ Желѣзнякъ съ нѣсколькими приближенными. Хома, къ которому воротилось присутствіе духа, смѣло объяснилъ главѣ ополченія, что они бились честно „на герць"; что обиженный, котораго безъ всякаго съ его стороны повода ударили нагайкой и обозвали „жидивскимъ попыхачемъ", защищалъ казацкую честь; что „жидивскими попыхачами" можно назвать всѣхъ казаковъ, потому что почти всѣ, находящіеся здѣсь, служили у жидовъ—то на винокурняхъ, то на „броварняхъ", то по шинкамъ; что даже, наконецъ, и паны ляхи — такіе же „попыхачи" у богатыхъ жидовъ, какимъ и онъ былъ „у доброго Когена".

Всѣ нашли, что „хлопецъ" правъ, что онъ поступилъ „полицарськи", защищая казацкую честь,—и Желѣзнякъ порѣшилъ:

— Возьми жъ ты, хлопче, его коня, збрую и одежу, и будь козакомъ коло мене: не давай на поругу козацьку честь. А собакѣ — собачья и смерть,—заключилъ онъ, указывая на мертваго конника.

Ополченіе двинулось дальше, и Хома Незачипа,—какъ его прозвали послѣ случая съ убитымъ имъ конникомъ,—наряженный въ богатое, хотя нѣсколько окровавленное платье убитаго, на его-же и конѣ, со значкомъ въ рукѣ, ѣхалъ уже въ первыхъ рядахъ конницы. Трудно было въ этомъ красивомъ всадникѣ узнать недавняго наймита Когеновъ.

Ополченіе приближалось къ Медвѣдовкѣ. Тамъ, по случаю праздника, была ярмарка, на которую съѣхалось множество народа изъ окрестныхъ селъ. Развѣвавшіяся въ воздухѣ знамена и значки, пыль, поднятая двигавшимися массами лошадей съ всадниками, пѣшими и таборомъ изъ возовъ,—все это не могло не произвести переполоха въ собравшемся на ярмаркѣ народѣ. Всѣ бросились спасаться. Но Желѣзнякъ приказалъ успокоить бѣглецовъ и самъ ихъ успокоивалъ.

— Не бойтесь, люди добрые,—говорилъ онъ оторопѣлымъ:—мы васъ не тронемъ. Гуляйте себѣ и торгуйте.

Все, что могло запастись ножомъ, коломъ, всё, что жаждало поживы,—все пошло за Желѣзнякомъ.

Но кровь еще не лилась... Однако, скоро, скоро должна была и кровь политься...

Изъ Медвѣдовки гайдамаки двинулись дальше. На пути имъ лежалъ Жаботинъ, мѣстечко, принадлежавшее князьямъ Любомирскимъ. Жаботинскими городовыми казаками командовалъ Мартынъ Бѣлуга, а губернаторомъ былъ полковникомъ Вичалковскій, намѣстникъ князей Любомирскихъ. Жаботинскіе казаки уже знали о приближеніи гайдамаковъ, и едва они показались въ виду укрѣпленій, какъ Мартынъ Бѣлуга тотчасъ арестовалъ губернатора и вывелъ навстрѣчу къ гайдамакамъ, которые, при помощи мѣстной команды, немедленно овладѣли городомъ и замкомъ и уже распоряжались на рынкѣ.

Губернатора повели вдоль рынка съ тѣмъ, чтобъ народъ объявилъ,

какъ и чѣмъ были они притѣсняемы и обижаемы какъ самимъ Вичалковскимъ, такъ и другими панами. Жалобщики не заставили себя ждать.

— Панъ губернаторъ! ляхъ проклятый!—раздавались голоса.

— Дармограй! Дармограй!—неслись возгласы съ другого конца рынка.

Это народъ привѣтствовалъ своего любимца, стараго кобзаря-импровизатора, по имени Илько Дармограй. Дармограй былъ калѣка-безногій, и ѣздилъ въ небольшой телѣжкѣ, которую возилъ нѣмой Юрко, шестнадцатилѣтній внукъ кобзаря. Дармограй потерялъ ноги въ крымской неволѣ. Находясь на турецкой галерѣ, закованный въ ножныя кандалы, онъ до того перетеръ ноги желѣзомъ, что раны загнили, и несчастному отрѣзали обѣ ноги. Впослѣдствіи запорожцы, напавъ на Кафу, освободили много своихъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ и безногаго Дармограя.

— А ну, диду, заспивай намъ новенькои!—закричали жаботинскіе казаки, увидавъ своего безногаго импровизатора.

Дармограй тотчасъ же настроилъ свою бандуру, заигралъ и запѣлъ:

Ой Бѣлуга Мартынъ Жаботинскій да по рыночку ходитъ,
Своего пана губернатора за собою водитъ,
И, водячи со собою, нѣтъ-нѣтъ да и скажетъ:
„Не одного теперь ляха голова поляжетъ“...

— Добре! добре! правду каже Дармограй!—закричали нѣкоторые изъ гайдамаковъ:—на ляховъ, панове!

— На жидовъ! на христопродавцовъ!—подхватили другіе.

И вотъ съ этого момента полилась кровь: разъ что произнесены были слова „ляхъ“ и „жидъ“—звѣрскому опьяненію уже не было конца. Прежде всего, толпа разбила шинки, выкатила бочки съ виномъ, перепилась, и началась рѣзня.

Разгромивъ и вырѣзавъ „до-ноги“ все, что было польскаго и еврейскаго въ Жаботинѣ, звѣри-люди запалили самое мѣстечко, и двинулись дальше, къ другому имѣнію Любомирскихъ, къ мѣстечку Смилой.

Дармограй слѣдовалъ за ополченіемъ въ обозѣ, сидя въ своей телѣжкѣ, привязанной къ одному возу. Дорогою онъ игралъ плясовую пѣсню и приговаривалъ:

— Танцуйте, дѣтки, чтобы просушить чоботы отъ панской и жидовской крови! танцуйте!

И вокругъ него шла бѣшеная пляска.

Смила была также разграблена и сожжена.

Въ нѣсколько дней пожаръ возстанія разлился по всѣмъ окрестностямъ. Населеніе вставало поголовно. Шли даже бабы, вооруженныя ухватами-„рогачами“. Собаки оставили свои дома и шли за обозомъ. За телѣжкой Дармограя слѣдовала и его собака, Рудько.

Но вотъ недалеко и Черкасы. Дѣти высыпали за городъ встрѣчать дорогихъ гостей. Желѣзнякъ, весело улыбаясь, закричалъ имъ:

— Здорово, сукачи!

— Здравствуй, панъ!—отвѣчали болѣе смѣлые.

— А что—вы еще не пашете?

— Нѣтъ, панъ.

— А мы уже начали пахать!—засмѣялся Желѣзнякъ, намекая на начало рѣзни.

Въѣхавъ въ городъ, Желѣзнякъ направился прямо къ замку. Ворота замковой башни были уже отворены. На замковой площади конные гайдамаки стали рядами.

— Съ коней!—скомандовалъ Желѣзнякъ, и гайдамаки, спѣшившись, поставили копья въ козлы, а лошадей привязали у коновязей.

Желѣзнякъ съ приближенными направился къ „палацу". Навстрѣчу ему вышли городовые казаки, сняли шапки. Снялъ свою и Желѣзнякъ, но тотчасъ же надѣлъ снова. Казаки оставались съ непокрытыми головами.

— Здорово, казаки!—обратился къ нимъ Желѣзнякъ.

— Здравствуй, батько атаманъ!

— А гдѣ вашъ атаманъ?—спросилъ Желѣзнякъ.

Атаманъ тотчасъ-же выбѣжалъ къ нему съ непокрытою головой. Желѣзнякъ тоже снялъ шапку. Они обнялись и поцѣловались.

— Просите же на постой, — сказалъ Желѣзнякъ, и атаманъ повелъ гайдамацкое начальство въ „палацъ".

— Ты что жъ нейдешь, Незачипа?—обратился Желѣзнякъ къ Хомѣ, стоявшему въ нерѣшительности: — кто такъ какъ ты умѣетъ защитить казацкую честь, тому мѣсто около меня.

Хома вспыхнулъ отъ неожиданности, и послѣдовалъ въ „палацъ".

— О!—заколотилось у него въ сердцѣ:—если-бъ теперь видѣла меня Рахиль... Но она еще увидитъ... Я не дамъ ея на поругу, не дамъ на поругу ея красы...

Пока начальство было въ „палацѣ", простые гайдамаки успѣли распорядиться по своему. Прежде всего, взята была „оранда"—винные склады,—источникъ гайдамацкаго вдохновенія; обручи съ бочекъ сбиты, и водка потекла ручьями.

— Панове! становись рачки—и пей!—кричали самые рьяные питухи.

И, дѣйствительно, пили на-четверенкахъ, какъ скотъ, прямо изъ бѣжавшихъ по землѣ ручьевъ.

— Пейте, дѣтки, — распоряжался Дармограй съ своей телѣжки: — только матню не мочите въ такомъ добрѣ.

— А у тебя, Пилипе, и чубъ пьетъ, — смѣялся одинъ гайдамакъ надъ другимъ, который такъ усердно пилъ изъ лужи водки, что у него съ головы свалилась шапка и чубъ купался въ лужѣ.

Женщины же, болѣе сообразительныя по части мелкой, обиходной экономіи, дѣлали изъ песку запруды, куда стекала водка, и черпали ее ковшами.

Послѣ водки полилась и кровь.

X.

Кровавый пиръ въ Лисянкѣ.

Скоро та же участь постигла Корсунь, Чигиринъ и Каневъ. Надъ послѣднимъ гайдамаки особенно свирѣпствовали за его упорное сопротивленіе. Каневъ имѣлъ укрѣпленный замокъ, пушки и сильный гарнизонъ изъ поляковъ, содержимыхъ базиліанами. Базиліаны-то, какъ столпы католицизма, ненавистнаго черни, и были объектомъ особеннаго звѣрства гайдамаковъ: они были всѣ захвачены и замучены. Ужасная смерть постигла и всѣхъ тамошнихъ евреевъ — беззащитныхъ страдальцевъ за чужіе грѣхи. Часть поляковъ, которыхъ не успѣли вырѣзать, заперлись въ замокъ, обнесенный тройнымъ частоколомъ. Гайдамаки натаскали къ частоколу соломы и зажгли: всѣ укрывавшіеся въ замкѣ сгорѣли живьемъ.

Пылало все кругомъ, повсюду лилась кровь. По селамъ звонили въ набатъ, давая знать звономъ отъ села до села.

Одновременно съ ополченіемъ Желѣзняка въ разныхъ мѣстахъ поднимались другія ополченія, которыя неистовствовали подъ начальствомъ атамановъ—Швачки, Неживого и Василія Шила. Послѣдній, Шило, особенно прославился своими кровавыми подвигами; о немъ разсказывали чудеса.

Въ то время, когда, послѣ разгрома Канева, Желѣзнякъ съ своимъ ополченіемъ отдыхалъ въ Богуславѣ, туда нагрянулъ Шило съ своей ватагой. Желѣзнякъ и Шило встрѣтились какъ старые знакомые, какъ союзники. Они обнялись и расцѣловались.

— Ну, что—побывалъ, братику, въ Умани?—спросилъ Желѣзнякъ.

— Былъ и медъ-вино пилъ,—отвѣчалъ Шило.

— Какъ же ты пробрался туда?

— А слѣпымъ бандуристомъ, съ хлопчикомъ поводатыремъ. Эхъ, братику Максиме!—воскликнулъ Шило:—какія тамъ жидовочки угощали меня изъ своихъ ручекъ!.. Такихъ я отъ роду не видѣлъ... На нихъ и моя рука не подниметея.

— А кто такія?—заинтересовался Желѣзнякъ.

— Богача Когена дочки—Рахиль да Сарка.

— Это того Когена, у котораго Хома Незачипа въ наймахъ служилъ?

— Я такого Хомы не знаю,—отвѣчалъ Шило.

Тотъ, о комъ говорили, стоялъ въ это время нѣсколько въ сторонѣ и разговаривалъ съ молодцами изъ отряда Шила.

— Эй, Хомо друже!.. ке сюды!—закричалъ ему Желѣзнякъ.

Хома подошелъ и почтительно остановился.

— Ты, хлопче, у Когена служилъ въ наймахъ въ Умани?—спросилъ Желѣзнякъ.

— У Когена, батьку отамане,—былъ отвѣтъ.

— А у него двѣ дочки красавицы—Рахиль и Сара?

Хома замѣтно поблѣднѣлъ, но старался скрыть волненіе.

— Такъ, батьку отамане—Рахиль и Сара, — отвѣчалъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.—А ,что?

— Да вотъ панъ Василій былъ у нихъ въ гостяхъ, и онѣ потчевали его изъ своихъ ручекъ.

Хома съ удивленіемъ посмотрѣлъ на страшнаго атамана. Какъ онъ могъ пробраться въ Умань? Какъ Рахиль могла угощать его? Молодой гайдамакъ не зналъ что и подумать, и сердце его сжалось.

— Развѣ Умань взята?—глухо спросилъ онъ.

— Ни ще, хлопче, а мы и ее возьмемъ,—отвѣчалъ Шило.

— Скажи, братику, товариству, чтобъ собирались идти на Умань,—начальническимъ тономъ сказалъ Желѣзнякъ молодому гайдамаку.

Хома повиновался, и молча ушелъ, унося бурю въ душѣ. — „Что-то будетъ?.. что-то будетъ?“—шепталъ онъ растерянно.

Что же дѣлалось въ это время,—спрашиваетъ авторъ спеціальной монографіи о „Гайдамачинѣ“,—въ остальной польской Украинѣ, куда еще не достигло зарево пожара, распущеннаго Желѣзнякомъ и разбрасываемаго въ разныя мѣста, въ видѣ горящихъ головней, другими шайками гайдамаковъ?

„Въ то время, когда Желѣзнякъ,—говоритъ полякъ, очевидецъ этого пожара, Липоманъ,—двигался все далѣе и далѣе, грабя и совершая убійства, когда въ цѣлой польской Украинѣ народъ пошелъ на бунты, на грабежъ и разбои, когда Желѣзнякъ, подвигаясь впередъ, обливалъ кровью путь своего шествія и когда потоки этой крови лились уже и по сторонамъ этого пути,— всѣ угрожаемые этимъ страшнымъ несчастіемъ надѣялись найти убѣжище въ мѣстахъ, вполнѣ обезопашенныхъ отъ гайдамаковъ,—именно въ Мисянкѣ, Умани и Бѣлой Церкви“.

Время показало, насколько были недоступны для нихъ Лисянка и Умань.

Поворотивъ изъ Богуслава на Умань,—говоритъ далѣе авторъ помянутой выше монографіи,—гайдамаки должны были на пути своемъ встрѣтить прежде всего Лисянку. Лисянка представляла для нихъ хорошую добычу. Это было наслѣдственное имѣніе князя Яблоновскаго, воеводы новогродскаго. Въ Лисянкѣ былъ каменный замокъ съ флигелями, которые вмѣстѣ съ главнымъ зданіемъ составляли четыреугольникъ. Въ самой серединѣ замокъ имѣлъ два этажа, одни ворота и два бастіона, возвышавшіеся на горахъ. Бастіоны съ желѣзными гаковницами (родъ пушекъ) могли оборонять всѣ стороны замка, потому что выстрѣлы съ бастіоновъ могли достигать очень далеко. Кромѣ того, замокъ былъ обнесенъ высокимъ дубовымъ палисадомъ и имѣлъ другія деревянныя ворота, также приспособленныя для охраненія замка. Въ замкѣ, для защиты его отъ непріятеля, имѣлось значительное число пѣшихъ казаковъ и достаточное количество аммуниціи. Въ это время находился тамъ прибывшій изъ волынскихъ имѣній князя Яблоновскаго коммиссаръ Хичевскій, который пріѣхалъ для обозрѣнія лисянской волости. Волость эта была въ то время

очень обширна и заключала въ себѣ, по произведенному тогда исчисленію, до 30.000 душъ. Хичевскій долженъ былъ собрать съ лисянской волости доходы и отвезти своему князю.

Желѣзнякъ, подвигаясь къ Лисянкѣ и увеличивая свою толпу, продолжалъ разглашать, что уже нѣтъ больше крестьянъ, что польская Украина, подобно заднѣпровской, одну только казацкую службу отбывать будетъ и что край этотъ попрежнему будетъ называться Гетманщиною.

Предшествуемые слухами о всеобщей волѣ, о снесеніи съ лица земли польскаго владычества, о возстановленіи казачества и Гетманщины, подвигались гайдамаки къ Лисянкѣ. Слухи эти загнали въ Лисянку нѣсколько сотъ человѣкъ дворянъ и евреевъ, искавшихъ тамъ спасенія жизни.

Гайдамаки, явившись въ Лисянку, нашли ее довольно крѣпко защищенною и, не надѣясь взять замка приступомъ, обратились къ обывателямъ самаго мѣстечка, разсчитывая при помощи ихъ уклониться отъ пушекъ, которыя смотрѣли на нихъ съ бастіоновъ лисянскаго замка. Они уговорили крестьянъ посовѣтовать начальству замка не оказывать имъ сопротивленія и тѣмъ не вызывать ихъ на кровопроліе. Главнѣйшіе изъ обывателей отправились къ замку и просили позволенія переговорить съ коммиссаромъ Хичевскимъ. Ихъ впустили въ замокъ. Лица эти, составлявшія какъ бы депутацію отъ мѣстечка, представляли Хичевскому, что всѣмъ находящимся въ замкѣ будетъ дарована жизнь и оставлено ихъ имущество, если замокъ добровольно сдастся. Впрочемъ,—добавляли они, — во всякомъ случаѣ сопротивленіе будетъ не только безполезно, но и опасно, потому что весь этотъ край долженъ быть вскорѣ на тѣхъ же правахъ, на какихъ былъ во время Гетманщины. Сами гайдамаки представлялися не какъ люди просто нападающіе на замокъ или бунтовщики, а какъ войско запорожское, творившее не свою собственную волю, а волю пославшаго ихъ. Страхъ или мнимые доводы депутаціи, или, наконецъ, сомнѣніе въ благопріятности исхода предстоящей борьбы, такъ подѣйствовали на Хичевскаго, что онъ приказалъ отворить ворота бунтовщикамъ. Гайдамаки ворвались въ замокъ и начали свои неистовства. Тутъ произошла оргія, страшнѣе и безобразнѣе всѣхъ, доселѣ совершенныхъ гайдамаками: неистовства, произведенныя въ Смилой, Черкасахъ, Медвѣдовкѣ и Каневѣ, были ничто въ сравненіи съ бѣшеною гульней въ Лисянкѣ.

Спаслось только нѣсколько человѣкъ, которые, одѣвшись „по-хлопску", успѣли бѣжать съ арестантами, которыхъ гайдамаки тотчасъ же выпустили изъ острога, лишь только ворвались въ замокъ... Спаслось также еще нѣсколько дворянъ, которымъ удалось укрыться между трупами. Ночью, когда упившіеся гайдамаки спали, въ увѣренности, что не осталось ни одного ляха, эти укрывшіеся между трупами спустились со второго яруса, случайно отыскавши веревки, и успѣли бѣжать къ знакомымъ поселянамъ. Большая часть изъ нихъ успѣли скрыться въ деревнѣ Сидоровкѣ, миляхъ въ трехъ отъ Лисянки, и тамъ ихъ припрятали добрые люди. Касса и все что было цѣннаго въ замкѣ—разграблено.

Ужасъ охватилъ все польское населеніе правобережной Украины. Но еще ужаснѣе было положеніе несчастныхъ евреевъ этихъ областей Польши. Поляки еще кое-какъ могли надѣяться на спасеніе, потому что могли находить защиту и въ укрѣпленныхъ замкахъ, куда ихъ охотнѣе пускали чѣмъ евреевъ, и между войсками конфедератовъ и, наконецъ, подъ крыломъ городовой милиціи, которой начальниками были свои же поляки. Но евреи оставались совершенно беззащитными: это были существа, за которыми, какъ за зайцами или лѣсными сернами, могъ охотиться всякій.

И кровь еврейская уже лилась — отъ Смилой до Лисянки, до порога костела францискановъ...

А впереди представлялись еще большіе ужасы—поголовное истребленіе всего еврейскаго племени въ странѣ, столь великодушно его пріютившей.

XI.

Постъ помилованія.

Время шло. Прошелъ почти весь май мѣсяцъ. Все, что могло бѣжать,—бѣжало. Но куда бѣжать?.. Гдѣ искать спасенья?

Оставалось одно убѣжище—Умань, ея укрѣпленія, замокъ съ артиллеріей, частоколы, глубокіе рвы вокругъ города и цѣлый полкъ городовой милиціи.

Исаакъ Когенъ, несмотря на обнадеживанія своего популярнаго родственника, апостола хасидизма раввина Іакова-Іосифа, съ каждымъ днемъ убѣждался, глядя изъ оконъ своего дома на двигавшіяся балагулы и телѣги съ бѣглецами, искавшими убѣжища въ Умани, что предстоитъ и уже творится нѣчто болѣе страшное, чѣмъ то, что предсказывалъ Іаковъ-Іосифъ. Въ памяти его невольно вставали воспоминанія о Хмельнищинѣ и другихъ взрывахъ народной ярости—кровавыя расправы съ евреями временъ Морозенки, Нечая, Павлюка и Кривоноса, когда въ одномъ Бэрѣ предано было смерти, пыткамъ и всевозможнымъ истязаніямъ болѣе 15,000 его соотечественниковъ, да столько же въ Немировѣ, въ Бердичевѣ, Погребищяхъ, Тульчинѣ, въ Умани и въ трехстахъ другихъ городахъ Украины, Подоліи и Волыни.

Въ тотъ день, когда Желѣзнякъ и Шило, послѣ кровавыхъ оргій въ Лисянкѣ, двинулись съ своими ордами къ Умани, у евреевъ, въ томъ числѣ и въ Умани, начался „постъ помилованія“, установленный въ память страшнаго избіенія евреевъ въ эпоху Хмельнищины. Обрядъ этотъ долженъ былъ совершаться каждый годъ, и совершался съ потрясающимъ драматизмомъ. Синагоги наполнялись народомъ, который съ воплями, раздирая на себѣ одежды, предавался мрачному поминовенію своихъ мучениковъ.

Исаакъ Когенъ, окруженный семействомъ въ траурныхъ одѣяніяхъ, отправился въ синагогу. Туда же слѣдовали толпы мѣстныхъ и бѣжав-

шихъ въ Умань изъ другихъ мѣстъ евреевъ. На всѣхъ лицахъ было уныніе и страхъ. Но дѣти Когена держали себя мужественно: всѣ три сына рѣшились дорого продать свою жизнь. Въ глазахъ Рахили тоже горѣла мужественная рѣшимость. Въ ея головкѣ созрѣлъ, повидимому, какой-то планъ. Она шла рядомъ съ Самсономъ.

— Скажи, пожалуйста, братъ, кто была Юдиѳь? — тихо спросила она.

— А развѣ ты не знаешь? Такая же какъ ты —еврейка,—отвѣчалъ Самсонъ.

— Что она была очень сильная?—продолжала Рахиль.

— Вѣроятно, если могла отрубить голову Олоферну.

— Отчего жъ она его не просто зарѣзала?

— Да оттого, что ей нужна была именно его голова. Да что тебѣ за дѣло до Юдиѳи?

— Такъ... вспомнилась она мнѣ... Вотъ если бъ теперь нашлась такая еврейская дѣвушка...

— Что жъ бы вышло изъ этого?

— Она бъ зарѣзала этого Желѣзняка.

Наивность сестры заставила его только улыбнуться.

— Ужъ не ты ли хочешь быть Юдиѳью?—пожалъ онъ плечами.

Но вотъ и синагога. Она биткомъ набита, такъ что Когены съ трудомъ добрались до своихъ мѣстъ, которыя они занимали уже много лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ построена синагога.

Послѣ первыхъ обрядовыхъ выходовъ и молитвъ началось „поминовеніе“.

Когда Рахиль, вмѣстѣ съ другими женщинами помѣстившаяся на хорахъ, взглянула внизъ, на всѣ эти головы, закутанныя бѣлыми „талесами“, ей представилось, что все это — мертвецы въ саванахъ. Ей стало страшно.

— Это ихъ... это насъ всѣхъ будутъ поминать заживо, — шевельнулась у нея въ душѣ.

Между тѣмъ раздался могучій, страстный голосъ кантора и точно трепетъ пробѣжалъ по синагогѣ.

— Боже милосердый, Сущій въ небесахъ! - плакалъ страстный голосъ. — Успокой души мучениковъ вѣрнаго народа Твоего — мучениковъ Немирова, Бердичева, Погребищъ, Тулоина, Пулина, Бара, Умани...

При словѣ „Умани“ послышались рыданія и вопли, заглушившіе слова и голосъ кантора. Слышно было, какъ нѣкоторые раздирали на себѣ одежды... Но голосъ кантора осилилъ эти вопли...

— Умани,—продолжалъ онъ,—Краснаго и трехсотъ другихъ городовъ Руси галицкой, Украины, Подоліи, Литвы и Волыни. Эти несчастныя жертвы были великіе учители, писатели, просвѣщенные служители Бога, отличные проповѣдники, посвятившіе всю свою жизнь изученію Твоего закона, Боже всесильный!

Отъ волненія голосъ кантора оборвался; но тѣмъ мучительнѣе разда-

лись рыданія и вопли. Головы, покрытыя бѣлыми „талесами“, раскачивались изъ стороны въ сторону точно отъ мучительной физической боли.

— Мужчины, жены, дѣвицы, младенцы—всѣ были умерщвлены!—плакалъ голосъ кантора.—Ихъ кровь текла ручьями. Но мученики не хотѣли измѣнять своему закону...

— И мы не измѣнимъ! — послышались страстные возгласы... Пусть тонутъ въ нашей крови наши мучители!

Голосъ кантора звучалъ далѣе среди этого могучаго протеста:

— „Богъ есть одинъ!“—восклицали они и падали подъ ножами убійцъ. Разбойники не щадили ни пола, ни возраста. Земля была усѣяна убіенными. Ихъ кровь дымилась какъ ѳиміамъ предъ алтаремъ Всемогущаго. О, Господи милосердый! упокой души мучениковъ сихъ, награди ихъ за ихъ испытанныя добродѣтели!

Между женщинами произошло смятеніе.

— Лія въ обморокѣ... Женѣ Когена дурно...

— Мама! мама! пойдемъ на воздухъ! — суетилась около матери Рахиль:—тебѣ дурно... выйдемъ!

Но внизу гремѣлъ общій гимнъ, еще болѣе потрясающій душу. Пѣли, вѣрнѣе—рыдали всѣ...

Послѣ окончанія „поминовеній“, трое старѣйшихъ и почетнѣйшихъ представителей еврейской общины, въ числѣ коихъ былъ и Исаакъ Когенъ, отправились къ губернатору, чтобы узнать отъ него—достаточно-ли обезпечена Умань отъ нападенія гайдамаковъ, которые успѣли уже раззорить нѣсколько городовъ и пролить столько крови.

Подойдя къ дому губернатора, еврейскіе старшины увидѣли Младановича на крыльцѣ. Онъ смотрѣлъ, какъ къ крыльцу конюхъ подводилъ двухъ прекрасныхъ осѣдланныхъ коней — одного подъ дамскимъ сѣдломъ. Младановичу было лѣтъ за пятьдесятъ. Это былъ бѣлокурый мужчина съ большою лысиною ото лба и длинными рыжеватыми усами съ подъусниками. Около него стояла стройная молодая дѣвушка въ амазонкѣ и съ хлыстикомъ въ рукѣ. Дѣвушка была блондинка съ сѣрыми лучистыми глазами подъ гордо вскинутыми тонкими бровями. Это была панна Вероника, дочь Младановича, впослѣдствіи оставившая записки объ „уманской рѣзнѣ“: это—будущая Вероника Кребсъ. Рядомъ съ нею стоялъ молодой человѣкъ въ высокихъ сапогахъ. Это былъ Рогашевскій.

— А!—тихо сказала Вероника, увидавъ подходящихъ еврейскихъ старѣйшинъ.—Ѣдемъ, панъ Стась.

И она потянулась къ отцу. Младановичъ поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Да не скачи безумно, какъ татаринъ,—ласково сказалъ онъ.

— А буду, татко, я такъ хочу,--капризно отвѣчала дѣвушка.

— Панъ Стась не позволитъ.

— Позволитъ, татуню,—панъ Стасикъ все мнѣ позволитъ и... себѣ,—хотѣла сказать рѣзвушка, но остановилась.

Она быстро сбѣжала съ крыльца, придерживая шлейфъ амазонки, и

панъ Стась помогъ ей сѣсть на сѣдло. Молодые люди выѣхали со двора.

— Прощай, татуню! — закричала Вероника. — Я поскачу прямо къ этимъ галганамъ гайдамакамъ, и, какъ Іоанна д'Аркъ, приведу плѣннымъ самого Желѣзняка.

Младановичъ только рукой махнулъ: —„Повѣса дѣвчонка!"

Евреи поклонились.

— А! почтеннѣйшій Когенъ съ мудрецами народа еврейскаго! — улыбнулся губернаторъ.—Добро пожаловать. Что хорошенькаго?

— Хорошаго ничего, кромѣ дурного, ясневельможный панъ, — отвѣчалъ Когенъ.

— Что такъ? Поднимайтесь сюда, на ганекъ.

Старѣйшины поднялись на крыльцо, собственно на крытую галлерею съ цвѣтами въ кадкахъ и горшкахъ и съ плетеными стульями.

— Садитесь, почтенные мужи, каждый подъ своею смоковницей, — продолжалъ развязно болтать безпечный панъ. — Что скажете вы, пришедшіе изъ земли ханаанской въ землю халдейскую? Такъ, кажется?

Когенъ и его товарищи сѣли.

— Мы, ясневельможный пане, сейчасъ изъ синагоги, — началъ Когенъ:—молились за убіенныхъ.

— За какихъ убіенныхъ? — спросилъ Младановичъ, и хлопнулъ въ ладоши. На порогѣ показался казачокъ въ ливреѣ Потоцкихъ. — Трубку, Ясь!.. Какіе же это убіенные?

— Тѣ, ясневельможный пане, что пали отъ руки злодѣевъ за страшные часы Хмельницкаго, и тѣ, что нынче мученически погибають отъ злодѣя Желѣзняка и его безбожной шайки.

— Мы молились, ясневельможный пане, и за нашъ городъ, чтобъ Всевышній отвратилъ бѣду отъ Умани, мы и объ этомъ просили Іегову, — пояснилъ другой, очень ветхій старецъ.

— О!—небрежно улыбнулся Младановичъ: — напрасно вы безпокоили вашего Іегову: мы и безъ его помощи обойдемся.

Отвѣтъ этотъ непріятно поразилъ посѣтителей. Казачокъ принесъ трубку. Младановичъ сталъ пускать клубы дыму.

— Я вотъ ихъ какъ!—и онъ махнулъ рукою на дымъ. — Вотъ какъ этотъ дымъ разгоню сволочь!

— Но, можетъ быть, ясновельможный панъ не все знаетъ,—возразилъ было Когенъ.

— Все знаю, все! Знаю, что дѣлалось и въ Черкасахъ, и въ Смилой, и въ Лисянкѣ... Это срамъ и позоръ! Хичевскій самъ отворилъ имъ замокъ— это позоръ на всю Польшу!—горячился Младановичъ.—У него было чѣмъ защищаться, а онъ какъ баба струсилъ! Ну, и досталось ему по заслугамъ! Подѣломъ, подѣломъ!

— А ясновельможный панъ надѣется побѣдить? — нерѣшительно спросилъ самый ветхій изъ старѣйшинъ.

— Надѣется! Да у меня одинъ Гонта съ своею только сотней каждый годъ ихъ какъ зайцевъ травитъ,—горячился Младановичъ.

— Но вѣдь теперь ихъ идутъ тысячи... у нихъ пушки,—возразилъ Когенъ.

— Тысячи!.. Да это все свинопасы съ кольями... А у меня—посмотрите! (Младановичъ указалъ рукою на разстилавшійся внизу городъ)—у меня надежная защита, солидная, слово гонору! Посмотрите: мы, какъ кольцомъ змѣи, обведены высокимъ, прочнымъ дубовымъ палисадомъ, объ который любые зубы обломаются. Надъ этой оградой, какъ два грозныхъ стража, высятся двѣ неприступныя башни, черезъ которыя только и можно пробраться въ нашу неприступную Трою. Но ужъ деревяннаго-то коня мы не впустимъ къ себѣ, нѣтъ! не пустимъ!—весело разсмѣялся своему каламбуру губернаторъ Умани.—Да у насъ найдутся и свои Гекторы, и Ахиллесы, и свои Патроклы, — найдутся! У нашего Ахиллеса, у Гонты, —я знаю, — нѣтъ уязвимой пятки, нѣтъ, слово гонору! Наши башни вооружены пушками, солидными пушечками, чортъ возьми! А сколько артиллерійскихъ принадлежностей, сколько картечи! Пусть попробуютъ подлые хлопы этого чугуннаго гороху. Положимъ, ихъ подлые желудки выросли на горохѣ, но моего гороху и они не переварятъ — ха-ха-ха! — не переварятъ!.. Трубку, Ясь!

Казачокъ снова выскочилъ какъ маріонетка.

— Подай чистый чубукъ... Да, не переварятъ! Не забудьте, что мои башни оберегаются благороднымъ шляхетствомъ: все это рыцари чистой крови, рыцари съ головы до пятокъ, до каблука! Мои башни господствуютъ надъ всею пригородною мѣстностью, — пусть-ка сунутся! А рвы кругомъ города, а валъ, а острогъ... Да я эту сволочь—horribile dictu! — я ее сотру съ лица земли. А этотъ замокъ, который вы видите?.. эти каменные магазины и службы? Это — вторая крѣпость—крѣпость въ крѣпости— status in statu, чортъ возьми! И этотъ status, этотъ мой Капитолій тоже обведенъ палисадомъ и валомъ. На верхнемъ ярусѣ магазина — третья башня съ бойницами, да еще какія бойницы! Мнѣ и гусей — ха-ха-ха! — не нужно, чтобы спасти мой Капитолій: я и безъ гусей выполню роль Манлія Капитолійскаго! Не забудьте, почтенные потомки Іисуса Навина, остановившаго солнце, что у меня, такъ сказать, въ карманѣ — конный полкъ изъ двухъ тысячъ казаковъ; мои молодцы встрѣтятъ свинопасовъ за десять верстъ до Умани, и какъ Югурту приведутъ ко мнѣ скованнымъ Желѣзняка, чтобы я его посадилъ на колъ. Вонъ гдѣ его мѣсто! Посмотримъ, закуритъ ли онъ у меня на колу трубку, какъ закурилъ его предмѣстникъ на этомъ—ха-ха-ха!—очень шаткомъ и остромъ тронѣ. Кромѣ того, у меня есть до ста человѣкъ надворной пѣхоты подъ начальствомъ храбраго капитана Лепарда... Ясь! трубку!—эта плохо курится...

— Наконецъ,—закуривъ новую трубку, продолжалъ Младановичъ: — у меня въ городѣ двѣсти храбрыхъ конфедератовъ, отборнѣйшее войско нашей славной Рѣчи Посполитой. А мои „лизни"? Да это великолѣпные

стрѣлки! Они — слово гонору — на лету бьютъ ласточку; куриное яйцо, брошенное въ воздухъ, разбиваютъ пулей, почти не цѣлясь. А вотъ и Ахиллесъ нашей неприступной Трои! — воскликнулъ Младановичъ (почтенный панъ нѣсколько путалъ исторію, считая Ахиллеса троянскимъ героемъ).

Къ крыльцу подходилъ сотникъ Гонта.

XII.

„Удивительная раса“!

Между тѣмъ, панна Вероника и молодой Рогашевскій весело неслись по звенигородской дорогѣ по направленію къ Грекову лѣсу. Навстрѣчу имъ постоянно попадались фуры, коляски, нетычанки и балагулы съ бѣглецами, спѣшившими въ Умань подъ защиту тамошнихъ укрѣпленій.

— Несчастные! — говорила Вероника, глядя на озабоченныя лица бѣглецовъ: — вѣдь скоро и въ Умани для нихъ мѣста не хватитъ: всѣ улицы города и площади заняты обозами и имуществомъ. Бѣдные!

— У панны доброе сердце! — тихо замѣтилъ Рогашевскій, украдкою любуясь своею хорошенькой спутницей амазонкой, у которой отъ быстрой ѣзды матовыя щеки покрылись нѣжнымъ румянцемъ и сѣрые лучистые глаза какъ бы почернѣли.—Паннѣ всѣхъ жаль—даже жидовъ.

— Ахъ, панъ! Какъ вамъ не стыдно говорить это:—*даже* жидовъ!— вспыхнула дѣвушка:—это „даже“—возмутительно! Посмотрите, какіе они жалкіе, особенно эти бѣдные, у которыхъ много дѣтей. Я не говорю о нашихъ Когенахъ и имъ подобныхъ: этихъ защитятъ ихъ богатства. Но бѣдные! — ихъ обидитъ каждый хлопъ. А не правда ли, панъ, какъ хороша старшая дочь Когена, Рахиль?

— Гм... панна знаетъ, что черныя—не въ моемъ вкусѣ.

— А почему панъ полагаетъ, что мнѣ извѣстны его вкусы? — вскинула Вероника свои оживленные глаза на спутника.

Рогашевскій замялся и кольнулъ своего коня шпорами. Конь заметался. Но отвѣчать на вопросъ нужно было.

— Почему же брюнетки не во вкусѣ пана?—настаивала панна.

— Вѣроятно, потому, что я самъ брюнетъ, — нашелся, наконецъ, Рогашевскій.

— Красота не въ масти, — улыбнулась Вероника, — а въ чемъ-то иномъ. Клеопатра, по всей вѣроятности, была сильная брюнетка, а и Антоній, и Цезарь не избѣгли ея чаръ.

— Да то Клеопатра, египтянка, а это — израелитка, а израелитки никогда не были въ моемъ вкусѣ. Вотъ сыновья Когена такъ красавцы. Надѣюсь, панна Вероника на этотъ разъ согласна со мною?

— На этотъ разъ согласна,—снова улыбнулась панна.

Они проѣхали нѣсколько молча.

— О чемъ панъ задумался?—спросила Вероника, скользнувъ взоромъ по лицу своего спутника.

— Я думаю о сочиненіи панны, которое она была такъ любезна — довѣрила мнѣ прочесть,—отвѣчалъ Рогашевскій.

— О какомъ сочиненіи?

— А объ этомъ граціозномъ эскизѣ, который панна озаглавила „Что вспомнилось".

— Почему же этотъ набросокъ, эта шутка, или скорѣе — шалость, капризъ пера—привлекаетъ мысли пана?

— Панна ошибается въ своей авторской скромности, —горячо возразилъ Рогашевскій: — если это набросокъ, капризъ, то капризъ Рубенса, миніатюра Тиціана — столько задушевной искренности, столько тепла и дѣвственной чистоты... И это первое сочиненіе панны?

— Да, если не считать классныхъ, школьныхъ сочиненій.

— У панны безспорно талантъ.

— Панъ слишкомъ снисходительный критикъ.

— Нѣтъ, панна Вероника, я не критикъ, потому что я не имѣю счастья быть писателемъ, хотя я вдвое старше панны; но я—внимательный читатель, и думаю, что изъ панны выйдетъ блестящая писательница, и имя ея будетъ славно. Панна не станетъ отрицать, что это пишетъ почти ребенокъ, дѣвочка семнадцати лѣтъ, только что бросившая учебники, и между тѣмъ какими граціозными чертами она изобразила это первое проявленіе, на балу, дѣвственнаго чувства къ молодому человѣку именно потому, что онъ не похожъ на всѣхъ другихъ, что его складъ ума — не обыденный, не ходячій. И потомъ это неумирающее чувство симпатіи, благодарности къ тому, кто первый возбудилъ, скорѣе—разбудилъ въ дѣвочкѣ спавшую въ зародышѣ женщину, хотя впослѣдствіи она искренно полюбила своего мужа. Это—панна согласится со мной —психологическая тонкость.

Вероника слушала молча. Рогашевскій остановился было въ нерѣшительности, но вскорѣ продолжалъ:

— Мнѣ кажется, дорогая панна, что надо самому пройти эту первую стадію пробуждающагося сердца, чтобъ такъ глубоко захватить сюжетъ, какъ захватила панна, и я полагаю,—онъ остановился.

— И панъ Стась полагаетъ, что я прошла эту „первую стадію", какъ онъ выражается?— разсмѣялась Вероника.

Рогашевскій замялся, и ничего не отвѣчалъ. Вероника замѣтно покраснѣла.

— Но вѣдь Дантъ не былъ лично въ аду,—сказала она,—а умѣлъ же изобразить и его ужасы, и страданія грѣшниковъ. Можно не проходить ни „первой", ни слѣдующихъ „стадій" пана, чтобъ изобразить душевное состояніе людей въ извѣстномъ нравственномъ капканѣ, въ какой иногда попадаетъ сердце человѣка: для этого есть книги, развивающее чтеніе и, наконецъ, собственная книга, собственный учебникъ—голова и сердце.

Голова—это самый лучшій учебникъ ad usum delphini и ad usum такой дѣвочки, какова я, по понятію пана.

— И панъ Рафаилъ ничего не знаетъ о сочиненіи панны?—спросилъ Рогашевскій послѣ небольшой паузы.

— Ни татко, ни строгая cicoiunia Będzińska ничего не знаютъ и не подозрѣваютъ.

— Тѣмъ больше я долженъ цѣнить честь, оказанную мнѣ панной, — любезно поклонился Рогашевскій.

— Что тутъ за честь!—разсмѣялась Вероника: — панъ Стась знаетъ всѣ глупости, какія продѣлывала съ дѣтства, когда ѣздила на немъ верхомъ, „маленькая гайдамачка", какъ онъ же называлъ меня, и теперь я и эту шалость продѣлала съ нимъ, показавъ ему свое рукописное наѣздничество въ чуждую для меня недосягаемую область—литературу.

Панъ Стась хотѣлъ было обидѣться на свою хорошенькую спутницу, но раздумалъ: „все же она довѣрчивѣе со мною, чѣмъ со всѣми, а это—залогъ чего-то большаго",—сообразилъ онъ.

Между тѣмъ обозы съ бѣглецами постоянно двигались мимо нашихъ всадниковъ, поднимая страшную пыль.

— Ахъ, какъ пылятъ эти жиды! — брезгливо сказалъ Рогашевскій, отворачиваясь въ сторону.—Нигдѣ отъ нихъ мѣста не найдешь.

— Какъ пану не стыдно это!—возмутилась панна Вероника: — они, навѣрное, бѣгутъ отъ смерти, бросили свои дома, свое хозяйство на произволъ разбойничовъ; они не знаютъ, гдѣ голову преклонить; они, быть можетъ, голодны; а намъ, празднымъ и сытымъ, не нравится, что они пылятъ! Удивляюсь, какъ безсердечны эти мужчины, а еще увѣряютъ, что у нихъ нѣжныя чувства, что они умѣютъ любить. Вздоръ! Тотъ не умѣетъ любить, кто не умѣетъ жалѣть несчастныхъ.

— Но панна знаетъ, что они не всегда несчастны,—возразилъ панъ Стась.—А чуть имъ повезетъ—они дѣлаются нахальными.

— Не съ паномъ ли?

— Посмѣютъ они! Нѣтъ—съ хлопами.

— А хлопы съ ними болѣе, чѣмъ нахальны—жестоки.

— Хлопъ—все же хозяинъ въ своей землѣ; а они—пришельцы.

Вероника подъѣхала къ одной балагулѣ, нагруженной всякимъ домашнимъ скарбомъ. Оттуда выглядывало нѣсколько дѣтей. Еврей и еврейка шли рядомъ съ балагулой.

— Откуда вы, добрые люди?—спросила дѣвушка.

— Изъ Звенигородки, паненка ласкава,—отвѣчалъ еврей, снимая шапку.

— А что слышно о разбойникахъ?—спросилъ панъ Рогашевскій.

— Ахъ, паночку ласковый! они все жгутъ и грабятъ... Лисянку въ пепелъ обратили... А сколько крови—ай-вей! сколько крови!

— Гдѣ жъ они теперь?—спросила Вероника.

— Говорятъ, что идутъ сюда... Похваляются Умань взять,—о, Господи!

— Не бойтесь, добрые люди, — мой отецъ защититъ васъ всѣхъ, —

сказала Вероника ласково. — Видите, мы ничего не боимся, не бойтесь и вы. У насъ крѣпость и войско.

— Но говорятъ, паненка ласкова, что онъ, Желѣзнякъ, подсылалъ своего атамана Шило къ вашимъ казакамъ и что будто бы сотникъ вашъ Гонта заодно съ гайдамаками,—шопотомъ проговорилъ еврей.

— Гонта! это вздоръ!—воскликнула Вероника:—онъ меня маленькую на рукахъ носилъ.

— Дай-то Богъ!—возвела глаза къ небу еврейка.—Хлопы такъ болтали на рынкѣ... Намъ показывали и хлопчика, который будто бы проводилъ въ Умань Шило—будто бы слѣпого бандуриста.

Вероника вспомнила, что около мѣсяца тому назадъ, когда она съ Рогашевскимъ возвращалась съ гулянья, то около лавки Когеновъ они, дѣйствительно, видѣли слѣпого кобзаря, распѣвавшаго казацкія думы, и около него спавшаго мальчика-поводатыря. Не это ли былъ Шило?.. Но Гонта?.. Не можетъ быть!

— Вздоръ! вздоръ!—сказала она громко. — Можетъ быть, этотъ негодяй Шило и былъ въ Умани подъ видомъ слѣпого кобзаря, но чтобы Гонта былъ съ нимъ заодно — никогда не повѣрю! Я на Гонту также готова положиться какъ на своего отца. Онъ меня, маленькую, все „козой-дерезой“ пугалъ.

И Вероника весело разсмѣялась и продекламировала голосомъ пугающей дѣтей козы:

Я коза-дереза
Полъ-бока луплена,
За три копы куплена,
Тупу, тупу ногами,
Сколю тебя рогами...

— И я, глупенькая, боялась этой козы... Нѣтъ, Гонта нашъ. Счастливаго пути,—сказала она и поскакала дальше.

Лошадь ея гулко отбивала копытами по сухой землѣ тактъ галопа, а дѣвушка вторила этому такту:

Тупу-тупу ногами,
Сколю тебя рогами,
Хвостикомъ вымету,
Ножками на дворъ вынесу.

— Такъ мы и Желѣзняка съ его гайдамаками „хвостикомъ выметемъ, ножками на дворъ вынесемъ“,—заключила она.

Когда они потомъ, послѣ довольно продолжительнаго катанья за городомъ, возвращались домой, имъ попались навстрѣчу Самсонъ Когенъ и Рахиль. Вероника пріостановила своего коня.

— День добрый, милая Рахиль!—сказала она привѣтливо.

И Рахиль и Самсонъ поклонились.

— Какъ поживаете? А отца вашего я видѣла сегодня у насъ,—продолжала Вероника.—Всѣ у васъ здоровы?

— Благодарю васъ, добрая панна,—скромно отвѣчала Рахиль. — Мы всѣ здоровы, только это общее бѣдствіе...

— Ничего, милая Рахиль, намъ нечего бояться, да мы и другихъ спасемъ. А кстати—скажите: былъ у васъ съ мѣсяцъ тому назадъ слѣпой кобзарь?—спросила Вероника.—Мы съ паномъ Рогашевскимъ видѣли его около вашей лавки.

— Да, былъ,—отвѣчала Рахиль. — Мы его встрѣтили за городомъ, около Грекова лѣса. Онъ съ маленькимъ хлопчикомъ шелъ въ Умань, но хлопчика укусила гадюка. Мы тамъ рвали цвѣты, и услыхали крикъ мальчика. Братъ Ефраимъ помогъ ему, а онъ не могъ отъ боли ступать на ногу, то Ефраимъ и самъ слѣпецъ донесли его до нашей лавки, и мама вылѣчила мальчика, а слѣпецъ за это спѣлъ намъ „невольницкій плачъ"; потомъ Ефраимъ отвелъ его къ войту, къ Богатому.

— А теперь, милая Рахиль, говорятъ, будто бы это былъ не слѣпой кобзарь, а переодѣтый атаманъ Желѣзняка, по имени Шило, и что будто бы онъ приходилъ подговаривать Гонту — пристать къ гайдамакамъ. Но я этому не вѣрю,—говорила Вероника, вся раскраснѣвшись: — Гонта намъ никогда не измѣнитъ, хоть подошли къ нему десять Шилъ. Но вы потомъ не видали этого слѣпца?

— Мы сами не видѣли,—отвѣчала Рахиль:— но братъ Ефраимъ видѣлъ, когда на другой день отводилъ къ войту того хлопчика, который ночевалъ у насъ. А гдѣ потомъ дѣвался слѣпецъ—мы не знаемъ.

— Ну, все это вздоръ,—заключила Вероника. — Гонта не такой человѣкъ... Прощайте!

И она пришпорила лошадь и поскакала. За нею послѣдовалъ и Рогашевскій.

— Не правда ли—красавица Рахиль? — оборотилась на скаку Вероника.

— Да, если то находитъ панна, — отвѣчалъ ея кавалеръ. — Но что Самсонъ красавецъ — это несомнѣнно: это настоящій Самсонъ — въ немъ что-то библейское.

— Да—и могучее, и обаятельное... Удивительное племя! Не вырождается ни подъ какими солнцами, ни подъ какими ударами... Непостижимое племя! Если-бъ я не была полька, я бы жалѣла, что я – не еврейка. Непостижимая раса!

Вероника вдругъ придержала свою лошадь.

— Осторожнѣе, панъ, какъ бы не раздавить дѣтей, — сказала она спутнику.

На улицѣ играли ребятишки. Тутъ были и еврейскія дѣти, и польскія, и украинскія.

Вероника и Рогашевскій разсмѣялись и поѣхали дальше.

— Вотъ изъ этихъ пахолятъ и выйдутъ впослѣдствіи гайдамаки,—замѣтила какъ бы про-себя дѣвушка.—Но меня вотъ что поражаетъ,—заговорила она, немного помолчавъ: — замѣтилъ панъ лица этихъ играющихъ дѣтей?

— А что, панна?—спросилъ Рогашевскій.

— Какая печать чистоты расы лежитъ на личикахъ еврейскихъ дѣтей! Вѣдь они родились здѣсь же, гдѣ родились и эти хохлята, — подъ этимъ же далеко не палестинскимъ солнцемъ; росли они большею частью въ нищетѣ, въ грязи валялись, питались скудно — хлѣбомъ да чеснокомъ большею частью, не мытыя, не чесаныя. И при всемъ томъ—что у нихъ за глаза, какой блескъ, какая ясность взора! А чистая матовая кожа—вѣдь, это точно изваяніе, античный мраморъ, потемнѣвшій отъ времени. Эта античная смуглота — прелестна. А правильность чертъ какая изумительная: эти словно изъ мрамора точеные носики, эти пышныя губки, античные лбы, античный, тонко очерченный профиль. А еврейскія дѣвочки—онѣ восхитительны! И рядомъ съ ними — эти хохлята. Ростутъ они въ сравнительномъ довольствѣ, питаются въ изобиліи, никто ихъ не обижаетъ; то же украинское солнце смотрѣло въ ихъ колюбели, какъ и въ жалкія колюбели еврейскихъ дѣтей. И при всемъ томъ ни природа, ни исторія не выработали на ихъ лицахъ даже профиля: носы большею частью картофелиной, кожа нечистая, часто угрястая и лупящаяся, глаза— безъ блеска, безъ выраженія. Ну, и какъ, чѣмъ панъ все это объяснитъ?

Рогашевскій только рукою махнулъ — „фантазерка... милая энтузіастка“,—подумалъ онъ, но ничего не сказалъ.

XIII.

Младановичъ и Гонта.

Наступалъ іюнь мѣсяцъ. Какъ ни былъ Младановичъ увѣренъ въ своей безопасности и неприступности управляемаго имъ города, однако, вновь прибывавшія толпы бѣглецовъ заставили и его задуматься. За городъ онъ не боялся; но что дѣлать съ бѣглецами, которые уже не вмѣщались въ городѣ, а должны были становиться таборомъ у Грекова лѣса? Всѣ они пришли искать спасенія у него, у пана Рафаила Деспота Младановича. Эти робкія овцы хотятъ укрыться подъ его рыцарскимъ щитомъ. Шляхетская честь требовала, чтобъ онъ прикрылъ робкихъ своимъ щитомъ. А какъ ихъ прикроешь за городомъ, въ полѣ, въ этомъ безобразномъ таборѣ?

— Слово гонору! надо подумать, посовѣтоваться... но съкѣмъ? Конечно, съ Ахиллесомъ моей Трои—съ Гонтой, хоть я далеко не достигъ почтенныхъ лѣтъ Пріама—я такъ еще ловко танцую мазура.

Такъ думалъ Младановичъ, шагая по галлереѣ своего дома между кадками цвѣтовъ. Онъ остановился передъ кадкою съ лавровымъ деревомъ.

— Vae victis!—пробормоталъ онъ. — Изъ этихъ зеленыхъ листьевъ гордаго лавра моя цуречка своими нѣжными пальчиками сплететъ вѣнокъ, и я возложу его на голову побѣдителя.

Онъ снова зашагалъ по галлереѣ.

Гей, Ясь! трубку!—Выскочилъ казачекъ уже съ готовой трубкой.— Послать гайдука за сотникомъ Гонтою.

Панъ Гонта у ясневельможной пани,—отвѣчалъ казачокъ.

Позвать его ко мнѣ, да вели подать венгржина и два келишка.

Черезъ нѣсколько минутъ на галлереѣ показался Гонта, а за нимъ слуга внесъ подносъ съ венгерскимъ и стаканами.

— А—пане Гонто! ты ухаживаешь за моими дамами?—пошутилъ губернаторъ Умани.—Но ты не Парисъ, а непобѣдимый Ахиллесъ.

— Я зашелъ къ ясновельможной пани губернаторовей, чтобъ посовѣтоваться о нашихъ бѣдныхъ овечкахъ, — отвѣчалъ Гонта, почтительно кланяясь.

— О какихъ бѣдныхъ овечкахъ?—спросилъ Младановичъ.

— О тѣхъ, что прибѣжали укрыться отъ Желѣзняка подъ могучимъ крыломъ ясновельможнаго пана.

— О! да ты, пане Гонто, угадалъ мою мысль: я сейчасъ о томъ же думалъ и велѣлъ-было послать за тобой, когда узналъ, что ты самъ здѣсь. Слово гонору, это счастливый знакъ.

Гонта снова почтительно поклонился.

— Я всегда привыкъ думать съ моимъ мудрымъ повелителемъ заодно, а тутъ мнѣ подсказало сердце.

— Какъ же ты полагаешь?

— Я полагаю, ясневельможный пане, что намъ было бы унизительно ждать къ себѣ въ гости этихъ лайдаковъ.

— Именно, именно: rationem habes, domine Gonto.

— И еще унизительнѣе допустить ихъ обидѣть тѣхъ несчастныхъ, которые прибѣгли подъ высокую руку ясневельможнаго пана.

— Вполнѣ справедливо, optime. Какъ же намъ поступить?

— Я полагалъ бы, если это угодно ясневельможности, приказать нашему полку встрѣтить лайдаковъ въ полѣ, далеко отъ Умани, и...

— Venire, videre et vincere? Прійти, увидѣть и побѣдить? Ха-ха-ха!

— Всеконечно—побѣдить и на колъ посадить...

— Ха-ха-ха! Я завидую тебѣ, пане Гонто, и желалъ бы быть на твоемъ мѣстѣ.

— Для ясневельможнаго пана это было бы унизительно.

— Какъ? почему унизительно?

— Конечно, такому вельможному пану унизительно стать противъ нихъ *)!

— Пожалуй, ты и правъ, — согласился Младановичъ — quod licet bovi...—онъ спутался и не договорилъ; но Гонта во всякомъ случаѣ не понялъ его комической ошибки.

---

*) Вероника Младановичъ, впослѣдствіи pani Krebsowa, въ оставшихся послѣ нея запискахъ объ „уманской рѣзнѣ“ свидѣтельствуетъ, что Гонта прекрасно говорилъ по-польски.

— Если-бъ это былъ Суворовъ,—о! тогда панъ еще могъ-бы помѣряться съ нимъ силами.

Имя Суворова и его военная слава уже проникли тогда въ Польшу, и Гонта зналъ, чѣмъ польстить самолюбивому шляхтичу.

— О! ты мнѣ льстишь, пане Гонта,—замѣтилъ Младановичъ.—Такъ ты думаешь выступить противъ гайдамаковъ?

— Какъ прикажетъ панъ.

— Я такъ и думалъ. Самъ согласишься со мной, я думаю, что было-бы противно моей рыцарской чести не защитить своею грудью тѣхъ, у которыхъ теперь только я и остался.

Младановичъ подошелъ къ столику, на которомъ стоялъ поднось съ венгерскимъ и стаканами, и наполнилъ оба стакана старымъ венгржиномъ. Одинъ стаканъ онъ подалъ Гонтѣ.

— За успѣхъ экспедиціи противъ лайдаковъ!—сказалъ онъ, поднимая свой стаканъ.

— Да здравствуетъ ясновельможный панъ Рафаилъ Деспотъ Младановичъ!—съ своей стороны возгласилъ Гонта.

Они чокнулись. Въ глазахъ Гонты сверкнулъ зловѣщій огонекъ.

— Ясь, трубку!—хлопнулъ въ ладоши Младановичъ.

Въ это время сзади галлереи, въ саду, послышался отчаянный кошачій крикъ и дѣтскій смѣхъ.

— Павлусь! что это вы дѣлаете, негодныя дѣти! — прикрикнулъ съ галлереи женскій голосъ.

— Это мы, цецюню, гайдамаковъ вѣшаемъ, — отвѣчалъ дѣтскій голосъ.

— Ахъ вы негодники! бросьте ихъ!—протестовалъ женскій голосъ.

— Да эти гайдамаки сыръ покрали,—не сдавался мальчикъ.

Младановичъ и Гонта пошли полюбопытствовать — что тамъ творится. Скоро они увидѣли, что въ саду, подъ грушею, стояли два мальчика: Павелъ десятилѣтній, сынъ Младановича, и такой-же сынишка уманскаго казначея Рогашевскаго, братъ пана Стася, и на веревкахъ вздергивали на грушу двухъ котятъ.

— Что ты дѣлаешь, разбойникъ Павликъ?—засмѣялся Младановичъ.

— Мы, татуню, гайдамаковъ вѣшаемъ, — бойко отвѣчалъ избалованный мальчикъ.

— Павлусь вѣшаетъ Желѣзняка, а я атамана Шило,—пояснилъ другой шалунъ.

— Бросьте ихъ... не мучьте,—настаивалъ Младановичъ.

— Да они, татуню, сыръ поѣли,—упрямился Павликъ.

Въ саду появилась Вероника, и мальчики убѣжали. Дѣвушка освободила котятъ отъ веревокъ.

— Негодные мальчики!—ворчала она.—Ужъ эти мужчины! Жалости въ нихъ нѣтъ... Бѣдные котятки.

Младановичъ и Гонта воротились къ своему венгржину.

— Такъ какъ же мы примемся за дѣло, пане Гонто? — заговорилъ опять Младановичъ.

— Пусть ясневельможный панъ прикажетъ собраться всему нашему полку, какъ бы на popis (на смотръ). Потомъ объявить о выступленіи противъ злодѣевъ. Мы, полковая старшина — полковникъ Обухъ и Магнушевскій, и всѣ сотники, съ знаменами, отправимся въ церковь, прослушаемъ молебенъ, батюшка благословитъ насъ крестомъ, покропитъ знамена святою водою, ясневельможный панъ скажетъ ободряющую рѣчь...

— О! я скажу, непремѣнно скажу! — воодушевился добрякъ губернаторъ.—Я скажу: quousque tandem abutere...

— Намъ ясневельможнаго пана не учить краснорѣчію, — поддакнулъ хитрый хохолъ.

— Скажу, скажу, это очень ободряетъ... Ясь, трубку!

Младановичъ исполнилъ все, какъ совѣтовалъ ему Гонта. Полкъ выступилъ въ походъ.

Вслѣдъ за уходомъ полка, — говоритъ авторъ монографіи „Гайдамачина",—новыя толпы поляковъ и евреевъ стекались въ городъ, убѣгая изъ губерній лисянской, звенигородской, бѣлоцерковской, смилянской и другихъ мѣстъ, гдѣ уже свирѣпствовали гайдамаки, добивая, дограбливая и сожигая все, что осталось тамъ. Число этихъ бѣглецовъ до того увеличилось, что городъ не могъ уже принимать ихъ къ себѣ, и они должны были становиться таборомъ вблизи города, котораго, однако запереть нельзя было, такъ какъ въ немъ не было воды и за нею обыкновенно ѣздили версты за три къ ручью, называемому Каменка, гдѣ теперь находится знаменитый садъ Потоцкихъ—Софіевка. Къ этому табору прибывали новыя массы, искавшія спасенья отъ смерти. Иждивеніемъ Потоцкаго въ Умани устроены были школы, которыми завѣдывали базиліане, и въ школахъ этихъ было до четырехъ-сотъ студентовъ. Начальникъ школъ, съ титуломъ ректора, ксендзъ Ираклій Костецкій, въ виду грозившей городу опасности, велѣлъ прекратить ученье и позволилъ не только студентамъ, но и профессорамъ уѣхать изъ города. „Но куда они могли уѣхать, — спрашиваетъ Липоманъ,—когда со всѣхъ мѣстъ люди искали спасенья въ Умани?" Тѣ, которые были въ таборѣ, за городомъ, везли все, что у нихъ было цѣннаго, въ городъ и отдавали на сохраненіе Младановичу и ксендзу Костецкому.

Страшные слухи росли, между тѣмъ, съ каждымъ часомъ. Толпы бѣглецовъ не переставали прибывать къ городу и тѣмъ увеличивать страхъ, который началъ уже тревожить и тѣхъ, кои сидѣли въ Умани за башнями и крѣпкими палисадами. Страхъ переходилъ въ ужасъ, и Младановичъ нашелъ необходимымъ запереть городъ, несмотря на недостатокъ воды въ то жаркое лѣтнее время. Въ городѣ вырыли было глубочайшій колодезь,

прорыли до двухъ-сотъ сажень глубины, но воды не нашли даже на этой глубинѣ.

Но вотъ на таборъ какъ бы упала ужасная вѣсть, будто Гонта вошелъ въ сношеніе съ Желѣзнякомъ и дѣйствуетъ съ нимъ за одно. Послѣдняя надежда, слѣдовательно, пропадала, и спасенія уже не было ни откуда. Нѣсколько почтенныхъ особъ явилось изъ табора къ губернатору, и передали ему эту страшную вѣсть, говоря, что узнали ее отъ преданныхъ имъ поселянъ, которые завѣряли, что „Гонта измѣнилъ, что онъ — сообщникъ Желѣзняка, того самаго, который получилъ благословеніе въ лебединскомъ монастырѣ и который былъ главою смилянскаго мятежа“. Эти дворяне просили губернатора, чтобъ онъ принялъ какія-нибудь мѣры для своего спасенія и для защиты города, чтобы онъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ, для предупрежденія несчастія, могущаго разразиться надъ ними, вызвалъ Гонту, и, при помощи магдебургскаго права, лишилъ бы его жизни немедленно: „Мой отецъ,—говоритъ Вероника Кребсова,—отвѣчалъ, какъ слѣдовало въ подобномъ случаѣ благородному человѣку; но Гонтѣ съ другими сотниками приказалъ явиться къ нему“. Сотники немедленно явились, и тогда Младановичъ, вызвавъ изъ табора значительное число обывателей, вышелъ съ ними и съ сотниками на рынокъ и обратился къ Гонтѣ съ такими словами:

— Пане Гонто! мнѣ доносятъ, что ты въ заговорѣ съ Желѣзнякомъ. Я этому не хочу вѣрить. Если ты теперь пользуешься столькими благодѣяніями отъ нашего пана (Потоцкаго), то чего можешь ожидать еще, когда имѣнія его спасешь отъ бунта, поднятаго Желѣзнякомъ!

Говорятъ, что Гонта съ удивительнымъ краснорѣчіемъ оправдывалъ себя отъ этого обвиненія, и когда говорилъ о своей благодарности къ Потоцкому, то плакалъ. „Надо было слышать (прибавляетъ въ своихъ запискахъ Вероника Кребсъ), какъ онъ защищался!“—Гонтѣ написали особую присягу и дали, чтобъ онъ прочиталъ ее, потому что онъ умѣлъ и читать и писать. Гонта потребовалъ, чтобы его къ этой присягѣ приводили публично и торжественно. Желаніе его исполнили. Изъ трехъ церквей вышли священники обоихъ исповѣданій, капелланы и ректоръ базиліанъ, ксендзъ Костецкій, въ полномъ облаченіи, съ крестомъ, евангеліемъ и хоругвями. Вмѣстѣ съ Гонтою пришли на площадь и другіе сотники. Эту повторительную присягу онъ принималъ на крестѣ и евангеліи и притомъ,— добавляютъ польскіе писатели,—„цѣловалъ руку ксендза, ректора Костецкаго, и этотъ мученикъ благословлялъ своего палача“.

Во время этой внушительной церемоніи въ числѣ зрителей стояла молодая женщина, а около нея два хорошенькихъ мальчика въ костюмахъ студентовъ школы базиліанъ. Женщина казалась глубоко печальною.

— Это жена Гонты,—тихо сказала, указывая на нее, Рахиль своему брату Ефраиму.—Бѣдная! какъ должно быть ей тяжело, когда мужа ея подозрѣваютъ въ такомъ ужасномъ преступленіи.

— Она очень красива собою,—замѣтилъ Ефраимъ.

— И дѣти ихъ такіе миленькіе мальчики, — добавила Рахиль. — Не можетъ быть, чтобъ онъ измѣнилъ: погубить такихъ херувимчиковъ, какъ его хлопчики, это было бы ужасно, невѣроятно.

Поцѣловавъ крестъ и евангеліе, Гонта встрѣтился глазами съ глазами жены. Что выражалъ его взглядъ—даже она на могла разгадать. Она положила руки на головы сыновей и заплакала. Ей вспомнилась та далекая, тихая ночь, когда въ Грековомъ лѣсу заливался соловей, и она, глядя на звѣзды, почувствовала, какъ онъ тихо прижалъ ее къ себѣ и еще тише прошепталъ: „ты моя, моя"... А теперь онъ уходилъ... Вернется ли?

XIV.

„Онъ вернулся!" *)

Да онъ вернулся... Но какъ!..

Прошелъ день, но о Гонтѣ и казакахъ ничего не было слышно. Зато о гайдамакахъ приходили вѣсти одна другой ужаснѣе.

Что же дѣлалъ Гонта? Что сталось съ самимъ полковникомъ Обухомъ? Гдѣ другіе сотники и казаки? Страшныя подозрѣнія стали закрадываться въ душу то одного, то другого изъ ожидавшихъ своей участи. Подозрѣнія стали переходить въ массы, изъ табора въ городъ.

Что дѣлать? что предпринять? Надо готовиться къ смерти, къ ужасной смерти! Но упорно живуча въ человѣкѣ надежда. Эта надежда заставляла богатыхъ закапывать въ землю деньги, драгоцѣнности. Для чего? Можетъ быть, для того, чтобы сокровища не достались злодѣямъ; а можетъ быть... въ безпросвѣтной тьмѣ свѣтилась надежда... можетъ быть...

Что же еще оставалось? Оставалось одно прибѣжище: молитва.

На паперти базиліанскаго монастыря „Свентего Кшижа" стояла статуя, изображавшая „крестную ношу". Около статуи толпились несчастные, заламывая руки...

— „Придите ко мнѣ всѣ страждущіе и обремененные, и я успокою васъ!" — возглашалъ ректоръ Ираклій Костецкій, стоя въ облаченіи на паперти и указывая рукою на Несущаго свой крестъ.

Вотъ гдѣ спасеніе... Къ Нему идти...

И толпы идутъ къ этой знаменательной статуѣ, толпа за толпою... Служители этого Несущаго свой крестъ исповѣдываютъ и причащаютъ ихъ.

Въ это время сквозь толпу пробирался къ синагогѣ Исаакъ Когенъ. Глубокое отчаяніе было написано на его лицѣ. Онъ остановился и посмотрѣлъ на статую... Сколько въ ней трагическаго смысла!.. Какъ долженъ быть тяжелъ крестъ, подъ бременемъ котораго изнемогаетъ Несущій его... Кровавый потъ струится по лицу Несущаго...

*) „Гайдамачина", стр. 209—211.

И Когену вспомнилось одно мѣсто небольшой книги, которую онъ недавно читалъ, желая разобраться въ мучившихъ его сомнѣніяхъ и вопросахъ...

— И мимоходящіи хуляху его,—невольно шептали губы Исаака,—покивающе главами своими и глаголюще: „уа! разоряяй церковь и треми деньми созидаяй, спасися самъ и сниди съ креста". Такожде и архіерее ругающеся, другъ ко другу съ книжники глаголаху: „ины спасе, себе ли не можетъ спасти?.."

„Уа!" колотилось въ душѣ у стараго еврея: „вездѣ безсмысленная толпа жаждетъ крови... О, Адонай! когда же это кончится?.. Когда же люди поймутъ это?"..

„Уа! уа!" еще съ большею силою защемило у него на душѣ и еще съ болѣе глубокимъ отчаяніемъ направился онъ домой.

А всеобщій ужасъ возрасталъ съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ. Въ томительномъ ожиданіи прошло три дня—5-е, 6-е и 7-е іюня. Жары стояли невыносимые. Въ городѣ вышла вся вода—нечего пить!

Тогда къ Младановичу явилась депутація отъ города съ просьбой—отправить женщинъ и дѣтей въ Тарговицу, мѣстечко, лежащее на берегу рѣчки Синюхи, на самой русской границѣ, какъ разъ противъ русской крѣпости Новоархангельска.

— Пусть наши дѣти и жены укроются отъ неминуемой гибели подъ защитою русскаго оружія,—говорили депутаты.

Послѣдніе дни сильно измѣнили Младановича. Онъ уже пересталъ смотрѣть на себя, какъ на Манлія Капитолійскаго: и римскіе гуси, и Троя, и деревянный конь, и уманскіе Ахиллесы, Гекторы и Патроклы исчезли точно въ туманѣ. Остался одинъ только несчастный старецъ Пріамъ, и этотъ жалкій старецъ былъ—онъ, Рафаилъ Деспотъ Младановичъ.

— Что жъ, панове,—отвѣчалъ онъ убитымъ голосомъ:—пусть и мои дѣти ѣдутъ съ вашими дѣтьми... Останусь я одинъ на своемъ посту.

Наскоро наладили коляски и рыдваны, захватили что поцѣннѣе. Коrенъ также порѣшилъ выслать изъ города жену и Рахиль съ Сарою. Но Рахиль отказывалась покинуть городъ.

— Если намъ суждено умереть, такъ я хочу умереть съ вами и съ отцомъ,—упрямо твердила она братьямъ.

— Но вы насъ только будете стѣснять,—возражалъ Самсонъ.

— Я васъ не стѣсню ничѣмъ,—твердила упрямая дѣвушка.

— Мы будемъ защищаться до послѣдней капли крови, какъ защищались наши предки отъ филистимлянъ,—говорилъ Ефраимъ.

— А развѣ я—не еврейка? Развѣ нашъ Іуда Маккавей—не мой тоже?

— Но ты—слабая женщина,—говорилъ Моше.

— Ничего... Моя коса вамъ пригодится!

И въ порывѣ возбужденія она выбросила изъ волосъ шпильки, придерживавшія ея косу, и эта роскошная коса, разсыпавшись, укрыла ее чуть не до пятъ.

— Зачѣмъ намъ твоя коса?—изумился Ефраимъ.

— Изъ нея вы совьете веревку и на этой веревкѣ повѣсите злодѣя Желѣзняка!

Когда вѣсть о бѣгствѣ богатыхъ женщинъ, дѣвушекъ и дѣтей разнеслась по городу, то въ замокъ хлынули толпы женщинъ, мѣщанъ и бѣдные евреи съ плачемъ и стенаніями.

— Богатые убѣгаютъ,—вопили они:—а куда мы, бѣдные, дѣнемся? У насъ нѣтъ ни колясокъ, ни рыдвановъ, ни лошадей... Что же будетъ съ нашими дѣтьми?

И Младановичъ, у котораго уже не было своей воли, отмѣнилъ прежнее распоряженіе, безнадежно махнулъ рукой, какъ бы говоря: „погибать, такъ погибать ужъ всѣмъ“!

Однако, не всѣ въ городѣ такъ упали духомъ, какъ Младановичъ. Были два человѣка, которые могли бы спасти Умань, если бъ имъ повиновались всѣ прочіе, или если-бъ слушались ихъ совѣтовъ, исполненныхъ благоразумія и мужества. Это были—нѣкто Ксаверій Шафранскій и нашъ знакомый, красавецъ Самсонъ Когенъ.

Шафранскій былъ просто землемѣръ, присланный въ Умань Потоцкимъ для приведенія въ точную извѣстность его обширныхъ земельныхъ владѣній. Шафранскій находился прежде въ военной службѣ, въ Пруссіи, въ рядахъ воиновъ прусскаго короля Фрица, котораго, по свойственной въ то время слабости къ громкимъ когноменамъ, назвали, да почему то и доселѣ, ничто же сумняся, называютъ „Фридрихомъ Великимъ“. Въ рядахъ воиновъ короля Фрица, при частыхъ его войнахъ, Шафранскій отлично изучилъ военное ремесло. Онъ же былъ и опытный архитекторъ, почему Потоцкій и поручилъ ему возведеніе въ Умани сильной крѣпости и постройку городскихъ зданій.

Вотъ этотъ-то Шафранскій и не потерялся, когда всѣ въ Умани потеряли голову.

Такимъ же оказался и красавецъ Самсонъ. Въ первый же день „поста помилованія“, послѣ потрясающихъ сценъ въ синагогѣ, онъ и два остальные брата его, Ефраимъ и Моше, собрали около синагоги всю еврейскую молодежь, способную носить оружіе, и воспламенивъ ее пламенною рѣчью, поклялись на Торѣ — „истребить филистимлянъ“, какъ они назвали гайдамаковъ.

— Развѣ за тысячелѣтіе скитаній и гоненій въ еврейской душѣ умерли мудрость Моисея и Соломона и мужество Іисуса Навина и Іуды Маккавея!—говорилъ онъ, сверкая глазами.—Развѣ мускулы сыновъ Израиля потеряли упругость и силу мускуловъ того, который изнесъ на гору ворота города Газы вмѣстѣ съ вереями, а потомъ своими руками разрушилъ капище идола Дагона, похоронивъ подъ развалинами этого капища враговъ своихъ и самого себя!

— Нѣтъ! нѣтъ! у насъ есть свой Самсонъ! — кричали восторженные юноши, намекая на энергію и физическую силу своего инициатора.

— У насъ есть и мудрый Соломонъ — почтенный Исаакъ Когенъ! — возвысилъ голосъ курчавый и рыжій Лейба Ротъ.

— А нашъ Моисей — великій учитель и апостолъ Іаковъ-Іосифъ Когенъ изъ Полоннаго! — громогласно прокричалъ извѣстный силачъ Мозесь Мохеръ.

— Докажемъ же презрѣннымъ филистимлянамъ, — продолжалъ Самсонъ, — что за тысячелѣтія скитаній и гоненій мы не утратили своей доблести и чести, какъ не утратили ихъ наши предки ни въ странѣ фараоновъ, ни на рѣкахъ вавилонскихъ, ни на кострахъ инквизиціи! Теперь же идемъ въ цитадель и потребуемъ себѣ оружія изъ арсенала. Мы составимъ еврейскій легіонъ, и подъ руководствомъ Шафранскаго приготовимся къ защитѣ нашихъ отцовъ, матерей и сестеръ.

— Идемъ! идемъ! — раздались голоса.

И толпа двинулась къ цидатели — къ той башнѣ, на которой находился Шафранскій, наблюдая въ зрительную трубу за тѣмъ, что происходило въ степи, откуда ожидали появленія непріятеля.

Вскорѣ къ молодежи присоединились евреи всѣхъ возрастовъ, которые въ состояніи были носить оружіе, и такимъ образомъ составился особый еврейскій легіонъ, который могъ бы спасти Умань, если бъ его поддержали конфедераты и другіе, находившіеся въ городѣ, поляки, и если бъ они также мужественно поддерживали самого Шафранскаго, какъ мужественно дѣйствовали заодно съ нимъ евреи *).

„Шафранскій, — говоритъ авторъ монографіи „Гайдамачина“, — одинъ не растерялся въ самый день уманской рѣзни, и если бъ польскіе дворяне, защищавшіе вмѣстѣ съ евреями городъ, не перепились до пьяна, можетъ быть, единственно за недостаткомъ въ Умани воды, и если бъ они дѣйствовали такъ же добросовѣстно и самоотверженно, какъ дѣйствовали робкіе, никогда не бравшіе въ руки ружья евреи, которыхъ Шафранскій поощрялъ и училъ стрѣлять, то Умань, можетъ быть, была бы спасена, благодаря дѣятельности и распорядительности Шафранскаго и удивительной отвагѣ, съ которою дѣйствовали евреи, робкіе и невоинственнные по природѣ“ **).

Такимъ образомъ, пока, въ теченіе послѣднихъ трехъ дней, 5—7 іюня, толпы вѣрующихъ искали утѣшенія и помощи около паперти „Свентего Кшижа“, у Несущаго крестъ свой, евреи, подъ руководствомъ Шафранскаго, готовились къ защитѣ города, вставая до свѣту и обучаясь стрѣльбѣ и другимъ воинскимъ пріемамъ.

Утромъ 8-го іюня, покончивъ съ ученьемъ, Шафранскій и Самсонъ Когенъ поднялись на башню, служившую для Шафранскаго обсерваціон-

*) Польскіе писатели, современники описываемаго событія, съ большой похвалой отзываются объ этой мужественной горсти евреевъ.

**) „Гайдамачина“, стр. 219.

нымъ пунктомъ, и стали поочередно наблюдать въ зрительную трубу. Вдругъ по звенигородскому тракту, за грековымъ лѣсомъ, показалось облако пыли.

— Я вижу тамъ пыль, но не знаю отчего она: вѣтру нѣтъ, — сказалъ Шафранскій. — А посмотри ты, пане Самсоне, — у тебя глаза свѣжѣе моихъ.

Самсонъ приложился къ трубѣ.

— Я вижу—тамъ что-то движется,—сказалъ онъ.

— Можетъ быть, новые бѣглецы—обозы?—спросилъ Шафранскій.

— Нѣтъ, кажется, конные... Да, конница, я узнаю.

— А знаменъ и значковъ не видно?

— Вижу и знамена и значки.

— А барвы—цвѣта, масти коней?

— Трудно разобрать.

Шафранскій подошелъ къ трубѣ и навелъ ее.

— Вижу-вижу—это наши казаки,—радостно сказалъ онъ.

— Идутъ сюда?—спросилъ Самсонъ.

— Нѣтъ, кажется, остановились... Я различаю бѣлаго коня — это конь Гонты... Вѣроятно, они разбили злодѣевъ.

— Но зачѣмъ же они остановились?

— Они остановились какъ-разъ у табора бѣглецовъ, вѣроятно, ободрить ихъ радостною вѣстью о побѣдѣ надъ разбойниками.

— Подай то Богъ,—съ облегченіемъ вздохнулъ молодой еврей.

— Теперь, я вижу, они строятся лавой, флангомъ къ городу; а фронтомъ къ звенигородской дорогѣ, — продолжалъ сообщать свои наблюденія Шафранскій.

Молодой еврей, напрягая все свое зрѣніе, видѣлъ то же самое, хотя неясно.

— Да, они строятся,—подтвердилъ онъ.

— Но это еще что?.. Езусъ-Марія!—воскликнулъ Шафранскій: — за ними встаетъ новое облако пыли.

— Такъ, это, вѣроятно, и есть гайдамаки: казаки ждутъ ихъ, чтобы принять въ копья,—замѣтилъ молодой Когенъ.

— Да, это они—это гайдамаки: они не въ униформѣ, какъ наши казаки, а въ различныхъ одѣяніяхъ,—подтвердилъ Шафранскій.

— Кажется, тамъ двигаются толпы пѣшихъ, не правда ли, пане полковнику?—спросилъ молодой Когенъ.

— Да, это пѣшіе... Вотъ конные остановились лицомъ къ лицу къ нашимъ казакамъ — фронтъ противъ фронта... Что жъ ни та, ни другая сторона не нападаютъ? Это, должно быть, Желѣзнякъ отдѣлился отъ гайдамацкаго фронта и подался впередъ.

— Верхомъ, кажется?—спросилъ Самсонъ.

— Да, и тоже на бѣломъ конѣ... Но что это!

— А что, пане полковнику?

— Да они оба сошли съ коней, идутъ другъ къ другу... Но, Езусъ-Марія! что я вижу!

— А что?.. что?.. И я вижу...

— Они обнимаются... цѣлуются... цѣлуются трижды! Боже!— это измѣна, здрада, предательство!

Зрительная трубка выпала изъ рукъ Шафранскаго. Молодой Когенъ подхватилъ ее.

— Да, они разговариваютъ... размахиваютъ руками... показываютъ на таборъ бeглѣцовъ,—лихорадочно передавалъ свои наблюденія Самсонъ.

— Дай я посмотрю, коханку.—Шафранскій взялъ трубку изъ рукъ Когена.

— Ну что же?—нетерпѣливо спрашивалъ молодой еврей.

— Вижу... вижу... злодѣй обнажилъ саблю...

— Кто?.. Гонта?.. Желѣзнякъ?

— Желѣзнякъ!.. Вотъ онъ махнулъ саблею на таборъ... Толпы ринулись на таборъ.

— О, Адонай, Адонай! — тихо стоналъ молодой еврей: — налетѣли ястребы-стервятники...

— Рѣзня! рѣзня!.. все кончено! Идемъ распоряжаться обороной города!—съ внезапной энергіей воскликнулъ Шафранскій.

— Идемъ!—повторилъ молодой еврей.—О, проклятіе измѣннику!

— Готовь къ бою свой легіонъ! Вы будете защищать палисады... съ вами и „лизни"... У меня картечь...

Они оба бросились съ башни.

— До брони! до брони, сыны Израиля! — кричалъ сынъ Когена, быстро проходя по площади, наполненной народомъ.

XV.

Новая Юдиѳъ.

Таборъ былъ вырѣзанъ поголовно, или — какъ выражались гайдамаки—„до ноги". Зарѣзано и заколото было болѣе 6,000 душъ всякаго возраста и пола, почти исключительно евреевъ.

Вырѣзавъ таборъ, гайдамаки подступили къ городу. Часть ихъ, миновавъ предмѣстья, бросились прямо къ городскимъ воротамъ, къ мосту, который былъ поднятъ.

Шафранскій, стоя у пушекъ на воротной башнѣ, зорко слѣдилъ за толпою шедшихъ на приступъ. Онъ подпустилъ ихъ на картечный выстрѣлъ. Впереди всѣхъ, размахивая саблей, мчался на буланомъ конѣ Шило. Евреи и „лизни", засѣвъ за палисады съ заряженными ружьями, наблюдали за наступленіемъ.

— О, Ефраимъ!.. это онъ! — воскликнулъ младшій сынъ Исаака Ко-

гена, который вмѣстѣ съ братьями Самсономъ и Ефраимомъ наблюдалъ за нападавшими—въ щели палисада.

— Кто онъ?—спросили Самсонъ и Ефраимъ.

— Вонъ, впереди всѣхъ, на буланомъ конѣ... Это тотъ слѣпой кобзарь, что пѣлъ у насъ...

— Да, это тотъ, что ты тогда привелъ—съ укушеннымъ гадюкою мальчикомъ.

— Онъ!.. онъ!.. о, злодѣй!

На башнѣ послышался рѣзкій голосъ Шафранскаго. Онъ скомандовалъ. Взвился бѣлый дымокъ, и грянулъ залпъ картечи. Нѣкоторые изъ нападавшихъ упали.

— А ну-те, хлопци!—крикнулъ мнимый слѣпецъ Шило:—або добути, або дома не бути!

Грянулъ второй залпъ, и нападавшіе дрогнули. Подъ Шиломъ лошадь взвилась на дыбы. Многіе кинулись назадъ.

— Возьмить тихъ, що попадали!—крикнулъ Шило.

Раненыхъ и убитыхъ быстро подобрали.

— А, ляхи кляти!—погрозилъ саблею Шило Шафранскому и пушкарямъ полякамъ:—мы заразъ вернемось до васъ!

Осажденные готовились вновь жарко встрѣтить незваныхъ гостей. Шафранскій стоялъ у заряженныхъ вновь пушекъ, а евреи и „лизни", просунувъ ружья сквозь частоколъ палисада, ждали своей очереди.

— Такъ панна Вероника правду говорила, что тогда былъ у насъ вотъ этотъ самый гайдамакъ подъ видомъ слѣпца,—сказалъ Самсонъ, когда нападавшіе удалились.

— Да, я теперь узналъ его—это онъ,—сказалъ, въ свою очередь, Ефраимъ.

— И я узналъ,—добавилъ третій братъ:—говорятъ, что это атаманъ Шило.

— Ахъ, злодѣй!—воскликнулъ Ефраимъ.—А я еще тогда помогъ его хлопчику, несъ на себѣ... Такъ вотъ гдѣ настоящая гадюка.

Между тѣмъ, едва сдѣлалось извѣстнымъ объ измѣнѣ казаковъ и Гонты и о гнусномъ истребленіи всего табора, стоявшаго подъ Грековымъ лѣсомъ, какъ ксендзъ и ректоръ Костецкій и другіе католическіе и уніатскіе священники вышли изъ церквей въ полномъ облаченіи, и предшествуемые хоругвями, крестами и святыми дарами, стали совершать по всему городу крестный ходъ. Ихъ сопровождало все населеніе города: вопли, слезы и стенанія заглушали собою церковное пѣніе.

Евреи—дряхлые старцы, женщины и дѣти молились въ синагогѣ.

Между тѣмъ осаждающіе двинулись къ городу громадными массами. Съ гайдамаками шли и уманскіе казаки.

— Готовьтесь, сыны Израиля!—говорилъ Самсонъ Когенъ, обходя палисады:—теперь настаетъ и наша очередь... Цѣльтесь въ злодѣевъ вѣрнѣе, пусть каждая наша пуля несетъ имъ смерть.

— Безъ промаха бейте, потомки Іисуса Навина!—подтвердилъ слова Самсона Лейба Ротъ, потрясая огненными пейсами.

— Идутъ! идутъ!.. О, Іуда Маккавей! помоги сынамъ твоимъ! — воскликнулъ богатырь Мозесь Мохеръ.

Лава осаждающихъ разбилась на-двое: одна часть двинулась къ башеннымъ воротамъ, другая устремилась на палисады, перебираясь черезъ окопы.

Снова первыхъ встрѣтила картечь, вторыхъ ружейные залпы изъ-за палисадовъ. На этотъ разъ полегло еще больше. Картечь проложила цѣлую улицу среди нестройной толпы, хлынувшей къ башнѣ, а еврейскія пули, мѣтко поражая стремившихся къ палисадамъ, и убитыхъ наповалъ и раненыхъ опрокидывали назадъ въ окопы.

Это былъ тотъ боевой отпоръ осажденныхъ, о которомъ доселѣ поютъ кобзари:

Ой дошелъ Желѣзнякъ до воротъ,
Да и „здыбалъ три кôпы“ хлопотъ...

— Благодарю, благодарю, мои коханые ученики! — радостно кричалъ съ башни Шафранскій къ евреямъ, вновь заряжавшимъ еще дымившіяся дула ружей.

И второй и третій штурмъ были также отбиты. Разъяренные гайдамаки съ бѣшенствомъ спускались отъ замка внизъ, рыскали по предмѣстьямъ и вымещали свои неудачи на ни въ чемъ неповинныхъ обывателяхъ. Кровь лилась ручьями.

Затѣмъ они съ удвоенною и утроенною яростью шли на приступъ, поддерживая нападеніе свое пушечною пальбой и ружейными выстрѣлами. Ядра и пули ихъ летали надъ головами обезумѣвшихъ отъ страха обывателей, которые продолжали обходить городъ и площади съ хоругвями и крестами, оглашая воздухъ воплями и стенаніями. Насколько были яростны нападенія, настолько же энергична была защита. Неутомимость евреевъ была изумительна. Матери и сестры приносили имъ къ палисадамъ пищу, чтобъ они подкрѣпились; но мужественные защитники ихъ почти отказывались отъ пищи.

— Глотокъ воды, ради всего святого, глотокъ воды! — слышалось иногда въ рядахъ защитниковъ города.

Но воды въ Умани не было ни капли!

Наступалъ вечеръ. Нападенія какъ-будто начали нѣсколько ослабѣвать. Съ башни Шафранскаго видно было, что въ гайдамацкомъ станѣ стали разбивать шатры. Особенно виднѣлась одна большая палатка съ вывѣшеннымъ надъ нею кроваваго цвѣта флагомъ, съ чернымъ на немъ крестомъ...

И эта палатка, и этотъ кровавый флагъ съ чернымъ крестомъ видны были даже изъ города.

Скоро стали зажигаться костры въ гайдамацкомъ станѣ.

Наступила ночь, южная ночь, темная, тихая и душная. Осажденные не спали: одни, большинство, всѣ жители, старцы, женщины и дѣти продол-

жали совершать крестный ходъ, другіе, защитники ихъ, стояли у заряженныхъ пушекъ на башняхъ и надъ воротами или лежали въ засадѣ подъ частоколомъ палисадовъ. Въ гайдамацкомъ станѣ свѣтились костры и двигались по всѣмъ направленіямъ безпорядочныя тѣни: одни хоронили убитыхъ товарищей; другіе у костровъ варили кашу, жарили барановъ, куръ, поросятъ; третьи предавались оргіямъ.

Но вотъ въ одномъ мѣстѣ замка, съ краю, вдали отъ воротъ, черезъ высокій частоколъ тихо и ни для кого изъ защитниковъ города незамѣтно перебралась какая-то тѣнь, ползкомъ, словно темный комъ, скатилась въ ровъ, снова также незамътно вползла на валъ, и двинулась по направленію къ гайдамацкому стану, держась во мракѣ. Тѣнь то останавливалась, то припадала къ землѣ, двигалась далѣе ползкомъ, снова останавливалась и снова двигалась. Можно было замѣтить, что тѣнь подвигалась къ тому мѣсту, гдѣ бѣлѣлся, освѣщаемый костромъ, массивный конусъ палатки съ кровавымъ флагомъ и чернымъ крестомъ. Тѣнь все ближе и ближе къ этому замѣтному конусу. Она снова остановилась и прилегла. Долго, съ часъ не двигалась она. Костры стали притухать. Движеніе и шумъ въ станѣ замирали. Все тусклѣе и тусклѣе мигалъ костеръ, освѣщавшій палатку съ кровавымъ флагомъ. Вотъ ея почти не видно.

Тѣнь зашевелилась на землѣ и стала двигаться дальше и дальше, ближе и ближе къ главной палаткѣ. Вотъ она почти у самой палатки.

Вдругъ передъ нею какъ изъ земли выростаетъ другая тѣнь.

— Хто се? Якій бисъ крадеться по ночи? Батько отаманъ сплять,— шепчетъ эта тѣнь, хватая за шиворотъ ту, которая двигалась отъ города. Молчаніе. Пойманная тѣнь старается вырваться.

— Хомо, добрый Хомо, пусти меня,—шепчетъ она.

— Ты хто? Кажи...

Костеръ на мгновенье вспыхнулъ и освѣтилъ блѣдное прекрасное женское личико.

— Панночка! се вы!—испуганно, но еще тише прошепталъ тотъ, кого назвали Хомой.

— Я, Хомо... О, пусти меня! пусти!

— Рахилечка! панночка! рыбонька! Що зъ вами? Чого вы прійшли сюды, у наше пекло?

— Хомо! голубчикъ! пусти меня! Я пришла убить злодѣя!

— Кого, панночка?

— Желѣзняка...

Хома быстро зажалъ ротъ Рахили. Это была она.

— Панночко! рыбко! ходить дальше,—еще тише шепталъ Хома:—тутъ почують—убьють васъ.

Они двинулись назадъ, въ тѣнь.

— Панночко! рыбко! ясочко!—шепталъ, цѣлуя руки у Рахили, гайдамакъ.—Его не можно убить—его пуля не бере.

— Я зарѣжу его!—настаивала Рахиль.

— А хочъ-бы й заризали, такъ останеться Гонта, Шило, Неживый, Швачка—все равно пропаде Умань, тилько гирше вамъ буде... Васъ измучать, убьють, а добра не буде... я за васъ боюсь, ясочко!

— О, Боже!—вырвалось изъ груди дѣвушки.

— Не плачьте, ясочко, рыбко! не плачьте! — чуть не плакалъ самъ бѣдный гайдамакъ: —пдить у городъ... я отведу васъ... Ни, тамъ убьють васъ... Я краще тутъ сховаю васъ—у кущахъ, подъ яромъ...

— Нѣтъ, я лучше умру вмѣстѣ съ своими... я иду на смерть.

Добродушный и недалекій хохолъ совсѣмъ растерялся.

— Якъ-же-жъ то? панночко! ясочко! и я зъ вами пиду.

И онъ лихорадочно, дрожа всѣмъ тѣломъ, велъ дѣвушку за руку.

— Я зъ вами умру... я безъ васъ не хочу жить... вы таки добри,— бормоталъ онъ точно въ бреду.

— Зачѣмъ же ты пошелъ къ нимъ, самъ такой добрый? — спросила Рахиль.

— Не можно було, панночко, нейти: вси йдуть, и я пишовъ.—Та, може, воно сему ще й брехня, — какъ-то безпомощно проговорилъ Хома, разводя руками: — Охъ, панночко, панночко наша! сонечко ясне!

Но вотъ и городъ—валъ, ровъ, подъемъ, а вотъ и палисады.

Хома бережно подсаживаетъ дѣвушку черезъ частоколъ. Вдругъ раздается выстрѣлъ почти въ упоръ, и Хома, не вскрикнувъ даже, падаетъ навзничъ—мертвый!

Утромъ увидѣли во рву его трупъ. Онъ лежалъ въ богатомъ запорожскомъ одѣяніи, раскинувъ руки, такой молодой, красивый. Смушковая высокая шапка съ краснымъ верхомъ валялась по близости.

За палисадомъ, со стороны города, пришла Рахиль и глянула черезъ частоколъ.

— Бѣдный, бѣдный!—тихо прошептала она и смахнула набѣжавшія на рѣсницы слезы.—И это все надѣлала я, глупая дѣвчонка, вообразивъ себя Юдиѳью.

XVI.

Умань взята.

На утро приступы возобновились на всѣхъ пунктахъ съ небывалою настойчивостью. Видя упорное сопротивленіе осажденныхъ и особенно страшный уронъ, наносимый гайдамакамъ евреями изъ-за палисадовъ, Желѣзнякъ приказалъ согнать къ Умани всѣхъ жителей окрестныхъ селъ и деревенъ—Помыйника, Маньковки, Ивановки, Полковничей и другихъ,—стараго и малаго, вооруженныхъ топорами, и велѣлъ имъ подрубить палисады подъ неумолкаемой пальбой еврейскихъ стрѣлковъ.

Вдругъ послышался женскій крикъ, а за нимъ и другіе голоса.

— „Лизни" измѣнили! „лизни" ушли къ гайдамакамъ!

Это былъ голосъ Рахили, которая, миновавъ тѣло убитаго, по ея невольной винѣ, бывшаго ихъ наймита Хомы, увидѣла дальше проломъ въ частоколѣ, черезъ который на зарѣ и убѣжали „лизни“ на соединеніе съ гайдамаками. Теперь уже они шли на приступъ вмѣстѣ съ согнанными изъ деревенъ крестьянами.

Въ то же время обнаружилось новое несчастіе. Къ палисадамъ бѣжалъ Ефраимъ съ извѣстіемъ объ этомъ несчастіи.

— Всѣ арестанты ушли,—объявилъ онъ товарищамъ по оборонѣ города. — „Лизни“, которые обязаны были стеречь острогъ, бѣжали... Арестанты остались безъ караула. Они разломали колодки, разбили тюремныя двери...

— Вонъ они ужъ за окопами,—сказалъ кто-то.

„Въ столь грозный часъ опасности,—говоритъ Вероника Кребсъ, въ то время ожидавшая смерти восемнадцатилѣтняя дѣвушка, балованная дочка Младановича, — мужество многихъ поколебалось, и неудивительно: кромѣ трудной защиты обширнаго города и страха неумолимаго и дикаго врага, къ тому же еще дни были знойные, а воды въ городѣ ни капли. Жажда и, быть можетъ, отчаянье заставили дворянъ пить вино, медъ и наливки, которыми вели торговлю евреи и большое ихъ количество хранили всегда въ погребахъ. Это иногда уничтожало всякій порядокъ. Одинъ Шафранскій не терялъ духа: онъ вездѣ былъ лично, и правду сказать—онъ одинъ и распоряжался (въ этомъ случаѣ разсказчица не можетъ уже скрыть полной бездѣятельности своего отца, который, какъ видно по послѣдующимъ его дѣйствіямъ, окончательно потерялъ голову). Гдѣ былъ тогда командиръ регулярнаго, пѣхотнаго отряда, поручикъ Ленардъ,—не знаю. Что дѣлали конфедераты? Почему они, привыкшіе къ битвамъ, не защищали Умани—трудно сказать. Шафранскій жаловался на эту толпу дворянства и въ упрекъ ставилъ имъ примѣръ жидовъ, твердо державшихъ свои посты, несмотря на труды и раны. Со стороны гайдамаковъ видно было, что только Желѣзнякъ дѣйствовалъ, ибо онъ ни на минуту не оставлялъ предмѣстій“.

Гонта не показывался нигдѣ. Онъ лукавилъ. Онъ зналъ, что и безъ его личныхъ усилій городъ не устоитъ: въ немъ не было воды, а состояніе боевыхъ запасовъ, картечи, пороху, свинцу — ему хорошо было извѣстно. Онъ выжидалъ. Въ случаѣ же могущей нагрянуть сильной подмоги со стороны русскихъ войскъ или со стороны Польши, онъ еще могъ извернуться: онъ лично не добивалъ Умани. Онъ могъ сказать, что ему измѣнили казаки его, что онъ—плѣнникъ Желѣзняка.

— Выгоритъ—мое счастье, не выгоритъ — Максимко (Желѣзнякъ) за все въ отвѣтѣ,—разсуждалъ онъ самъ съ собою.

Шафранскій, истощивъ всѣ боевые запасы, приказалъ артиллеріи умолкнуть. Должны были замолчать и евреи—и у нихъ вышелъ весь порохъ.

— Выгорѣло!—сказалъ лукавый Гонта, обращаясь къ Желѣзняку.

— Що, пане сотнику, выгорило?—спросилъ тотъ.

— Наша взяла: больше на насъ плевать не станутъ чугунными да свинцовыми плевками.

— А що, братику? якъ такъ?

— А такъ: у нихъ во рту пересохло — ни воды нѣтъ, ни пороху. Заразъ ворота отворять.

Гонта задумался: „Что же теперь будетъ?.. что впереди?“

— Що жъ теперь зъ нами буде, пане Максиме?—спросилъ онъ своего союзника.

— А то, що ты теперь будешь воеводою, якъ оце бувъ Потоцькій,— отвѣчалъ Желѣзнякъ.—Мы Потоцького по шапци.

— Добре — я буду воеводою; а вы, пане Максиме, чимъ будете — полковникомъ, чи що?

— Отъ дурень! Та я-жъ буду гетьманомъ обохъ сторонъ, якъ батько Хмельницькій.

Тогда Гонта, подозвавъ къ себѣ другихъ сотниковъ и нѣкоторыхъ изъ старѣйшихъ казаковъ, приблизился съ ними къ главнымъ воротамъ замка, такъ чтобъ ихъ могли видѣть и Младановичъ и Шафранскій, стоявшіе на верху воротной башни около умолкнувшихъ и уже остывшихъ пушекъ. Тутъ онъ приказалъ подать себѣ копье и на конецъ его навязалъ бѣлый платокъ. Затѣмъ ему подали другое копье, на которое тоже къ острію былъ привязанъ бѣлый платокъ, какъ парламентерскій знакъ. Поднявъ свое копье съ платкомъ вверхъ и передавая другое копье подручному своему, сотнику Еремѣ Панку, Гонта сказалъ:

— Иди, пане Яремо, съ этимъ копьемъ въ городъ къ губернатору и скажи ему, что такъ какъ я присягалъ своему дѣдичу и пану, Потоцкому, и всему городу на вѣрность, то и теперь не сдѣлаю имъ никакого вреда, если они меня съ казаками добровольно впустятъ въ замокъ; а если не пустятъ, то нѣтъ имъ пощады!

Снова поднявъ вверхъ пику съ платкомъ, Гонта отпустилъ своего посланца.

Ворота замка растворились, и посланецъ былъ впущенъ въ городъ.

Выслушавъ предложеніе парламентера, Младановичъ сказалъ ему, что онъ согласенъ впустить казаковъ въ городъ и сейчасъ же пойдетъ распорядиться этимъ.

— Я прикажу созвать депутацію,—заключилъ онъ,—чтобъ встрѣтить вѣрныхъ своихъ казаковъ съ честью — съ хлѣбомъ и солью, по обычаю, и съ дорогими подарками.

Наскоро собравъ нѣсколько почетныхъ лицъ города, Младановичъ приказалъ просить на совѣщаніе Шафранскаго. Выслушавъ отъ губернатора ультиматумъ Гонты, всѣ пришли къ убѣжденію, что надо покориться. Одинъ Шафранскій не согласился съ общимъ рѣшеніемъ.

— Злодѣи все равно не пощадятъ насъ, какъ не пощадили они ни Смилой, ни Лисянки,—сказалъ онъ.

— Но у Желѣзняка не было тогда Гонты,—возразилъ Младановичъ:— намъ дѣлаетъ предложеніе сдаться Гонта, а не тотъ злодѣй.

— Какъ же онъ смѣетъ дѣлать намъ предложенія, когда онъ уже измѣнилъ присягѣ?—возразилъ Шафранскій.

— Онъ можетъ покаяться... Онъ честолюбивъ... мы подѣйствуемъ на эту слабую сторону его характера; вотъ эти почтенныя лица (Младановичъ указалъ на депутатовъ) выйдутъ къ нему навстрѣчу съ хлѣбомъ-солью. Это подѣйствуетъ на честолюбиваго хлопа.

— Мы его ослѣпимъ подарками,—сказалъ Рогашевскій-отецъ, бывшій въ числѣ депутатовъ.

— Теперь поздно ослѣплять его подарками, панъ подскарбій, когда онъ все можетъ взять, какъ военную добычу,—снова возразилъ Шафранскій.

— Такъ, пане Ксаверій,—согласился Младановичъ,—но польщенный нашей покорностью, онъ пощадитъ нашу жизнь, жизнь нашихъ милыхъ дѣтей.

— Если такъ, то я согласенъ,—уступилъ наконецъ Шафранскій.—Только меня онъ не пощадитъ—я увѣренъ.

— Почему же?

— Онъ меня давно не взлюбилъ за то, что я, зная хорошо военное искусство, какъ-то разъ замѣтилъ ему, что въ Пруссіи, у Фридриха Великаго, онъ, Гонта, съ его казаками годились бы только гусей пасти.

— Но онъ могъ забыть это оскорбленіе,—замѣтилъ Рогашевскій.

— Забылъ бы, можетъ быть, если бъ я вчера не напомнилъ ему объ этомъ.

— Чѣмъ?—спросилъ Младановичъ.

— А моею картечью, отъ которой онъ прятался, какъ козелъ отъ волка. Но я вотъ что сдѣлаю, чтобъ еще болѣе умилостивить его по отношенію собственно къ почтенному пану губернатору, который былъ такъ всегда добръ ко мнѣ, — прибавилъ Шафранскій, обращаясь къ Младановичу.

— Что же, пане Ксаверій?—спросилъ послѣдній.

— Поступимъ слѣдующимъ образомъ,—сказалъ Шафранскій:—когда паны депутаты выйдутъ за ворота, чтобы встрѣтить здрайцу-хлопа съ хлѣбомъ и солью, я буду стоять на воротной башнѣ у пушекъ съ зажженнымъ фитилемъ и буду показывать видъ, что собираюсь приложить къ пушкѣ. Панъ губернаторъ будетъ стоять рядомъ со мною, и, увидѣвъ, что я собираюсь стрѣлять, съ негодованіемъ и бранью вырветъ изъ моихъ рукъ зажженный фитиль и сброситъ его съ башни.

Лицо Младановича просвѣтлѣло отъ этого предложенія.

— Bene! optime, пане Ксаверій!—захлопалъ въ ладоши вновь воскресшій „Манлій Капитолійскій".—Геніально придумано! Да этого и Цезарь не придумалъ бы... Да, да! я съ негодованіемъ брошу фитиль къ ногамъ зазнавшагося хлопа, вообразившаго себя Ганнибаломъ у воротъ Рима... Hannibal ante portas! И хлопъ растаетъ передъ потухшимъ фитилемъ... Геніально!

Великодушное предложеніе Шафранскаго было принято, и депутаты отправились готовиться къ встрѣчѣ дорогихъ гостей.

Тогда то,—по словамъ одного самовидца,—осажденные, е надѣясь спасти жизнь свою, тщились только о спасеніи души, а потоf одни въ базиліанской церкви, другіе въ приходской исповѣдывались, получали полное разрѣшеніе грѣховъ, какъ передъ смертью. Иные же, непомѣщаясь въ церквахъ, пріобщены были святыхъ тайнъ чрезъ базиліан на рынкѣ или на улицахъ. Ужасъ объялъ всѣхъ, страхъ извлекалъ слезы и стоны, всѣ другъ съ другомъ прощались, какъ бы разставаясь навѣки, что дѣйствительно и случилось.

Только Шафранскій и евреи рѣшились встрѣтить смерть съ оружіемъ въ рукахъ; но у нихъ оставалось только холодное оружіе— ножи.

Когда сотникъ Панокъ воротился изъ города и доложилъ, что Умань сдается и высылаетъ депутацію для встрѣчи побѣдителей, ти послѣдніе увидѣли, что подъемный мостъ, который велъ въ главныя городскія ворота подъ защищенною пушками башней, сталъ опускаться на своихъ цѣпяхъ. Слышно было, какъ скрипѣло заржавленное желѣзо.

Желѣзнякъ, Гонта и нѣкоторые атаманы двинулись къ мосту. За ними слѣдовали ряды конныхъ казаковъ, гайдамацкая конница и пѣхота.

Отворились ворота. Показалась депутація.

— Эге!—улыбнулся Гонта Желѣзняку:—дивчина сама до насъ сватівъ-старостивъ засыла.

— Давно бъ такъ, а то довго пышалась,—отвѣчалъ Желѣзнякъ.

— Грубу колупала,—пояснилъ громко Гонта *).

— А чимало Иродова наколупала нашого братчика.

Депутація приближалась. Гонта и Желѣзнякъ тоже нѣсколько подвинулись. Вдругъ Желѣзнякъ поднялъ глаза на башню—и остановился. Онъ увидѣлъ у пушки Шафранскаго съ горящимъ фитилемъ и Младановича.

— А гляди, пане Гонта, що воно тамъ таке,—показалъ онъ на башню.

Но въ этотъ моментъ Младановичъ вырываетъ изъ рукъ Шафранскаго фитиль и бросаетъ съ башни.

Подошла депутація. Гонта сурово отвернулся отъ хлѣба-соли.

— Что замѣшано на крови вмѣсто воды, того я не принимаю,—сказалъ онъ по-польски.—Отдайте это тому, кто столько лѣтъ точилъ кровь народную.

Депутаты въ ужасѣ посторонились. Гонта проѣхалъ мимо.

Въ самыхъ воротахъ его встрѣтилъ Младановичъ съ гордой осанкой, но рыцарски вѣжливо.

— Пане Гонто!—сказалъ онъ:—угаси пламя бунта, какъ я загасилъ тотъ горящій фитиль.

---

*) „Колупать грубу“ (печь)—это когда дѣвушка, во время сватанья, не рѣшается дать согласіе и „колупаетъ печку“.

— Добре, пане подстолій,—отвѣчалъ Гонта по-украински:—вы зъ панами-ляхами та ксендзами довго гасили хлопскую душу та пили кровь нашу; а теперь—годи!

Гонта проѣхалъ дальше. За нимъ слѣдовали Желѣзнякъ, Шило, Неживый, Швачка. Сзади двигались колонны конницы и пѣхоты. Слышенъ былъ только стукъ копытъ да лязгъ оружія. Улицы были почти пусты.

Гонта ѣхалъ понуро, не глядя по сторонамъ. На душѣ у него было смутно. Онъ въѣзжалъ въ свой городъ какъ побѣдитель, какъ римскій тріумфаторъ; вся страна была въ его власти; онъ, Гонта, когда-то простой хлопъ изъ деревни Росушекъ, теперь—воевода русскій, спихнувшій съ своей дороги всемогущаго Потоцкаго, полновластный владыка надъ жизнью и смертью всей Уманщины, — онъ думаетъ теперь о томъ хлопѣ, котораго когда-то вводили въ этотъ городъ для службы пану... И вотъ онъ самъ панъ; за нимъ двигаются послушныя тысячи; даже Желѣзнякъ отступилъ на второй планъ.

Онъ вспомнилъ Грековъ лѣсъ, вспомнилъ тотъ весенній вечеръ, когда онъ встрѣтилъ *ее* тамъ среди весенней зелени. Она стояла безмолвная и смущенная. Кругомъ распустившіяся прелестныя мальвы не могли сравниться съ нѣжностью ея покрывшихся румянцемъ щечекъ... Онъ подошелъ къ ней и обнялъ ея гибкій станъ. Онъ слышалъ трепетъ ея молодого тѣла... Не было сказано ни слова,—и только когда звѣзды высыпали на темномъ небѣ, онъ очнулся отъ какого-то волшебнаго сна.

А теперь этотъ Грековъ лѣсъ, то мѣсто, гдѣ онъ первый разъ въ жизни былъ счастливъ, онъ же самъ залилъ кровью. Даже тѣ мальвы, на томъ мѣстѣ, гдѣ она приняла его первыя ласки, — даже мальвы забрызганы кровью...

Онъ вздрогнулъ и осмотрѣлся. На него глядѣли чьи-то прелестные, давно-давно знакомые глаза... Онъ узналъ эти глаза: это глаза Марыси, но не той, около которой тогда цвѣли мальвы... Той Марыси нѣтъ, хоть она и смотритъ теперь на него тѣми, прежними глазами, что глянули на него когда-то изъ-за мальвъ... Это была его жена—Марыся. Она пришла взглянуть на его торжество. А около нея его дѣти, прелестные мальчики.

Гонта порывисто отвернулся.

XVII.

Геройскій конецъ новой Юдиѳи.

Далеко за полночь гуляли гайдамаки. Гулялъ съ ними на радостяхъ и Шило, который, проведя Когеновъ съ своею невѣстой — Рахилью — въ ихъ домъ и оставивъ около него, въ видѣ почетнаго караула, нѣсколько молодцовъ, возвратился на площадь къ товарищамъ.

Настало утро. Рахиль не отступилась отъ своего слова. Оставалось только крестить ее, а потомъ—и подъ вѣнецъ.

Но, собираясь къ обряду крещенья, Рахиль сказала своеу жениху, что, пока она не окрещена, она должна сообщить ему великуктайну. Эта тайна состояла въ томъ, что она знаетъ такое „слово", что:е, Рахиль, никакая пуля не беретъ. „Слово" это она должна сказат жениху до крещенія, а иначе, быть можетъ, „слово" это потеряетъ сво силу.

Суевѣрный гайдамакъ былъ пораженъ. Онъ сталъ спрашвать, какое же это „слово", и дѣйствительно ли съ такимъ словомъ не беретъ пуля. Рахиль увѣряла, что „да"—и предложила ему испробовать в ней самой силу этого „слова".

Сначала разбойникъ не вѣрилъ, колебался; но такъ какъ ама дѣвушка увѣряла, что не боится никакой пули, а жажда сдѣлаться неуязвимымъ вскружила голову кровожадному атаману, то онъ и рѣшился на опытъ.

Вышли на площадь, гдѣ уже товарищи Шила ожидали своего атамана, чтобъ вести его невѣсту крестить. Шило объявилъ, въ чемъ дѣло. Изумленные гайдамаки приготовились къ небывалому зрѣлищу.

Шило стоялъ рядомъ съ Рахилью. Дѣвушка была блѣдна, но казалась спокойною.

Шило зарядилъ свою винтовку пулею, какими онъ убивалъ дикихъ кабановъ въ днѣпровскихъ камышахъ, и отошелъ отъ Рахили на извѣстное разстояніе.

— Стань ближе,—сказала Рахиль:—а то можешь промахнуться.

— Ни—не промахнусь: ще ни разу не прокинувъ въ кабана.

— Цѣлься прямо въ сердце,—тихо сказала дѣвушка.

— Добре!

Винтовка наведена. Послѣдовалъ выстрѣлъ... и Рахиль упала, какъ подкошенный цвѣточекъ. Она была убита наповалъ.

Никому не досталась еврейская красавица.

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Д. Л. Мордовцева.

ОНЪ ИДЕТЪ!

БЫЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Н. Ѳ. Мертца
1901.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 февраля 1901 г.

Типографія „В. С. Балашевъ и К°“. Спб., Фонтанка 95.

Онъ идетъ!

I.

Дурныя вѣсти.

Сто лѣтъ назадъ, во время присоединенія Крыма къ Россіи, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится Севастополь, у одной изъ великолѣпныхъ бухтъ его стояла небольшая татарская деревенька, называвшаяся Ахтеяромъ.

По господствовавшей тогда слабости ко всему классическому, великая Семирамида Сѣвера, какъ называли панегиристы императрицу Екатерину II, приказала переименовать Ахтеяръ въ Севастополь, предполагая, вслѣдствіе плохихъ познаній въ классической археологіи и исторіи, что древній эллинскій Севастополь находился именно на этомъ мѣстѣ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ былъ въ Колхидѣ.

Въ маѣ 1787 года, какъ извѣстно, Екатерина совершила свое знаменитое путешествіе въ новопріобрѣтенную Тавриду и посѣтила Севастополь. Это было удивительное путешествіе! Русскую императрицу сопровождали— австрійскій императоръ Іосифъ II подъ именемъ графа Фалькенштейна, графъ Сегюръ, французскій посолъ, принцъ де-Линь и громадная свита высшихъ сановниковъ. Въ поѣздѣ было около пятнадцати однихъ придворныхъ каретъ и до полутораста другихъ экипажей. Подъ этотъ кортежъ на всѣхъ станціяхъ требовались цѣлые табуны лошадей.

Въ день въѣзда этого баснословнаго кортежа въ Севастополь и начинается нашъ разсказъ.

Это было 22 мая 1787 года.

Прелестное весеннее утро. Солнце, выкатившееся изъ-за горныхъ зеленыхъ высотъ, образующихъ великолѣпную Байдарскую долину, позолотило базальтовыя ребра мыса Фіолента, лежащаго на нѣсколько верстъ къ югу

отъ Севастополя, и брызнуло золотыми лучами на мачты и разноцвѣтные флаги стоящихъ въ севастопольской бухтѣ кораблей.

У самаго мыса Фіолента, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Георгіевскій монастырь, утреннее солнце позолотило и небольшой шалашъ—жилище стараго садовника и его молодого работника, которые съ кирками въ рукахъ возились съ ранняго утра въ находящемся тутъ огородѣ и небольшомъ виноградномъ саду, принадлежащемъ одному греческому виноторговцу въ Севастополѣ.

Это же утреннее солнце обдавало своими теплыми лучами и стройную фигуру молодой дѣвушки, торопливыми шагами приближавшейся къ саду со стороны Севастополя. Одѣта она была въ простое крестьянское платье, но очень чисто и изящно. Широкіе рукава ея бѣлой миткалевой сорочки и воротъ были вышиты красными и синими узорами. Голубая ситцевая юбка подпоясана широкимъ краснымъ поясомъ, длинные концы котораго очень красиво падали вдоль ея стройнаго стана. Искрасна рыжіе, какъ червонное золото, волосы ея были заплетены въ двѣ косы, тяжелыми жгутами спускавшіяся далеко ниже пояса.

— Дѣдушка! родненькій!—закричала она издали, увидавъ старика.

Отъ быстрой ходьбы она вся раскраснѣлась и запыхалась. Черные большіе глаза подъ такими же черными бровями горѣли не то испугомъ, не то лихорадочнымъ возбужденіемъ.

— Дѣдушка!

Старикъ, весь сѣдой, но бодрый, опершись на кирку и защитивъ одною рукою глаза отъ солнца, съ недоумѣніемъ глядѣлъ на молодую дѣвушку.

— Дѣдушка! родненькій! гдѣ Петра? — торопливо спрашивала пришедшая.

— Что ты, дѣвка?... и не здороваешься съ дѣдомъ?—въ свою очередь спросилъ старикъ.

— Здравствуй, родной,—гдѣ Петра?

— Вотъ наладила сорока про Якова!... что онъ тебѣ?

— Да надо!.. Охъ, Господи!

— Да что попритчилось тебѣ?

Въ это время изъ-за берегового уступа, отъ моря, показался молодой парень въ одѣяніи крымскаго татарина и въ мерлущатой сивой шапкѣ на черныхъ, какъ вороново крыло, курчавыхъ волосахъ.

— Ахъ, Петруша!—бросилась къ нему дѣвушка.

— Здравствуй, Дуня! — радостно поторопился къ ней навстрѣчу парень.—Что такъ рано?

— Ахъ, Петрушенька!

Дѣвушка такъ и повисла на шеѣ у того, кого она называла Петрушенькой. Слезы градомъ хлынули изъ ея хорошенькихъ глазокъ.

— Что съ тобой, Дуня?—испугался тотъ.

— Ахъ! скорѣй хоронись!.. Бѣги, бѣги, мой суженый!

Все лицо молодого парня перекрылось блѣдностью. Онъ нѣжно отстранилъ отъ своей груди дѣвушку и съ боязнью взглянулъ ей въ лицо.

— Дунюшка!... что случилось?

— Ахъ, хоронись! хоронись!.. сейчасъ пріѣдутъ,—я обогнала ихъ.

II.

Захватъ рекрута.

Какъ-разъ въ это время къ саду, обнесенному невысокой каменной оградой безъ цемента, подъѣхала телѣга. На ней, кромѣ ямщика и двухъ солдатъ съ ружьями, сидѣлъ какой-то гладко выбритый человѣчекъ, повидимому, старый подъячій изъ земскаго суда, съ форменной сѣдой косичкой на затылкѣ, въ форменномъ кафтанѣ и трехуголкѣ.

Солдаты соскочили съ телѣги и, звеня желѣзными кандалами, вдѣланными въ деревянную тяжелую колодку, которую они съ трудомъ тащили, быстро вошли въ садъ и направились къ тому мѣсту, гдѣ словно окаменѣлые стояли парень и молодая дѣвушка. Къ нимъ торопливо приближался и испуганный старикъ садовникъ.

— По указу ея императорскаго величества—куйте его! — издали закричалъ подъячій, вынимая изъ-за обшлага бумагу.

Паренъ бросился было бѣжать внизъ къ морю, къ крутому обрыву.

— Стой! стрѣлять буду!—крикнулъ одинъ изъ солдатъ.

Парень оглянулся. Солдатъ дѣйствительно цѣлился въ него.

— Матушки! Петра!—вырвался отчаянный крикъ изъ груди дѣвушки, и она схватилась рукой за стволъ ружья.

— Прочь, дѣвка!—отбивался отъ нея солдатъ:—не трошь,—устрѣлю!

— Стрѣляй, стрѣляй меня!—молила дѣвушка.

Но парень въ одно мгновенье очутился около нея и протянулъ руки.

— Вотъ я... куйте меня!

— Али онъ разбойникъ, братцы?—взмолился старикъ садовникъ:—за что ево?

— Велѣно—служба,—былъ отвѣтъ.

Подошелъ и подъячій.

— По указу ея императорскаго величества,—повторилъ онъ заученную фразу:—забейте его въ колодку.

Дѣвушка бросилась къ подъячему и повалилась ему въ ноги.

— Кормилецъ! родной!.. за что ево?

— Въ некрута велѣно взять, милая, — смягчился тотъ при видѣ отчаянія молодой дѣвушки.

Дѣвушка продолжала валяться у него въ ногахъ.

— Встань, красавица!—силился приподнять ее старый подъячій.

— За что-жъ ковать!—молила дѣвушка.

— Законъ... законъ таковъ, голубка.

— Да онъ не разбойникъ!

— Законъ — воля ея императорскаго величества... А вы легче, ребята! — обратился подъячій къ солдатамъ, которые набивали колодку на ноги безмолвно стоящаго новобранца.

Дѣвушка поднялась съ земли и бросилась къ своему возлюбленному.

— Петрушенька!.. охъ!.. на кого ты меня...

— Что она... сестра ему будетъ? — обратился подъячій къ старику садовнику.

— Нѣтъ, ваша милость,—отвѣчалъ тотъ упавшимъ голосомъ: — они помолвлены у меня.

— Женихъ и невѣста?

— Кубыть такъ... заручились... А вонъ поди-жъ ты!

— Да онъ тебѣ кто?

— Чужакъ... сирота... въ наймахъ, стало-быть.

— А дѣвка?

— Внучка, стало-быть, моя будетъ.

— Жаль, жаль, — участливо покачалъ головой старый подъячій,—а нельзя... ничего не подѣлаешь, старина: бумага такая пришла... неукоснительно-де сдать въ некрута... Онъ, слышь, Петръ-то Лобода, бѣжалъ отъ помѣщика, а помѣщикъ и провѣдалъ о мѣстѣ его укрывательства, — ну, и велитъ зачесть его въ некрута неукоснительно.

Малаго, между тѣмъ, заковали и повели къ телѣгѣ, поддерживая тяжелую колодку. Онъ казался совершенно убитымъ.

Скоро телѣга двинулась къ городу. За телѣгой шла дѣвушка и неутѣшно плакала.

III.

Думы Фелицы.—Захарь сердится.

Въ то время, когда у мыса Фіолента происходила описанная выше сцена, въ Севастополѣ, во временномъ дворцѣ, въ которомъ имѣла ночлегъ императрица, только-что начали просыпаться ближайшіе къ ней царедворцы и придворная прислуга.

Сама императрица встала раньше всѣхъ и, наскоро накинувъ на себя широкій легкій капотъ, безъ помощи прислуги сама приготовила себѣ на спирту небольшую чашку чернаго кофе и вошла съ нею въ сосѣднюю комнату—въ рабочій кабинетъ, выходившій окнами на бухту и на море. На столѣ лежали въ порядкѣ бумаги и на отдѣльномъ листѣ начало какого-то стихотворенія.

Императрица подошла къ столу и взяла этотъ листъ.

Хвала тебѣ, достойный князь Тавриды!
Россія оцѣнить тебя должна...

Она не кончила, положила листъ на столъ и въ задумчивости подошла къ окну. Передъ нею открылась величественная панорама моря, бухты и сѣверныхъ обрывистыхъ береговъ. Въ бухтѣ величаво красовались новые корабли. Тихій утренній вѣтерокъ полоскалъ въ воздухѣ русскіе и австрійско-римскіе флаги.

Но Екатерина, казалось, не видѣла ничего этого. На лицѣ ея покоилась торжественная задумчивость.

И не удивительно! — Она сама сознавала въ себѣ теперь Семирамиду не только Сѣвера, но и Юга.

— Что сказалъ-бы теперь старикъ Вольтеръ? — невольно шепчутъ ея губы.— „C'est moi qui salue la Grande Semiramis du Nord et du Midi..." Oh, mon philosophe!... „La reine Falestrice alla cajoler Aléxandre le Grand, mais Aléxandre serait venu vous faire la cour..." Да, да... Александру Великому льстила царица Фалестрина, а мнѣ льстятъ цари, императоры—этотъ Іосифъ Второй, императоръ римскій и германскій, преемникъ Цезарей, и этотъ—Станиславъ Понятовскій, король польскій, преемникъ Стефана Баторія, Іоанна Собѣскаго — ma créature... Онъ такъ растѣрялся, прощаясь со мной послѣ свиданія подъ Каневымъ, что забылъ свою шляпу, и когда я напомнила ему объ этомъ, онъ отвѣчалъ: „я не забылъ, ваше величество, что когда-то вы подарили мнѣ шляпу дороже этой" — это корону Польши и Литвы; но одну уже отняла я у него.

Съ тою же задумчивостью императрица прошлась нѣсколько разъ по кабинету и подошла къ другимъ окнамъ, выходившимъ на востокъ. Вдали, изъ туманной дымки, выступалъ массивъ Чатырдага.

— Царь-гора... Такихъ я сроду не видывала — истинно, царь-гора... И вотъ я пришла къ ней, какъ Магометъ когда-то подходилъ къ той горѣ, что не слушалась его... А Чатырдагъ послушался меня: онъ перешелъ въ мое подданство, и я пришла къ нему, какъ къ моему подданному. А когда-то, говорятъ, видѣлъ онъ и Одиссея, прибитаго моремъ къ берегу лестригоновъ, и злополучную дочь Агамемнона, царя царей, Ифигенію, и ея несчастнаго брата Ореста, преслѣдуемаго фуріями-немезидими,.. Царство Митридата!... оно стало теперь моею губерніей... О! встали бы вы теперь изъ гробовъ, Августы, Цезари, Адріаны и Траяны и посмотрѣли-бы на *мое* царство!

Она гордо подняла голову и улыбнулась.

— Да, да, — правъ былъ Мардефельдъ... Помню, когда я была еще великою княжною и не смѣла мечтать о русской коронѣ, онъ на одномъ придворномъ балу тихо шепнулъ: „vous regnerez, ou je ne suis qu'un sot", а я на это тихонько отвѣчала: „j'accepte l'augure"... Да, и вотъ я царствую уже двадцать-пять лѣтъ... Какъ быстро время прошло!... какъ быстро проходитъ жизнь и всего быстрѣе — для царей: время—вотъ кто владыка надъ царями... и оно безжалостно, оно не милостивѣе царей...

Цари милують, а оно—никогда! Но и оно меня милуетъ: оно не вплело въ мою вдовью косу ни одного сѣдого волоска...

— Вдовью!—она горько улыбнулась.

Мысль моментально перенесла ее въ далекій, маленькій Штетинъ, гдѣ родилась она, гдѣ маленькими ножками бѣгала по мрачнымъ заламъ отцовскаго дома... Она была только — дочь губернатора Прусской Помераніи... Помераніи... Жалкая родина!... жалкое море!. А вотъ бирюзовое море— не чета жалкому Финскому заливу... „О, царь и первый русскій императоръ Петръ Алексѣевичъ! какъ-бы ты позавидовалъ мнѣ, если бъ увидалъ мои корабли вотъ въ этой бухтѣ, въ этомъ морѣ, откуда рукой подать до Константинополя...“

Она подошла къ столу, но, видимо, не могла заниматься дѣлами. Одна мысль гнала другую: въ душѣ ея видѣнія прошлаго и настоящаго мѣнялись, какъ въ калейдоскопѣ.

— „Оставимъ мудрецамъ доказывать, что земля вертится вокругъ солнца... Наше солнце вкругъ насъ ходитъ, и грѣетъ и освѣщаетъ насъ...“ О, льстивый, умный попикъ!.. надо его приподнять поближе къ солнцу.

Она опять задумалась.

— Сколько пережито!.. какія терніи перейдены на пути, и въ корону вплетены одни лавры, только лавры!.. Степанъ Черногорскій, Пугачевъ, Тараканова—всѣ мои враги—гдѣ вы теперь?.. гдѣ прахъ вашъ?.. Одинъ Беніовскій, говорятъ, сталъ королемъ Мадагаскара... Безумецъ!.. онъ хотѣлъ помѣряться со мной... Что-жъ!.. король Мадагаскара и... Фелица!

За дверью послышалось чье-то сердитое ворчанье.

— Ну, достанется мнѣ,—улыбнулась императрица:—Захаръ опять за что-то на меня разгнѣвался.

Она отворила дверь. По серединѣ опочивальни, съ полотенцемъ на плечѣ, стоялъ знаменитый камердинеръ Екатерины, извѣстный всему придворному міру Захаръ, а для искателей у императрицы, у всѣхъ сановниковъ—„милостивецъ Захаръ Константиновичъ“ Зотовъ: въ немъ заискивали вельможи, фрейлины, статсъ-дамы, министры, посланники, забывая, что онъ—просто камердинеръ. Захаръ стоялъ мрачный какъ туча и даже не повернулъ головы, когда императрица показалась въ дверяхъ опочивальни.

— Здравствуйте, Захаръ Константиновичъ, съ добрымъ утромъ! — ласково, даже заискивающе заговорила Екатерина, силясь скрыть предательскую улыбку.

— Здравія желаемъ, матушка государыня,—угрюмо отвѣчалъ Захаръ.

— Ты, кажется, чѣмъ-то разстроенъ?—съ притворной участливостью спросила императрица.

Захаръ Константиновичъ сдѣлался еще мрачнѣе.

— Увольте меня, государыня, ежели я вамъ не угоденъ,—съ комической горечью сказалъ онъ.

— Уволить!—удивилась императрица:—за что-же?

— Я вамъ не угоденъ сталъ,—былъ сухой отвѣтъ.

— Да чѣмъ-же, Захарушка?... чѣмъ я провинилась передъ тобой?—спрашивала Екатерина.

Захаръ молчалъ, укоризненно глядя на ночной столикъ императрицы, на которомъ стоялъ кофейникъ, спиртовая лампочка, и всѣ принадлежности для приготовленія кофе.

— Чѣмъ же?—повторила императрица.

— А это что?—указалъ онъ на приборъ.

— Это я, Захарушка, кофе себѣ варила—для скорости,—оправдывалась государыня.

— А развѣ у русской царицы слугъ нѣтъ?—мрачно и торжественно спросилъ обиженный камердинеръ.

— Да я, Захарушка, не хотѣла никого безпокоить,—продолжала оправдываться императрица:—думаю, всѣ съ дороги устали...

— Устали!... А русская царица и устали не должна знать?

— Не должна, Захарушка.

— Ну, такъ увольте меня!

— Помилуй, голубчикъ Захаръ Константиновичъ!.. На кого жъ ты меня покинешь?

— Найдутся подлипалы... Ишь что выдумала! Допрежъ сего никто, кромѣ Захара Константиновича, не смѣлъ варить ей кофе... а теперь... на поди!.. сама!.. не любъ, вѣрно, сталъ Захаръ Константиновичъ!... другого нашла...

Императрица не вытерпѣла и расхохоталась.

— Да, вамъ смѣшно,—нѣсколько смягченнымъ голосомъ заговорилъ обиженный:—а мнѣ не до смѣху... А это еще что?—онъ трагически указалъ на осколки дорогой фарфоровой чашки, валявшiеся на полу у постели.

— Виновата, Захарушка... прости!—это я нечаянно... ночью... пришелъ мнѣ въ голову одинъ стишокъ въ похвалу Крыму и князю Григорію Александровичу,—я и хотѣла записать, да какъ потянулась за свѣчей—и задѣла чашечку... Ну, прости великодушно,—смиренно винилась императрица.

— Эхъ!—махнулъ рукой суровый камердинеръ,—на тебя не напасешься посуды... Вонъ въ Кеивѣ разбила, въ Херсони разбила...

Екатеринѣ нравилось такое обращеніе съ нею прислуги. Она любила, когда съ нею говорили на „ты": „матушка", „государыня", „ты" и то п это... Требовалось это невольно, по чувству самовластія, какъ-бы въ противовѣсъ той приторной, пересоленной лести, не всегда, конечно, умѣстной и всегда не искренней, которая неразлучна съ придворнымъ рутиннымъ этикетомъ...

— Ба-ба-ба! кажется, голову мылятъ всемилостивѣйшей государынѣ..! Ай да Захаръ Константиновичъ!.. такъ ее! пуши! пуши!

Въ дверяхъ стоялъ неисправимый „шпынь", Левушка, оберъ-шталмейстеръ Левъ Александровичъ Нарышкинъ, вѣрный слуга и испытанный другъ Екатерины.

IV.

Екатерина II, Левушка и хохолъ-графъ.

Императрица пошла навстрѣчу Нарышкину и ласково съ нимъ поздоровалась. Зато Захаръ, который началъ было уже смягчаться, опять принялъ недовольную мину, когда Левъ Александровичъ обратился къ нему съ улыбкой:

— Однако, Захаръ Константиновичъ, ты въ струнѣ держишь нашу матушку государыню.

— Въ струнѣ!—огрызнулся Захаръ:—васъ, сударь, некому въ струнѣ-то держать.

— Правда, правда, совсѣмъ отъ рукъ отбился,—согласилась Екатерина:—все волочится за графомъ Фалькенштейномъ.

— Гдѣ, матушка, за нимъ угоняться!—засмѣялся Нарышкинъ: — ужъ и теперь, ни свѣтъ, ни заря, а они съ графомъ Ангальтомъ роются въ развалинахъ Корсуня—отыскиваютъ стрѣлу Анастасія.

— Какого Анастасія?—удивилась императрица.

— Какъ же, матушка! - Помните, когда вашъ предокъ, великій князь, равноапостольный Владиміръ бралъ этотъ городъ Корсунь приступомъ и не могъ взять, то изъ города нѣкій грекъ Анастасій пустилъ въ лагерь великаго князя стрѣлу, а на стрѣлѣ цыдулочка, въ коей было сказано, что Корсунь только тогда можно взять изморомъ, когда отъ города отведена будетъ вода, проведенная въ него изъ дальняго источника—и указалъ его мѣсто.

— Помню, помню,—вспомнила Екатерина:—такъ ищутъ эту стрѣлу, говоришь?

— Ищутъ, матушка.

— Для чего?

— Чтобъ пустить ее въ Варшаву, въ замокъ королевскій, дабы показать Станиславу Августу, гдѣ онъ потерялъ свою голову и шапку.

Екатерина молча погрозила ему пальцемъ.

Въ кабинетъ въ это время входилъ лѣтъ сорока мужчина съ портфелемъ подъ мышкой. Войдя тихой, неслышной походкой, онъ низко, не особенно ловко, поклонился.

— Графъ изъ бурсы,—чуть слышно шепнулъ Нарышкинъ.

— А графъ Александръ Андреевичъ! — съ ласковой улыбкой встрѣтила его императрица.

Это былъ новопожалованный графъ Безбородко. Онъ снова поклонился.

— Что у тебя?—спросила Екатерина.

— Нѣкоторые проекты къ 28-му іюня, ваше величество,—отвѣчалъ Безбородко.

— А что 28-го іюня?—снова спросила императрица.

— Ай-ай-ай, матушка государыня!—покачалъ головою Нарышкинъ:—старѣться мы начинаемъ, матушка.

— Какъ старѣться!—удивилась Екатерина.

— А какъ же-съ, государыня!—28-го іюня мы празднуемъ двадцатипятилѣтіе нашего царствованія—забыли?

— Ахъ, Левушка! вотъ ты и пристыдилъ меня,—улыбнулась государыня.—А въ самомъ дѣлѣ, графъ, что намъ готовить къ 28-му іюня?—обратилась она къ Безбородку.

— Тутъ, ваше величество, все изложено,—отвѣчалъ этотъ послѣдній, кладя на столъ бумаги.

— Спасибо, графъ,—наклонила голову императрица.—Хорошо, что, отдыхая теперь, съ свѣжею головою и лучшими свѣдѣніями можно прилежнѣе работать въ эрмитажѣ. Я все вижу и слышу, хотя не бѣгаю какъ императоръ Іосифъ II. Онъ много читалъ и имѣетъ свѣдѣнія, но, будучи строгъ противъ самого себя, требуетъ отъ всѣхъ неутомимости и невозможнаго совершенства, — не знаетъ русской пословицы — мѣшать дѣло съ бездѣльемъ... Двухъ бунтовъ самъ онъ былъ причиною. Тяжелъ въ разговорахъ. Prince de Ligue, cachant sous la frivolité le philosophe le plus profond et ayant le coup d'oeil juste, его перевертываетъ *).

— Вѣрно, государыня,—подтвердилъ Нарышкинъ:—и оттого онъ теперь и ищетъ стрѣлу Анастасія.

Безбородко поглядѣлъ на него вопросительно.

— Ахъ, да, графъ,—обратился къ нему Нарышкинъ:— не забудьте, чтобъ къ двадцатипятилѣтнему юбилею нашего славнаго царствованія готовы были къ императорскому столу и хохлацкія галушки, и вареники и сало.

— Все будетъ готово, ваше высокопревосходительство, — шутливо, съ малороссійскимъ акцентомъ отвѣчалъ хохолъ графъ.

— Ну, что, графъ, какъ тебѣ нравятся новопріобрѣтенныя нами владѣнія?—спросила императрица, перелистывая поданныя ей докладчикомъ бумаги.

— Это новые алмазы въ коронѣ вашего величества, — съ поклономъ отвѣчалъ хохолъ царедворецъ.

— Именно, алмазы!—съ жаромъ подтвердила Екатерина:—пріобрѣтеніе сіе важно. Предки дорого бы заплатили за это. Но есть люди мнѣнія противнаго, которые жалѣютъ еще о бородахъ, Петромъ Первымъ выбритыхъ. Александръ Матвѣевичъ (Дмитріевъ-Мамоновъ, на то время фаворитъ императрицы) молодъ и не знаетъ тѣхъ выгодъ, кои чрезъ нѣсколько лѣтъ явны будутъ.

---

*) Весь этотъ монологъ Екатерины—не измышленіе автора, а буквально выписанъ изъ „Дневника А. В. Храповицкаго" (изд. Н. Барсукова, 1874, стр. 35—36). Оттуда-же взяты и послѣдующіе ея разговоры.

При имени Дмитріева-Мамонова въ глазахъ Нарышкина блеснулъ лукавый огонекъ, но онъ его тотчасъ же потушилъ, спрятавъ глаза подъ рѣсницы и украдкой взглянувъ на Безбородку, глаза котораго, всегда плутоватые, теперь выражали холодное безпристрастіе. Между тѣмъ оба царедворца очень хорошо знали, что въ неодобреніи или въ недостаточномъ восхищеніи со стороны молодого временщика новозавоеванными Потемкинымъ областями скрыта зависть къ этому послѣднему бездарнаго любимца Екатерины. Но ни Нарышкинъ, ни Безбородко ничего не сказали.

— Графъ Фалькенштейнъ видитъ другими глазами, — продолжала императрица.—А Фицъ-Гербертъ (англійскій посланникъ въ Петербургѣ) слѣдуетъ англійскимъ правиламъ, которыя довели Великобританію до нынѣшняго ея худого состоянія.

— Зато графъ Сегюръ, кажется, ходитъ на одномъ котурнѣ,—загадочно замѣтилъ Нарышкинъ.

— Нѣтъ, Левушка,—возразила Екатерина:—графъ Сегюръ понимаетъ, сколь сильна Россія; но его министерство, обманутое своими эмиссерами, тому не вѣритъ, и воображаетъ мнимую силу Порты. Полезнѣе бы для Франціи было не интриговать. Сегюръ, кромѣ здѣшняго двора, нигдѣ министромъ быть не хочетъ, а между тѣмъ...

Императрица не кончила: въ кабинетъ входило новое лицо.

V.

Перлюстрація.

— Готово?—спросила императрица входящаго.

— Все готово-съ, ваше величество,—съ низкимъ поклономъ отвѣчалъ вошедшій.

— Есть что-нибудь?—спросили снова.

— Есть, ваше величество.

Вошедшій былъ красенъ какъ послѣ бани. Лицо его свѣтилось, и онъ торопливо вытиралъ выступавшій на лбу потъ, нервно комкая фуляръ.

— Что, потѣешь?—спросила императрица, съ улыбкой взглянувъ на Нарышкина.

— Безпрестанно-съ потѣю, ваше величество,—отвѣчалъ вошедшій.

— И я также.

— И не удивительно, матушка,—замѣтилъ Нарышкинъ, вертя между пальцами табакерку: — ты ему баню задаешь каждый день, а тебѣ— Захаръ.

— Правда, правда,—согласилась Екатерина.

Вошедшій былъ знаменитый авторъ своего „Дневника“, Александръ Васильевичъ Храповицкій, личный секретарь императрицы, переписчикъ ея стиховъ, комедій, шутокъ и постоянно находившійся у ней на побѣгушкахъ.

Оттого онъ и „потѣлъ“ постоянно, и оттого всякій разъ, когда онъ входилъ къ Екатеринѣ, она непремѣнно спрашивала его: „потѣешь?“ и постоянно получала въ отвѣтъ: „потѣю-съ“. Оттого и весь „Дневникъ“ его такъ и пестритъ этимъ, далеко не придворнымъ глаголомъ. Но главное занятіе Храповицкаго при Екатеринѣ было — „Перлюстрація“, секретное вскрытіе чужихъ писемъ, особенно писемъ и депешъ иностранныхъ пословъ къ своимъ дворамъ и семействамъ или друзьямъ, а равно всей придворной переписки.

Съ перлюстраціоннымъ докладомъ и теперь явился Храповицкій.

— Ну, давай, давай—посмотримъ,—протянула къ папкѣ Храповицкаго свою пухленькую руку Екатерина.

Храповицкій подалъ, продолжая отдуваться и теребить фуляръ, между тѣмъ какъ Екатерина бѣгло пробѣгала поданныя ей бумаги.

— А!... письмо польскаго короля къ графу Сегюру... благодаритъ за любезность... жалуется на неразговорчивость и угрюмость князя Григорія Александровича... Онъ, Станиславъ Августъ, правъ: во время моего свиданія съ королемъ подъ Каневымъ, я была какъ на иголкахъ: князь Потемкинъ не говорилъ ни слова и точно дулся, и принуждена была я говорить безпрестанно—у меня языкъ засохъ. Я почти разсердилась, когда король просилъ меня еще остаться: онъ торговался сначала на три дня, потомъ на два, а потомъ—хоть для обѣда на другой день.

— Ахъ, государыня,—лукаво замѣтилъ Нарышкинъ:—вѣдь онъ хотѣлъ показать, что если глупому сыну и не въ прокъ пошло „матернее“ наслѣдство (на словѣ „матернее“ онъ сдѣлалъ удареніе), что если онъ и потерялъ камзолъ, штаны и жилетъ...

Императрица невольно засмѣялась.

— Это ты Литву камзоломъ называешь?

— Литву, государыня.

— А штаны—Галицію съ Краковомъ.

— Такъ точно, матушка.

— Ну, понимаю: жилетъ—это Познань.

— Истинно такъ, матушка государыня,—продолжалъ Нарышкинъ все въ томъ же лукаво-шутовскомъ тонѣ:—вотъ онъ и хотѣлъ показать, что хоть онъ и безъ штановъ, а все же король.

— Какъ король Мадагаскара?—улыбнулась Екатерина.

— Это баронъ Морицъ Анадаръ Беніовскій? Нѣтъ, этотъ, государыня, въ модныхъ французскихъ штанишкахъ—кюлотахъ.

— Нѣтъ, я говорю о его предмѣстникѣ, о Радамѣ—тотъ безъ штановъ ходилъ, а въ треуголкѣ.

— Да, да, матушка, —согласился Нарышкинъ:—я говорю о Станиславѣ Августѣ: хоть онъ и похожъ теперь на Радаму, однако на головѣ у него еще осталась золотая шапка, что ты, матушка, ему подарила. Онъ и хотѣлъ доказать тебѣ, что еще можетъ угостить тебя обѣдомъ, въ благодарность за твою шапку.

Императрица перелистывала уже другія письма.

— Ба!.. вотъ новость!—удивилась она:— графиня Сегюръ пишетъ мужу, что де-Калонія уже смѣненъ. Все это assemblée des notables надѣлала. Да, не всякому сіе удается: мы могли сдѣлать собраніе депутатовъ.

Никто при этомъ не замѣтилъ, какъ при послѣднихъ словахъ лукавый огонекъ вспыхнулъ въ хитрыхъ глазахъ графа Безбородка: онъ лучше другихъ зналъ, удалось-ли „собраніе депутатовъ" и чего стоило расхлебать эту конституціонную затѣю, которою была пущена пыль въ глаза по адресу Вольтера и всей Европы.

— Ты это перескажи моему Матвѣичу,—не замѣчая ничего, продолжала Екатерина, обращаясь къ Храповицкому,—а онъ, pour se donner le ton, перескажетъ князю Барятинскому.

— Слушаю, ваше величество,—поклонился Храповицкій.

Подъ „моимъ Матвѣичемъ" Екатерина разумѣла своего фаворита Дмитріева-Мамонова, а князь Барятинскій былъ ея гофмаршаломъ, которымъ она не всегда была довольна и потому иногда говорила по его адресу: „не купи села, купи приказчика" *).

— А! вотъ это сюрпризъ,—замѣтила императрица, остановившись на одной бумагѣ:—въ секретной депешѣ изъ Берлина сообщаютъ, что кронъ-принцъ Фридрихъ Вильгельмъ, которому теперь уже семнадцать лѣтъ, побранился съ приставленнымъ къ нему графомъ Брилемъ, и король арестовалъ сына. Впрочемъ, сіе не послужитъ къ его исправленію: car il est d'un caractère violent et fougueux—таковъ былъ дѣдъ, таковъ и отецъ.

— Какова яблонька, таково и яблочко,—вставилъ Нарышкинъ

Послѣ перлюстраціоннаго доклада Храповицкій подалъ императрицѣ другія бумаги.

— Это что?—спросила она.

— Черновой журналъ путешествія вашего величества,—отвѣчалъ докладчикъ.

Императрица стала просматривать его.

— А, это надо вычеркнуть,—замѣтила она, глянувъ на Безбородку:—тутъ говорится — помните—о томъ, какъ въ одномъ мѣстѣ, на Днѣпрѣ, прижало къ берегу галеру „Днѣпръ": не вышло бы пустыхъ разглашеній и толковъ.

— Что Днѣпръ прижалъ своего тезку „Днѣпра"?—улыбнулся неунывающій Левушка.

— Да, Левушка,—каламбуръ.

— Бываетъ, матушка, что и тезка тезку прижимаетъ.

— Довольно!—откинулась въ креслѣ императрица:—на сей разъ будетъ... Надо показать моимъ гостямъ наше пріобрѣтеніе. Князь Григорій

*) „Дневникъ" Храповицкаго, 91.

Александровичъ... ахъ, да!—обратилась она къ Храповицкому: — что не видать ни Матвѣича, ни князя Потемкина?

— Его свѣтлость распоряжается украшеніемъ галеры для катанья вашего величества съ августѣйшимъ гостемъ и послами,—отвѣчалъ Храповицкій.

— Да, да, князь хочетъ насъ потѣшить... Да оно и кстати: какое здѣсь благорастворенiе воздуха, какой климатъ!... Жаль, что не тутъ построенъ Петербургъ... Проѣзжая всѣ сіи мѣста, воображаются времена Владиміра Перваго, въ кои много было обитателей въ здѣшнихъ странахъ... Теперь нѣтъ ужъ татаръ, да и турки не тѣ *).

— Какъ нѣтъ, матушка, татаръ?—лукаво спросилъ Левушка:—а ханъ Шагинъ-Гирей?

— О! его глупость и тиранство извѣстны давно,—улыбнулась императрица: — онъ и шашлыка приготовить не сумѣетъ... Однако, господа, мнѣ пора одѣваться къ выходу.

И императрица милостивымъ наклоненіемъ головы отпустила своихъ приближенныхъ.

VI.

На яхтѣ.

Черезъ часъ, изъ севастопольской бухты выходила императорская яхта, красиво убранная разноцвѣтными флагами.

На яхтѣ, подъ роскошнымъ балдахиномъ, драпированнымъ краснымъ сукномъ, горностаями и золотыми кистями и осѣненнымъ двухглавымъ орломъ, на возвышеніи, въ родѣ трона, возсѣдала императрица рядомъ съ своимъ августѣйшимъ гостемъ, Іосифомъ II, императоромъ германскимъ и римскимъ, прикрывшимся скромнымъ инкогнито графа Фалькенштейна. Ихъ окружало блестящее общество сановниковъ: пословъ, министровъ, придворныхъ. Были тутъ и принцъ де-Линь, и графы Сегюръ и Фицъ-Гербертъ, и „великолѣпный князь Тавриды"—Потемкинъ, и графъ Безбородко, и Дмитріевъ-Мамоновъ, и Левъ Нарышкинъ, и Храповицкій и много другихъ.

Императрица была необыкновенно оживлена. Тихое, чудное весеннее утро способствовало всеобщему оживленію. Играла музыка, когда яхта выходила изъ бухты. Новые корабли, построенные Потемкинымъ въ Херсонѣ и прибывшіе въ Севастополь, пушечными выстрѣлами салютовали императорской яхтѣ. Между ними особенно красовался новенькій 80-ти пушечный корабль „Іосифъ II". Онъ невольно бросался въ глаза, и австрій-

*) Всѣ приведенные въ послѣднихъ главахъ разговоры императрицы—подлинныя, документальныя слова Екатерины, записанныя Храповицкимъ („Дневникъ", стр. 33—34).

скій императоръ не могъ не обратить на него вниманія. Онъ въ изысканныхъ выраженіяхъ благодарилъ Екатерину за эту любезность. Императрица указала на Потемкина, который сидѣлъ не далеко, повидимому, холодный и ко всему равнодушный.

— C'est prince qui... Cela est galat.

Потемкинъ молча поклонился и императрицѣ и Іосифу II.

— Видите, графъ, эти развалины на берегу, — обратилась Екатерина къ послѣднему:—отсюда свѣточъ христіанской религіи заблисталъ на всю русскую землю.

— Какимъ образомъ, ваше величество?—спросилъ Іосифъ.

— Это—развалины бывшаго греческаго города Херсонеса-таврическаго или Корсуня,—отвѣчала императрица:—и въ этомъ городѣ великій князь кіевскій, Владиміръ I, мой равноапостольной предокъ, принялъ святое крещеніе.

Нѣсколько дальше берегъ представлялъ необыкновенное зрѣлище. Это Потемкинъ устроилъ своимъ высокимъ гостямъ оригинальный сюрпризъ: отборные наѣздники донского казачьяго полка производили джигитовку, показывая необыкновенную, изумительную ловкость. Всѣ были поражены.

— Oh, c'est ravissant!.. c'est incroyable! — невольно воскликнулъ принцъ де-Линь.

— 'Sist wunderbar!—обмолвился Іосифъ по-нѣмецки.

— Oui, messieurs,—cela fait naitre de réflections, — улыбнулась императрица.

Теперь съ яхты особенно хорошо видны были развалины Херсонеса. Полуразрушенныя стѣны изъ громадныхъ плитъ, сѣрыя, мрачныя, полуобвалившіяся башни и бѣлѣвшіеся изъ-за стѣнъ скелеты мраморныхъ колоннъ, карнизы и капители храмовъ — все это отдавало глубочайшей, эллинской древностью. Надъ развалинами и около яхты съ жалобнымъ крикомъ вились морскія чайки.

— Ахъ, какъ они кричатъ!—замѣтила Екатерина.

— Они привѣтствуютъ ваше величество, они радуются!—нашелся галантный французъ, принцъ де-Линь.

— Нѣтъ, принцъ,—чайки плачутъ, — поправилъ его Нарышкинъ съ его, повидимому, невинной, но лукавой улыбкой.

— Почему же?—спросила Екатерина, ожидая новой выходки отъ своего „шпыня" Левушки.

— Они жалуются вашему величеству на князя Григорія Александровича,—отвѣчалъ „шпынь".

— Вотъ какъ!.. за что-же?

— Да князь, государыня, разоряетъ ихъ гнѣзда.

— Какая же князю въ нихъ надобность?

— А какъ же, государыня: чайки въ развалинахъ Херсонеса кладутъ свои яйца, а князь Григорій Александровичъ велитъ разбирать эти стѣны и башни для постройки Севастополя, какъ когда-то калифы Египта обди-

рали пирамиды и ихъ облицовку для мощенія улицъ въ Каирѣ,—отвѣчалъ Нарышкинъ съ миной шута.

— Вотъ какъ!—уронила Екатерина.

Обвиненіе было злое, хотя шуточное, и Потемкинъ понялъ его.

— Я чайкамъ оставилъ нетронутымъ весь мысъ Фіолентъ, — сказалъ онъ небрежно:—господинъ оберъ-шталмейстеръ можетъ набрать тамъ для своего стола полную шляпу яицъ этихъ чаекъ, конечно, въ свободное отъ служебныхъ занятій время.

„Свободное отъ служебныхъ занятій время“ — это была тоже очень злая фраза, потому что милѣйшій оберъ-шталмейстеръ ровно ничего не дѣлалъ, а только всю жизнь шутилъ, всѣхъ „шпынялъ“ и—нечего грѣха таить — занимался городскими и въ особенности придворными сплетнями.

Но императрица не замѣтила этого обмѣна злыхъ остротъ своихъ любимцевъ, потому что занята была разговоромъ съ неумолкаемымъ говоруномъ, принцемъ де-Линь. Ея вниманіе отъ перестрѣлки вельможъ отвлекалъ также разсѣянный видъ Дмитріева-Мамонова, на котораго она иногда бросала тревожный взглядъ.

— C'est une oppression de poitrine—n'est ce pas?—тихо спросила она.

— Oui, madame,—былъ отвѣтъ.

Но это было не „стѣсненіе въ груди“, а зависть къ Потемкину, который, видимо, былъ героемъ всѣхъ этихъ торжествъ.

Скоро яхта обогнула Херсонесскій мысъ, и на голубомъ фонѣ моря и неба вырѣзался гигантскій мысъ Фіолентъ. Вдали видна была исполинская маковка Чатырдага.

— Какъ это прекрасно!—невольно воскликнулъ императоръ Іосифъ.

— Да,—подтвердила Екатерина:—я ничего величественнѣе не видала.

— Какъ, государыня? — вмѣшался въ разговоръ неугомонный Левушка:—а наша Охта?... Она величественнѣе.

— Развѣ для тебя,—улыбнулась императрица.

За мысомъ Фіолентомъ показался углубленный берегъ, надъ которымъ амфитеатромъ поднимались сѣрыя базальтовыя скалы.

— Вонъ, ваше величество, остатки храма Діаны, — указалъ Потемкинъ на бѣлѣвшіеся на берегу обломки колоннъ.

— Какой Діаны?—спросила Екатерина.

— Діаны таврической, государыня, гдѣ жрицею была Ифигенія, несчастная дочь Агамемнона.

— Неужели?.. Какъ это интересно!

— Но, государыня,—замѣтилъ Іосифъ:—ученые не согласны въ мнѣніяхъ объ этомъ предметѣ: одни помѣщаютъ его на Аюдагѣ, другіе на мысѣ Айэ-Бурунъ.

— А сколько мнѣ помнится, — съ своей стороны замѣтилъ принцъ де-Линь: — французскіе ученые утверждаютъ, что храмъ Діаны или Ифи-

геніи находился на самомъ выдающемся въ море пунктѣ этого берега—такъ, помнится.

— Какой-же это пунктъ?—спросила Екатерина Потемкина.

— Херсонесскій мысъ, государыня,—отвѣчалъ тотъ:—но это не правдоподобно.

— Почему-же?

— Тамъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ развалинъ, а здѣсь—вотъ они.

— Да, да, это вѣроятнѣе.

Но такъ-какъ Іосифъ II былъ начитаннѣе всей этой компаніи и серьезнѣе всѣхъ былъ знакомъ съ классиками, то онъ и рѣшилъ споръ.

— Страбонъ говоритъ,—сказалъ онъ медленно, какъ-бы припоминая давно прочитанное,—что на мысѣ, называемомъ Парѳеніонъ, то-есть мысъ Дѣвы, находился храмъ, посвященный божественной Дѣвѣ—ясно, что Діанѣ, и что мысъ этотъ отстоялъ отъ города Херсонеса во ста греческихъ стадіяхъ.

— Это всего правдоподобнѣе,—подтвердилъ и Потемкинъ.

— Почему же?—спросила императрица.

— Потому, государыня, что если вѣрить Страбону,—а его познаніямъ нельзя не вѣрить,—и если вѣрить его ста стадіямъ, то несомнѣнно, что Херсонесскій мысъ будетъ слишкомъ близко отъ Херсонеса—далеко меньше ста стадій, а мысъ Айя-Бурунъ—ужъ даже слишкомъ далеко. А отъ мыса Фіолента какъ-разъ будетъ сто стадій.

— Браво! браво!—воскликнулъ принцъ де-Линь: — какъ вы должны быть счастливы, ваше величество, что вамъ принадлежитъ такое славное историческое мѣсто. О, если бъ оно было мое!

— Оно и есть ваше, принцъ,—улыбнулась Екатерина.

— Какъ, государыня?.. И Діана моя, и Ифигенія моя?

— Ваши, принцъ! Я вамъ жалую эти мѣста.

И императрица величественнымъ жестомъ обвела береговую полосу земли у спорнаго мѣста.

— Отнынѣ—все это ваше, дорогой принцъ де-Линь.

Но тутъ послѣдовало что-то необычайное.

VII.

У Ифигеніи въ Тавридѣ.

Едва Екатерина произнесла послѣднія слова, какъ принцъ де-Линь быстро всталъ съ своего мѣста, такъ же быстро подошелъ къ борту яхты, вскочилъ на край борта и бросился въ море.

На яхтѣ раздались крики испуга. Всѣ вскочили съ своихъ мѣстъ.

— Боже мой!.. что это такое! — воскликнула императрица въ волненіи.

— Принцъ де-Линь бросился въ море!

— Что съ нимъ?.. съ ума сошелъ?

Но принцъ вынырнулъ изъ воды и, мужественно разсѣкая волны руками, поплылъ къ берегу *)

— Шлюпку за нимъ скорѣе!.. шлюпку!—волновалась Екатерина.

— Ничего, матушка, онъ и въ водѣ не тонетъ,—успокоивалъ ее Нарышкинъ:—ужъ больно легокъ.

— Замолчишь-ли ты, пустомеля!—разсердилась императрица.

— Что-жъ, матушка, правду говорю: легонекъ.

Шлюпку между тѣмъ спустили на воду и она поспѣшала за отважнымъ пловцомъ.

— Другую шлюпку надо! — приказывала императрица: — онъ простудится въ мокромъ платьѣ... Александръ Васильевичъ!—обратилась она къ Храповицкому:—прикажи сейчасъ же достать изъ моего гардероба сухое бѣлье, ватный мой капотъ, туфли и весь мой костюмъ—все равно: самъ напросился на маскарадъ.

— Сейчасъ, ваше величество! — заметался Храповицкій, утирая, по обыкновенію, потное лицо.

— И тутъ потѣешь?

— По неволѣ вспотѣешь, ваше величество.

Туалетъ скоро былъ принесенъ. Во вторую спущенную на воду шлюпку сѣли Храповицкій и Нарышкинъ и поплыли къ берегу.

Между тѣмъ принцъ де-Линь благополучно достигъ берега и, взобравшись на обломокъ колонны, закричалъ:

— Я вступаю во владѣніе пожалованными мнѣ россійскою императрицею землями. Ура! да здравствуетъ ваше величество!

— Ура! виватъ!—загремѣло на яхтѣ.

Случай этотъ необыкновенно всѣхъ оживилъ. Толкамъ и остроумнымъ замѣчаніямъ не было конца. Всѣ посылали разныя пожеланія отважному пловцу.

— Сегодня же заготовь указъ въ сенатъ о пожалованіи земель принцу де-Линю,—серьезно сказала императрица графу Безбородкѣ.

— Будетъ исполнено, ваше величество,—отвѣчалъ тотъ.

Между тѣмъ и обѣ шлюпки достигли берега. Нарышкинъ обратился къ принцу съ такою рѣчью.

— Всемилостивѣйшая наша государыня въ матернемъ попеченіи о вашемъ здравіи, принцъ и въ похвалу отмѣннаго мужества вашего, жалуетъ васъ особою милостью, знаки коей—капотъ, чепчикъ, сорочку, кальсоны,

*) И этотъ фактъ—не измышленіе автора этого разсказа. Онъ записанъ французскимъ путешественникомъ, графомъ де-Лагардомъ, со словъ генерала Шаплица, друга принца де-Линя, въ книгѣ: „Voyage de Moscou à Vienne, par le comte de-Lagarde. Paris. 1824“.

чулки, подвязки и туфли—при семъ препровождая, повелѣваетъ: возложить ихъ на себя и носить по установленію.

Принцъ де-Линь торжественно сталъ на одно колѣно и съ знакомъ величайшаго благоговѣнія принялъ пожалованный ему женскій костюмъ.

— А гдѣ же я переодѣнусь?—спросилъ онъ:—вѣдь здѣсь, на виду, нельзя.

— Думаю, что нельзя,—отвѣчалъ Нарышкинъ:—тѣмъ болѣе, что вы теперь дама.

— А вонъ на верху хижина, не то шалашъ,— указалъ Храповицкій на знакомый уже намъ шалашъ стараго садовника.

— Отлично!—одобрилъ принцъ.

Взявъ съ собою двухъ матросовъ, принцъ де-Линь, Нарышкинъ и Храповицкій стали взбираться на скалистый берегъ, къ саду и шалашу садовника. Подъемъ былъ очень крутъ, но они все-таки достигли цѣли.

Съ яхты доносился оживленный говоръ. Чайки продолжали свою вѣчную пѣсню, кружась въ воздухѣ и садясь на острые карнизы скалъ и мыса Фіолента.

Но среди крика чаекъ и гармоническаго шума прибоя морскихъ валовъ у берега слышался чей-то человѣческій плачъ. По мѣрѣ приближенія къ шалашу плачъ этотъ становился явственнѣе: теперь уже можно было ясно слышать, что это былъ женскій плачъ и что плакали въ шалашѣ.

Въ это время навстрѣчу высокимъ гостямъ вышелъ знакомый намъ старикъ садовникъ. Увидавъ господъ, онъ низко поклонился.

— Здравствуй, дѣдушка!—привѣтствовалъ его Нарышкинъ:—ты здѣшній будешь?

— Тутошный, кормилецъ баринъ.

— А кто это плачетъ въ шалашѣ?

— Внучка моя, Дунюшка, милостивецъ.

— Объ чемъ же это она?

— Объ женихѣ, кормилецъ, жениха ейнова сичасъ въ желѣза заковали.

— За что, старина?

— Ни про-што, родимый: въ некрута взяли.

Узнавъ, въ чемъ дѣло, принцъ де-Линь заволновался.

— Какое варварство!.. quelle cruauté!.. Я буду просить императрицу, чтобъ его освободили,—да я, наконецъ самъ могу освободить его: онъ мой подданный! Мнѣ лично пожалована эта земля и все что на ней и въ ней— я государь этихъ мѣстъ!

Храповицкій сказалъ старику, чтобъ вызвалъ изъ шалаша свою внучку, потому что „этому барину нужно переодѣться“.

— Это—великій вельможа,—пояснилъ онъ:—онъ почетный гость нашей всемилостивѣйшей государыни.

Старикъ окликнулъ внучку, которая, услыхавъ вблизи незнакомые голоса, перестала плакать.

— Подь сюда, Дуня,—сказалъ онъ, заглядывая въ шалашъ: — сюда пришли большіе, добрые господа.

Дѣвушка показалась въ дверяхъ своего бѣднаго помѣщенія. Прекрасные глаза ея были заплаканы, но выраженіе горя сдѣлало ея симпатичное личико еще прелестнѣе.

— Quelle beauté! quel charme distingué! — невольно вырвалось восклицаніе у принца де-Линь.

— Да, это сама Діана,—то же по-французски сказалъ Нарышкинъ:—а это ея храмъ (онъ указалъ на шалашъ)—какая жестокость боговъ! — Какъ тебя зовутъ, душенька?—спросилъ онъ.

— Авдотьей,—тихо отвѣчала дѣвушка.

— Такъ твоего жениха взяли въ рекруты?

— Взяли... И дѣвушка закрыла лицо руками.

Принцъ де-Линь закипѣлъ благороднымъ негодованіемъ и жалостью къ бѣдной дѣвочкѣ.

— Я не потерплю этого!.. я возвращу ей жениха!

Онъ забылъ, что былъ очень комиченъ въ мокромъ платьѣ, съ котораго еще текла вода. Искусно завитые волосы его теперь падали на спину и на плечи мокрыми прядями. Дорогія манжеты превратились въ тряпки.

— Вамъ поскорѣй надо переодѣться, принцъ, а то вы простудитесь,— напомнилъ ему Храповицкій.

— Ахъ, да, да!.. я сейчасъ.

Онъ вошелъ въ шалашъ, а матросъ принесъ ему туда костюмъ для переодѣванія.

Нарышкинъ и Храповицкій утѣшали дѣвушку.

— Не плачь, душенька, тебѣ сегодня-же воротятъ жениха.

Старикъ повалился въ ноги господамъ. Дѣвушка также кланялась въ землю.

— Встаньте, встаньте! государыня милостива—она все сдѣлаетъ.

VIII.

Счастливый конецъ.

Обѣ шлюпки черезъ нѣсколько минутъ отчалили отъ берега и поплыли къ императорской яхтѣ.

Въ одной шлюпкѣ сидѣли: принцъ де-Линь въ капотѣ императрицы, въ чепчикѣ и въ туфляхъ, онъ былъ очень комиченъ; рядомъ съ нимъ сидѣла Дуня—ни жива, ни мертва; тутъ-же находились Нарышкинъ и Храповицкій. Въ другой шлюпкѣ помѣщался старикъ-дѣдъ съ матросами.

Скоро шлюпки пристали къ яхтѣ, и пловцы вступили на ея палубу. Впереди шелъ принцъ де-Линь въ ночномъ чепцѣ и капотѣ императрицы,

ведя съ собою рядомъ Дуню. Нарышкинъ велъ съ собою старика-дѣда, а Храповицкій замыкалъ шествіе. Всѣ глядѣли на нихъ съ удивлоніемъ.

Подойдя къ возвышенію, на которомъ сидѣла Екатерина, принцъ де-Линь опустился на одно колѣно.

— Вассалъ вашего императорскаго величества, владѣлецъ храма Діаны и окрестныхъ съ нимъ земель имѣетъ честь принести присягу своему могущественному сюзерену,—торжественно произнесъ онъ.

— Радостно принимаю присягу моего вассала, — съ напускной торжественностью произнесла императрица.—А кто сія дѣвица?

— Это жрица богини Діаны, Ифигенія, злополучная дочь царя Агамемнона.

— Чего она отъ меня желаетъ?

— Она умоляетъ о дарованіи свободы своему брату Оресту.

— А кто его лишилъ свободы? какія Немезиды?

— Твои чиновники, всемилостивѣйшая государыня: они забили его въ колодку и повезли въ Севастополь сдавать въ рекруты.

Императрица разсмѣялась.

— Орестъ, сынъ царя Агамемнона — въ рекрутскомъ присутствіи! — это очень забавно... Я дарую ему свободу.

— Да здравствуетъ мудрая Екатерина!—воскликнулъ принцъ.

— Да здравствуетъ милостивая Семирамида Сѣвера и Юга!—въ свою очередь воскликнулъ Нарышкинъ, и оба поцѣловали руку императрицы.

— Въ чемъ же дѣло?—обратилась послѣдняя, по-русски уже, къ Нарышкину, съ участіемъ глядя на молодую дѣвушку. — У вашей Ифигеніи очень симпатичное личико.

Нарышкинъ разсказалъ. Услыхавъ, что рѣчь идетъ о внучкѣ и ея женихѣ, старый дѣдъ упалъ на колѣни и распростерся земно какъ передъ иконой. Дѣвушка заплакала и также упала на колѣни, не говоря ни слова.

— При ней его заковали въ цѣпи,—пояснилъ Нарышкинъ:— Орестъ, сынъ царя царей — у тебя, матушка, въ колодкѣ!.. Что сказалъ бы Омиръ!

— Я этого не допущу,—сказала императрица.—Князь Григорій Александровичъ,—обратилась она къ Потемкину,—прикажи немедленно возвратить жениха этой дѣвушкѣ.

— Будетъ исполнено, государыня,—поклонился Потемкинъ.

Императрица встала и сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ къ тому мѣсту, гдѣ въ застывшей позѣ стояла на колѣняхъ Дуня, закрывъ лицо руками, а старикъ продолжалъ лежать, не поднимая сѣдой головы отъ палубы. Встали и всѣ высокіе гости и царедворцы.

Екатерина, объяснивъ по-французски императору Іосифу и иностраннымъ министрамъ смыслъ того, что передъ ними происходило, сказала, обращаясь къ Дунѣ и ея дѣду:

— Встаньте!

Нарышкинъ и Храповицкій поспѣшили ихъ приподнять.

— Въ память моего здѣсь пребыванія,—продолжала Екатерина, — я дарую свободу твоему жениху: тебѣ, добрая дѣвушка, я возвращаю будущаго мужа, а твоему дѣду—честнаго работника.

Вечеромъ, когда солнце опустилось въ море и только послѣдніе лучи его еще не сгасли на голой макушкѣ Чатырдага, на вершинѣ мыса Фіолента виднѣлись двѣ человѣческія фигуры — высокая фигура старика съ сѣдыми волосами и стройная фигура дѣвушки.

Не тѣни-ли это Агамемнона и Ифигеніи, пришедшихъ искать своего несчастнаго сына и брата, Ореста?

А это не его-ли тѣнь приближается отъ развалинъ Херсонеса?

— Онъ идетъ! онъ идетъ!—послышался голосъ Дуни, и она бросилась навстрѣчу двигавшейся отъ развалинъ Херсонеса тѣни.

Но то не былъ Орестъ.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Д. Л. Мордовцева.

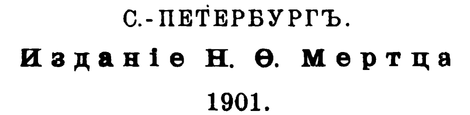
ВЕЛИКІЙ РАСКОЛЪ

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

Часть I.

Томъ XII.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Н. Ѳ. Мертца
1901.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 іюня 1901 г

Типографія „В. С. Балашевъ и К°". Спб., Фонтанка 95.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Попытка къ возврату.

Въ ночь съ 17-го на 18-е декабря 1664 года изъ воротъ Воскресенскаго монастыря, что подъ Москвою, выѣхало нѣсколько саней. Въ переднихъ, съ высокою спинкою, обитыхъ черною матеріею, виднѣлась массивная фигура въ черномъ высокомъ клобукѣ, на которомъ, при мерцаніи звѣздъ и движеніи саней, искрились разноцвѣтные огоньки дорогихъ камней. Противъ него, на переднемъ сидѣньи, виднѣлась другая человѣческая фигура, надъ которою высился большой крестъ, тоже искрившійся огоньками. Проходившіе въ это время по дорогѣ люди, завидя переднія сани и крестъ, поспѣшно отошли въ сторону и упали ницъ.

Ночь была морозная, тихая. На небѣ вызвѣздило. Необыкновенно ярко выступали изъ мрачнаго покрова, раскинувшагося надъ землею, то трепетныя и мигающія, то яркія и дрожащія искры далекихъ огней, брошенныхъ невѣдомою силою въ пространство, и чѣмъ дольше всматривался въ нихъ глазъ, тѣмъ далѣе, казалось, уходили они въ мрачную, безпредѣльную даль и пустоту, такъ что становилось чего-то страшно. Страхъ этотъ ясно изображался на блѣдномъ лицѣ того, который сидѣлъ на переднемъ сидѣньи первыхъ саней и держалъ въ рукахъ высокій металлическій крестъ: онъ, по временамъ, испуганно взглядывалъ на это темное, усѣянное звѣздами небо, на которомъ, среди другихъ звѣздъ, неподвижно стояла страшная, хвостатая звѣзда, словно огненная метла, брошенная на небо хвостомъ на полдень,—и тихо шепталъ молитву.

Поѣздъ двигался скоро, рѣзко визжа полозьями по снѣгу. Возницы, сидѣвшіе на передкахъ саней, тихо, безъ словъ, но торопливо подгоняли лошадей длинными бичами. Во всѣхъ саняхъ виднѣлись черные клобуки— и весь этотъ ночной поѣздъ съ черными клобуками представлялъ что-то таинственное, загадочное.

— Что крестъ-отъ такъ дрожитъ у тебя въ рукахъ?—спросилъ вдругъ тотъ, у котораго на клобукѣ искрились драгоцѣнные камни.

Страховито видѣніе сіе, великій государь, — отвѣчалъ державшій крестъ, указывая на комету.

— То знаменіе Божіе—персть огненный, имъ же Онъ, сый и грядый, судьбы міра пишетъ.

— Къ добру ли знаменіе то, великій государь?

— Судьбы Его кто исповѣсть? Можетъ на враговъ моихъ и сквернителей церкви россійской указуетъ тотъ палецъ огненный, а можетъ на меня.

Черезъ дорогу, впереди саней, промелькнуло что-то сѣренькое и попрыгало по снѣгу къ ближайшему перелѣску.

— Стой, останови сани!—повелительно сказалъ послѣдній голосъ.— Заяцъ перебѣжалъ дорогу... Лукавъ бѣсъ—ненавидитъ добро... Поди, Иванушко, осѣни крестомъ дорогу.

Возница остановилъ коней. Остановился и весь поѣздъ. Лошади встряхивались, гремя наборною сбруею. „Что случилось?“ слышалось изъ прочихъ саней.—„Заяцъ передорожилъ“.

Тотъ, кого называли Иванушкой, вылѣзъ изъ первыхъ саней, держа передъ собою высокій крестъ, прошелъ впередъ и, трижды осѣнивъ крестомъ дорогу, молча воротился на свое мѣсто.

Поѣздъ снова двинулся. Опять завизжали полозья, звонко, рѣзко, словно бы подъ ними кто-то вскрикивалъ отъ боли, жалуясь на холодъ. Снова безмолвно смотрѣли съ неба чьи-то страшныя очи да огненный палецъ— не палецъ, а цѣлая горящая пятерня указывала на что-то далекое, невидимое. Иногда лѣсъ заслонялъ собою горизонтъ и снѣжную, утопавшую во мракѣ равнину, и тогда казалось, что вдоль дороги, по сторонамъ, двигались какія-то тѣни въ саванахъ, изъ-подъ которыхъ простирались длинныя руки, словно закоченѣвшія отъ холода.

Время переходило уже за полночь, и въ ночномъ воздухѣ слышалось что-то похожее не то на продолжительный, неумолкаемый стонъ, не то на далекую, протяжную и плачущую музыку. Сидѣвшій въ переднихъ саняхъ словно какъ-бы вздрогнулъ и вытянулся, къ чему-то прислушиваясь.

— Меня зовутъ... по мнѣ встосковались храмы Божіи, — радостно сказалъ онъ.

То слышался далекій звонъ московскихъ церквей къ заутрени. Скоро близость Москвы стала сказываться все яснѣе и яснѣе. Потянулись изгороди, заборы, боярскія подгородныя усадьбы. Чаще попадались обозы, гуськомъ тянувшіяся въ городъ, къ раннему базару.

У заставы поѣздъ остановленъ былъ окрикомъ сторожей: „кто ѣдетъ?“

— Савина монастыря власти,—отвѣчали изъ первыхъ саней.

— Подвысь! Вольно! Съ Богомъ!

И сторожа, при видѣ креста въ саняхъ, въ недоумѣніи сняли шапки и стали креститься.

Поѣздъ съ крестомъ проѣхалъ прямо въ Кремль и остановился у Успенскаго собора. Въ соборѣ въ это время шла заутреня. Служилъ ро-

стовскій митрополитъ Іона, временной блюститель патріаршаго престола. Народу была полна церковь, такъ полна, что во время молитвенныхъ возглашеній иподіакона вся церковь представляла колыхающуюся массу головъ, которыя, повидимому, не вмѣщались въ тѣсныхъ стѣнахъ обширнаго храма и во всякомъ случаѣ не могли дѣлать истовые размашистые поклоны, какъ то требовалось обычаемъ. Въ спертомъ отъ дыханія воздухѣ свѣчи, которыхъ зажжены были цѣлые лѣса, горѣли тускло, оплывали и чадили. Но при всемъ томъ въ храмѣ царствовала благоговѣйная тишина и только слышались сдержанныя старческія покашливанья да вздохи сокрушенныхъ сердецъ, а то и просто вздохи обычая—что такъ-де надоть, крѣпче будетъ. Надъ всѣмъ этимъ господствовалъ звонкій, грудной, хотя тоже, въ силу обычая, для большей истовости нѣсколько гнусившій голосъ псаломщика—митрополичьяго поддьяка, высоко и шибко забиравшаго большею частью тамъ, гдѣ не слѣдовало. Читалась уже вторая каѳизма. Голосъ чтеца гулко отдавался подъ сводами храма, какъ бы силясь вырваться на морозный воздухъ изъ этой душной, пропитанной восковымъ чадомъ атмосферы.

Вдругъ у входныхъ дверей послышался какой-то шумъ. Сдѣлалось смятеніе. Всѣ головы оборотились назадъ въ ожиданіи чего-то непонятнаго. Входныя двери загремѣли желѣзными засовами, завижжали на петляхъ и и тяжело растворились настежъ. Въ церковь дымными клубами ворвался морозный воздухъ.

Что такое? Не царь ли идетъ?.. Голосъ псаломщика дрогнулъ; но чтеніе не прекращалось.

Стѣна молящихся посунулась впередъ и уперлась о самый амвонъ. Тѣ, которые занимали середину церкви, шарахнулись въ стороны, какъ овцы, прижимаясь къ стѣнамъ и колыхая паникадилами, которыя чуть не попадали—да упасть было некуда—попадали только нѣкоторыя свѣчи.

Показались ряды монаховъ съ заиндевѣвшими отъ мороза бородами. За монахами — высокій, блестящій золотомъ и самоцвѣтными камнями крестъ. За крестомъ—высокая, коренастая, осанистая фигура въ черномъ клобукѣ, на которомъ блеститъ и искрится отливающій всѣми цвѣтами радуги налобный крестъ. Лицо вошедшаго за крестомъ—блѣдное, суровое, съ выраженіемъ чего-то повелительнаго, непреклоннаго, скорѣе жесткаго и отталкивающаго: глаза, которые никогда, кажется, не смотрѣли нѣжно на ребенка, губы, которыя никогда, кажется, не знали поцѣлуя любви и ласки.

Всѣ головы оборотились къ нему, и все, казалось, замерло съ испугу. Одинъ поддъякъ не прерывалъ чтенія, хотя и его голосъ срывался и дрожалъ.

— Перестань читать! — раздался, какъ ударъ кнута, повелительный голосъ, который такъ часто когда-то слышали эти стѣны; а теперь и стѣны, казалось, дрогнули отъ испуга: такъ давно они не слыхали этого знакомаго, страшнаго голоса—болѣе шести лѣтъ не слыхали его.

Слова читавшаго каѳизмы замерли въ горлѣ, на полсловѣ остановился,

словно бы передъ нимъ разверзлась бездна. А въ этотъ моментъ откуда-то раздались стройные, плавные звуки, какъ будто бы они исходили изъ купола, въ то время, какъ страшный пришлецъ твердо и грузно вступалъ на патріаршее мѣсто.

— Исполла эти, деспота!

Это пѣли монахи, только что вошедшіе въ церковь. Потомъ запѣли — „Достойно есть...“ Вся церковь окаменѣла отъ изумленія; никто не молился; митрополитъ стоялъ блѣдный, потерянный—онъ не зналъ, что ему дѣлать, не понималъ, что же такое случилось, что вокругъ него происходитъ.

Когда кончилось пѣніе „достойно“, протодіаконъ, стоявшій въ полномъ облаченіи, недвижимъ, какъ истуканъ, невольно поднялъ обернутую въ орарь правую руку, которая дрожала.

— Говори ектенью!—второй разъ прозвучалъ по церкви тотъ страшный голосъ, который всѣхъ приводилъ въ трепетъ.

Протодіаконъ оторопѣлъ, заспѣшилъ-было, сорвался съ голоса, поправился, передохнулъ—и продолжалъ уже ровной, привычной октавой... „О свышнемъ мирѣ и о спасеніи душъ нашихъ! О мирѣ всего міра...“

А страшный пришлецъ, сойдя съ патріаршаго мѣста, плавно, но твердо, словно вдавливая ноги въ церковный каменный помостъ, сталъ ходить по церкви и прикладываться къ образамъ и мощамъ. Народъ со страхомъ разступался передъ нимъ, боясь поднять глаза до его глазъ, свѣтившихся какимъ-то фосфорическимъ свѣтомъ.

Окончивъ это, пришлецъ опять взошелъ на патріаршее мѣсто, возглашая громко, медленно и сурово, какъ бы грозясь кому-то: „Владыко многомилостиве!...“

— Иди подъ благословеніе! — повелительно обратился онъ, тотчасъ послѣ молитвы, къ митрополиту Іонѣ, который продолжалъ стоять неподвижно, попрежнему блѣдный, недоумѣвающій.

Іона повиновался — подошелъ, склонивъ ниже обыкновеннаго сѣдую голову въ богатой митрѣ. За нимъ робко потянулось прочее духовенство. Пришлецъ порывисто шепталъ благословеніе и также порывисто крестилъ подходящихъ, словно ударялъ ладонью провинившійся предъ нимъ воздухъ. Никто не глядѣлъ въ глаза этому страшному пришельцу.

— Поди, возвѣсти великому государю о моемъ пришествіи,—сказалъ онъ митрополиту, окончивъ благословеніе.

Оторопѣлый митрополитъ еще ниже наклонилъ голову, сѣдыя рѣдкія косы его дрожали на плечахъ.

— Иди,—раздался повторительный возгласъ.

Іона пошелъ, шатаясь и не поднимая головы. За нимъ торопливо послѣдовалъ ключарь собора, Іовъ. Народъ поспѣшно разступался передъ ними, какъ бы боясь прикоснуться до ихъ ризъ.

За духовенствомъ, одинъ за другимъ, тихо и робко ступая по мосту, стали всходить на патріаршее возвышеніе и прочіе молящіеся. Пришлецъ

благословлялъ всѣхъ, долго благословлялъ. Не одну тысячу разъ сдѣлала въ воздухѣ крестное знаменіе жилистая рука его, а народъ все подступаетъ, робко прижимаясь одинъ къ другому.

А время идетъ... Пришлецъ нетерпѣливо поглядываетъ на входныя двери—никого нѣтъ... На лицо его все болѣе и болѣе ложится какая-то зловѣщая тѣнь... Глаза перестаютъ глядѣть на подходящій подъ благословеніе народъ: они его не видятъ, а видятъ какъ будто что-то другое, никому невидимое.

Церковные сторожа робко, словно бы украдкой и боясь взглянуть на пришельца, пробираются между народомъ съ пучками, съ цѣлыми охапками свѣчей и, втыкая ихъ во всѣ свободныя ячейки паникадилъ и между ячейками, по бортамъ, до безконечности увеличиваютъ это несмѣтное множество блестящихъ огненныхъ языковъ, чтобы ярче, до боли глазъ, освѣтилась огромная храмина, словно бы желая яркимъ свѣтомъ освѣщеннаго огня согнать съ давно вдовствующаго патріаршаго трона это страшное, сидящее на немъ, привидѣніе, о которомъ начали-было уже забывать, какъ о заживо погребенномъ. И храмина освѣтилась ярко, зловѣще; а привидѣніе не исчезаетъ; оно все сидитъ на тронѣ и автоматически машетъ рукою надъ робко склоняющимися головами молящихся. И лицо у привидѣнія становится еще зловѣщѣе: матовая блѣдность его переходитъ въ какую-то зеленоватость, въ сѣро-пепельность...

Вдругъ входныя двери съ шумомъ растворились. Народъ опять шарахнулся въ разныя стороны. — Не царь ли идетъ? — Нѣтъ, не царь. — Показались блѣдныя, смущенныя лица митрополита Іоны, ключаря Іова, а за ними еще четыре лица... Это бояре. Впереди всѣхъ сухая, высокая фигура съ иконописнымъ лицомъ и черненькими въ мѣшкахъ и складкахъ глазами. Это Одоевскій князь, Никита Ивановичъ, бояринъ и постникъ. За нимъ статная, осанистая фигура другого боярина съ добрымъ лицомъ и добрыми глазами. Это бояринъ — князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій. Тутъ же и юркій молодой царедворецъ — Родіонъ Стрѣшневъ, и сухой, желтый, морщинистый, какъ пересохшій пергаментъ, великій законникъ и воротило — дьякъ Алмазъ Ивановъ, изможденное лицо котораго походило на полинялый отъ времени харатейный свитокъ, а живые черные глаза на этой харатьѣ представляли подобіе двухъ свѣжихъ чернильныхъ пятенъ.

Бояре прямо подошли къ патріаршему мѣсту. Пришлецъ сидѣлъ, какъ статуя, не двигаясь; только огромный наперсный крестъ съ камнями изобличалъ, что грудь, на которой онъ покоился, дышала тяжело, порывисто: камни дрожали и сверкали разноцвѣтными искрами.

Вся церковь замерла отъ ожиданія. Одоевскій, молча и не кланяясь, подошелъ къ пришельцу. Глаза ихъ встрѣтились. Глаза Одоевскаго потупились и спрятались подъ мѣшечками.

— Ты оставилъ патріаршій престолъ самовольно, — сказалъ онъ хрипло:— обѣщался впредь въ патріархахъ не быть, съѣхалъ жить въ мона-

стырь, о чемъ и написано уже ко вселенскимъ патріархамъ; а теперь ты для чего въ Москву пріѣхалъ и въ соборную церковь вошелъ безъ вѣдома великаго государя и безъ совѣта всего освященнаго собора? Ступай въ монастырь попрежнему.

Пришлецъ вздрогнулъ и поднялся во весь свой огромный ростъ. Одоевскій невольно попятился назадъ. По церкви прошелъ ропотъ испуга. Многіе учащенно крестились.

— Сошелъ я съ престола никѣмъ не гонимъ, теперь пришелъ на престолъ никѣмъ не званъ для того, чтобъ великій государь кровь утолилъ и миръ учинилъ, а отъ суда вселенскихъ патріарховъ я не бѣгаю, и пришелъ я на свой престолъ по явленію.

Пришлецъ проговорилъ это необыкновенно отчетливо и рѣзко. Каждое слово онъ какъ будто гвоздемъ прибивалъ, и послѣдняя фраза сказалась особенно рѣзко.

— Ступай въ свой монастырь!—вторично прохрипѣлъ князь Одоевскій то, что ему приказано было сказать.

Пришлецъ понялъ, что это уже царскій указъ — „пошелъ"! — и ни слова больше... Онъ пошарилъ что-то подъ панагіею и вынулъ оттуда запечатанный пакетъ.

— Вотъ письмо, отнесите его къ великому государю, — сказалъ онъ, протягивая пакетъ и ни на кого не глядя.

— Ступай въ монастырь!—автоматически повторилъ Одоевскій.

— Безъ вѣдома великаго государя мы письма принять не смѣемъ,— какъ-то испуганно заговорилъ дьякъ Алмазъ Ивановъ, при чемъ харатейная кожа на его лицѣ еще болѣе сморщилась: онъ вспомнилъ, что еще не такъ давно его, думнаго дьяка Алмаза Иванова, да подъячаго Гришку Котошихина, велѣно было бить батоги нещадно за то, что они приняли одно такое письмо, не досмотрѣвъ, а въ немъ была прописка въ титулѣ великаго государя—опискою написано было „госодаря",—послѣ каковыхъ батоговъ, не стерпя побой, оный Гришка Котошихинъ бѣжалъ къ свейскому королю за море, а Алмазъ Ивановъ харкалъ кровью.

— Безъ указа великаго государя, его пресвѣтлаго царскаго величества, мы письма принять не смѣемъ,—повторилъ этотъ великій законникъ.

— Пойдемъ, извѣстимъ о семъ великому государю, — добавилъ Юрій Долгорукій.

Посланцы вышли. Церковь представляла теперь необыкновенное зрѣлище: служба была прервана; духовенство — соборные попы и протопопы, дьяконы, находившіеся передъ тѣмъ въ какомъ-то оцѣпененіи, теперь ожили — бродили съ клироса на клиросъ, съ амвона въ алтарь и по церкви, перешептывались, иногда мѣнялись улыбками и шушуканьемъ, кивали головами, свободно зѣвали и широко разметывали косы; сторожа украдкой, а иногда и явно пофукивали на паникадилы и притушивали излишне зажженныя изъ страха свѣчи; народъ все время до пришествія посланцевъ тѣснившійся къ патріаршему мѣсту для благословенія, теперь

съ робостью отхлынулъ отъ этого мѣста и не зналъ, что ему дѣлать. Казалось, въ церкви былъ покойникъ, и словно бы всѣ ждали, что вотъ-вотъ запоютъ—„помилуй раба твоего“... Тяжелое ожиданіе!

И пришлецъ казался теперь не тѣмъ, чѣмъ былъ недавно: онъ сидѣлъ неподвижно, какъ статуя; ему уже некого было благословлять—и онъ молча перебиралъ чотки; блѣдное лицо его по временамъ судорожно подергивалось... Между тѣмъ, время тянулось такъ долго. Давно зажженныя свѣчи догорали, и словно мракъ какой-то спускался отъ купола все ниже къ полу. Становилось какъ-то сумрачно. То тамъ, то здѣсь слышались вздохи, шопотъ молитвы...

Наконецъ двери опять широко распахнулись — и все вздрогнуло, засуетилось. Вошли прежніе посланцы.

— Великій государь указалъ намъ, холопамъ своимъ, объявить тебѣ прежнее: чтобы ты шелъ назадъ въ Воскресенскій монастырь, а письмо взять у тебя, — проговорилъ, какъ по заученному, Одоевскій, подходя къ патріаршему мѣсту.

Пришлецъ снова выпрямился во весь свой ростъ и сдѣлалъ шагъ къ Одоевскому и къ прочимъ посланцамъ. Дьякъ Алмазъ Ивановъ попятился назадъ; но чернильныя пятна-глаза его заискрились.

— Коли великому государю пріѣздъ мой ненадобенъ, то я поѣду назадъ въ монастырь, но не выйду изъ церкви, пока на письмо мое отповѣди не будетъ, — сказалъ пришлецъ попрежнему громко и отчетливо.

И онъ гордо, не какъ проситель, подалъ письмо. Дьякъ Алмазъ Ивановъ быстро нагнулся и взглянулъ на титулъ письма: онъ пуще смерти боялся прописки въ титулѣ: это было одно изъ величайшихъ и тягчайшихъ государственныхъ преступленій того времени.

Посланцы опять вышли, опять въ церкви осталось то же слоняющееся безъ дѣла священство, тѣ же ожидающіе чего-то прихожане, та же неподвижная фигура на патріаршемъ мѣстѣ, а рядомъ — высокій блестящій крестъ въ рукахъ ставрофора-крестоносителя.

Послѣ томительнаго ожиданія въ третій разъ распахнулись входныя двери собора. Теперь впереди посланцевъ отъ царя выступалъ смиренный Павелъ, митрополитъ Крутицкій; но изъ-за маски смиренія лицо его свѣтилось скрытымъ злорадствомъ.

— Письмо твое великому государю донесено, — началъ онъ громко, обводя весь соборъ глазами, и остановился.

Всѣ ждали, притаивъ дыханіе. Митрополитъ началъ.

— Онъ, великій государь, его пресвѣтлое царское величество, власти и бояре письмо выслушали,—продолжалъ онъ и снова остановился.

Всѣ ждали опять, ждали еще съ болѣе напряженнымъ вниманіемъ. Послышался гдѣ-то стонъ. Съ висячаго паникадила упала свѣчка, проведя въ воздухѣ огненную полосу, словно падучая звѣзда, и погасла.—„Охъ“! послышался чей-то испуганный голосъ.

— И ты, патріархъ, изъ соборной церкви ступай въ Воскресенскій монастырь попрежнему,—закончилъ Крутицкій митрополитъ.

Это былъ жестокій приговоръ. Пришлецъ пошатнулся было назадъ, но тотчасъ же оправился, только лицо его позеленѣло. Онъ молча сошелъ съ патріаршаго мѣста, медленно приложился къ образамъ, взялъ посохъ митрополита Петра—этотъ историческій посохъ московскихъ святителей—и направился къ выходу между двумя стѣнами безмолвныхъ зрителей, которыхъ онъ, не поднимая глазъ, благословлялъ обѣими руками.

— Оставь посохъ!—говорилъ Одоевскій, поспѣшая за нимъ.

— Оставь посохъ!—повторили прочіе бояре.

— Отнимите силою! — не глядя на нихъ, отвѣчалъ пришлецъ, и вышелъ изъ собора.

Впереди попрежнему несли крестъ. Ночь была на исходѣ. На небѣ все еще стояла огненная метла, только хвостомъ уже на западъ. Народъ повалилъ изъ собора.

Пришлецъ, садясь въ сани, сталъ отрясать ноги, громко говоря евангельскія слова:

— Идѣ же аще не пріемлютъ васъ, исходя изъ града того, и прахъ, прилепшій къ ногама вашема, отрясите во свидѣтельство на ня!

— Мы этотъ прахъ подметемъ!—дерзко отвѣчалъ стрѣлецкій полковникъ, наряженный провожать пришельца, какъ арестанта.—Подметемъ-ста!

— Да размететъ Господь Богъ васъ оною божественною метлою, иже является на дни многи!—сказалъ ему пришлецъ и указалъ на комету.

— Охъ, Господи, спаси насъ, помилуй! — послышался испуганный крикъ въ народѣ.

Поѣздъ двинулся въ обратный путь. Народъ повалилъ за поѣздомъ. Изъ дворца прискакали — окольничій князь Дмитрій Алексѣевичъ Долгорукій и любимецъ царскій Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, и слѣдовали за поѣздомъ.

Странный видъ представляло это шествіе въ ночной темнотѣ, при только что занимавшейся зарѣ. За поѣздомъ тѣснились толпы, опережая его и производя необыкновенный гулъ и ропотъ: стукъ тысячъ ногъ объ замерзшую землю, скрипъ саней, карканье проснувшихся галокъ и воронья и смутное рокотанье голосовъ сливалось въ какой-то невообразимый хаосъ. Въ разныхъ мѣстахъ города звонили колокола, какъ бы прощаясь съ уѣзжающими.

Пришлецъ, тотъ, который произвелъ все это волненіе, сидѣлъ въ первыхъ саняхъ и какъ-то странно глядѣлъ на стоявшій передъ нимъ крестъ... „Порвалась... порвалась послѣдняя нитка", шептали блѣдныя губы.

За землянымъ городомъ поѣздъ остановился. Долгорукій сошелъ съ коня и приблизился къ первымъ санямъ, снявъ свою высокую боярскую шапку.

— Великій государь велѣлъ у тебя, святѣйшаго патріарха благословеніе и прощеніе просить,—сказалъ онъ, почтительно нагибая голову.

— Богъ его проститъ, коли не отъ него смута,—отвѣчалъ сидѣвшій въ первыхъ саняхъ.

— Какая смута?—удивленно спросилъ Долгорукій.

— Я не своей волей пріѣзжалъ—по вѣсти,—былъ отвѣтъ.

Поѣздъ снова двинулся въ путь сквозь густую толпу народа. На колокольнѣ Ивана Великаго загорался золотой крестъ—всходило солнце.

II.

Посохъ митрополита Петра.

Такъ неудачно кончилась попытка Никона (это былъ онъ) — попытка къ примиренію съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. „Тишайшій" первый разъ въ жизни оказался непреклоннымъ.

За шесть лѣтъ до начала настоящаго повѣствованія, лѣтомъ 1658 года, въ Москву пріѣхалъ грузинскій царевичъ Теймуразъ. По этому случаю у царя былъ большой обѣдъ. Приглашена была къ столу вся московская знать, не былъ приглашенъ одинъ Никонъ, великій святитель и патріархъ,— Никонъ, который за столомъ царя занималъ обыкновенно первое мѣсто. Это было для него прямымъ ударомъ въ сердце: „тишайшій" царь, называвшій Никона „собиннымъ" другомъ своимъ, не рѣшавшійся безъ его благословенія ни на какое государственное дѣло, именовавшій его не иначе, какъ „владыкою святымъ", „великимъ святителемъ", „равноапостольнымъ богомольцемъ", своимъ „преосвященнымъ главою", повелѣвавшій ему писаться въ указахъ царскихъ рядомъ съ царемъ и тоже называться „великимъ государемъ",—царь вдругъ охладѣваетъ къ своему любимцу и даже не приглашаетъ къ столу. Задѣтый за живое, Никонъ посылаетъ своего боярина, одного князя, во дворецъ — за какимъ-то церковнымъ дѣломъ или просто высмотрѣть, что тамъ дѣлается. Въ это время царевичъ Теймуразъ ѣхалъ во дворецъ. Окольничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово очищалъ ему путь, колотя, по московскому обычаю, палкою въ лобъ каждаго, кто высовывался изъ толпы. Одинъ изъ такихъ ударовъ попалъ въ голову посланцу Никона.

— Не дерись, Богданъ Матвѣичъ! — закричалъ посланецъ, хватаясь за голову:—вить я не просто сюда пришелъ, а съ дѣломъ.

— Ты кто такой?—спросилъ окольничій.

— Патріаршій человѣкъ—съ дѣломъ посланъ.

— Не дорожись! — закричалъ Хитрово и снова ударилъ патріаршаго посланца дубиной по лбу.

Тотъ съ плачемъ бросился къ Никону. Никонъ написалъ царю, прося „розыскать дѣло" и наказать Хитрово. Царь тотчасъ отвѣчалъ собственноручно: „Сыщу и по времени самъ съ тобою видѣться буду".

Но прошелъ день, другой—ни розыска, ни свиданья.

Подоспѣлъ праздникъ Казанской Богородицы—большой праздникъ, съ

крестнымъ ходомъ всего освященнаго собора. А царь—такой богомолецъ, такой любитель церковной обрядности и всего священнаго благолѣпія. Наканунѣ праздникъ, Никонъ, по обыкновенію, посылаетъ попа доложить царю, что святѣйшій патріархъ шествуетъ въ церковь. Отъ царя—ни отвѣта, ни привѣта. У обѣдни—опять нѣтъ царя! Это такъ не похоже на него... И праздникъ не въ праздникъ... Черезъ два дня опять большой праздникъ—праздникъ ризы Господней. Никонъ опять шлетъ къ царю съ вѣстями—и опять нѣтъ царя! Вмѣсто него является къ патріарху царскій спальникъ, князь Юрій Ромодановскій — такой хмурый, торжественный... Что бы это значило?

— Царское величество на тебя гнѣвенъ, оттого не пришелъ къ заутрени и повелѣлъ не ждать его и къ святой литургіи.

Вотъ какую громовую вѣсть принесъ Ромодановскій—было отчего смутиться. Но Никонъ не смутился—онъ зналъ „тишайшаго,“ своего „собиннаго“ друга.

— За что его царское величество на меня гнѣвенъ?—спросилъ онъ.

— Ты пренебрегъ его царскимъ величествомъ,—пишешься великимъ государемъ; а у насъ одинъ великій государь—царь!

— Называюсь я великимъ государемъ не собою. Такъ восхотѣлъ и повелѣлъ его царское величество,—свидѣтельствуютъ грамоты, писанныя его рукою.

— Царское величество почтилъ тебя яко отца и пастыря, и ты этого не уразумѣлъ. А нынѣ царское величество велѣлъ тебѣ сказать: отнынѣ не пишись и не называйся великимъ государемъ, почитать тебя впредь не будетъ.

Что послѣ этого оставалось дѣлать? Или сломить, или самому сломиться. Но не такая это была воля, чтобы сломиться.

По уходѣ Ромодановскаго, Никонъ не долго думалъ. Въ немъ тотчасъ созрѣло рѣшеніе. „Кину патріаршій престолъ вдовымъ—напугаю, сломлю всѣхъ... Кроткій и богобоязненный царь испугается“... Онъ сказалъ объ этомъ своему дьяку. Дьякъ сталъ уговаривать. Напрасно! Патріархъ былъ непреклоненъ. Дьякъ кинулся къ другу Никона, боярину Зюзину. Тотъ велѣлъ умолять патріарха—не дѣлать этого, не гнѣвить царя: „послѣ-де захочешь воротиться, да поздно будетъ.“ Упрямый гордецъ задумался было—сталъ даже писать царю; но приливъ злобы все испортилъ...

— Иду!—тряхнулъ онъ своею черною гривою и въ клочки изодралъ написанное...—Купите мнѣ простую палку, какія попы носятъ...

И онъ отправился въ Успенскій соборъ.

Энергіею и силою звучалъ его металлическій голосъ во время службы—никогда онъ не служилъ такъ хорошо, величественно; руки его, сжимая золотыя свѣщницы съ горящими свѣчами, казалось, благословляли этимъ свѣтомъ весь міръ. Когда хоръ возглашалъ: „исполла эти, деспота!“—величественное лицо его, казалось, говорило: „кто противъ меня, тотъ противъ Бога и церкви!“.

Послѣ причастія онъ велѣлъ ключарю поставить у выходовъ сторожей, не пускать народъ изъ храма: „поученіе-де будетъ.“

И вотъ великій патріархъ вышелъ на амвонъ—лицо какое-то необыкновенное, не его лицо!

„Буди имя Господне!“ загремѣлъ хоръ.

Народъ понадвинулся къ амвону. Тысячи глазъ смотрѣли въ лицо проповѣднику.

— Лѣнивъ я былъ васъ учить,—раздались слова съ амвона,—не стало меня на это... Отъ лѣни я окоростовѣлъ, и вы, видя мое къ вамъ неученіе, окоростовѣли отъ меня. Отъ сего времени я вамъ больше не патріархъ; а если помыслю быть патріархомъ, то буду анаѳема. Какъ ходилъ я съ царевичемъ Алексіемъ Алексіевичемъ въ Колязинъ монастырь, и въ то время на Москвѣ многіе люди къ Лобному мѣсту собирались и называли меня иконоборцемъ, потому что многія иконы я отбиралъ и стиралъ, и за то меня хотѣли убить. А я отбиралъ иконы латинскія, писанныя по образцу, какой вывезъ нѣмецъ изъ своей земли. Вотъ какимъ образамъ надо вѣрить и покланяться (и онъ указалъ на образъ Спасовъ въ иконостасѣ). А я не иконоборецъ. И послѣ того называли меня еретикомъ—новыя-де книги завелъ! И все это учинилось ради грѣхъ моихъ. Я вамъ предлагалъ многое поученіе и свидѣтельство вселенскихъ патріарховъ, и вы, въ окаменѣніи сердецъ вашихъ, хотѣли меня каменіемъ побить; но Христосъ насъ единожды кровію искупилъ,—а коли меня вамъ каменіемъ побить, и мнѣ никого кровію своею не избавить, и чѣмъ вамъ каменіемъ меня побить и еретикомъ называть, такъ лучше я вамъ отъ сего времени не буду патріархъ. Аминь.

Какъ громомъ поразили эти слова весь соборъ. Недоумѣвающіе, смущенные, оторопѣвшіе, испуганные, всѣ стояли точно окаменѣлые и съ какимъ-то ужасомъ какъ бы искали понять, кто же тутъ виноватъ во всемъ этомъ, гдѣ тѣ преступники, которые вызвали страшное проклятіе на весь соборъ, на всю эту массу молящихся, вѣрующихъ, чего-то чающихъ, гдѣ они, эти изверги, гдѣ виновные въ томъ, что вотъ-вотъ сейчасъ громъ небесный разразится надъ храмомъ... Послышались всхлипыванья, стоны; женщины громко плакали... „Матушки! святители! что жъ это будетъ съ нами!.. охъ!..“

— Батюшка! кормилецъ! кому же ты насъ сирыхъ оставляешь?—голосили бабы и боярыни въ истошный голосъ. — Кому, батюшка нашъ? о-о-о!

— Кого вамъ Богъ дастъ и Пресвятая Богородица изволитъ,—отвѣчалъ Никонъ.

Его стали разоблачать. Казалось, что это раздѣваютъ покойника. А вонъ и саванъ несутъ—это мѣшокъ съ простымъ монашескимъ платьемъ. Что жъ это такое будетъ?

Толпа не выдержала—бросилась къ послушникамъ и отняла у нихъ мѣшокъ. Толпа превращалась въ звѣря: какъ она въ другое время по-

била бы камнями этого самаго Никона, такъ теперь за него она готова была растерзать всѣхъ.

Никонъ не могъ ослушаться толпы и ушелъ въ алтарь. Тамъ онъ потребовалъ бумаги и чернилъ. Нагнувшись къ престолу, онъ, стоя, началъ чертить перомъ по бумагѣ. Рука его дрожала; перо не попадало въ чернильницу. Онъ самъ повторялъ за собою то, что чертила его рука на бумагѣ... Это было письмо къ царю... „Отхожу ради гнѣва твоего, исполняя писаніе: дадите мѣсто гнѣву... И паки: егда изженутъ васъ отъ сего града, бѣжите во инъ градъ, и еже аще не примутъ васъ, грядуще отрясите прахъ отъ ногу вашею...“

— Отрясу... отрясу,—бормоталъ онъ, когда, тотчасъ послѣ этого, на него стали надѣвать простую мантію съ „источниками“ и чорный клобукъ.—Бѣгу во инъ градъ, бѣгу въ пустыню...

Взявъ въ руки простую палку, онъ быстро вышелъ изъ алтаря и направился было къ выходнымъ дверямъ. Что-то страшное и въ то же время обаятельное было во всей его фигурѣ. Сначала было всѣ шарахнулись отъ него съ испугу въ сторону, но потомъ задніе бросились къ дверямъ и заслонили ихъ собою.

— Не пустимъ! не пустимъ!—застонала толпа.

Женщины истерически рыдали, валяясь въ ногахъ у упрямца и цѣлуя его ризы, ноги, палку... Выпустили только Крутицкаго митрополита Питирима, который поспѣшилъ во дворецъ доложить царю о томъ, что происходило въ соборѣ.

Царь былъ пораженъ, какъ громомъ, нежданной вѣстью... „Точно сплю съ открытыми глазами и все это вижу во снѣ,“ бормоталъ онъ, хватаясь за голову и безпомощно озираясь. Глаза его упали на стоявшаго тутъ же князя Трубецкого, Алексѣя Никитича, великаго стратига московскаго.

— Иди, Алексѣй, образумь его, скажи: я жалую его, не гоню... радъ ему... Охъ, Господи!

Трубецкой явился въ соборъ. Никонъ сидѣлъ на нижней ступени патріаршаго мѣста, чертя въ задумчивости посохомъ по церковному помосту. Трубецкой подошелъ къ нему подъ благословеніе.

— Прошло мое благословеніе, недостоинъ я быть въ патріархахъ,—сказалъ Никонъ, не давая Трубецкому благословенія.—Недостоинъ.

— Какое твое недостоинство? Что ты сдѣлалъ?—спросилъ недоумѣвающій Трубецкой.

— Если тебѣ надобно, то я стану тебѣ каяться,—съ горькою ироніею отвѣчалъ патріархъ.—Всему собору, всѣмъ православнымъ христіанамъ буду каяться.

Въ толпѣ послышался ропотъ. Трубецкой смутился.

— Это не мое дѣло, не кайся,—бормоталъ онъ,—скажи только, зачѣмъ бѣжишь, престолъ свой оставляешь? Живи, не оставляй престола! Великій государь нашъ тебя милуетъ и радъ тебѣ.

Никонъ вынулъ изъ-подъ мантіи клокъ бумаги, что сейчасъ исписалъ за престоломъ, и подалъ Трубецкому.

— Поднеси это государю... Попроси царское величество, чтобъ пожаловалъ мнѣ келью.

Трубецкой ушелъ. Патріархъ, несмотря на свою желѣзную волю, озирался растерянно, видимо не находя себѣ мѣста: то садился на нижней ступени патріаршаго мѣста, какъ бы униженно припадая къ ногамъ обезумѣвшей отъ изумленія толпы, то вставалъ и порывался къ дверямъ. Но народъ съ плачемъ не пускалъ его, падая передъ нимъ ницъ или простирая къ небу руки. Картина была потрясающая. Женщины то рыдали, сбившись въ кучу, какъ овцы въ зной, то ползали у ногъ упрямца, стукаясь головами о каменный церковный помостъ.

Не выдержалъ и патріархъ—заплакалъ: безпомощно опустившись на нижнюю ступень своего сѣдалища, онъ припалъ лицомъ къ ладони и тихо, беззвучно рыдалъ.

Это уже было выше мѣры. Церковь вся огласилась рыданіями. Даже сторожа, забившись по угламъ, плакали.

Но снова явился Трубецкой и, отдавая Никону назадъ письмо его, сказалъ: „Великій государь указалъ тебѣ сказать, чтобъ ты патріаршества не оставлялъ, а келій-де на патріаршемъ дворѣ много“.

— Уже я слова своего не перемѣню,—сказалъ патріархъ, и вышелъ изъ собора.

Теперь ужъ его никто не останавливалъ. Народъ чувствовалъ, что вмѣстѣ съ патріархомъ и ему нанесена обида... Стоитъ-ли-де настаивать послѣ этого!

Но, когда Никонъ хотѣлъ сѣсть въ карету, народъ бросился на нее и выпрягъ лошадей. Никонъ пошелъ пѣшкомъ чрезъ Кремль—народъ за нимъ. Патріархъ хотѣлъ уйти Спасскими воротами—народъ заперъ ворота. Тогда Никонъ сѣлъ въ нишу подъ воротами, въ „печуру.“ Народъ запрудилъ всю эту половину Кремля, и только посланные изъ дворца бояре могли заставить народъ выпустить своего плѣнника.

Опальный патріархъ пошелъ пѣшкомъ до своего подворья, на Ильинку, а народъ, провожая его, плакалъ словно по покойникѣ.

Все это вспомнилъ теперь Никонъ, возвращаясь въ свой Воскресенскій монастырь изъ Москвы, куда онъ попытался было, но такъ неудачно, снова воротиться изъ своего добровольнаго, а теперь невольнаго изгнанія. Тяжело было у него на душѣ. Да и какъ перемѣнилось все въ эти долгія, мучительно однообразныя шесть лѣтъ изгнанія? Тогда, оскорбленный и униженный, онъ ѣхалъ въ изгнаніе все-таки полный надеждъ, что его скоро воротятъ, попросятъ назадъ, и торжество его будетъ полное. Теперь онъ возвращался полный мрачной безнадежности и тоски: мало того, что

теперь его выгнали какъ собаку—впереди еще ждетъ судъ вселенскихъ патріарховъ. „О! наемники!“ невольно вырвалось у него слово—и онъ оглянулся назадъ. Сани его катились по той же однообразной снѣжной равнинѣ, по которой онъ, нѣсколько часовъ тому назадъ, ночью, ѣхалъ съ тайною надеждою на побѣду... Нѣтъ, не побѣда ждала его, а глубокое посрамленіе...

И онъ снова мыслью переносился въ прошлое. Тогда, шесть лѣтъ на назадъ, эти поля покрыты были зеленью; теперь—кругомъ саванъ бѣлый—глазамъ больно отъ этого снѣжнаго моря...

Вспоминалась ему вся его горькая, одинокая жизнь въ монастырѣ и та свѣтлая, полная торжества, власти и славы жизнь, когда онъ еще не покидалъ патріаршаго престола. Припомнилась и послѣдняя, прошлогодняя схватка съ Паисіемъ Лигаридомъ и другими посланцами царя... Пришли они къ нему въ келью цѣлымъ сонмищемъ, а впереди всѣхъ этотъ грекъ-бродяга, Паисій... Не вытерпѣло сердце буйнаго патріарха, и онъ ринулся вепремъ на бѣднаго гречина:

— Воръ! нехристь! собака! самоставникъ! мужикъ!—закричалъ онъ, стуча объ полъ посохомъ.—Давно ли на тебѣ архіерейское одѣяніе? Есть ли у тебя ко мнѣ грамоты отъ вселенскихъ патріарховъ? Тебѣ не впервой тыкаться по государствамъ да мутить. У насъ того же захотѣлъ!“

Но увертливый Одиссей не смутился.

— Отвѣчай мнѣ по-евангельски,—мягко сказалъ Паисій по-латыни:—проклиналъ ли ты царя?

— Я служу за царя молебны,—накинулся на него Никонъ, когда ему перевели слова Паисія.—А ты зачѣмъ говоришь со мною на проклятомъ латинскомъ языкѣ?

— Языки не прокляты,—отвѣчалъ Паисій:—огненный духъ сошелъ въ видѣ языковъ. Я же говорю съ тобою по-еллински, потому что ты невѣжда и не понимаешь этого золотого языка.

А тутъ некстати вмѣшался Іосифъ, архіепископъ астраханскій.

— И ты туда же!—крикнулъ на него Никонъ.—А помнишь ли, бѣдный, свое обѣщаніе? Обѣщался ты и царя не слушать, а теперь суешься! Али тебѣ, бѣдному, дали что-нибудь? Я ни слушать тебя, ни говорить съ тобою не стану.

— А для чего ты,—вмѣшался въ споръ Одоевскій,—для чего на молебнахъ жалованную государеву грамоту приносилъ, подъ крестъ клалъ и подъ образъ Богородицы, читать ее приказывалъ и изъ псалмовъ клятвенныя слова говорилъ?

— Я на литургіи, послѣ заамвонной молитвы, со всѣмъ соборомъ молебенъ служилъ, государеву грамоту прочитать велѣлъ, подъ крестъ и подъ образъ Богородицы клалъ, а клятву износилъ на обидящаго мя, на Ромашку Боборыкина, а не на великаго государя.

Тѣ не вѣрили, настаивали на своемъ. Никонъ не вынесъ больше и закричалъ:

— А хотя бы я и къ лицу великаго государя клятву износилъ — такъ что жъ? Я за такія обиды и теперь стану молиться: приложи, Господи, зла славнымъ земли!

А потомъ, обратившись къ Іосифу, спросилъ:

— Какой-то у васъ теперь тамъ на Москвѣ соборъ, и кто приказывалъ его вамъ открывать?

Іосифъ отвѣчалъ:

— Этотъ соборъ созванъ по указу великаго государя ради твоего неистовства; а тебѣ до этого дѣла нѣтъ: ты свое достоинство патріаршеское оставилъ.

— Я своего достоинства патріаршескаго не оставлялъ.

— Какъ не оставлялъ? Ему показали письмо. — А это развѣ не твое письмо, гдѣ ты пишешь, что не возвратишься на патріаршество, какъ песъ на свою блевотину? Развѣ не самъ ты писался *бывшимъ* патріархомъ? И послѣ этого годится ли тебѣ называться патріархомъ?

— Я и теперь государю не патріархъ!—загремѣлъ упрямецъ.

— А по самовольному съ патріаршаго престола удаленію и по нынѣшнимъ неистовствамъ твоимъ ты и намъ всѣмъ не патріархъ... Достоинъ ты за свои неистовства ссылки и подначальства крѣпкаго, потому что великому государю дѣлаешь многія досады и въ мірѣ смуту.

Тутъ уже Никонъ окончательно вышелъ изъ себя и закричалъ не своимъ голосомъ:

— Вы пришли на меня, какъ жиды на Христа...

Все это припомнилось теперь несчастному. А впереди еще этотъ вселенскій судъ, а тамъ, вѣрно, вѣчная ссылка и вѣчное—до самаго гроба—забвеніе...

Было уже далеко за полдень, когда поѣздъ изгнаннаго изъ Москвы патріарха добрался до села Чернева. Лошади, не кормленныя всю ночь и болѣе половины дня, притомились. Свита Никона, тоже постившаяся и глазъ не сомкнувшая со вчерашняго дня, изнемогла и отощала. Иванъ Шушера, ставрофоръ патріарха, постоянно державшій передъ нимъ крестъ, падалъ отъ утомленія и того и гляди могъ уронить и самый крестъ. Самъ Никонъ, казалось, постарѣлъ за эту ужасную ночь на десять лѣтъ: онъ, постоянно прямой и твердый, какъ-то осунулся и сидѣлъ сгорбившись. Шушера, вглядываясь въ его посеребренную инеемъ бороду, съ ужасомъ замѣчалъ, что въ ней начинаетъ серебриться и другой, не морозный иней— иней сѣдины, старости, дряхлости.

Рѣшено было остановиться въ селѣ Черневѣ — покормить лошадей и самимъ отдохнуть. Въѣхали въ подворье. Молча, поддерживаемый монахами, Никонъ вышелъ изъ саней и вошелъ въ избу. Почти все время, пока оставались въ Черневѣ, онъ сидѣлъ неподвижно, въ глубокой задумчивости. Изъ этой задумчивости онъ былъ выведенъ скрипомъ подъѣхавшихъ къ подворью саней и знакомыми голосами. Онъ встрепенулся, по лицу и по глазамъ его прошелъ какой-то свѣтъ. Онъ узналъ звонкій го-

лосъ Родіона Стрѣшнева и сухой кашель дьяка Алмаза Иванова. Что-то въ родѣ надежды блеснуло въ черныхъ глазахъ изгнанника.

Въ избу вошли Павелъ, митрополитъ Крутицкій, Іоакимъ, архимандритъ Чудовскій, Родіонъ Стрѣшневъ и Алмазъ Ивановъ.

— Великій государь приказалъ спросить у тебя, по какой вѣсти пріѣзжалъ ты въ Москву, и взять у тебя посохъ Петра митрополита,— сказалъ Стрѣшневъ, ставъ середи избы.

— Пріѣзжалъ я въ Москву не своею волею: по вѣсти изъ Москвы,— отвѣчалъ Никонъ попрежнему гордо;—посоха не отдамъ... отдать мнѣ посохъ не кому.

Митрополитъ Крутицкій хотѣлъ что-то сказать, но Никонъ не далъ ему рта разинуть.

— Тебя я зналъ въ попахъ, а въ митрополитахъ не знаю!—крикнулъ онъ на него.—Кто тебя въ митрополиты поставилъ—не вѣдаю, да и знать не хочу. Посоха тебѣ не отдамъ, потому что не у кого, кромѣ меня, посоху быть. А кто ко мнѣ вѣсть прислалъ—вотъ письмо.

И онъ подалъ Алмазу Иванову исписанный листокъ бумаги, хранившійся у него на груди подъ мантіею. Алмазъ Ивановъ быстро поднесъ листокъ къ своему пергаментному лицу, пробѣжалъ его своими мышиными глазками, словно нюхая, чѣмъ пахнутъ чернила, и, пробормотавъ успокоительнымъ голосомъ—„отъ Зюзина отъ Микитки“,—сунулъ его къ себѣ за пазуху.

Никону доложили, что лошади уже запряжены—пора ѣхать. Не оборачиваясь къ царскимъ посланцамъ, онъ вышелъ изъ избы на крыльцо. Былъ уже вечеръ. Звѣзды, какъ и вчера, горѣли ярко, и длинный хвостъ кометы стоялъ на синевѣ неба прямо, словно огненная метла, поднятая невидимою рукою.

Посланцы вышли за патріархомъ. Когда Никонъ, поддерживаемый монахами, садился уже въ сани, къ нему подошелъ Крутицкій митрополитъ.

— Отдай посохъ,—сказалъ онъ настойчиво.

— Не тебѣ ли, худоглавый!—огрызнулся на него упрямецъ.

— Не мнѣ, а великому государю.

— Чрезъ твои-то коростовыя руки!

Ошпаренный митрополитъ не зналъ что отвѣчать.

— На!—обратился упрямецъ къ близь-стоявшему монаху, подавая ему посохъ:—отвези великому государю... А мой посохъ—вонъ! (онъ указалъ на комету). Я съ нимъ пойду по землѣ и всю россійскую землю вымету начисто...

Онъ сдѣлалъ знакъ рукою, и поѣздъ двинулся въ путь.

III.

Аввакумъ въ царицыныхъ палатахъ.

Въ этотъ самый вечеръ, когда Никонъ, уѣзжая изъ села Чернева въ ссылку, грозился, что вмѣсто посоха Петра митрополита возьметъ въ руки божественную метлу — комету — и ею вымететъ русскую землю, — въ это время въ Москвѣ, во дворцѣ, на половинѣ царицы Маріи Ильиничны, рядомъ съ царицыною мастерскою палатою, въ покояхъ ближнихъ боярынь Ѳеодосьи Прокопьевны Морозовой и княгини Авдотьи Прокопьевны Урусовой, которыя были родныя дочери Прокопья Ѳедоровича Соковнина, вѣдавшаго царицыну мастерскую палату, находился рѣдкій гость—мужчина. По тому времени на женскую половину допускались весьма немногіе мужчины—ближайшіе родные, духовники, святоши да юродивые.

Гость, сидѣвшій въ покояхъ Морозовой и Урусовой, былъ попъ, судя по его одѣянію и наружности. Это былъ высокій, широкоплечій мужчина съ длинною апостольской сѣдою бородою и такими же сѣдыми курчавыми волосами, съ длиннымъ, тонкимъ, красиво очерченнымъ носомъ, съ сѣрыми большого разрѣза и длинными глазами и низенькимъ лбомъ, на который красиво падали сѣдыя кудерьки,—точь-въ-точь святительскій ликъ, какіе можно видѣть на старинныхъ иконахъ суздальскаго письма. Сѣрые, съ длиннымъ разрѣзомъ и длинными рѣсницами глаза смотрѣли ласково и повременамъ зажигались прекраснымъ, какимъ-то согрѣвающимъ свѣтомъ. Это были совсѣмъ отроческіе глаза подъ сѣдыми бровями.

Боярыни, у которыхъ этотъ бросающійся въ глаза старикъ сидѣлъ въ гостяхъ, смотрѣли еще совсѣмъ молоденькими. Онѣ были одѣты совсѣмъ одинаково: въ черные, съ малиновыми по переду и по подолу разводами, сарафаны и въ темно-малиновыя съ золотыми разводами душегрѣи. И лицомъ онѣ походили одна на другую, только старшая изъ нихъ на видъ была покруглѣе лицомъ и всѣми формами: немножко вздернутые кверху носики, большіе, голубые, съ наивно-дѣтскимъ выраженіемъ, глаза и круглые подбородки съ ямочками—все это было одного пошиба и смотрѣло одинаково мягко и симпатично.

Онѣ сидѣли у покрытаго ковромъ стола, на которомъ находился большой серебряный подносъ, а на немъ разсыпанъ жемчугъ и разноцвѣтный бисеръ. Онѣ усердно подбирали жемчугъ и бисеръ, повременамъ какъ бы замирали, слушая своего гостя и поднимая на него отъ работы изумленные, нерѣдко испуганные глаза, и снова наклонялись надъ работой. Тутъ же стояла у стола маленькая, лѣтъ девяти-десяти, бѣлокуренькая дѣвочка и, торопливо выбирая съ блюда самыя крупныя жемчужины, нанизывала ихъ на красную нитку. Она часто смотрѣла на сѣдого гостя своими большими, удивленными глазами, какъ бы не вѣря тому, что тотъ разсказывалъ, и, роняя иногда жемчужину на блюдо, нетерпѣливо топала ножкой.

— И какъ я, свѣтики мои миленькія, подалъ эти выписки о зло-

женіи перстовъ, меня и велѣлъ схватить оный Никонишко,—монотонно говорилъ сѣдой гость, поглаживая свою бороду.—Взяли меня, свѣтики мои, отъ всенощной, прямо изъ церкви, а со мной захватили и стрѣльцовъ человѣкъ до шестидесяти. Ихъ-то, дѣтушекъ моихъ, въ тюрьму отвели, а меня на патріарховъ дворъ на цѣпь посадили на ночь, яко медвѣдя. Когда же разсвѣтало, посадили меня на телѣгу, растянули руки, точно распяли, и везли отъ патріархова двора до Андроньева монастыря, и тутъ на цѣпи, что собаку, кинули въ темную-претемную палатку—вся въ землю ушла, сыра и холодна, какъ могила. И сидѣлъ я тамъ, свѣтики мои, три дня, во тьмѣ кромѣшной, не ѣлъ не пилъ, да и не давали ничего. И сидя тамъ, я молился на цѣпи и кланялся съ цѣпью—не знаю на востокъ, не знаю на западъ поклоны клалъ... а цѣпь-то звенитъ, цѣпь то плачетъ ко Господу! Никто ко мнѣ туда не приходилъ, токмо мыши да черные тараканы, да сверчки и день, и ночь кричатъ. И въ третій день проалченъ я бысть, сирѣчь ѣсть захотѣлъ, отощалъ,—и оле чудо!—ста предо мною не вѣмъ ангелъ, не вѣмъ человѣкъ и по сіе время не знаю, ста предо мною въ потемкахъ, молитву сотворилъ и, взявъ меня за плечо, съ цѣпію къ лавкѣ подвелъ, посадилъ, ложку въ руки далъ, хлѣбца немножко и штецъ далъ похлебать—зѣло превкусны хороши, и реклъ ми: „полно! довлѣетъ ти ко укрѣпленію". Да и не стало его: двери не отворялись, а его не стало. Дивно только—человѣкъ ли то, али ангелъ? Ино не чему дивиться, ангелу вездѣ не загорожено. То-то ночка была!.. На утро архимандритъ съ братіею пришли и вывели меня изъ темницы: журятъ мнѣ, что патріарху не покорился; а я, свѣтики мои, отъ писанія браню его да лаю. А тамъ поволокли меня въ церковь и въ церкви-то за волосы драли, подъ бока пинками толкали, за цѣпь торгали и въ глаза плевали... А я, свѣтики мои, радуюсь: какъ клокъ-отъ волосъ выдерутъ, а я думаю себѣ: „вѣнецъ-де нетлѣнный плетутъ мнѣ;" а цѣпь звенитъ—то райскія птички поютъ: таково-то сладко на душѣ было!

Онъ остановился, какъ бы припоминая что. Слушательницы тихо позвякивали жемчугомъ, боясь проронить слово.

— Въ ту пору, свѣтики мои,—продолжалъ гость, — взяли и Логина, протопопа муромскаго. Въ соборѣ, при самомъ государѣ, остригъ его Никонъ въ обѣдню—то-то знатную цирульню изъ храма сдѣлалъ! Во время переноса, оный цирульникъ Никонъ снялъ съ головы у архидіакона дискосъ и поставилъ на престолъ съ тѣломъ Христовымъ и съ чашею. А когда остригли Логина, то содрали съ него и однорядку, и кафтанъ — точно разбойники! Логинъ же разжегся ревностію божественнаго огня, шибко, на весь соборъ, порицалъ Никона и черезъ порогъ въ алтарь въ глаза ему плевалъ; а потомъ, распоясався, и рубашку съ себя сдернулъ да голый, въ чемъ мать родила, портками прикрывшись, ту рубашку въ алтарь въ глаза Никону бросилъ... И чудно! растопоряся рубашка, и покрыла на престолѣ дискосъ, будто воздухъ... И въ ту пору, свѣтики мои, и царица въ церкви была...

— Въ ту пору, батюшка, и я съ царицей была тамъ,—тихо сказала княгиня Урусова, вся красная, не поднимая головы.

— Была, миленькая, и чудо видѣла?— встрепенулся гость.

— Нѣтъ, я тогда горько плакала, за слезами ничего не видала.

— Жаль, жаль... Такъ вотъ, свѣтики мои, остригши Логина, возложили на него цѣпь тяжелую, лошадиную и, таща изъ церкви, били метлами и шелепами до самаго Богоявленскаго монастыря, а народу-то, народу-то что на улицѣ! И кинули его тамъ въ палатку, въ темницу, и стражу поставили. И что же бы вы думали! Въ ту нощь Богъ ему шубу новую да шапку далъ...

— Богъ шапку и шубу далъ?—встрепенулась бѣлокуренькая дѣвочка, подходя къ старику и глядя своими большими изумленными глазами въ его глаза.

— Далъ, миленькая царевна, Софѣй-премудрость Божія!—ласково сказалъ старикъ, любуясь дѣвочкой.—У Бога все возможно... Вонъ, когда на утро и Никонишкѣ разсказали объ этомъ, такъ онъ, разсмѣявся, аки пьяница на кружечномъ дворѣ, сказалъ: „Знаю, су, я пустосвятовъ тѣхъ!“—и шапку у него отнялъ, а шубу оставилъ прикрытія наготы ради.

— А въ Сибири, отецъ, тяжко было жить?—спросила Морозова.

— И тяжко, и сладко, миленькая моя... Исходилъ я всю ее, студеную-то сторонку сибирскую. Былъ и въ Тобольскѣ, и въ Енисейскѣ, и вездѣ-то за мной по пятамъ шла злоба Никонова. Мало ему было Енисейска, велѣлъ послать меня въ Даурію съ енисейскимъ воеводою Аѳанасьемъ Пашковымъ. Ужъ и лютъ же былъ до меня оный Пашковъ, да Богъ ему, Аѳанасью, проститъ. Вышли мы изъ Енисейска съ полкомъ казаковъ, въ шести-стахъ, водою, на дощеникахъ. Ужъ и натерпѣлись же мы тамъ: не одинъ ковшъ горя выпили и не одно ведро слезъ пролили. Однова ѣхали мы по большой Тунгускѣ-рѣкѣ, и въ ту пору встала буря, и погрузило бурею въ воду дощеникъ мой—совсѣмъ налился среди рѣки полонъ воды и парусъ изорвало; остались надъ водою однѣ палубы, а то все въ воду ушло. Жена моя на палубы изъ воды дѣтокъ-ребятокъ кое-какъ повытаскала, мечется простоволоса, а я, на небо глядя, кричу: „Господи, спаси! Господи, помози!“ А Богъ-отъ молитву людскую слышитъ и козявочку маленькую подъ листочкомъ видитъ и бережетъ,—и ухо Его святое вездѣ, и рука его благая повсюду... И волею Божіею прибило насъ къ берегу; Богъ берегъ меня, свою козявку бѣдную. Богъ берегъ, такъ Пашковъ, въ угоду Никону, души моей искалъ. Взлютовался онъ на меня крѣпко, сталъ изъ дощеника выбивать: „для-де тебя дощеникъ худо идетъ, еретикъ-де ты, поди-де по горамъ, а съ нами не ходи“. Страхъ меня оковалъ тутъ: горы высоки до небесъ; дебри непроходимыя; утесъ каменный, яко стѣна стоитъ, а поглядѣть на него, заломя голову, такъ шапка валится... А въ горахъ тѣхъ зміи великіе живутъ... И чего-то тамъ нѣтъ! А все не такъ, какъ у насъ на Руси: тамъ и гуси, и утицы—періе красное, и вороны сѣрыя и галки черныя; тамъ и орлы невиданные, и соколы див-

ные, и кречеты, и курята индѣйскія, и бабы, и лебеди, и иныя дикія, многое множество, птицы разныя. А звѣрей-то тамъ — и числа, и имени имъ нѣту: козы дикія, и олени съ оленцами малыми бѣгаютъ, и зубры веліе, и лоси, и кабаны—клыкомъ зубра прошибаютъ, и волки, и бараны дикіе воочію бродятъ, а взять нельзя. На тѣ-то горы выбивалъ меня Аѳанасій, со звѣрьми рыскать, да со птицами витать. Такъ я ему малое писаньице написалъ. „Человѣче! говорю: убойся Бога, сидящаго на херувимѣхъ и взирающаго на бездны, его же трепещутъ небесныя силы и вся тварь со человѣки,—единъ ты презираешь Его..." Послалъ къ нему. А и бѣгутъ человѣкъ съ пятьдесятъ казаковъ: взяли мой дощеникъ и помчали къ нему; а я казакамъ кашки наварилъ да кормлю ихъ; а они, бѣдные, и ѣдятъ, и дрожатъ, а иные, глядя на меня, плачутъ—жалко имъ меня. Привели дощеникъ. Взяли меня палачи, привели предъ него. Онъ со шпагою стоитъ и дрожитъ весь отъ злобы. „Попъ ты или распопъ?" кричитъ.—„Азъ есмь Аввакумъ, говорю, протопопъ". Онъ же рыкнулъ, яко звѣрь дивій, и ударилъ меня по щекѣ, да по другой, да въ голову, и сбилъ меня съ ногъ, да, ухватя цѣпь, лежачаго по спинѣ, а потомъ, раздѣвши что липку, по той-же спинѣ семьдесятъ два раза. А я подъ кнутомъ-то молюсь: „Господи! помогай мнѣ". А ему горько и досадно, что не говорю: „пощади". Стащили меня потомъ еле жива, въ казенный дощеникъ, сковали и руки и ноги и на бетъ кинули. Осень въ ту пору стояла глубокая; дождь на меня лилъ всю ночь, — подъ капелью лежалъ хуже пса... Какъ били кнутомъ-то, такъ не больно было съ молитвою-то; а тутъ, лежа подъ дождемъ, заплакалъ до Бога. Да и какъ было не плакать! Всѣ кости-тѣ щемью щемятъ; жилы-тѣ клещами тянутъ; все сердце во мнѣ съ тѣломъ издрожалось, и я помирать сталъ... Увидали это казаки, плеснули мнѣ въ ротъ водицы—ожилъ, отошелъ... На утро кинули меня въ лодку и везли дальше. Привезли къ порогу Падуну — страшенъ тотъ порогъ, зѣло крутъ; гребень во всю рѣку, — только воротца малыя: что въ воротца не попало, ино въ щепы растрощитъ и размечетъ. Привезли меня подъ порогъ; со всего неба, кажись, дождь и снѣгъ собрался на меня, а у меня на плечахъ одинъ кафтанишко; льетъ вода и по спинѣ, и по брюху, — углебоша воды до души моей... О! таково нужно было... Привезли потомъ меня въ Братскій острогъ и въ тюрьму кинули,—благо соломки дали. Въ тѣ поры тамъ зима злая живетъ,— а меня Богъ и безъ платья грѣлъ: что собачка на соломкѣ лежу, о далекой Москвѣ вспоминаю; коли накормятъ, коли нѣтъ, лежу да думаю... А тутъ эти мыши покою не даютъ, и я ихъ, бывало, скуфьею билъ — и батожка мнѣ дурачки не дали... Все на брюхѣ лежалъ; спина гнила,—да что о томъ вспоминать!

А молодыя боярыни, повидимому, все усерднѣе и усерднѣе работали надъ своими жемчугами, только подчасъ выступавшія на щекахъ пунцовыя пятна да дрогнувшая рука обнаруживали ихъ внутреннее волненіе. Маленькая царевна Софьюшка также вся превратилась въ слухъ.

— На весну паки поѣхали впередъ; все далѣ и далѣ,—къ самому,

кажись, концу свѣта,—продолжалъ, немного помолчавъ, гость.—Дорогой все испроѣли и совсѣмъ обносились,—мало душу не износили въ лохмотья. И вдругорядь тонулъ я на Байкаловѣ морѣ, только Богъ вынесъ изъ пучины морской. А море-то, миленькіе мои, у какое свирѣпое было! Словно звѣри сѣдые да косматые ходили по немъ да рыкали. А послѣ Байкалова моря по Шилкѣ шли; тутъ Пашковъ заставилъ меня лямку тянуть. Что-жъ! и тянулъ.—Чѣмъ я лучше другихъ? А зѣло трудно и нудно было—и поѣсть было неколи, да и нечего, не то чтобы спать. Цѣлое лѣто мучились отъ водяныя тяготы; люди, что мухи, гибли, а у меня и животъ, и ноги сини были—какъ и выиесъ! Два лѣта такъ-то бродили на водахъ, мерли да синѣли, а зимами черезъ волоки волочилися. И на той Шилкѣ я въ третій разъ тонулъ, да все не утонулъ: оторвало мою барчонку отъ берега водою, ухватило да и понесло; жена и дѣти на берегу остались—плачутъ, руки къ небу возносятъ, хотятъ до неба докричать; а меня съ кормщикомъ помчало — словно щенку насъ буря подхватила... Переворачиваетъ, это, нашу барочку вверхъ и боками, и дномъ, треплетъ, а я по ней ползаю, что козявочка, да кричу: „Владычице, помози!“ Иное ноги въ водѣ, а иное выползу наверхъ! Гнало съ версту и больше, да люди у смерти отняли, --только все размыло до крохи. Да и крохъ-то этихъ было не густо. А что станешь дѣлать, коли Христосъ да Пречистая Богородица изволили такъ? Ихъ воля. Я-то, вышедъ изъ воды, смѣюсь — радъ, что живъ, а люди-тѣ плачутъ, платье мое по кустамъ развѣсивши. А Пашковъ опять меня же хочетъ бить — мало ему, благо зажила спина. „Ты-де, вопитъ волкомъ, самъ надъ собою дѣлаешь на посмѣхъ!“ Я-то самъ топлю себя! И я опять Богородицѣ-свѣту докучать: „Владычице! уйми дурака того!“ Такъ она, надежа, уняла—жалко меня стало. Потомъ доползли до Иргея озера. Волокъ тутъ большой, стали зимою волочиться—волами подѣлались. Пашковъ отнялъ у меня работниковъ, такъ я одинъ уже и помаялся: дѣтишки маленьки, ѣдаковъ много, хоть и малы рты, а работникъ одинъ я, горемыка-протопопъ; нарту самъ себѣ стюкалъ топорикомъ, уложилъ дѣтокъ да протопопицу—и волоку. А доволокъ, помогла Всепѣтая. А тамъ и весна тепленька глянула: птички запѣли; травка зазеленѣла; рѣчушки прошли,—такъ мы по Ингодѣ рѣкѣ и поплыли на низъ—четвертое лѣто отъ Тобольска плаванію моему и плаканію—всласть наплакался. Тамъ лѣсъ гнали хоромной и городовой—остроги ставили: Иркутскъ, Нерчинскъ, Албазинъ — много остроговъ нагородили. И стало ѣсть нечего: люди учали съ голоду пухнуть да помирать, да отъ работныя водяныя бродни погибать. О-и-хи-хи! Рѣка мелкая; плоты тяжелые; приставы немилостивые; палки большія; батоги суковатые; кнуты острые; пытки жестокія—огонь да встряска, — люди голодные: лишь станутъ мучить, ано и умретъ... Ахъ, времени тому! не знаю, какъ и умъ отъ меня не отступился. А отъ Пашкова онъ ушелъ—да и былъ ли, полно? На Нерчѣ рѣкѣ живучи, съ травою перебиваючися, голодомъ помирая, а онъ все лютуетъ, все ему мало. Осталось насъ малое мѣсто, которые не перемерли, и мы, отай отъ него,

по полямъ да по степямъ скитающеся, что кроты коренья копали. А пришла зима—сосну грызли, аки зайцы, а иное и кобылятинки Богъ дастъ, либо кости находили звѣрей, что волки зарѣзали, и что волкъ не доѣстъ, мы доѣдимъ; а то и самыхъ озяблыхъ волковъ да лисицъ ѣли и всякую скверну. Кобыла жеребенка родитъ, а голодные отай и жеребенка, и мѣсто скверное кобылье съѣдятъ. А Пашковъ свѣдалъ — и кнутомъ до смерти забьетъ. И кобыла умерла—все изводъ взялъ, понеже не по чину жеребенка того вытащили: лишь голову появилъ, а они и выдернули да почали черовь скверную ѣсть. Охъ, времени тому! И самъ я, грѣшный, волею и неволею причастникъ тѣмъ кобыльимъ и мертвечьимъ скверенамъ и птичьимъ мясамъ. Увы, грѣшной душѣ моей, юже азъ погубилъ житейскими сластьями! Охъ, времени тому страшному!

— О-охъ!—вырвался страстный стонъ изъ груди Морозовой.

Молодая боярыня бросилась передъ Аввакумомъ на колѣни и, схвативъ его руку, покрывала ее поцѣлуями.

— Батюшка! свѣтъ ты нашъ — мученикъ Христовъ! — шептала она страстно.

Аввакумъ всталъ въ сильномъ волненіи и силился приподнять молодую боярыню, которая цѣловала его рясу, а потомъ припала къ ногамъ.

— Господь съ тобой, дочушка моя во Христѣ, Ѳедосьюшка милая, свѣтикъ мой! — бормоталъ онъ растерянно, радостно, силясь приподнять молодую женщину.—Встань, дитя божье!

— О-охъ свѣтъ нашъ-учитель! Дай мнѣ, грѣшницѣ, ноги твои святыя слезами омыть и косою моею мерзкою вытереть,—шептала боярыня, ломая свои пухлыя ручки.

Аввакумъ приподнялъ ее, бережно прижалъ ея голову къ своей груди и дрожащею рукою крестилъ плачущую женщину.

— Господь надъ тобой, дочушка! Ангелы осѣни тебя чистые! Успокойся, дитятко!—ласково говорилъ онъ, усаживая ее.

Княгиня Урусова также всхлипывала, припавъ головой къ столу. Маленькая царевна стояла вся красная, готовая заплакать.

Морозова сѣла. Грудь ея сильно поднималась подъ малиновой душегрѣею; губы дрожали. Аввакумъ съ трудомъ пришелъ въ себя.

— Разбередилъ я васъ, старый дуракъ, миленькія мои—простите!—говорилъ онъ въ волненіи.—И что жъ, свѣты мои, глядючи на васъ, скажу: ближе къ Богу жена стоитъ нежели мужъ. Ей-такъ! ей-ей, воистину такъ! Не даромъ Господь жену создалъ изъ ребра мужчины, а мужа изъ персти земной, изъ грязи. Тѣмъ и выше жена мужа и чище его духомъ и тѣломъ. Не вы первыя, свѣтики мои, не вы послѣднія примѣръ тому: ужъ коли женщина вѣритъ, такъ ея вѣра—адамантъ крѣпокъ и сила въ ней несокрушимая. Вотъ хоть бы обо мнѣ сказать: когда мы помирали голодною смертію въ даурской далекой сторонѣ и питались скверною всякою, мертвечиною и сосною, насъ отъ смерти спасли жены воеводскія: жена онаго Аѳанасья Пашкова, Ѳекла Семеновна, болярыня, да болярыня воеводская

сноха, Авдотья Кирилловна, онѣ намъ отъ смерти голодной тайно давали отраду: безъ вѣдома его, Аѳанасья, пришлютъ иногда кусокъ мясца, иногда колобокъ, иногда мучки и овсеца, сколько сойдется—четверть пуда, и гривенку-другую, а иногда и полпудика накопятъ и передадутъ, а иногда у куровъ корму изъ корыта нагребутъ да намъ на обѣдъ либо на ужинъ пришлютъ. А разъ и курочку живую дали. Черненькая была курочка, хохлатенькая и въ штанишкахъ, говорунья такая—все бывало каждое утречко „коко-коко! коко-коко!“ Анъ глядь—два яичка снесла, да такъ по два яичка на день и приносила робяти нашему на пищу, божіимъ повелѣніемъ нуждѣ нашей помогая: Богъ такъ строилъ. Да увы! на нартѣ везучи въ то нуждное время, удавили ее по грѣхомъ нашимъ, не доглядѣли. И плакали по ней, гораздо поплакали. И нынѣча жаль мнѣ курочки той, какъ на разумъ, голубушка, придетъ. Не то курочка, не то чудо было отъ Бога: во весь годъ по два яичка давала—сто рублей при ней плюново дѣло! Жалѣю... И та курочка, одушевленное божіе твореніе, насъ кормила, и сама съ нами кашку сосновую изъ котла тутъ же клевала, или и рыбка прилучится, и рыбку клевала и намъ противъ того два яичка на день давала. Слава Богу, вся сотворившему благая! И не просто она намъ досталася. У боярыни той воеводши куры всѣ переслѣпли и мереть стали, такъ она, собравши въ коробъ, ко мнѣ ихъ прислала: чтобъ-де батько пожаловалъ—помолился о курахъ. И я подумалъ: кормилица, то-есть, наша, дѣтки у нея, надобны ей куры. Да молебенъ пѣлъ; воду святилъ, куровъ кропилъ и кадилъ; потомъ въ лѣсъ сбродилъ, корыто имъ сдѣлалъ, изъ чего ѣсть, и водою покропилъ, да къ ней все и отослалъ. Курки божіимъ мановеніемъ исцѣлѣли и исправилися по вѣрѣ ея, боярыни. Отъ того-то племени и наша курочка была. Да полно того говорить—у Христа не сегодня такъ повелось. Еще Косма и Даміанъ человѣкомъ и скотомъ благодѣтелıствовали и цѣлили о Христѣ. Богу вся надобна: и скотинка, и птичка во славу Его пречистаго Владыки, еще и человѣка ради. А все жаль курочки той...

Вдругъ послышалось тихое, сдержанное всхлипыванье. Поглощенныя разсказомъ Аввакума, мысленно бродившія съ нимъ по далекой, невѣдомой даурской землѣ и по Нерчѣ рѣкѣ, молодыя боярыни не замѣтили, какъ маленькая царевна, тоже жадно слушавшая страннаго старичка и не спускавшая съ него своихъ большихъ изумленныхъ глазъ, припавъ своей бѣлокурой головкой къ колѣнямъ княгини Урусовой, тихо плакала.

— Что съ тобой, солнышко царевна? Объ чемъ ты изволишь плакать?—встревоженно спрашивала молодая княгиня, приподнимая съ своихъ колѣнъ заплаканное личико Софьюшки-царевны.

Дѣвочка не отвѣчала, только розовыя губки ея снова складывались, чтобы заплакать пуще прежняго.

— Христосъ надъ тобой, солнышко свѣтлое! Объ чемъ плакынькаешь?—допрашивали ее обѣ сестры боярыни.—А? повѣдай намъ—объ чемъ?

— Жалко, — отвѣчала дѣвочка, силясь сдержать слезы и какъ бы глотая ихъ.

— Кого жалко, золотая?

— Курочку жалко...

— А!.. курочку!..—всѣ улыбнулись.—Что жъ теперь плакать объ ней? Вонъ мы не плачемъ...

— Нѣтъ, и вы плакали.

— Мы плакали о батюшкѣ, объ отцѣ Аввакумѣ, какія онъ тамъ муки терпѣлъ... А тебѣ батюшку жалко? а? Скажи, золото червонное.

Дѣвочка посмотрѣла на Аввакума. Тотъ ласково улыбался ей.

— Что меня, стараго-то ворона, жалѣть, осударыня царевна!—сказалъ, онъ, подходя къ ней и крестя ея головку.—Я вонъ живъ—брожу, а курочка-то умерла.

Въ это время въ комнату вошла, переваливаясь, какъ не въ мѣру накушавшаяся утка, полная, съ ожирѣвшимъ лицомъ и мѣшковатымъ подбородкомъ, пожилая женщина. Заплывшія жиромъ глазки чуть-чуть выглядывали изъ своихъ щелей, словно тараканы.

Женщина, увидавъ Аввакума, тотчасъ подошла къ нему подъ благословеніе. Тотъ осѣнилъ ее истово, двуперстно, изобразивъ изъ своихъ пальцевъ сорочій хвостъ.

— Я-то, старая, царевну ищу, а моя царевна вонъ гдѣ,—заговорила вошедшая женщина, кланяясь хозяйкамъ въ поясъ.—Она, моя голубушка, знаетъ, гдѣ коломенской пастилой кормятъ.

— Нѣту, мамушка, я не ѣла пастилы,—отвѣчала дѣвочка.

— Ахъ мы, скверныя!—спохватилась Морозова,—заслушались слова Божія, а о пастилѣ-то и забыли... А намъ свѣженькой, двухсоюзной прислалъ милый княжичъ нашъ, Васенька Голицынъ. Сбѣгай, Дуиюша, принеси... и батюшку попотчуемъ, какъ та курочка черненька, хохлатенька.

— Ахъ вы, курочки мои золотыя, балуете старика, — любовно говорилъ Аввакумъ, провожая глазами Урусову.

— А никакъ ты, царевнушка, плакынькала? — сказала толстая мамушка, вглядываясь въ глаза дѣвочки.—Объ чемъ слезки жемчужны?.. а?

— Объ курочкѣ, какъ курочку задавили...

— Это я, старый воронъ, каркалъ... раскивилилъ царевну, — вмѣшался Аввакумъ.—Курочка у меня въ Сибири была.

— Осударыня царевна!—послышался вдругъ молодой звонкій голосъ въ дверяхъ:—осударыня царица приказала тебя кликать—учитель пришелъ.

Это была молоденькая дворская сѣнная дѣвушка съ розовыми щеками.

— Какой учитель?—встрепенулся Аввакумъ, обращаясь къ маленькой царевнѣ.

— Симеонъ Ситіановичъ,—бойко отвѣчала дѣвочка.

— А! Симеонъ Полоцкій... хохолъ... умникъ бѣлорусскій,—брезгливо замѣтилъ Аввакумъ.—Чему же это онъ учитъ тебя, государыня царевна?

— И письму, и цифири, и великимъ хитростямъ,—быстро заговорила

дѣвочка:—псалтырь виршами, и небо мнѣ показываетъ, и планиды... есть планида Кронъ, есть планида Ермій, а звѣзды веществомъ чисты, образомъ круглы, количествомъ велики, явленіемъ малы, качествомъ свѣтлы, а земля черна и кругла—она есть кентръ всего міра...

Дѣвочка захлебывалась отъ торопливости, желая разомъ выложить всѣ свои знанія. Личико ея разгорѣлось, глаза блестѣли. А Аввакумъ, слушая ее, только головой качалъ.

— Ну, научатъ добру эти хохлы, научатъ...

IV.

Стенька Разинъ у Никона.

Тяжелое, очень тяжелое было это время — шестидесятые годы XVII столѣтія, къ которымъ пріурочивается наше повѣствованіе, — такое тяжелое время, что едва ли и переживала когда-либо подобную годину святая Русь, хотя она уже и вынесла на себѣ и двухсотлѣтнее татарское ярмо, и лихолѣтье „смутнаго времени“, и великое моровое повѣтріе; въ эти тяжелые шестидесятые годы руская земля раскололась на-двое—разорвалось на-двое русское народное сердце, на-двое расщепилась, какъ вѣковое дерево, русская народная мысль, и самая русская жизнь съ этихъ несчастныхъ годовъ потекла по двумъ теченіямъ, одно другому враждебнымъ, одно другое отрицающимъ.

И раскололъ русскую землю и русскую жизнь на-двое не Никонъ, которому приписываютъ это расчлененіе великаго царства раскольники, и не Аввакумъ, котораго исторія считаетъ первымъ заводчикомъ такъ называемаго „раскола“ или „старообрядчества“, — нѣтъ, клиномъ, расколовшимъ русскую землю и русскую мысль на-двое, былъ просто типографскій станокъ—это величайшее измышленіе человѣческаго ума,—станокъ, привезенный въ Москву тѣми, которыхъ батюшка Аввакумъ называлъ „хохлами“, и о которыхъ онъ говорилъ маленькой царевнѣ Софьюшкѣ, что они „научатъ добру“...

Дѣло было такъ. Привезли „хохлы“ въ Москву этотъ пагубный станокъ, уставили на печатномъ дворѣ, и началось въ Москвѣ печатанье церковныхъ, богослужебныхъ и иныхъ душеспасительныхъ книгъ. А до этой поры на Москвѣ и по всей русской землѣ были книги писанныя. Въ писанныхъ книгахъ, само собою разумѣется, было много описокъ, неточностей, разнорѣчій: по одному списку въ символѣ вѣры значилось—„его же царствія *не будетъ* конца“, а по другому—„*нѣсть* конца“, въ одной книгѣ объ Іисусѣ Христѣ говорится—„рождена, несотворенна“, а въ другой — „рожденна, *а* не сотворенна“, и въ виду этого разнорѣчія одни принимали этотъ *азъ*, а другіе отметали его. Было много и другихъ подобныхъ спорныхъ вопросовъ. Типографскій станокъ долженъ былъ примирить всѣ эти споры: печать намѣрена была держаться чего-либо од-

кого — и она нашла этотъ *азъ* излишнимъ. Люди, привыкшіе слышать отъ купели своей въ символѣ вѣры этотъ *азъ*, возстали за него.

— Намъ всѣмъ православнымъ христіанамъ, — говорили эти сторонники *аза*, — подобаетъ умирать за одинъ *азъ*, его же окаянные враги (это „хохлы") извергли изъ символа тамъ, идѣ же глаголется о Сынѣ Божіемъ Іисусѣ Христѣ — „рожденна, *а* не сотворенна:" велика зѣло сила въ семъ *азѣ* сокровена.

Къ сторонникамъ *аза* принадлежалъ и знакомый уже намъ благообразный старецъ, протопопъ Аввакумъ, вынесшій ужаснѣйшія семь лѣтъ ссылки въ Дауріи и разсказывавшій въ предыдущей главѣ нашего повѣствованія о своихъ страданіяхъ въ сибирской сторонѣ боярынямъ Морозовой и Урусовой и маленькой царевнѣ Софьюшкѣ.

Когда „хохлы" привезли въ Москву типографскій станокъ, то въ числѣ „справщиковъ" къ нему былъ приставленъ и Аввакумъ, или, говоря современнымъ языкомъ, Аввакумъ назначенъ былъ однимъ изъ редакторовъ для печатанія на Гуттенберговскомъ станкѣ церковныхъ книгъ; но когда Никонъ, подъ вліяніемъ образованныхъ „хохловъ", въ родѣ Епифанія Славинецкаго, и хитрыхъ грековъ, въ родѣ Арсенія, началъ коренное исправленіе въ печати богослужебныхъ книгъ, и когда благочестивый Аввакумъ съ товарищами объявили, что за *азъ* они скорѣе умрутъ, чѣмъ позволятъ выбросить его въ корректурѣ символа вѣры, и при этомъ не послушались рѣшенія цѣлаго совѣта, или собора святителей, то ихъ и подвергли разнымъ наказаніямъ и ссылкамъ.

Затѣмъ, когда упрямый и властолюбивый Никонъ, въ гнѣвѣ на царя, оставилъ патріаршій тронъ и удалился въ свой монастырь, сторонники *аза* въ большинствѣ случаевъ были возвращены изъ ссылки. Возвращенъ былъ изъ Сибири и Аввакумъ. И вотъ послѣ этого мы и видѣли его въ бесѣдѣ съ Морозовою и Урусовою въ вечеръ вторичнаго возращенія Никона изъ Москвы въ свой монастырь.

Это и есть начало раскола въ русской землѣ, величайшее въ исторіи внутренняго развитія русскаго народа событіе совершилось такимъ образомъ изъ-за простой *корректуры*, вызванной все тѣмъ же пагубнымъ станкомъ Гуттенберга.

Такія мысли, какъ волны подъ давленіемъ порывистаго вѣтра, обуревали посѣдѣвшую голову Никона, когда онъ, на другой день послѣ неудачной поѣздки въ Москву, стоялъ во время обѣдни въ своей Воскресенской церкви и прислушивался къ монотонному чтенію иподіакономъ апостола.

— „Литеры малыя, да слова, да препинательные знаки, да перстное сложеніе — эку бурю подняли оныя литеры! — на весь міръ буря... А все сей станокъ печатный"...

Такъ безсвязно думалъ онъ, напрасно силясь вслушаться въ чтеніе иподіакона. Какъ измѣнился онъ со вчерашняго дня! Словно бы выдержалъ необыкновенный постъ или тяжкую болѣзнь.

Но, какъ онъ ни былъ занятъ своими думами, онъ не могъ не замѣ-

тить какого-то неизвѣстнаго человѣка, который стоялъ у праваго клироса передъ изображеніемъ Спасителя, несущаго крестъ, и горько плакалъ. По виду онъ не казался москвичемъ, да и костюмъ его отличался отъ обыкновеннаго московскаго платья. Никону виднѣлся нѣсколько его профиль съ характернымъ широкимъ носомъ, подстриженный довольно высоко, толстый, какъ у вола, затылокъ; такая же шея и широкія плечи; вся коренастая, невысокая фигура его казалась крѣпкою, точно выкованною молотомъ на наковальнѣ.

Всю обѣдню незнакомецъ молился и плакалъ: Никонъ видѣлъ, какъ онъ припадалъ головою къ полу, долго не поднималъ ея, и какъ при этомъ вздрагивали отъ плача его могучія плечи.

— „А, должно, большое горе на душѣ у него",—невольно думалось патріарху: ему самому, разбитому и поруганному, понятнѣе теперь становилось всякое человѣческое горе.

Послѣ обѣдни незнакомецъ подошелъ къ нему подъ благословеніе; необыкновенно добрые и, повидимому, робкіе, съ какою-то скрытою, неуловимою мыслью глаза произвели на патріарха невольное впечатлѣніе. Въ глазахъ этихъ было что-то чарующее, покоряющее своей мягкостью, въ которой сказывалась сила.

— Ты не здѣшній? — спросилъ его Никонъ, поднимая правую руку для благословенія.

— Не здѣшній, великій государь владыко, — смѣло отвѣчалъ незнакомецъ.

— Не называй меня великимъ государемъ, — остановилъ его патріархъ:—прошло мое государствованіе.

Незнакомецъ смотрѣлъ на патріарха, повидимому, не вполнѣ понимая его.

— Я токмо патріархъ, а не великій государь,—продолжалъ Никонъ съ дрожью въ голосѣ: — великій государь у насъ одинъ — царь Алексѣй Михайловичъ... А ты откуда и кто таковъ родомъ?

— Я съ Дону казакъ, святой владыко, Степаномъ называюсь, по-нашему Стенькою, а по прозванію Разинымъ... Былъ на Дону на атаманствѣ, а теперь иду молиться—душу спасти.

— Доброе дѣло,—сказалъ патріархъ, и благословилъ его.—Куда жъ ты идешь молиться?

— Кланялся я на Москвѣ московскимъ святителямъ, а теперь иду поклониться соловецкимъ, да къ тебѣ, великій патріархъ, зашелъ просить твоего благословенія всему тихому Дону.

— Благое твое намѣреніе,—ласково и задумчиво сказалъ Никонъ:— я радъ тебѣ, Степанъ, заходи ко мнѣ, я съ тобою поговорю.

Разину на видъ казалось лѣтъ около пятидесяти, а можетъ быть и меньше. Въ широкой, окладистой бородѣ его серебрилась рѣзкая просѣдь. Невысокій лобъ разрѣзывался надвое длинною характерною морщиною. Лобная кость казалась сильно выдавшеюся надъ глазами. Въ выраженіи лица читалось что-то задумчивое, невысказываемое.

Патріархъ вышелъ изъ церкви, а Разинъ остался, чтобы приложиться къ иконамъ и отслужить панихиду по новопреставленной рабѣ божіей дѣвицѣ Дарьѣ. За панихидой онъ плакалъ еще неутѣшнѣе, чѣмъ за обѣдней. Кто была эта новопреставленная Дарья—это зналъ одинъ только Стенька.

Послѣ панихиды къ нему подошелъ посланный отъ патріарха — это былъ его неразлучный крестоноситель, Иванушка Шушера—и позвалъ въ патріаршіи кельи.

Никонъ писалъ что-то, когда ввели къ нему Разина. Патріархъ указалъ ему мѣсто на скамьѣ, а самъ остался въ креслѣ съ высокою спинкою, на которой вышитъ былъ малиновый крестъ, какъ бы осѣнявшій голову патріарха.

— Я радъ тебя видѣть, Степанъ,—снова сказалъ патріархъ привѣтливо, вглядываясь въ красивые глаза гостя.—Что у васъ на Дону слышно?

— Слуховъ у насъ, владыко святой, ходитъ не мало, а все больше слухи московскіе,—отвѣчалъ Разинъ.

— Какіе же такіе московскіе слухи?

— О московскомъ нестроеніи ходятъ слухи — на тебя-де, великаго патріарха, гоненіе неправое отъ бояръ: таковы у насъ слухи.

— И то правда,—сказалъ Никонъ, сверкнувъ глазами: — боярамъ я поперекъ горла сталъ—не давалъ имъ воли, такъ они наплели на меня великому государю многія сплетни безлѣпично, и оттого у меня съ великимъ государемъ остуда учинилась на многіе годы. Я сшелъ съ патріаршества, дабы великій государь гнѣвъ свой утолилъ, а они безъ меня пуще роспалили сердце государево. Теперь меня, великаго патріарха, хотятъ судить попы да чернецы, да епископы — дѣти собираются судить отца... А у меня одинъ судья— Богъ!

Патріархъ чувствовалъ, какъ раскрывались въ его душѣ свѣжія раны, и голосъ его крѣпчалъ все болѣе и болѣе.

— Теперь я сталъ притчею во языцѣхъ: бояре надо мной издѣвки творятъ, мое имя ни во что ставятъ, изъ Москвы и изъ святыхъ московскихъ церквей меня, великаго своего патріарха, выгоняютъ, аки оглашеннаго; ни меня до царя не допускаютъ, ни царя до меня. Враги мои, не зная надъ собою страха, играютъ святостію, кощунствуютъ. Вонъ теперь Семенко Стрѣшневъ что чинитъ съ своею собакою — и сказать страшно. Онъ, воръ Семенко, научилъ своего пса сидѣть на заднихъ лапахъ, а передними—благославлять!

— Благославлять! Собаку научилъ благославлять!—невольно вскрикнулъ Разинъ и вскочилъ съ мѣста. Глаза его загорѣлись—онъ въ этотъ моментъ совсѣмъ не походилъ на прежняго, тихаго, съ кроткимъ выраженіемъ глазъ, Разина.—Это бояринъ научилъ собаку?

— Да, бояринъ Стрѣшневъ, на ушкѣ у царя онъ... И называетъ эту собаку Никономъ-патріархомъ—Никонкою... Когда соберутся у него гости, и онъ зоветъ тое собаку: „Никонко! Никонко-патріархъ! поди, благослови

бояръ"... И безсловесный песъ кощунствуетъ, ругается надъ нами и надъ благословеніемъ божіимъ... Вотъ до чего мы дожили...

Никонъ всталъ и въ волненьи заходилъ по кельѣ, стуча посохомъ.

— Такъ мы тряхнемъ Москвою за такое надругательство надъ вѣрою,—мрачно сказалъ Разинъ.

Онъ былъ неузнаваемъ. Прекрасные глаза его остоячились, нижняя челюсть дрожала.

— Они хуже бусурманъ,—глухо продолжалъ онъ.—Мы съ нихъ сдеремъ боярскую шкуру на зипуны казакамъ, а то у насъ на Дону голытьба, худые казаки давно обносились.

Онъ какъ бы опомнился и снова моментально ушелъ въ себя, только глаза его вопросительно обратились на патріарха.

— Теперь хотятъ судить меня судомъ вселенскихъ патріаховъ,—продолжалъ Никонъ также нѣсколько болѣе спокойнымъ голосомъ. — Я суда вселенскихъ патріарховъ не отметаюсь—ей! не отметаюсь! Токмо, за что судить меня? Если за одинъ уходъ съ престола, такъ подобаетъ и самого Христа извергнуть—онъ много разъ уходилъ страха ради іудейска... А я сшелъ съ престола, боясь гнѣва царева и козней боярскихъ: они хотѣли многимъ чаровствомъ опоить меня, да и опоили было, только Богъ меня помиловалъ—безуемъ камнемъ да индроговымъ пескомъ отпился отъ того чаровства.

Онъ остановился. Разинъ стоялъ, глубоко опустивъ голову.

— Садись, Степанъ, что ты всталъ?—сказалъ патріархъ, какъ бы намѣреваясь перемѣнить разговоръ.

Разинъ молча сѣлъ и продолжалъ о чемъ-то думать.

— Такъ какъ же, Степанъ, когда ты въ Соловки думаешь идти? — спросилъ Никонъ.

— Пойду нынѣ же, чтобъ къ веснѣ на Донъ воротиться,—отвѣчалъ Разинъ раздумчиво.

— А у насъ не поживешь?

— Поживу, помолюсь, коли милость твоя ко мнѣ будетъ.

— Живи, у насъ мѣсто найдется, и кормъ будетъ.

— Спасибо, святой патріархъ.

Потомъ, немного помолчавъ, Разинъ спросилъ:

— А твое великое благословеніе на Донъ будетъ?

— Я Донъ благословлю иконою,—отвѣчалъ патріархъ.

— А что мы казацкою думою надумаемъ—и то благословишь?

— Коли на добро православнымъ христіанамъ и во славу Божію, то будетъ и мое благословеніе. По тебѣ сужу, что донскіе казаки не суть рабы лѣнивіи у Господа--молятся нелѣностно.

— Плоха наша молитва,—отвѣчалъ Разинъ грустно:—не высоко подымается.

— Для чего не высоко?

— Должно, грѣхи не пущаютъ до неба—не доходитъ до Бога,—продолжалъ Разинъ какъ-то загадочно.

— Не дѣло говоришь, Степанъ, — строго замѣтилъ патріархъ:—Богъ и высоко, и низко живетъ—до него все доходитъ.

Разинъ молча покачалъ головой и вздохнулъ.

— У тебя, Степанъ, я вижу, горе есть на душѣ, — сказалъ Никонъ, зорко вглядываясь въ своего собесѣдника.

Разинъ молчалъ, только рука его, брошенная на колѣно, задрожала.

— А кто виною печали твоей?—съ участіемъ спросилъ патріархъ.

— Тѣ же, что и твоей, владыко святой,—еще загадочнѣе отвѣчалъ гость.

— Ноли бояре?

Дверь въ келью отворилась, и на порогѣ показался Иванъ Шушера, блѣдный, испуганный.

— Ты что, Иванушко?—тревожно спросилъ патріархъ.—Что случилось?

— Бояре со стрѣльцами пріѣхали.

— Спира воинская... взять меня хотятъ, яко Христа въ саду Геѳсиманскомъ, — сказалъ онъ, вставая во весь свой ростъ.—Слуги Анны и Каіафы идутъ за мною.

Разинъ также вытянулся и выхватилъ изъ-подъ полы кафтана огромный ножъ.

— Что это?—тревожно спросилъ Никонъ.

— На бояръ,—сипло отвѣчалъ гость.

Никонъ вздрогнулъ.

— Нѣтъ, не буди Петромъ... вложи ножъ... Всякъ, иже ножъ изъемлетъ; отъ ножа погибнетъ,—торопливо говорилъ патріархъ.

Разинъ былъ страшенъ. Казалось, что волосы на головѣ у него ходили—такъ двигалась кожа на его плоскомъ, широкомъ черепѣ.

— Вложи ножъ, Степанъ, вложи! — повторилъ Никонъ, слыша шумъ въ сѣняхъ.

Разинъ спряталъ ножъ.

— Такъ къ намъ на Донъ—мы не выдадимъ,—сказалъ онъ угрожающимъ голосомъ:—мы ихъ разтакъ...

Въ дверяхъ показалось иконописное лицо Одоевскаго, а за нимъ харатейный ликъ дьяка Алмаза Иванова.

— Анна и Каіафа,—громко сказалъ патріархъ, откидывая назадъ голову:—кого ищете? Се азъ есмь...

— Комидіантъ!—проворчалъ про себя Алмазъ Ивановъ:—эки дѣйства выкидываетъ.

Но, увидавъ лицо Разина, замолчалъ и попятился назадъ, къ дверямъ, откуда высовывались бородатыя лица стрѣльцовъ.

— Иди съ Богомъ, сынъ мой,—сказалъ Никонъ, благословляя Разина.—Помолись обо мнѣ.

Разинъ вышелъ, косо посматривая на стрѣльцовъ и мѣряя ихъ съ головы до ногъ своими большими глазами.

— Эки буркалы,—проворчалъ одинъ стрѣлецъ со шрамомъ черезъ всю щеку.—Н-ну глазокъ!

V.

Аввакумъ у Морозовой.

Боярыня Морозова, которую мы видѣли въ бесѣдѣ съ Аввакумомъ и которую бесѣда эта такъ сильно потрясла, принадлежала къ самой знатной боярской семьѣ въ Москвѣ. Она была снохою знаменитаго боярина Бориса Морозова, того Морозова, котораго тишайшій царь считалъ не только своимъ „пріятелемъ“, но почиталъ „вмѣсто отца родного“. Съ своей стороны и Борисъ „сему царю былъ дядька и пѣстунъ, и кормилецъ, болѣлъ объ немъ и скорбѣлъ паче души своея, день и ночь не имѣя покоя“. А боярыня, молодая скромница Ѳедосьюшка, была что глазокъ во лбу у этого царскаго пѣстуна и кормильца: Ѳедосьюшка, вышедши на семнадцатомъ году замужъ за Глѣба, брата Борисова, недолго жила съ мужемъ, который умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, оставивъ послѣ себя единственную отраду молодой вдовѣ—сынка Иванушку. На этомъ-то Иванушкѣ и на его молоденькой матери пѣстунъ царскій и сосредоточилъ всю свою нѣжность. Любили молодую боярыню и при дворѣ: и ласковый царь отличалъ ее передъ всѣми боярынями и боярышнями, и царица души не чаяла въ „лѣповидѣ и лѣпословѣ“ Прокопьевнѣ—молодая боярыня дѣйствительно была „лѣповида“—существо необыкновенно миловидное, и „лѣпослова“—потому что она была умна, много читала и прекрасно говорила „духовными словесы“.

Но нерадостна была въ то время жизнь молодой боярыни. Еще съ мужемъ она могла чувствовать нѣкоторую полноту жизни; при мужѣ она была менѣе отчуждена отъ міра, менѣе казалась затворницей. А вмѣстѣ со вдовствомъ для нея наступала какъ бы жизнь безъ жизни, безцѣльное прозябаніе и преждевременное старчество. Громыханье посуды отъ утра до вечера, звонъ ключей отъ зари до зари, плетенья да вязанья, бесѣды съ ключницами да мамушками и — какъ верхъ эстетическаго наслажденія — пѣнье пѣсенъ сѣнными дѣвушками—вотъ вся жизнь боярыни, каковъ бы ни былъ ея темпераментъ, каковы бы ни были годы и ея личныя стремленія.

Но не для всѣхъ женскихъ характеровъ такая жизнь даетъ полное духовное удовлетвореніе... Морозова была изъ такихъ женщинъ, для которой громыханіе золотой и серебряной посуды да звонъ ключей не составляли идеалъ жизни—и она искала большаго, болѣе цѣннаго для ума и сердца, чѣмъ золото. Богатыя духовныя силы ея требовали духовной работы; горячее молодое сердце искало любви не къ одному сынку Иванушкѣ, который еще былъ такъ малъ,—искало борьбы, самопожертвованій, идеаловъ. А идеалы она знала только по книгамъ — идеалы святителей, мучениковъ, высокіе образцы христіанской любви. Кругомъ себя и во дворцѣ она видѣла только будничную сторону жизни, внѣшнія дрязги этой жизни, несмотря на ея блескъ и роскошь—и вездѣ она чувствовала пу-

стоту. Пустоту эту, какъ червоточину, она чувствовала и въ себѣ, въ своемъ сердцѣ. Чтобы задавить этого червяка въ душѣ, залить пустоту, въ которой чахло ея теплое, отзывчивое сердце,—она вся окунулась въ наслажденіе своимъ богатствомъ, своимъ высокимъ положеніемъ. Она окружила себя блескомъ и роскошью. Она поставила свой домъ, и безъ того пышный, гремѣвшій на всю Москву, поставила на царскую ногу; одной ей, ея прихотямъ услуживало въ домѣ до трехсотъ человѣкъ прислуги; одно мановеніе ея бѣленькой ручки, игравшей жемчугами да яхонтами, приводило въ движеніе всю эту араву челядинцевъ, которые стремглавъ спѣшили исполнить волю и прихоть, какова бы она ни была, своей доброй, ласковой, сердечной боярыньки-свѣта. Когда она выѣзжала изъ дому въ своей богатой, „драгой и устроенной мусіею и сребромъ и съ аргамаки многими“ каретѣ, запряженной двѣнадцатью лошадьми, „съ гремячими чѣпьми“, то за нею слѣдовало „слугъ, рабовъ и рабынь“ сто, двѣсти, а то и всѣ триста, „оберегая честь ея и здоровье“, а народъ бѣжалъ толпами, хватая на лету алтыны и копѣйки, которые выбрасывала въ окно кареты маленькая ручка боярыни. Самъ тишайшій царь, встрѣчаясь иногда съ блестящимъ поѣздомъ своей „пучеглазенькой Прокофьевны“, какъ онъ называлъ Морозову, привѣтливо ей кланялся, снимая свою шапку, „мурманку“. А бояре и князья такъ издали сымали шапки и кланялись ей въ поясъ, стараясь хоть мелькомъ взглянуть въ блестящіе изъ-подъ фаты глазки красавицы.

Но и это не удовлетворило ея, не наполнило ея души довольствомъ, не заняло пустоты, въ которой сохло ея молодое сердце. Она искала идеала... Одно время ей думалось, что она нашла этотъ идеалъ человѣка: то былъ Никонъ. Въ своемъ гордомъ удаленіи отъ царскаго и святительскаго блеска, въ своемъ вольномъ изгнаніи онъ казался ей мученикомъ. Вся его прежняя жизнь—отъ босоножія, когда маленькимъ Никиткой онъ голодалъ и зябъ безъ лаптей на морозѣ, до святительскаго клобука и посоха Петра митрополита, когда Никитка, ставшій патріархомъ Никономъ и „великимъ государемъ“, гремѣлъ съ амвона на истиннаго великаго государя,—вся эта жизнь представлялась ей въ ореолѣ и величіи апостольства. Но, когда, послѣ неоднократныхъ тайныхъ посѣщеній его въ Воскресенскомъ монастырѣ и послѣ продолжительныхъ бесѣдъ съ нимъ, она нашла въ немъ сухого эгоиста и самолюбиваго, властолюбиваго и мстительнаго черствеца,—она горько оплакала этотъ миражъ своего идеала.

И вдругъ судьба столкнула ее съ Аввакумомъ. Этотъ мощный умъ, эта несокрушимая воля, хотя, повидимому, мягкая и тягучая, какъ золото, въ дѣлахъ добра и желѣзная въ другихъ случаяхъ, эта великая, страстная, но дѣтски наивная вѣра не только во всепроникаемость божественной любви и всепрощенія, но и въ обрядъ, въ букву, въ послѣднюю іоту вѣры—все это глубоко потрясло воспріимчивую душу молодой, пылкой женщины. Ей казалось, что она очутилась лицомъ къ лицу съ апостоломъ, мученикомъ, съ тѣмъ первообразомъ и идеаломъ истиннаго человѣка, котораго

она въ своей пылкой фантазіи видѣла въ ѳиваидскихъ пещерникахъ, въ столпникахъ, въ обличителяхъ нечестивыхъ римскихъ царей. Развѣ Сибирь—не та же страшная Ѳиваида, надъ которой она задумывалась при чтеніи житій святыхъ? Развѣ сибирскія земляныя тюрьмы—не тѣ же языческія узилища? А онъ, Аввакумъ, по всему этому прошелъ — прошелъ босыми ногами по льду и по горячимъ угольямъ. И онъ не очерствѣлъ, не застылъ въ своемъ высокомѣріи, какъ Никонъ: онъ молился и плакалъ и радовался своимъ страданіямъ,—да мало того—каждый день молился за другихъ, часы и заутреню служилъ, будь то въ земляной тюрьмѣ на соломѣ, въ обществѣ мышей и таракановъ, будь то въ снѣжныхъ сугробахъ, въ лѣсу, на водѣ, на работахъ..

— Охъ, батюшка-свѣтъ! святитель нашъ! Да какъ же ты службу-то служилъ при этихъ-то трудахъ да мученіяхъ?— невольно воскликнула молодая боярыня, возвращаясь съ сестрой изъ дворца и захвативъ съ собой въ карету своего дорогого гостя.

— А все также, дочушка моя золота-яхонтова: идучи, бывало, дорогою, зимой, или нарту съ дѣтками и курочкой своей волоку, или рыбку ловлю, звѣря промышляю, или въ лѣсу дровца сѣку, или ино что творю, а самъ правильцо въ тѣ поры говорю, пою молитвы, вечереньку либо заутреньку мурлычу себѣ, что прилучится въ тотъ часъ, и плачу, и веселюсь, что живъ, что голосъ мой во пустынѣ мертвой звучитъ, птички божьи мое моленье слышутъ, и за птичекъ молюсь, и за деревцо — все, вѣдь, оно и божье, и наше... А буде въ людяхъ я, и бываетъ неизворотно, или на стану станемъ, а товарищи-то не по мнѣ, моленія моего не любятъ,—и я, отступя людей, либо подъ горку, либо въ лѣсокъ—коротенько сдѣлаю: побьюся головою о землю, либо объ ледъ поколочусь, объ снѣгъ, а то и заплачется—и все сладко станетъ, коли голова объ землю поколотится, либо слеза горячая снѣгъ прожжетъ. А буде по мнѣ люди — и я на сошкѣ складеньки поставлю, правильца проговорю, молитовку пропою, въ перси себѣ постучу, а иные со мною же молятся, плачутъ, а иные кашку варятъ—и тоже маленько молятся. И въ саняхъ ѣдучи, пою себѣ да веселюсь, и въ тюрьмѣ лежа, пою да кандалами позвякиваю; а кандальный-то звонъ, тюремный, свѣтики мои, слаще Богу звону колокольнаго: звонокъ, голосистъ звонъ-отъ тюремный!.. Вездѣ, пташки мои, молюсь и пою, а хотя гдѣ и гораздо неизворотно, а таки поворочу, что собачка передъ Господомъ, повою до неба праведнаго...

Аввакумъ еще болѣе очаровалъ сестеръ, когда вмѣстѣ съ нимъ онѣ изъ дворца пріѣхали въ домъ Морозовой. Цѣлые ряды челяди выстроились по лѣстницѣ и въ сѣняхъ и низко кланялись, когда проходили боярыни: иные кланялись до земли; другіе хватали и цѣловали ея руки, края одежды. Аввакумъ слѣдовалъ впереди хозяйки, благословляя направо и налѣво, словно въ церкви.

При входѣ во внутренніе покои, навстрѣчу боярынѣ вышла благообразная, бодрая старушка съ прелестнымъ бѣлокурымъ ребенкомъ на ру-

кахъ. Ребенокъ радостно потянулся къ Морозовой, которая съ нѣжностью выхватила его изъ рукъ старушки и стала страстно цѣловать.

— Ванюшка! веселіе мое! цвѣтикъ лазоревый!

Затѣмъ, какъ бы спохватившись, она быстро поднесла ребенка къ Аввакуму. Щеки ея горѣли, по всему лицу разлито было счастье.

— Батюшка! благослови мово сыночка—наслѣдіе мое.

Аввакумъ истово перекрестилъ ребенка, сунулъ легонько свою костлявую, загрубѣлую руку къ раскрытому ротику мальчика и, ласково, добро улыбаясь ему, сталъ гладить курчавую его голову.

— Весь въ матушку-красавицу, токмо русенекъ — бѣлявъ волосками гораздо... А подь ко мнѣ на ручки...

И протопопъ протянулъ къ ребенку растопыренныя ладони. Ребенокъ смотрѣлъ на него пристально, съ удивленіемъ, и, видя улыбку подъ сѣдыми усами, самъ улыбался.

— Подь же къ дѣдѣ на ручки, подь, цвѣтикъ,—поощряла его мать, вся сіяющая внутреннимъ довольствомъ и любуясь добрымъ, нѣжнымъ выраженіемъ лица суроваго учителя.

— Иди-иди, боярушко, иди, миленькій!—говорилъ этотъ послѣдній.

Ребенокъ пошелъ на руки къ Аввакуму. Мать вскрикнула отъ радости и перекрестилась. Перекрестилась и старушка. Всѣ жадно и восторженно смотрѣли, какъ ребенокъ, взглянувъ въ глаза Аввакума, потомъ обратясь къ матери и къ нянюшкѣ, сталъ играть сѣдою бородой протопопа.

— Ай-да умникъ! ай-да божій!—ласкалъ его протопопъ.—А Бозю любишь? а? любишь, боярушко, Бозю?

— Маму люблю,—отвѣчалъ ребенокъ, оборачиваясь къ матери.

Морозова только руками всплеснула и припала къ ребенку, цѣлуя его въ плечо и, вмѣстѣ съ тѣмъ, страстно припадая губами къ рукѣ Аввакума, лежавшей на этомъ плечѣ.

— А Бозю любишь?—настаивалъ Аввакумъ.

— Няню люблю,—снова невпопадъ отвѣчалъ ребенокъ.

— А Боженьку?—вмѣшалась мать, начиная уже краснѣть отъ стыда и волненія.—Боженьку...

— Дуню тетю.

— Ахъ, Господи! Ванюшка!

Аввакумъ поднесъ ребенка къ кіотѣ, которая такъ и горѣла дорогими оклада иконъ, залитыхъ золотомъ, жемчугами, самоцвѣтными камнями.

— Вотъ гдѣ Бозя!—сказалъ онъ:—глянь какой свѣтленькій!

Ребенокъ поднялъ ручку и сталъ махать ею около розоваго личика, прикладывая пальчики то къ маковкѣ, то къ плечу и глядя на няню: „смотри-де—какъ хорошо молюсь“.

Старушка няня, мать и „тетя Дуня“ улыбались счастливо, радостно. Но Аввакумъ тотчасъ воззрился на пальчики ребенка: такъ-ли-де, истово ли, молъ, персточки складываетъ, не никоніанскою-ли-де еретическою щепотью?

— Ну-ко, ну-ко, боярушко, покажь персточки, какъ слагаешь крестное знаменіе...

— Ручку сложи,—подсказала мать.

Ребенокъ не сложилъ, а разжалъ лѣвую ручку, а правой сталъ тыкать въ лѣвую ладонь... „Сорока-сорока, кашку варила, на порогъ скакала“, лепеталъ онъ, весело глядя въ добрые глаза протопопа.

Мать вспыхнула и застыдившимся лицомъ уткнулась въ ладони. Даже суровый протопопъ не выдержалъ—разсмѣялся.

— Вотъ-тѣ и перстное сложеніе! Ахъ ты никоніанецъ, еретикъ ты эдакій! А? вонъ что выдумалъ—по-никоновски молиться: „сорока-сорока—кашку варила...“ Истинно по-никоновски!

— Матушки! срамъ какой! Владычица!—застыдились боярыни.

— Никоніанецъ... никоніанецъ,—добродушно говорилъ протопопъ:—поди, чу, и табачище уже нюхаетъ...

Старушка-няня готова была сквозь землю провалиться.

— Что-й-то ты, батюшка, грѣхъ какой непутемъ говоришь!—защищалась она:—у насъ и въ заводѣ-то этого проклятаго зелья не бывало... Вона, что сказалъ!

А Аввакумъ, между тѣмъ, старался сложить пухлые, точно ниточками перевязанные пальчики ребенка въ двуперстное знаменіе; но какъ ни силился—не могъ: пухлая ладонка или разжималась совсѣмъ, растопыривая пальчики какъ бы для „сороки“, или сжималась въ кулачокъ.

— Ну, малъ еще—глупешенекъ, мой свѣтъ, невинный младенецъ,—говорилъ протопопъ, передавая ребенка матери.—Подростетъ—научимъ перстному сложенію, и въ лошадки еще поиграемъ.

Аввакумъ окончательно покорилъ сердца молодыхъ женщинъ. Морозова отъ волненія не спала почти всю ночь. Ей постоянно представлялась далекая, студеная и мрачная Сибирь и какая-то страшная, невѣдомая, еще болѣе далекая Даурія, по которымъ бродилъ и мучился благообразный, святой и добрый старичекъ, страдалъ за перстное сложеніе... „Ахъ, какой онъ добрый да свѣтлый!.. Ванюшка-то какъ его полюбилъ—все брадою его святою игралъ, словно махонькій Христосикъ-свѣтъ игралъ брадою Симеона-богопріимца... Ахъ, пашла я мой свѣтъ, нашла! Пойду я за нимъ, какъ блаженная Марія египетская... Охъ, Господи, сподоби меня, окаянную... Аввакумушко! свѣтикъ мой, батюшка.“

Такъ металась въ постели молодая женщина, охваченная волненіемъ и жаромъ: то страстно шептала молитвы, то съ такою же страстью сжимала свои нѣжныя пухлыя руки и била себя въ полныя перси. Она нѣсколько разъ вставала съ постели и босыми ногами пробиралась къ кіотѣ, бросалась на полъ и горячо, сама не зная о чемъ, молилась и радостно плакала. Опомнившись, что она повергается передъ Христомъ простоволоса, въ одной сорочкѣ, сползающей съ плечъ, она стыдилась, вспыхивала сама передъ собой и закутывалась въ шелковое изъ лебяжьяго пуха одѣяло; но вспомнивъ, что и Марію египетскую она видѣла на образахъ простоволо-

сою, даже безъ сорочки, прикрытую только своей косою, она успокоивалась и снова падала ницъ передъ иконами...

„Ахъ, какой онъ свѣтлый!.. И Ванюшку благословилъ... Ахъ, сыночекъ мой!.. А онъ сороку-то, сороку...“ бормотала она безсвязно.

Затѣмъ неслышными, босыми ногами прошла она въ сосѣднюю комнату, гдѣ, освѣщаемый тусклымъ свѣтомъ лампады, спалъ, разметавшись въ постелькѣ, ея Ванюшка. Въ комнатѣ было жарко, и ребенокъ весь выкарабкался изъ-подъ розоваго одѣяльца. Онъ улыбался во снѣ, а между тѣмъ и сонный выдѣлывалъ ручками что-то въ родѣ „ладушки“: молодая мать догадалась, что это онъ во снѣ продѣлывалъ „сороку“,—и, счастливая, восторженная, не вытерпѣла, чтобъ не поцѣловать его босыя ножки...

— Что ты, сумасшедшая, дѣлаешь?—раздался за ней испуганный шопотъ.

Она вздрогнула и обернулась: за нею стояла старая няня и грозилась пальцемъ.

— Что ты, озорная!—накинулась няня на растерявшуюся боярыню:—испужать, что ли, робенка хочешь, калѣкой сдѣлать?

— Я тихонько, нянюшка,—оправдывалась пойманная на мѣстѣ преступленія молодая мать.

— То-то, тихонько! А чего Боже сохрани...

— Да онъ „сороку“, няня, во снѣ дѣлалъ! Ахъ, какой милый!

— А хуть бы и ворону, не то что „сороку“,—ворчала старушка:—это съ нимъ, съ младенцемъ чистымъ, сами аньделы божіи играютъ—„сороку“ сказываютъ ему—вотъ что! А ты, дура матушка, будишь его.

— Не сердись, няня, не буду.

— То-то не буду... Вотъ такая же дура—царство ей небесное—была и матушка твоя, боярыня Анисья Петровна, не тѣмъ будь помянута... Я тебя махонькую тоже няньчила, выносила вонъ какую красавицу, а покойница боярыня Анисья Петровна такъ же вотъ, какъ ты, однова ночью и приди въ твою спаленку, а ты лежишь въ кроваткѣ такой аньделочекъ—она и накинься тебя цѣловать... А я-то, старая грымза, тады помоложе была, крѣпко заснула, такъ и не слыхала, что матушка-то твоя съ тобой продѣлываетъ... Ты какъ вскрикнешь—да такъ и закатилась... Ужъ насилу добрые люди тебя, голубушку, отшептали на другой день... Такъ-то, не хорошо дѣтей будить. Можетъ, онъ, свѣтикъ, съ аньделами забавочки творитъ, а ты его пужаешь.

— Ну-ну, прости, нянюля, не буду никогда.

И молодая женщина бросилась цѣловать старушку.

— Ну, добро, добро! Пошла, спи! Ишь полунощница... въ одной рубашонкѣ бродитъ простоволоса... Срамница!—ворчала старушка.

Только къ утру Морозова угомонилась и заснула.

Протопопъ Аввакумъ также безпокойно провелъ эту ночь. Воротясь отъ Морозовой къ себѣ домой, на подворье Новодѣвичьяго монастыря, что въ Кремлѣ, онъ засталъ у себя друга своего и сына духовнаго, Ѳедора-

юродиваго. Даже такой желѣзный человѣкъ, какъ Аввакумъ, удивлялся суровому подвижничеству этого юродиваго. Онъ жилъ въ это время у Аввакума.

— Зѣло у Ѳедора того крѣпокъ подвигъ былъ,—говорилъ о немъ впослѣдствіи Аввакумъ:—въ день юродствуетъ, а ночь всю на молитвѣ со слезами, да такъ плачетъ горько, что душу разрываетъ. Много добрыхъ подвижниковъ зналъ, а такого другаго и не видывалъ. Жилъ онъ со мной на Москвѣ—ужъ и надивился я его великимъ подвигамъ! Бывало ночью часъ-другой полежитъ, повздыхаетъ, да встанетъ—тысячу поклоновъ отбросаетъ—таково стучитъ лбомъ предъ Господомъ да колѣнками бьется, а тамъ сядетъ на полу—и ну плакать. Боже ты мой! какъ ужъ плакалъ-то! Откуда и слезы берутся—не вѣмъ... Плачетъ-плачетъ, рыдаетъ-рыдаетъ, нарыдается гораздо, глаза попухнутъ отъ слезъ, да тогда ко мнѣ приступитъ. А мнѣ немоглось тогда. Приступитъ: „долго ли тебѣ, протопопъ, лежать-тося? Образумься, вить ты попъ—какъ сорома нѣтъ!“ А мнѣ все неможется; такъ онъ подыметъ меня, говоритъ: „встань, миленькой батюшко!“ Ну, и стащитъ какъ-нибудь меня; мнѣ, въ немощи-то, велитъ сидя молитвы говорить, а самъ за меня поклоны бьетъ—и счету нѣтъ! То-то другъ мой сердечный былъ!.. Скорбенъ, миленькой, былъ съ перетуги великія: черевъ у него вышло въ одну пору три аршина, а въ другую пору пять аршинъ—такъ онъ же самъ и кишки себѣ перемѣряетъ—и смѣхъ съ нимъ, и горе! На Устюгѣ пять лѣтъ безпрестанно мерзъ на морозѣ босъ, въ одной рубахѣ—я самъ сему самовидецъ. Тутъ мнѣ онъ и учинился сынъ духовный: какъ я изъ Сибири ѣхалъ, у церкви въ палатку прибѣгалъ ко мнѣ молитвы ради и сказывалъ, „какъ-де отъ мороза въ теплѣ томъ станешь, батюшко, отходить, такъ зѣло-де въ тѣ поры тяжко бываетъ“. По кирпичью тому ногами тѣми стукаетъ, что каганьемъ, а на утро опять не болятъ. Псалтирь у него тогда былъ новыхъ печатей въ кельѣ—маленько еще зналъ о новизнахъ; и я ему подробно разсказалъ про новыя книги; такъ онъ, схвативъ книгу, тотчасъ въ печь кинулъ да и проклялъ всю новизну: зѣло у него во Христа вѣра горяча была! Не на басняхъ проходилъ подвигъ, не какъ я, окаянный!

Такія суровыя личности представляетъ этотъ вѣкъ раскола русской земли! Мрачная эпоха и породила мракъ, который и доселѣ не можетъ быть побѣжденъ свѣтомъ—слишкомъ мало этого свѣта...

Юродивый молился, когда Аввакумъ воротился домой отъ Морозовой. Онъ также помолился и легъ. Но сонъ его былъ безпокоенъ. Ему представилось во снѣ, что онъ все-еще въ селѣ Лопатицахъ, на Волгѣ, гдѣ онъ былъ когда-то молодымъ попомъ. Въ село приходятъ медвѣдятники съ двумя медвѣдями и „козами“ въ „харяхъ“, играютъ на бубнахъ и пляшутъ. И возгорается сердце Аввакумово ревностію по Христѣ, и налетаетъ онъ яростно на медвѣдятниковъ и на плясовыхъ медвѣдей, бьетъ и трощитъ ихъ бубны, „хари“ и домры, и отнимаетъ медвѣдей, бьетъ ихъ и гонитъ въ поле. А тутъ откуда ни возьмись бояринъ

Шереметьевъ, Василій Петровичъ, воевода казанскій, плыветъ Волгою на суднѣ богатомъ и велитъ привести къ себѣ попа-бойца! „За что-де, сякой-такой попишка медвѣдей прогналъ и медвѣдятниковъ побилъ?“ — „За Христа-де ревновалъ“... Бояринъ хвать попа-ревнителя въ ухо, въ другое!— „Ой! за что!“—„Вотъ тебѣ въ третье ухо!“ — Бацъ! — „Благослови-де сына моего, Матвѣя болярича“. — „Не благословлю-де брадобрица, рыло скобленное: грѣхъ-де благословлять блудоносный образъ“... И бояринъ велитъ столкнуть попа въ Волгу—и, много томя, столкнули... Но не утопъ протопопъ... Богородица вынесла на берегъ... Съ бороды каплетъ вода, съ волосъ каплетъ... И вдругъ приходитъ дѣвица лѣпообразная исповѣдаться у попа, и онъ, треокаянный, распалился на красоту дѣвичью... И взялъ попъ три свѣщи, прилѣпилъ ихъ къ налою и возложилъ руку правую на пламя и держалъ, дондеже не угасло въ немъ злое плотское разженіе: и—оле окаянства мерзкаго!—то была не дѣвица, а лѣпообразная боярыня Морозова.

Аввакумъ въ ужасѣ проснулся и уже всю остальную ночь клалъ поклоны и плакалъ. Рядомъ съ нимъ молился и плакалъ юродивый. Когда уже разсвѣло, они оба упали въ изнеможеніи на полъ. Потъ съ нихъ лилъ ручьями...

— А все не до кроваваго поту... охъ!—стоналъ Аввакумъ и колотилъ себя въ грудь.

VI.

Изъ-за аллилуіи.

Морозова проснулась поздно, но пробужденіе это было какое-то радостное, свѣтлое, точно въ эту самую ночь она нашла, наконецъ, то, что такъ долго и напрасно искала. Она припоминала и переживала опять весь вчерашній день и въ особенности вечеръ, проведенный съ Аввакумомъ. Мысли ея уже не витали въ далекой Дауріи, но воротились къ Москвѣ, ко всему, что ее окружало до сихъ поръ, и во всемъ этомъ она находила теперь смыслъ, котораго прежде понять не могла. Пустота, въ которой она томилась, теперь казалась заполненною чѣмъ-то, чѣмъ — она сама не знала, но ей было свѣтло и радостно. Ей тотчасъ же захотѣлось видѣть людей, родныхъ и близкихъ. Ей казалось, что и съ ними ей теперь будетъ легче—они стали какъ бы еще ближе къ ней.

Сдѣлавъ всѣ распоряженія по дому, поигравъ съ своимъ Ванюшкой, который со вчерашняго вечера сталъ для нея еще милѣе и дороже, она велѣла заложить карету, чтобы ѣхать къ Ртищевымъ, съ которыми находилась въ родствѣ, и домъ которыхъ былъ оживленнѣе всѣхъ другихъ боярскихъ домовъ въ Москвѣ. У Ртищевыхъ сходились и никоніанцы, приверженцы западныхъ новшествъ, и сами западники—черкасскіе хохлы въ родѣ Симеона Полоцкаго и Епифанія Славинецкаго, и, наконецъ, приверженцы *аза*—сторонники Аввакума и его товарищей по двуперстному сло-

женію, а вмѣстѣ съ тѣмъ по гоненіямъ и по ссылкамъ. Ртищевы и имъ подобные, которые какъ бы начали самозарождаться въ Москвѣ, конечно, не безъ вліянія Запада, были первые сѣятели, бросившіе въ русскую почву зерно, изъ котораго выросла гигантская личность Петра. Ртищевы вызвали въ Москву первую партію ученыхъ „хохловъ", заводчиковъ всѣхъ будущихъ новшествъ. Но Ртищевы въ то же время любили и свою родную старину. Въ нихъ была какая-то мягкость, терпимость, которая старалась сблизить между собою людей двухъ враждебныхъ лагерей, и оттого и „хохлы", и аввакумовцы, и никоновцы находили радушный пріемъ въ ихъ домѣ, а сами хозяева, и старый Ртищевъ, Михайло, и молодой, Ѳедоръ— готовы были ночи просиживать въ бесѣдахъ и спорахъ съ людьми обѣихъ партій: сюда и Аввакумъ приходилъ „браниться съ отступниками" и „кричать" о сугубой аллилуіи, и Симеонъ Полоцкій — потолковать о „космографіонѣ", о „комидійныхъ дѣйствахъ" и о „планидахъ".

Хотя весь обиходъ жизни въ домѣ Ртищевыхъ покоился на старинѣ, но новшества нѣтъ-нѣтъ да и проглядывали то въ томъ, то въ другомъ углу—въ одѣяніи хозяевъ, въ ихъ словахъ, въ ихъ обхожденіи съ людьми. Даже молодая Анна Ртищева не боялась разсуждать объ „опрѣснокахъ" и о „кентрѣ" вселенной.

Къ этимъ-то Ртищевымъ и собралась ѣхать Морозова. Когда карета была подана, сѣнныя дѣвушки надѣли на свою боярыню бархатную, опушенную горностаями шубку, а на голову ей, такую же горностаевую шапочку.—„Ужъ и что у насъ за красавица, боярынька наша—лазоревый цвѣтъ!" ахали онѣ, когда боярынька ихъ, помолившись на иконы, проходила между двухъ рядовъ челяди—сѣнныхъ дѣвушекъ, разныхъ благочестивыхъ черничекъ и бѣличекъ приживалокъ, разныхъ странницъ, карлицъ, дурокъ и юродивыхъ. При этомъ старая няня повѣсила ей на руку шитую золотомъ калиту, наполненную мелочью для раздачи милостыни.

Когда она появилась на крыльцѣ, выходившемъ на обширный дворъ, то весь дворъ и вся улица передъ домомъ были уже наполнены народомъ: на дворѣ—это ея „слуги, рабы и рабыни", которые дорогою должны были „оберегать честь и здоровье" своей госпожи, а на улицѣ — нищіе, ждавшіе подачекъ, и любопытствующіе, желавшіе поглазѣть, какъ поѣдетъ пышная Морозиха. На запяткахъ кареты и на длинныхъ подножкахъ у окошекъ ея стояли уже разряженные холопы. Тутъ же у самой кареты, на послѣдней ступенькѣ крыльца сидѣлъ знакомый уже намъ Ѳедоръ-юродивый и заливался горькими слезами. Обыкновенно оборванный, безъ шапки, часто босикомъ и въ одной рубахѣ, онъ теперь былъ одѣтъ въ новенькую однорядку и въ плисовые штаны; на ногахъ у него были новые козловые сапоги, на рукахъ—зеленыя мѣховыя рукавички, а на головѣ лисья шапка съ краснымъ верхомъ. Это его приказала нарядить сама Морозова, когда утромъ онъ явился къ ней и держалъ что-то крѣпко зажатое обѣими руками, которыя онъ, при трескучемъ морозѣ, не разжималъ во все время пути отъ подворья Новодѣвичья, гдѣ онъ ночевалъ, до дома Морозовой.

Оказалось, что это у него крѣпко зажато было въ рукахъ благословеніе, посланное черезъ него Аввакумомъ молодой боярынѣ. Обыкновенно когда у юродиваго бывала шапка, то подходя подъ благословеніе къ какому-либо уважаемому имъ попу, въ родѣ Аввакума или Никиты Пустосвята, онъ снималъ шапку, принималъ въ эту шапку благословеніе, зажималъ его въ шапкѣ, какъ нѣчто осязательное и носился такъ съ шапкою цѣлый день, и когда случайно, въ забывчивости или съ умысломъ надѣвалъ шапку, то начиналъ плакать, что „потерялъ благословеніе“, что „обронилъ духа свята“, что „улетѣлъ-де духъ святъ“ и т. п.

— Ты что, Өедюшка, плачешь? — ласково обратилась къ нему Морозова, положивъ руку на плечо.

— О-о! какъ же мнѣ не плакать? Шапку на меня красну надѣли, что на дурака,—плакался юродивый, мотая своею нечесаною бородкою съ просѣдью.

— Ничего, Өедюшка-свѣтъ, — какъ же безъ шапки-то? Морозно гораздо.

— Лучше морозно здѣсь, чѣмъ жарко тамъ, въ аду.

— Ну-ну, добро, милый.

И Морозова, снявъ съ него шапку, бросила въ нее изъ своей калиты нѣсколько горстей денегъ.

— На, милый, раздавай бѣдненькимъ.

Затѣмъ взяла его за руку и вмѣстѣ съ собой посадила въ карету. И на дворѣ, и на улицѣ народъ привѣтствовалъ такой поступокъ боярыни громкимъ одобреніемъ.—„Ай свѣтъ наша матушка, Өедосья Прокопьевна! буди здорова на многія лѣта!—О-о“.

Сѣдобородый, въ высокой шапкѣ съ голубымъ верхомъ, кучеръ крикнулъ „гисъ!“ Постромки всѣхъ шести паръ бѣлыхъ лошадей, запряженныхъ цугомъ, быстро натянулись. Двѣнадцать молоденькихъ вершниковъ, въ шапкахъ съ голубыми же верхами, сидѣвшихъ на каждой упряжной лошади, пріосанились, тронули, прокричали тоже „гисъ!“ Загремѣли „чѣпи“ и дорогая упряжь, завизжали по снѣгу полозья—и карета двинулась. Она ѣхала шагомъ. По обѣимъ сторонамъ ея рядами шли „рабы и рабыни“, но такъ, что всякій изъ нищихъ, желавшій подойти къ окну кареты, могъ свободно пройти между рядами челяди. И впереди и по бокамъ валили толпы народа, тискаясь ближе къ каретѣ, къ окнамъ ея. А изъ этихъ оконъ постоянно высовывалась — то бѣлая, какъ комочекъ снѣгу, пухлая ручка боярыни и опускала въ протянутыя руки нищихъ либо алтынъ, либо денежку, то—изъ другого окна—корявая и жилистая, словно витая изъ ремней, рука юродиваго и тоже звякала мѣдью по протянутымъ ладонямъ нищихъ.

Шествіе было очень продолжительно. И бѣлая ручка, успѣвшая покраснѣть отъ мороза, и корявая рука, которую не бралъ никакой морозъ, продолжали мелькать то изъ одного, то изъ другого окна кареты и звякать мѣдью. Но, наконецъ, одно окно отворилось, и оттуда, бормоча что-то и

мотая головою, быстро вылѣзъ юродивый. Онъ остановился на боковомъ отводѣ кареты, продолжая мотать головою и комкать въ рукахъ шапку. Всѣ ждали, что онъ намѣренъ дѣлать. А онъ, увидавъ стоявшаго въ сторонѣ у забора нищаго, у котораго за неимѣніемъ шапки, сѣдая, почти безволосая голова была повязана тряпицею, бросилъ ему свою шапку, закричавъ—„лови, дѣдушко!“ Нищій поймалъ шапку и началъ креститься. Народъ криками выразилъ свое одобреніе. Потомъ юродивый, распоясавшись и увидавъ бабу съ сумою, бросилъ ей поясъ. Затѣмъ онъ снялъ съ себя свою новую однорядку и также бросилъ въ толпу, говоря: „подуваньте, братцы!“ Восторженнымъ крикамъ не было конца. Наконецъ, онъ снялъ съ себя и сапоги, и онучи — и остался босикомъ и въ одной рубахѣ... „Го-го-го! стонала толпа: Ѳедюшкѣ жарко! божій человѣкъ!“

Скоро карета Морозовой въѣхала на дворъ къ Ртищевымъ. Дворъ былъ обширный. За домомъ начинался садъ. Высокія, вѣковыя деревья были окутаны инеемъ. Звонъ „чѣпей“, которыми особенно щеголяла упряжь Морозихи, былъ такъ пронзителенъ, что вороны, сидѣвшія на деревьяхъ, испуганно послетали съ нихъ и стряхнули цѣлыя облака инею.

На крыльцо выбѣжали стаи холоповъ и холопокъ встрѣчать знатную, богатую боярыню. Оглянувшись, Морозова увидѣла, что юродивый уже роздалъ всю свою одежду и, въ одной рубахѣ и босикомъ, игралъ съ ртищевскими дворовыми собаками, съ которыми онъ былъ, повидимому, въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ. Она только покачала головой и, сопровождаемая своею и ртищевскою челядью, вошла въ домъ. Навстрѣчу ей вышла молодая Ртищева, боярыня Аннушка, та, что уже интересовалась новшествами и „кентромъ“ вселенной, и поцѣловалась съ гостьей.

— Ахъ, сестрица-голубушка, у насъ тутъ такая война идетъ, словно Литва Москву громитъ,—сказала она, улыбаясь.

— Какая война, сестрица миленькая?—спросила гостья.

— А протопопъ Аввакумъ ратоборствуетъ.

При словѣ Аввакумъ, Морозова зардѣлась.

— Съ кѣмъ это онъ, сестрица?

— А со всѣми: и съ Симеономъ Ситіановичемъ, и съ батюшкой, и съ братцемъ Ѳедоромъ.

Дѣйствительно, изъ другой комнаты доносились голоса спорщиковъ, и всѣхъ покрывалъ голосъ Аввакума. Морозова остановившись было въ нерѣшительности, какъ вдругъ на порогѣ той комнаты, гдѣ происходили споры, показалась сѣдая голова.

— Ба-ба-ба! слыхомъ не слыхано, видомъ не видано! матушка, Ѳедосья Прокопьевна! — привѣтливо заговорилъ высокій, съ орлинымъ носомъ старикъ.

Вошедшему было лѣтъ подъ семьдесятъ, но смотрѣлъ онъ еще довольно молодцовато. Лицо его, нѣсколько румяное, опушенное бѣлою бородою, которая спадала на грудь косицами, каріе, живые и смѣющіеся глаза и улыбка выражали привѣтливость и добродушіе.

Это и былъ глава дома, бояринъ Михайло Алексѣевичъ Ртищевъ — москвичъ, одною ногою стоявшій въ древней Руси, а другую занесшій уже въ Русь новую.

— Добро пожаловать, дорогая гостья, — говорилъ старикъ и взялъ Морозову за обѣ руки.—Что тебя давно не видать у насъ?

— Да недосужилось, дядюшка: на-Верху *), въ мастерскихъ палатахъ, дѣловъ было много,—отвѣчала молодая женщина.

— Знаю-знаю... Матушка-царица, поди, горы съ вами наготовила къ святкамъ всякаго одѣянія: всю нищую братію пріодѣнете и пріобуете.

— До, точно, дядюшка: государыня царица наготовила-таки милостыни не мало.

— О, подлинно! Она у насъ, матушка, великая радѣтельница... Пошли ей Господи... Что-жъ мы тутъ-то стоимъ? Иди, Прокопьевна, къ нашимъ гостямъ...

— Да какъ же это дядюшка?—затруднилась было молодая боярыня.

— Ничего, все свои люди — не мужчины, а попы... Иди-иди, посмотришь наши словесные кулачки, какъ Аввакумъ протопопъ съ Симеономъ Полоцкимъ на-кулачки дерутся изъ-за аллилуіи.

Морозова вошла въ слѣдующую комнату. По срединѣ стоялъ Аввакумъ въ позѣ гладіатора и, поднявъ правую руку, запальчиво кричалъ:

— На, смотри! Когда Мелетій патріархъ антіохійскій, ругался съ проклятыми аріанами насчетъ перстнаго сложенія, то, подъя руку и показа имъ три перста, щепотью, какъ вотъ вы, никоніанцы и табашники, показываете и креститесь,—и тогда не бысть ничто же. А какъ онъ святитель, сложилъ два перста, вотъ такъ (и Аввакумъ вытянулъ вверхъ сложенные вмѣстѣ указательный и средній пальцы), и сей перстъ пригнулъ вотъ такъ— и тогда бысть знаменіе: огнь изыде... На, смотри!

И Аввакумъ съ азартомъ подносилъ пальцы къ сухощавому, еще нестарому монаху, съ крючковатымъ носомъ, большими еврейскими губами и еврейски-умными, лукавыми глазами. Это былъ Симеонъ Полоцкій, недавно приглашенный царемъ изъ Малороссіи для книжнаго дѣла. Ему было не болѣе тридцати пяти лѣтъ, но онъ былъ худъ. Блѣдное, безцвѣтное лицо изобличало, что его больше освѣщала лампада, чѣмъ солнце, и что глаза его больше глядѣли на пергаментъ, да на бумагу, чѣмъ на зелень и на весь божій міръ.

— Ты, протопопъ, ложно толкуешь Мелетія,—мягко отвѣчалъ Полоцкій:—онъ сложилъ вотъ такъ два перста и къ *онымъ*, а не просто пригнулъ большой палецъ—и вышло знаменіе отъ троеперстія, а не двуперстія.

Аввакумъ даже подпрыгнулъ было, какъ ужаленный, но, увидавъ Морозову, такъ и остановился съ открытымъ ртомъ, собравшимся было энергически выругаться.

---

*) Т. е. во дворцѣ.

Низко наклонивъ голову, Морозова подошла къ нему подъ благословеніе. Аввакумъ съ чувствомъ благословилъ ее. Потомъ она въ поясъ поклонилась Симеону Полоцкому и поцѣловалась съ молодымъ Ртищевымъ, съ Ѳедоромъ.

— Вотъ, сестрица,—сказалъ улыбаясь Ѳедоръ,—отецъ протопопъ поражаетъ насъ, словно Мамая.

— Да вы злѣе Мамая!—попрежнему горячо заговорилъ задѣтый Аввакумъ: — всѣ вы, *двуперстники!..* А не въ вашихъ ли еретическихъ книгахъ (снова обратился онъ къ Полоцкому) написано, будто жиды пригвоздили Христа *до* креста? а?

— Что жъ, коли написано?—спокойно отвѣчалъ Полоцкій.

— Какъ что жъ! Али крестъ—живой человѣкъ! Вотъ ежели бы *до* тебя пригвоздили жиды разбойника, такъ оно было бы такъ; а то на: Христа— *до* креста!

— А не все ли равно *до* креста, или ко кресту?

— Это для васъ, хохловъ, все равно, а не для насъ... О! да я въ огонь пойду за наше *ко*—оно истинное, и за него я умру.

Аввакумъ говорилъ горячо, страстно. Присутствіе слушателей, и въ особенности Морозовой, подмывало его еще болѣе, придавало ему крылья. Онъ былъ ораторъ и пропагандистъ по призванію. Онъ „кричалъ слово божіе“ вездѣ, гдѣ только были слушатели, и чѣмъ больше была его аудиторія, его паства, тѣмъ онъ охотнѣе выкрикивалъ слово божіе. Въ Сибири ему не передъ кѣмъ было развернуться. А Москва—о! это великая аудиторія для оратора. Въ Москвѣ Аввакумъ не сходилъ съ своего боевого коня.

— А не вы ли, новщики, разлучили Господа съ Исусомъ! — напалъ онъ съ другой стороны на Полоцкаго.

— Какъ разлучили? — спросилъ тотъ, улыбаясь своими еврейскими глазами.

— Такъ и разлучили: разрѣзали Господа нашего Исуса Христа надвое.

— Я не разумѣю тебя,—отвѣчалъ Полоцкій.

— Да не вы ли на литургіи возглашаете: „святъ, святъ, единъ Господь *и* Исусъ Христосъ!“ Для чего вы прибавили *и*, *иже?* Это все едино, что „протопопъ *и* Аввакумъ“: точно протопопъ особо, а Аввакумъ особо.

— А!—нѣсколько злою улыбкою протянулъ Симеонъ: — мы не говоримъ — „Господь *и* Исусъ Христосъ“, а возглашаемъ — „Господь Іисусъ Христосъ“.

— Для чего тутъ *и?* Новшество для чего?

— Это не новшество...

— Какъ не новшество!

— Не горячись, протопопъ, выслушай меня... Ты не знаешь по-еллински. и оттого споришь...

— И знать не хочу! Вить святители московскіе Петръ, Алексѣй, Іона и Филиппъ не по-эллински молились, и въ ихъ книгахъ значится—„Господь Исусъ Христосъ“, а не „Господь *и* Исусъ Христосъ“...

— Да постой, потерпи, протопопъ!—уговаривалъ его Полоцкій:—по-эллински не Исусъ пишется, а Іисусъ.

— Знать ничего не хочу! Намъ эллины не указъ!

— Какъ не указъ?—вмѣшался было старикъ Ртищевъ.—Мы отъ эллинъ вѣру взяли...

— А теперь ее хотимъ испортить,– огрызнулся Аввакумъ.

— Да какъ же это такъ!—удивился Ртищевъ.

— А вотъ какъ, миленькой, — ласково обратился онъ къ старому боярину:—мы изъ начала вѣку пѣли на Пасху: „Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію на смерть наступи“... А они какъ поютъ? Срамъ и говорить-то!

— Какъ срамъ?

— Да вотъ какъ: „смертію смерть *поправъ*“... А! не срамота ли сіе? Точно смерть порты али рубахи прала... „Поправъ“! Ишь выдумали! „Прать“—„прать“ и есть, сирѣчь „мыть“.

— А попирать ногами?—вступился было Полоцкій.

— Да что ты смыслишь, съ своимъ хохлацкимъ языкомъ?—снова накинулся на него неудержимый протопопъ. — Суйся съ своимъ эллинскимъ языкомъ, куда знаешь, а въ нашъ россійскій языкъ съ хохлацкимъ не суйся! Ишь выдумочка какая: смерть сдѣлали прачкой, портомоей... „поправъ“... Эко словечко! Да вы разрѣжьте меня на кусочки, а я по-вашему пѣть не стану—срамота одна!

— Ну, и крѣпокъ же ты, протопопъ, — задумчиво сказалъ молодой Ртищевъ.

— Крѣпонекъ Божіею помощію...

Морозова и Аннушка Ртищева сидѣли въ сторонѣ и слушали молча. Аввакумъ, чувствуя себя побѣдителемъ, съ торжествующимъ видомъ обратился къ нимъ.

— Такъ-то, Михайловна,—сказалъ онъ съ снисходительною улыбкою Аннушкѣ:—слушаете насъ, буеслововъ? Слушаете—хлѣбецъ словесный кушаете... Не о хлѣбѣ единомъ...

— А что, отецъ протопопъ, разнствуетъ хлѣбъ съ опрѣснокомъ?—перебила его Аннушка.

— Вижу, Михайловна, и ты половина ляховки,—строго замѣтилъ протопопъ.

Аннушка покраснѣла и закрыла лицо рукавомъ. Морозова также вспыхнула—ей стыдно стало за свою пріятельницу: ей казалось, что та сдѣлала ужасный, непростительный еретическій промахъ.

— А еще царскихъ дѣтей учатъ, чу,—укоризненно обратился неугомонный протопопъ къ старику Ртищеву, намекая на Полоцкаго.

Полоцкій былъ задѣтъ за живое и поблѣднѣлъ. До сихъ поръ онъ говорилъ тихо, голоса не возвышалъ, а отвѣчалъ съ улыбкой, мягко, чувствуя свое превосходство и сознавая, что съ нимъ состязается мужикъ, не знающій даже русской грамматики. Что же съ него и спрашивать! Но

послѣднія слова Аввакума показались для него злой выходкой. Полоцкій, дѣйствительно, училъ царскихъ дѣтей, и Алексѣй Михайловичъ былъ имъ доволенъ, даже самъ его разспрашивалъ о его „планидахъ" да о разныхъ „комидійныхъ дѣйствахъ".

— Такъ не тебѣ ли съ Никитою Пустосвятомъ да съ Лазаремъ поручить обученіе дѣтей пресвѣтлаго царскаго величества? — сказалъ онъ, сверкнувъ глазами.

— А хоть бы и намъ! Ересямъ бы не научили,—огрызнулся Аввакумъ.

— Да вы, невѣжды, запятой отъ кавыки не отличите, „ерокъ" примете за „оксію", „ису" за „варію"...

— Зато смерть портомоей - прачкой не сдѣлаемъ, какъ вы, вѣжды, дѣлаете то! Сидѣли бы въ своей Хохлатчинѣ да вареники съ галушками ѣли!—снова оборвалъ протопопъ.—А то на! Лазарь, чу... Лазарь крѣпокъ въ вѣрѣ—онъ истинный учитель.

— Лазарь ругатель, а не учитель.

— Нѣтъ, учитель! Лазарь — истинный вертоградарь церковный, а не суется царскихъ дѣтей портить... Вотъ что!

Симеонъ Полоцкій не вытерпѣлъ. Какъ онъ ни былъ сдержанъ, но и его, наконецъ, взорвало. Онъ вскочилъ и, задыхаясь, сказалъ:

— Да какіе вы вертоградари! Вы свиньи, кои весь церковный вертоградъ своими пятачками изрыли.

Оба Ртищева невольно засмѣялись. Старикъ такъ и покатился, даже за бока ухватился.

— Ха-ха-ха! Ну, отецъ протопопъ, наскочилъ же ты на тихоню!.. Ха-ха! пятачками весь вертоградъ изрыли... Н-ну сказалъ!—говорилъ онъ, не будучи въ состояніи удержаться отъ смѣху.

Морозова и молодая Ртищева скромно потупились.

Аввакумъ не сразу нашелся что отвѣчать—такъ неожиданно было нападеніе со стороны „тихони" Полоцкаго, и притомъ нападеніе въ духѣ самого Аввакума.

— Что жъ!—бормоталъ онъ, озадаченный нечаянностью:—ругатели-то не мы съ Лазаремъ, а онъ, песъ лающій, ему же подобаетъ уста заградить жезломъ...

— Ну, и ты, отецъ протопопъ, скоръ на отвѣтъ,—засмѣялся молодой Ртищевъ:—невѣсткѣ на отмѣстку...

— Не бойся, миленькой, въ карманъ за словомъ не полѣзу: въ карманѣ-то пусто, такъ на языкѣ густо,—самодовольно проговорилъ нѣсколько опомнившійся протопопъ.

— Я не съ вѣтру говорю,—началъ, въ свою очередь, Симеонъ Полоцкій, подходя къ старику Ртищеву. — Вонъ его другъ, Лазарь, подалъ царю челобитную, и въ ней гнилостными словесы говоритъ, якобы въ церкви, на ектеніяхъ, поминаючи пресвѣтлое царское величество *тишайшимъ* и *кротчайшимъ*, симъ якобы ругаются ему, а „о всей палатѣ и воинствѣ" онъ, Лазарь, въ челобитной своей гнилословитъ, якобы здѣсь говорится не

о здравіи и спасеніи царя, его бояръ и воинства, а о нѣкіихъ каменныхъ палатахъ...

— А какъ же! Палата — палата и есть!—снова накинулся на него Аввакумъ:—палата всегда и бываетъ каменная!

— О, невѣжда протопопъ!—невольно воскликнулъ Полоцкій:—„палата“ озачаетъ всѣхъ бояръ и близкихъ къ царскому величеству особъ: се есть образъ грамматическій и риторскій, именуемый *синекдохе*, еже различными образы бываетъ, егда едино изъ другаго коимъ либо обычаемъ познавается.

— Толкуй! Знаемъ мы ваши *синекдохи*...

И потомъ, неожиданно обратясь къ Морозовой, которая не спускала глазъ со спорящихъ и даже поблѣднѣла отъ волненія, Аввакумъ сказалъ:

— Видишь, Ѳедосья Прокопьевна: они молятся какими-то *синекдохами*, а я молюсь моему Господу поклонами да кровавыми слезами,—и мнѣ съ ними кое общеніе?—яко свѣту со тьмою, Христу съ Веліаромъ!

Морозова потупилась, и краска вновь разлилась по ея нѣжному лицу.

— Ахъ, Дунюшка милая!—говорила она потомъ вечеромъ своей сестрѣ, Урусовой:—какъ страшно они спорили! И разошлись яко пьяни...

VII.

Въѣздъ Брюховецкаго въ Москву.

Послѣдняя неудачная попытка Никона воротить себѣ имъ же самимъ брошенный высокій постъ патріарха и утраченную любовь царя, а вмѣстѣ съ нею полную, почти автократическую власть надъ нимъ, надъ его боярами и надъ всею Россіею—шибко надломила этого гранитнаго человѣка, но однако не сломила окончательно. Какъ голодный тигръ, который, сквозь неплотно притворенную дверь своей желѣзной клѣтки просунувъ лапу за добычей и получивъ по ней ударь раскаленной желѣзной полосы, глухо рычитъ, забившись въ дальный уголъ своей тюрьмы, и силится расшатать ея связи, такъ и Никонъ, изгнанный изъ Успенскаго собора, какъ оглашенный, какъ простой попъ, затесавшійся не на свое мѣсто, лишенный даже посоха, чувствуя, что онъ получилъ ударъ отъ раскаленнаго царскаго скипетра прямо въ сердце,—силился не только расшатать основы имъ же самимъ созданной для себя тюрьмы, но тряхнуть и всею русскою землею.

— Я тряхну ими, тряхну этими бояришками такъ, что они розсыплются у меня, яко листъ желтый съ осенняго древа,—часто бормоталъ онъ, ходя по пустымъ кельямъ своихъ монастырскихъ покоевъ.

По цѣлымъ днямъ иногда сидѣлъ онъ запершись въ своей молельнѣ, которая служила ему и библіотекой, и, постоянно роясь въ книгахъ, писалъ по цѣлымъ часамъ, глухо бормоча кому-то угрозы или обрывки изъ текстовъ священнаго писанія. Часто исписывалъ онъ цѣлыя кучи бумаги, откидывая въ сторону листъ за листомъ: но потомъ на другой день, пе-

речитывая исписанные листы, сердито трясъ головою, рвалъ написанное и бросалъ въ печку.

— Не то, не то,—шепталъ онъ, глядя на чернѣющіеся и испепеляющіеся листы.—Кому озеро Лачъ, а мнѣ горькій плачъ... Али и я не сподобился острова Патмоса?.. Нѣтъ, Не хочу! Не быть тому!

И онъ снова ходилъ по кельямъ, стуча посохомъ и поглядывая въ окна, словно бы онъ кого-то ждалъ. Иногда онъ останавливался передъ образами, беззвучно шепча молитвы, иногда со стономъ повергаясь на полъ и колотясь объ полъ головою. Но потомъ снова вскакивалъ и начиналъ писать до утомленія.

Дни шли за днями однообразно, мучительно, медленно; но когда онъ начиналъ оглядываться назадъ, то невольно шепталъ съ ужасомъ: „годы прошли, яко дни... жизнь прошла яко мигъ... о, Владыко Всемилостиве!“...

Ежедневно посѣщалъ онъ службу, почти не вмѣшиваясь въ ходъ богослуженія, только иногда развѣ загремитъ съ своего возвышенія: „не торопись! — читай внятно!“ — и снова опирается на посохъ, и снова задумывается.

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Прежде онъ наблюдалъ за всѣми работами какъ въ монастырѣ, такъ и внѣ его стѣнъ, а теперь, когда и весна пришла, зазеленѣлъ лѣсъ, покрылись зеленымъ бархатомъ молодыхъ всходовъ поля, запѣли птицы, зажужжали пчелы монастырскихъ бортей, безумно кричали грачи въ монастырской рощѣ, — онъ все оставался въ кельяхъ и, повидимому, не находилъ себѣ мѣста... Онъ ждалъ. Вся жизнь его, сонъ, бодрствованіе, молитва—все для него превратилось въ ожиданіе — ожиданіе острое, саднящее, горькое. Лицо его изъ блѣднаго стало блѣдно-восковымъ.

Часто въ городъ ѣздили его монахи и, по возвращеніи оттуда, непремѣнно обязаны были заходить къ нему, чтобы доложить о томъ, что тамъ видѣли и слышали. А онъ, слушая эти доклады, молчалъ и только иногда переспрашивалъ или требовалъ поясненія того, что казалось ему неяснымъ.

Потомъ снова начиналъ рыться въ книгахъ, читалъ, дѣлалъ отмѣтки и писалъ по цѣлымъ часамъ. Въ это время онъ не впускалъ къ себѣ никого, и даже любимецъ его Иванушка Шушера, его крестоноситель, входилъ къ нему не иначе какъ по зову—когда слышалъ стукъ костыля въ стѣну сосѣдней кельи, въ которой Шушера помѣщался. Если съ наступленіемъ весны могло что-либо нарушить однообразіе его отшельнической жизни, такъ это ласточка, свившая гнѣздо въ одной изъ нишъ на внѣшнихъ переходахъ его келій. Разъ какъ-то, въ хорошій весенній день, сидѣлъ онъ на этихъ переходахъ, переносясь мыслью въ бурное прошлое своей необыкновенной жизни, вспоминая свое дѣтство, когда, мальчикомъ, онъ жилъ въ монастырѣ Макарія Желтоводскаго и когда кудесникъ предсказалъ ему, что онъ будетъ „великимъ государемъ надъ царствомъ россійскимъ“, припоминая и послѣдующее затѣмъ житіе его въ Анзерскомъ скитѣ, съ его суровою, почти могильною обстановкою, и пустынножительство

свое въ Кожеозерскомъ скитѣ, и потомъ славную и свѣтлую жизнь въ Москвѣ, въ Новгородѣ, переносъ въ Москву мощей митрополита Филиппа, свое могучее патріаршество... Ласточка, озабоченно попискивая, летала мимо него и въ углубленіи невысокой стѣны лѣпила свое маленькое гнѣздышко. Сначала онъ хотѣлъ-было костылемъ своимъ уничтожить всю многодневную работу птички, но потомъ почему-то на мысль ему пришло сравненіе, что и онъ подобенъ этой жалкой ласточкѣ, что и у него всѣ его труды, всѣ начинанія его цѣлой жизни разметалъ по вѣтру чей-то костыль—и онъ пощадилъ ласточкину работу. Когда, затѣмъ, гнѣздо было свито, онъ каждый день выходилъ на переходы, смотрѣлъ, какъ изъ гнѣздышка робко высовывалась блестящая, черная головка птички съ маленькими черными глазками, и ему какъ бы становилось легче. Въ глубинѣ души онъ чувствовалъ, что это было первое существо, которое онъ первый разъ въ жизни пощадилъ, не растопталъ ногами, не раздавилъ своимъ посохомъ... А онъ такъ много жертвъ раздавилъ на своемъ вѣку, такъ много проходило въ памяти его суроваго прошлаго растоптанныхъ, сосланныхъ, замученныхъ, такъ много слезъ людскихъ пролито по его непреклонной, безжалостной волѣ... Когда въ гнѣздѣ вывелись дѣти, онъ выходилъ смотрѣть, какъ мать кормила ихъ отъ зари до зари, таская то червячковъ, то мушекъ, и долго сидѣлъ неподвижно, наблюдая за этою страдою маленькой матери... И—странное, невиданное дѣло!—монахи иногда замѣчали издали съ глубокимъ удивленіемъ, какъ суровый патріархъ, въ отсутствіе ласточки, выносилъ изъ своей келіи мухъ въ горсти и кормилъ ими птенцовъ... Даже Иванушка Шушера замѣтилъ, что въ это время патріархъ сталъ какъ будто нѣсколько добрѣе, мягче, смотрѣлъ менѣе мрачно. Затѣмъ, когда ласточки оперились и улетѣли изъ гнѣзда, Шушера видѣлъ, что патріархъ сталъ скучать, по цѣлымъ часамъ безмолвно сидѣлъ на переходахъ или забирался въ свою келью и шуршалъ бумагою.

Особенную озабоченность сталъ проявлять Никонъ въ концѣ лѣта, когда получилъ изъ Москвы какое-то извѣстіе. Онъ нѣсколько дней писалъ и уже не рвалъ и не жегъ написаннаго, а пряталъ за образъ Богородицы—„Утоли моя печали“, перенесенный имъ изъ церкви въ свою домашнюю божницу. Въ это время Шушера иногда слышалъ, какъ патріархъ разговаривалъ самъ съ собою:—„Одиннадцатое сентемврія... память преподобной Ѳеодоры и Димитрія мученика... одиннадцатое... одиннадцатое... подожду одиннадцатаго“...

Что же такое могло быть 11-го сентября, и почему Никонъ разсчитывалъ на этотъ день?

А 11-го сентября 1665 года и вся Москва ждала чего-то. Съ ранняго утра, отъ Серпуховскихъ воротъ вдоль земляного города до самой заставы и далѣе по серпуховской дорогѣ толпились москвичи, ожидая чего-то необыкновеннаго. Сидѣльцы разныхъ торговыхъ рядовъ и линій, Охотный и Юхотный рядъ, Лоскутный и Сундучный, мясники и ножевщики, шапочники и картузники, рѣзники и свѣжерыбники, уличные разносчики и торговцы,

суконные фабричники и зипунники всевозможныхъ черныхъ работъ—все это валмя валило за городъ, шурша зипунами и сермягами, толкаясь и бранясь, спотыкаясь и падая. По всему этому пространству, гдѣ валили сѣрыя волны двуногой Москвы, гулъ стоялъ невообразимый, особенно же, когда къ серпуховской заставѣ прослѣдовало нѣсколько сотенъ нарядныхъ стрѣльцовъ съ своими головами и полуголовами, а также нѣсколько взводовъ дѣтей боярскихъ, а за ними царскіе конюхи, которые вели подъ устцы царскаго коня—сѣраго, нѣмецкаго, въ серебряномъ вызолоченномъ нарядѣ съ изумрудами и бирюзою, чепракъ турецкій, щитъ золотомъ волоченый по серебряной землѣ, сѣдло бархатъ золотный, — ушми прядетъ по аеру. Скоро туда же прослѣдовали на нарядныхъ коняхъ царскій ясельничій Иванъ Желябужскій и дьякъ Григорій Богдановъ, а за ними дворовые люди и подъячіе изъ приказовъ, а также конюхи—нѣсколько сотъ человѣкъ.

Толпы москвичей особенно кучились за землянымъ городомъ на разстояніи перестрѣла. Тамъ, по обѣимъ сторонамъ дороги, чисто выметенной и подровненной, шпалерами выстроились стрѣльцы, отливая на солнцѣ пурпуромъ своихъ кафтановъ и блестя вычищенными, какъ стекло, бердышами. Народъ напиралъ на это мѣсто колыхающеюся стѣною, но стѣна эта мѣстами прорывалась и какъ бы падала назадъ, когда, бодрясь на конѣ и покрикивая—„назадъ! осади назадъ, черти!“,—проѣзжалъ какой-либо окольничій или сынъ боярскій, и колотилъ палкою по головамъ, по плечамъ и по лицу выдававшихся впередъ, или просто топталъ лошадью, бросая въ воздухъ крѣпкія, узловатыя московскія слова, словно бы у него за зубами былъ ихъ цѣлый складъ. Въ толпѣ при этомъ слышались крики и стоны, а рядомъ—взрывы хохота тѣхъ, кому еще не досталось по лбу или досталось раньше да зажило, забылось.

Когда къ этому мѣсту подъѣхали Желябужскій и Богдановъ съ подъячими, конюхами и нарядным царскимъ конемъ, вдали, по дорогѣ отъ Серпухова, показались двигающіяся толпы всадниковъ, огромный обозъ изъ каретъ и повозокъ, множество конныхъ и пѣшихъ, а въ хвостѣ, страшно поднимая пыль, медленно двигались кучи рослыхъ, красивыхъ воловъ, какихъ на Москвѣ и не видано.

Выждавъ сближеніе этой встрѣчной толпы, Желябужскій пріосанился на сѣдлѣ и махнулъ шитой ширинкой. Толпа остановилась, а къ ней отъ Желябужскаго поскакалъ вершникъ съ бѣлою перевязью черезъ плечо. Здѣшняя толпа понаперла такъ, что дрогнули было шпалеры стрѣльцовъ, но Желябужскій сыпанулъ на обѣ стороны, грузно поворачиваясь на сѣдлѣ, такія крупныя, какъ кнутъ плетеныя изъ междометій слова, что толпа, словно поражаемая картечью, шарахнулась назадъ.

Встрѣчная толпа подъѣзжала все ближе и ближе. Впереди, на ворономъ рösломъ и широкогрудомъ аргамакѣ, гремя серебрянымъ уборомъ, ѣхалъ статный, дородный мужчина, уже немолодыхъ лѣтъ, съ черными висячими книзу усами и въ шапочкѣ съ перомъ, унизаннымъ каменьями, которые

горѣли какъ жаръ. Южный татарковатый типъ лица и лоснившаяся изъ подъ богатой шапочки гладко подбритая голова, кунтушъ съ расшитою золотомъ грудью и пурпуровыми отворотами, въ рукахъ серебряная палочка съ огромнымъ на концѣ золотымъ яблокомъ, утыканнымъ дорогими камнями и острыми серебряными шипами, словно зубьями огромной щуки,—вотъ что прежде всего бросилось въ глаза народу. За нимъ — три въ рядъ, потомъ два, далѣе четыре и нѣсколько другихъ рядовъ на коняхъ—въ такихъ же, какъ передній, но въ менѣе богатыхъ кунтушахъ, въ шапкахъ съ разноцвѣтными верхами, съ саблями и перначами въ рукахъ—всѣ съ усами, а иные съ длинными хохлами, закинутыми за ухо. Далѣе коляска съ попомъ и монахомъ. А тамъ—толпы пѣшихъ и конныхъ, на возахъ и при возахъ, и въ заключеніе — волы съ рогами, перевитыми разноцвѣтными лентами.

Народъ замеръ на мѣстѣ, дивуясь на невиданныхъ людей и на воловъ въ лентахъ.

Когда самый передній, что съ булавой въ рукѣ, приблизился къ Желябужскому, плотный и румяный съ русою бородою окольничій медленно сошелъ съ своего коня, снялъ шапку и крякнулъ:

— Есть до тебя войска запорожскаго сее стороны Днѣпра гетмана Ивана Мартыновича съ старшиною рѣчь отъ великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, и вы бы съ лошадей ссѣли и шапки сняли,—произнесъ Желябужскій по наказу, медленно, громко, внятно, какъ на ектеньѣ въ церкви.

Всѣ сошли съ лошадей и сняли шапки. Попъ и монахъ вышли изъ коляски и прошли впередъ. Народъ также обнажилъ головы.

— Божіею милостію,—продолжалъ Желябужскій тѣмъ же церковнымъ тономъ,—великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичъ и дѣтичъ, и наслѣдникъ, и государь, и облаадатель, жалуя тебя, подданнаго своего, войска запорожскаго сее стороны Днѣпра гетмана Ивана Мартыновича Брюховецкаго съ старшиною, велѣлъ встрѣтить и о здоровьѣ спросить: здорово ли есте дорогою ѣхали? Бей челомъ о земь,—тихо подсказалъ онъ.

Брюховецкій поклонился до земли. За нимъ припала головою къ землѣ вся его огромная свита.

— Божіимъ произволеніемъ здоровы есмы, — отвѣчалъ Брюховецкій, подымаясь съ колѣнъ и встряхивая чубомъ, который перевѣсился было на лицо. Поднялись съ земли и встряхнули чубами всѣ остальные.

— Кланяйся въ другорядь и благодари!—подшепнулъ Желябужскій.

Брюховецкій поклонился вторично до земли. За нимъ поклонилась вся старшина; слышно было, какъ болѣе тучные изъ нихъ сопѣли: непривычно имъ было это московское кланянье—„вотъ земелька!“

— За спросъ о здоровьѣ благодаримъ премного его пресвѣтлое царское величество,—снова сказалъ Брюховецкій, вставая на ноги.

— Великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ,— снова наладилъ Желябужскій, входя окончательно въ роль,—всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ, и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ, и сѣверныхъ отчичъ и дѣтичъ, и наслѣдникъ, и государь, и облаадатель, его царское пресвѣтлое величество, жалуя тебя, подданнаго своего, войска запорожскаго сее стороны Днѣпра гетмана Ивана Мартыновича Брюховецкаго, изволилъ къ тебѣ прислать съ своей царскаго величества конюшни коня, на коемъ тебѣ ѣхать на подворье.

По знаку дьяка стремянной подвелъ сѣраго нѣмецкаго коня. Конь было заартачился, когда къ нему подступилъ Брюховецкій, фыркнулъ и поднялся на дыбы; но гетманъ сразу осадилъ его и очутился на сѣдлѣ, словно прикованный къ нему.

Совершивъ встрѣчную церемонію, поѣздъ Брюховецкаго двинулся въ городъ. По правую руку гетмана ѣхалъ Желябужскій, по лѣвую—Богдановъ, всѣ трое въ рядъ, только конь гетмана выступалъ впередъ на полголовы. Впереди, топча копытами и разгоняя палками толпу, словно непріятеля, пролагали путь, иногда по трупамъ москвичей, окольничіе и дѣти боярскія со стрѣльцами. За гетманомъ слѣдовали, кромѣ переяславскаго протопопа и гетманскаго духовника, атаманъ гетманскаго куреня, генеральный обозный, генеральный судья, два генеральныхъ писаря, пять писарей канцелярскихъ, атаманъ писарскаго куреня, два генеральныхъ есаула и посланцы разныхъ полковъ, съ прислугою 313 человѣкъ. Подъ всѣми ими и подъ обозомъ было 670 лошадей — цѣлый огромный табунище. Тутъ же особо везли въ даръ царю пушку полковую мѣдную, взятую у казаковъ измѣнниковъ, вели дорогого арабскаго жеребца, покрытаго дорогою попоною, и гнали 40 воловъ чабанскихъ, красоты неописанной, съ развѣвающимися лентами на рогахъ. Толпы москвичей особенно тѣснились тамъ, гдѣ ѣхалъ самъ гетманъ, и въ хвостѣ—гдѣ, поднимая облака пыли и меланхолически пережевывая жвачку, „ремегая“, шли красивые волы, словно „дѣвчата“ украшенные „стрѣчками“. Поѣздъ также замыкали стрѣльцы, дивуясь на воловъ и оттѣсняя толпы. Знакомый уже намъ стрѣлецъ со шрамомъ во всю щеку, только руками о полы бился, любуясь волами.

— Ужъ и волы же, братцы, знатные, степные, словно сами, хохлы,— говорилъ онъ товарищамъ.

— Что и говорить! И они, хохлы-те, какъ есть волами смотрятъ. Ишь увальни черномазые! Ну, народецъ!—подтверждали другіе.

Въ такомъ порядкѣ и сопутствуемый москвичами, толпы которыхъ прибывали какъ морскія волны въ бурю, поѣздъ прослѣдовалъ на посольскій дворъ, который и былъ оцѣпленъ стрѣлецкими караулами. Несмотря на то, что любопытныхъ не только не впускали никого на дворъ, но даже гнали и колотили на улицѣ, москвичи, за неимѣніемъ въ то время другихъ общественныхъ зрѣлищъ, кромѣ крестныхъ ходовъ и кулачныхъ боевъ, не отходили отъ посольскаго двора, стараясь заглянуть въ ворота, въ окна

или просто глазѣя на крыши, а иногда — что удавалось не всѣмъ — на усатую и хохлатую фигуру, показывавшуюся у котораго-либо изъ оконъ посольскаго дома.

А въ посольскомъ домѣ и на посольскомъ дворѣ шла необыкновенная возня съ размѣщеніемъ гостей, ихъ прислуги, пожитковъ, экипажей, лошадей и скота.

Не успѣли они разобраться, какъ Желябужскій, успѣвшій побывать во дворцѣ, явился оттуда съ цѣлою стаею дворской челяди, которая притащила изъ дворца отъ государева стола цѣлыя горы судковъ и блюдъ съ „ѣствою и питьемъ государевыми". Войдя въ главную палату, куда вышелъ гетманъ съ старшиною, Желябужскій поклонился и началъ заученную рѣчь:

— Великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ, и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ, и сѣверныхъ отчичъ и дѣтичъ, и наслѣдникъ, и государь, и облаадатель, тебя, подданнаго своего, войска запорожскаго сее стороны Днѣпра гетмана Ивана Мартыновича Брюховецкаго съ старшиною, жалуя, прислалъ къ вамъ отъ своего государскаго стола ѣству и питье.

Гетманъ и старшина низко поклонились и благодарили, а дворская челядь тотчасъ же поставила столъ, накрыла его скатертью и стала ставить на столъ яствы и питья по росписи. Золото и серебро такъ и ломило огромный дубовый столъ.

Желябужскій, подойдя къ столу, налилъ большой серебряный ковшъ, какъ словно сосудъ съ дарами.

— Чаша великаго государя—царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ, и сѣверныхъ отчича и дѣдича, и наслѣдника, и государя, и облаадателя! Дай, Господи, великій государь — царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ, и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ, и сѣверныхъ отчичъ и дѣдичъ, и наслѣдникъ, и государь, и облаадатель, здравъ былъ на многія лѣта!—провозгласилъ онъ и выпилъ ковшъ.

Гетманъ и старшина, повторивъ „многія лѣта", также пили изъ рукъ Желябужскаго и потомъ сѣли за столъ. А Желябужскій, сѣвъ особо и вынувъ изъ-за пазухи бумагу, развернулъ ее и, подавъ стоявшему около него дьяку, сказалъ: „Вычти вслухъ"!"

— Великій государь—царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ,—началъ дьякъ все съ того же утомительнаго титула,—всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ, и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ, и сѣверныхъ отчичъ и дѣдичъ, и наслѣдникъ, и государь, и облаадатель, жалуя подданнаго своего, сее стороны Днѣпра войска запорожскаго гетмана Ивана Мартыновича Брюховецкаго съ стар-

шпною, изволилъ указать поденнаго корму и питья къ выдачѣ, противъ посольскаго, съ надбавкою: гетману по хлѣбу грошевому да по два калача грошевыхъ на день. А старшинѣ по хлѣбу грошевому да по три калача двухденежныхъ. А людямъ ихъ по хлѣбу грошевому да по калачу трехденежному человѣку на день. Да гетману жъ и старшинѣ — по три гуся живыхъ, по семи гусей битыхъ, по трое утятъ живыхъ, по семи утятъ же битыхъ, по десяти зайцевъ, по десяти тетеревей, по пятидесяти куровъ живыхъ на день.

Гетманъ и старшины ѣли, молча переглядывались и серьезно слушали. Только нѣтъ-нѣтъ да и дернется у иного усъ отъ сдержанной улыбки.

— Да имъ же съ людьми,—продолжалъ дьякъ,—по яловицѣ живой, по пяти яловицъ да по четыре стяга битыхъ, по пяти барановъ живыхъ, да по двудесяти-пяти барановъ тушами, по два полтя ветчины на день, по три ведра безъ полутрети сметаны, по триста-пятьдесятъ штукъ яицъ, по пуду безъ полутрети масла коровья, по четыре ведра уксусу, по два пуда соли, по чети крупъ гречневыхъ, по чети гороху, по осминѣ муки пшеничной, а буде мало—давать по чети; по три ведра молока прѣснаго; на всякую мелочь по четыре гривны на день, а буде мало — ино давать по полтинѣ. А питья давать имъ указано...

При словѣ питья генеральный судья Петръ Забѣла, черный коренастый мужчина, многознаменательно переглянулся съ сидѣвшимъ противъ него переяславскимъ протопопомъ Григоріемъ Бутовичемъ и моргнулъ усомъ и лѣвымъ глазомъ по направленію къ генеральному писарю Захару Шийкевичу, красномордому, съ выпуклыми красными же глазами субъекту. Протопопъ лукаво улыбнулся. Шийкевичъ замѣтилъ эту улыбку и насупился.

— А питья давать имъ указано,—продолжалъ дьякъ:—по шести чарокъ вина двойнаго на день, да гетману же вопче: по десяти кружекъ меду паточнаго, да по ведру пива сладкаго, да по ведру меду крѣпкаго, да по ведру пива добраго на день. А старшинѣ: по пяти чарокъ пива добраго, по двѣ кружки меду сладкаго, по двѣ кружки меду крѣпкаго, по четыре кружки пива добраго человѣку на день. А людямъ ихъ — по три чарки вина человѣку, а лучшимъ людямъ — по двѣ кружки меду да по двѣ кружки пива человѣку, а достальнымъ по двѣ кружки пива человѣку на день.

Дьякъ остановился. Всѣ думали что онъ уже кончилъ, а онъ только передохнулъ, высморкался и продолжалъ:

— А въ постные дни рыбные ѣствы указано: гетману вопче—по щукѣ живой на паръ, по одному лещу, по одному язю на паръ, по одной щукѣ колодкѣ, по щукѣ ушной спячей, по полузвену осетрины, по полузвену бѣлужины, по шти гривенокъ икры на день и съ старшиною. Старшинѣ же—по лещику, по невеликому, по двѣ щуки въ ухи, по два звена осетрины, по два звена бѣлужины человѣку на день. Людемъ же ихъ: на триста блюдъ рыбы всякія свѣжія, щукъ, окуней, язей, плотицъ, по два человѣка на блюдо...

Въ это время въ палату, гдѣ кушали гетманъ съ старшиною, вошелъ сѣдой высокій бояринъ, а за нимъ степенные ключники внесли что-то на огромномъ серебряномъ подносѣ, покрытое тафтою.

— Есть до тебя, войска запорожскаго сее стороны Днѣпра гетмана Ивана Мартыновича Брюховецкаго съ старшиною, рѣчь отъ великой государыни—царицы и великой княгини Марьи Ильишны, и вы бъ съ мѣстовъ встали,—провозгласилъ сѣдой бояринъ.

Всѣ встали. Всѣ невольно съ любопытствомъ косились на это что-то, покрытое тафтою.

— Великая государыня—царица и великая княгиня Марья Ильишна, ея царское пресвѣтлое величество,—продолжалъ сѣдой бояринъ, возвышая голосъ и поднимая голову,—жалуя тебя, войска запорожскаго сее стороны Днѣпра гетмана Ивана Мартыновича Брюховецкаго съ старшиною, изволила прислать вамъ отъ своего государскаго стола сладкаго—лебедя сахаръ леденецъ, и вы бъ того лебедя рушили и на здоровье кушали.

И по мановенію его ключники сняли тафту съ подноса. На подносѣ оказался бѣлый сахарный лебедь, граціозно изогнувшій свою длинную шею. Лебедя поставили передъ гетманомъ.

Церемоніи съ обѣдомъ тянулись очень долго, потому что кушаньевъ было необыкновенное количество. Когда, наконецъ, украинцы встали изъ-за стола, генеральный судья Забѣла, вообще большой охотникъ до „жартъ“, показывая переяславскому протопопу на свой почтенный животъ, сдѣлалъ такой жестъ руками, что дескать теперь у меня послѣ московскаго угощенья хоть желѣзо на брюхѣ куй.

На это протопопъ отвѣчалъ изъ писанія: „не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ“—и перекрестилъ свой ротъ, памятуя другое писаніе, что „не сквернитъ во уста, сквернитъ изъ устъ“.

VIII.

Сватовство гетмана.

Черезъ день послѣ пріѣзда гетмана съ старшиною въ Москву, былъ назначенъ пріемъ ихъ у великаго государя. Пріемъ былъ большой, почетный—посольскій: это—небывалая честь для подданныхъ.

Когда украинцы шли отъ благовѣщенской паперти къ Грановитой палатѣ, то передъ сѣнями Грановитой, по красному крыльцу, уступами по обѣ стороны, стояли жильцы въ терликахъ бархатныхъ и объеринныхъ, человѣкъ съ шестьдесятъ. А когда они подошли къ самымъ сѣнямъ Грановитой палаты, подъ шатеръ, то въ сѣнныхъ дверяхъ ихъ встрѣтили наряженные къ тому стольникъ и дьякъ.

Государь принималъ своихъ чубатыхъ гостей въ Грановитой палатѣ, сидя на своемъ „царскомъ большомъ мѣстѣ“, на возвышеніи. Алексѣй Михайловичъ былъ въ царскомъ вѣнцѣ, въ діадемѣ и со скиптромъ въ рукѣ.

По бокамъ его стояли рынды, юныя, свѣжія лица которыхъ не затемненныя даже юношескимъ пушкомъ на подбородкахъ и надъ верхними губами, представляли что-то смягчающее, привѣтливое среди собранія сѣдобородыхъ и просто бородатыхъ бояръ, окольничихъ и думныхъ людей, сидѣвшихъ на длинныхъ скамьяхъ неподвижно, угрюмо, словно истуканы, въ своихъ золотыхъ ферезяхъ.

Гости были спрошены про здоровье съ тѣми же церемоніями, какъ и при встрѣчѣ, но еще съ большею торжественностью.

— Здорово ли есте живете?—прогремѣло послѣ царскаго титула, такъ, что нѣкоторые изъ украинцевъ вздрогнули, а веселый и жартливый Забѣла, если бъ его лично спросили, здоровъ ли онъ въ этотъ моментъ, едва ли бы не сказалъ, что онъ нездоровъ—такъ что-то стало ему не-по-себѣ отъ этой пышной, подавляющей обстановки.

Затѣмъ повели ихъ къ цѣлованію руки. Неровно, неувѣренно двигались по ковру, словно бы ступали по горячимъ угольямъ, казацкія ноги въ красныхъ, голубыхъ и желтыхъ „сапьянцахъ", подходя къ „большому мѣсту;" одна за другой, припадая на колѣно, нагибались бритыя, отливавшія синевой и сивизной, головы съ хохлами и робко, пересохшими губами, прикладывались къ лежавшей на бархатной подушкѣ бѣлой, мягкой и пухлой рукѣ, на которой незамѣтно было даже жилъ. Забѣла, прикладываясь и боясь уколоть эту нѣжную руку своими щетинистыми усами, которыми онъ когда-то безжалостно кололъ розовыя губки своей Гали, одно замѣтилъ на этой нѣжной рукѣ—чернильное пятнышко сбоку перваго сустава средняго пальца... „Это слѣды новаго закона, либо смертнаго приговора", промелькнуло въ бритой головѣ генеральнаго судьи.

Потомъ являли гетманскіе поминки — представляли привезенные царю подарки: пушку полковую мѣдную, отбитую у измѣнниковъ казаковъ, булаву серебряную измѣнника наказаннаго гетмана Ясенка, жеребца арабскаго и сорокъ воловъ чабанскихъ въ лентахъ.

А потомъ откланивались, проходили по рядамъ новыхъ бородачей, спускались съ лѣстницъ среди какихъ-то живыхъ статуй, и только тогда опомнились, когда на площади ярко блеснуло солнце, и показалась синяя даль, тянувшаяся на югъ, туда, гдѣ цвѣтетъ красная Украина...

Въ это время мимо нихъ проѣзжала богатая карета, запряженная шестеркою цугомъ. Окна кареты были завѣшаны пунцовою тафтою. Когда карета поровнялась съ гетманомъ, тафта немножко отодвинулась съ краю, и изъ-за нея выглянуло женское личико съ розовыми щеками и вздернутымъ носикомъ. Черные глаза гетмана встрѣтились съ глазами—не то сѣрыми, не то черными, смотрѣвшими изъ-за тафты, но такими глазами, что гетманъ невольно попятился...

— Ахъ, матыньки!—ахнуло это что-то за тафтой—и спряталось.

Гетману весь день потомъ мерещились эти глаза и слышалось это „ахъ, матыньки". Мерещилось и на другой день, и на третій, несмотря на то, что дѣла у него было по горло, такъ что, наконецъ, Желябужскій, со-

стоявшій въ приставахъ при украинскихъ гостяхъ, замѣтилъ задумчивость гетмана и спросилъ о ея причинахъ. Они были наединѣ.

— Надумалъ я бить челомъ великому государю, — только бъ кто мое челобитье государю донесъ?—нерѣшительно отвѣчалъ Брюховецкій, не глядя въ глаза своему собесѣднику.

— А о чемъ твое челобитье?—спросилъ Желябужскій.

— Пожаловалъ бы меня великій государь—велѣлъ жениться на московской дѣвкѣ... пожаловалъ бы государь—не отпускалъ меня не женя,— отвѣчалъ гетманъ потупясь.

У Желябужскаго дрогнули углы губъ, и голубые глаза его прищурились, чтобы скрыть ненужный и излишній блескъ.

— А есть ли у тебя на примѣтѣ невѣста?—спросилъ онъ.

Гетманъ вскинулъ на него глазами, хотѣлъ было отвѣчать, но какъ бы не рѣшался, потому что въ это время у него такъ и пропѣло въ ушахъ: „ахъ, матыньки!“

— Такъ нѣтъ на примѣтѣ?—переспросилъ приставъ.

— На примѣтѣ у меня невѣсты нѣтъ,—отвѣчалъ, наконецъ, застѣнчивый женихъ, глядя въ окно.

— А какую невѣсту тебѣ надобно: дѣвку или вдову?

— На вдовѣ у меня мысли нѣтъ жениться... Пожаловалъ бы меня великій государь—указалъ, гдѣ жениться на дѣвкѣ.

Гетманъ замолчалъ. Ему, повидимому, хотѣлось что-то высказать, но не хватило рѣшительности, а Желябужскій упорно молчалъ.

— Видѣлъ я одну—не знаю дѣвка, не знаю мужняя жена—когда выходилъ намедни изъ дворца,—началъ, наконецъ, Брюховецкій.—Изъ кареты глядѣла...

— А! Занавѣсь лазоревая тафта?—спросилъ приставъ.

— Лазоревая.

— Знаю. То ѣхала сѣнная царицына дѣвка, князя Димитрія Алексѣича Долгорукова дочка... Глазаста гораздо?

— Точно, глазаста.

— Такъ она. Что жъ! Дѣвка хорошая и роду честнаго. Али приглянулась?—улыбнулся хитрый москаль.

— Приглянулась... лицомъ бѣла и румяна, — говорилъ гетманъ застѣнчиво.

— Что жъ, доложусь великому государю: попытка не пытка, а спросъ не кнутъ.

„Эка!“—подумалъ гетманъ:—„и пословицы-то у нихъ, москалей, страшныя какія—кнутъ да пытка“.

— А женясь,—продолжалъ онъ вслухъ,—стану я бить челомъ великому государю, чтобъ пожаловалъ меня на прокормленіе вѣчными вотчинами поближе къ московскому государству, чтобъ тутъ женѣ моей жить, и по смерти бы моей эти вотчины женѣ и дѣтямъ моимъ были прочны.

Желябужскій обѣщалъ доложить.

— А ты почемъ знаешь, что то была Долгорукова дочка?—спросилъ гетманъ.

— А на верху у царицы сказывали: испужалась, говоритъ.

— А чего насъ пужаться? (Брюховецкій старался подлаживаться подъ московскую рѣчь).

— Ужъ такое ихнее дѣвичье дѣло: коли дѣвка испужалась добра молодца, ахнула—это знакъ, что онъ ей приглянулся: вотъ схватитъ-де да унесетъ,—улыбался приставъ.

Гетману, видимо, нравились эти слова, и онъ съ удовольствіемъ крутилъ свой черный усъ, сожалѣя только, что въ немъ пробивалась проклятая сѣдина.

Но у Желябужскаго въ умѣ было еще и другое. Онъ не зналъ только, какъ приступить къ тому, зачѣмъ пришелъ и о чемъ хотѣлъ выпытать у Брюховецкаго. Дѣло въ томъ, что сегодня утромъ въ малороссійскій приказъ привели одного человѣка, взятаго караульными стрѣльцами въ то самое время, когда онъ старался тайкомъ уйти изъ посольскаго двора, гдѣ помѣщался гетманъ съ своею огромною свитою. Въ то время въ Москвѣ изъ политической предосторожности наистрожайше было соблюдаемо, чтобы въ бытность пословъ или другихъ иноземныхъ гостей на Москвѣ никто изъ москвичей не ходилъ на посольскій дворъ, кромѣ приставленныхъ къ тому приставовъ. Это дѣлалось, конечно, изъ ложнаго страха, что эти посѣтители могутъ выболтать иноземцамъ какія-нибудь государственныя тайны или же, скорѣе, нагородить всякаго вздору, или, въ свою очередь, могутъ наслушаться отъ иноземцевъ какого-нибудь „дурна“, а то и будутъ подкуплены ими для какихъ-либо интригъ и всякой „неподобной вещи“. Для этого въ наказахъ приставамъ весьма пространно объяснялось, какъ они должны были вести себя съ иноземцами, что дѣлать, что отвѣчать на всѣ ихъ вопросы. И Желябужскому вмѣнено было, между прочимъ, въ обязанность:

„А буде гетманъ и старшина учнутъ тебя, Ивана, спрашивать: какъ-де нонѣ великій государь съ цесаремъ римскимъ и съ турскимъ салтаномъ, и съ шахомъ персицкимъ, и съ крымскимъ ханомъ, и съ аглицкимъ, и со французскимъ, и съ дацкимъ, и со свейскимъ короли, и съ галанскими владѣтели? И тебѣ, Ивану, говорити: цесарь-де римской, и турецкой салтанъ, и персицкой шахъ съ царскимъ величествомъ въ ссылкѣ, послы-де и посланники межъ ими великими государи ходятъ. А съ крымскимъ-де ханомъ нынѣ царское величество въ миру жъ и въ ссылкѣ; только бусурмане-де николи въ своей правдѣ не стоятъ.

„А буде спросятъ: есть-ли-де у царскаго величества ссылка съ папою римскимъ? И тебѣ, Ивану, говорить: съ папою-де римскимъ у царскаго величества ссылки не бывало и ссылатца-де съ нимъ не о чемъ.

„А буде учнутъ спрашивать о иныхъ какихъ дѣлѣхъ, чего въ наказѣ не написано, и тебѣ, Ивану, отвѣтъ держати, смотря по дѣлу, и говорить остерегательно, чтобъ государеву имени было къ чести и къ повышенью, а въ большія рѣчи съ ними не входить“.

О всѣхъ приходящихъ на посольскій дворъ Желябужскому было наказано: „А того беречь тебѣ, Ивану, накрѣпко, съ большимъ остереганіемъ: буде которые боярскіе люди или чьи-нибудь, русскіе или полоненники, или нѣмцы, или кто изъ русскихъ людей придутъ къ посольскому двору и похотятъ итти на посольской дворъ, или кто съ гетманомъ или его людьми тайно учнетъ о чемъ говорить, и тебѣ, тѣхъ людей пождавъ, какъ отъ двора пойдутъ, велѣть поймать тайно и присылать въ малороссійской приказъ“.

На этомъ основаніи утромъ и взятъ былъ одинъ человѣкъ, который приходилъ зачѣмъ-то на посольскій дворъ, и отведенъ въ малороссійскій приказъ для допроса. Въ приказѣ онъ, повидимому, показалъ не все, а говорилъ, что просился у гетмана, чтобъ гетманъ взялъ его съ собою въ Малороссію, что оттуда онъ хочетъ пройти къ святымъ мѣстамъ, но что гетманъ безъ царскаго указа взять его съ собой не рѣшается. Задержанный тѣмъ болѣе показался подозрительною личностью, что называлъ себя патріаршимъ человѣкомъ и, въ качествѣ родственника Никона, жилъ у него въ монастырѣ въ числѣ другихъ дѣтей боярскихъ. Вообще дѣло это казалось слишкомъ серьезнымъ—дѣломъ большой государственной важности, чтобъ не обратить на него вниманія.

Вотъ это-то обстоятельство и нужно было выяснить Желябужскому. Своимъ полицейскимъ нюхомъ онъ угадывалъ, что тутъ крылся подвохъ, тайна, что тутъ была подсылка со стороны страшнаго Никона, а для чего-этого отъ задержаннаго человѣка не могли добиться. Въ руки властей попалась ниточка отъ какого-то большого клубка, и всѣ убѣждены были, что клубокъ этотъ—тамъ, за стѣнами Воскресенскаго монастыря, и прикрытъ патріаршимъ клобукомъ; но ниточка обрывалась въ самомъ началѣ и до клубка по ней никакъ нельзя было добраться: обрывалась эта ниточка на посольскомъ дворѣ, въ палатѣ самого гетмана.

И вотъ Желябужскій пришелъ ловить у гетмана кончикъ проклятой нитки.

— А не докучаютъ ли тебѣ, Иванъ Мартыновичъ, московскіе люди?— заговорилъ онъ издалека.

— Чѣмъ они мнѣ докучать могутъ?—съ удивленіемъ посмотрѣлъ гетманъ.

— А вонъ все глазѣютъ на васъ, черкаскихъ людей.

— А нехай ихъ глазѣютъ,—равнодушно отвѣчалъ Брюховецкій, глядя въ окно на улицу, на которой дѣйствительно толкались москвичи, и несмотря на то, что стрѣльцы колотили ихъ то кулаками, то прямо алебардами, пялили глаза на посольскія окна.

— А то и къ вамъ на дворъ лѣзутъ,—дальше закидывалъ приставъ.

— Нехай лѣзутъ.

— А коли что своруютъ?

— Нѣтъ, мои хлопцы не дадутъ.

— Гдѣ не дать! Вонъ нонѣ взяли одного: сказываетъ, патріаршій

человѣкъ... къ тебѣ-де, гетману, приходилъ... А кто его вѣдаетъ, съ чѣмъ онъ приходилъ.

— Это точно—приходилъ одинъ: сказывалъ, что у святѣйшаго патріарха живетъ, и просился со мной; а я ему сказалъ, что безъ указу великаго государя того мнѣ сдѣлать немочно.

— И то ты, гетманъ, Иванъ Мартыновичъ, учинилъ хорошо, остерегательно, и за то тебя великій государь похвалитъ,—сказалъ Желябужскій одобрительно.—А за какимъ дѣломъ онъ просился съ тобой?

— Сказывалъ—на Аѳонъ гору похотѣлъ идти молиться да въ Царьградъ, да къ гробу Господню.

— А не сказывалъ что отъ патріарха?

— Не сказывалъ.

— Воровское онъ затѣялъ дѣло,—сказалъ, помолчавъ, Желябужскій:—не своей онъ волей пришелъ, а патріархъ его подослалъ подъ тебя.

— А для чего? На что я ему?

— Богъ его вѣдаетъ: у великаго государя съ патріархомъ остуда учинилась, патріархъ съ Москвы сшелъ самовольно, и того дѣлать ему не довелось.

Гетманъ задумался. Онъ тоже сообразилъ, что Никонъ подсылалъ къ нему своего родственника не даромъ; но съ какою цѣлью — онъ рѣшительно не могъ понять. Желябужскій понималъ болѣе: онъ видѣлъ, что не въ гетманѣ нуждался Никонъ, что главная цѣль патріархова посланца—выбраться подъ покровомъ гетмана изъ Москвы; слѣдовательно, у патріарха составился какой-то планъ, осуществленіе котораго возможно было внѣ предѣловъ московскаго государства. Желябужскій, такимъ образомъ, нападалъ на слѣдъ, и по этому слѣду онъ надѣялся, рано ли, поздно ли, найти то, чего онъ искалъ: это-то и должно было совершиться посредствомъ разматыванія клубка, который всѣхъ безпокоилъ.

— Такъ испужалъ дѣвку? — улыбаясь спросилъ онъ, докончивъ нить своихъ размышленій.

— Испужалась, точно, такъ и ахнула, — отвѣчалъ гетманъ, тоже улыбаясь.

Въ тотъ же вечеръ во дворцѣ, на царицыной половинѣ, говорили, что гетманъ сватается за Оленушку, княжну Долгорукую, дочь князя Дмитрія Алексѣича. Сватовство это произвело необыкновенный переполохъ на женской половинѣ. Видано ли, чтобы московская боярышня выходила замужъ за черкашенина! Да этого не бывало, какъ и свѣтъ стоитъ. Между тѣмъ, слышно, что самъ царь былъ сватомъ, и что отецъ невѣсты далъ свое согласіе.

— А что она, голубушка?—спрашивала Морозова, ученица и поклонница Аввакума, находившаяся въ то время въ своей мастерской палатѣ вмѣстѣ съ неразлучною своею сестрою, княгинею Урусовою.—Что Оленушка? — волновалась хорошенькая боярыня, обращаясь къ уткоподобной Авдѣвнѣ, мамушкѣ царевны Софьи.

— Поплакала маленько, родная,—нельзя же,—отвѣчала мамушка.

Въ это время вошла въ палату, гдѣ работала Морозова съ сестрой, та самая хорошенькая рожица, что во время шествія гетмана съ старшиною изъ дворца выглядывала въ окно кареты изъ-за пунцовой тафты. Рожица казалась заплаканною. Большіе, свѣтлые, не то совсѣмъ черные, не то сѣрые глаза нѣсколько поприпухли. Морозова бросилась къ ней и обняла ее.

— Здравствуй, моя глазунья дорогая!—нѣжно сказала она.—Что-й-то они у тебя, камни-то самоцвѣты, кажись, заплаканы?—спрашивала она, цѣлуя въ глаза пришедшую.—Асиньки?

Пришедшая снова заплакала, уткнувшись носомъ въ плечо Морозовой.

— Ну, полно же, полно, свѣтикъ!—утѣшала она.—Мы слыхали судьбу твою... Что жъ—суженой! А ты только, Оленушка, Богу молись...

— Стерпится—слюбится... На то хмель, чтобъ по дубу виться,—философствовала мамушка,—на то дубъ, чтобъ хмелинушку держать.

Заплаканная дѣвушка, утеревъ рукавомъ бѣлой сорочки слезы, улыбнулась.

— Да ты-то его, Оленушка, видѣла? — спросила Урусова подходя къ ней.

— Видѣла, сестрица,—отвѣчала та.

— Ой-ли! гдѣ? когда?

— Онамедни... ѣхала я отъ батюшки сюда,—начала-было дѣвушка и остановилась, потому что на глазахъ ея опять показались слезы.

— Ну, ѣхала?—подсказывала ей Морозова.

— Ѣхала это я..: а они идутъ... отъ великаго государя шли... руку цѣловали... А я ѣхала.

Оленушка опять остановилась.

— Да сказывай же, глазунья!—настаивала Морозова:—ѣхала да ѣхала!

— Ѣхала я, а они идутъ...

— Слыхали ужъ это!

— А я выглянула... а онъ на меня...

— Охъ, батюшки!—испуганно шептала Урусова.

— Ну-ну! Не мѣшай ты, Дуня,—волновалась Морозова.

— Онъ и увидалъ меня.

— А ты ево?

— И я ево.

— Ну, какой же онъ изъ себя?

— Я со страху и не разглядѣла... черный... бритый... глаза...

— А сказываютъ, онъ своей землѣ, у черкасъ, все одно, что царь,—замѣтила Урусова.

— И батюшка сказывалъ,—подтвердила Оленушка.

— А какимъ крестомъ онъ креститcя, милая? — спросила серьезно Морозова.

— Батюшка сказывалъ, что по нашему,—отвѣчала невѣста.

— Ой-ли, свѣтикъ!—усомнилась Морозова.—Вонъ протопопъ Аввакумъ сказывалъ, что они, черкасы-то, щепотью крестятся.

— А какъ же у нихъ, въ Кеивѣ, угодники-то печерскіе почиваютъ?—усомнилась съ своей стороны Урусова.—Коли бы они были не нашей вѣры, у нихъ бы угоднички не почивали.

— Такъ и батюшка сказывалъ,— подтвердила Оленушка.

Видно, что „батюшка“ для нея былъ авторитетъ неоспоримый: что сказалъ отецъ—то свято и вѣрно. Притомъ же и само сердце подсказывало ей, что не въ щепоти дѣло. Оно билось и страхомъ чего-то невѣдомаго, и какою-то тайною радостью. Да и то сказать: гетманъ былъ и не страшенъ, какъ сразу ей показалось; она ахнула отъ нечаянности и стыда: шутка ли, мужчина, да еще черкашенинъ, увидалъ дѣвку на улицѣ! и дѣвка глазѣла на него—срамъ да и только! А она успѣла замѣтить, что этотъ черкашенинъ молодцомъ смотритъ—такіе усы, да и бороды нѣтъ; а то всѣ бояре, которыхъ она видѣла—всѣ бородатые, и всѣ на батюшку похожи... Только одно страшно—сторона далекая, незнакомая...

И въ головѣ Оленушки сама собой заныла горькая мелодія свадебнаго причитанья по русой косѣ:

Ужъ вставайте-ко, мои подруженьки,
Ужъ вставайте-ко, мои лебедушки,
Заплетите-ко мнѣ русу косыньку,
Русу косыньку, мелку-трубчату,
Не во сто мнѣ прядей и не въ тысячу,
Заплетите мелку-трубчату,
Ужъ впервые ли и въ остаточки...

И Оленушка снова заплакала, закрывъ лицо бѣлымъ рукавомъ.

Въ комнату вбѣжала маленькая царевна и бросилась къ Морозовой.

— А я всѣ урки выучила, и больше выучила, какъ Симеонъ Ситіановичъ мнѣ задалъ,—радостно говорила она.—Завтрѣе онъ меня похвалитъ.

— Вотъ и хорошо, государыня царевна,—отвѣчала Морозова, лаская бойкую дѣвочку.

— Ну, такъ теперь и пастилы можно дать?

— Можно, можно.

Увидавъ заплаканные глаза у Оленушки, царевна бросилась къ ней.

— Ты объ чемъ, Оленушка, плакала?—спросила дѣвочка.

Оленушка не отвѣчала, а только смущенно опустила голову. Маленькая царевна вопросительно посмотрѣла на свою мамушку.

— Это ты ее?—спросила она.

— Что-й-то, царевнушка! все я, да я!—защищалась толстуха.—Оленушку замужъ отдаютъ.

— Замужъ! за кого?

— Вонъ за того гетмана, что онамедни у батюшки царя ручку цѣловалъ.

— А! я его видала съ переходовъ—точно ляхъ.

И дѣвочка съ участіемъ подошла къ Оленушкѣ...

— Не плачь, Оленушка,—сказала она, — вонъ Симеонъ Ситіановичъ сказываетъ—у нихъ, у черкасовъ, говоритъ, лучше жить—веселѣе...

Въ это время кто-то торопливо говорилъ у дверей:

— Государыня-царица, государыня царица идетъ...

IX.

Смута въ Соловнахъ.

Такимъ образомъ, ни 11-е сентября, ни послѣдующіе затѣмъ дни, на которые Никонъ возлагалъ тайныя надежды, не оправдали этихъ надеждъ. Подосланный имъ къ гетману вѣрный человѣкъ, Ѳедотка Марисовъ, двоюродный племянникъ патріарха, воротился ни съ чѣмъ. Ѳедотка не только не убѣдилъ гетмана взять его съ собою, но своимъ появленіемъ на посольскомъ дворѣ возбудилъ серьезныя подозрѣнія властей, и хотя ничего лишняго не сказалъ на допросѣ въ малороссійскомъ приказѣ, однако, накинулъ сильную тѣнь на самое поведеніе патріарха. При всемъ томъ Никонъ не падалъ духомъ и не терялъ надежды. Природа надѣлила его слишкомъ большою живучестью—живучестью мощнаго духа, а желѣзная воля закалилась съ дѣтства, крѣпчая годъ-отъ-году съ того самаго момента, когда его, голоднаго, холоднаго и босого ребенка, злая мачиха столкнула въ погребъ, и когда онъ, наэлектризованный фанатическою проповѣдью желтоводскаго старца, наложилъ на себя обѣтъ суроваго подвижничества. Дойдя потомъ на своихъ собственныхъ ногахъ до высочайшей ступени человѣческой власти, онъ самъ увѣровалъ въ провиденціальность своей судьбы надъ русскою землею и глубоко вѣровалъ, что не люди, а только Богъ, возведшій его на эту превысочайшую степень, и можетъ свести его оттуда своею десницею, или возвести еще выше. Онъ ждалъ только указанія свыше — и указаніемъ этимъ онъ считалъ перстъ Божій, который прошлую зиму въ видѣ звѣзды хвостатой грозился на кого-то съ неба. Но на кого? Никонъ глубоко вѣрилъ, что не на него, а на его враговъ.

Поэтому и неудача у гетмана не отняла у него надежды. Онъ понялъ только, что провидѣніе повелѣваетъ ему ждать. И онъ ждалъ, но ждалъ не пассивно, что было не въ его натурѣ. День-за-днемъ, при посредствѣ своихъ монаховъ и тайныхъ друзей, онъ слѣдилъ за всѣмъ, что дѣлалось въ Москвѣ. Онъ видѣлъ, что тамъ ждали чего-то и въ ожиданіи занимались текущими дѣлами. Гетманъ все оставался въ Москвѣ, сватался, а потомъ собирался жениться. Слѣдовательно, раньше слѣдующаго года или раньше святокъ нельзя было и думать о его выѣздѣ въ Малороссію.

Дни тянулись за днями, какъ тѣ тяжелыя, свинцовыя и холодныя тучи, которыя ползли на востокѣ и которыя созерцалъ патріархъ, ходя по переходамъ своихъ келій и поглядывая иногда на пустое ласточкино гнѣздо.

„Придетъ снова весна, и оно будетъ не пустое“, думалось ему, и при этомъ само собой это черненькое птичье гнѣздышко сопоставлялось съ покинутымъ въ Москвѣ патріаршимъ престоломъ, который теперь тоже пустъ, но для котораго, какъ и для гнѣзда ласточки, снова наступитъ весна, и онъ не будетъ сиротствовать.

Непріятно волновали его другія вѣсти, приходившія изъ Москвы. По этимъ вѣстямъ можно было думать, что тамъ опять начинаютъ поднимать голову тѣ силы, которыя Никонъ считалъ давно сломанными его мощною рукою, далеко разсѣянными и присыпанными морозною пылью далекой Сибири: поднимали голову эти Аввакумы, Лазари, эти Никиты-пустосвяты, которые плевали на труды цѣлой жизни Никона, отрепьями старины забрасывали работу рукъ его, кричали на всю Москву о возвратѣ къ старому. И Москва, повидимому, возвращалась къ старому, отворачиваясь отъ дѣла Никона и отъ него самого. За Аввакумомъ уже ходили толпы народа, жадно слушая его неистовые кричанья и лай на Никона. Голосъ Аввакума доходилъ до палатъ боярскихъ. Боярскія и княжескія жены шли за Аввакумомъ, какъ за пророкомъ. Морозова и Урусова—царицыны любимицы—стали духовными дочерьми Аввакума. А Никонъ забывается.

И не одна Москва съ голоса Аввакума лаетъ на Никона и на его работу: по всей русской землѣ завелись свои Аввакумы. Аввакумы проникли и въ Соловки: и тамъ не хотятъ принимать новыхъ книгъ, напечатанныхъ Никономъ. А Соловки—это вѣчевой колоколъ всей старой Руси.

Возвращавшіеся изъ Соловокъ богомольцы сказывали, что соловецкіе старцы въ одинъ голосъ кричатъ:

— По святой Руси ходитъ ересь пестрозвѣриная: опестрилъ тою ересью Никона Арсентій грекъ, а Никонъ опестрилъ ересью всѣ книги, всю русскую землю. Онъ-де самъ въ Успенскомъ соборѣ каялся народу: окоростовѣлъ-де я коростою ереси, и та короста отъ меня паде на васъ, и вы всѣ окоростовѣли отъ меня.

Дѣйствительно, въ Соловкахъ было далеко не спокойно. Волненія начались тамъ еще въ 1657 году, когда Никонъ былъ на патріаршествѣ. Въ Соловки присланы были новыя богослужебныя книги никоновскаго изданія. Слухи о присылкѣ „новыхъ“ книгъ произвели такое смятеніе въ стѣнахъ монастыря и по всѣмъ его усольямъ, какъ будто бы на святую обитель напала орда и хочетъ монастырь разрушить до камня, а братію истребить до послѣдней ноги. Въ виду такого страшнаго дѣла, архимандритъ созвалъ „черный соборъ“. У всѣхъ на лицахъ выражались ожиданіе и страхъ.

Вынесли книги, положили на столъ.

— Смотрите, отцы и братія, каковы книги,—взывалъ архимандритъ,—а я уже старъ и слѣпъ: можетъ, чего не догляжу.

Заскрипѣли и защелкали мѣдныя застежки книгъ подъ грубыми ладонями иноковъ, болѣе привыкшихъ рыбу солить да дрова рубить, чѣмъ книги перелистывать. Зашуршала новая толстая бумага подъ непривыч-

ными пальцами. Роются старцы, усердно, до поту роются — и литеры-то новыя, безъ загогулинъ и завитковъ, и титлы-то кривобоки, и заставки-то съ киноварью не тѣ, и все не на своемъ какъ будто мѣстѣ—не знаешь, гдѣ его искать, какъ и читать: то „Отче нашъ“ не на своемъ мѣстѣ, то въ „Богородицѣ“ *буки* не съ такою заставкою, то „Помилуй мя Боже“ не отыщешь — застряло гдѣ-то. Бѣда да и только! Въ старыхъ книгахъ знаешь, гдѣ что искать — листы сами открываются тамъ, гдѣ захочешь: нужно тебѣ „Блаженъ-мужа“—онъ тутъ какъ тутъ, понадобилось „Вскую шаташася“—и оно подъ рукой. А тутъ ищи его, а коли найдешь, такъ не прочтешь — литеры не тѣ, новыя, и *ижица* не та, и *ѳита* съ какими-то лапками...

— Отцы и братія! — кричитъ одинъ инокъ: — въ символѣ вѣры, чу, *азъ* выкинули!

— Этого нельзя! Эти книги не годятся: латынскія онѣ!—кричитъ другой.

Черный соборъ заволновался. Выступили ученые старцы, попы и дьякона.

— Отцы и братія! стойте на старыхъ книгахъ. По нимъ мы учены и къ нимъ привыкли, а къ новымъ поздно привыкать.

— Поздно! поздно! Мы, старики слѣпые, и по старымъ книгамъ очередей своихъ недѣльныхъ держать не сможемъ, а по новымъ-то на старости лѣтъ учиться не можемъ да и некогда: что учено было, и того мало видимъ, а по новымъ книгамъ намъ, чернецамъ коснымъ, непереимчивымъ и грамотѣ ненавычнымъ, сколько ни учиться, не навыкнуть.

— Долой новыя книги!—кричала братія.

— Въ огонь ихъ, въ море!

— Помолчите, отцы и братія! — завопилъ новый ораторъ, выступая изъ толпы:—дайте слово сказать. Послушайте вы меня, стараго: коли попы станутъ читать и пѣть по новымъ книгамъ, и мы отъ нихъ причащаться не будемъ—помремъ и такъ, а вѣрѣ не измѣнимъ. А коли на отца нашего, на архимандрита, придетъ какая кручина, либо жестокое повелѣніе, и намъ всею братьею бить за него челомъ своими головами, стоять всѣмъ за одно до смерти.

— Ладно! Стоять до смерти! — заревѣлъ черный соборъ. — Не выдавать архимандрита!

Архимандритъ стоялъ у стола, положивъ дрожащую руку на книгу новой печати. По впалымъ и сморщеннымъ щекамъ его катились слезы.

— Братія и всѣ православные христіане!—говорилъ онъ дрожащимъ голосомъ.—Видите, братія, послѣднее время: встали новые учители и отъ вѣры православной, и отъ отеческаго преданія насъ отвращаютъ и велятъ намъ служить на ляцкихъ крыжахъ по новымъ служебникамъ. Помолитесь, братія, чтобъ насъ Богъ сподобилъ въ православной вѣрѣ умереть, какъ и отцы наши! А я на то пошелъ—умру за святой *азъ*.

Черный соборъ заревѣлъ почти въ одинъ голосъ:

— Намъ латынской службы и еретицкаго чина не надо! Не прини-

маемъ! Причащаться отъ еретицкой службы не хотимъ и тебя, отца нашего, не выдадимъ!

Два-три голоса возвысились было въ пользу новыхъ книгъ.

— А!—застоналъ черный соборъ:—хотите латынскую еретицкую службу служить! Живыхъ изъ трапезы не выпустимъ!

Новыя книги такъ и не были приняты. Въ 1666 году, когда Никонъ, сидя въ Воскресенскомъ монастырѣ, томился ожиданіемъ и неизвѣстностью, изъ Москвы посланъ былъ въ Соловки спасскаго ярославскаго монастыря архимандритъ Сергій съ царскимъ указомъ, грамотами и наказомъ архіерейскаго собора—привести соловецкую братію къ повиновенію. Сергій собралъ черный соборъ, предъявилъ указъ и грамоты. Невообразимый шумъ и крики заглушили его слабый голосъ.

— Указу великаго государя мы послушны и во всемъ ему повинуемся!—выдѣлились отдѣльные голоса изъ толпы:—а повелѣнія о символѣ вѣры, о сложеніи перстовъ, о аллилуіи и новоизданныхъ печатныхъ книгъ не пріемлемъ.

На скамью встаетъ самъ архимандритъ соловецкій, старый Никаноръ. Его поддерживаютъ чернецы, чтобы онъ не упалъ. Никаноръ поднимаетъ руку высоко надъ своею головой, складываетъ три первые пальца и кричитъ неистово:

— Смотрите! это ученіе и преданіе латынское, преданіе антихристово! За два перста я готовъ пострадать! Ведите меня на муку! Да у васъ теперь и главы нѣтъ—патріарха, и безъ него вы не крѣпки! Горе вамъ! Послѣднія времена пришли!

Голосъ его оборвался. Онъ задрожалъ и съ трудомъ былъ снятъ со скамьи. Онъ дико озирался по сторонамъ, какъ пьяный, бормоча: „умру за два перста... умру за святой *азъ*“...

Сергій, ошеломленный воплемъ стараго фанатика, обращается къ собору и просить выбрать кого-нибудь одного.

— Со всѣми разомъ говорить нельзя: меня закричатъ.

— Геронтій! Геронтій!—раздалось со всѣхъ сторонъ.

Выступилъ Геронтій, высокій, сухой чернецъ. Глаза его искрились, въ широкихъ скулахъ и въ прикушенной бородѣ видѣлось что-то упрямое, задорное. Выступилъ онъ съ такимъ угрожающимъ лицомъ и съ такими жестами, словно бы шелъ на кулачки.

— Зачѣмъ вы у насъ Сына Божія отняли? — сразу накинулся онъ на Сергія.

Сергій испуганно отступилъ назадъ, не понимая, о чемъ его спрашиваютъ.

— Зачѣмъ вы въ молитвѣ „Господи Исусе“ отъемлете „Сына Божія?“—продолжалъ ораторъ, наступая на оторопѣвшаго посланца царскаго.—Зачѣмъ вы...

Но толпа не дала оратору продолжать: она одно поняла—что съ ними дѣлаютъ что-то страшное, „Сына Божія“ отнимаютъ.

— Охъ! охъ! горе намъ! — послышался страшный вопль дикарей: —

охъ, горе! отымаютъ у насъ „Сына Божія!“... Гдѣ вы дѣвали „Сына Божія?“

Когда крики нѣсколько утихли, Сергій хотѣлъ было подойти къ Геронтію, но тотъ неистово закричалъ:

— Не подходи!.. покажи прежде, какимъ крестомъ крестишься, и тогда ужъ и учи насъ!.. Допрежъ сего отъ соловецкой обители вся русская земля всякимъ благочестіемъ свѣтилась, и ни подъ какимъ зазоромъ Соловецкій монастырь допрежъ сего не бывывалъ, но яко столпъ и утвержденіе и свѣтило сіялъ. А вы теперь отъ грековъ новой вѣрѣ учитесь, а греческихъ архіереевъ самихъ къ намъ въ монастырь 'подъ началъ присылаютъ: они и креститься-то не умѣютъ, — мы ихъ самихъ учимъ, какъ креститься.

По собору пронесся гулъ одобренія. Сергій видѣлъ, что почва подъ нимъ колеблется, что не сломить ему суроваго противника—и онъ прибѣгъ къ страшному средству, послѣ котораго должны уже были заговорить пушки, а не люди.

— Великій государь царь Алексѣй Михайловичъ благовѣренъ ли, благочестивъ ли, и православенъ ли, и христіанскій ли царь?—спросилъ онъ.

Въ свою очередь Геронтій передъ этими страшными словами отшатнулся было назадъ, но, увидѣвъ устремленный на него взглядъ стараго Никанора, выпрямился и тряхнулъ волосами.

— Великій государь царь Алексѣй Михайловичъ благовѣренъ, благочестивъ и православенъ,—отвѣчалъ онъ, обводя собраніе глазами.

— А повелѣнія его, которыя къ вамъ присланы, православны ли?— настаивалъ неумолимый посланецъ.

Даже Геронтій на эти страшныя слова не зналъ, что отвѣчать: какъ волкъ, прижатый къ стѣнѣ, онъ растерянно оглядывался, ища взгляда Никанора. Но Никаноръ смотрѣлъ въ землю и упрямо моталъ головою.

— Освященный соборъ православенъ ли?—продолжалъ пытать Сергій.

— Допрежъ сего патріархи были православны, а нынѣ, Богъ вѣсть— потому живутъ въ неволѣ, а россійскіе архиреи православны,—съ трудомъ отвѣчалъ Геронтій.

— А которое къ вамъ прислано соборное повелѣніе — и оно православно ли?

— Повелѣнія соборнаго не хулимъ, а новой вѣры и ученія не пріемлемъ, держимся преданія святыхъ чудотворцевъ и за ихъ преданія хотимъ всѣ умереть,—былъ послѣдній отвѣтъ старцевъ.

Сергій вышелъ изъ собора, окруженный монастырскимъ карауломъ, словно арестантъ. Ему не позволяли даже въ монастырѣ ночевать, а вмѣстѣ съ прибывшими съ нимъ изъ Москвы посланцами вывели на островъ и посадили подъ стражу. Когда его выводили изъ монастырскихъ воротъ, то собравшіеся тамъ изъ окрестныхъ усольевъ и поселковъ мужики громко говорили:

— Которые московскіе стрѣльцы теперь здѣсь въ монастырѣ, и тѣмъ

мы свой указъ учинимъ: перебьемъ и перетопимъ, и которые за монастыремъ въ ладьяхъ, и тѣхъ перетопимъ, будто моремъ разбило... Всѣхъ побьемъ каменьемъ, потому посланы они отъ антихриста прельщать насъ.

На соборѣ, между тѣмъ, въ трапезѣ, готовилось челобитье къ царю. Когда оно было кончено, Геронтій всталъ на скамью и началъ громко читать.

— Бьютъ челомъ богомольцы твои государевы: соловецкаго монастыря келарь Азарій, бывшій Саввина монастыря архимаритъ Никаноръ, казначей Ворсонофей, священники, дьяконы, всѣ соборные чернецы и вся братія рядовая и больнишная, и служки и трудники всѣ. Присланъ съ Москвы къ намъ архимаритъ Сергій съ товарищи учить насъ церковному преданію по новымъ книгамъ, и во всемъ велятъ послѣдовать и творить по новому преданію, и преданіе великихъ святыхъ апостоловъ и святыхъ отецъ седми вселенскихъ соборовъ, въ коемъ прародители твои государевы и начальники преподобные отцы Зосима и Савватей и Германъ, и преосвященный Филиппъ митрополитъ пребывали, нынѣ намъ держаться и послѣдовать возбраняютъ. И мы, худые богомольцы твои и холопишки, чрезъ преданія святыхъ апостоловъ и святыхъ отецъ священные уставы и церковые чины премѣнять не смѣемъ, понеже въ новыхъ книгахъ выходу Никона патріарха, по которымъ насъ учатъ новому преданію, вмѣсто Ісуса нашего съ приложеніемъ лишней литеры Іисусъ, чего страшно намъ грѣшнымъ неточію приложити, но и помыслити...

— Охъ!—послышалось въ толпѣ: — *иже* приложили ко Ісусу... Охъ, страшно!...

— Охъ! *ижемъ* Христа прободали въ ребра: *иже* есть копіе!—провозгласилъ Никаноръ.

— Милостивый государь!—продолжалъ, воодушевляясь и потрясая въ воздухѣ челобитною, Геронтій:—помилуй насъ нищихъ своихъ богомольцевъ и холопишекъ, не вели архимариту Сергію прародителей твоихъ и начальниковъ нашихъ, преподобныхъ Зосимы, Савватея, Германа и Филиппа преданія нарушать, и вели, государь, намъ въ томъ же преданіи быть, чтобъ намъ врозь не разбрестись и твоему богомолію украйному и порубежному мѣсту отъ безлюдства не запустѣть.

— Припиши,—кричалъ Никаноръ: — за преданіе-де великихъ чудотворцевъ готовы мы съ радостію наглую смерть принять, и многіе-де старцы, готовясь на тотъ вѣчный путь, посхимились...

— Припиши! припиши!—подтвердили десятки голосовъ.

— Еще припиши,—настаивалъ упрямый Никаноръ:—вели-де, государь, на насъ свой царскій мечъ прислать и отъ сего мятежнаго житія преселити насъ на оное безмятежное и вѣчное житіе!

Въ такомъ положеніи стояли дѣла на далекомъ сѣверѣ, когда Никонъ, котораго считали виновникомъ всѣхъ этихъ небывалыхъ и неслыханныхъ дотолѣ церковныхъ смутъ, охватившихъ не только соловецкое поморье, но и Москву, гдѣ народъ, торговые люди и бояре почти всѣ отшатнулись отъ духовныхъ властей своихъ, а Аввакумъ до ослѣпленія разжигалъ народ-

ныя страсти своею жгучею проповѣдью, — когда Никонъ вдругъ узналъ, что въ Москву прибыли гости, которыхъ онъ всего болѣе боялся. Это были вселенскіе патріархи — Макарій антіохійскій и Паисій александрійскій, онъ же и „судія вселенной“.

Наступилъ судъ надъ Никономъ.

X.

Судъ надъ Никономъ.

Перваго декабря 1666 года, едва лишь багровое солнце сквозь искристую морозную мглу освѣтило островерхія крыши кремлевскаго дворца и брызнуло золотомъ по маковкамъ церквей и по разрисованномъ морозомъ стеклу дворцовыхъ оконъ и стеклянныхъ переходовъ, какъ ужъ во дворцѣ, въ столовой избѣ, собрался небывалый дотолѣ и послѣ того въ Россіи вселенскій соборъ—царь, два патріарха, митрополиты, архіереи и весь синклитъ духовныхъ и свѣтскихъ властей. Алексѣй Михайловичъ сидѣлъ на своемъ государевомъ мѣстѣ, на небольшомъ возвышеніи, подъ сѣнію золотого двуглаваго орла, на крыльяхъ котораго играло пробившееся сквозь льдистые кристаллы окна утреннее солнышко, золотя въ то же время лѣвый, уже посеребренный рѣдкою сѣдью високъ и часть заиндевѣвшей тою же назойливою сѣдью русой, мягкой, какъ шемахинскій шелкъ бороды. Тишайшій царь сидѣлъ задумчиво, глубоко сосредоточенно и такъ неподвижно, что его можно было принять за иконописное изображеніе, если бъ тихое, равномѣрное поднятіе и опусканіе висѣвшаго на его груди большого золотого креста не изобличало, что эта грудь дышетъ. Подлѣ него, по лѣвую руку, въ глубокихъ съ высокими рѣзными спинками креслахъ сидѣли патріархи. У ближайшаго къ царю, высокаго, худого и согбеннаго годами, темно-пергаментное лицо смотрѣло изъ-подъ надвинутаго до бровей клобука не какъ лицо, а какъ ликъ на старомъ полотнѣ, выцвѣтшій отъ времени, тронутый непогодью и копотью отъ свѣчей и ладона. Неровныя пряди волосъ желтоватой сѣдины и бѣлая борода, освѣщенныя косыми лучами солнца, нѣсколько дрожали на черномъ фонѣ клобука и панагіи, производя странное впечатлѣніе — какъ будто бы волоса эти дрожали на мертвомъ тѣлѣ отъ посторонняго дыханія, тѣмъ болѣе, что и глаза сидящаго, глубоко опущенные, казались закрытыми тонкою, синеватою кожицею вѣкъ, съ которыхъ, казалось, только-что сняты были мѣдные гроши — принадлежность новопреставленнаго. Это былъ Паисій, патріархъ Александріи и всего Египта—нѣкогда земли фараоновъ. Рядомъ съ нимъ въ такомъ же креслѣ возсѣдалъ антіохійскій патріархъ Макарій. Черные, курчавые, перевитые сѣдыми прорѣзями, какъ серебрянною тонкою нитью, волосы, черная, курчавая, какъ давно нестриженная баранья шерсть, съ просѣдью борода, большіе синеватые бѣлки черныхъ, подвижныхъ глазъ съ длиннѣйшими рѣсницами, темно-оливковой цвѣтъ лица—все изобличало въ

немъ восточнаго человѣка, котораго какъ-то странно было видѣть не на берегу Іордана гдѣ-нибудь или Мертваго моря, а на берегахъ Яузы, среди чисто-московскихъ лицъ и въ этой типичной обстановкѣ.

Съ правой стороны царя, на застланныхъ сукнами скамьяхъ сидѣли митрополиты, архіереи и весь освященный соборъ. Черные клобуки, надвинутые на худыя и строгія лица, черныя рясы, кресты и четки — все это смотрѣло мрачно и внушительно, какъ картина страшнаго суда. Тутѣ и Сергій спасо-ярославскій, котораго мы недавно видѣли на черномъ соборѣ въ Соловкахъ, и Павелъ суздальскій, и Павелъ сарскій, и Питиримъ новгородскій.

По лѣвую сторону отъ царя, на скамьяхъ же, бояре, окольничіе и думные люди—все, что заправляло московскою землею отъ Пскова до Албазина на Амурѣ, отъ Соловокъ до южнаго рубежа русской, все шире и шире разлетавшейся территоріи. Тутъ были лица, большею частью, хорошо упитанныя, гладкія, бородатыя.

За особымъ столомъ—дьякъ Алмазъ Ивановъ. Горы бумагъ, книгъ и потемнѣвшихъ отъ времи свитковъ почти всего его закрываютъ собой. И лицо его, такое же желтое, какъ эти свитки—смотритъ спокойно, только изрѣдка щурятся его усталые глаза, перечитавшіе всѣ эти горы бумаги и перенесшіе въ его глубокую, какъ бездонная пропасть, память тысячи мельчайшихъ подробностей дѣлъ, статей разныхъ, уложеній, указовъ, отписокъ, справокъ, памятей. Худыми, привычными пальцами онъ держитъ бѣлое, какъ снѣгъ, гусиное перо и неслышно водитъ имъ по бумагѣ.

Тихо въ избѣ. Соборъ ждетъ кого-то. Кого же больше ждать, какъ не того, кого собрались судить вселенне! Въ полночь онъ въѣхалъ въ Москву и прослѣдовалъ въ Кремль Никольскимя воротами, которыя тотчасъ же за нимъ и заперли, поставивъ сильную стражу и разобравъ даже мостъ, соединявшій эти ворота съ городомъ. Такъ вотъ, какого страшнаго подсудимаго ждетъ вселенскій соборъ!

Скоро за дверями столовой избы послышались чьи-то ровные, сильные шаги. Звякнули алебарды стрѣльцовъ, стоявшихъ у входа. Какое-то невольное движеніе, словно дрожь, прошло по собору, какъ будто бы въ тихій ясный день по безоблачному небу пронеслось облачко и провело бѣгучую тѣнь по высокой травѣ. Глаза всего собора обратились къ входнымъ дверямъ—обратились съ какимъ-то страхомъ, полные ожиданія. И глаза царя блеснули неуловимымъ свѣтомъ, и закрытые вѣками глаза Паисія патріарха открылись, словно бы икона глянула съ темнаго полотна человѣческими глазами, и глаза дьяка Алмаза Иванова поднялись отъ бумаги.

Двери распахнулись широко, на обѣ половинки, чтобы пропустить что-то большое. Это было распятіе, несомое передъ патріархомъ. За распятіемъ вошелъ и тотъ, кого звали на судъ. Невольная дрожь прошла по собору, когда увидали того, кто вошелъ. Это все былъ тотъ же прямой, суровый на видъ, массивный человѣкъ, котораго такъ часто когда-то, около десяти лѣтъ назадъ, видѣла Москва на всѣхъ торжественныхъ служеніяхъ,

въ церковныхъ ходахъ и въ царской думѣ, и передъ взоромъ котораго все склонялось и трепетало; тотъ же повелительный видъ, тѣ же повелѣвающіе глаза, только по всему этому прошло что-то разрушительное, пригибающее къ землѣ, вытравляющее живой цвѣтъ лица, задувающее огонь глазъ, обезцвѣтившее до сѣдины вороненый волосъ головы и бороды.

Въ добрыхъ глазахъ царя блеснула жалость—вѣки задрожали... Это ли его бывшій „собинный" другъ, его любовь и гордость!..

При видѣ распятія и вошедшаго за нимъ подсудимаго, весь соборъ сталъ на ноги.

— Владыко Господи Боже нашъ! благослови входъ раба твоего и отверзи уста его, да возвѣстятъ хвалу твою—всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ!—громко возгласилъ вошедшій.

Потомъ обратясь лицомъ къ царю, онъ поклонился ему до земли. Царь испустилъ глубокій вздохъ, увидавъ, какъ у поклонившагося ему разметались по полу посѣдѣвшіе волосы. Поклонившійся всталъ, и, откинувъ назадъ упавшіе ему на лицо волосы, вторично припалъ клобукомъ къ царскому подножію. Царь крѣпко стиснулъ челюсти, чтобы не заплакать. Поклонившійся, приподнявшись вторично отъ полу, въ третій разъ поклонился.

Сдѣлавъ полуоборотъ къ патріархамъ, онъ и имъ поклонился до земли дважды. За всѣми его движеніями жадно слѣдили глаза всего собора, а узкіе сѣрые глазки Питирима, митрополита новгородскаго, каждый поклонъ Никона сопровождали злораднымъ блескомъ.

Когда Никонъ поднялся, наконецъ, отъ полу, расправляя волосы, на лицо его, блѣдное и безцвѣтное, какъ у арестанта, набѣжала краска. Патріархи, въ свою очередь, глубоко нагнули головы, а потомъ глазами указали на лавку, по правую сторону государева мѣста.

Глянувъ въ ту сторону, Никонъ сразу понялъ, что его приравниваютъ къ простымъ архіереямъ, что особаго мѣста для него не приготовили. Зловѣщая искра блеснула въ его глазахъ.

— Я мѣста себѣ, гдѣ сѣсть, съ собою не принесъ... Развѣ сѣсть мнѣ тутъ, гдѣ я стою,—сказалъ онъ хрипло, съ дрожью въ голосѣ, и оперся на свой посохъ, глядя прямо въ глаза государю.

И добрые глаза послѣдняго блеснули: та искра, что зажглась въ глазахъ у Никона, зажглась и у царя. Питиримъ незамѣтно толкнулъ локтемъ сосѣда своего, Павла, митрополита сарскаго, и указалъ глазами на то, что происходило впереди. Перо дьяка Алмаза Иванова заскрипѣло по бумагѣ, спѣша запечатлѣть чернилами навѣки этотъ историческій моментъ.

— Пришелъ я узнать, для чего вселенскіе патріархи меня звали?—продолжалъ подсудимый, тономъ допрашивающаго, тономъ судьи, и снова вопрошающе посмотрѣлъ на государя.

Алексѣй Михайловичъ порывисто сошелъ съ своего мѣста, путаясь ногами въ своемъ длинномъ одѣяніи, и сталъ передъ патріархами, какъ бы ища укрыться подъ ихъ святынею.

— Святая и пречестная двоице! великіе вселенстіи патріарси!—заго-

ворилъ царь дрожащимъ голосомъ, неровно, торопливо.—Отъ начала московскаго государства соборной и апостольской церкви такого безчестья не бывало, какъ учинилъ сей *бывшій* патріархъ Никонъ: для своихъ прихотей, самовольно, безъ нашего повелѣнія и безъ соборнаго совѣта церковь оставилъ, патріаршества отрекся, никѣмъ не гонимъ, и отъ этого его ухода многіе смуты и мятежи учинились, церковь вдовствуетъ безъ пастыря девятый годъ... Допросите бывшаго патріарха Никона: для чего онъ престолъ оставилъ и ушелъ въ воскресенскій монастырь?

Царь стоялъ, какъ подсудимый, и ждалъ отвѣта. Пока патріархи черезъ переводчика хотѣли только было обратиться къ Никону за этимъ отвѣтомъ, какъ онъ оборвалъ ихъ:

— А есть ли у васъ совѣтъ и согласіе съ константинопольскимъ и ерусалимскимъ патріархами, что меня судить? А безъ ихъ совѣта я вамъ отвѣчать не буду, потому—хиротонисанъ я отъ константинопольскаго патріарха.

Изъ-за труды бумагъ выдвинулась тощая фигура дьяка Алмаза Иванова и неслышными шагами приблизилась къ патріархамъ. Въ рукахъ у Алмаза было два свитка, перевитые черными лентами, какъ двѣ погребальныя свѣчи.

— Вотъ полномочіе остальныхъ вселенскихъ патріарховъ, — сказалъ Макарій, дотронувшись до одного изъ свитковъ.

Тогда Никонъ попятился назадъ и въ первый разъ оглянулъ судилище, подобно тому, какъ застигнутый врасплохъ ищетъ, куда ему скрыться. Глаза его остановились на Питиримѣ новгородскомъ и на его сосѣдѣ, Павлѣ сарскомъ; глаза послѣднихъ смотрѣли съ вызывающимъ торжествомъ... Никонъ задрожалъ...

— Великій государь и святѣйшіе патріархи!—быстро повернулся онъ:—бью челомъ... пожалуйте меня, и вышлите изъ собора недруговъ моихъ Питирима и Павла; они мыслили зло на меня, хотѣли меня отравить либо удавить и для того съ чаровствомъ прислали чернеца Ѳедоса.

— И то онъ говоритъ ложь безлѣпично,—возразилъ Питиримъ, вставая разомъ съ Павломъ:—у великаго государя о чернецѣ Ѳедосѣ есть дѣло.

И опять изъ-за бумагъ выдѣляется фигура дьяка Алмаза Иванова. Онъ подноситъ къ государю дѣло и съ глубокимъ поклономъ подаетъ его. Царь показываетъ это дѣло патріархамъ.

— Отвѣтствуй,—повторили патріархи:—для чего ты отрекся отъ патріаршества?

— Я не отрекался, а сшелъ съ престола своею волею, не стерпя обидъ: царевъ слуга, Хитрово, билъ моего человѣка безъ вины, и того ему, Хитрово, дѣлать не довелось—то мнѣ безчестье, потому—человѣка своего я послалъ по дѣлу, для строенія церковныхъ вещей. А когда я просилъ у великаго государя обороны, и великій государь обороны мнѣ не далъ,—защищался подсудимый, все болѣе и болѣе возвышая голосъ.

— Никонъ писалъ ко мнѣ и просилъ обороны отъ Хитрово не во-

время: въ ту пору обѣдалъ у меня грузинскій царь, и въ ту пору розыскивать и оборону давать было некогда,—былъ отвѣтъ царя.

Странный, небывалый видъ представляли эти судебныя пренія. Высшая власть въ государствѣ, царь и патріархъ, стояли среди многочисленнаго собора, раздѣляемые распятіемъ и крестоносителемъ, а весь соборъ сидѣлъ, безмолвно слѣдя за словами и движеніями царя и подсудимаго: послѣдній былъ блѣденъ, какъ полотно, у перваго—краска не то стыда, не то негодованія заливала щеки.

Царь чувствовалъ, что отвѣтъ его слабъ.

— Никонъ патріархъ говоритъ,—поспѣшилъ онъ поправиться,—будто человѣка своего прислалъ для строенія церковныхъ вещей, ино въ ту пору на красномъ крыльцѣ церковныхъ вещей строить было нечего, и Хитрово зашибъ его человѣка за невѣжество, что пришелъ не во-время и учинилъ смятеніе, и то безчестье къ Никону патріарху не относится и та обида ему не въ обиду. А что не было моего выходу въ праздники, и то учинилось такъ за многими государственными дѣлами. А когда онъ сшелъ съ престола, и я посылалъ къ нему боярина князя Трубецкаго и Родіона Стрѣшнева, чтобъ онъ на свой патріаршій столъ возвратился, ино онъ отъ патріаршества отрекся—сказывалъ: какъ-де его на патріаршество обирали, и онъ-де на себя клятву положилъ—быть-де на патріаршествѣ токмо три года. А что посылалъ я князя Юрія Ромодановскаго, чтобъ онъ напредки великимъ государемъ не писался, и то я учинилъ для того, что прежніе патріархи такъ не писывались, ино того къ нему не приказывалъ, что на него гнѣвенъ.

Услыхавъ свое имя, Ромодановскій, тучный и красный какъ кумачъ, бояринъ, торопливо поднялся съ лавки и, не спуская глазъ съ царя, быстро выпалилъ: „Это точно... о государевымъ гнѣвѣ я не говаривалъ“.

Никонъ въ полуоборотъ глянулъ на него, но ничего не сказалъ.

— Говорилъ ты про обиды; какія обиды тебѣ отъ великаго государя были?—продолжалъ допрашивать Макарій, тогда какъ Паисій безмолвно перебиралъ свои четки.—Какія обиды?

— Никакихъ обидъ не бывало; но когда онъ (и Никонъ спохватился и тотчасъ же поправился)—когда великій государь началъ гнѣваться и въ церковь ходить пересталъ, въ ту пору я патріаршество и оставилъ.

Царь нетерпѣливо пожалъ плечами, не глядя на подсудимаго.

— Онъ писалъ ко мнѣ по уходѣ,—началъ онъ снова:—„будешь-де ты, великій государь, одинъ, а я-де, Никонъ, какъ одинъ отъ простыхъ“.

— Я такъ не писывалъ,—былъ отрывистый отвѣтъ.

Тогда Макарій, обратясь къ архіереямъ, спросилъ:

— Какія обиды были Никону отъ великаго государя?

— Никакихъ обидъ не было,—отвѣчалъ Питиримъ за всѣхъ.

— Я не объ обидахъ говорю!—огрызнулся на него Никонъ, медленно, какъ волкъ, полуоборачивая свою негнущуюся, какъ у волка же, шею.—

Я говорю о государевомъ гнѣвѣ. И прежніе патріархи отъ гнѣва царскаго бѣгали—Аѳонасей Александрійской и Григорей-Богословъ...

— Другіе патріархи,—перебилъ его Макарій,—оставляли престолъ, ино не такъ, какъ ты отрекся, что впредь не быть тебѣ патріархомъ: если-де будешь патріархомъ, то анаѳема будешь.

— Я такъ не говаривалъ,—защищался подсудимый:—а говорилъ я, что за недостоинство свое иду; а коли бъ я отрекся отъ патріаршества съ клятвою, и я не взялъ бы съ собою святительской одежды.

— Когда ставятъ въ священный чинъ, то говорятъ „достоинъ". А ты, какъ святительскую одежду снималъ, то говорилъ: „недостоинъ",—настаивалъ Макарій.

— Это на меня выдумали,—былъ отвѣтъ.

— Никонъ писалъ въ грамотахъ своихъ къ святѣйшимъ патріархамъ на меня многія безчестья и укоризны, а я на него ни малаго безчестья и укоризны, не писывалъ,—продолжалъ царь:—допросите его: все ли онъ истину, безо всякаго прилога, писалъ? За церковные ли догматы онъ стоялъ? Іосифа патріарха, святѣйшимъ и братомъ себѣ почитаетъ ли, и церковныя движимыя и недвижимыя вещи продавалъ ли?

— Что я въ грамотахъ писалъ—то писалъ!—нетерпѣливо отвѣчалъ подсудимый:—а стоялъ я за церковные догматы... Іосифа патріарха почитаю за патріарха, а святъ ли онъ—того не вѣдаю; а церковныя вещи продавалъ я по государеву указу...

Царь обвелъ взоромъ все собраніе и остановился на Алмазѣ Ивановѣ.

— Поставь предъ соборъ колодника,—сказалъ онъ тихо, но такъ, что весь соборъ слышалъ его слова.

Алмазъ Ивановъ поднялся и неслышными шагами вышелъ въ сѣни. Всѣ смотрѣли ему вслѣдъ въ нѣмомъ ожиданіи и страхѣ. Никонъ ближе подвинулся къ распятію и поднялъ на него глаза. Питиримъ что-то шепталъ своему сосѣду, показывая глазами на подсудимаго.

Въ сѣняхъ послышались шаги, сопровождаемые глухимъ звяканьемъ кандаловъ. Всѣ въ недоумѣніи переглядывались.

Скоро дверь растворилась, и въ соборную избу вошелъ кто-то, закованный въ желѣза по рукамъ и по ногамъ. Лицо его носило слѣды тяжкаго изнуренія. Увидавъ Никона и распятіе, онъ упалъ ницъ, зазвенѣвъ кандалами. Никонъ вздрогнулъ и пошатнулся: онъ узналъ колодника.

То былъ племянникъ его—Ѳедотъ Марисовъ.

XI.

„Мамай въ рясѣ".

Когда гетманъ Брюховецкій отказался взять Марисова съ собою въ Малороссію, откуда этотъ тайный посланецъ Никона долженъ былъ пробраться въ Константинополь къ тамошнему патріарху Діонисію, съ грамо-

тою Никона и съ воззваніемъ къ всѣмъ патріархамъ о разборѣ его распри съ царемъ, любимецъ Никоновъ и его ставрофоръ, Ивашко Шушера, подкупилъ одного казака за 50 рублей и за пятьдесять золотыхъ—взять съ собою Марисова въ число прочей свиты гетмана, якобы своего родственника, взятого москалями въ плѣнъ во-время похода воеводы Бутурлина на Львовъ. Марисовъ, никѣмъ не узнанный, въ январѣ 1666 года, выѣхалъ изъ Москвы вмѣстѣ съ Брюховецкимъ, и благополучно достигъ Малороссіи; но въ Москвѣ скоро провѣдали объ этомъ тайномъ агентѣ Никона, и къ Брюховецкому посланъ былъ гонецъ съ наказомъ—схватить Марисова. Марисовъ былъ схваченъ и пересланъ подъ карауломъ въ Москву, вмѣстѣ съ грамотами Никона.

Все это сдѣлано было въ глубочайшей тайнѣ, и Никонъ ничего не зналъ, какая судьба постигла его посланца и его грамоты. А въ грамотахъ этихъ онъ не поскупился на сильныя выраженія, на серьезныя обвиненія, падавшія лично на царя и на его управленіе.

Вотъ почему, появленіе Марисова въ соборной избѣ такъ поразило Никона. Ему казалось, что онъ видитъ передъ собою призракъ. Да, Марисовъ, изнуренный заключеніемъ, пытками и душевными страданіями, и смотрѣлъ призракомъ.

Царь сдѣлалъ знакъ Алмазу Иванову. Тотъ подошелъ и подалъ какія-то бумаги.

— Твои это грамоты?—спросилъ царь, показывая ихъ Никону.

— Мои,—мрачно отвѣчалъ тотъ.

Марисовъ поднялся съ полу и, снова припавъ къ землѣ, поцѣловалъ край одежды Никона.

— Грамоты эти ты отъ Никона получилъ?—спросилъ царь Марисова. Тотъ молчалъ.—Говори!—повторилъ царь.

— Прикажи меня казнить, великій государь, а на святѣйшаго патріарха я свидѣтельствовать не стану,—сказалъ Марисовъ съ силой.—Отсохни мой языкъ!

— Скажи одно: кто тебѣ далъ эти грамоты? — настаивалъ царь.— Скажи—я тебя помилую.

— Не скажу! Загради, Господи, уста моя!—какъ-то выкрикнулъ упрямецъ:—сокруши гортань мою!

Никонъ широко перекрестилъ его и снова оперся на посохъ. Царь сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Уведите его!—сказалъ онъ, ни на кого не глядя.

Марисова увели. Царь передалъ бумаги Алмазу Иванову, который, сѣвъ на свое мѣсто, снова заскрипѣлъ перомъ.

— Чти Никоновы писанія!—громко сказалъ Алексѣй Михайловичъ.

Алмазъ Ивановъ, заткнувъ перо за ухо, сталъ читать. Трудно было ожидать, чтобы въ такомъ тщедушномъ тѣлѣ сидѣлъ такой здоровый голосъ. Онъ читалъ грамоту Никона къ константинопольскому патріарху. Въ грамотѣ подробно описывалось, какъ его, Никона, силою избрали, на па-

тріаршество, какъ насильно привели въ соборъ, какъ царь, вмѣстѣ со всѣмъ московскимъ народомъ, кланяясь до земли и слезно плача, умолялъ его, Никона, принять патріаршество, какъ онъ, наконецъ, рѣшился принять посохъ Петра митрополита съ условіемъ, чтобы всѣ его слушались, какъ начальника и пастыря, какъ царь сначала былъ благоговѣенъ и милостивъ и во всемъ заповѣдей божьихъ искатель, а потомъ началъ гордиться и выситься.

Соборъ безмолвствовалъ. Гремѣлъ только ровный, звучный голосъ Алмаза Иванова. Царь стоялъ потупившись, а Никонъ держалъ голову прямо, не спуская глазъ съ распятія. По лицу Питирима, какъ змѣйка, пробѣгала злая усмѣшка.

— „Посланъ я, — звучалъ голосъ Алмаза Иванова, — въ Соловецкій монастырь за мощами Филиппа митрополита, котораго мучилъ царь Иванъ несправедливо...

— Постой! — перебилъ чтеніе государь.

Алмазъ Ивановъ умолкъ. Всѣ взоры обратились на царя.

— Для чего онъ, — обратился послѣдній къ патріархамъ, — для чего онъ, такое безчестіе и укоризну царю Ивану Васильевичу написалъ, а о себѣ утаилъ, какъ онъ низвергъ безъ собора Павла, епископа коломенскаго, ободралъ съ него святительскія одежды и сослалъ въ Хутынскій монастырь, гдѣ его не стало безвѣстно... Допросите его, по какимъ правиламъ онъ это сдѣлалъ?

— По какимъ правиламъ я его низвергъ и сослалъ—того не помню, и гдѣ онъ пропалъ—того не вѣдаю... Есть о немъ на патріаршемъ дворѣ дѣло,—поторопился подсудимый.

— На патріаршемъ дворѣ дѣла нѣтъ и не бывало. Отлученъ епископъ Павелъ безъ собора, — съ своей стороны поторопился Павелъ, митрополитъ сарскій.

Никонъ ничего не возражалъ. Онъ только сильнѣе налегъ на посохъ, какъ бы желая имъ пронзить помостъ соборной избы.

А Алмазъ Ивановъ продолжалъ вычитывать, какъ по покойникѣ:.. „и учалъ царь вступаться въ архіерейскія дѣла“...

— Допросите: въ какія архіерейскія дѣла я вступался?—снова прервалъ чтеніе Алексѣй Михайловичъ, обращаясь къ патріархамъ.

— Что я писалъ—того не помню,—отвѣчалъ Никонъ.

— „Оставилъ патріаршество, не стерпя гнѣва и обиды“, вычитывалъ дьякъ Алмазъ.

— Допросите: какой гнѣвъ и обида?—прервалъ царь.

— На Хитрово не далъ обороны, въ церковь ходить пересталъ... Государевъ гнѣвъ объявленъ небу и землѣ,—уже начиналъ кричать посудимый.

Патріархи остановили его движеніемъ.

— Хотя-бъ Хитрово человѣка твоего и зашибъ, и тебѣ то терпѣть бы и послѣдовать Іоанну Милостивому, какъ онъ отъ раба терпѣлъ,—наставительно сказалъ Макарій (Паисій все молчалъ и изрѣдка взглядывалъ то

на царя, то на Никона).—А если-бъ государевъ гнѣвъ на тебя и былъ, и тебѣ бы о томъ съ архіереями посовѣтоваться слѣдовало, и къ великому государю посылать—бить челомъ о прощеніи, а не сердиться.

Раздался чей-то голосъ съ дальней скамьи. Всѣ оглянулись, и увидѣли рыжую голову, которая усиленно моргала.

— Въ ту пору я царскій чинъ исполнялъ,—говорила, заикаясь, рыжая голова (это былъ Хитрово), и въ ту пору пришелъ патріарховъ человѣкъ и учинилъ мятежъ, и я его зашибъ не знаючи, а въ томъ у Никона патріарха просилъ прощенія, и онъ меня простилъ.

За Хитрово осмѣлились и другіе. Разомъ послышалось нѣсколько голосовъ со всѣхъ сторонъ.

— Отъ великаго государя Никону патріарху обиды никакой не бывало, пошелъ онъ не отъ обиды — съ сердца! — кричали съ боярской стороны.

— Когда онъ снималъ панагію и ризы, то говорилъ: „ащепомыслю въ патріархи, анаѳема да буду“! Панагію и посохъ оставилъ, взялъ клюку, а про государевъ гнѣвъ ничего не говорилъ!—кричала архіерейская сторона.

Всѣ кричали, всѣ усердствовали. Никонъ, какъ затравленный волкъ, только озирался. Но не въ его характерѣ было молчать, когда кричали другіе.

— Я васъ перекричу! — раздался вдругъ его рѣзкій, какъ ударъ хлыста, голосъ.

Паисій, сидѣвшій съ опущенными глазами, быстро вскинулъ ими на подсудимаго и тихо сказалъ:

— Никонъ!

— Никонъ опомнился.

— „Написана книга уложеніе, — продолжалъ вычитывать Алмазъ Ивановъ изъ письма Никона къ константинопольскому патріарху,—книга, святому евангелію, правиламъ святыхъ апостолъ, святыхъ отецъ и законамъ греческихъ царей во всемъ противная... всѣхъ беззаконій, написанной въ этой книгѣ, не могу описать — такъ ихъ много! Много разъ говорилъ я царскому величеству объ этой проклятой книгѣ, чтобъ ее искоренить, но, окромѣ уничиженія, ничего не получилъ, и меня же хотѣли убить“.

— Постой! — остановилъ чтеца Алексѣй Михайловичъ. — Къ сей книгѣ,—обратился онъ потомъ къ Никону, — приложили руки патріархъ Іосифъ и весь священный соборъ, и твоя рука приложена...

— Я руку приложилъ по неволѣ,—огрызнулся подсудимый.

— „Бояринъ Семенъ Лукьяновичъ Стрѣшневъ,—читалъ Алмазъ,—научилъ собаку сидѣть и передними лапами благословлять, ругаясь благословенію Божію, и называлъ собаку Никономъ патріархомъ: мы, услыхавъ о такомъ безчиніи, клятвѣ Семена предали...“

Тонкая улыбка скользнула по губамъ Макарія.

— И того тебѣ, Никонъ, дѣлать не довелось, — сказалъ онъ.— Если бъ мышь сгрызла освященный хлѣбъ, нельзя сказать, что она причастилась: такъ и благословеніе собаки не есть благословеніе... Шутить

святыми дѣлами не подобаетъ, но въ малыхъ дѣлахъ недостойно проклятіе, понеже считаютъ его за ничто.

Когда Алмазъ Ивановъ дочелъ до того мѣста письма, гдѣ говорилось о пріѣздѣ къ Никону князя Одоевскаго и Паисія Лигарида, царь остановилъ чтеніе.

— Митрополитъ и князь, — сказалъ онъ, — посланы были выговаривать ему его неправды, что писалъ ко мнѣ со многимъ безчестіемъ и съ клятвою, мои грамоты клалъ подъ евангеліе, позорилъ газскаго митрополита, а тотъ свидѣтельствованъ отцемъ духовнымъ, и ставленная грамота у него есть.

— Я за обидящаго молился, а не клялъ,—отвѣчалъ Никонъ.—Газскому митрополиту, по правиламъ, служить не слѣдуетъ, потому — онъ епархію свою оставилъ и живетъ въ Москвѣ долгое время... Слышалъ я, что онъ ерусалимскимъ патріархомъ отлученъ и проклятъ. У меня много такихъ мужиковъ шляется... Мнѣ говорилъ бояринъ князь Никита Ивановичъ Одоевскій государевымъ словомъ, что меня зарѣжутъ...

При этихъ словахъ Одоевскій вскочилъ съ мѣста.

— Такихъ рѣчей я не говаривалъ!—протестовалъ онъ.—А Никонъ мнѣ говорилъ: „коле-де хотите меня зарѣзать, то рѣжьте“—и грудь обнажалъ.

Вмѣшался въ споръ и Алмазъ Ивановъ, но осторожно.

— Когда Никонъ, по вѣстямъ о непріятелѣ, пріѣзжалъ въ Москву, то мнѣ говорилъ, что отъ престола своего отрекся.

— Никогда не говорилъ!—огрызнулся на него Никонъ.

Алмазъ Ивановъ опять уткнулся въ бумагу и читалъ изъ письма Никона, будто царь посылалъ къ патріархамъ многіе дары.

— Я никакихъ даровъ не посылывалъ,—прервалъ его царь:—писалъ, чтобъ пришли въ Москву для усмиренія церкви; а ты (это къ Никону) посылалъ къ нимъ съ грамотами племянника своего и далъ черкашенину много золотыхъ.

— Я черкашенину не давалъ, а далъ племяннику на дорогу.

По знаку царя Алмазъ Ивановъ опять началъ читать. Дочелъ до того мѣста, гдѣ Никонъ говорилъ о своемъ неудачномъ ночномъ пріѣздѣ въ Москву и о высылкѣ его изъ Успенскаго собора.

— Никонъ приходилъ въ Москву никѣмъ незванный, — пояснилъ царь, — и изъ соборной церкви увезъ-было Петра митрополита посохъ, а ребята его отрясали прахъ отъ ногъ своихъ. И то онъ какое добро учинилъ? И ребята его какіе учители, что такъ учинили?

— Ребята прахъ отъ ногъ своихъ какъ отрясали—того я не видалъ; а какъ пріѣзжали за посохомъ въ Чернево, то меня томили, а иныхъ хотѣли побить до смерти.

— До смерти побивать никого не было велѣно и не биты, — защищался царь.

И снова возобновлялось утомительное чтеніе Алмаза Иванова. А царь и Никонъ все стояли; царь, видимо, былъ утомленъ. Патріархъ Паисій, по-

временамъ, какъ бы задремывалъ, и только сухіе пальцы его, тихо водившіе по чоткамъ, изобличали, что онъ не спитъ.

— „Которые люди за меня доброе слово молвятъ или какія письма объявятъ,—читалъ Алмазъ,—и тѣ въ заточеніе посланы и мукамъ преданы: поддьяконъ Никита умеръ въ оковахъ, попъ Сысой погубленъ, строитель Ааронъ сосланъ въ Соловецкій монастырь“...

— Никита, — оправдывался царь, — ѣздилъ отъ Никона къ Зюзину съ ссорными письмами, сидѣлъ за карауломъ и умеръ своею смертію отъ болѣзни. Сысой, вѣдомый воръ и ссорщикъ, и сосланъ за многія плутовства... Ааронъ говорилъ про меня непристойныя слова и за то сосланъ... Допросите: кто былъ мученъ?

— Мнѣ о томъ сказывали...

— Ссорнымъ рѣчамъ вѣрить было ненадобно и ко вселенскимъ патріархамъ ложно не писать.

Никонъ смолчалъ. Дьякъ Алмазъ продолжалъ:

— „Архіереи по епархіямъ поставлены мимо правилъ святыхъ отцевъ, воспрещающихъ переводить изъ епархіи въ епархію...“

— Когда Никонъ былъ на патріаршествѣ,—опять прервалъ царь,—то перевелъ изъ Твери архіепископа Лаврентія въ Казань и другихъ многихъ отъ мѣста къ мѣсту переводилъ.

— Я то дѣлалъ не по правиламъ—по невѣдѣнію.

— Ты и самъ на новгородскую митрополію возведенъ на мѣсто живого митрополита Авфонія,—не кстати вмѣшался Питиримъ.

— Авфоній былъ безъ ума... Чтобъ и тебѣ также обезумѣть! — громыхнулъ его Никонъ, какъ бы наотмашъ.

Многіе такъ и подпрыгнули на скамьяхъ отъ этого окрика. Паисій глянулъ строго и зачастилъ чотками. Питиримъ, какъ ошпаренный, не нашелся, что отвѣчать и только бормоталъ: „это кабанъ бѣшеный... Мамай въ рясѣ... Господи!..“ Царь покраснѣлъ, и краска все болѣе и болѣе заливала его щеки, по мѣрѣ того, какъ Алмазъ Ивановъ читалъ далѣе. А онъ читалъ:

— „Отъ сего беззаконнаго собора престало на Руси соединеніе съ восточными церквами, и отъ благословенія вашего отлучились, отъ римскихъ костеловъ начатокъ пріяли волями своими...“

— Стой! стой! погоди!—порывисто заговорилъ царь, повелительно поднимая руку. — Никонъ насъ отъ благочестивой вѣры и отъ благословенія святѣйшихъ патріарховъ отчелъ, и къ католицкой вѣрѣ причелъ, и назвалъ всѣхъ еретиками! Что жъ это такое?!... Только бы его, Никоново письмо, до святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ дошло, и намъ бы всѣмъ, православнымъ христіанамъ, быть подъ клятвою, и за то его ложное и и затѣйливое письмо надобно всѣмъ стоять и умирать, и отъ того очиститься.

Голосъ царя сорвался. Самъ онъ дрожалъ. Весь соборъ заколыхался сдержаннымъ, глухимъ ропотомъ. Многіе испуганно крестились словно бы

передъ ударомъ страшнаго грома послѣ молніи. Даже у Паисія, все время сидѣвшаго неподвижно, статуйно, ходенемъ заходила сѣдая голова подъ высокимъ клубукомъ.

— Чѣмъ Русь отъ соборной церкви отлучилась? — спросилъ онъ строго.

— Тѣмъ, — закричалъ подсудимый запальчиво, — что Паисій газскій перевелъ Питирима изъ одной митрополіи въ другую и на его мѣсто поставилъ другого митрополита и другихъ архіереевъ съ мѣста на мѣсто переводилъ же! А ему то дѣлать не довелось, понеже онъ отъ ерусалимскаго патріарха отлученъ и проклятъ... Да хотя бъ онъ и не еретикъ былъ, а ему на Москвѣ долго быть и не для чего: я его митрополитомъ не почитаю, у него и ставленной грамоты нѣтъ... Всякій мужикъ надѣнетъ на себя монатью — такъ онъ и митрополитъ! Я писалъ все объ немъ, а не о православныхъ христіанахъ.

Онъ самъ чувствовалъ, что слишкомъ далеко зашелъ—это былъ конь, закусившій удила... Онъ спохватился-было, хотѣлъ увильнуть, но было уже поздно: вырвавшіяся изъ устъ сильныя выраженія — обвиненіе въ еретичествѣ всей страны — нельзя было поймать и воротить назадъ: они потрясли весь соборъ и погубили неосторожнаго.

Послѣдовалъ всеобщій взрывъ негодованія. Москвичи точно забыли о присутствіи царя и патріарховъ; они одно помнили,—что всѣ они оскорблены и опозорены, что имъ, самому православному подъ солнцемъ народу, бросили въ глаза укоръ въ неправославіи, въ еретичествѣ, въ латынствѣ!.. Это ли не обиды?! Да за одинъ намекъ на похлѣбство и на потачку со стороны Лжедимитрія ляцкой вѣры, латынству—Москва сама себя вверхъ дномъ опрокинула, въ золу обратила этого Лжедимитрія и золою выстрѣлила на вѣтеръ, перетрясла потомъ, какъ запыленныя онучи, всю русскую землю—и изъ-за одного только слова „латынство"... А тутъ вся земля и церковь якобы облатынились! Да послѣ этого жить нельзя! Москву осрамили передъ всѣмъ свѣтомъ!..

Всѣ повскакали съ своихъ мѣстъ, замахали руками. Послышались крики:

— Онъ отчелъ всю Россею! всѣхъ насъ! Этого нельзя!

— Онъ назвалъ еретиками всѣхъ насъ, православные! Что жъ это будетъ?

— Указъ учинить! Али мы собаки латынскія!

Никонъ стоялъ, ошеломленный общимъ взрывомъ, и только оглядывался по сторонамъ. Царь молчалъ — онъ едва держался на ногахъ отъ усталости и волненія.

Съ трудомъ патріархамъ удалось утишить бурю; но дальнѣйшее чтеніе грамоты Никона—этого поличнаго—шло уже вяло. Всѣ утомились. Даже у привычнаго Алмаза Иванова пересохло въ горлѣ.

Наконецъ, грамота кончена. Алмазъ Ивановъ умолкъ и поклонился. Наступила тишина.

— Богъ тебя судитъ!—горько сказалъ Никонъ, обращаясь къ царю:—

я узналъ еще на избраніи своемъ, что ты будешь ко мнѣ добръ шесть лѣтъ, а потомъ буду я возненавидѣнъ и мученъ.

Слова эти передернули царя.

— Святые отцы! допросите его, какъ онъ узналъ это на избраніи своемъ?

Никонъ не отвѣчалъ, а только вздыхалъ, глядя на распятіе.

— Онъ же, Никонъ, сказывалъ, что видѣлъ метлу звѣздою, и отъ того будетъ московскому государству погибель; пусть скажетъ, отъ какого духа онъ то увѣдалъ?—заговорилъ одинъ архіерей.

— И въ прежнемъ законѣ такія знаменія бывали—на Москвѣ это и сбудется, — мрачно отвѣчалъ подсудимый: — Господь пророчествовалъ на горѣ Елеонской о разореніи Ерусалима за четыреста лѣтъ.

Паисій всталъ: онъ видѣлъ, что царь не въ силахъ больше стоять, и потому, благословивъ его, указалъ рукою на его мѣсто. Никону же показалъ знакомъ, чтобъ онъ уходилъ.

Поклонившись до земли и проговоривъ глухимъ упавшимъ голосомъ: „простите меня, православные!“ подсудимый вышелъ вслѣдъ за распятіемъ, глубоко поникнувъ головою.

XII.

Морозова у Аввакума.

Въ то утро, когда въ Москвѣ начался судъ надъ Никономъ, врагъ его, непримиримѣйшій изъ всѣхъ враговъ, Аввакумъ, сидѣлъ на охапкѣ соломы, брошенной на земляномъ полу въ углу арестантской келейки подмосковнаго монастыря Николы на Угрѣшѣ и, положивъ на правое колѣно измятый клочекъ синей бумаги, писалъ что-то деревянною палочкою, мокая въ стоявшій на полу глиняный черепочекъ.

И Аввакумъ многое пережилъ въ эти послѣдніе два года. Онъ сидѣлъ въ заточеніи то въ томъ, то въ другомъ монастырѣ, мужественно отгрызаясь отъ всѣхъ своихъ враговъ; вымучился полтора года въ тягчайшей ссылкѣ на Мезени, терпя холодъ, голодъ и побои, былъ разстриженъ и теперь привезенъ въ Москву тоже на судъ вселенскихъ патріарховъ.

Тюрьма, въ которой онъ теперь томился, представляла кубическую каменную коробку въ сажень длины и ширины, съ узенькимъ оконцемъ за желѣзною рѣшеткою съ острыми зубьями. Въ этой каменной коробкѣ ничего не было — ни стола, ни скамьи, ни кровати; вмѣсто всего этого въ уголъ брошена была охапка соломы, на которой и сидѣлъ расколоучитель. По сырымъ стѣнамъ виднѣлась позеленѣвшая плѣсень, мѣстами прохваченная морозомъ и заиндевѣвшая; оконце тоже промерзло такъ, что если бъ въ него солнце и заглянуло, то оно не въ силахъ было бы пробить своими лучами эту сплошную льдину, въ которую превратилось стекло. На одной изъ стѣнъ каменной коробки, въ переднемъ углу, виднѣлось подобіе большого осьмиконечнаго креста и грубое изображеніе руки съ двуперстнымъ

сложеніемъ: эти символы Аввакумъ выцарапалъ въ каменной стѣнѣ своими когтями, которые отросли у него, какъ у собаки.

Аввакумъ много, почти неузнаваемо, измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣли его у Морозовой, а потомъ у Ртищевыхъ вмѣстѣ съ Симеономъ Полоцкимъ. Сѣдые, длинные и курчавые волосы его были острижены, какъ у арестанта: это была уже не поповская, не иконная голова, а простая колодницкая. Но тѣмъ рельефнѣе теперь выступала ея угловатость и ширококостность; въ этой ширококостности темени и затылка и въ этой сдавленности и вогнутости лобной кости сказывалось желѣзное упрямство мономана, фанатически преданнаго мрачному, суровому идеалу непоколебимой выносливости. Онъ былъ одѣтъ въ дырявый нагольный тулупъ, изъ-подъ котораго виднѣлись ноги, обутыя въ лапти и пестрыя онучи, перевитыя мочалками. По временамъ онъ задумывался, клалъ палочку, замѣнявшую ему перо, на черепокъ и согрѣвалъ дыханіемъ закоченѣвшіе отъ мороза пальцы. Но это, повидимому, не помогало: по холодной тюрьмѣ распространялся только паръ отъ дыханія, но теплѣе не дѣлалось.

— Господи! дунь на руцѣ мои дыханіемъ Твоимъ! — страстно обращался онъ къ кресту, выцарапанному имъ на стѣнѣ.—Ты пещь огненную охладилъ нѣкогда въ Вавилонѣ дуновеніемъ Твоимъ: согрѣй нынѣ дыханіемъ Твоимъ божественнымъ персты моя, да прославлю имя Твое, многомилостиве!

И онъ снова нагибался и чертилъ палочкой по бумагѣ, разложенной на правомъ колѣнѣ. А потомъ началъ бормотать про себя вслухъ написанное:

„Анисьюшка! чадо мое духовное! азъ есмь изможделъ отъ грѣхъ моихъ и отъ холоду въ темницѣ моей и не могу о себѣ молитвы чисты съ благоговѣинствомъ приносити. Ей! не притворяяся говорю, чадо! Не молюся, а кричу ко Господу, скучу, что собачка-песикъ на морозѣ. Пальцы мои въ льдины обращаются, все развалилося во мнѣ, душа перемерзла моя, на сердцѣ снѣгъ, на устахъ иней. Поддержи мою дряхлость ты, младая отроковица, стягни плетью духовною душу мою, любезная моя! Утверди малодушіе мое, Богомъ избранная, вздохни и прослезися о мнѣ!“

Онъ помолчалъ и снова сталъ дышать въ застывшія ладони. По щекамъ его текли слезы...

— Дунь, Господи! согрѣй меня! Вить солнце и огнь пекельный въ Твоихъ рукахъ!—опять закричалъ онъ страстно, глядя на крестъ.

Потомъ опять нагнулся къ бумагѣ и сталъ читать:

„Слушай-ка, Анисья! о племени своемъ не больно пекись: комуждо и безъ тебя промышленникъ Богъ, и мнѣ, мерзкой псицѣ. Забудь, что ты боярышня, знатнаго роду; а умѣешь ли ты молоть муку? Мели рожь въ жерновахъ, да на сестеръ хлѣбы пеки или въ пекарни шти вари, да сестрамъ и больнымъ разноси. Да имѣй послушаніе къ матери Меланіи, не разсуждай о величествѣ сана своего, яко боярышня, богачка и сановница— отрицайся мысли сея и оплюй ее! Плюй на все, что не отъ Бога!“...

Онъ положилъ бумагу въ сторону, поднялся съ соломы и упалъ на колѣни.

— Вергни ко мнѣ солнце сюда. Тебѣ все возможно! Дуни лѣтомъ въ темницу мою!—молился онъ.

За окошкомъ тюрьмы послышался скрипъ саней, бубенчики и звяканье упряжи...

— Охъ! ужли это она?—вскочилъ онъ въ волненіи. — Она! ея чѣпи гремятъ...

Сани проѣхали на монастырскій дворъ. Аввакумъ всталъ и шагалъ изъ угла въ уголъ по своей каменной коробкѣ, то и дѣло поднимая глаза къ выцарапанному въ углу кресту.

Черезъ нѣсколько минутъ за дверью послышался шорохъ и скрипъ отмыкаемаго ржаваго замка. Аввакумъ лихорадочно прислушивался къ этимъ звукамъ и крестился. Скоро дверь завизжала на петляхъ и тяжело раскрылась.

— Входите, матушка-благодѣтельница,—послышался голосъ за дверью.

— Господи Исусе Христе Сыне Божій помилуй насъ! — зазвучалъ серебряный голосокъ, отъ котораго Аввакумъ вздрогнулъ.

— Аминь! аминь! трикраты аминь!—крикнулъ онъ восторженно.

Въ дверяхъ показалось бѣлое, зарумянившееся отъ мороза личико. Оно выглядывало изъ-подъ чернаго платка, которымъ повязана была голова, и казалось личикомъ молоденькой чернички. Боярыня Морозова—это была она—робко, со страхомъ и съ какимъ-то благоговѣніемъ переступила черезъ порогъ и, стремительно подвинувшись впередъ, съ тихимъ стономъ упала ницъ передъ Аввакумомъ и, всплеснувъ руками, припала лицомъ къ лаптямъ, прикрывавшимъ его ноги.

— Охъ, свѣтъ мой! охъ, батюшка! мученикъ Христовъ!—страстно лепетала она, обнимая онучи своего учителя.

А онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, силился приподнять ее, тоже бормоча безсвязно:

— Встань, подымись, мой свѣтикъ, дочушка моя! Дай взглянуть на тебя, благословить тебя, чадо мое богоданное! Самъ Богъ послалъ тебя... Вонъ я, смрадный песъ, молился Ему, Свѣту, вылъ до него: „вергни-де въ темницу мою солнце, дуни на мя, окоченѣлаго“—и онъ послалъ ко мнѣ солнушко теплое—тебя, свѣтикъ мой! Встань же, прогляни, солнушко Божье!—и, приподнявъ ее, онъ крестилъ ея лицо, глаза, голову, плечи, повторяя восторженно: буди благословенна буди благословенно лице твое, очи твои, глава твоя буди вся благословенна и преблагословенна!

— А она ловила его обѣ руки, цѣловала ихъ, цѣловала его плечи, овчину, которою онъ былъ прикрытъ, и страстно шептала:

— Батюшка, батюшка! святой, не чаяла я тебя видѣть! касатикъ мой!

За Морозовой, медленно, осторожно переступая черезъ порогъ, какъ бы ощупывая ногами землю и пытливо высматривая изъ-подъ чернаго клобука, надвинутаго до бровей, маленькими рысьими глазками, вошла въ келью старая монашенка съ большимъ узломъ на лѣвой рукѣ. Она, гремя чотками,

сдѣлала нѣсколько широкихъ крестовъ въ уголъ и, низко поклонившись Аввакуму, коснувшись двумя пальцами земли, протянула руку подъ благословеніе. Аввакумъ перекрестилъ ее, положилъ свою горсть на ея горсть, какъ бы вкладывая въ эту горсть нѣчто очень цѣнное, а монашенка поцѣловала его руку.

— Здравствуй, матушка Меланія! здравствуй, звѣзда незаходимая благочестія,—все также восторженно проговорилъ Аввакумъ.

Старица Меланія—эта „звѣзда незаходимая благочестія"—была дѣйствительно самымъ крупнымъ свѣтиломъ своего вѣка и своего общества: умная, энергическая, съ необыкновеннымъ запасомъ воли и самообладанія, неутомимая въ преслѣдованіи своихъ идеаловъ, но въ то же время осторожная, замкнутая въ себѣ, когда того требовали обстоятельства, сильная словомъ, когда она, такъ сказать, обнажала свой языкъ, острый, какъ бритва, и ядовитый, какъ зубы мѣдянки, смѣлая и рѣшительная, когда требовался натискъ, чтобы сломить препятствія, знавшая все, что дѣлалось въ Москвѣ, проникавшая всюду, какъ воздухъ, и, какъ воздухъ, неуловимая,—старица Меланія была всесильнымъ и невидимымъ центромъ „древляго благочестія": это былъ воевода въ юбкѣ, воевода невидимыхъ ратей, которыя, однако, держали въ рукахъ, хотя тайно, всю Москву и далекія окраины. Старица Меланія была сильнѣе Никона, которому у нея слѣдовало поучиться борьбѣ съ сильными противниками и умѣнью побѣждать и держать ихъ въ повиновеніи. Она была могущественнѣе самого Алексѣя Михайловича, который, сломивъ Никона, не могъ сломить стараго дерева—„древляго благочестія", главою котораго и игемономъ была матушка Меланія. Всѣ тайные приверженцы старины,— а такими почти поголовно были всѣ московскіе люди, начиная отъ стоявшихъ у престола и кончая стоявшими у корыта монастырской пекарни, всѣ московскія женщины, начиная отъ царицы Марьи Ильишны и ея ближнихъ боярынь и боярышень и кончая молоденькими черничками,—всѣ находились въ негласномъ „послушаніи" у матушки Меланіи, были ея слѣпыми орудіями, которыя „свою грѣшную волю въ конецъ отсѣкли, какъ червивый хвостъ у собаки". Строгая, фанатичная до изувѣрства, руководившая всѣми, помыкавшая даже такими личностями, какъ Аввакумъ, она, однако, не пошла бы съ ними проповѣдывать на площадь, а, какъ полководецъ, посылала ихъ въ огонь, на висѣлицы, на костры, а сама оставалась въ сторонѣ. И они же, эти безумцы, умирая въ страшныхъ мученіяхъ, благословляли матушку Меланію; они же просили палачей или кого-либо изъ присутствовавшихъ при истязаніи ихъ и при казни такъ или иначе довести до свѣдѣнія „матушки", что они умерли твердо, мученически, не поступившись ни однимъ перстомъ, ни одною „аллилуіею", ни священнымъ *азомъ*.

Матушка Меланія была уже очень стара; но живучесть и энергія свѣтились, какъ фосфоръ, въ ея рысьихъ глазкахъ, которые ни на кого прямо не смотрѣли, хотя видѣли каждаго насквозь, будучи, повидимому, обращены молитвенно горѣ или сокрушенно долу. Лба ея также никто не ви-

далъ за клобукомъ, а брови смотрѣли какимъ-то навѣсомъ надъ глазами, подъ которыми эти послѣдніе прятались отъ посторонняго взора, какъ воробьи подъ крышей отъ дождя.

Послѣ первыхъ привѣтствій Аввакумъ усадилъ своихъ гостей на соломѣ, а самъ опустился противъ нихъ на колѣни. Морозова съ ужасомъ и дрожью осматривала страшное помѣщеніе. Матушка же Меланія одобрительно оглядывала промерзшія стѣны, шепча какъ бы про себя: „радуюсь, радуюсь за Аввакумушку—экой благодати сподобился, счастливчикъ“.

— Ну, что у васъ городѣ слышно, миленькія?—спросилъ Аввакумъ.

— Патріархи вселенскіе пріѣхали; нонѣ Никона судятъ, — сказала Морозова.

— Греческіе волки пріѣхали нашего медвѣдя судить, — пояснила матушка Меланія.

— Добро! А какъ они сами, судьи-то, крестются?—спросилъ Аввакумъ.

— Щепотью, сама видѣла,—отвѣчала матушка Меланія.

— Еретики! звѣри пестрообразные!—Аввакумъ такъ и вскочилъ.

— А у царицы государыни сказывали, — робко начала Морозова, — что и тебя, свѣта, патріархи судить будутъ.

— Добро! Я ихъ научу креститься! — восторженно произнесъ фанатикъ, сверкая глазами.—Для того и съ Мезени меня привезли сюда—травить греческими собаками. Мало того, что бороду у меня отрѣзали и власы остригли, какъ у непотребной дѣвки... вонъ всего обворовали, что собаки—одинъ хохолъ оставили какъ у поляка на лбу... Да добро! мнѣ же на руку: меня возятъ по градамъ и селамъ, а я кричу вездѣ, обличаю ихъ, пестрообразныхъ звѣрей, а люди божіи слушаютъ меня да поучаются, да плачутъ... Еще не то будетъ, когда удавить меня повелятъ, либо сжечи тѣло мое похотятъ: крикну я тогда на весь свѣтъ и голосъ до трубы архангела не умолкнетъ. Я что! — земля, грязь; пущай ихъ тѣло мое жгутъ, жилы вытягиваютъ—больненько-таки, да за то вѣнецъ мученическій получу, а дѣткамъ своимъ православнымъ крикну: „смотрите-де, дѣтушки, вонъ съ какимъ крестомъ до Бога иду! и вы-де за мной, не лѣнитесь!“ Что-жъ они думаютъ меня морозомъ напужать—вонъ въ какую баньку посадили, мало не скостенѣлъ; а какъ взвылъ къ Батюшкѣ-Свѣту: „дунь на меня тепломъ, пошли солнышко“, — Онъ, Милосердый, и послалъ, да не одно, а два солнышка — это васъ-то миленькія мои... И тепло мнѣ стало, охъ, какъ тепло!

Фанатикъ дѣйствительно разгорѣлся внутреннимъ огнемъ и забылъ холодъ, отъ котораго онъ за нѣсколько минутъ передъ этимъ буквально костенѣлъ.

— А мы тебѣ, Аввакумушко, и въ самъ-дѣлѣ тепленькаго привезли,— сказала мать Меланія, указывая на узелъ: — государыня царица, да вотъ дочушка твоя духовная, Ѳедосѣюшка (она указала на Морозову), наготовили тебѣ приданнаго что невѣстѣ: и сапожки тепленьки, и чулочки, рукавички съ варежками изъ козья пуху, да и шубеечку лисью мяконьку.

— Спасибо матушкѣ царицѣ, добра она миленькая, добра, что ангелъ божій! Да и тебѣ исполать, дочушка моя!—кланялся онъ Морозовой.—А я на соборъ хочу вотъ такъ пойти, да и ко Господу въ свѣтлу горенку постучусь въ семъ же одѣяніи: онъ, Батюшка-Свѣтъ, и нищихъ принимаетъ.

Морозова благоговѣйно смотрѣла на него. Вліяніе этого человѣка окончательно преобразило ее: она стала вся самоотверженіе. Богатый домъ свой она обратила въ общественную богадѣльню: странники, нищіе, юродивые, больные не выходили изъ ея дому. Она ухаживала за больными и гнойными, сама своими нѣжными руками обмывала ихъ ужасныя язвы, сама кормила ихъ. Нѣжное, пухлое боярское тѣло она облекла власяницею, до того колючею, что тѣло ея горѣло и болѣло, какъ отъ огня.

— Нѣту, Аввакумушко, еще раненько тебѣ ко Господу идти,—замѣтила мать Меланія:—поживи еще съ дѣтками своими, поучи ихъ да порадуйся ими. Вонъ и Ѳедосѣюшка наша надѣла на себя брачныя одежды,—она взглянула на Морозову.

Молодая боярыня вспыхнула.

— Что ты говоришь, матушка?—удивленно спросилъ Аввакумъ.

— Говорю: Ѳедосѣюшка боярыня къ вѣнцу нарядилась,—повторила старуха.

Аввакумъ оглянулъ Морозову, которая сидѣла вся пунцовая, готовая расплакаться отъ стыда.

— Что ты, матушка!—защищалась она.—Къ чему это?

— Къ тому, что твой батюшка духовный все долженъ знать... Ѳедосѣюшка-боярыня власяницу надѣла,—обратилась старуха къ Аввакуму:—да думаетъ и ангельскій образъ пріяти.

Глаза Аввакума засвѣтились радостью.

— Слава тебѣ Господи, Создателю нашъ! — говорилъ онъ восторженно:—не одна Анисьюшка-боярышня на боярство свое наплевала, къ нищей братіи пристала и ангельскому чину пріобщилась.... Что боярство передъ ангелы! А вотъ и дочушка моя Ѳедосѣюшка туда-жъ возревновала, золотая моя! Иди, иди ко ангеламъ—благо ти будетъ въ томъ вѣцѣ... А я Анисьѣ тутъ многонько-таки настрочилъ: снеси ей, матушка, — пускай не забываетъ меня.

И Аввакумъ, доставъ изъ-подъ соломы исписанный листокъ, подалъ его матери Меланіи.

Дверь кельи неожиданно отворилась, и на порогѣ показалась рослая фигура мужчины въ собольей шубѣ и высокой шапкѣ. Открытое лицо съ русою бородою и сѣрыми глазами смотрѣло привѣтливо. При видѣ его и молодая боярыня, и старая черница встали съ своихъ соломенныхъ сидѣній.

— Здравствуй, Аввакумъ!—сказалъ вошедшій.—Здравствуй, матушка боярыня Ѳедосья Прокопьевна! Здравствуй, мать Меланья!

Всѣ отвѣчали поклонами на привѣтствіе пришедшаго, который былъ никто иной, какъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, входившій въ то время въ силу и извѣстный своимъ пристрастіемъ ко всему новому и иноземному.

— Я къ тебѣ отъ великаго государя,—обратился Матвѣевъ къ Аввакуму.—Великій государь указалъ сказать тебѣ, Аввакуму, что нонѣ у насъ на Москвѣ вселенскіе патріархи: святители-де прибыли къ намъ ради Никонова неистовства и установленія церкви — и ты бы-де, Аввакумъ, соединился съ святителями во всемъ.

— Не соединюсь я съ ними ни въ чемъ! — рѣзко отвѣчалъ фанатикъ: — ни въ перстномъ сложеніи, ни въ *азѣ*. Умру, а не соединюсь съ отступниками.

— Да какіе же они отступники? Въ чемъ и отъ кого отступились? — спросилъ Матвѣевъ.

— Ахъ, Артемонъ, Артемонъ! — по обыкновенію страстно заговорилъ фанатикъ.—Знаю я, тебѣ все равно, какъ ни молись: ты и въ костелъ пойдешь, и крыжъ ляцкой поцѣлуешь...

— Для чего его не поцѣловать? Не его цѣлую, а Христа.

— Добро! Тебѣ все едино: что святая библія, что твой „Василіологіонъ“, что евангеліе, что „Мусы“ эллинскія. Ишь напечаталъ на соблазнъ людямъ! А люди оттого гибнутъ: вонъ сколько ужъ замучили нашихъ-то! Али такъ ко Христу приводятъ, какъ вы приводите—кнутомъ да висѣлицей, да огнемъ! Чудно мнѣ! Какъ въ познаніе не хотятъ пріити: огнемъ, да кнутомъ, да висѣлицей вѣру утвердить хотятъ! Гдѣ это видано? Токмо у язычниковъ. А апостолы развѣ такъ учили? Мой Христосъ не приказалъ апостоламъ такъ учить, еже бы огнемъ, да кнутомъ, да висѣлицею въ вѣру приводить. Господь сказалъ ученикамъ: „шедше проповѣдите языкомъ—иже вѣру иметъ и крестится, спасенъ будетъ“. Видишь? Волею зоветъ Христосъ, а не приказалъ огнемъ жечь да на висѣлицѣ вѣшать. Чудно право! Ослѣпли что ли всѣ, что ничего не видятъ. Эки Діоклетіаны новые явились, словно мы въ Римѣ при Неронѣ живемъ, либо въ Персидѣ. Да что много говорить! Значитъ, такъ надо у Господа: аще бы не были борцы, не бы даны были вѣнцы. Ну, давайте намъ вѣнцы, вѣнчайте насъ. Кому охота вѣнчаться мученическимъ вѣнцомъ, не почто ходить далеко, въ Персиду либо въ Римъ къ Неронамъ да Діоклетіанамъ: у насъ и дома, на Срѣтенкѣ, свой Римъ, свой Вавилонъ. А! нутко, правовѣрне! стань на Красной площади, либо въ Кремлѣ, нарцы имя Христово, подыми руку да перекрестися знаменіемъ Спасителя нашего двумя персты, яко же пріяхомъ отъ святыхъ отецъ—вотъ тебѣ и мученическій вѣнецъ, царство небесное дома родилось — не почто за нимъ ходить въ Персиду къ Діоклетіану мучителю. Ишь умники! ученые-ста! Христу палачей въ ученики дали, да приставовъ немилостивыхъ, да стрѣльцовъ: учите-де кнутомъ да тюрьмой! Эхъ, не глядѣлъ бы! Такъ ужъ вы и евангеліе перемѣните, благо крестъ перемѣнили: „иже-де вѣру имать и крестится щепотью—спасенъ будетъ, а не крестится никоніанскою щепотью—ино того засѣку, повѣшу, изжарю“... Такъ бы слѣдовало Христу сказать. Эхъ!.. А я вотъ неученъ человѣкъ, гораздо несмысленъ, да то знаю, что все, что церкви отъ святыхъ отецъ

предано есть, свято есть и неприкосновенно: не тронь и *аза*, а тронешь *азъ*, за нимъ и все трогать станутъ: на то люди—люди. И вотъ я, яко же пріяхъ, держу до смерти и *азъ* удержу, хоть меня повѣсьте. До насъ оно положено, такъ и лежи оно такъ вѣчно, во вѣки вѣкомъ! А то на—переучивать кнутомъ стали—эки апостолы! А люди погибаютъ, а кровь неповинная льется, а церкви пустуютъ, христіяне прячутся по вертепомъ, да по пропастемъ земнымъ, какъ въ оно время, при мучителяхъ римскихъ... Эко времячко, Господи Боже!

Аввакумъ даже всплеснулъ руками. Морозова стояла блѣдная, не спуская глазъ съ своего учителя и съ ужасомъ иногда взглядывая на Матвѣева. Мать Меланія, съ потупленными глазами и съ наклоненною головою, казалось, застыла отъ страху. И Матвѣевъ стоялъ изумленный, будучи не въ силахъ остановить страстной рѣчи фанатика.

— Такъ что жъ мнѣ доложить великому государю?—удалось ему, наконецъ, вставить свое слово.—Соединишься съ вселенскими патріархами?

— Не соединюсь во вѣки!—отвѣчалъ изувѣръ.—Доложи великому государю, что мы сами за него, батюшку, умолимъ Господа, и за него, свѣта, и за царицу, и за его царство. А имъ, грекамъ, какое до насъ и до него дѣло? Своего царя проторговали туркамъ и нашего проглотить сюды приволоклися! Такъ и доложи великому государю: я, протопопъ Аввакумъ, не сведу съ высоты небесныя рукъ, дондеже Богъ не отдастъ намъ нашего царя, благочестивѣйшаго и тишайшаго Алексѣя Михайловича всея Русіи.

— Напрасно упрямствуешь,—сказалъ Матвѣевъ.

Аввакумъ вспылилъ.

— Упрямствую и буду упрямствовать! Слышишь, я хочу вѣнца! я соскучился объ вѣнцѣ! Вотъ уже сколько лѣтъ ищу его, а вы мнѣ не даете. Дайте скорѣй! Рубите голову, надѣвайте на нее вѣнецъ нетлѣнный, а грѣховное и мерзкое туловище долой! Будетъ—потаскалъ я его: хочу одинъ вѣнецъ носить безъ туловища... А вы оставайтесь съ туловищами да въ шапкахъ изъ звѣриной шкуры... Такъ и доложи—ни слова не выкидай, ни аза!

Матвѣевъ безнадежно махнулъ рукой и вышелъ, бормоча:

— Пустосвяты!

XIII.

„Глаза ангела“.

Черезъ день было второе засѣданіе вселенскаго собора.

Никонъ вошелъ въ столовую избу медленно, едва передвигая ноги и тяжело опираясь на посохъ. Онъ казался угнетеннымъ, подавленнымъ. За день голова его посеребрилась еще болѣе, и ему, видимо, тяжело было держать ее на плечахъ.

Когда онъ кланялся царю и патріархамъ, то съ трудомъ поднимался отъ полу.

Царь снова всталъ съ своего мѣста и остановился противъ патріарховъ. Онъ былъ блѣденъ.

— Святая и пречестная двоице! вселенстіи патріарси!—началъ онъ дрожащимъ голосомъ.—Бранясь съ митрополитомъ газскимъ, писалъ Никонъ въ грамотѣ къ константинопольскому патріарху, якобы все православное христіанство отъ восточной церкви отложилось къ западному костелу,—и то онъ писалъ ложно: святая соборная восточная церковь имѣетъ Спасителя нашего Бога многоцѣлебную ризу и многихъ святыхъ московскихъ чудотворцевъ мощи, и никакого отлученія не бывало: держимъ и вѣруемъ по преданію святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ истинно.

Онъ остановился и оглянулъ весь соборъ. Затѣмъ, возвыся голосъ, съ особенною силою выкрикнулъ:

— Бьемъ челомъ, чтобъ патріархи отъ такого поношенія православныхъ христіанъ очистили!

И царь поклонился до земли. Буря пронеслась по собору, застонала столовая изба. Всѣ упали ницъ со стономъ: „смилуйтесь! очистите, святѣйшіе патріархи! снимите позоръ со своей россійской православной земли!“

Сотни головъ лежали на землѣ и молились, какъ въ церкви, громко, со стономъ, съ крикомъ. Это была потрясающая картина—и Никонъ не выдержалъ, зашатался: это все стонало противъ него, искало его погибели.

И въ этотъ самый моментъ капризная память его словно волшебствомъ нарисовала передъ нимъ другую картину. На полу, при слабомъ освѣщеніи лампады, бьется молодая женщина, хватая и цѣлуя его ноги. Она умоляетъ его остаться съ нею, не бросать ея, не уходить въ невѣдомый путь, гдѣ ждетъ его невѣдомая доля. А онъ не внимаетъ мольбамъ и рыданіямъ женщины: его манитъ этотъ невѣдомый путь, эта невѣдомая доля—и онъ уходитъ, оставивъ на полу плачущую женщину. Это была его жена... Теперь онъ извѣдалъ эту невѣдомую долю: высоко, охъ, какъ высоко она поставила его и вонъ до чего довела... А не лучше ли бы было въ той, прежней, скромной долѣ?.. Да ужъ теперь не воротить ея: между тою долею и этою стоятъ тридцать лѣтъ и три года...

— Это дѣло великое,—громко произнесъ чей-то голосъ, и Никонъ очнулся: это говорилъ Макарій, патріархъ антіохійскій.—Это дѣло великое; за него надобно стоять крѣпко. Когда Никонъ всѣхъ православныхъ христіанъ еретиками назвалъ, то онъ и насъ также назвалъ еретиками, будто мы пришли еретиковъ разсуждать... А мы въ московскомъ государствѣ видимъ православныхъ христіанъ. Мы станемъ за это Никона патріарха судить и православныхъ христіанъ оборонять по правиламъ.

Алексѣй Михайловичъ взглянулъ на дьяка Алмаза, и тотъ на цыпочкахъ преподнесъ царю какія-то бумаги.

— Вотъ три письма,—сказалъ царь:—въ нихъ Никонъ самъ отрекся отъ патріаршества, называетъ себя *бывшимъ* патріархомъ.

Патріархи взяли письма. Никонъ молчалъ, не поднимая головы.

— Въ законахъ написано,—громко произнесъ Макарій:—кто уличится во лжи трижды, тому впредь вѣрить ни въ чемъ не должно. Никонъ патріархъ объявился во многихъ лжахъ, и ему ни въ чемъ вѣрить не подобаетъ. Кто кого оклеветалъ, подвергается той же казни, какая присуждена обвиненному имъ неправедно. Кто на кого возведетъ еретичество и не докажетъ, тотъ достоинъ—священникъ низверженія, а мірской человѣкъ проклятія.

А Никонъ все молчалъ. Передъ нимъ все валялась отвергнутая имъ женщина, ломая руки: „Микитушка! лучше ли тебѣ будетъ тамъ, безъ меня? Найдешь ли ты тамъ свое счастье и спасенье?"—„Охъ, нашелъ... нашелъ больше чѣмъ искалъ, нашелъ цѣлое царство... и потерялъ его, а теперь не найду и того, что было тогда, давно"...

Царь тихо подошелъ къ Макарію антіохійскому и подалъ развернутый листъ и другой—переводъ его на греческій языкъ.

— Письмо Никона о поставленіи новаго патріарха на его мѣсто,— сказалъ онъ, кланяясь.

Макарій взглянулъ на листъ—онъ раньше читалъ его и хорошо помнилъ—и передалъ Паисію александрійскому. Тотъ взялъ, поднялъ свои мертвыя, синеватыя вѣки на листъ, потомъ на Никона и снова опустилъ глаза.

Никонъ стоялъ попрежнему безмолвно, ни на кого не глядя, и тихо качалъ головой, какъ бы отрицая все, что вокругъ него происходило, или какъ бы созерцая никому невидимые образы.

— Когда Теймуразъ царевичъ былъ у царскаго стола,—снова началъ неугомонный Макарій,—то Никонъ прислалъ человѣка своего, чтобъ смуту учинить. А въ законахъ написано: „а кто между царемъ учинитъ смуту, и тотъ достоинъ смерти".

— Смерти, глухо раздалось по собору.

А Никонъ все качалъ головою, какъ бы ничего не слыша; да онъ и не слышалъ: онъ былъ не здѣсь—его смущенная мысль бродила въ прошломъ, среди дорогихъ видѣній молодости.

— А кто Никонова человѣка ударилъ, и того Богъ проститъ, потому что подобаетъ такъ быть.

Это все говорилъ Макарій. При послѣднихъ словахъ онъ повелъ своими восточными, молочно-синеватыми бѣлками по собору и остановилъ ихъ на полномъ лицѣ Хитрово. Хитрово вспыхнулъ. Макарій всталъ и осѣнилъ его крестомъ, а потомъ снова перенесъ свои бѣлки на царя, стоявшаго рядомъ съ Никононъ въ положеніи подсудимаго.

— Архіепископа сербскаго Гавріила били Никоновы крестьяне въ селѣ Пушкинѣ, и Никонъ обороны не далъ,—продолжалъ свое обвиненіе Макарій.—Да онъ же, Никонъ, въ соборной церкви, въ алтарѣ, во время литургіи, съ нѣкотораго архіерея снялъ шапку и бранилъ всячески за то, что не такъ кадило держалъ. Да онъ же, Никонъ, на ердань ходилъ въ

навечеріи Богоявленія, а не въ самый праздникъ — и то ему, Никону, вина!

Никонъ не слушалъ падавшихъ на его голову обвиненій. Онъ прислушивался къ чему то другому... „Микитушка!.. охъ!.. суженый мой, не покидай меня, младешеньку, горькою вдовицей... Микитушка! вспомни, какъ спознались мы съ тобой, вспомни совыканье наше, какъ ты рѣзвы ноженьки мои цѣловалъ... не покидай меня, соколъ ясный — у насъ еще будутъ дѣтушки“... И бѣлокурая голова колотится объ полъ, хрустятъ тонкіе пальцы на ломаемыхъ рукахъ... „Будутъ дѣти“... А ему мало этихъ дѣтей, ему нужны милліоны дѣтей — и бояръ, и князей, и царей — чтобы всѣ были его дѣтьми... И они были... всею Русью верховодилъ онъ... И вдругъ сорвалось.

Онъ зашатался и упалъ бы, если бъ не поддержалъ его оторопѣвшій царь вмѣстѣ съ крестоносителемъ.

— Охъ, Господи! помилуй насъ!

— Божій судъ... Господь дунулъ на него гнѣвомъ своимъ, — пронесся ропотъ по собору.

Блѣднаго, шатающагося Никона вывели... Соборъ былъ прерванъ.

По Москвѣ пошли зловѣщіе слухи. Говорили, что во время собора, въ трескучій морозный день, слышенъ былъ громъ съ небеси и земля зашаталась. Бояре видѣли, какъ Господь Богъ дунулъ на Никона, и Никонъ упалъ замертво. Разгнѣванный Господь продолжалъ дуть на Москву, и оттого сталъ такой морозъ, какого не бывало, какъ и Русь стоитъ: птицы не могли летать по аеру, падали и замерзали; съ колокольни Ивана Великаго метлами сметали замерзшихъ воробьевъ, голубей и галокъ; изъ лѣсу въ Москву забѣгали волки и забирались отъ морозу въ сѣни, въ дома, въ церковныя сторожки. На небѣ стояло три багровыхъ солнца и ни одно не грѣло отъ холоднаго дуновенія божія — задулъ Господь теплоту ихъ. Москва-рѣка треснула поперекъ и въ трещину изъ-подо льда выплывала мертвая, убитая морозомъ рыба. Когда люди выходили изъ Успенскаго собора, то видѣли, какъ на паперти стоялъ босикомъ юродивый и плакалъ, и слезы тотчасъ же замерзали и падали на помостъ, стуча какъ горохъ либо крупный жемчугъ. Все это не къ добру, все это за грѣхи... Стрѣлецкому сотнику, что съ прочими стрѣльцами поставленъ былъ у Никольскихъ воротъ къ помѣщенію Никона, упалъ на шапку мертвый бѣлый волохатый голубь... Говорили, что и Никонъ, послѣ того какъ на него божьимъ гнѣвомъ дунуло, лежитъ при смерти—безъ языка...

Но слухи были невѣрны, какъ въ томъ скоро и убѣдились бояре и архіереи: не отнялся еще языкъ у Никона, не задуло гнѣвомъ божіимъ его мощнаго духа: онъ прислалъ къ царю сказать, что готовъ вновь стать съ нимъ рядомъ на судъ не только патріарховъ, но и самого Всемогущаго Бога, у котораго въ рукахъ тысящи лѣтъ яко день единъ, а престолы и царства—яко прахъ и паутина.

Царь опять созвалъ соборъ. По собору мгновенно прошелъ гулъ и

ропотъ: бояре и архіереи шопотомъ передавали другъ другу, что „чадушко" то еще „неистовѣе" сталъ: такъ и рветъ, и мечетъ.

Дѣйствительно, патріархъ явился на соборъ еще болѣе заряженнымъ.— „Такъ отъ него и пышетъ полымя", разсказывали стрѣльцы, стоявшіе у него у воротъ на караулѣ. Проходя мимо стрѣлецкаго сотника, того, что былъ уже напуганъ паденіемъ на шапку мертваго голубя, онъ такъ на него глянулъ, что сотникъ, и безъ того ожидавшій худа, задрожалъ и упалъ ницъ передъ крестомъ, головою на мерзлую землю, а стрѣльцы со страху шептали — кто: „святъ-святъ", а кто: „чуръ - чуръ меня!.. сгинь, исчезни!"

И царь, видимо, съ тревогою ожидалъ послѣдняго отчаяннаго боя. Онъ обводилъ смущеннымъ взоромъ то правыя, то лѣвыя скамьи собранія, то останавливалъ его на патріархахъ, и особенно на Паисіи: „Мертвецъ мертвецомъ", думали, казалось, выразительные глаза царя: — „мощи сущія, — а судія вселенной". Когда по звяканью на дворѣ прикладовъ стрѣлецкихъ ружей и сабель можно было догадаться, что ведутъ Никона, царь тревожно обратился къ патріархамъ.

— Никонъ пріѣхалъ въ Москву,—торопливо заговорилъ онъ, — и на меня налагаетъ судьбы божіи за то, что соборъ приговорилъ и велѣлъ ему въ Москву пріѣхать не съ большими людьми. Когда онъ ѣхалъ въ Москву, то по моему указу у него взятъ малый, Ивашка Шушера, за то, что онъ въ девятилѣтнее время къ Никону носилъ всякія вѣсти и чинилъ многую ссору. Никонъ за этого малаго меня поноситъ и безчеститъ, говоритъ: „царь-де и меня мучитъ, велѣлъ-де и отнять малаго изъ-подъ креста..." Если Никонъ на соборѣ станетъ объ этомъ говорить, то вы, святѣйшіе патріархи, вѣдайте; да и про то вѣдайте, что Никонъ передъ поѣздкою нынѣ въ Москву исповѣдовался, пріобщался и масломъ освящался.

„Патріархи подивились гораздо", — говоритъ объ этомъ Алмазъ Ивановъ, который велъ протоколъ соборный; но въ этотъ моментъ за дверью послышался шумъ и гнѣвный голосъ Никона.

— А ты крестъ-отъ неси высоко, чинно, истово! Это тебѣ не лопата! кричалъ онъ на ставрофора, которымъ былъ не любимецъ его Иванушка Шушера, сидѣвшій подъ карауломъ, за приставы, а новый, приставленный царскими слугами соглядатай.—На немъ Христа распяли, и меня ищутъ распяти!

Многіе вздрогнули отъ этого голоса... „Неистовъ, буенъ, аки мескъ", шептались на скамьяхъ.

Никонъ вступилъ въ столовую избу шумно, высоко поднявъ голову и шибко стуча посохомъ, словно старшина на сходкѣ передъ заартачившимися мужиками. Онъ не глянулъ, а сыпанулъ искрами по собору, не поклонился, а метнулъ поклоны, не крякнулъ, а рыкнулъ, встряхнувъ гривой по львиному. Всѣ ждали бури.

Паисій медленно приподнялъ свои мертвыя вѣки, и губы его зажевали беззвучно. Макарій повелъ по собору огромными бѣлками, какъ-бы успокоивая робкихъ.

— Никонъ!—послышался тихій, дрожащій голосъ Паисія:—ты отрекся отъ патріарша престола съ клятвою и ушелъ безъ законной причины.

Голова и руки говорившаго дрожали. Никонъ посмотрѣлъ на него, какъ смотрятъ на маленькаго ребенка.

— Я не отрекался съ клятвою,—сказалъ онъ отрывисто:—я засвидѣтельствовался небомъ и землею и ушелъ отъ государева гнѣва... И теперь иду куда великій государь изволитъ: благое по нуждѣ не бываетъ.

— Многіе слышали, какъ ты отрекся отъ патріаршества съ клятвою,—настаивалъ Паисій, между тѣмъ какъ Макарій молчалъ, уставившись своими большими глазами на подсудимаго.

— Это на меня затѣяли,—отрицалъ подсудимый.—А коли я негоденъ, то куда царское величество изволитъ, туда и пойду.

— Кто тебѣ велѣлъ писаться патріархомъ Новаго Іерусалима?—ввязался Макарій.

— Не писывалъ и не говаривалъ! — обрѣзалъ Никонъ, метнувъ въ полоборотъ глазами на вопрошавшаго.

Сидѣвшій недалеко одинъ архіерей заторопился, покраснѣлъ и зашуршалъ бумагой, вынимая ее изъ-подъ мантіи.

— Вотъ тутъ написано... твоя рука,—робко заговорилъ архіерей, поднося Никону бумагу.

— Моя рука... развѣ описался, — нѣсколько смущенно отвѣчалъ послѣдній.

Но тутъ же, чувствуя себя какъ бы пойманнымъ нѣсколько, уличеннымъ, онъ заупрямился еще болѣе, и, стукнувъ посохомъ, полуоборотился къ царю.

— Слышалъ я отъ грековъ, что на александрійскомъ и антіохійскомъ престолахъ иные патріархи сидятъ,—сказалъ онъ раздраженно:—чтобъ государь приказалъ свидѣтельствовать—пусть патріархи положатъ евангеліе.

Восточные глаза Макарія метнули искры, и, онъ выпрямился на мѣстѣ.

— Мы патріархи истинные, не изверженные, и не отрекались отъ престоловъ своихъ!—сказалъ онъ рѣзко. — Развѣ турки безъ насъ что сдѣлали... Но если кто дерзнулъ на наши престолы беззаконно, по принужденію султана, тотъ не патріархъ—прелюбодѣй! А святому евангелію быть не для чего: архіерею не подобаетъ евангеліемъ клятися.

И Никонъ вспылилъ, подзадоренный словами Макарія и въ особенности его невыносимыми глазами.

— Отъ сего часа свидѣтельствуюсь Богомъ, что не буду передъ патріархами говорить, пока константинопольскій и іерусалимскій сюда не будутъ!—закричалъ онъ, отступая назадъ.

— Какъ ты не боишься суда Божія? — невольно воскликнулъ тотъ архіерей, что сейчасъ уличилъ его подписью—это былъ Илларіонъ рязанскій.—И вселенскихъ-то патріарховъ безчестишь!

Заволновался и весь соборъ. Лица казались возбужденнѣе, гнѣвные

взгляды и возгласы учащались. Поднялся Макарій и окинулъ весь соборъ блестящимъ взоромъ.

— Скажите правду про отрицаніе Никоново съ клятвою! — воскликнулъ онъ.

— Никонъ клялся—говорилъ: „коли-де буду патріархъ, то анаѳема-де буду!“ Клялся истинно!—закричало нѣсколько голосовъ.

Но упрямецъ все-еще не корился: онъ, повидимому, вызывалъ всѣхъ на бой.

— Я назадъ не поворачиваюсь и не говорю, что мнѣ быть на престолѣ патріаршескомъ,—настаивалъ онъ:—а кто по мнѣ будетъ патріархъ, тотъ будетъ анаѳема! Такъ я и писалъ къ государю, что безъ моего совѣта не поставлять другого патріарха. Я теперь о престолѣ ничего не говорю: какъ изволитъ великій государь и вселенскіе патріархи.

А великій государь все стоялъ неподвижно. Лицо его поминутно то вспыхивало, то блѣднѣло, отражая на себѣ и въ глазахъ всѣ перипетіи борьбы, которая велась на его глазахъ и въ которой принимало участіе все его существо, вся душа, взволнованная и потрясенная. Онъ чувствовалъ, что бой на исходѣ, но тѣмъ больше сжималось его сердце, въ предчувствіи, что послѣдуетъ что-то недоброе, слишкомъ тягостное... Но надо стоять до конца на этой угнетающей душу вселенской литургіи, на которой отпѣвалась его сокрушенная обстоятельствами горькая дружба съ его нѣкогда „собиннымъ“ другомъ.

Да, исходъ борьбы... Патріархи велятъ читать правила помѣстныхъ соборовъ.

„Кто покинетъ престолъ волею, безъ навѣтовъ“, возглашалъ Илларіонъ рязанскій,—„тому впредь не быть на престолѣ“.

— Эти правила не апостольскія!—прерываетъ его Никонъ,—онъ неутомимъ въ борьбѣ: — эти правила и не вселенскихъ соборовъ и не помѣстныхъ; я этихъ правилъ не принимаю и не внимаю!

— Эти правила приняла церковь,—возражаютъ ему.

— Ихъ въ россійской корчмей нѣтъ!—кричитъ Никонъ.—А греческія правила не прямыя, ихъ патріархи отъ себя написали, а печатали ихъ еретики... А я не отрекался отъ престола: это на меня затѣяли!

— Наши греческія правила прямыя!—не выдержали оба патріарха.

— Когда онъ отрекался съ клятвою отъ патріарша престола, то мы его молили, чтобъ не покидалъ престола,—вмѣшался еще одинъ архіерей, тверской: — но онъ говорилъ, что разъ отрекся и больше не будетъ патріархомъ, а коли-де ворочусь, то буду анаѳема.

— Неправда! затѣя!

— Никонъ говорилъ, что обѣщалъ быть на патріаршествѣ только три года,—возвысилъ голосъ Родіонъ Стрѣшневъ, вставая и встряхивая молодецки русыми кудрями.

— Затѣя! ложь!

— Не затѣя!

— Затѣя!.. Я не возвращаюся на престолъ... Воленъ великій государь.

— Никонъ писалъ великому государю, что ему не подобаетъ возвратиться на престолъ, яко псу на своя блевотины! — долбанулъ тщедушный дьякъ Алмазъ своимъ здоровымъ голосомъ, подымаясь надъ кипами бумагъ и харатейныхъ свитковъ.

— Затѣю говоритъ дьякъ!—огрызнулся подсудимый въ сторону Алмаза Иванова.—Не токма меня, и Златоуста изгнали неправедно!

— Эко-ста Златоустъ!—послышалось среди бояръ. — Не Златоустъ, а буеустъ!

Никона это окончательно взорвало. Онъ, казалось, позеленѣлъ.

— Ты, царское величество,—грубо обратился онъ влѣво:—ты девять лѣтъ вразумлялъ и училъ предстоящихъ тебѣ въ семъ сонмищѣ, а они все-таки не умѣютъ ничего сказать. Вели имъ лучше бросить на меня камни — это они сумѣютъ! А учить ихъ будешь хоть еще девять лѣтъ—ничего отъ нихъ не добьешься!.. Когда на Москвѣ учинился бунтъ, то и ты, царское величество, самъ неправду свидѣтельствовалъ, а я, испугавшись, пошелъ отъ твоего гнѣва.

Эти рѣчи и тишайшаго взорвали. Онъ вспыхнулъ.

— Непристойныя рѣчи, безчестя меня, говоришь! На меня бунтомъ никто не прихаживалъ, а что приходили земскіе люди, и то не на меня: приходили бить челомъ мнѣ объ обидахъ.

Голосъ царя сорвался. Соборъ превратился въ бурю, когда Алексѣй Михайловичъ, тяжело дыша, какъ бы просилъ защиты у собора. Со всѣхъ сторонъ заревѣли голоса и застучали посохи.

— Какъ ты не боишься Бога! Непристойныя рѣчи говоришь и великаго государя безчестишь!

— Въ срубъ его, злодѣя!

— Медвѣжиной обшить его, да псами затравить!

— Вотъ я его, долгогриваго!

Макарій повелъ по взволнованному собранію своими огромными бѣлками, и крики смолкли.

— Для чего ты клобукъ черный съ херувимами носишь и двѣ панагіи?—спросилъ онъ подсудимаго.

— Ношу черный клобукъ по примѣру греческихъ патріарховъ... Херувимовъ ношу по примѣру московскихъ патріарховъ, которые носили ихъ на бѣломъ клобукѣ... Съ одною панагіею съ патріаршества сшелъ, а другая—крестъ—въ помощь себѣ ношу.

Онъ говорилъ задыхаясь. Онъ чувствовалъ, что для него все кончается, почва уходитъ изъ-подъ ногъ и потолокъ, и небо рушатся на него. Архіереи что-то разомъ говорили, но онъ ихъ не слушалъ, а махалъ головою, какъ бы отмахиваясь отъ мухъ.

— Знаешь ли ты, что александрійскій патріархъ есть судія вселенной?—снова обратился къ нему Макарій.

— Тамъ себѣ и суди!—съ досадою, небрежно отвѣчалъ подсудимый;

ему, повидимому, все надоѣло, онъ усталъ, скорѣй бы лишь все кончилось...—Въ Александріи и Антіохіи нынѣ нѣтъ патріарховъ: александрійскій живетъ въ Египтѣ, антіохійскій въ Дамаскѣ.

— А когда благословили вселенскіе патріархи Іова митрополита московскаго на патріаршество, въ то время гдѣ они жили?

— Я въ то время не великъ былъ,—неохотно отвѣчалъ подсудимый.

— Слушай правила святыя.

— Греческія правила непрямыя: печатали ихъ еретики!

— Хотя я и судія вселенной, но буду судить по Номоканону... Подайте Номоканонъ!—неожиданно сказалъ Паисій, но такъ громко, что всѣ посмотрѣли на него съ удивленіемъ.

Макарій взялъ со стола книгу и высоко поднялъ ее надъ головою какъ въ церкви.

— Вотъ греческій Номоканонъ.

Потомъ, поцѣловавъ ее, передалъ Паисію, который также поцѣловалъ ее и обратился къ собору съ вопросомъ:

— Принимаете ли вы эту книгу яко праведную и нелестную?

— Принимаемъ! принимаемъ!—раздались голоса.

— Приложи руку, что нашъ Номоканонъ еретическій, и скажи именно, какія въ немъ ереси?—настаивалъ Макарій.

— Не хочу!

— Подайте россійскій Номоканонъ!—продолжалъ Макарій своимъ сильнымъ, звучнымъ голосомъ.

Алмазъ Ивановъ, торопливо шагая, принесъ требуемую книгу.

— Онъ неисправно изданъ при патріархѣ Іосифѣ!—огрызнулся Никонъ, жестомъ отстраняя книгу.

— Скажи, сколько епископовъ судятъ епископа и сколько патріарха?—добивалъ его Макарій.

— Епископа судятъ дванадесятъ епископовъ, а патріарха вся вселенная!

— Ты одинъ Павла епископа извергъ не по правиламъ.

Тутъ вступился царь, желая скорѣе кончить этотъ томительный споръ.

— Вѣришь ли ты всѣмъ вселенскимъ патріархамъ?—спросилъ онъ кротко.—Они подписались своими руками, что антіохійскій и александрійскій пришли по ихъ согласію въ Москву.

Никонъ сурово посмотрѣлъ на бумагу поданную ему царемъ, заглянулъ на подписи.

— Рукъ ихъ не знаю,—пробурчалъ онъ.

— Истинныя то руки патріаршескія!—окатилъ его Макарій своимъ поглядомъ, котораго Никонъ не могъ выносить.

— Широкъ ты здѣсь!—зарычалъ онъ:—какъ-то ты отвѣтъ дашь предъ константинопольскимъ патріархомъ! Широкъ-ста!

Опять сорвались голоса со всѣхъ сторонъ· „Какъ ты Бога не боишься!.. великаго государя безчестишь и вселенскихъ патріарховъ и всю истину во лжу ставишь!.. Повѣсить тебя мало!"...

Развязка близилась.

— Возмите отъ него крестъ!—обратился Макарій къ архіереямъ.

Никонъ бросился-было за крестомъ, который всегда передъ нимъ носили, схватилъ за руку ставрофора; но въ это время порывисто встало нѣсколько бояръ съ видомъ угрозы, и крестъ очутился въ рукахъ Иларіона рязанскаго. У Никона опустились руки. Снова выступилъ Макарій.

— Писано бо есть: „по нуждѣ и діаволъ исповѣдуетъ истину,“ а Никонъ истины не исповѣдуетъ.

— Аминь! аминь!—послышалось въ рядахъ.

Никонъ стоялъ, опустивъ голову. Голова эта тряслась. Для него все кончилось.

— Чего достоинъ Никонъ?—раздался среди наставшей тишины голосъ Паисія.

— Да будетъ отлученъ и лишенъ священнодѣйствія,—отвѣчали въ одинъ голосъ греческіе архіереи.

— Чего достоинъ Никонъ?—повторили вопросъ русскимъ архіереямъ.

— Да будетъ отлученъ и лишенъ священнодѣйствія,—отвѣчали и русскіе.

Встали оба патріарха. Всталъ и весь соборъ. Настала тишина—слышно было только, какъ за окнами ворковали голуби. Потухшіе глаза Паисія блеснули и упали на Никона.

— Отселѣ, Никонъ, не будеши патріархъ, и священная да не дѣйствуеши, но будеши яко простой монахъ, — возгласилъ онъ громко, отчетливо.

— Аминь!—загудѣло по собору.

Черезъ нѣсколько минутъ Никонъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ монаховъ Воскресенскаго монастыря, проходилъ соборной площадью, направляясь къ Архангельскому подворью. Сзади шелъ взводъ стрѣльцовъ. На отлученномъ патріархѣ все-еще было патріаршее одѣяніе, но впереди уже не было ставрофора съ крестомъ. Никонъ ступалъ медленно, тяжело опираясь на посохъ и опустивъ голову. Казалось, что въ нѣсколько часовъ онъ одряхлѣлъ и осунулся. Голова продолжала трястись: въ этой трясучей головѣ, казалось, постоянно гвоздила мозгъ неотвязчивая, какъ муха, мысль—„нѣтъ, нѣтъ, не патріархъ!“

Толпившійся на площади народъ сталъ было подходить къ нему подъ благословеніе; но Никоновы монахи знаками показывали, чтобы не подходили, а самъ онъ подтверждалъ то же страшною головою, которая продолжала, казалось, говорить: „нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ“!..

Въ ближайшей группѣ послышался слабый стонъ: то плакала какая-то женщина. Никонъ взглянулъ въ ту сторону и его глаза встрѣтились съ плачущими глазами женщины. Глаза эти, большіе и сѣрые, съ поволокой

отъ слезъ, отѣненные монашескимъ клобукомъ, смотрѣли на Никона съ молитвенной любовью и благоговѣніемъ, смотрѣли съ такой нѣжностью и скорбью, что Никонъ затрепеталъ: склонный вѣрить въ чудесное и непостижимое, посѣщенный неоднократно въ соніяхъ, какъ ему вѣрилось, видѣніями и знаменіями, онъ принялъ и эти глаза за видѣніе... Это были глаза ангела, представшаго ему въ образѣ своего же чина—ангельскаго, мнишескаго, и посланнаго ему милосерднымъ небомъ въ подкрѣпленіе и утѣшеніе. Но гдѣ онъ прежде видѣлъ эти глаза? А онъ ихъ видѣлъ — это несомнѣнно; онъ ихъ знаетъ давно... Въ моменты величайшаго торжества его жизни, во время торжественныхъ служеній въ Архангельскомъ и Успенскомъ соборахъ, на большихъ царскихъ выходахъ, во время крестныхъ ходовъ, во время іорданскаго водосвятія, наконецъ, въ недѣлю вай, когда онъ, бывало, сопровождаемый всею Москвою, шествовалъ на жребяти ослѣ, вѣдомомъ царскою рукою, — *эти* глаза — онъ помнитъ это — постоянно смотрѣли на него изъ толпы, и если даже онъ не видѣлъ ихъ, не смотрѣлъ въ ту сторону, то все-таки невольно чувствовалъ, что *эти* глаза смотрѣли на него, слѣдили за нимъ. Чьи это были глаза—онъ не зналъ и не могъ узнать, потому что они такъ же неожиданно исчезали въ толпѣ, какъ неожиданно и появлялись среди тысячъ другихъ глазъ и головъ, обращенныхъ къ нему... Онъ и тогда, въ годы своего могущества и славы, думалъ, что это—глаза его ангела-хранителя, и подчасъ трепеталъ ихъ и любилъ въ то же время... Потомъ онъ долго, очень долго не видалъ этихъ глазъ: лѣтъ девять они ему не показывались, съ того самаго момента, какъ онъ сошелъ съ патріаршества и удалился въ Воскресенскій монастырь. И онъ думалъ уже, что ангелъ-хранитель покинулъ его, отошелъ, и онъ все ждалъ, что вотъ-вотъ какъ его опять призовутъ всею Москвою на патріаршій престолъ, умолятъ его слезами и колѣнопреклоненіемъ, когда и царь всенародно покается предъ нимъ въ обидѣ и огорченіи,—эти глаза опять явятся ему... И вдругъ они явились теперь! Они явились въ моментъ самаго глубокаго его уничиженія, въ моментъ позорнаго изверженія его изъ сонма святителей церкви, они явились ему, поруганному и оплеванному, ему, выведенному изъ преторіи Пилата на всенародное позорище!.. Они явились подкрѣпить его... Онъ снова глянулъ туда, гдѣ явились плачущіе глаза ангела; но плачущихъ глазъ уже не было тамъ: онъ увидѣлъ только спину высокой черницы, которая припала лицемъ къ ладонямъ и плакала... видно было какъ отъ рыданій тряслись ея плечи...

И его голова еще болѣе заходила ходенемъ: „нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ", тряслась она—„нѣтъ, нѣтъ"...

Въ этотъ моментъ онъ увидѣлъ нѣсколькихъ вооруженныхъ стрѣльцовъ, которые вели въ Кремль какого-то человѣка. По наружности и одѣянію его сразу можно было признать за грека. Онъ былъ мертвенно блѣденъ и съ ужасомъ оглядывался по сторонамъ. Увидавъ Никона, онъ невольно остановился и растерянно взглянулъ ему въ глаза... „Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ", казалось отвѣчала на это трясущаяся голова Никона... Грекъ мо-

ментально вынулъ что-то изъ подъ полы. Блеснулъ длинный ножъ въ воздухѣ.

— За тебя умираю, великій патріархъ!—застоналъ онъ, и не успѣли стрѣльцы кинуться къ нему, какъ онъ всадилъ ножъ себѣ въ сердце по самую рукоятку, захрипѣлъ и упалъ навзничь съ торчающею изъ бока рокояткою ножа, раскинувъ широко руки, на которыхъ трепетали корчившіеся въ судорогахъ пальцы.

— Батюшки!—послышалось въ толпѣ:—зарѣзался! за Никона зарѣзался грекъ!

„Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ", съ ужасомъ тряслась голова Никона, какъ-бы отрицая обвиненіе толпы!—„нѣтъ!.. нѣтъ"!

XIV.

Аввакумъ передъ вселенскими патріархами.

На слѣдующій день Москвѣ опять предстояло тѣшиться зрѣлищемъ. Зрѣлища идутъ непрерывно одно за другимъ съ самаго лѣта. Въ сентябрѣ прошлаго года Москва встрѣчала гетмана Брюховецкаго, глазѣла на невиданныхъ хохлатыхъ черкасъ, на ихъ рогатыхъ воловъ, украшенныхъ лентами, и потомъ, до самой весны почти, москвичи видѣли этихъ усатыхъ хохловъ почти каждый день, бѣгали глядѣть на нихъ какъ на медвѣдей, иногда укали на нихъ, какъ на звѣрей, не со злости, а добродушно, любя и тѣшась по-московски. А тамъ встрѣчали вселенскихъ патріарховъ, что пріѣхали изъ самой турской земли, народъ все черномазъ, волосатъ и зѣло свирѣпъ, съ вотъ этакими глазищами и вотъ этакими бѣлыми бѣльмами:—все греки да арапы изъ самой Арапіи,—и молодцы изъ Охотнаго да Обжорнаго рядовъ опять бѣгали за ними словно весной за Ярилой, да улюлюкали отъ радости словно на волковъ. А тутъ привезли Никона—и за нимъ бѣгали, несмотря даже на то, что бояре велѣли сломать мостъ у Никольскихъ воротъ, гдѣ остановился Никонъ, потому что у Никольскихъ воротъ не было ни проходу, ни проѣзду отъ сѣрыхъ чапановъ, нагольныхъ тулуповъ, да однорядокъ.

А тутъ новыя зрѣлища: „двуперстниковъ" да „сугубоаллилуйцевъ" стали возить въ Чудовъ изъ разныхъ монастырей, да острогова. Есть на что поглядѣть! Одни юродивые какихъ колѣнъ не выкидываютъ Христаради во время этихъ процессій! Одинъ Ѳедя Божій человѣкъ чего стоитъ! А Аѳанасьюшко слезоточивый и слезонеизсякаемый кладезь божественный?!

Сегодня прошелъ слухъ, что Аввакума протопопа, великаго учителя вѣры, повезутъ на соборъ вселенскихъ патріарховъ. Москва заволновалась. Съ утра народъ валилъ къ Кремлю: и молодцы рядскіе, и черная сошка, и посадскіе малые людишки, и почтенные бородачи гостиной статьи, любившіе потолковать о двуперстномъ и иномъ, богомерзкомъ, сложеніи, и о треклятой „трегубой аллилуіи" и о „хожденіи посолонь", и о „метаніи

поклоновъ“, именно все о такихъ высокихъ предметахъ, на которыхъ міръ стоитъ, —все это толкалось и гудѣло по Красной да по Соборной кремлевской площадямъ.—„Осрамитъ ихъ Аввакумушко-свѣтъ—осрамитъ всѣхъ“! слышались голоса.—„Гдѣ не осрамить!—осрамитъ!—Куда имъ, арапамъ, этакую святость-то понять—аллилую-ту нашу матушку, либо персты-тѣ!—Въ единомъ, чу, перстѣ спасенье, въ двухъ перстахъ, чу, этому спасенью и смѣты нѣту, а въ трехъ, чу, перстахъ—пагуба, адъ кромѣшной“.—„Что и говорить!.. а хуть бы насчетъ этого самаго *аза*, что они еретики, у Христа отняли! И какъ ихъ громомъ не убило! Шутка ли! сказано: „Сына Божія, рожденна, *а* не сотворенна“; а они, злодѣи, этотъ *азъ*-отъ у Христа украли: говорятъ, рожденна, не сотворенна“... А? не злодѣй ли!—„Братцы“! слышится межъ молодцами изъ рядовъ:—„Христа обокрали“!—„Что ты“!—„Пра! *азъ* у ево украли“!—„Батюшки! гдѣ украли? али церковь подломали“?—„Подломали—у Спаса на Куличкахъ“...

— Везутъ! везутъ!—закричали дальнѣйшія группы.

Рядскіе молодцы, забывъ свой испугъ насчетъ того, что, какъ вотъ сейчасъ сказывали сами хозяева, старые купцы—что Христа-де обокралъ кто-то, *азъ* у ево, Батюшки, злодѣи уворовали, а что это за *азъ* такой, молодцы не знали—не то риза золота, не то вѣнчикъ съ камнями самоцвѣтными, какъ вонъ на Иверской Матушкѣ, — молодцы, забывъ про этотъ невѣдомый *азъ*, со всѣхъ ногъ метнулись туда, гдѣ кричали: „везутъ! везутъ“!

Дѣйствительно, изъ-за головъ толпы показалась дуга, перевитая кумачнымъ поясомъ, а въ просвѣтъ подъ дугой, выше лошадиной головы, проглядывала сѣдая человѣческая голова, не покрытая шапкой, постоянно кланявшаяся направо и налѣво. Это везли Аввакума. Онъ ѣхалъ стоя въ саняхъ, опираясь лѣвою рукою на плечо стрѣльца, сидѣвшаго за кучера, а правую поднявъ высоко надъ головою съ вытянутыми указательнымъ и середнимъ пальцами. Вокругъ саней, запряженныхъ въ одну лошадь, шли стрѣльцы съ ружьями и съ испугомъ и благоговѣніемъ смотрѣли на конвоируемаго ими арестанта. Лицо Аввакума дышало фанатическою энергіею. Сѣдые, остриженные подъ чубъ волосы, стоявшіе стойма, казалось, кричали вмѣстѣ съ широко-раскрытымъ ртомъ, изъ котораго въ морозный воздухъ вмѣстѣ съ выкрикиваньями вылеталъ паръ клубами. Неровно выстриженная сѣдая борода дѣлала это странное лицо еще болѣе изувѣрскимъ.

— Православные! — слышалась издали неистовая проповѣдь фанатика:—не покоряйтеся троеперстному сложенію!.. троеперстное сложеніе—еретицкое: его выдумали хохлы съ турскими наемниками, да арапами!.. Троеперстное сложеніе — антихристова печать, геенна огненная, огнь негасимый, плачъ и скрежетъ зубомъ!.. Креститеся вотъ какъ, православные! вотъ какъ—истово.

И рука съ двумя вытянутыми пальцами поднималась еще выше и торчала въ воздухѣ, какъ знамя. Въ толпѣ также поднимались и размахи-

вались руки съ протянутыми двумя пальцами и ожесточенно колотили по лбамъ, животамъ и по плечамъ гостиныхъ людей и рядскихъ молодцовъ. Головы также неистово встряхивались, и ропотъ одобренія и благоговѣнія все болѣе и болѣе усиливался. Всѣ толпились взглянуть на великое свѣтило старой, истинной вѣры.

Когда толпа нѣсколько пораздвинулась по мѣрѣ движенія саней, то впереди показалась фигура пляшущаго мужика. Безъ шапки съ полусѣдою всклоченною головой, съ растрепанною бородой съ просѣдью, въ одной, длинной, какъ у татарина, синей канифасной рубахѣ, безъ пояса, безъ штановъ—мужикъ босыми ногами мялъ снѣгъ, выплясывая по замерзлой землѣ. Несмотря на морозъ и на не по сезону легкій костюмъ пляшущаго, съ лица его катился потъ градомъ. Лицо это выражало смѣсь дикости и наивнаго добродушія.

— Веселыми ногами... скакаша, играша... людіи Божіи святіи!—приговаривалъ пляшущій.—Веселись, православные! нонѣ у насъ праздникъ—свадьба — веселіе! Аввакумушко, свѣтикъ нашъ, нонѣ вѣнчается! Беретъ онъ себѣ невѣсту прекрасную, жену богатую, свѣтъ-матушку Аллилуію Сугубую... А вѣнецъ - отъ онъ беретъ краше вѣнца царскаго — вѣнецъ мученическій... Веселись, православные!.. Веселыми ногами скакаша, играша... Эхъ, ну!

— Господи! ишь его, какъ веселится Ѳедя-божій человѣкъ...

— Святая душа — и морозъ его не беретъ: безъ портовъ и босикомъ радуется.

— Ѳедя - божій человѣкъ! а Ѳедя, обращается къ пляшущему купчина:—ты что безъ портокъ?

— Такъ надоть!—отвѣчалъ юродивый, дико глядя на купчину:—Христосъ безъ портокъ ходилъ...

— Ай-ай-ай! ну, и отрѣзалъ же!—дивились гостиные люди:—оно и точно: Христосъ штановъ не носилъ, какъ малыя дѣти, ангелы невинные, такъ и они, святые люди... Ну!

А Аввакумъ, медленно двигаясь на своихъ дровняхъ, какъ на тріумфаторской колесницѣ продолжалъ выкрикивать благимъ матомъ: „Вотъ такъ крестись, православный народъ, вотъ такъ. А еретикамъ не покоряйся, аллилуію не трегубь! Деонисій Ареопагитъ говоритъ: со ангелы славословимъ тако: „аллилуія, аллилуя, слава тебѣ, Боже!“ А не трегубо лаемъ, что псы по римскому распутству... Не покоряйся еретикамъ!“

Народъ и испуганно, и благоговѣйно смотрѣлъ на фанатика. А юродивый продолжалъ отплясывать, отъ скоковъ и круженья переходя въ присядку.

— Што ты, гдѣ ты! што ты, гдѣ ты! Не обуты, не одѣты!

Вдругъ онъ остановился, закрылъ лицо руками и заплакалъ.

— О-о-о! спаси и помилуй, Господи, великаго государя царя и великаго князя Лексѣй Михайлыча всея Руссіи! О! спаси его отъ троеперстнаго сложенія, помилуй его отъ трегубой аллилуи! о-о!—причиталъ онъ жалобно.

— Спаси, Господи, раба своего, великаго государя, и отврати лице его отъ погибельной пестрозвѣринной ереси Никонишки окаяннаго, сатанина внука!—возглашалъ съ своей стороны и Аввакумъ.—Молитесь, православные, за великаго государя!

Въ это время впереди послышался звонъ цѣпей визгъ по снѣгу полозьевъ. Показались вершники на коняхъ и въ высокихъ шапкахъ. На морозномъ солнцѣ блеснулъ высокій, чистый какъ зеркало кузовъ кареты. Солнце заиграло на позолотѣ кареты, на стеклахъ и на серебрѣ лошадиной сбруи.

— Боярыня Морозова ѣдетъ во дворецъ,—послышалось въ толпѣ.

Морозова ѣхала съ обыкновенною своею пышностью, шестеркою богатыхъ коней, окруженная сотнею челяди. У оконъ кареты, на боковыхъ крыльяхъ, стояло по юродивому. Въ рукахъ у нихъ были мѣшки съ деньгами, которыя они тутъ же и раздавали народу.

Поровнявшись съ санями Аввакума, карета Морозовой остановилась, шибко зазвенѣвъ цѣпями, которыми украшена была богатая наборная упряжь изъ кованаго серебра. Остановились и сани. Изъ окна кареты, изъ-за уголка приподнятой зеленой тафты, выглянуло хорошенькое личико боярыни.

— Здраствуй, матушка Ѳедосья Прокопьевна, дочушка моя духовная!—закричалъ протопопъ. — Вѣнчаться ѣду во дворецъ, благослови жениха, свѣтикъ мой, будь посаженой матерью.

Онъ хотѣлъ было вылѣзть изъ саней, чтобы подойти къ окну кареты, но стрѣльцы не пустили его.

— Нельзя, святой отецъ, не приказано,—почтительно останавливали его.

— Ну, ладно, дѣтушки, Богъ съ вами: вы подъ началомъ ходите, творите волю пославшаго васъ,—сказалъ Аввакумъ покорно.—Эй, Ѳедюшка, подь сюда!—крикнулъ онъ юродивому.

Юродивый подбѣжалъ къ санямъ.

— Давай пригоршню.

Юродивый подставилъ пригоршню. Аввакумъ перекрестилъ ее: „во имя Отца и Сына... неси боярынѣ“...

Юродивый крѣпко сжалъ пригоршню, какъ бы боясь упустить что-либо, точно тамъ у него сидѣлъ воробей.

— Не просыплю, не просыплю благодать Божію,—бормоталъ онъ, и понесъ сжатую пригоршню къ каретѣ Морозовой.

Та подняла окно. Пригоршня юродиваго всунулась въ карету, разжалась тамъ, и жаркія, влажныя губы молоденькой боярышни поцѣловали карявыя ладони юродиваго, отъ которыхъ несло навозомъ.

Народъ, рядскіе молодцы и почтенное купечество дивовались и умилялись, разинувъ рты и помавая головами, созерцая такое святое дѣло.

Сани двинулись дальше, къ Кремлю. Карета послѣдовала за ними.

Въ Кремлѣ у дворцовыхъ воротъ, сани остановились. Навстрѣчу имъ вышелъ стрѣлецкій полуголова и принялъ Аввакума изъ саней. Онъ былъ

въ томъ же одѣяніи, въ какомъ мы въ послѣдній разъ видали его въ монастырской кельѣ, въ заточеніи. На прощанье юродивый поцѣловалъ его въ руку и какъ-то пытливо глянулъ ему въ глаза, которые попрежнему свѣтились энергіею.

— Мотри же, женишокъ! крѣпко люби свою невѣсту. Аллилуію-свѣтъ Сугубовну... А вѣнецъ-отъ будетъ у-у какой! Лучше царсково...

— Добро... только покажи мнѣ вѣнецъ-отъ, я за нимъ на край свѣта потопчусь!

Полуголова и стрѣльцы повели его къ столовой избѣ. Соборъ былъ уже на мѣстѣ. Патріархи возсѣдали на своихъ сидѣньяхъ рядомъ съ царемъ, а царь высился и блисталъ золотомъ, камнями и золотнымъ платьемъ на своемъ государевомъ мѣстѣ. Въ ласковыхъ глазахъ его блеснуло что-то въ родѣ слезы и жалости, когда онъ увидѣлъ худого, оборваннаго и обезображеннаго стрижкой Аввакума, смѣло переступившаго порогъ избы, гдѣ собрался соборъ. На лицахъ патріарховъ и прочихъ грековъ выразилось глубокое изумленіе. Бояре также смотрѣли ласково и жалостливо; только архіереи глядѣли хмуро и непривѣтливо.

Вступивъ въ палату, Аввакумъ прежде всего глянулъ въ передній уголъ. Увидавъ тамъ нѣсколько образовъ новаго письма и шестиконечный крестъ, онъ сурово отвернулся и, глядя на потолокъ, трижды перекрестился истово, двуперстно, широко, отъ упрямаго лба до самаго подбрюшія. Потомъ, повернувшись къ царю, три раза поклонился ему до земли. Ни патріарховъ, ни весь остальной соборъ онъ не удостоилъ даже кивкомъ.

— Аввакумъ! поклонись святѣйшимъ вселенскимъ патріархамъ!— ласково сказалъ царь.

Аввакумъ глянулъ на царя и, замѣтивъ доброе выраженіе его глазъ, отвѣчалъ:

— По слову и указу великаго государя земно кланяюсь,—и поклонился до земли.

— Поклонись и всему освященному вселенскому собору,—снова сказалъ царь.

— По указу великаго государя кланяюсь,—опять отвѣчалъ упрямецъ, и поклонился на обѣ стороны въ поясъ.

Настала тишина. Дьякъ Алмазъ Ивановъ, по обыкновенію, шуршалъ бумагою, нагибая свое пергаментное лицо то къ той, то къ другой харатьѣ. Макарій антіохійскій перенесъ свои бѣлки на Аввакума.

— Аввакумъ! — громко сказалъ онъ:—покоряешься ли послѣднему помѣстному московскому соборному рѣшенію о новоисправленныхъ книгахъ?

— Не покоряюсь!—рѣзко отвѣчалъ Аввакумъ.

— А тѣ исправленія истинныя: для чего не покоряешься?

— Истинныя! — крикнулъ фанатикъ, и глаза его метнули искры.— Въ томъ ли истина, что Никонъ все перемѣнилъ? И крестъ на церкви и

на просфорахъ перемѣнилъ—въ латынскій крыжъ обратилъ... И внутри олтаря молитвы іерусалимскія откинули, и октеніи перемѣнили, въ октеніи ни вѣсть чего напихали, и въ крещеніи духу лукавому молиться велятъ: „да не снидетъ-де со крещающимся, молимся тебѣ, Господи, духъ лукавый“... А я духу лукавому въ глаза плюю... И около купели противъ солнца, а не посолонь лукавый ихъ водитъ, и церкви ставятъ противъ солнца и при вѣнчаніи противъ солнца же водятъ—это ли истина?! А въ крещеніи не отрицаются сатаны: дѣти они его, что ли, коли сатаны не отрицаются? Али это истина!

— Да этого въ новыхъ книгахъ нѣтъ, что ты плетешь,—вмѣшался Питиримъ, тотъ, что и Никона злилъ.

— Плетешь ты, а не я!—пуще прежняго крикнулъ фанатикъ:—Никонишко, адовъ песъ, наблёвалъ, а вы блевотину его ѣдите... щепотью креститесь...

Макарій остановилъ его горячность.

— Постой, Аввакумъ,—сказалъ онъ:—ты это не истинно говоришь: вся наша Палестина, и серби, и албансы, и волохи, и римляне, и ляхи—всѣ тремя персты крестятся; одинъ ты стоишь на своемъ упорствѣ и крестишься двѣма персты. Такъ не подобаетъ.

Аввакумъ услыхавъ, что патріархъ его не задираетъ, какъ задралъ-было, Питиримъ, нѣсколько успокоился. Взглянувъ на царя, онъ увидалъ, что тотъ смотритъ на него ласково попрежнему. Паисій тоже поглядывалъ на него съ старческимъ добродушіемъ—это охладило фанатика.

— Вселенстіи учителіе!—началъ онъ спокойнѣе:—Римъ давно упалъ и лежитъ невосклонно и ляхи съ нимъ же погибли. До конца враги быша христіаномъ, на черкесахъ-казакахъ что на волахъ ѣздили, церкви Божіи жидамъ на аренду отдали—оле проклятаго лядскаго безумія!... И у васъ, въ Турской землѣ и въ Палестинѣ и въ Египтѣ—православіе пестро: отъ насилія турскаго Магмета немощни есте стали... А вы сами впередъ пріѣзжайте-ка къ намъ на Москву учиться: у насъ Божіею благодатіею самодержавство (и онъ взглянулъ на Алексѣя Михайловича—тотъ ему милостиво улыбнулся)—никакого Магметки мы не боимся—плевать на него и на римскаго папежа!... У насъ на Руси, до Никона отступника, у благочестивыхъ князей и царей православіе было чисто и непорочно, аки дѣвство, и церковь не мятежна и не растлена. Никонъ, волкъ, съ братомъ своимъ Фармагѣемъ бѣсомъ и съ отцомъ своимъ, Люциферомъ и съ дѣдомъ сатаною велѣли тремя персты креститься, а первые наши пастыри крестились двѣма персты, московскіе святители такъ-же, и казанскіе Гуріе и Варсонофіе—всѣ молились двѣма персты.

Онъ остановился, чтобы перевести духъ. На нѣкоторыхъ изъ старыхъ бояръ, видимо, подѣйствовали его слова: вѣдь всѣ они воспитались на двуперстіи, всѣхъ ихъ манила старина, и Аввакумъ чувствовалъ, что за плечами его стоятъ милліонныя рати, начиная отъ князей и бояръ и кончая послѣднимъ смердомъ, у котораго и вѣра-то вся въ двухъ пальцахъ.

Этимъ перерывомъ воспользовался Питиримъ.

— Что ты о святителяхъ плетешь?—сказалъ онъ презрительно:— они и съ двуперстіемъ, и съ троеперстіемъ были бы святы... Только они были люди не ученые, грамотѣ не умѣли...

Аввакума опять взорвало.

— Ты вотъ ученъ—грамотникъ!—огрызнулся онъ.—Кочергой тебя бабы учили...

— Они греческаго языка не разумѣли, какъ и ты, мужикъ...

— Ты, баба, много разумѣешь по-эллински; развѣ сморкаться только тремя персты... Мнѣ съ тобой и говорить-то зазорно.

Онъ было - повернулся, чтобы уйти, но остановился, замѣтивъ, что архіереи смотрѣли на него съ нескрываемымъ презрѣніемъ.

— Чистъ азъ есмь! — крикнулъ все болѣе и болѣе раздражавшійся фанатикъ, котораго самолюбіе шибко было задѣто:—и чистымъ ухожу, и прахъ отъ ногъ своихъ отрясаю, по писанному: „лучше единъ творяй волю Божію, нежели тьмы беззаконныхъ“... А вы всѣ беззаконники!

Архіереи возмутились этими послѣдними словами. Многіе вскочили съ мѣстъ. Приставъ подвинулся къ упрямцу, чтобъ остановить его.

— Возьми! возьми его!—забывшись, закричали нѣкоторые:—онъ всѣхъ насъ обезчестилъ.

Приставъ схватилъ его за руку. Питиримъ и Илларіонъ приблизились къ нему съ угрожающими жестами.

— Постойте! не бейте!—закричалъ фанатикъ:—апостолъ Павелъ пишетъ: „таковъ намъ подобаше архіерей—преподобенъ, незлобивъ“... А вы, убивше человѣка, какъ литургисать станете?

Это напоминаніе заставило опомниться взволнованныхъ архіереевъ. Они сѣли. Аввакумъ стоялъ посреди собора и тяжело дышалъ. Капли пота катились по его лицу. Ноги его, видимо, дрожали: тутъ сказывалось и душевное волненіе, и слѣды многолѣтнихъ ссылокъ, тюремной истомы и голода, надломившихъ эту желѣзную натуру.

Оглянувшись затѣмъ кругомъ и не видя на чемъ бы ему можно было сѣсть, онъ попятился къ дверямъ и повалился на бокъ.

— Посидите вы, а я полежу—по апостольски,—сказалъ онъ задорно.

Бояре засмѣялись.

— Дуракъ, мужланъ—и святѣйшихъ патріарховъ не почитаетъ, и великаго государя срамитъ,—замѣтилъ Питиримъ.

— Вы великаго государя срамите на весь міръ, а не мы,—огрызался, лежа, упрямецъ:—мы уроди Христа-ради, а вы славни яко солнце въ лужѣ: вы въ чести и виссонѣ, мы же безчестни и въ сермягѣ; вы сильни стрѣльцами, мы же немощны со Христомъ, да сугубою аллилуею.

— Для чего сугубая, а не тригубая, яко подобаетъ святой Троицѣ?— спросилъ Макарій.

— Для чего? Али вы забыли Діонисія Ареопагита? У него прямо сказано, какъ славословятъ Господа небесныя силы: по алфавиту, глаголетъ—

едино *аль* Отцу, другое *аль* Сыну, третье *аль* Духу Святому... До Василія Великаго въ церкви пѣли тако ангельское славословіе: „аллилуія, аллилуія, аллилуія!“ А Василій велѣлъ пѣть двѣ ангельскія славы, а третью человѣческую, сице: „аллилуія, аллилуія, слава тебѣ Боже“! Мерзко Богу трегубое аллилуія...

Со скамьи среди монаховъ и архіереевъ поднялся высокій черный клобукъ съ нѣсколько семитическимъ типомъ лица и приблизился къ Аввакуму. Въ рукахъ онъ держалъ книгу въ бѣломъ, пожелтѣвшемъ отъ времени переплетѣ. Это былъ знакомый уже намъ ученый украинецъ, Симеонъ Полоцкій, учитель маленькой царевны Софьи Алексѣевны.

— Вотъ древній харатейный служебникъ, — сказалъ онъ, раскрывая книгу и поднося ее къ лицу Аввакума:—тутъ аллилуія поется трижды.

— Что ты мнѣ тычешь въ глаза свою хохлацкую книгу!—вскинулся на него фанатикъ: — мало ли какъ у васъ, у хохловъ, поютъ, да. намъ, московскимъ людямъ, ваше хохлацкое пѣнье не указъ... Охочи вы, хохлы, соваться не въ свое дѣло: сидѣли бы у себя дома, а у насъ бы не мутили вѣрой... Отъ васъ, отъ каждаго, крыжомъ папежскимъ воняетъ...

— Не говори такъ, Аввакумъ, — спокойно замѣтилъ Полоцкій. — А наши кіевскіе печерскіе угодники?

— То не ваши, а наши...

Симеонъ Полоцкій пожалъ плечами и возвратился на свое мѣсто.

— То-то ловки вы! — продолжалъ Аввакумъ.—И какъ васъ великій государь терпитъ? Послѣ самъ увидитъ царское величество, что пустилъ козловъ въ россійскій вертоградъ, да будетъ ужъ позно... Вонъ и нонѣ пресвѣтлую царевну Софью Алексѣевну разнымъ планидамъ „да кентрамъ“ научаютъ замѣстъ перстнаго сложенія, и Богъ вѣсть, что изъ царевны выйдетъ...

Въ столовую избу, тихо, чуть слышно ступая мягкими козловыми сапогами, вошелъ низенькій, лысый, съ большою сѣдою бородою бояринъ. Онъ прежде всего перекрестился въ передній уголъ, и Аввакумъ, зорко слѣдившій за его рукою, замѣтилъ, что пришедшій бояринъ крестился двуперстно—глаза у Аввакума блеснули,—потомъ бояринъ низко поклонился царю, патріархамъ и всему собору.

— Ты что, Прокопій?—тревожно спросилъ его царь.

— Отъ великой государыни царицы и великой княгини Марьи Ильиниишны съ грамотой къ вашему царскому пресвѣтлому величеству,—почтительно отвѣчалъ съ присвистомъ беззубый бояринъ.

— Подай.

Бояринъ прошуршалъ козловыми сапогами, снова поклонился и подалъ царю свиточекъ, перевязанный голубою ленточкой. Царь развернулъ свиточекъ, пробѣжалъ его, щурясь и улыбаясь, раза два, поглядѣлъ на Аввакума, снова улыбнулся и спряталъ свиточекъ въ карманъ.

— Охъ, ужъ эти бабы,—тихо, продолжая улыбаться, прошепталъ онъ про себя, а потомъ, обращаясь къ старому боярину, громко сказалъ: —

хорошо, Прокопій, ступай: доложи царицѣ, что великій-де государь милостивъ...

Бояринъ, шурша мягкимъ козломъ, вышелъ. Царь, окинувъ собраніе привѣтливымъ взоромъ, остановился на Аввакумѣ.

— Аввакумъ!—сказалъ онъ съ едва замѣтною улыбкой.

Аввакумъ вскочилъ съ полу и быстро приблизился къ царю.

— Что изволитъ приказать великій государь рабу своему?

— Вотъ что, Аввакумъ: ты нонѣ недомогаешь, я вижу... Поди отдохни, да подумай о томъ, что тебѣ нонѣ святѣйшіе патріархи сказывали, а послѣ поговоримъ... А то и мнѣ нонѣ недосугъ за государскими дѣлами...

— Что мнѣ, великій государь, думать?—смиренно отвѣчалъ онъ: — шестьдесятъ лѣтъ думаю объ одномъ: о вѣнцѣ мученическомъ... За нимъ пришелъ сюда и безъ него не уйду.

По лицу царя пробѣжала тѣнь. Онъ строго посмотрѣлъ на упрямца.

— Я не Діоклетіанъ,—сказалъ онъ недовольнымъ голосомъ.

— И я не Юліанъ отступникъ: не отступлюсь отъ двуперстія,—отвѣчалъ фанатикъ.

— Добро... Ино ступай пока...

— Не уйду, пока вѣнца не дашь!

Добрые глаза царя сверкнули. Онъ глянулъ на бояръ.

— Уведите его!

Бояре кинулись къ Аввакуму. Тотъ не давался. Его взяли подъ руки и увели силою.

— Вѣнца хочу! вѣнецъ дайте!—доносился изъ сѣней голосъ фанатика.

Конецъ первой части.

Дозв. ценз. С.-Пб., 1 ноября 1901 г. Тип. „В. С. Балашевъ и К°“